ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 6, 2022

Nauchnyi Dialog

Volume 11, Issue 6, 2022

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 11, выпуск 6, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание
География авторов выпуска	Будапешт (Венгрия) Владикавказ Волгоград Екатеринбург Кемерово Киров Краснодар Москва Мытищи Нижний Новгород Новосибирск Омск Пенза Пермь Печ (Венгрия) Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Симферополь Тюмень Улан-Удэ Хух-Хото (Китай) Челябинск Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	88 %

Дата выхода в свет 30.08.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 6, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика
Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Иванов А. В. На свете нет запутанней поэмы, чем повесть об истории фонемы 9

Киндеркнехт А. С., Колада В. В. Термин медиация в современных научных исследованиях по переводу 30

Лаппо М. А., Пожгаи И. Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр» 50

Лебедева О. А., Смирнова Е. Е. Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке 70

Михеева Н. Ф., Попова Е. А., Игнашина З. Н. Межвариантные языковые явления в семантическом поле «Выпечка» (на материале национальных вариантов испанского языка) 89

Никитин О. В. С. И. Ожегов : «Пишу Вам на машинке…» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов) 106

Рябцева Н. К. Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте 123

Семенова Н. В., Полежаева Ж. Ю. «Кто светел, тот и свят» : ситуация светообозначения в акафистах русским святым 140

Цыбенова Ч. С., Жалсанова В. Г. Русский язык в повседневном дискурсе монголов (данные экспертного опроса) 158

Медиакоммуникации и журналистика

Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте 183

Ли Сяогэ. Сложносокращённые китайские слова эпохи коронавируса со структурно-семантическим компонентом ‘в облачном формате’ 202

Манукян Я. А., Трофимова Н. А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора 218

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения 235

Литературоведение. Фольклористика

Борисов Ю. П. Реконструкция текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» олонхосута И. М. Жендринского 269

Данилова Н. К. «Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского 288

Егорова К. Б. «Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской» : перевод и издание произведения Августа Коцебу в Российской империи 302

Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Переводческие принципы Вадима Шершеневича и их реализация в переводах драматургии Уильяма Шекспира: «Король Джон» и «Цимбелин» 315

Уртминцева М. Г., Скачкова В. Н. Закадровый текст в документальном кинодискурсе 334

Исторические науки

Буслаев Г. Н., Райнхардт Р. О. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах : энергетический аспект 351

Евдокимов Я. С., Наухацкий В. В. Трансформация модели отношений органов власти и СМИ Ростовской области в 1985—1991 годах 372

Казиев Э. В. Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания 391

Колегов С. С. События Прутского похода по донесениям английского дипломата Чарльза Витворта статс-секретарю С. Джону 412

Костецкая Е. В., Суслова Л. Н. Развитие образования в Сибири в первой четверти XVIII века 429

Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Молокова Е. Л. Состояние сельского хозяйства Среднего Урала в «застойное» десятилетие (1971—1980) : развитие или стагнация 454

Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989) 471

Праздников А. Г. Взаимоотношения лордов и джентри в Англии второй половины XV века в контексте концепции «бастардного феодализма» : просопографический анализ 488

Филимонов А. В. Провинциальное чиновничество Дальнего Востока и формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX веков 505

АВТОРАМ 531

CONTENTS 537

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Анна Сергеевна Киндеркнехт, канд. филол. наук (Пермь)
Валентина Гурожаповна Жалсанова, канд. социол. наук (Улан-Удэ)
Валерия Владимировна Колада, старший преподаватель (Пермь)
Евгения Андреевна Попова, канд. филол. наук (Москва)
Екатерина Евгеньевна Смирнова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Жанна Юрьевна Полежаева, канд. филол. наук (Кемерово)
Зоя Николаевна Игнашина, канд. филол. наук (Москва)
Иштван Пожгаи, PhD (Печ, Будапешт, Венгрия)
Марина Александровна Лаппо, д-р филол. наук (Новосибирск)
Надежда Константиновна Рябцева, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Владимировна Семёнова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Федоровна Михеева, д-р филол. наук (Москва)
Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Александровна Лебедева, канд. пед. наук (Нижний Новгород)
Чечек Сергеевна Цыбенова, канд. филол. наук (Улан-Удэ)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иванов А. В. На свете нет запутанней поэмы, чем повесть об истории фонемы / А. В. Иванов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 9—29. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-9-29.

Ivanov, A. V. (2022). For Never Was a Mazier Mystery Than That of Phoneme and Its History. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6- 9-29. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6- 9-29

На свете нет запутанней поэмы, чем повесть об истории фонемы

Иванов Андрей Владимирович
orcid.org/0000-0003-0031-5769
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель научно-
исследовательской лаборатории
«Фундаментальные и прикладные
лингвистические исследования»
aivan@lunn.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

For Never Was a Mazier Mystery Than That of Phoneme and Its History

Andrey V. Ivanov
orcid.org/0000-0003-0031-5769
PhD (advanced) in Philology, Professor,
Head of The International Scientific
Laboratory «Basic and Applied
Linguistic Research»
aivan@lunn.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Иванов А. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является изучение и систематизация этимологической, историко-лингвистической и историографической информации о терминах *фонема / phoneme / Phonem* с опорой на результаты анализа русских, английских и немецких теоретических и лексикографических источников, опубликованных в XIX—XX веках. В необходимых случаях привлекаются источники на французском языке. В исследовании применяются методы историко-лингвистического, историографического, дефиниционного, этимологического, семантического и лексикографического анализа. Установлено, что в древнегреческом языке, выступающем источником происхождения слова φώνημα, последнее использовалось в двух общих значениях: (1) ‘голос, звук’, (2) ‘слово, речь’. Во второй половине XIX века в новых европейских языках слово подверглось адаптации, последующему семантическому переосмыслению и обрело терминологический статус. Впервые термин *phonème* был использован французским лингвистом-любителем А. Дюфриш-Деженетом в 1861 году в обобщенном фонетическом значении ‘звук’. В фонологическом значении этот термин встречается у Ф. де Соссюра в 1879 году. В состав русской лингвистической терминологии термин *фонема* был введен в 1880 году Н. В. Крушевским и, начиная с 1881 года, широко применялся в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. М. Добровского и др. Первое употребление английского термина *phoneme* в значении ‘звук’, предположительно, следует отнести к 1914 году, а не к 1894 году, как об этом свидетельствуют английские лексикографические источники. В узкоспециализированном (фонологическом) значении термин закрепился в английской лингвистической терминологии уже в 1919 году, когда соответствующее словоупотребление зафиксировано в работе Г. Переры и Д. Джоунза. В словарном составе немецкого языка термин *Phonem* в значении ‘звук’ появился в 1855 году благодаря болгарскому философу П. Берону. В аналогичном значении искомый термин встречается в 1875 году у Э. Бёмера. В фонологическом значении немецкий термин *Phonem* встречается впервые в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1895 году.

Ключевые слова:
фонема; фонология; лингвистический термин; этимология; историография; лексикография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the research is to study and systematize etymological, historical-linguistic and historiographic information about the terms *fonema / phoneme / Phonem* based on the results of the analysis of Russian, English and German theoretical and lexicographic sources published in the 19th—20th centuries. Sources in French are used where necessary. The methods of historical-linguistic, historiographical, definitional, etymological, semantic and lexicographical analysis are used in the study. It has been established that in the ancient Greek language, which is the source of the origin of the word φώνημα, the latter was used in two general meanings: (1) ‘voice, sound’, (2) ‘word, speech’. In the second half of the 19th century, in the new European languages, the word underwent adaptation, subsequent semantic rethinking and acquired a terminological status. The term phonème was first used by the French amateur linguist A. Dufriche-Desgenettes in 1861 in the generalized phonetic meaning ‘sound’. In the phonological sense, this term is found by F. de Saussure in 1879. The term *fonema (phoneme)* was introduced into Russian linguistic terminology in 1880 by N. V. Krushevsky and, starting from 1881, was widely used in the works of I. A. Baudouin de Courtenay, V. M. Dobrovsky and others. The first use of the English term phoneme in the meaning of ‘sound’ should presumably be attributed to 1914, and not to 1894, as evidenced by English lexicographical sources. In a highly specialized (phonological) sense, the term was fixed in English linguistic terminology already in 1919, when the corresponding word usage was recorded in the work of G. Perera and D. Jones. In the vocabulary of the German language, the term Phonem in the meaning of ‘sound’ appeared in 1855 thanks to the Bulgarian philosopher P. Beron. In a similar sense, the desired term is found in 1875 by E. Boehmer. In its phonological meaning, the German term Phonem occurs for the first time in the works of I. A. Baudouin de Courtenay in 1895.

Key words:
phoneme; phonology; linguistic term; etymology; historiography; lexicography.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’344.2

На свете нет запутанней поэмы, чем повесть об истории фонемы

© Иванов А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Термины *phoneme* / *фонема* / *phoneme* / *Phonem* привлекли к себе внимание исследователей во второй половине XIX века, то есть практически сразу с момента появления их в научных трудах по фонетике и фонологии и вхождения в лингвистический обиход. Интерес к истории терминов, номинирующих понятие фонемы, начал формироваться в первой половине XX века. Ужé в 1934 году в «Le Maître Phonétique» была опубликована статья Дж. Р. Фёрта «The Word “Phoneme”», в которой автор осветил некоторые аспекты, связанные с возникновением этого термина [Firth, 1934]. В 1950 году вышла в свет работа Д. Джоунза «The phoneme: its nature and use» [Jones, 1950]. Упомянутый автор еще раз затронул интересующую нас тему в 1957 году, опубликовав в «Le Maître Phonétique» статью «The history and meaning of the term phoneme» [Jones, 1957]. Позднее к этому вопросу обращались в своих исследованиях Э. Кёрнер [Koerner, 1976], посвятивший статью «малоизвестному» французскому фонетисту-любителю Антуану Мари (Антони) Дюфриш-Деженету (Antoine Marie (Antoni) Dufriche-Desgenettes), который, как полагают, был первым, кто предложил употреблять транслитерированный средствами французского языка термин *phonème*, М. Корт [Kohrt, 1985], проследивший историю формирования понятийного содержания *phonème* как лингвистического термина, Й. Мугдан [Mugdan, 2011], описавший в «Historiographia Linguistica» увлекательную историю своих изысканий в парижских библиотеках, предпринятых с целью обнаружить документальные источники, проливающие свет на хронологию первого употребления термина *phonème*, и некоторые другие лингвисты.

Информация, содержащаяся в опубликованных работах, носит зачастую противоречивый и отрывочный характер, что и побудило автора обратиться к истории возникновения этой номинации и ее вхождения в русскую, английскую и немецкую терминологические системы, обслуживающие потребности фонетики и фонологии. Сопоставление точек зрения лингвистов на природу фонемы, интерпретация ее концептуального содержания с позиций различных фонологических школ или течений в лингвистике XX—XXI веков, равно как и анализ идей и концепций, предвосхитивших появление терминов *phonème* / *фонема* / *phoneme* / *Phonem*, входят

CC BY

в круг задач автора только в той части, которая представляется необходимой и достаточной для освещения историографии термина, поскольку к настоящему времени перечисленные выше аспекты детально изучены во множестве работ по фонетико-фонологической проблематике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования является систематизация этимологической и историографической информации о терминах *phonème* / *фонема* / *phoneme* / *Phonem* с опорой на русские, английские и немецкие научно-теоретические источники, в основном относящиеся к периоду середины XIX — середины XX веков, изучение опыта лексикографирования термина в словарях упомянутых языков. В целом было обследовано около 250 источников, далеко не все из которых содержали информацию, релевантную для целей данной статьи.

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, историографического, дефиниционного, этимологического, семантического и лексикографического анализа. Перечисленные виды анализа позволяют подробно осветить историю происхождения термина с учетом существующих по этому поводу разногласий среди лингвистов-этимологов, проследить эволюцию семантики термина в современных европейских языках, направленную от общего к частному, уточнить некоторые факты, связанные с первичным и последующими употреблениями термина в том или ином значении.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Термин *φώνημα* в историко-этимологическом аспекте

Слово *φώνημα* в древнегреческом языке выступает в двух основных значениях: 1) ‘голос, звук’; 2) ‘слово, речь’. В значении 1 встречается в «Схолиях» («Scholia in Aeschinem») Эсхила: «ὡς εὐμαθές μοι, κἂν ἄγνωστος ᾖς ὅμως, / φώνημ’ ἀκούω καὶ ξυναρπάζω φρενί» [TLG.5009.001]; позднее в трагедии «Аякс» у Софокла: «ὦ φθέγμ’ Ἀθάνας, φιλτάτης ἐμοὶ θεῶν, / ὡς εὐμαθές σου, κἂν ἄποπτος ᾖς ὅμως, / φώνημ’ ἀκούω καὶ ξυναρπάζω φρεὶ...» [TLG.0011.003.16] («Одиссей: Афины голос — из бессмертных всех / Любимейшей!.. Пусть ты незрима, — внятен / Мне голос твой; он отдается в сердце...» [Софокл, 1988, с. 279]); у него же в трагедии «Царь Эдип»: «ὁρῶ γὰρ οὐδὲ σοὶ τὸ σὸν φώνημ’ ἰὸν / πρὸς καιρόν· ὡς οὖν μηδ’ ἐγὼ ταὐτὸν πάθω» [TLG.0011.004.324] («Тиресий: Ты говоришь, да всё себе не впрок. / И чтоб со мной того же не случилось...» [Софокл, 1988, с. 42]); у него же в трагедии «Филоктет»: «τέκνον, τίνος φώνημα, μῶν Ὀδυσσέως, / ἐπῃσθόμην» [TLG.0011.006.1295] («Филоктет: Чей это го-

лос, сын? Не Одиссея ль / я слышу?» [Софокл, 1988, с. 389]). Позднее встречается у Плутарха. Софокл употребляет слово *φώνημα* и в значении 2 в трагедии «Филоктет»: «ὦ φίλτατον φώνημα·» [TLG.0011.006.234] («Филоктет: О, дорогая речь! Как сладко слышать...» [Софокл, 1988, с. 344]). Позднее оно встречается также у Лукиана. Здесь следует заметить, что русский перевод трагедий Софокла, выполненный С. Шервинским, представляет собой литературное переложение произведений античного автора. По этой причине приводимые из него цитаты, естественно, никак не могут претендовать на статус точного подстрочного перевода и не должны рассматриваться в таком качестве. Значения слова *φώνημα*, встречающегося в произведениях Софокла, даются с опорой на Мугдана (2011).

Слово *φώνημα* лексикографировано в словарях древнегреческого языка Х. Фриска [Frisk, 1960, II, с. 1059], И. Х. Дворецкого [Дворецкий, 1958, II, с. 1757] и Р. Бекеса [Beekes, 2010, II, с. 1601].

Относительно этимона *φωνή* (phōnḗ) в значениях ‘звук (речи)’, ‘голос’, ‘слово’, ‘речь’, от которого, как предполагает ряд исследователей, напрямую или опосредованно произошел дериват *φώνημα* (phṓnēma), у ученых существуют некоторые расхождения во мнениях. Большинство полагает, что слово *φώνημα* образовано не напрямую от *φωνή*, а от возникшего от него глагола *φωνέω* (phōnéō) ‘говорить’, ‘произносить’, ‘издавать звуки’. Так полагают Х. Фриск [Frisk, 1960, II, с. 1058—1059], Г. П. Цыганенко [Цыганенко, 1989, с. 460—461], составители словарей «Oxford Dictionary of English Etymology» [ODEE, 1966, с. 676], «The Shorter Oxford English Dictionary» [SOED, 1973, с. 1572] и др.

О происхождении *φώνημα* от существительного *φωνή* с использованием суффикса -ημα (-ēma) говорят составители словаря Брокгауза и Ефрона [БЕ, 1902, XXXVI, с. 239—240], П. Я. Черных [Черных, 1993, II, с. 320], Г. Ю. Багриновский [Багриновский, 2020, с. 992], Э. Клейн [Klein, 1971, с. 557], Э. Партридж [Partridge, 1978, с. 492], О. Бохуш [Bohusch, 1972, с. 170], Г. Вариг [Wahrig, 1989, с. 989], В. Пфайфер [EWD, 2014, с. 1005] и др., хотя, возможно, эти исследователи просто опускают промежуточный элемент (глагол *φωνέω*) в этимологической цепочке.

Бекес выявляет этимологическую связь *φωνή* с глаголом *φημί* (phēmí) ‘сказать’ с опорой на долготу корневого гласного, из чего следует, что все дериваты, образованные от *φωνή*, этимологически восходят к *φημί*; ср.: др.-норв. *bǿm,* др.-англ. *bēn* < протогерм. *boni- ‘вопрос’ [Beekes, 2010, II, с. 1601]. По мнению Фриска, *φωνή* восходит к ие. *gʰuǫnos- m., *gʰuǫnā и семантически связано с ц.-слав. *звонъ*, рус. *звон* [Frisk, 1960, II, с. 1059].

Рассуждая об этимологии исследуемого термина, следует иметь в виду, что он не изобретался специально фонетистами или терминологами для

CC BY

обозначения открытого ими лингвистического объекта. Как справедливо замечает Й. Мугдан [2011, с. 96], речь в данном случае идет об адаптации и семантическом переосмыслении в современных европейских языках древнегреческого слова *φώνημα*. Едва ли, как это предполагает Р. А. Миллер [Miller, 1980, с. 154], здесь можно говорить о неологизме применительно не только к французскому термину, но и к его английскому эквиваленту.

3.2. Термин *phonème* в историографическом аспекте

В 1963 году Р. О. Якобсон выступил в Софийском университете перед студентами и гостями V-го конгресса славистов с лекцией «О фонеме». В ней он коснулся истории термина, отметив, в частности, что «это один из интересных случаев в истории наук, когда идея, понятие, с одной стороны, и термин, с другой стороны, живут совершенно вначале независимой жизнью. Термин *фонема* был создан не для этого понятия» [Якобсон, 1989, с. 28]. В данном случае Якобсон имел в виду официально зафиксированный факт публичного выступления в 1873 году на заседании Société de linguistique de Paris одного из основателей этого общества Антони Дюфриш-Деженета (Antoni Dufriche-Desgenettes), в ходе которого тот предложил употреблять термин *phonème* в значении ‘звук языка’ в качестве более короткого и экономичного эквивалента применявшемуся в то время во французской лингвистике термину *son du langage*, который калькировал немецкий термин *Sprachlaut*. Предполагалось, что в этом значении *phonème* может быть противопоставлена звукам вообще вне зависимости от их деления на гласные и согласные.

Попытки найти опубликованный текст выступления Дюфриш-Деженета предпринимались нами неоднократно и были прекращены после того, как в статье Й. Мугдана обнаружился комментарий, свидетельствующий о том, что в архивах Société de Linguistique de Paris искомый текст не сохранился [Mugdan, 2011, с. 89]. Сам же Мугдан преуспел в поисках информации о более ранних случаях употребления термина *phonème*, установив, что Дюфриш-Деженет пользовался им еще в 1861 году в своем «Alphabet Unitaire» [там же, с. 92].

Точку зрения Мугдана на авторство термина в его французской версии разделяют Э. Кёрнер [Koerner, 1976], Р. А. Миллер [Miller, 1980, с. 154], М. Корт [Kohrt, 1985, с. 77], Ф. Клюге [Kluge, 2011, с. 703], С. Р. Андерсон [Anderson, 2015, с. 13], авторы-составители лексикона «Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe» [LSG, 2009, II, с. 1577] и др. Д. Джоунз с осторожностью предполагает, что в значении ‘звук речи’ первым использовал термин *phonème* в 1876 году Л. Авэ [Jones, 1950, с. VI]. Вполне определенно на этот счет высказывается П. Я. Черных [1993, II, с. 320]. С ними не согласен Р. О. Якобсон, который считает, что Авэ в своих работах 70-х годах XIX века

CC BY

только воспользовался термином Дюфриш-Деженета, но сделал это весьма корректно, то есть со ссылкой на последнего [Якобсон, 1989, с. 28].

Спустя шесть лет после первого публичного использования термина Дюфриш-Деженетом эту номинацию в значении ‘звук, который структурно отличается от других звуков’ использовал Ф. де Соссюр в своем «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», напр.: «...le perse a confondu des phonèmes différents à l’origine, et c’est là un des exemples les plus patents de la tendance générale des langues ariennes à la monotonie du vocalisme» [Saussure, 1879, с. 7] («...персидский смешал фонемы разного происхождения, и в этом мы видим один из наиболее ярких примеров общей тенденции арийских языков к монотонии в области вокализма» [Соссюр, 1977, с. 309]).

Н. С. Трубецкой полагал, что термин *phonème* был впервые предложен именно Соссюром [Kohrt, 1985, с. 77], однако это его представление было не совсем верным, если иметь в виду понятийное содержание терминологической номинации, а не ее саму, поскольку Соссюр не предложил в «Мемуаре...» однозначной дефиниции понятия фонемы [Williams, 1993, с. 49]. В. А. Звегинцев также утверждал, что «термин фонема был введен де Соссюром...» [История языкознания..., 1960, II, с. 51].

В силу того, что речь здесь идет о французском эквиваленте термина, наше любопытство ограничивается только знанием о том, когда термин, пусть даже и не в значении ‘минимальная смыслоразличительная единица звукового строя языка’, впервые вошел в научный обиход.

3.3. Термин *фонема* в историографическом аспекте

В русской фонетической терминологии термин *фонема* появился благодаря Н. В. Крушевскому, который в 1880 году, то есть приблизительно в то же время, что и Соссюр, в своих «Лингвистических заметках», опубликованных отдельным оттиском в журнале «Русский филологический вестник», писал: «Это слово [фонема] может быть с пользой употребляемо, как термин для означенія *фонетической единицы*; тогда как слово „звук” могло бы означать единицу в т. наз. физіологіи звука. Дѣло в том, что *фонетическая единица не всегда бывает отдѣльным звуком*...» [Крушевский, 1880, с. 4].

Несмотря на очевидное первенство Крушевского в русскоязычном употреблении термина *фонема*, хотя и в значении, отличном от того, которое вкладывали в него Дюфриш-Деженет и Соссюр, оно оспаривалось рядом исследователей. В частности, В. А. Дорошевский, говоря об авторстве термина, писал: «In initio erat verbum de Baudouin de Courtenay» [Doroszewski, 1931, с. 63] («В начале было слово Бодуэна де Куртенэ» (здесь и далее перевод наш за исключением случаев, когда перевод сопровождается

CC BY

ссылкой на опубликованный русскоязычный источник. — *А. И.*)), хотя это утверждение можно рассматривать в применении как к плану выражения, так и к плану содержания термина.

С. И. Бернштейн в 1937 году высказал свою точку зрения на роль Бодуэна де Куртенэ, сформулировавшего понятийное содержание термина *фонема*. Он справедливо полагал, что именно Бодуэна де Куртенэ выстроил систему фонем «как социально ценных звуковых величин, абстрагированных от комбинаторных модификаций и позволяющих свести многообразие звуков того или иного языка к относительно небольшому числу единств, спаянных тожеством смысловой функции» [Бернштейн, 1975, с. 51]. При этом Бернштейн, подобно Н. С. Трубецкому и В. А. Звегинцеву, авторство термина приписал де Соссюру, хотя и с оговоркой («может быть, и по праву») [Там же].

А. А. Реформатский отмечал, что «термин “фонема” Бодуэн взял у Соссюра, но вложил в него свой, особый смысл, — все это восходит к Бодуэну как к отцу и прародителю и фонемы, и фонологии... <...> именно Бодуэн “запустил” в лингвистический обиход понятие фонемы, ставшее необходимым в борьбе с позитивистским эмпиризмом и атомизмом младограмматиков и в утверждении языка как структуры и системы, что определило дальнейшее развитие лингвистики как науки» [Реформатский, 1970, с. 9]. Позицию Дорошевского и Реформатского разделяет П. Я. Черных и даже называет источник — статью Бодуэна де Куртенэ «Некоторые отделы “сравнительной грамматики” славянских языков», опубликованную в 1881 году [Черных, 1993, II, с. 320].

Этим утверждениям возражает сам Бодуэн де Куртенэ, который в 1895 году писал: «Der Vorschlag, den Namen Phonem, im Unterschiede von Laut, zu gebrauchen, rührt von Kruszewski her» («Предложение употреблять название “фонема” в отличие от “звука” исходит от Крушевского» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 270]), хотя и оговаривался при этом, что его взгляд на природу и сущность фонемы с течением времени менялся и ранее он понимал фонему как «diejenige Summe phonetischer Eigentümlichkeiten, welche bei den Vergleichungen, sei es im Bereiche einer und derselben Sprache, sei es im Bereiche mehrerer verwandten Sprachen, eine unteilbare Einheit darstellt» [Baudouin de Courtenay, 1895, с. 7] («[...я понимал фонему как] ту сумму фонетических свойств, которая представляет собой неделимое единство при сравнениях, будь то в пределах одного и того же языка или нескольких родственных языков» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 270]).

О первенстве Крушевского со ссылкой именно на приведенное выше утверждение Бодуэна де Куртенэ говорит Р. Фёрт [Firth, 1934, с. 44]. При этом он ссылается на работу Крушевского «Наблюденія над нѣкоторыми фо-

CC BY

нетическими явленіями, связанными с акцентуаціей» [Крушевский, 1879], опубликованную за год до упомянутых выше «Лингвистических заметок». Однако в «Наблюдениях...» Крушевский, рассуждая о влиянии акцентуации на чередования гласных, ни разу не употребляет термин *фонема*, хотя вплотную подходит к традиционному ее пониманию, рассуждая о физиологической и акустической сторонах реализации и восприятия звуков речи [там же, с. 93]. Точку зрения Р. Фёрта разделяет Д. Джоунз [Jones, 1950, с. VI].

«Путевку в жизнь», как видим, термин получил и сразу вызвал живую дискуссию в среде лингвистов. Крушевскому оппонировал В. М. Добровский: «Г. Крушевскій, у котораго мы позаимствовались терминомъ “фонема”, предлагаетъ отличать “фонетическую единицу” или “фонему” отъ единицы “антропофонической”. Не лучше ли “фонему” отличать просто отъ “звука”? Фонема — терминъ исторический: она можетъ равняться нѣсколькимъ звукамъ ... и наоборотъ, нѣсколько фонемъ могутъ сливаться въ одинъ звукъ... Антропофоническая единица вполнѣ равняется отдѣльному звуку» [Добровский, 1881, с. 134—135].

В том же году Бодуэн сформулировал определение фонемы, которое впоследствии, по его же словам, переосмыслил (см. цитату выше): «Итак, *фонема* есть сумма обобщенных антропофонических свойств извѣстной фонетической части слова, недѣлимая при установленіи коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нѣсколькихъ языков. Иначе: Фонема есть фонетическое недѣлимое с точки зрѣнія сравниваемости фонетических частей слова. Недѣлимое с антропофонической точки зрѣнія есть *звук*, недѣлимое с фонетической точки зрѣнія есть *фонема*, недѣлимое с морфологической точки зрѣнія есть *морфема*» [Бодуэн де Куртенэ, 1881, с. 69].

Переосмысление понятия фонемы отразилось в 1895 году у Бодуэна де Куртенэ в следующей формулировке: «Das Phonem = eine einheitliche, der phonetischen Welt angehörende Vorstellung, welche mittelst psychischer Verschmelzung der durch die Aussprache eines und desselben Lautes erhaltenen Eindrücke in der Seele entsteht = psychischer Aequivalent des Sprachlautes. Mit der einheitlichen Vorstellung des Phonems verknüpft sich (associiert sich) eine gewisse Summe einzelner anthropophonischer Vorstellungen, welche einerseits Articulations-Vorstellungen, d. h. Vorstellungen vollzogener oder in Vollziehung begriffener physiologischer Articulationsarbeiten, andererseits aber akustische Vorstellungen, d. h. Vorstellungen gehörter oder im Gehörtwerden begriffener Resultate jener physiologischer Arbeiten, sind» [Baudouin de Courtenay, 1895, с. 9] («Фонема = единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент зву-

ков языка. С единым представлением фонемы связывается (ассоциируется) некоторая сумма отдельных антропофонических представлений, которые являются, с одной стороны, артикуляционными представлениями, то есть представлениями совершенных или могущих быть совершенными физиологических артикуляционных работ, а с другой стороны, акустическими представлениями, то есть представлениями услышанных или могущих быть услышанными результатов этих физиологических работ» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 271—272]). Эту же формулировку Бодуэн позднее дословно воспроизвел в 1898 году в словарной статье «Fonema, fonemat», написанной им на польском языке для энциклопедии «Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana».

В марте 1904 года, выступая с докладом «Об одной из сторон постепенного человечения языка в области произношения, в связи с антропологией», Бодуэн де Куртенэ повторил приведенное выше определение фонемы, сведя его, однако, к более компактному требованию заменять понятие «звука» понятием его психического эквивалента или его постоянно существующего представления.

Искомое терминоупотребление не только в значении, которое придавал ему Бодуэн, но и в значении, в котором фонему понимали и принимали другие русские исследователи, становится со временем частотным в целом ряде более поздних фонетических исследований, контексты из которых придется с сожалением опустить в силу узких рамок статьи, тем более что их анализ и выявление различий в подходах, как уже говорилось выше, не является нашей основной задачей.

3.4. Термин *phoneme* в историографическом аспекте

Точную информацию о появлении термина *phoneme* в словарном фонде английского языка дает словарь «Chambers Dictionary of Etymology». Согласно его данным, первое употребление термина зафиксировано в 1894 году в значении ‘any speech sound, vowel or consonant’ («любой звук речи, гласный или согласный»). Спустя два года (1896) термин получил более специализированное (фонологическое) значение ‘smallest contrastive unit of sound in a language’ [Chambers, 2008, с. 788] («минимальная различимая звуковая единица в языке»). Составители словаря «Oxford Dictionary of English Etymology» ограничиваются только указанием на то, что слово вошло в лексический состав английского языка в XIX веке [ODEE, 1966, с. 676]. Попытки обнаружить научно-теоретические или лексикографические источники, датированные 1894 и 1896 годами, в которых содержался бы искомый термин, результатов не дали.

В то же время в «Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles» отмечается, что термин *phoneme* в значении ‘a speech-sound considered

CC BY

in respect of its functional relations in a linguistic system' закрепился в английском вокабуляре в 1923 году [OUED, 1937, VII, с. 1489] («звук речи, рассматриваемый с учетом реализуемых им функций в языковой системе»).

Речь здесь, возможно, идет о книге «Language» Л. Блумфилда, в которой автор приводит определение фонемы: «*...a minimum unit of distinctive sound-feature*, *a phoneme*» [Bloomfield, 1923, с. 79] («*...минимальная единица различительного фонетического признака*, или *фонема*» [Блумфилд, 1968, с. 77]).

Возможно, однако, что источником для составителей словаря могли послужить и опубликованные в том же году «Foundations of Language» Л. Грея, который описывает фонему следующим образом: «The exact nature of the phoneme is disputed. It is variously regarded as (1) a mere grouping of sounds that are conditionally determined, on the one hand, by the position and movements of the speaker's vocal organs in producing the sounds in question, and, on the other hand, by the acoustic effect produced on the hearer ('phonetics'; the London and French schools); or (2) as a point in the psychological pattern ('phonology'; Edward Sapir and the Prague school); or (3) as a point in the linguistic (grammatical) pattern ('phonematics'). According to the second and third theories, the actual sounds are regarded as realisations of a non-physical norm, while the first theory considers the sounds themselves as constituting the phoneme» [Gray, 1923, с. 61—62]. («Точная природа фонемы является предметом дискуссии. Она рассматривается как (1) простая группировка звуков, которые условно определяются, с одной стороны, положением и движениями голосовых органов говорящего при производстве данных звуков, а с другой стороны, акустическим эффектом, производимым на слушателя ('фонетика'; лондонская и французская школы); или (2) как элемент психологической модели ('фонология'; Эдвард Сепир и пражская школа); или (3) как элемент лингвистической (грамматической) модели ('фонематика'). Согласно второй и третьей теориям, реально производимые звуки рассматриваются в качестве реализаций нефизической нормы, в то время как первая теория рассматривает сами звуки как составляющие фонему»).

Предпринятое нами обследование доступных теоретических и лексикографических источников позволило сделать вывод, что один из наиболее ранних случаев использования термина *phoneme* встречается в 1914 году в другой работе того же Блумфилда «An Introduction to the Study of Language»: «Only a small minority of English, German, or French words and forms, for instance, could be traced back by merely observing phonetic changes, to the earliest known stage of these languages. In by far the most instances we should find that our word or form ('phoneme') had been created by analogic change» [Bloomfield, 1914, с. 235] («Лишь незначительное количество английских, немецких или

CC BY

французских слов и форм, к примеру, можно было бы объяснить благодаря наблюдениям за фонетическими изменениями, вплоть до самой ранней известной стадии развития этих языков. В подавляющем большинстве случаев мы должны были бы прийти к выводу, что наше слово или форма ("фонема") были созданы путем изменения по аналогии»). Спустя 12 лет Блумфилд в статье «A set of postulates for the science of language» уже вполне определенно описал фонему как смыслоразличительную звуковую единицу: «A minimum same of vocal feature is a phoneme or distinctive sound» [Bloomfield, 1926, с. 157] («Минимальное тождество голосовых признаков есть фонема, или отличительный звук» [История языкознания..., 1960, II, с. 147]).

В 1919 году термин *phoneme* встречается в «A Colloquial Sinhalese Reader in Phonetic Transcription» Г. Переры и Д. Джоунза, которые приводят следующее его определение: «A phoneme is defined as a group of related sounds of a given language which are so used in connected speech that no one of them ever occurs in positions which any other can occupy» [Perera & Jones, 1919, с. 2] («Фонема определяется как группа соотносимых звуков данного языка, которые таким образом используются в связной речи, что ни один из них никогда не встречается в позициях, которые может занимать любой другой»).

Таким образом, обнаруживаются как минимум две работы, увидевшие свет до 1923 года, в которых используется термин *phoneme*.

После опубликования в 1931 году членами Пражского лингвистического кружка в «Travaux du Cercle Linguistique de Prague 4» проекта стандартизированной фонологической терминологии («Projet de terminologie phonologique standardisée»), в котором наряду с французским термином даются его английский, немецкий и русский эквиваленты, количество публикуемых на английском языке фонологических работ, использующих интересующее нас терминоупотребление, резко увеличивается. Очевидно, что этот факт свидетельствует о растущем интересе лингвистов к идеям пражских фонологов. Хронология появления этих работ отсылает нас к 30-м годам XX века как к чрезвычайно продуктивному периоду деятельности Пражской фонологической школы.

3.5. Термин *Phonem* в историографическом аспекте

Отсутствие интереса у немецких лингвистов к фонеме в том понимании, которое вкладывали в нее сначала Соссюр, затем Крушевский, Бодуэн де Куртенэ, а позднее представители Пражского лингвистического кружка, вполне наглядно можно проиллюстрировать несколько эмоциональным высказыванием В. Клемперера: «Aber was ist ein Phonem, das die Russen gefunden, die Deutschen nie beachtet haben?» [Klemperer, 1952, с. 263] («Что же такое фонема, которую обнаружили русские и на которую немцы никогда не обращали внимания?»).

CC BY

Ни один из обследованных нами этимологических словарей немецкого языка не приводит точных сведений о том, когда в словарный фонд немецкого языка вошел термин *Phonem*. Скудные сведения о времени его появления в значении ‘die kleinste bedeutungsunterscheidende segmentale Lauteinheit einer Sprache’ («мельчайшая смыслоразличительная сегментная звуковая единица языка») предлагают только составители «Metzler-Lexikon Sprache» [MLS, 2000, с. 524—525], в значении ‘kleinste, aus der Rede abstrahierte, lautliche Segmente mit potenziell bedeutungsunterscheidender Funktion’ — Х. Буссман [Bußmann, 2002, с. 510] («мельчайшие звуковые сегменты в их отвлечении от конкретной речевой реализации, потенциально обладающие способностью к смыслоразличению»). Заметим попутно, что эти два упомянутые источника представляют собой лингвистические лексиконы и к разряду этимологических словарей не относятся.

Указывая на конец XIX века как на время первого зафиксированного терминоупотребления, Ф. Клюге называет XX век временем заимствования в немецкий язык французского термина *phonème* в значении ‘strukturelle Lauteinheit’ [Kluge, 2011, с. 703] («структурная звуковая единица»). На 20-е годы XX века указывает только В. Пфайфер: «P h o n e m n. in der Sprachwissenschaft ‘kleinste lineare bedeutungsdifferenzierende sprachliche Einheit’ (20er Jahre 20. Jh.)» [EWD, 2014, с. 1005] («Ф о н е м а. В лингвистике ‘мельчайшая линейная смыслоразличительная языковая единица’ (20-е годы 20 века)»).

Одно из первых упоминаний о фонеме на немецком языке в значении ‘звук’, поначалу воспринимаемый слухом, а затем и воспроизводимый благодаря реактивным мускульным движениям речевого аппарата, встречается в 1855 году в сочинении «Slawische Philosophie, enthaltend die Grundzüge aller Natur-und Moralwissenschaften», приписываемом болгарскому философу и просветителю Петру Берону: «Die Ohr-Empfindungen oder Otozeugmen oder A k u s m e n bestehen aus Factoren oder Syzygen, welche beide, der kosmische sowohl als der enkephalische, Elektricitäts-Strom-Abschnitte sind. Die Opisthorrheumen der Akusmen durch die Tast- oder Haut-Nerven geleitet gelangen zu den Muskeln und auf diese Weise erregen sie nicht nur Laute oder P h o n e m e n denjenigen ähnlich, aus welchen die Otozeugmen gebildet wurden, sondern auch Bewegungen der anderen Glieder des Körpers, besonders der Hände...» [Beron, 1855, с. 115] («Воспринимаемые на слух ощущения или слышимые сочетания звуков или а к у с м ы состоят из факторов или соединений (сизигий), которые, будучи свойственны как всему мирозданию, так и человеческому мозгу, представляют собой импульсы электрического тока. Обратный поток акусм, направляемый тактильными или кожными нервными окончаниями, вызывает сокращение мышц и таким образом по-

CC BY

рождает не только звуки или ф о н е м ы, подобные тем, из которых состояли воспринятые органами слуха звукосочетания, но и приводит в движение другие части тела, в особенности руки...»).

Второе терминоупотребление в значении ‘звук’ зафиксировано у Э. Бёмера спустя 20 лет после публикации сочинения Берона. В 1875 году со ссылкой на Авэ, который различал сопоставляемые им звуки в комбинации с другими звуками и с учетом положения языка выделял «фонемы лабиальной природы» («phonèmes de nature labiale») и «фонемы лингвально-лабиальной природы» («phonèmes de nature labiale-linguale»), Бёмер заметил: «Wir verweisen in dieser Hinsicht zuvörderst auf die Merkelschen Abbildungen, nach welchen jedweder Vocal seine eigenthümliche Zungenstellung fordert, und bemerken gelegentlich, dass der Terminus P h o n e m nicht glücklich erfunden scheint, da er die *ἄφωνα* einbegreifen muss» [Boehmer, 1875, c. 628] («В связи с этим мы прежде всего опираемся на меркелевы иллюстрации, на которых видно, что при произнесении любого гласного язык меняет свое положение, и, пользуясь случаем, заметим, что термин ф о н е м а не кажется удачным, поскольку он должен охватывать и звуки, образуемые без участия голоса (ἄφωνα)»).

Только в 1895 году на немецком языке публикуется уже упоминаемая выше работа Бодуэна де Куртенэ «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen», в которой автор излагает свой взгляд на фонему как на совокупность артикуляционных и акустических представлений, объединяемых в представление антропофонического свойства, и употребляет собственно термин *Phonem* [Baudouin de Courtenay, 1895, c. 9].

Дальнейшее изучение научно-теоретических источников приводит нас к статье Т. Бенни «Zur neueren Entwicklung des Phonembegriffs», опубликованной в 1929 году, в которой автор характеризует фонему как некое звуковое представление, как «психофон» («ein Psychophon»), противопоставляемый так называемому «физиофону», то есть артикулируемому звуку. Он замечает: «Es ist richtig, dass ein Physiophon nicht zur Unterscheidung von sonst gleichlautenden Wörtern verwendet wird, und dass nur ein Psychophon diese Rolle spielen kann, aber nicht erst diese Rolle ist in der Bestimmung dieses Charakterunterschiedes eines Lautes entscheidend» [Benni, 1929, c. 36] («Это правильно, что физиофон не используется для различения других одинаково звучащих слов и что только психофон может играть эту роль, но не только эта роль имеет решающее значение в определении этого характерного звукового различия»). Фонема, таким образом, выступает у Бенни в ряду синонимических понятий: «Ein Phonem, eine Lautvorstellung, ein gedachter Laut, ein Psychophon...» [Там же].

В том же году Н. С. Трубецкой публикует на немецком языке в «Travaux du Cercle Linguistique de Prague 1» статью, посвященную общей те-

CC BY

ории фонологических систем гласных, в которой он, рассуждая о главном объекте исследования фонологии как науки, сравнивает фонему со звуковым представлением («Lautvorstellung der menschlichen Sprache») [Trubetzkoy, 1929, c. 39—40].

В дальнейшем немецкоязычные исследования, посвященные фонеме, становятся более многочисленными, в особенности после выхода в свет «Travaux du Cercle Linguistique de Prague 4», где были опубликованы статьи, написанные большей частью на немецком языке. Деятельность Пражского лингвистического кружка, как представляется, смогла очертить основные направления в развитии немецкой фонологии XX века, в которой, как и в фонологии вообще, центральное место заняло понятие фонемы.

4. Заключение = Conclusions

Языком происхождения терминов *phoneme* / *фонема* / *phoneme* / *Phonem* является древнегреческий, в котором слово *φώνημα*, не обладавшее тогда терминологическим статусом, выступало в значениях (1) ‘голос, звук’, (2) ‘слово, речь’ и во второй половине XIX века в новых европейских языках подверглось адаптации и последующему семантическому переосмыслению, что привело к созданию термина, обозначавшего открытый исследователями лингвистический объект.

Первое упоминание о фонеме в трудах французских лингвистов следует отнести как минимум к 1861 году, когда термин *phonème* использовал Дюфриш-Деженет, сначала в обобщенном значении ‘звук’, а в 1873 году — в калькированном значении ‘звук языка’. В 1875 году термином *phonème* в значении ‘звук’ воспользовался Авэ, а в 1879 году в значении ‘звук, структурно отличающийся от других звуков’ — Соссюр.

В терминологии русской лингвистики термин *фонема* как синоним терминологического наименования «фонетическая единица» появился в 1880 году благодаря Крушевскому и в 1881 году уже широко использовался в работах Бодуэна де Куртенэ и Добровского.

В состав английской лингвистической терминологии термин *phoneme* вошел уже в 1914 году, хотя в узкоспециализированном (фонологическом) значении стал использоваться, предположительно, начиная с 1919 года, будучи упомянут в работе Переры и Джоунза.

В немецкоязычной научной литературе первое употребление термина *Phonem* в значении ‘звук’ зафиксировано в 1855 году у Берона, а в 1875 году в том же значении у Бёмера. В фонологическом значении термин *Phonem* встречается впервые в работе Бодуэна де Куртенэ в 1895 году. Вплоть до 1929 года немецкие фонетисты термин *Phonem* в своих работах не использовали.

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. Предисловие А. В. Дыбо / Г. Ю. Багриновский. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 1184 с. — ISBN 978-5-389-13920-6.

2. БЕ — *Энциклопедическій* словарь. В 41 т. — Санкт-Петербургъ : Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ, 1902. — Т. XXXVI Финляндія-Франконія. — 478 с.

3. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. / И. Х. Дворецкий. — Москва : ГИС, 1958. — Т. 2 М-Ω. — 1905 с.

4. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. — Киев : Радяньска школа, 1989. — 510 с. — ISBN 5-330-00735-6.

5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1993. — Т. II Панцирь-Ящур. — 560 с. — ISBN 5-200-02284-3.

6. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. In 2 volumes / R. Beekes. — Leiden : E. J. Brill, 2010. — Vol. II M-Ω. — 1808 p.

7. *Bohusch O.* Lexikon der grammatischen Terminologie. Zusammenstellung und Erklärung des deutschen, englischen, französischen und lateinischen Vokabulars zur Sprachlehre und Sprachkunde / O. Bohusch. — Donauwörth : Verlag Ludwig Auer, 1972. — 336 S.

8. *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. — Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2002. — 783 S.

9. Chambers — *Chambers* Dictionary of Etymology / R. K. Barnhart et al. (ed.). — Edinburgh : H. W. Wilson Company, 2008. — 783 p.

10. EWD — *Etymologisches* Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer (ed.). — Koblenz : Edition Kramer, 2014. — 1665 S.

11. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. In 3 Bd. / H. Frisk. — Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1960. — Bd. II Kρ-Ω. — 1154 S.

12. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture / E. Klein. — Amsterdam : Elsevier Publishing Company, 1971. — 844 p.

13. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge ; E. Seebold (ed.). — Berlin-Boston : Walter de Gruyter, 2011. — 1021 S.

14. LSG — *Lexikon* sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts. In 2 Bd. / G. Haßler, C. Neis (ed.). — Berlin : Walter de Gruyter, 2009. — Bd. II. — 1879 S.

15. MLS — *Metzler-Lexikon* Sprache / H. Glück (ed.). — Stuttgart-Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2000. — 817 S.

16. ODEE — *Oxford* Dictionary of English Etymology / C. T. Onions (ed.). — Oxford : Oxford Univ. Press, 1966. — 1025 p.

17. OUED — *Oxford* Universal English Dictionary on Historical Principles. In 10 vols. / Onions C.T. (ed.). — Oxford : Oxford Univ. Press, 1937. — Vol. VII Pel-Rel. — 235 p.

18. *Partridge E.* Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English / E. Partridge. — London and Henley : Routledge & Kegan Paul, 1978. — 972 p.

19. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes / H. Paul ; H. Henne, H. Kämper, G. Objartel (ed.). — Tübingen : Max Niemeyer, 2002. — 1243 S.

20. SOED — *The Shorter* Oxford English Dictionary ; On Historical Principles. In 2 vols. / C. T. Onions (ed.). — Oxford : Clarendon Press, 1973. — Vol. II Marl-Z and Addenda. — 1391 p.

21. TLG — *Thesaurus* Linguae Graecae [Electronic resource]. — Access mode : http://stephanus.tlg.uci.edu (accessed 21.04.2022).

22. *Wahrig G*. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. — München : Mosaik Verlag, 1989. — 1494 S.

Литература

1. *Бернштейн С. И*. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) / С. И. Бернштейн // Вопросы фонетики и обучение произношению / ред. А. А. Леонтьев, Н. И. Самуйлова. — Москва : МГУ, 1975. — С. 5—61.

2. *Блумфилд Л*. Язык / Л. Блумфилд. — Москва : Прогресс, 1968. — 608 с.

3. *Бодуэн де Куртенэ И. А*. Нѣкоторые отдѣлы «сравнительной грамматики словянских языков». Отрывки из лекцій И. Бодуэна-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay), читанных в 1880 — 81 ак. году в Императ. Казанском Университетѣ студентам III-го и IV-го курсов обоих филологических отдѣленій / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — Варшава : В тип. М. Земкевича и В. Ноаковскаго, 1881. — 82 с.

4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернаций. Глава из психофонетики. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — Москва *: АН СССР, 1963. — Т. 1. — С. 265—347.*

5. *Добровский В. М*. Къ ученію о русскомъ глаголѣ / В. М. Добровский // Филологическія записки. — 1881, годъ 20. — Вып. IV—V. — С. 8—140.

6. *История* языкознания — *История* языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. — Москва : Учпедгиз, 1960. — Ч. II. — 495 с.

7. *Крушевский Н. В*. Наблюденія над нѣкоторыми фонетическими явленіями, связанными с акцентуаціей / Н. В. Крушевский // Извѣстія и Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. — 1879. — С. 93—104.

8. *Крушевский Н. В*. Лингвистическія замѣтки. Особый оттиск «Русскаго Филологическаго Вѣстника» / Н. В. Крушевский. — Варшава : В тип. М. Земкевича и В. Ноаковскаго, 1880. — 30 с.

9. *Реформатский А. А*. Из истории отечественной фонологии / А. А. Реформатский. — Москва : Наука, 1970. — 528 с.

10. *Соссюр Ф. де.* Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — Москва : Прогресс, 1977. — С. 287—562.

11. *Софокл*. Трагедии / перевод С. В. Шервинского. — Москва : Художественная литература, 1988. — 495 с.

12. *Якобсон Р. О*. О фонеме / Р. О. Якобсон // Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics. — 1989. — XIV. — С. 25—39.

13. *Anderson S. L*. The Morpheme. Its Nature and Use. The Oxford handbook of inflection / S. L. Anderson ; M. Baerman (ed.). — Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. — Pp. 11—33.

14. *Baudouin de Courtenay J. N.* Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik / J. N. Baudouin de Courtenay. — Strassburg : K. J. Trübner, 1895. — 124 S.

15. *Benni T*. Zur neueren Entwicklung des Phonembegriffs / T. Benni // Donum Natalicium Schrijnen. — 1929. — Pp. 34—37.

16. *Beron P*. Slawische Philosophie, enthaltend die Grundzüge aller Natur- und Moralwissenschaften, nebst einem Anhang: Ueber die Willensfreiheit und die Unsterblichkeit der Seele / P. Beron. — Prag : In Commission in Friedrich Ehrlich's Buchhandlung, 1855. — 564 S.

17. *Bloomfield L*. An Introduction to the Study of Language / L. Bloomfield. — New York : Henry Holt and Company, 1914. — 335 p.

18. *Bloomfield L*. Language / L. Bloomfield. — London : George Allen & Unwin LTD., 1923. — 556 p.

19. *Bloomfield L*. A set of postulates for the science of language / L. Bloomfield // Language. — 1926. — № 2. — Pp. 153—164.

20. *Boehmer E*. Romanische Studien / E. Boehmer. — Strassburg : K. J. Trübner, 1875. — Bd. 1. — 631 S.

21. *Doroszewski W*. Autour du "phonème" / W. Doroszewski // Travaux du Cercle Linguistique de Prague 4. — 1931. — Pp. 61—74.

22. *Firth J. E.* ðə wə:d "founi:m" / J. E. Firth // Le Maître Phonétique, Troisième Série. — 1934. — Vol. 12 (49). — № 46. — Pp. 44—46.

23. *Gray L. H*. Foundations of Language / L. H. Gray. — New York : Macmillan, 1923. — 546 p.

24. *Jones D*. The Phoneme : Its Nature and Use / D. Jones. — Cambridge : W. Heffer & Sons Ltd., 1950. — 267 p.

25. *Jones D*. The History and Meaning of the Term "Phoneme" / D. Jones // Le Maître Phonétique. — 1957. — Pp. 1—20.

26. *Klemperer V*. Tagebuch / V. Klemperer. — Berlin : Aufbau-Verlag, 1952. — 240 p.

27. *Koerner E. F. K*. A minor figure in 19th-century French linguistics : A. Dufriche Desgenettes / E. F. K. Koerner // Phonetica. — 1976. — № 33. — Pp. 222—231.

28. *Kohrt M*. Problemgeschichte des Graphembegriffs und des frühen Phonembegriffs / M. Kohrt. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. — 528 S.

29. *Miller R. A*. Phone, Phoneme and Graph in the Old Tibetan Grammarians / R. A. Miller // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1980. — T. XXXIV (1—3). — Pp. *153—162*.

30. *Mugdan J*. On the Origins of the Term Phoneme / J. Mugdan // Historiographia Linguistica. — 2011. — Vol. 38. — Issue 1—2. — Pp. 85—110.

31. *Perera H. S.* A Colloquial Sinhalese Reader in Phonetic Transcription (with an Introduction on the Phonetics of Sinhalese) / H. S. Perera, D. Jones. — Manchester : Univ. Press, 1919. — 39 p.

32. *Saussure F. de*. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes / F. de Saussure. — Leipsick : B. G. Teubner, 1879. — 302 p.

33. *Trubetzkoy N. S*. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme / N. S. Trubetzkoy // Travaux du Cercle Linguistique de Prague 1. Mélanges linguistiques dédiés au Premier congrès des philologues slaves. — 1929. — Pp. 39—67.

34. *Williams J. R*. Paradigm lost : the linguistic theory of Mikołaj Kruszewski / J. R. Williams. — Amsterdam : John Benjamins B. V., 1993. — 200 p.

Material resources

Bagrinovsky, G. Yu. (2020). *A large etymological dictionary of the Russian language.* Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 1184 p. ISBN 978-5-389-13920-6. (In Russ.).

Barnhart, R. K. (ed.). (2008). *Chambers Dictionary of Etymology.* Edinburgh: H. W. Wilson Company. 783 p.

Beekes, R. (2010). *Etymological Dictionary of Greek: In 2 volumes, II M-Ω.* Leiden: E. J. Brill. 1808 p.

Bohusch, O. (1972). *Lexikon der grammatischen Terminologie. Zusammenstellung und Erklärung des deutschen, englischen, französischen und lateinischen Vokabulars zur Sprachlehre und Sprachkunde.* Donauwörth: Verlag Ludwig Auer. 336 S. (In Germ.).

Bußmann, H. (2002). *Lexikon der Sprachwissenschaft.* Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. 783 S. (In Germ.).

Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. In 2 t, II Pantsir-FMD.* Moscow: Russian Language. 560 p. ISBN 5-200-02284-3. (In Russ.).

Dvoretsky, I. H. (1958). *Ancient Greek-Russian dictionary: In 2 volumes, 2 M-Ω.* Moscow: GIS. 1905 p. (In Russ.).

Encyclopedic dictionary. In 41 vols, XXXVI Finland-Franconia. (1902). St. Petersburg: F. A. Brockhaus, I. A. Efron. 478 p. (In Russ.).

Frisk, H. (1960). *Griechisches etymologisches Wörterbuch: In 3 Bd, II Κρ-Ω.* Heidelberg. Carl Winter Universitätsverlag. 1154 S. (In Germ.).

Glück, H. (ed.). (2000). *Metzler-Lexikon Sprache.* Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler. 817 S. (In Germ.).

Haßler, G, Neis, C. (ed.). (2009). *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts: In 2 Bd, II.* Berlin: Walter de Gruyter. 1879 S. (In Germ.).

Klein, E. A. (1971). *Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture.* Amsterdam: Elsevier Publishing Company. 844 p.

Kluge, F. (2011). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.* Berlin-Boston: Walter de Gruyter. 1021 S. (In Germ.).

Onions, C. T. (ed.). (1966). *Oxford Dictionary of English Etymology.* Oxford: Oxford Univ. Press. 1025 p.

Onions, C. T. (ed.). (1973). *The Shorter Oxford English Dictionary; On Historical Principles: In 2 volumes, II Marl-Z and Addenda.* Oxford: Clarendon Press. 1391 p.

Oxford Universal English Dictionary on Historical Principles: In 10 volumes, VII Pel-Rel. (1937). Oxford: Oxford Univ. Press. 235 p.

Partridge, E. (1978). *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English.* London and Henley: Routledge & Kegan Paul. 972 p.

Paul, H. (2002). *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes.* Tübingen: Max Niemeyer. 1243 S. (In Germ.).

Pfeifer, W. (ed.). (2014). *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen.* Koblenz: Edition Kramer. 1665 S. (In Germ.).

Thesaurus Linguae Graecae. Available at: http://stephanus.tlg.uci.edu (accessed 21.04.2022).

Tsyganenko, G. P. (1989). *Etymological dictionary of the Russian language.* Kiev: Radyanka school. 510 p. ISBN 5-330-00735-6. (In Russ.).

Wahrig, G. (1989). Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag. 1494 S. (In Germ.).

References

Anderson, S. L. (2015). The Morpheme. Its Nature and Use. In: *The Oxford handbook of inflection.* Oxford: Oxford Univ. Press. 11—33.

Baudouin de Courtenay J. N. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik. (1895). Strassburg: K. J. Trübner. 124 S. (In Germ.).

Baudouin de Courtenay, I. A. (1881). *Some results of "comparative grammar of Slavic languages". Excerpts from lectures by I. Baudouin de Courtenay (J. Baudouin de*

Courtenay), read in 1880 — 81 ac. year in the Emperor. Kazan University students of the III and IV courses of both philological studies. Warsaw: In the Printing House of M. Zemkiewicz and V. Noakowski. 82 p. (In Russ.).

Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Experience of the theory of phonetic alternations. Chapter from psychophonetics. Selected works on general linguistics: In 2 volumes, 1.* Moscow: USSR Academy of Sciences. 265—347. (In Russ.).

Benni, T. (1929). Zur neueren Entwicklung des Phonembegriffs. In: *Donum Natalicium Schrijnen.* 34—37. (In Germ.).

Bernstein, S. I. (1975). Questions of pronunciation teaching (in relation to teaching Russian to foreigners). In: *Questions of phonetics and pronunciation training.* Moscow: Moscow State University. 5—61. (In Russ.).

Beron, P. (1855). *Slawische Philosophie, enthaltend die Grundzüge aller Natur- und Moralwissenschaften, nebst einem Anhang: Ueber die Willensfreiheit und die Unsterblichkeit der Seele.* Prag: In Commission in Friedrich Ehrlich's Buchhandlung. 564 S. (In Germ.).

Bloomfield, L. (1914). *An Introduction to the Study of Language.* New York: Henry Holt and Company. 335 p.

Bloomfield, L. (1923). *Language.* London: George Allen & Unwin LTD. 556 p.

Bloomfield, L. (1926). A set of postulates for the science of language. *Language, 2:* 153—164.

Bloomfield, L. (1968). *Language.* Moscow: Progress. 608 p. (In Russ.).

Boehmer, E. (1875). *Romanische Studien, 1.* Strassburg: K. J. Trübner. 631 S. (In Germ.).

Dobrovsky, V. M. (1881). To the science of the Russian verb. *Philological notes, IV—V:* 8—140. (In Russ.).

Doroszewski, W. (1931). Autour du "phonème". *Travaux du Cercle Linguistique de Prague 4.* 61—74. (In Franc.).

Firth, J. E. (1934). ðə wə:d "founi:m". *Le Maître Phonétique, Troisième Série, 12 (49) / 46:* 44—46. (In Franc.).

Gray, L. H. (1923). *Foundations of Language.* New York: Macmillan. 546 p.

Jones, D. (1950). *The Phoneme: Its Nature and Use.* Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd. 267 p.

Jones, D. (1957). The History and Meaning of the Term "Phoneme". In: *Le Maître Phonétique.* 1—20.

Klemperer, V. (1952). *Tagebuch.* Berlin: Aufbau-Verlag. 240 p. (In Franc.).

Koerner, E. F. K. (1976). A minor figure in 19th-century French linguistics: A. Dufriche Desgenettes. *Phonetica, 33:* 222—231.

Kohrt, M. (1985). *Problemgeschichte des Graphembegriffs und des frühen Phonembegriffs.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 528 S. (In Germ.).

Krushevsky, N. V. (1879). Observations on some phonetic phenomena associated with accentuation. In: *Bulletin and Scientific Notes of the Imperial Kazan University.* 93—104. (In Russ.).

Krushevsky, N. V. (1880). *Linguistic notes. A special impression of the "Russian Philological Contemporary".* Warsaw: In the Printing House of M. Zemkiewicz and V. Noakowski. 30 p. (In Russ.).

Miller, R. A. (1980). Phone, Phoneme and Graph in the Old Tibetan Grammarians. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, XXXIV (1—3):* 153—162.

Mugdan, J. (2011). On the Origins of the Term Phoneme. *Historiographia Linguistica, 38 (1—2):* 85—110.

Perera, H. S., Jones, D. (1919). *A Colloquial Sinhalese Reader in Phonetic Transcription (with an Introduction on the Phonetics of Sinhalese)*. Manchester: Univ. Press. 39 p.

Reformatsky, A. A. (1970). *From the history of Russian phonology.* Moscow: Nauka. 528 p. (In Russ.).

Saussure, F. de. (1977). *A memoir about the original vowel system in Indo-European languages. Works on linguistics.* Moscow: Progress. 287—562. (In Russ.).

Sophocles. Tragedies. (1988). Moscow: Fiction. 495 p. (In Russ.).

Saussure, F. de. (1879). *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes.* Leipsick: B. G. Teubner. 302 p. (In Franc.).

The History of Linguistics — The history of Linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts. Part II. (1960). Moscow: Uchpedgiz. 495 p. (In Russ.).

Trubetzkoy, N. S. (1929). Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague 1. Mélanges linguistiques dédiés au Premier congrès des philologues slaves.* 39—67. (In Germ.).

Williams, J. R. (1993). *Paradigm lost: the linguistic theory of Mikołaj Kruszewski*. Amsterdam: John Benjamins B. V. 200 p.

Yakobson, R. O. (1989). On phoneme. *Comparative Linguistics / Comparative Linguistics, XIV:* 25—39. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.04.2022,
одобрена после рецензирования 18.07.2022,
подготовлена к публикации 28.07.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Киндеркнехт А. С. Термин *медиация* в современных научных исследованиях по переводу / А. С. Киндеркнехт, В. В. Колада // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 30—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49.

Kinderknekht, A. S., Kolada, V. V. (2022). Term *Mediation* in Modern Scientific Research on Translation. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 30-49. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49

Термин *медиация* в современных научных исследованиях по переводу

Киндеркнехт Анна Сергеевна [1]
orcid.org/0000-0002-4597-9297
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков
a_kinderknecht@mail.ru

Колада Валерия Владимировна [2]
orcid.org/0000-0002-8925-4298
старший преподаватель
кафедры иностранных языков,
лингвистики и перевода
valeria.kolada@yandex.ru

[1] Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова (Пермь, Россия)

[2] Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

Term *Mediation* in Modern Scientific Research on Translation

Anna S. Kinderknekht [1]
orcid.org/0000-0002-4597-9297
PhD in Philology, associate professor,
Department of Foreign Languages
a_kinderknecht@mail.ru

Valeria V. Kolada [2]
orcid.org/0000-0002-8925-4298
senior lecturer,
Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation
valeria.kolada@yandex.ru

[1] Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov (Perm, Russia)

[2] Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)

© Киндеркнехт А. С., Колада В. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена дефиниционному анализу термина *медиация* в научной коммуникации исследователей перевода и рациональным основаниям введения нового слова в терминосистему переводоведческой отрасли научного знания. Методы исследования: информационный поиск современных зарубежных и отечественных научных исследований по ключевым словам *mediation* и *медиация*, дефиниционный и контекстуальный анализ указанной пары терминов в научных исследованиях по переводу на русском, английском и французском языках. Авторами поднимается вопрос об определенной путанице в использовании термина для обозначения разного рода посреднической деятельности. Выясняется, что в области перевода медиация чаще всего понимается как процесс деятельности в качестве посредника и представляет собой вид социального взаимодействия между разными собеседниками при помощи переводчика. В результате исследования обнаруживается, что введение термина *медиация* в научную коммуникацию обусловливается необходимостью обозначения особого рода культурного посредничества, в котором переводчик выполняет более активную роль, приближающую его к медиатору как посреднику в спорных и конфликтных ситуациях. Актуальность использования термина связана здесь с проблемами межкультурного и социокультурного посредничества в миграционных процессах.

Ключевые слова:
термин *медиация*; терминология перевода; медиация; научные публикации; дефиниционный анализ; контекстуальный анализ; роль переводчика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the definitional analysis of the term *mediation* in the scientific communication of translation researchers and the rational grounds for introducing a new word into the terminological system of the translation science branch of scientific knowledge. Research methods: information search of modern foreign and domestic scientific studies on the keywords *mediation* and *mediatsiya*, definitional and contextual analysis of the specified pair of terms in scientific research on translation in Russian, English and French. The authors raise the issue of a certain confusion in the use of the term to refer to various kinds of intermediary activity. It turns out that in the field of translation, mediation is most often understood as a process of acting as an intermediary and is a type of social interaction between different interlocutors with the help of an interpreter. As a result of the study, it is found that the introduction of the term *mediation* into scientific communication is determined by the need to designate a special kind of cultural mediation, in which the translator plays a more active role, bringing him closer to the mediator as a intermediary in controversial and conflict situations. The relevance of the use of the term here is connected with the problems of intercultural and sociocultural mediation in migration processes.

Key words:
term *mediation*; translation terminology; mediation; scientific publications; definitional analysis; contextual analysis; the role of an interpreter.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’25+81’373.46:340.113

Термин *медиация* в современных научных исследованиях по переводу

© Киндеркнехт А. С., Колада В. В., 2022

1. Введение = Introduction

В научной коммуникации исследователей перевода в последнее время набирает популярность термин *медиация* для обозначения языкового и межкультурного посредничества, рассматриваемого чаще всего в ситуациях напряженных взаимоотношений. Отмечается, в частности, необходимость преодоления в переводе «недоразумений межкультурного характера», которые «намного опаснее чисто языковых проблем» [Курицын, 2016, с. 76—77], рассматриваются теоретические и методические аспекты готовности будущих переводчиков к управлению профессиональными конфликтами [Садовская, 2011]. Медиация в терминологическом сочетании *коммуникативная языковая медиация* понимается как «процесс оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов сторонним участником, который может осуществляться как в случае межъязыковой коммуникации, т. е. в совокупности с переводом, так и в пределах одного языка» [Статеева, 2014, с. 144].

Термин *медиация* рассматривается в одном ряду с такими терминологическими единицами, как *межкультурное посредничество, межъязыковое и культурное посредничество, языковое и интеграционное посредничество, коммунальный перевод, устный перевод для государственных и муниципальных нужд* [Плеханова и др., 2018]. Данное соотношение понятий медиации, посредничества и перевода имеет объективные основания. Переводчик как специалист в области межкультурной коммуникации и языкового посредничества нередко вовлечен в коммуникативные ситуации, в которых стороны занимают противоречивые позиции, имеют различные взгляды, интересы, убеждения. В подобных случаях фокус определяющих характеристик переводчика как посредника межъязыковой и межкультурной коммуникации смещается в сторону такого его профессионального качества, как умение достичь посредством перевода наивысшего уровня взаимопонимания участников коммуникации, сохраняя при этом суть выражения интенций и избегая обострения конфронтации сторон. Примечательно, что конфликтологические знания, умения и навыки встраиваются в систему норм профессиональной этики переводчика и предусматриваются в профессиональных задачах современного стандарта профессиональной подготовки переводчиков [Киндеркнехт, 2019].

CC BY

Профессия переводчика неразрывно связана с посредничеством и / или с медиацией. Цель нашей статьи — дефиниционный анализ термина *медиация* в исследованиях, посвященных переводческой деятельности. Медиация нередко рассматривается как синоним перевода, что обусловливается, на наш взгляд, соположением калькированного перевода лексемы *mediation* и термина *посредничество*, традиционно соотносимого с переводом, или как один из видов языкового посредничества [Атаев, 2015; Петрова и др., 2014]. Вместе с тем в современном обществе с появлением новой сферы профессиональной области — медиации — возникает определенная путаница в употреблении термина *медиация*. Терминосистема медиации сама по себе «не является гомогенным образованием» [Чернышенко и др., 2014, с. 408], а в применении к переводческой деятельности все еще существует неясность в разграничении перевода и медиации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили зарубежные и отечественные научные публикации, освещающие проблемы теории и практики перевода. Одним из основных методов исследования явился информационный поиск статей и монографий с помощью ключевых слов *mediation* и *медиация*. В двуязычных словарях, в том числе тематических и узкоспециальных, слово *медиация* наряду с *посредничеством* выступает в качестве эквивалента словарной единицы *mediation*. В русском языке калькированный перевод *медиация* в настоящее время становится более удобным в терминологическом употреблении, нежели его синоним *посредничество*, так как слово *медиация* лишено негативных коннотаций последнего, актуализирующихся в обыденном сознании с 90-х годов прошлого века и определяемых в формуле «В России слово “посредничество” не в чести» [Азбука медиации …, 2011, с. 5].

Наше предположение связано с употреблением терминов в узкоспециальной сфере перевода. Изучая проблемы формирования научной терминологии и обращая внимание на необходимость унификации отраслевой терминологии в международном масштабе, Т. С. Кириллова пишет относительно узкоспециальной сферы функционирования терминов следующее: «Специфика языка такова, что во многих случаях он не создает новых единиц для наименования новых явлений действительности, а использует уже существующие, но при этом семантика таких единиц усложняется. Поэтому большой интерес представляет процесс освоения терминов другими терминосистемами, поскольку это доказывает как жизнеспособность данных языковых единиц и структур, так и их рациональность и преемственность» [Кириллова, 1999, с. 6]. В настоящей работе мы пытаемся

CC BY

осмыслить рациональность и преемственность термина *медиация* в переводоведческой отрасли.

Для решения поставленной задачи в исследовании также использовались следующие методы: дефиниционный анализ контрастивной пары терминов *mediation* и *медиация*, контекстуальный анализ терминов в научных публикациях на русском, английском и французском языках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Зарубежные научные исследования

В современных зарубежных публикациях по переводу лексема *mediation* встречается, как правило, в значении посредничества как процесса деятельности в качестве посредника — лица, «при участии которого ведутся переговоры между сторонами» [БТСРЯ, 2000]. В таком значении, к примеру, медиация рассматривается в социологии перевода Ж. Питерса (Jean Peeters), видящего в переводе не только межъязыковой акт взаимодействия сторон, но социальное взаимодействие, в котором роль переводчика заключается в преодолении и / или смягчении разрыва во взаимопонимании между разными собеседниками, считающими себя в общении чужими друг другу в силу языковых различий [Edema, 2001]. В значении посредничества в общении *mediation* встречается в большинстве публикаций по переводу [Cheng, 2012; Davitti, 2012; Liddocoat, 2015; Pistillo, 2002 и др.], представляя собой естественный элемент метаязыка как языка описания перевода.

Между тем нас интересует употребление термина *mediation* как самостоятельной неметаязыковой единицы, формирующей самостоятельное понятие в переводоведении. В современных зарубежных исследованиях *mediation* нередко встречается в связи с выяснением посреднической роли переводчика, делается особый акцент на культурном посредничестве. Так, переводчик рассматривается как «медиатор», посредник «на полпути между двумя культурами или двумя мирами» [Guidère, 2010, p. 15]. В связи с медиацией рассматриваются вопросы межкультурной осведомленности переводчика [Castellano et al., 2019]. Переводчики сегодня воспринимаются как посредники (медиаторы) в области культуры, отвечающие за успешное межкультурное общение и создание функционально оптимальных целевых текстов в целевых культурах [Bedeker et al., 2006].

Д. Селескович, исследуя проблему «переводческого присутствия» в процессе межкультурной коммуникации, стала, как пишет А. Аль-Захран (Aladdin Al-Zahran), одним из первых исследователей, определившим роль переводчика как межкультурного посредника, доказав, что принципиальной задачей переводчика как межкультурного медиатора является помощь участникам коммуникативного процесса, говорящим на разных языках,

CC BY

в беспрепятственном осуществлении диалога, с учетом всех кросскультурных различий [Al-Zahran, 2008, p. 136].

Активная роль посредника, особенно в устном переводе, вызывает, однако, значительные расхождения во взглядах исследователей на предмет культурного посредничества в переводе. К. Вонг (Caiwen Wang), например, приводит данные, которые показывают, что большинство профессиональных ассоциаций требуют, чтобы устные переводчики не выступали в качестве культурных посредников на работе и чтобы «их знания как специалистов по культуре использовались только для лингвистического посредничества», так как культурное посредничество выходит за рамки ответственности переводчиков и связано с определенными рисками в их работе [Wang, 2017, p. 108—109]. Очевидно, что здесь речь идет о риске переводчика нарушить межкультурную коммуникацию.

Как устанавливает в своем исследовании А. Аль-Захран, «переводчик как межкультурный посредник не может использовать межкультурную медиацию в качестве инструмента для выражения собственных идей или убеждений, вместо этого переводчик должен использовать лингвистические и культурологические знания для обеспечения процесса коммуникации между ее участниками, принимая эффективные переводческие решения и придерживаясь всех базовых принципов профессиональной переводческой деятельности» [Al-Zahran, 2008, p. 254—255]. Таким образом, межкультурная медиация, согласно этому же исследователю, подразумевает безупречное знание переводчиком культуры как языка оригинала, так и языка перевода, что является необходимым условием для обеспечения понимания друг друга участниками коммуникации, представляющими разные культуры и обладающими разным языковым опытом. В то же время переводчик как межкультурный медиатор придерживается всех необходимых правил нейтральности, точности и верности смыслу текста оригинала, не выражая собственные идеологические убеждения или мнения о том, что он переводит [Al-Zahran, 2008, p. 254—255].

Использование термина *медиация* в зарубежных переводоведческих исследованиях приводит к развитию автономии его семантического поля и неизбежному отмежеванию слов *mediation* (медиация) и *intermediation* (посредничество). На наш взгляд, терминологизация *медиации* в аспекте межкультурного посредничества актуализирует вопросы активного участия переводчика в процессе перевода, его беспристрастности по отношению к содержанию перевода. Переводчик, как пишет А. Аль-Захран, является активным участником в рамках переводческих решений, однако в процессе коммуникации он не должен отождествлять себя с одной из сторон, ошибочно брать на себя роль делегата, соглашаясь или не соглашаясь

CC BY

с тем, что говорят коммуниканты, навязывать собственное мнение, идеи, убеждения, культурные представления, — «все то, что должно подвергаться переводу, но не поддаваться переводческой оценке или аргументации» [Al-Zahran, 2008, p. 254]. Встает вопрос о чрезмерности и допустимости участия переводчика в коммуникации в качестве посредника в межкультурной медиации.

К. Валеро-Гарсес (Carmen Valero-Garcés) пишет, что изменения в структуре общества, связанные с постоянным притоком людей из других стран и культур, влияют на межъязыковое посредничество и роль, которую должны выполнять переводчики; исследователь отмечает, что появляется необходимость развития у переводчиков культурных и «антропологических» способностей, позволяющих им преодолевать разрыв между мигрантами и принимающим населением [Valero-Garcés, 2018]. Зарубежные исследователи отмечают, что нередко одних переводческих профессиональных знаний и умений в осуществлении посредничества в переговорах недостаточно. Так, например, Н. Монтойя (Nathalie Montoya) приводит высказывание одной из сторон встречи, демонстрирующее недостаточность только переводческого посредничества: «Переводчик <...> он неплохой, но нам нужен тот, кто объясняет, а не тот, кто переводит. Он не все переводил, и тем более не объяснял...» [Montoya, 2008].

К. Валеро-Гарсес предполагает необходимым обсуждение культурного посредничества как формы перевода и перевода как формы посредничества, в котором допускается большая активность переводчика, нежели при исполнении им традиционно отводимой ему роли, в частности, допускается вмешательство переводчика в межкультурный диалог для предотвращения нарушения коммуникации и для социальной интеграции общающихся [Valero-Garcés, 2018].

Отдельного внимания требует исследование, проведенное международной группой специалистов «TransKom Development Partnership», в котором выявляются «подходы к пониманию медиативной деятельности» в межэтническом и кросскультурном взаимодействии [Цит. по: Плеханова и др., 2018, с. 7—40]. Медиация здесь не только может подразумевать перевод (межкультурный перевод, социальный перевод, коммунальный перевод, устный перевод для государственных и муниципальных нужд), но и рассматривается в отдельных случаях как синонимичное и смежное понятие следующим когнитивным единицам: межъязыковое и межкультурное посредничество, языковое и интеграционное посредничество, интеграционная помощь. Исследователи отмечают, что в отношении медиации в Европе принимается решение об объединении элементов посреднической деятельности, соотносимых ранее с разными профес-

CC BY

сиями — культурного посредника и переводчика. Медиация, особенно в области здравоохранения, образования и социального обеспечения, понимается как посредничество на уровне языка и социокультурной коммуникации для поддержания продуктивного общения между иммигрантами и квалифицированным персоналом учреждений [Плеханова и др., 2018]. Понятие медиации здесь, таким образом, включает языковое посредничество, социокультурное посредничество, межкультурное посредничество, интеграционную помощь.

Однако не везде такое широкое понимание медиации имеет место в аспекте практики перевода. Как мы обнаруживаем в обзоре исследований, посвященных медиативной деятельности в Европе, наряду с совмещением функций межкультурного посредника и переводчика существует и жесткое определение границ деятельности в разного рода посредничестве [Плеханова и др., 2018]. К медиации здесь больше тяготеют дополнительные профессиональные функции, которыми может или не может обладать переводчик.

М. Мартин и М. Филан (Mayte Martin, Mary Phelan) разграничивают и объясняют роли переводчиков и культурных медиаторов. Так, согласно автору, роль культурного посредника (mediator) отличается от роли переводчика в том смысле, что в неоднозначных ситуациях, в конфликтах понимания, в частности в медицинском переводе, культурный посредник стремится наделить сторону / стороны полномочиями и помочь сделать выбор, тогда как переводчик только может объяснить ситуацию [Martin et al., 2010]. Приведенное разграничение не исключает работы переводчика в качестве культурного медиатора.

Как отмечает К. Вонг, переводчики не являются культурными посредниками, поскольку связаны кодексом поведения переводчиков, в то же время выход за рамки ответственности переводчиков возможен при специальной подготовке медиаторов, в частности, в качестве переводчиков в опосредовании конфликтов [Wang, 2017, p. 108—109]. Как отмечают Ю. В. Плеханова и М. А. Степанова, в ряде стран Европы к функциям межкультурного посредника добавляют дополнительные обязанности, выходящие за рамки функций посредничества, в этом случае межкультурное посредничество «рассматривается скорее как ***предупреждение возникновения серьезных конфликтных ситуаций***, осуществляемое путем информирования, объяснения, решения конфликтных вопросов с учетом межкультурных различий» [Плеханова и др., 2018, с. 14—15].

Рассматривая термин *медиация* с расширением значения посредничества в сторону увеличения активности посредника, следует признать, что понятие медиации здесь приближается к медиации как профессиональной практике, связанной с урегулированием конфликтов и разрешением

CC BY

споров. Медиатор в сфере, имеющей отношение к судебной деятельности, в центрах по урегулированию споров, «оказывает обеим сторонам содействие в понимании культурных различий, которые стороны не могут осознать самостоятельно» [Ковач, 2013, с. 47]. Здесь медиация часто определяется как содействие проведению переговоров, «если по тем или иным причинам стороны не в состоянии достигнуть соглашения без привлечения третьей, независимой стороны» [Ковач, 2013, с. 56]. Указанная функция медиатора в межкультурных переговорах с участием разных языков в переговорном процессе неизбежно соприкасается с переводческой деятельностью. В случае, если функции медиатора в этом значении выполняет переводчик, мы имеем дело с новым пониманием медиации как посреднической деятельности в проведении переговоров и разрешении и предупреждении спорных ситуаций с участием переводчика или как переводческой деятельности если не с участием медиатора, то с дополнительной функциональной нагрузкой переводчика, не всегда вписывающейся в рамки собственно переводческой ответственности, которая нередко все же востребована в переговорах.

3.2. Отечественные научные исследования

В современных отечественных публикациях по переводу слово *медиация* так же, как и в зарубежных работах, встречается в значении посредничества как процесса деятельности в качестве посредника и фактически отождествляется с языковым посредничеством, как, например, в работе А. А. Колесникова и М. К. Денисова, где медиация понимается как особая форма интеракции, целью которой является трансмиссия информации от коммуникатора к реципиенту с осуществлением или без осуществления обратной связи; авторы говорят таким образом об устной и письменной формах медиации как об устной и письменной формах языкового посредничества [Колесников и др., 2012].

Отметим, что в результате контаминации рассмотренных терминологических сочетаний в исследованиях встречаются термины *устная языковая медиация* и *письменная языковая медиация* [Крючкова, 2018], *устная медиация* и *письменная медиация* [ОКВИЯ, 2003; Саковец, 2018; Хомякова, 2009]. В русской версии документа «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка» так прямо и говорится о письменной и / или устной медиации: «Речь идет о письменном или устном переводе, обобщении, записи полученной информации с целью передачи ее другому человеку, не имеющему возможности ознакомиться с текстом оригинала» [ОКВИЯ, 2003, с. 13].

Наряду с отождествлением языкового посредничества с медиацией встречается также рассмотрение медиации как одного из видов языкового

CC BY

посредничества, нередко в рамках одной работы [Атаев, 2015], что свидетельствует о некоторой путанице в терминологии, которая объясняется актуальностью использования англицизма *медиация* в интерпретации разного рода коммуникативных взаимодействий с участием третьего лица. О смешении понятий и явлений коммуникации в связи с синонимичностью терминов *посредничество* и *медиация* как эквивалентов единого термина *mediation* пишет Е. В. Статеева, отмечая: «И языковое посредничество, и языковая медиация по сути приравниваются к переводу, и эти термины оказываются взаимозаменяемыми» [Статеева, 2014, с. 142].

В современных исследованиях по переводу использование термина *медиация*, на наш взгляд, довольно часто является своеобразной попыткой сказать нечто новое о переводе как посреднической деятельности. Медиация «рассматривается как качественно новый этап в развитии методической науки» [Пасічник, 2019, с. 213], в качестве медиации рассматривается не только переводческая деятельность, но и «событие рассказывания, наррация, как новый путь взаимодействия и достижения определенного рода договоренности в языковой, профессиональной или культурной сфере» [Пастухова, 2018, с. 143], медиацией обозначают явление, приобретающее большую важность в современном обществе, кратко определяя ее как «передачу информации через посредника» [Ланкина, 2018, с. 175], с медиацией путают медиатизацию, отмечая в общих положениях, что медиация — это концепт, «принципиально важный для понимания современных коммуникационных и — шире — социальных процессов» [Левингстон, 2017, с. 146].

Рассмотренные употребления слова *медиация* демонстрируют несамостоятельность данной единицы в обозначении понятия / понятий в теории перевода. Понимание адаптируемого в настоящее время термина *медиация* как процесса, деятельности по опосредованию в коммуникации находит отражение в употреблении терминологического определения *коммуникативный*. Так, Е. В. Статеева даёт дефиницию коммуникативной языковой медиации: это «процесс оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов сторонним участником, который может осуществляться как в случае межъязыковой коммуникации, т. е. в совокупности с переводом, так и в пределах одного языка» [Статеева, 2014, с. 144].

Наряду с употреблением исследуемой номинации в качестве синонима *языкового посредничества* имеет место использование лексемы *медиация* в значении культурного / межкультурного посредничества. В исследованиях по переводу такое употребление термина в настоящее время является наиболее частотным.

Отсюда, вероятно, и берет корни противопоставление переводчика (языкового посредника) и медиатора (культурного / межкультурного по-

CC BY

средника). Данное противопоставление между тем является весьма условным, так как функции переводчика и посредника в межкультурной коммуникации зачастую совмещаются для реализации единой цели — нейтральной передачи предметного содержания коммуникации при сохранении культурной идентичности коммуникантов и преодолении межкультурных барьеров в переводе [Курицын, 2016]. Между тем с термином *медиация* в работах используются определения *лингвокультурный, межкультурный, транскультурный* [Белоусова, 2019; Колосова, 2012; Косарева, 2011; Лингвокультурная …, 2018; Пасічник, 2019 и др.].

Употребление слова *медиация* в отечественных исследованиях по переводу в качестве самостоятельного термина связано с вопросами целесообразности рассмотрения новых функций переводчика или же с вопросами изучения посреднической роли медиатора в культурном / межкультурном взаимодействии.

Е. В. Статеева пишет, что «в отличие от посредника-переводчика медиатор гораздо более свободен в выборе средств (вербальных и невербальных). Медиатор может вступить в коммуникацию на любом этапе, когда, по его мнению, успешность коммуникации или лицо коммуниканта находится под угрозой» [Статеева, 2014, с. 144]. Здесь мы видим, что *медиация* отнюдь не приравнивается к переводу, а значение посредничества расширяется в сторону увеличения активности посредника.

Е. В. Статеева предлагает «отграничить применение понятия языковой медиации от перевода, ограничив его использование случаями, в которых оно будет действительно необходимым для обеспечения эффективности коммуникации», отмечая, что специалисты в области языков и коммуникации, устные и письменные переводчики — это не медиаторы для работы в конфликтных ситуациях, для которых «требуется компетенция и навыки психологов, социологов и антропологов, которые нужно получать и развивать на других образовательных маршрутах» [Статеева, 2014, с. 145]. Здесь видим, что медиатору все же необходима специальная подготовка, отличная от подготовки переводчика, и медиация, таким образом, рассматривается как деятельность, для которой недостаточно переводческих знаний, умений и навыков.

Термин *медиация* в переводе используется в значении ‘посредническая деятельность в конфликтных ситуациях’. Отметим, что данное значение выводит нас в область-источник терминологической номинации — правовую, социальную сферу, где медиация рассматривается как технология разрешения конфликтов и ресурс развития новой культуры отношений [Медиация …, 2013]. «Актуальность медиаторства как технологии разрешения противоречий между людьми в современном противоречивом мире

CC BY

и посреднический характер работы переводчика делают необходимым рассмотрение явления медиации в профессии переводчика» [Киндеркнехт, 2018б, с. 178]. Здесь медиация уже не приравнивается к переводу, а рассматривается как новый компонент переводческой компетенции.

Примечательно, что в отечественных работах по переводу изучение новых способностей переводчика, соотносимых с медиацией, осуществляется с ориентацией на зарубежные исследования. Так, например, авторы монографии «Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики», основываясь на анализе межэтнического и кросскультурного взаимодействия в отдельных странах Европейского Союза (Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Швейцарии), выявляют существующие подходы к пониманию медиативной деятельности, обнаруживая, что медиация в зависимости от сферы осуществления деятельности приравнивается к коммунальному переводу, устному переводу для государственных и муниципальных нужд, языковому и интеграционному посредничеству, межкультурному переводу и другим терминам, соотносимым с межъязыковым и межкультурным посредничеством в условиях «социальных и культурных различий в обществе и появлению новых сложноразрешимых задач» [Лингвокультурная …, 2018, с. 12], например, в условиях увеличения количества иммигрантов и необходимости устранения языковых и культурных барьеров между иммигрантами и представителями государственных структур принимающей страны, «компенсации коммуникативного неравноправия» участников взаимодействия [Лингвокультурная …, 2018, с. 11].

Такого рода посредничество в языке и интеграции в последнее время становится востребованным как в России, так и за рубежом. «Увеличение числа контактов — временами конфликтных — между языками и культурами вызывает растущую потребность в профессиональных посредниках-медиаторах» [Статеева, 2014, с. 142]. Однако «посредничество на уровне языка и социокультурной коммуникации для поддержания продуктивного общения между иммигрантами и квалифицированным персоналом учреждений в области здравоохранения, образования и социального обеспечения» [Плеханова и др., 2018, с. 14] в российских работах чаще связывается с термином *коммунальный перевод*, нежели с *медиацией*.

И. С. Алексеева пишет, что культурные различия и связанные с ними культурные конфликты требуют активного участия переводчика в межкультурной коммуникации и делают перевод интерактивным процессом по снятию культурных конфликтов [Алексеева, 2005]. Это преимущественно устный перевод «в административных и медицинских учреждениях, а точнее — в социальной, юридической и медицинской областях, где

CC BY

переводчику приходится: 1) выступать в качестве эксперта по культурам; 2) выступать в качестве конфликтолога; 3) быть переводчиком на стороне клиента» [Там же, с. 9—10]. Здесь видим более активную роль переводчика в межкультурном опосредовании коммуникации. Переводчик наделен дополнительными функциями: в коммунальном переводе переводчик выступает в роли конфликтолога.

Конфликтологические компетенции в переводе непосредственно связаны с медиацией как профессиональной деятельностью в сфере урегулирования споров и конфликтов, однако сам термин *медиация* в связи с конфликтологическими знаниями и умениями в переводе не так часто используется. Рассмотрение медиации в переводе и употребление юридического термина *медиация* в отношении к посреднической деятельности переводчика — это пока мало изученная область, в которой делаются робкие шаги: изучается, например, медиаторская функция переводчика [Киндеркнехт, 2018б], рассматривается применение медиативной практики в профессиональной переводческой деятельности [Киндеркнехт, 2018а], анализируются конфликтологические компетенции переводчика, отраженные в профессиональных стандартах [Киндеркнехт, 2019].

4. Заключение = Conclusions

В результате анализа научных публикаций по переводу мы обнаружили различные интерпретации термина *медиация*. И в зарубежных, и в отечественных исследованиях в области перевода медиация понимается как процесс деятельности в качестве посредника и представляет собой вид социального взаимодействия между разными собеседниками при участии переводчика. Вместе с тем существуют различные уточнения и дополнения, обосновывающие употребление этого термина в теоретических исследованиях в сфере перевода.

В зарубежных исследованиях под *медиацией* часто подразумевают культурное посредничество в переводе, обращается внимание на межкультурную осведомленность переводчика. Медиация передает идею помощи в беспрепятственном осуществлении диалога между представителями разных культур, говорящими на разных языках. В зарубежных публикациях широко обсуждаются вопросы активности переводчика в связи с реализаций медиативных компетенций, например, рассматривается допустимость вмешательства переводчика в межкультурный диалог для поддержания продуктивного общения сторон, для дальнейшего сохранения коммуникации. Спорные вопросы в определении медиации как явления касаются рассмотрения культурной медиации как формы перевода и перевода как формы культурной и / или межкультурной медиации. Актуальность упо-

CC BY

требления термина в публикациях по переводу однозначно здесь связана с насущными проблемами социокультурного посредничества и интеграционной помощи в условиях миграционных процессов. Наряду с работой переводчика обсуждается работа медиатора как социального агента, функции которого берет на себя переводчик в трудных, конфликтных ситуациях межкультурного взаимодействия.

В современных отечественных исследованиях по переводу медиация отождествляется с терминами *языковое посредничество, перевод, культурное посредничество, межкультурное посредничество*. В терминологических номинациях встречаются различные сочетания слова *медиация* с терминами и компонентами терминологических обозначений, уже бытующими в российском переводоведении, отчего нередко возникает путаница в толковании явления медиации. Диверсификация интерпретаций связана, на наш взгляд, со степенью терминологичности используемого слова в конкретном исследовании, с тем, насколько четкое понятие отображает в научной коммуникации слово *медиация*. Нередко оно используется в качестве контекстуального синонима широкозначного слова *посредничество* — для уточнения, тогда мы имеем дело не с термином в строгом смысле слова.

В отечественных исследованиях присутствует явная ориентация на зарубежный опыт использования термина. В анализируемых отечественных работах это отражается в обзоре публикаций. Существенен также сам факт усвоения термина *mediation* и его кальки *медиация*. В дефинициях медиации мы наблюдаем попытки адаптации термина в системе терминов переводоведения. В связи с употреблением термина, как и в зарубежных исследованиях, разграничиваются или отождествляются явления перевода, культурного / межкультурного посредничества и медиации, рассматриваются вопросы активности переводчика, упоминается о дополнительных обязанностях, которые может брать на себя переводчик в зависимости от сферы осуществления своей деятельности, в частности о посредничестве в конфликтах. Примечательно, что деятельность медиации как посредничество на уровне языка и социокультурной коммуникации, обозначаемая в зарубежных исследованиях термином *mediation*, в отечественных работах чаще отражается в терминологической номинации *коммунальный перевод*. В целом в современной отечественной теории перевода мы видим противоречивые толкования термина *медиация*.

Анализ отечественных и зарубежных работ показывает, что рациональность употребления термина медиация в современных научных исследованиях по переводу связана с вопросами усложнения роли переводчика в условиях глобальных социальных процессов. Термин постепенно осваивается в сфере перевода для обозначения нового явления действитель-

ности — активной деятельности переводчика в сложных, труднопреодолимых ситуациях межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Перербург : Норинт, 2000. — 1536 с.

2. ОКВИЯ — *Общеевропейские* компетенции владения иностранным языком : изучение, обучение, оценка. Совет Европы, Страсбург. — Москва : Издательство МГЛУ, 2003. — 256 с.

Литература

1. *Азбука медиации* / Науч.-метод. центр медиации и права ; [С. Ташевский]. — Москва : Межрегион. центр управлен. и полит. консультирования, 2011. — 64 с.

2. *Алексеева И. С.* «Коммунальный перевод» : современные толкования / И. С. Алексеева // Материалы XXXIV Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, 14—19 марта 2005 г.). — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. — С. 9—13.

3. *Атаев Ш. А.* Сходства и различия между понятиями перевода и медиации как видами речевой деятельности / Ш. А. Атаев // Наука и мир. — 2015. — Т. 2, № 5. — С. 37—39.

4. *Белоусова В. В.* Лингвокультурная медиация: эффективная деятельность специалиста в поликультурной среде / В. В. Белоусова // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : сборник статей. — Будапешт — Киров : Selmeczi Bt. Радуга-ПРЕСС, 2019. — С. 434—441.

5. *Киндеркнехт А. С.* К вопросу о медиации в переводческой деятельности / А. С. Киндеркнехт // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. — 2018а. — Т. 1. — С. 570—574.

6. *Киндеркнехт А. С.* Конфликтологическая компетентность переводчика как образовательная возможность / А. С. Киндеркнехт // Индустрия перевода : материалы XI Международной научной конференции (Пермь, 13—15.06.2019). — 2019. — Т. 1. — С. 151—157.

7. *Киндеркнехт А. С.* О медиаторской функции переводчика / А. С. Киндеркнехт // Социальный мир человека : материалы VII международной научно-практической конференции «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5—7 апреля 2018 г.) / ред. Н. И. Леонов. — Ижевск : ERGO, 2018б. — С. 177—179.

8. *Кириллова Т. С.* Проблемы формирования научной терминологии (на материале названий медицины и экологии) : диссертация … доктора филологических наук / Т. С. Кириллова. — Астрахань, 1999. — 331 с.

9. *Ковач К. К.* Медиация : краткий курс / Кимберли Ковач ; пер. с англ. [Е. И. Носырева и др.]. — 2-е изд. — Москва : Инфотропик Медиа, 2013. — 316 с.

10. *Колесников А. А.* Формирование медиативной компетенции при обучении иностранным языкам в школе / А. А. Колесников, М. К. Денисов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2012. — № 34. — С. 23—33.

11. *Колосова А. А.* Лингвокультурная медиация. О происхождении, значении и практике применения термина в современной лингводидактике / А. А. Колосова // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе : ма-

териалы ежегодной международной научной конференции (г. Москва, 10—12 апреля 2012 г.). — Москва : РУДН, 2012. — С. 144—147.

12. *Косарева Т. Б.* Лингвокультурная медиация и перевод / Т. Б. Косарева // Современные научные исследования и инновации. — 2011. — № 5. — С. 29.

13. *Крючкова А. С.* Медиативная компетенция в научно-профессиональной деятельности будущего преподавателя иностранного языка / А. С. Крючкова // Гуманитарно-педагогическое образование. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 126—134.

14. *Курицын В. М.* Межкультурные барьеры в переводе и медиации / В. М. Курицын // Научный поиск. — 2016. — № 1.1. — С. 75—78.

15. *Ланкина О. Ю.* Содержание понятия «медиация» в обучении иностранным языкам / О. Ю. Ланкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2018. — № 2. — С. 175—184.

16. *Левингстон С.* О медиа(тиза)ции всего / С. Левингстон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2017. — Т. 2, № 2. — С. 146—170.

17. *Лингвокультурная* и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики: коллективная монография / ред. Э. М. Рянская, М. А. Степанова. — Уфа : АЭТЕРНА, 2018. — 116 с.

18. *Медиация* как культура согласия : сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (г. Пермь, 23 апреля 2013 г.) / сост. Т. И. Марголина, Л. А. Ясырева. — Пермь : ИП Корман Галина Николаевна, 2013. — 354 с.

19. *Пастухова Е. В.* Вторичная языковая личность как медиатор в нарративе / Е. В. Пастухова // Конфликтология и конфликты в современном мире: сборник трудов конференции (г. Омск, 27 апреля 2018 г.). — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2018. — С. 143—147.

20. *Пасічник О.* Міжкультурна медіація — переосмислення місця і ролі рідної мови у навчанні іноземних мов / О. Пасічник // Проблеми сучасного підручника. — 2019. — № 22. — С. 213—223.

21. *Петрова Е. С.* Перевод и коммуникативная языковая медиация: границы понятий / Е. С. Петрова, Е. В. Статеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 9—2 (39). — С. 121—126.

22. *Плеханова Ю. В.* Феномен лингвокультурной и транскультурной медиации: концепция стран Европейского Союза / Ю. В. Плеханова, М. А. Степанова // Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики : коллективная монография / ред. Э. М. Рянская, М. А. Степанова. — Уфа : АЭТЕРНА, 2018. — С. 7—40.

23. *Садовская Т. А.* Формирование готовности переводчика к управлению профессиональными конфликтами : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук / Т. А. Садовская. — Калининград, 2011. — 24 с.

24. *Саковец С. А.* Стратегии анализа контекста при переводе многозначных слов / С. А. Саковец // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты : сборник трудов конференции (г. Саратов, 15—16 ноября 2018 г.). — Саратов : Саратовский источник, 2018. — С. 64—69.

25. *Статеева Е. В.* Перевод и коммуникативная языковая медиация как навыки устного общения / Е. В. Статеева // Ученые записки Международного банковского института. — 2014. — № 8—1. — С. 141—146.

26. *Хомякова Н. П.* Иноязычная коммуникативная компетентностная модель юристов, специализирующихся в области права международной торговли / Н. П. Хомяко-

ва // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 3. — С. 173—184.

27. *Чернышенко А. Г.* Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации / А. Г. Чернышенко, О. А. Алимурадов // Вестник Брянского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 408—415.

28. *Al-Zahran A.* The Consecutive Conference Interpreter as Intercultural Mediator: A Cognitive-Pragmatic Approach to the Interpreter's Role / A. Al-Zahran // International Journal of Interpretation and Translation. — 2008. — № 6. — P. 237—271.

29. *Bedeker L.* The translator as cultural mediator / L. Bedeker, I. Feinauer // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. — 2006. — № 24. — P. 133—141. — DOI: 10.2989/16073610609486412.

30. *Castellano N. P.* El Intérprete Como Mediador Cultural: Influencia En El Éxito Y Calidad De La Interpretación Simultánea [Electronic resource] / N. P. Castellano, E. O. Torres // Interpreters as Cultural Mediators: Role in the Success and Quality of the Interpreting Service. — 2019. — Access mode : https://www.researchgate.net.

31. *Cheng Z.* Mediation through Personal Pronoun Shifts in Dialogue Interpreting of Political Meetings / Z. Cheng // Interpreting. — 2012. — № 14 (2). — P. 192—216. — DOI: https://doi.org/10.1075/intp.14.2.04zha.

32. *Davitti E.* Dialogue Interpreting as Intercultural Mediation Integrating Talk and Gaze in The Analysis of Mediated Parent-Teacher Meetings. Doctoral dissertation. 2012 [Electronic resource] / E. Davitti. — Access mode : https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/54519058/FULL_TEXT.PDF.

33. *Edema A.* Peeters, Jean (1999): «La Médiation de l'étranger. Une sociolinguistique de la traduction», Arras, Artois Presses Université, coll. "Traductologie", 367 p. / A. Edema // Meta. — 2001. — № 46 (3). — P. 600—604. — DOI: 10.7202/002695ar.

34. *Guidère M.* Introduction à la traductologie. Penser la traduction: hier, aujourd'hui, demain / M. Guidère. — Bruxelle : De Boeck Université, 2010. — 176 p.

35. *Liddicoat A. J.* Intercultural Mediation, Intercultural Communication and Translation [Electronic resource] / A. J. Liddicoat // Perspectives Studies in Translatology. 2015. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/273514068. — DOI: 10.1080/0907676x.2014.980279.

36. *Martín M.* Interpreters and Cultural Mediators — Different but Complementary Roles [Electronic resource] / M. Martín, M. Phelan // Translocations: Migration and Social Change. — 2010. — № 6. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/279358214.

37. *Montoya N.* Médiation et médiateurs culturels: quelques problèmes de définition dans la construction d'une activité professionnelle / N. Montoya // Lien social et Politiques. — 2008. — № 60. — P. 25—35. — DOI:10.7202/019443ar.

38. *Pistillo G.* The Interpreter as Cultural Mediator [Electronic resource] / G. Pistillo // Intercultural Communication. — 2002. — № 6. — Access mode : http://www.immi.se/intercultural/nr6/pistillo.pdf.

39. *Valero-Garcés C.* Mediation as Translation or Translation as Mediation? [Electronic resource] / C. Valero-Garcés. — 2018. — Access mode : https://www.uah.es/otrosweb/traduccion.

40. *Wang C.* Interpreters = Cultural Mediators? / C. Wang // TranslatoLogica: A Journal of Translation, Language, and Literature. — 2017. — № 1. — P. 93—114.

Material resources

BTSRYa —Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Great Dictionary of Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russ.).

OKVIYa — *The Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, evaluation. Council of Europe, Strasbourg*. (2003). Moscow: Publishing house of MGLU. 256 p. (In Russ.).

References

Al-Zahran, A. (2008). The Consecutive Conference Interpreter as Intercultural Mediator: A Cognitive-Pragmatic Approach to the Interpreter's Role. *International Journal of Interpretation and Translation, 6:* 237—271.

Alekseeva, I. S. (2005). "Communal translation": modern interpretations. Materials of the 34th International Philological Conference (St. Petersburg, March 14—19, 2005). St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University. 9—13. (In Russ.).

Ataev, Sh. A. (2015). Similarities and differences between the concepts of translation and mediation as types of speech activity. *Science and world, 2 (5):* 37—39. (In Russ.).

Bedeker, L., Feinauer, I. (2006). The translator as cultural mediator. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies, 24:* 133—141. DOI: 10.2989/16073610609486412.

Belousova, V. V. (2019). Language and culture mediation: specialist's efficiency of working in a multicultural environment. In: *Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World: collection of articles*. Budapesht — Kirov: Selmeczi Bt. Raduga-PRESS. 434—441. (In Russ.).

Castellano, N. P., Torres, E. O. (2019). El Intérprete Como Mediador Cultural: Influencia En El Éxito Y Calidad De La Interpretación Simultánea In: *Interpreters as Cultural Mediators: Role in the Success and Quality of the Interpreting Service*. Available at: https://www.researchgate.net.

Cheng, Z. (2012). Mediation through personal pronoun shifts in dialogue interpreting of political meetings. *Interpreting, 14 (2):* 192—216. DOI: https://doi.org/10.1075/intp.14.2.04zha.

Chernyshenko, A. G., Alimuradov, O. A. (2014). The functional aspect of the applied terminology system: a terminological component of the english mediation discourse. *The Bryansk state university herald, 2:* 408—415. (In Russ.).

Davitti, E. (2012). *Dialogue Interpreting as Intercultural Mediation Integrating Talk and Gaze in The Analysis of Mediated Parent-Teacher Meetings. Doct. Diss*. Available at: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/54519058/FULL_TEXT.PDF.

Edema, A. (2001). Peeters, Jean (1999): «La Médiation de l'étranger. Une sociolinguistique de la traduction», Arras, Artois Presses Université, coll. "Traductologie", 367 p. *Meta, 46 (3):* 600—604. DOI: 10.7202/002695ar.

Guidère, M. (2010). *Introduction à la traductologie. Penser la traduction: hier, aujourd'hui, demain.* Bruxelle: De Boeck Université. 176 p.

Khomyakova, N. P. (2009). Foreign language communicative competence model of lawyers specializing in international trade law. *Moscow State university bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 3:* 173—184. (In Russ.).

Kinderknekht, A. S. (2018a). On the issue of mediation in translation activities. In: *Formation of the Humanitarian Environment at the University: Innovative Educational Technologies. Competence approach*. 1. 570—574. (In Russ.).

Kinderknekht, A. S. (2018b) About the mediator function of an interpreter. In: *Leonov, N. I. (ed.). Human social world: materials of VII International scientific and practical conference "Man and the World: Worldbuilding, Conflict and Mediation" (Izhevsk, April 5—7, 2018)*. Izhevsk: ERGO. 177—179. (In Russ.).

Kinderknekht, A. S. (2019). Conflictological competence of the translator as an educational opportunit. In: *The translation industry: materials of the XI International Scientific Conference (Perm, 13—15.06.2019)*. 1. 151—157. (In Russ.).

Kirillova, T. S. (1999). *Problems of formation of scientific terminology (based on the names of medicine and ecology): Doct. Diss*. Astrakhan. 331 p. (In Russ.).

Kolesnikov, A. A., Denisov, M. K. (2012). Formation of mediative competence in teaching foreign languages at school. *Bulletin of the Ryazan State University. S. A. Yesenina, 34:* 23—33. (In Russ.).

Kolosova, A. A. (2012). Linguistic mediation. On the origin, meaning and practice of using the term in modern linguodidactics. In: *Professionally oriented teaching of a foreign language and translation at a university: materials of the annual international scientific conference (Moscow, April 10—12, 2012)*. Moscow: RUDN. 144—147. (In Russ.).

Kosareva, T. B. (2011). Linguocultural mediation and translation. *Modern scientific researches and innovations. 5*. 29. (In Russ.).

Kovach, K. K. (2013). Mediation in a nutshell. (2nd ed.). Moscow: Infotropik Media. 316 p. (In Russ.).

Kryuchkova, A. S. (2018). Mediation competence in the scientific and professional activities of the future teacher of a foreign language. *Humanitarian and pedagogical education, 4 (2):* 126—134. (In Russ.).

Kuritsyn, V. M. (2016). Intercultural barriers in translation and mediation. *Scientific search, 1.1:* 75—78. (In Russ.).

Lankina, O. Yu. (2018). The content of the concept of "mediation" in teaching foreign languages. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2:* 175—184. (In Russ.).

Liddicoat, A. J. (2015). Intercultural Mediation, Intercultural Communication and Translation. *Perspectives Studies in Translatology*, 24 (3): 1—10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/273514068. DOI: 10.1080/0907676x.2014.980279.

Livingstone, S. (2017). On mediation of everything. *Communications. Media. Design*, 2 (2): 146—170. (In Russ.).

Margolina, T. I., Yasyreva, L. A. (eds.). (2013). *Mediation as a culture of consent: collection of materials of the interregional scientific and practical conference (Perm, April 23, 2013)*. Perm': IP Korman Galina Nikolaevna. 354 p. (In Russ.).

Martín, M., Phelan, M. (2010). Interpreters and Cultural Mediators — Different but Complementary Roles. *Translocations: Migration and Social Change. 6.* Available at: https://www.researchgate.net/publication/279358214.

Montoya, N. (2008). Médiation et médiateurs culturels: quelques problèmes de définition dans la construction d'une activité professionnelle. *Lien social et Politiques, 60:* 25—35. DOI:10.7202/019443ar.

Pasichnik, O. (2019). Intercultural mediation — rethinking the place and role of the native language in the teaching of foreign languages. *Problems of modern textbook, 22:* 213—223. (In Ukr.).

Pastukhova, E. V. (2018). Secondary linguistic personality as a mediator in the narrative. In: *Conflictology and conflicts in the modern world: a collection of proceedings of the*

conference (Omsk, April 27, 2018). Omsk: Omsk State Pedagogical University. 143—147. (In Russ.).

Petrova, E. S., Stateeva, E. V. (2014). Translation and communicative language mediation: the borders of concepts. *Philology. Theory & Practice, 9—2 (39):* 121—126. (In Russ.).

Pistillo, G. (2002). The Interpreter as Cultural Mediator. In: *Intercultural Communication. 6.* Available at: http://www.immi.se/intercultural/nr6/pistillo.pdf.

Plekhanova, Yu. V., Stepanova, M. A. (2018). The phenomenon of linguocultural and transcultural mediation: the concept of the countries of the European Union. In: *Linguocultural and transcultural mediation as an intercultural phenomenon: questions of theory and practice: collective monograph*. Ufa: AETERNA. 7—40. (In Russ.).

Ryanskaya, E. M., Stepanova, M. A. (eds.). (2018). *Linguocultural and transcultural mediation as an intercultural phenomenon: questions of theory and practice: collective monograph*. Ufa: AETERNA. 116 p. (In Russ.).

Sadovskaya, T. A. (2011). *Formation of an interpreter's readiness to manage professional conflicts: author's abstract of PhD Diss*. Kaliningrad. 24 p. (In Russ.).

Sakovets, S. A. (2018). Context Analysis Strategies When Translating Polysemantic Words. In: *Language and cultural contacts: linguistic and linguodidactic aspects: collection of proceedings of the conference (Saratov, November 15—16)*. Saratov: Saratovskiy istochnik. 64—69. (In Russ.).

Stateeva, E. V. (2014). Translation and communicative language mediation as speaking communication skills. In: *Scientific notes of the International Banking Institute. 8 (1).* 141—146. (In Russ.).

The ABC of Mediation. Scientific method. mediation and law center. (2011). Moscow: Mezhregion. tsentr upravlen. i polit. konsultirovaniya. 64 p. (In Russ.).

Valero-Garcés, C. (2018). *Mediation as Translation or Translation as Mediation?* Available at: https://www.uah.es/otrosweb/traduccion.

Wang, S. (2017). Interpreters = Cultural Mediators? *TranslatoLogica: A Journal of Translation, Language, and Literature, 1:* 93—114.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022,
одобрена после рецензирования 04.06.2022,
подготовлена к публикации 20.07.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лаппо М. А. Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр» / М. А. Лаппо, И. Пожгаи // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 50—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69.

Lappo, M. A., Pozsgai, I. (2022). Representation of National and Cultural Identity in Hungarian Translation of E. Vodolazkin's Novel "Laurus". *Nauchnyi dialog, 11(6):* 50-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-50-69

Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

Лаппо Марина Александровна [1]
orcid.org/0000-0002-4335-5181
доктор филологических наук, доцент,
кафедра современного русского языка
и методики его преподавания
marine.lappo@yandex.ru

Пожгаи Иштван [2,3]
orcid.org/0000-0003-2475-9401
PhD, хабилитированный доцент,
кафедра русской филологии Печского
университета
кафедра русского языка Католического
университета им. Петера Пазманя
pozsgaiistvan330@gmail.com

[1] Новосибирский государственный
педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

[2] Печский университет
(Печ, Венгрия)

[3] Католический университет
им. Петера Пазманя
(Будапешт, Венгрия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Фонда «За русский язык и культуру
в Венгрии», проект № 21-512-23003

Representation of National and Cultural Identity in Hungarian Translation of E. Vodolazkin's Novel "Laurus"

Marina A. Lappo [1]
orcid.org/0000-0002-4335-5181
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Modern Russian Language
and Teaching Methods
marine.lappo@yandex.ru

István Pozsgai [2,3]
orcid.org/0000-0003-2475-9401
PhD, Habilitatus Assistant Professor
pozsgaiistvan330@gmail.com

[1] Novosibirsk State
Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

[2] University of Pecs
(Pecs, Hungary)

[3] Péter Pázmány Catholic University
(Budapest, Hungary)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR
and FRLC, project number 21-512-23003

© Лаппо М. А., Пожгаи И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема перевода художественного текста, в котором интерпретация национально-культурной самоидентификации героев и нарратора является значимым инструментом выявления его смысловой доминанты. Впервые вопрос переводческих стратегий в соотношении с актуализацией «своего и чужого» исследуется на материале венгерского перевода романа Евгения Водолазкина «Лавр». Объектом исследования являются архаизированные либо неархаизированные фрагменты древнерусского текста в речи героев романа, а также переводы личных имен и топонимов. Устанавливается, что Лайош Палфальви использует переводческую стратегию доместикации. Описываются языковые средства архаизации, использованные в тексте перевода. Доказывается, что ведущим средством архаизации в переводе является употребление древнего венгерского повествовательного прошедшего, другими средствами архаизации являются устаревшие формы, слова и синтаксические конструкции, редкие слова и слова, принадлежащие к высокому, литературному или народному стилю. Демонстрируется адекватность переводческой стратегии: данные языковые средства относят венгерского читателя к эпохе средневековья, что соответствует замыслу автора. При этом отмечается, что специфическая лингвокультурная преемственность восточных славян (жителей Древней Руси) и русских (носителей современного русского языка) лишь отчасти актуализирована в переводе романа.

Ключевые слова:
этнокультурная идентичность; самоидентификация; перевод; архаизация; Лавр; Лайош Палфальви.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of translation of a literary text is considered, in which the interpretation of the national-cultural self-identification of the characters and the narrator is a significant tool for identifying its semantic dominant. For the first time, the issue of translation strategies in relation to the actualization of “one’s own and someone else’s” is studied on the material of the Hungarian translation of Evgeny Vodolazkin’s novel “Laurus”. The object of the study is archaic or non-archaic fragments of the Old Russian text in the speech of the heroes of the novel, as well as translations of personal names and toponyms. It is established that Lajos Palfalvi uses the translation strategy of domestication. The language means of archaization used in the translation text are described. It is proved that the leading means of archaization in translation is the use of the ancient Hungarian narrative past, other means of archaization are obsolete forms, words and syntactic constructions, rare words and words belonging to a high, literary or folk style. The adequacy of the translation strategy is demonstrated: these linguistic means refer the Hungarian reader to the Middle Ages, which corresponds to the author's intention. At the same time, it is noted that the specific linguocultural continuity of the Eastern Slavs (inhabitants of Ancient Russia) and Russians (native speakers of the modern Russian language) is only partially updated in the translation of the novel.

Key words:
ethnocultural identity; self-identification; translation; archaization; Laurus; Lajos Palfalvi.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’255.2+821.161.1Водолазкин7Лавр=511.141

Репрезентация национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

© Лаппо М. А., Пожгаи И., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования языковых средств репрезентации идентичности определяется антропоцентрическим поворотом в лингвистике. Утверждение современной философии о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [Павиленис, 2013], позволяет перейти к вербальному аспекту самоидентификации как в рамках эссенциалистского, так и в рамках конструкционистского подходов. Первый дает возможность оценить накопленные ресурсы языка в области маркирования групп людей на основании различных признаков (национального, возрастного, гендерного, профессионального и т. п.), второй — говорить о том, что в речевой деятельности непрерывно осуществляются процессы актуализации идентичности.

Художественный текст — важнейшее пространство маркирования национально-культурной самоидентификации: «Стабилизация этнических стереотипов — комплекса представлений одной этнической группы о другой либо о самой себе (автостереотип) происходит прежде всего в литературе. Эти представления отнюдь не всегда совпадают с объективной исторической реальностью, а являются выражением убеждений данной группы» [Хорев, 2000, с. 23]. Современная художественная литература в образной, неявной форме отражает глобальные культурные изменения, происходящие в обществе, и сама впоследствии косвенно влияет на формирование системы ценностей, структуры идентичности носителей языка, реципиентов как первичных текстов, так и их интерпретаций (переводов на другие языки, экранизаций и т. п.). При этом переводной художественный текст рассматривается нами как самостоятельное культурное явление, в котором значимая для читателей оригинального текста исходная оппозиция «своего» и «чужого» может быть как сохранена, так и элиминирована или трансформирована. Вопрос о том, какая стратегия художественного перевода — форенизация или доместикация, в терминологии Л. Венути [Venuti, 1995], является более приемлемой, остается открытым.

Как правило, категория «своё и чужое» исследуется на материале аутентичных текстов [Acta Slavica Estonica VIII, 2016]. Вопрос адекватного перевода в соотношении с актуализацией «своего и чужого» в простран-

CC BY

стве художественного текста был поднят сравнительно недавно (см. обзор в статье [Качане и др., 2016]. В работе Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Я. Е. Андреевой посвященной переводу на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», представлен особый тип этнолингвистических лакун, когда «лакунарной является сопряженность лингвокультурного татарско-русского контактирования, которое «прочитывается» в тексте оригинала, но не в его переводе» [Лабунец и др., 2022]. Об этом же типе лакун контактирования идет речь и в исследовании С. А. Колосова: американская переводчица «Белой гвардии» Мэриан Шварц, сохраняя значимость билингвальности героев, украинские вкрапления маркирует курсивом в кавычках, поскольку они встречаются только в прямой речи, о чем упоминает в предисловии к новому переводу романа [Колосов, 2015].

Как известно, роман Е. Водолазкина «Лавр», опубликованный в 2012 году, получил не только собственно литературное признание в виде книжных премий «Ясная Поляна» и «Большая книга» и переводов на десятки иностранных языков, но и солидное филологическое осмысление в десятках научных статей и фрагментах монографий. В аспекте проблем его перевода стоит отметить прежде всего работы В. А. Разумовской [Разумовская, 2018], О. Б. Пановой и О. В. Кодочиговой [Панова, 2019], анализирующих текст данного романа в контексте диалога культур и в препереводческой перспективе. Ряд исследований посвящен изучению переводов «Лавра» на другие языки и его рецепции иноязычными читателями и критиками, см.: [Tyszkowska-Kasprzak, 2017; Кахла, 2010; Палфальви, 2019; Богоутдинов, 2020]. Конструирование художественного билингвизма в творчестве Е. Водолазкина описывается в трудах Н. В. Кривошаповой [Кривошапова, 2020], Н. А. Купиной [Купина, 2021] и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ранее в статье М. А. Лаппо на материале романа Е. Водолазкина «Лавр» были проанализированы языковые приемы художественного конструирования этнокультурной идентичности [Лаппо, 2021]. Было доказано, что интерпретация национально-культурной самоидентификации в художественном тексте может стать инструментом выявления его смысловой доминанты. Нарратор использует стилистически нейтральную разновидность современного русского языка, а в речи героев совмещаются элементы древнерусского (церковнославянского) и различных стилистических пластов современного русского языков. Такое совмещение языковых страт В. А. Разумовская считает «сконструированным вариантом древнего языка», языковой «квазисистемой», которая играет «важнейшую роль в организации культурного пространства романа, создании уникальной куль-

CC BY

турной диахронной полифонии» и «тесно связана с различными аспектами художественного смыслопорождения» [Разумовская, 2018, с. 258—259].

По нашему мнению, художественное противопоставление героев и нарратора выдвигает речевую партию последнего и делает значимым его выбор номинации временного периода описываемых событий: это *Средневековье,* а не *Древняя Русь.* Хрононим *Средневековье* позволяет избежать прямой национальной самоидентификации (с корнем *рус-, рос-*) и обозначить этот исторический период как важный семиотический центр, середину времени и пространства, средоточие смысла. Термин *Средневековье* также, не являясь национально маркированным, относит Русь (Россию) к Европе и всему миру, делая ее частью всемирной истории, а не противопоставляя другим.

В данной статье рассматриваются языковые средства передачи национально-культурной самоидентификации в венгерском переводе романа «Лавр», выполненном венгерским переводчиком Лайошем Палфальви [Vodolazkin, 2015].

В речи героев романа, как мы уже упомянули, совмещены современный русский, древнерусский и русский церковнославянский языки. Вернее, последние два языка составляют одну языковую систему или две подсистемы одной национальной языковой системы, если примем, что жители Древней Руси древнерусский и церковнославянский языки воспринимали как одну языковую систему [Успенский, 1994, с. 6]. Следует отметить, что этот взгляд Б. А. Успенского подвергается критике, поскольку фактически нет свидетельств о том, принимали ли восточные славяне церковнославянский язык и свои диалекты за один язык [Живов, 2017, с. 64].

По сути, средневековым языковым слоем в романе «Лавр», скорее, можно считать церковнославянский язык, так как собственно древнерусские языковые элементы обнаруживаются чаще всего только тогда, когда они совпадают с соответствующими церковнославянскими словоформами. Исключение могут представлять собой словоформы, содержащие на месте праславянского сочетания **dj* согласный *ж* (*межи светом и тьмою*, *отхожу)*, словоформы, отражающие отсутствие носовых гласных (*лягу*), или начальное *у* (*уноше)*. Отметим, что до конца XIV века, до второго южнославянского влияния и в русском церковнославянском языке (за исключением самих ранних памятников) на месте праславянского сочетания **dj* употребляли рефлекс *ж,* то есть вместо правильной старославянской формы *прѣжде* писали *прѣже,* вместо *гражданинъ* писали *гражанинъ* [Улуханов, 1972, с. 25—26]. Однако книжные (гибридные) формы окончаний, свойственные русскому церковнославянскому языку и возникшие когда-то в результате церковно-книжного произношения древнерусскими писца-

CC BY

ми старославянских окончаний, регулярно встречаются в тексте: *от вещи иныя*, *кровавыя раны*, *старости моея*. Поскольку в подавляющем большинстве случаев церковнославянские тексты с древнерусскими элементами характеризуют речь древнерусских героев или героев, говорящих и по-древнерусски, мы условно будем употреблять термин *древнерусский язык*. Целесообразность употребления этого термина может подтверждаться и мнением Б. А. Успенского о наличии одной языковой системы на Руси (см. выше). В связи с правописанием древнерусских фрагментов мы отметим, что на месте буквы «ять» всегда пишется буква «е».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Языковая архаизация переведенных на венгерский язык древнерусских фрагментов

Передача древнерусских фрагментов венгерским переводчиком Л. Пальфальви в основном осуществляется посредством языковой архаизации древнерусского фрагмента. Под архаизацией мы понимаем, с одной стороны, собственно языковую архаизацию (употребление форм древнего венгерского повествовательного прошедшего времени, устаревших форм, слов и синтаксических конструкций), а с другой стороны, употребление редких слов и слов, принадлежащих к высокому, литературному или народному стилю. Эти слова одновременно могут быть и устаревшими. Для венгерского читателя, особенно для городского, и употребление слов народного пласта может ассоциироваться с древностью. Архаизация венгерских текстов в основном наблюдается на трех языковых уровнях: на лексическом (стилистическом, неоднократно в сопровождении изменения обыкновенного порядка предложения), морфологическом и реже на фонетическом, опосредованном возможностями графической передачи звуков. Эти уровни неоднократно в рамках данной единицы перевода могут быть выявлены и совместно — лексический и морфологический, лексический и фонетический.

На какое состояние венгерского языка мог ориентироваться переводчик при архаизации? Л. Палфальви пишет, что в переводе он использовал именно язык протестантской Библии 1590 года [Палфальви, 2019, с. 452]. Первый неполный венгерский перевод Библии, известный под названием Гуситской Библии, осуществился еще в первой половине XV века [Magyar katolikus lexikon]. Однако язык этого перевода не стал литургическим языком и остался менее известен в обществе, а более поздний перевод (1590 год) получил признание и затем долгое время влиял на религию, культуру и литературу [Палфальви, 2019, с. 452—453]. Очевидно, что оригинальный архаичный язык перевода Библии 1590 года с его особенным правописанием и архаической графикой наверняка оказался бы непонят-

CC BY

ным для среднего современного венгерского читателя. В доказательство этого приводятся два текста разных изданий перевода Библии 1590 года. Первый текст — это оригинальный текст 1590 года, а второй — несколько модернизированный, отредактированный в 1908 году специально созданной из представителей церкви и филологов комиссией под председательством реформатского епископа, писателя Кароя Саса:

Оригинальный текст: *Az után méne Iesus és az ő tanituáni az Iudéánac földére, és ott mulat vala vélec, és ott kereztel vala*.

Модернизированный текст, 1908 год: *Ezután elméne Jézus az ő tanítványaival a Júdea földére; és ott időzék velök, és keresztele*. Евангелие от Иоанна, III. 22 [Okos Biblia].

Итак, переводчик опирался на модернизированный (особенно по правописанию, графике, отчасти по грамматике и лексике) текст первого полного венгерского перевода Библии 1590 года.

Помимо заключения о негодности применения Гуситской Библии первой половины XV века для архаизации переводимых древнерусских фрагментов, следует коротко объяснить, почему невозможно использовать при архаизации более древнее состояние венгерского языка. Периодизация истории венгерского языка начиная с древневенгерского выглядит так: древневенгерский период с 896 (то есть с даты обретения венграми родины) до 1526 (до даты поражения при Мохаче от Османской империи); средневенгерский период с 1526 года до 1772 год, то есть до начала венгерского Просвещения, когда вышло в свет произведение «Трагедия Агиса»; нововенгерский период с 1772 года до наших дней [Bárczi et al., 1993, с. 18]. В последнее время различается и период современного венгерского языка с 1920 года, то есть с даты подписания Трианонского договора [É. Kiss et al., 2013, с. 12]. Памятники венгерского языка до 16 века немногочисленны [Bárczi et al., 1993, с. 43, с. 47], и, следовательно, трудно реконструировать язык 15 века до такой степени, чтобы его можно было использовать при переводе целых фрагментов. Значит, для архаизации переведенных древнерусских фрагментов ведущим ресурсом остается средневенгерский язык.

При архаизации переводимых древнерусских фрагментов архаизируется не каждое слово, что особенно заметно при сопоставлении с языком древнерусских фрагментов. Архаизация каждой словоформы могла бы быть достигнута только крайним изменением графики и орфографии, отчасти и грамматики, и лексики, но это могло бы привести к непонятности текста. Дело в том, что тексты средневенгерских памятников с трудом поддаются чтению не потому, что сам язык так архаичен, а скорее потому, что правописание очень архаично [É. Kiss et al., 2013, с. 14]. Если использовать немного модернизированный по правописанию и графике средневенгер-

CC BY

ский язык, тогда многие словоформы могут совпадать с современными, зато текст будет довольно хорошо понятен. Этот недостаток модернизированного средневенгерского языка может быть компенсирован употреблением редких слов и слов высокого, литературного или народного стиля, чтобы для венгерского читателя был создан такой язык, который вполне может быть осознан как язык средневековых людей.

В Венгрии языком культуры и церкви долго служил латинский язык, который был официальным государственным языком до 1844 года. Поскольку латинский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, а венгерский относится к финно-угорским языкам, эти два языка очень далеко стоят друг от друга, поэтому не было никакого шанса создать на основе «венгеризованного» латинского языка своеобразный церковный язык, так как латынь в Венгрии никак не могла «венгеризоваться». Однако у русских церковнославянский язык, который близко стоит к древнерусскому, охватывал значительную часть письменности до Петра Великого, был литературным языком, и, таким образом, древнерусские (церковнославянские) фрагменты легко могут создать впечатление средневекового языка целиком, без дополнительного привлечения слов высокого, литературного или народного стиля. Язык древнерусских фрагментов, наверное, более или менее понятен образованным современным русским читателям. Перед венгерским переводчиком стояла задача создать такой аналог, который также должен быть понятен венгерским читателям, но одновременно может идентифицировать говорящих на нем как древнерусских людей средневековья с большой достоверностью.

Варианты венгерского перевода, предложенные для древнерусских фрагментов, можно разделить на четыре группы по степени архаизации, смоделированной переводчиком посредством возможностей венгерского языка: 1) архаизированы целые фрагменты венгерского текста (которые в русском тексте были стилизованы под древнерусский язык); 2) архаизирована только одна словоформа; 3) архаизирована такая часть фрагмента, которая в оригинале написана на современном русском языке; 4) собственно архаизация не вводится переводчиком, но контекст или слова, связанные с христианской верой, могут сблизить венгерского читателя с миром средневековья. Всего нами было проанализировано более 150 фрагментов перевода романа, включающих или не включающих в русскоязычном оригинале элементы стилизации под архаичный вариант языка. Было выявлено, что из них в переводном тексте на венгерском языке не являются архаизированными (точнее говоря, стилизованными) около половины. (Ср. с выводами Т. Р. Богоутдинова о переводе «Лавра» на английский язык (пер. Lisa C. Hayden): «…текст перевода немного менее архаизирован, нежели текст оригинала» [Богоутдинов, 2020, с. 9]). Рассмотрим далее примеры.

CC BY

3.1.1. Архаизированные фрагменты венгерского перевода, соответствующие древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

Архаизированность целого переведенного фрагмента преимущественно достигается морфологическими и лексико-стилистическими средствами. Употребление фонетических средств с целью архаизации текста наблюдается редко, и только в сочетании с морфологическими и лексико-стилистическими средствами, например (здесь и далее полужирным шрифтом выделены архаизированные фрагменты художественных текстов):

В начале сотвори Господь небо и землю. Того ради сотвори, дабы не мнели человеци, яко без начала суть небо и земля. И разлучи Бог межи светом и тьмою. И нарече Бог свет день, а тьму нарече нощь [Водолазкин, 2015, с. 29].

Kezdetben teremté Isten az eget és a földet. Azért teremté, hogy az emberek ne véljék kezdet nélkülinek az eget és a földet. És elválasztá az Isten a világosságot a setétségtől. És nevezé Isten a világosságot nappalnak, és a setétséget nevezé éjszakának [Vodolazkin, 2015, p. 28].

В переводе архаизация осуществляется прежде всего старыми венгерскими глагольными формами *teremté*, *elválasztá*, *nevezé*, представляющими собой так называемое повествовательное прошедшее время, совпавшее по значению с формой прошедшего времени с показателем *-t-, -tt-* еще до XVIII века [Bárczi et al., 1993, с. 537] и не употребляющееся в современном венгерском языке, но понятное современному читателю, так как оно относится к пассивному запасу форм венгерского языка [A mai magyar nyelv, 1988, с. 183]. Повествовательное (историческое) прошедшее оригинально употреблялось для передачи звеньев последовательной цепи событий в прошлом [Bárczi et al.,1993, с. 515], поэтому оно функционально очень близко древнерусскому аористу. Не случайно древнерусские аористы в венгерском переводе «Лавра» вообще передаются именно повествовательным прошедшим. Помимо этого, абзацу придается архаический характер с помощью диалектных или литературных форм *setétségtől, setétséget* [MÉK, 1992, II, с. 1219], отличающихся от обыкновенных форм *sötétségtől, sötétséget* гласным *e* на месте гласного *ö*. Библейские части фрагмента взяты из текста первого полного венгерского перевода Библии 1590 года [Szent Biblia, 1990, с. 5].

Рассматриваемые древнерусские фрагменты и их переводы могут совпадать и с целым предложением. Стилизованный фрагмент представляет собой прямую речь персонажа, а последующий отрезок — слова автора, хоть они и не оформлены должным образом по правилам современного языка:

Что убо о сем речеши, *записывал он в сердцах на куске бересты* [Водолазкин, 2015, с. 17].

CC BY

Mit lehet szóllanom mindezekrül, *jegyezte föl hirtelen haragjában egy darabka nyírfakéregre* [Vodolazkin, 2015, p. 17].

Архаизация перевода речи Христофора осуществлена редкой, изысканной формой высокого стиля *szóllanom* [ÉRTSz, 1959—1962, VI] и местоименной формой *mindezekrül* народного стиля с гласным *ü* на месте обыкновенного *ö*. Архаизация касается лексического (отчасти и морфологического уровня, поскольку сама форма слова *szóllanom* образована редким способом, придающим словоформе изысканный, высокий стилистический оттенок) и фонетического уровня.

Часто переводчик сохраняет идею совмещения в речи героя элементов современного русского и древнерусского языка. Например, в пересказе Арсением разговора фараона и старца Иакова и — затем — в цитировании слов Иакова:

И когда фараон спросил у старца Иакова, сколько ему лет, Иаков ответил: ***дний лет жития моего, яже обитаю, сто тридесят лет. Малы и злы быша дние лет жития моего: не достигоша во дни лет отец моих*** [Водолазкин, 2015, с. 280].

És mikor a fáraó megkérdezte az öreg Jákóbtól, hány éves, Jákób azt felelte: ***az én bujdosásom esztendeinek napja százharminc esztendő; kevesek és nyomorúságosak voltak az én életem esztendeinek napjai, és nem érték el az én atyám élete esztendeinek napjait*** [Vodolazkin, 2015, p. 269].

Здесь, в отличие от большинства переведенных древнерусских фрагментов, архаичность в значительной мере обеспечивается на синтаксическом уровне — архаическими конструкциями *bujdosásom esztendeinek napja* и *atyám élete esztendeinek napjait*. Эти необычные, нехарактерные для современного венгерского языка конструкции взяты из немного модернизированного (особенно по фонетике и правописанию) текста первого полного венгерского перевода 1590 года Библии [Szent Biblia, 1990, с. 57], таким образом, они вполне могут считаться архаическими. Помимо этого, отметим, что словоформа *esztendeinek* относится к народно-поэтическому или высокому стилю [MÉK, 1992, I, с. 341].

Или см. фрагмент, в котором переход на древнерусский язык маркирует силу психологического воздействия священного текста, которая необходима жене корчмаря:

Эх ты, Черпак. ***Сей же рече ми: наслажуся красоты твоея. Аз же ему возбраних.*** *Если не золотой, дайте хоть что-нибудь* [Водолазкин, 2015, с. 256].

Ugyan már, Kanta. ***Azt mondá nekem: hadd leljem élvezetem a te gyönyörűségedben. Én pedig megtiltám neki.*** *Ha nem is aranyat, de valamit legalább adjatok* [Vodolazkin, 2015, p. 246].

CC BY

Архаичность придана переведенному тексту прежде всего формами повествовательного прошедшего *mondá* и *megtiltám*. Стилизация закрепляется и тем, что фраза *hadd leljem élvezetem a te gyönyörűségedben* построена не так, как типичная современная венгерская фраза, она, несомненно, способна отдалить читателя от современного венгерского языка. Глагольная форма *leljem* является словом народного или высокого стиля [MÉK, 1992, II, с. 839].

Л. Палфальви также сохраняет идею архаизированного перевода изолированных древнерусских словоформ. Найдено два таких примера:

А вернулись обратно и узнали, что прежде схваченный по испытании ***умре*** [Водолазкин, 2015, с. 46]. *Amikor pedig visszatértek a faluba, látták, hogy a korábban elfogott haramia is* ***belehala*** *a próbatételekbe* [Vodolazkin, 2015, p. 45]. Древнерусский аорист передан венгерским повествовательным прошедшим.

Через день после Рождества ***усне*** *старец Никандр* [Водолазкин, 2015, с. 114]. *Karácsony után egy nappal* ***jobblétre szenderült*** *Nyikandr sztarec* [Vodolazkin, 2015, p. 109]. Древнерусский аорист передан глаголом литературного стиля [MÉK, 1992, II, с. 1271].

3.1.2. Архаизированные словоформы в венгерском переводе, соответствующие древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

В таких случаях перевод целого фрагмента мы не считаем в полной мере архаизированным в лингвистическом смысле. Несмотря на это, благодаря самой теме фрагмента венгерский читатель может ощущать атмосферу средневековья. См. соответствующий пример:

Брат наш Лавр постригает власы главы своея во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рцем о нем: Господи, помилуй! [Водолазкин, 2015, с. 401].

Testvérünk, Laurosz lenyírja haját az Atya, a Fiú és a Szentlélek nevében. Könyörögjünk ***érette****: Uram, irgalmazz!* [Vodolazkin, 2015, p. 383].

В венгерском переводе только устаревшее и литературное слово *érette* [MÉK, 1992, I, с. 333] можно считать архаичным. Архаизация осуществлена на фонетическом уровне (ср. современную форму *érte*). Тут и сама тема абзаца способствует созданию средневековой атмосферы.

3.1.3. Архаизированные фрагменты венгерского перевода, соответствующие нестилизованным фрагментам оригинала

С другой стороны, в венгерском переводе романа присутствует несколько архаизированных фрагментов, которым в оригинале соответствует текст на современном русском языке. Рассмотрим фрагмент, в котором хорошо известный сюжет Книги Бытия представлен в современном, а не каноническом языковом оформлении:

Повелел Господь, чтобы воды произвели рыб, плавающих в глубинах, и птиц, парящих по тверди небесной. И те и другие созданы для плаванья в свойственных им стихиях. Еще повелел Господь, чтобы земля произвела душу живую — четвероногих. До грехопадения звери были Адаму и Еве покорны [Водолазкин, 2015, с. 30].

És monda Isten: Pezsdűljenek a vizek élő állatok nyüzsgésétől, és madarak repdessenek a föld felett, az ég mennyezetének színén. *Emezeket és amazokat is azért teremtette, hogy a neki megfelelő elemben ússzanak.* ***És monda még az Úr, hozzon a föld élő állatokat, négylábú barmokat****. A bűnbeesésig engedelmesek voltak az állatok Ádámnak és Évának* [Vodolazkin, 2015, p. 29—30].

Архаизация переведенных фрагментов достигается повествовательным прошедшим *monda*, редким поэтическим в данном значении глаголом *Pezsdűljenek* [ÉRTSz, 1959—1962, V], который благодаря длинному гласному *ű* становится еще архаичнее. Словоформа *barmokat* в значении крупного млекопитающего является устаревшей [Nagyszótár, 2006–]. Первое предложение полностью совпадает с соответствующим местом (I книга Моисеева, 1.20) первого полного венгерского перевода Библии 1590 года, а третье предложение лишь частично совпадает с соответствующим библейским местом (I книга Моисеева, 1.24) [Szent Biblia, 1990, с. 5]. Неполное соответствие венгерского текста оригиналу лишь частично передает авторский замысел «неисторического романа», существования времени вне истории (см. подзаголовок романа).

3.1.4. Отсутствие архаизации во фрагментах венгерского перевода, соответствующих древнерусским стилизациям из романа Е. Водолазкина «Лавр»

В венгерском переводе романа «Лавр» довольно часто не используются архаизированные языковые средства в тех фрагментах текста, которые соответствуют древнерусским стилизациям в оригинале. Например:

Жити хощу, Врачу. Помози ми [Водолазкин, 2015, с. 3, с. 379].

Élni akarok, Gyógyítóm. Segíts rajtam [Vodolazkin, 2015, p. 33, 362].

В связи с венгерским переводом древнерусского вокатива *Врачу* следует отметить, что переводчик сохраняет начальную прописную букву (*Gyógyítóm*) и — поскольку в венгерском языке нет и не было вокатива — употребляет в словоформе притяжательную личную прилепу (вид аффикса; вопрос о статусе этих элементов не решен в хунгарологии) *-m,* что в какой-то степени может выражать почтительное отношение женщины к врачу (дословный русский перевод венгерского *Gyógyítóm* ‘Мой врач’).

В оригинальном тексте романа некоторые абзацы содержат по одной древнерусской словоформе, и чаще всего это личные имена или названия лиц в форме звательного падежа. Поскольку в венгерском языке нет и не

CC BY

было звательного падежа, такие элементы переводятся существительными в форме им. пад., занимающими в предложении синтаксическую позицию обращения. И если притяжательная личная прилепа 1-го лица ед. ч. в некоторых случаях при названиях лиц является стилистически возвышенным средством, то такой прием при личных именах фактически невозможен, так как употребление при них притяжательного показателя 1-го лица ед. ч. придает слову шутливый или интимный оттенок. См. характерный пример перевода вокатива с притяжательной прилепой 1-го лица ед. ч.:

*Только не покидай нас, **брате** мой **Арсение*** [Водолазкин, 2015, с. 154].

*Csak ne hagyj el minket, **bátyám**, Arszenyij* [Vodolazkin, 2015, p. 148].

В венгерском переводе словоформа *bátyám* с притяжательной прилепой 1-го лица ед. ч. *ám* соответствует русскому словосочетанию *мой брат*.

Или перевод вокатива без притяжательной прилепы 1-го лица ед. ч.:

*Потерпи, **жено**, шепнул ей Арсений, и она снова впала в забытье* [Водолазкин, 2015, с. 123].

*Tűrj még, **asszony**, suttogta Arszenyij, a nő pedig megint elvesztette az eszméletét* [Vodolazkin, 2015, p. 123].

3.2. Другие лингвистические средства актуализации национально-культурной самоидентификации в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр»

Переводчик романа сохранил нумерацию глав древними кириллическими буквами под титлом. Это, подобно архаизированным переведенным фрагментам, также может указать на то, что события происходят в Средневековье.

В переводе употребление знаков препинаний в основном следует русскому оригиналу. Следует отметить, что при диалогах, как и в русском тексте, не употребляется тире, что является ярким средством стилизации в жанре жития.

В транслитерации иностранных собственных имен переводчик следует правописанию данных языков, например: *Ambrogio, Giovanni del Piano Carpini, Władysław, Zapytówban, Oświęcim.* Из географических имен только те передаются средствами иноязычной графики, которые не обладают принятыми венгерскими эквивалентами. Если при географических именах имеются венгерские эквиваленты, тогда они применяются в переводе, например, *Краков* передается как *Krakkó, Венеция* как *Velence.*

В русском языке хрононим *Средневековье* пишется с прописной буквы, а в венгерском языке со строчной: *középkor*.

Топоним *Русь* передается сложным венгерским словом *Oroszhon.* Л. Палфальви свой выбор мотивирует тем, что в венгерском языке топоним *Rusz* ‘Русь’ употребляется только в исторических текстах и применяется исключительно в отношении к Киевской Руси, а в русском языке собственное имя

CC BY

Русь имеет более широкое значение, поскольку оно может обозначать и всех восточных славян. Применение топонима *Oroszország* ‘Россия’ было также неприемлемо для переводчика, так как это включило бы «романный мир в историю империи» [Палфальви, 2019, с. 456]. Часто повторяющееся венгерское слово *Oroszhon* вполне может передавать концепцию единства восточных славян независимо от истории Российской Империи, тем более что оно является редким и устаревшим сложным словом, состоящим из компонентов *orosz* и *hon*, которые можно перевести как *русская родина* или *родина русских*. Слово *Oroszhon* для современного венгерского читателя в меньшей мере ассоциируется с Россией, и, конечно, оно не ассоциируется и с конкретным русским княжеством, особенно Московским великим княжеством. О редкости и архаичности этого слова свидетельствует тот факт, что современные венгерские толковые словари его не содержат, оно указано только в «Словаре венгерского языка» 1867 года [Czuczor, Fogarasi, 1867, с. 1083].

Языковая игра, к которой прибегает Е. Водолазкин, основанная на использовании хрононима-топонима *Древняя Русь*, отражается в венгерском переводе, хотя и не так экспрессивно, как в оригинале, ср.:

Я заметил, сказал Амброджо, глядя вслед прохожему, что за негодностью дорог люди ***Древней Руси*** *предпочитают водный путь. Они, кстати, еще не знают, что* ***Русь — Древняя****, но со временем разберутся* [Водолазкин, 2015, с. 258].

Észrevettem, mondta Ambrogio a távolodót nézve, hogy ***Óoroszhon*** *lakói a rossz utak miatt a vízi utakat részesítik előnyben. Ők még nem tudják, hogy ez* ***Óoroszhon****, de idővel majd rájönnek* [Vodolazkin, 2015, p. 248].

Древняя Русь переводится как *Óoroszhon* (‘Родина древнерусских’). Конечно для среднего венгерского читателя, не для славистов-русистов, топоним *Óoroszhon* менее выразителен, поскольку оппозиция *Oroszhon — Óoroszhon* для среднего читателя не обладает особенной экспрессивностью. Но для тех, кому известны *Русь* и *Древняя Русь*, оппозиция *Oroszhon — Óoroszhon* ясна.

Слово *русский* в отношении восточнославянских жителей королевства Польского передается не венгерским словом *orosz,* а словом *ruthénus,* ср.:

По форме нательных крестов определили, что они были из ***русских*** [Водолазкин, 2015, с. 285].

A nyakukon függő kereszt alakjából derítették ki, hogy ***ruthénusok*** *voltak* [Vodolazkin, 2015, p. 274].

Этноним *ruthénus* представляет собой оригинальную латинскую форму венгерского заимствованного слова *rutén*. Латинская форма (в род. п. мн. ч.) в венгерских источниках появилась довольно рано, ср. «filius regis Rutenorum» (1091 — XII в.) (TESz 1976, с. 466). Слово *rutén* обладает дву-

CC BY

мя значениями: 1) ‘русин(ский)’ 2) ‘восточнославянский’ в историческом смысле [Bakos, 2002]. Значит, венгерский читатель может это слово понимать по-разному. Полагаем, что большинству венгров приходит в голову значение ‘русин(ский)’. Возможно, переводчик имел в виду, что для большинства венгерских читателей было бы нелогично, если в королевстве Польском живут и русские. Думается, что для среднего венгерского читателя нераздельность русского, украинского и белорусского народов менее важна, чем для русского читателя.

Л. Палфальви также предполагает, что Водолазкин «создал некую скрытую северо-западную идентичность России», поэтому переводчик, чтобы показать эту скрытую идентичность, названия нескольких городов перевел в соответствии с белорусским языком, напр. *Могилев* передается как *Mahiljau* [Палфальви, 2019, с. 457—458]:

Через три дня причалили в ***Могилеве*** [Водолазкин, 2015, с. 264].

Három napig hajóztak, aztán kikötöttek ***Mahiljauban*** [Vodolazkin, 2015, p. 253].

Или:

Она вернется в ***Полоцк*** *в 1910 году, предположил Амброджо* [Водолазкин, 2015, с. 272].

1910-ben tér majd vissza ***Polackba****, Ambrogio feltételezése szerint* [Vodolazkin, 2015, p. 261].

Созданию в переводе романа художественной атмосферы самобытного русского средневекового мира, несомненно, способствуют и такие слова, как непереводимая реалия *старец* ‘sztarec’ (слово в лучшем случае известно венгерскому читателю из романов Достоевского), существительное *купец,* передающееся венгерским словом славянского происхождения *kupec,* которое часто обладает пейоративным оттенком и в первую очередь обозначает торговца, торгующего конями или свиньями [MÉK, 1992, I, с. 801], или слово *итальянец,* передающееся устаревшим венгерским словом *talján* [MÉK, 1992, II, с. 1328].

4. Заключение = Conclusions

Материал романа Е. Водолазкина «Лавр» предлагает читателям особый тип вымышленного билингвизма, невозможного в реальной жизни языкового контактирования, — соединения древнерусского и современного русского языков. Совмещение в речи героев древнерусского и современного русского языков и отсутствие такого совмещения в речевых партиях нарратора противопоставляют героев романа и его нарратора и усиливают значимость смыслов, транслируемых последним. Для обозначения временного периода описываемых событий нарратор в романе Е. Водолазкина

CC BY

«Лавр» пользуется термином *Средневековье*. Полная или частичная архаизация переведенных древнерусских фрагментов осуществлена средствами средневенгерского языка, а также употреблением редких слов и слов высокого, литературного или народного стиля.

Представляется, что наиболее выразительным средством архаизации является употребление древнего венгерского повествовательного прошедшего. Из 41 случая архаизации на морфологическом и смешанном уровнях в 30 примерах обнаружена минимум одна форма в повествовательном прошедшем. Засвидетельствованы и такие примеры, где в одном переведенном абзаце несколько (даже до 8) форм повествовательного прошедшего. Древнее венгерское повествовательное прошедшее по сравнению с лексическими средствами способно актуализировать более древнее состояние венгерского языка в силу того, что лексические средства архаизации в основном сводятся к употреблению слов разных стилистических пластов — высокого, народного, литературного.

Сопоставление оригинала и венгерского перевода позволило высветить также очевидную для носителей русского языка и неявную для инофонов (особенно неспециалистов в истории России) идентичность восточных славян. Художественный прием вымышленного билингвизма конструирует особую русскую идентичность, при которой стерты национальные границы между существующими ныне людьми и их предками, жителями Древней Руси. Иначе говоря, на подтекстовом уровне автор утверждает древний русский мир, не разделенный на русских, украинцев и белорусов. Переводчик выявляет в тексте «особую скрытую северо-западную идентичность России», применяя специфические средства передачи белорусских топонимов.

Сокращение количества архаизированных переведенных древнерусских фрагментов, отсутствие в тексте перевода примечаний Л. Палфальви (кроме всего двух — об этимологии прозвища *Рукинец* и значении слова *сажень*) свидетельствует о выбранной им стратегии доместикации. Однако задача переводчика вести изложение на языке, который понятен венгерским читателям, но одновременно создает образы героев романа как достоверных «древнерусских людей» Средневековья, полностью им решена.

Источники

1. *Водолазкин Е.* Лавр / Е. Водолазкин. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 440 с. — ISBN 978-5-17-078790-6.

2. *Bakos F.* Idegen szavak és kifejezések szótára / F. Bakos. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 2002.

3. *Czuczor G.* A magyar nyelv szótára IV / G. Czuczor, J. Fogarasi. — Pest : Emich Gusztáv magyar akadémiai nyomdász, 1867. — 1311 c.

4. ÉRTSz — *A Magyar* Nyelv Értelmező Szótára I—VII. Főszerk. (ed.) : G. Bárczi, L. Országh. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1959—1962.

5. MÉK — *Magyar* értelmező kéziszótár I—II. Szerk. (ed.) : J. Juhász, I. Szőke, G. O. Nagy, M. Kovalovszky. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1992.

6. NAGYSZÓTÁR — *A magyar* nyelv nagyszótára. Főszerk. (ed.) : N. Ittzés [Electronic resource]. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 2006. — Access mode : https://nagyszotar.nytud.hu/index.html (accessed 06.06.2022).

7. *Okos* Biblia [Electronic resource]. — Access mode : https://biblia.szeroczei.hu/bible/vizsolyi_kgre_kg1908/JHN/3 (accessed 05.06.2022).

8. *Szent* Biblia. (Перевод Гашпара Каролиев 1590 г.). — Budapest : Magyar Bibliatanács, 1990.

9. TESz — *A Magyar Nyelv* Történeti-etimológiai Szótára II. Főszerk. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1976. — 1230 c.

10. *Vodolazkin J.* Laurosz / J. Vodolazkin ; Fordította: Pálfalvi Lajos. — Budapest : Európa Könyvkiadó, 2015. — 421 p. — ISBN 978-963-405-243-2.

Литература

1. *Богоудинов Т. Р.* О временной языковой стилизации при переводе (на материале фрагментов романа Е. Г. Водолазкина “Лавр” и его переводов на английский и французский языки) / Т. Р. Богоудинов // Collegium linguisticum — 2020 : Сборник научных статей по итогам ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2020. — С. 3—11.

2. *Живов В. М.* История языка русской письменности / В. М. Живов. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — Т. I. — 815 с. — ISBN 978-5-91244-184-4.

3. *Кахла Э.* Восприятие и перевод романа Лавр Евгения Водолазкина в Финляндии / Э. Кахла // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин : Коллективная монография под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. — Т. II. — С. 441—450. — ISBN 978-83-233-4762-0.

4. *Качане И.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале латышских и русских переводов романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея») / И. Качане, О. Кавзеле // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое — чужое в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Тарту : Издательство Тартусского университета, 2016. — С. 268—282.

5. *Колосов С. А.* Русская литература за рубежом : на перекрёстках теории художественного перевода / С. А. Колосов // Русская литература за рубежом : перевод как восприятие и восприятие перевода / ред. Масленникова Е. М., Миловидов В. А. — Тверь : Тверской государственный университет, 2015. — С. 10—34.

6. *Кривошапова Н. В.* Лингвокультуремы в произведениях Е. Г. Водолазкина / Н. В. Кривошапова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 1 (144). — С. 194—201.

7. *Купина Н. А.* Советская повседневность, украинско-русский билингвизм и проблема идентичности : взгляд Евгения Водолазкина / Н. А. Купина // Человек советский : за и против : монография / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — С. 191—204. — ISBN 978-5-7996-3161-1.

8. *Лабунец Н. В.* Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Я. Е. Андре-

ева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 85—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105.

9. *Лаппо М. А.* Национально-культурная самоидентификация в русскоязычной художественной литературе XXI века : лингвистический аспект (на материале романа Е. Водолазкина «Лавр») / М. А. Лаппо // SlavVaria. — 2021. — № 1. — С. 293—303. — DOI: 10.15170/SV.1/2021.293.

10. *Павиленис Р.* Смысл и идентичность, или Путь к себе / Р. Павиленис ; пер. с лит. Р. Чичинскайте. — Вильнюс : ЕГУ, 2013. — 242 с.

11. *Палфальви Л.* О венгерском переводе романа *Лавр* Евгения Водолазкина (заметки переводчика) / Л. Палфальви // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин : Коллективная монография под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. — Т. II. — С. 451—460. — ISBN 978-83-233-4762-0.

12. *Панова О. Б.* Традиции древнерусской культуры в романе Е. Г. Водолазкина “Лавр” / О. Б. Панова, О. В. Кодочигова // Язык и культура : Сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, Ответственный редактор С. К. Гураль. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. — С. 62—69.

13. *Разумовская В. А.* Проблема переводимости: русское средневековье романа “Лавр” / В. А. Разумовская // Язык и культура : Сборник статей XXVIII Международной научной конференции, Томск, 25—27 сентября 2017 года / Ответственный редактор С. К. Гураль. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. — С. 254—261.

14. *Улуханов И. С.* О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. — Москва : Наука, 1972. — 131 с.

15. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI — XIX вв.) / Б. А. Успенский. — Москва : Гнозис, 1994. — 239 с. — ISBN 5-7333-0426-X.

16. *Хорев В.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей / В. Хорев // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. — Москва : Индрик, 2000. — С. 22—31.

17. *Acta Slavica Estonica* VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое — чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Тарту : Издательство Тартуского университета, 2016. — 356 с. — ISBN 978-9949-77-340-4.

18. *Bárczi G.* A magyar nyelv története / G. Bárczi, L. Benkő, J. Berrár. — Budapest : Nemzeti Tankönyvkiadó, 1993. — 600 c. — ISBN 963 18 5143 5.

19. *Bencédy J.* A mai magyar nyelv / J. Bencédy, P. Fábián, E. Rácz, M. Velcsov. — Budapest : Tankönyvkiadó, 1988. — 571 c. — ISBN 963 18 1520 x.

20. *É. Kiss K.* Fejezetek a magyar nyelv történetéből / K. É. Kiss, K. Gerstner, A. Hegedűs. — Piliscsaba : Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet- és Társadalomtudományi Kar, 2013. — 175 c. — ISBN 978-963-308-101-3.

21. *Magyar Katolikus* Lexikon. Huszita Biblia [Electronic resource]. — Access mode : http://lexikon.katolikus.hu/H/Huszita%20Biblia.html (accessed 21.05.2022).

22. *Tyszkowska-Kasprzak E.* “Laurus” by Eugene Vodolazkin in Polish Perception / E. Tyszkowska-Kasprzak // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2017. — Vol. 10. — № 10. — Pp. 1622—1629. — DOI: 10.17516/1997-1370-0159.

23. *Venuti L.* The Translator’s Invisibility / L. Venutu. — London, New York : Routledge, 1995. — 353 p. — ISBN 0-415-11538-8.

Material resources

A Magyar Nyelv Történeti-etimológiai Szótára II. Főszerk. (1976). Budapest: Akadémiai Kiadó. 1230 c. (In Hung.).

Bakos, F. (2002). *Idegen szavak és kifejezések szótára.* Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).

Bárczi, G., Országh, L. (ed.). (1959—1962). *A Magyar Nyelv Értelmező Szótára I—VII. Főszerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).

Czuczor, G., Fogarasi, J. (1867). *A magyar nyelv szótára IV.* Pest: Emich Gusztáv magyar akadémiai nyomdász. 1311 c. (In Hung.).

Ittzés, N. (2006). *A magyar nyelv nagyszótára. Főszerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. Available at: https://nagyszotar.nytud.hu/index.html (accessed 06.06.2022). (In Hung.).

Juhász, J., Szőke, I., O. Nagy, G., Kovalovszky, M. (1992). *Magyar értelmező kéziszótár I—II. Szerk.* Budapest: Akadémiai Kiadó. (In Hung.).

Okos Biblia. Available at: https://biblia.szeroczei.hu/bible/vizsolyi_kgre_kg1908/JHN/3 (accessed 05.06.2022). (In Hung.).

Szent Biblia. (Translated by Gaspar Karoli in 1590). (1990). Budapest: Magyar Biblia-tanács. (In Hung.).

Vodolazkin, E. (2015). *Lavr.* Moscow: AST: Editorial Office of Elena Shubina. 440 p. ISBN 978-5-17-078790-6. (In Russ.).

Vodolazkin, J. (2015). *Laurosz.* (Fordította: Pálfalvi Lajos). Budapest: Európa Könyvkiadó. 421 p. ISBN 978-963-405-243-2. (In Hung.).

References

Acta Slavica Estonica VIII. (2016). In: *Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own — alien in language and speech.* Tartu: Tartu University Press. 356 p. ISBN 978-9949-77-340-4. (In Russ.).

Bárczi, G., Benkő, L., Berrár, J. (1993). *A magyar nyelv története.* Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó. 600 c. ISBN 963 18 5143 5. (In Hung.).

Bencédy, J., Fábián, P., Rácz, E., Velcsov, M. (1988). *A mai magyar nyelv.* Budapest: Tankönyvkiadó. 571 c. ISBN 963 18 1520 x. (In Hung.).

Bogoudinov, T. R. (2020). On temporary language stylization in translation (based on fragments of E. G. Vodolazkin's novel "The Laurel" and its translations into English and French). In: *Collegium linguisticum — 2020: Collection of scientific articles on the results of the annual conference of the Student Scientific Society of MGLU.* Moscow: Moscow State Linguistic University. 3—11. (In Russ.).

Horev, V. (2000). Imagology and the study of Russian-Polish literary relations. In: *Poles and Russians in the eyes of each other.* Moscow: "Indrik". 22—31. (In Russ.).

Kachane, I., Kavzele, O. (2016). Foreign language inclusions in a literary text as a translation problem (based on the Latvian and Russian translations of Oscar Wilde's novel Portrait of Dorian Gray). In: *Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own — alien in language and speech.* Tartu: Publishing House of the University of Tartu. 268—282. (In Russ.).

Kakhla, E. (2019). Perception and translation of the novel Lavr by Evgeny Vodolazkin in Finland. In: *Famous names of modern Russian literature. Evgeny Vodolazkin: A comprehensive monograph edited by Anna Sotnitskaya and Janusz Fresh, II.* Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 441—450. ISBN 978-83-233-4762-0. (In Russ.).

Kiss, E. K., Gerstner, K., Hegedűs, A. (2013). *Fejezetek a magyar nyelv történetéből.* Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészet- és Társadalomtudományi Kar. 175 c. ISBN 978-963-308-101-3. (In Hung.).

Kolosov, S. A. (2015). Russian literature abroad: at the crossroads of the theory of literary translation. In: *Russian literature abroad: translation as perception and perception of translation.* Tver: Tver State University. 10—34. (In Russ.).

Krivoshapova, N. V. (2020). Linguoculturemes in the works of E. G. Vodolazkin. *News of the Volgograd State Pedagogical University, 1 (144):* 194—201. (In Russ.).

Kupina, N. A. (2021). Soviet everyday life, Ukrainian-Russian bilingualism and the problem of identity: the view of Evgeny Vodolazkin. In: *The Soviet man: pros and cons: monograph.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 191—204. ISBN 978-5-7996-3161-1. (In Russ.).

Labunets, N. V., Ertner, D. E., Andreeva, Y. E. (2022). Ethnolinguistic Lacunae in Translation into Chinese of Novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes". *Nauchnyi dialog, 11 (4):* 85—105. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105 (In Russ.).

Lappo, M. A. (2021). National-cultural self-identification in Russian-language fiction of the XXI century: linguistic aspect (based on the material of E. Vodolazkin's novel "Laurel"). *SlavVaria, 1:* 293—303. DOI: 10.15170/SV.1/2021.293. (In Russ.).

Magyar Katolikus Lexikon. Huszita Biblia. Available at: http://lexikon.katolikus.hu/H/Huszita%20Biblia.html (accessed 21.05.2022). (In Hung.).

Pavlenis, R. (2013). *Meaning and identity, or the Way to yourself.* Vilnius: YSU. 242 p. (In Russ.).

Palfalvi, L. (2019). About the Hungarian translation of the novel Lavr by Evgeny Vodolazkin (translator's notes). In: *Famous names of modern Russian literature. Evgeny Vodolazkin: A comprehensive monograph edited by Anna Sotnitskaya and Janusz Fresh, II.* Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 451—460. ISBN 978-83-233-4762-0. (In Russ.).

Panova, O. B., Kodochigova, O. V. (2019). Traditions of Ancient Russian culture in E. G. Vodolazkin's novel "The Laurel". In: *Language and culture: Collection of articles of the XXIX International Scientific Conference, Tomsk.* Tomsk: National Research Tomsk State University. 62—69. (In Russ.).

Razumovskaya, V. A. (2018). The problem of translatability: the Russian Middle Ages of the novel "Laurel". In: *Language and Culture: Collection of articles of the XXVIII International Scientific Conference, Tomsk, September 25—27, 2017.* Tomsk: National Research Tomsk State University. 254—261. (In Russ.).

Tyszkowska-Kasprzak, E. (2017). "Laurus" by Eugene Vodolazkin in Polish Perception. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 10 (10):* 1622—1629. DOI: 10.17516/1997-1370-0159. (In Hung.).

Ulukhanov, I. S. (1972). *About the language of Ancient Russia.* Moscow: Nauka. 131 p. (In Russ.).

Uspensky, B. A. (1994). *A brief outline of the history of the Russian literary language (XI — XIX centuries).* Moscow: Gnosis. 239 p. ISBN 5-7333-0426-X. (In Russ.).

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility.* London, New York: Routledge. 353 p. ISBN 0-415-11538-8. (In Hung.).

Zhivov, V. M. (2017). *History of the language of Russian writing, I.* Moscow: Dmitry Pozharsky University. 815 p. ISBN 978-5-91244-184-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.05.2022,
одобрена после рецензирования 15.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лебедева О. А. Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке / О. А. Лебедева, Е. Е. Смирнова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 70—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88.

Lebedeva, O. A., Smirnova, E. E. (2022). Evaluative Potential of Lexemes — Representatives of the Concept TRUE in Russian. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 70-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88

Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке

Лебедева Ольга Александровна
orcid.org/0000-0001-9180-0326
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах
lebedevaoa1981@mail.ru

Смирнова Екатерина Евгеньевна
orcid.org/0000-0003-3236-2957
кандидат филологических наук
доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах,
руководитель Центра образовательных программ для иностранных граждан
ees@int.unn.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Evaluative Potential of Lexemes — Representatives of Concept TRUE in Russian

Olga A. Lebedeva
orcid.org/0000-0001-9180-0326
PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Teaching Russian Language in Other Language Environments
lebedevaoa1981@mail.ru

Ekaterina E. Smirnova
orcid.org/0000-0003-3236-2957
PhD in Philology
Associate Professor, Department of Teaching Russian Language in Other Language Environments,
Head of the Center for Educational programs for foreign citizens
ees@int.unn.ru

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

© Лебедева О. А., Смирнова Е. Е., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Осуществлено исследование оценочного потенциала концепта ИСТИНА в русской языковой картине мира. Представлены результаты анализа употреблений слова *истинный* в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой и слова *истинно* в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства, признака или действия / состояния по материалам Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга авторов в русскоязычном сегменте сети Интернет. Показано, что в совокупном смысловом наполнении концепта ИСТИНА реализовано два смысловых пласта его концептуального содержания в современном русском языке: соответствие реальности; соответствие норме в мире людей, высшему идеалу. Обнаружены следующие разновидности употреблений качественного прилагательного *истинный* и качественного наречия *истинно* в роли вторичной оценки на базе общего значения ‘соответствующий идеалу в мире норм и ценностей говорящего’: значение ‘идеальный, образцовый, совершенный’; значение ‘полный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности, названной определяемым словом’ и значение сильной степени проявления чего-либо. Делается вывод о том, что слова *истинный* и *истинно* воплощают субъективные нравственно-ценностные представления носителей языка о том, как должно быть в мире человеческих отношений, а не о том, «как есть на самом деле».

Ключевые слова:
лингвокультурология; концепт ИСТИНА; истинный; истинно; оценочный потенциал лексем; концептуальный анализ; русская языковая картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study of the evaluative potential of the concept TRUTH in the Russian language picture of the world has been carried out. The results of the analysis of the use of the word *true* in the role of a qualitative adjective with evaluative semantics and the word *truly* in the role of a qualitative adverb with the semantics of the degree of manifestation of a property, feature or action / state are presented based on the materials of the Russian National Corpus and the authors' own Internet monitoring in the Russian-speaking segment of the Internet. It is shown that in the total semantic content of the concept TRUTH, two semantic layers of its conceptual content in the modern Russian are realized: correspondence to reality; compliance with the norm in the world of people, the highest ideal. The following varieties of uses of the qualitative adjective *true* and the qualitative adverb *truly* as a secondary assessment based on the general meaning of "corresponding to the ideal in the world of norms and values of the speaker" were found: the meaning is "ideal, exemplary, perfect"; the meaning is "full, reached / brought to the maximum degree of manifestation of the entity named by the defined word" and the meaning of a strong degree of manifestation of something. It is concluded that the words *true* and *truly* embody the subjective moral and value ideas of native speakers about how it should be in the world of human relations, and not about "how it really is".

Key words:
linguoculturology; concept TRUE; true; truly; evaluative potential of lexemes; conceptual analysis; Russian language Worldview.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37

Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке

© Лебедева О. А., Смирнова Е. Е., 2022

1. Введение = Introduction

В статье обсуждаются промежуточные результаты очередного этапа предпринятого нами исследования особенностей семантического наполнения и языкового воплощения концептов ПРАВДА и ИСТИНА в русской языковой картине мира [Смирнова, 2017]. Комплексное лингвокультурологическое описание указанных концептов является частью многолетнего коллективного исследовательского проекта ученых Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского по созданию учебного словаря социально значимых концептов в современной русской культуре [Смирнова, 2017; Ручина, 2018; Радбиль и др., 2019а; Радбиль и др., 2019б; Радбиль и др., 2020а], а по его итогам формируется соответствующая словарная статья.

Многие философы и культурологи отмечают, что наличие двух антиномичных концептов ПРАВДА и ИСТИНА для семантического покрытия единого концептуального пространства, в западных языках обычно обозначенного одной номинацией (*veritas, truth* и под.), составляет исключительное своеобразие именно русской культуры [Черников, 1999; Лишаев, 2006]. В лингвистической научной литературе концептуальная связка ПРАВДА — ИСТИНА также рассматривается как одна из доминант русской языковой картины мира [Зализняк и др., 2005]. В целях нашего исследования важно подчеркнуть, что в оппозиции концептов ПРАВДА и ИСТИНА за воплощение субъективных, нормативно-ценностных смысловых акцентов в данном концептуальном содержании в русской культуре «отвечает» как раз ПРАВДА — как то, что ***правильно в сфере человеческих отношений***; ИСТИНА же представлена как некая абсолютная объективная данность — как то, что ***есть на самом деле вне мира человека***, либо в сфере философии, логики, науки, либо в сфере божественной [Арутюнова, 1991; Шмелев, 1995].

Однако наши наблюдения над функционированием слов *истина, истинный, истинно, воистину, поистине* и др., которые воплощают концепт ИСТИНА в языке и речи, показали, что в естественно-языковой практике носителей русского языка как выразителей «наивной» модели мира [Апресян, 1986, с. 5—9] *истина* и *истинный* далеко не всегда понимаются как маркеры соответствия чего-либо объективной действительности. Они за-

CC BY

частую приобретают различные эмоционально-экспрессивные и оценочные оттенки смысла, которые выражают ценностную позицию говорящего по отношению к обозначаемым объектам или свойствам и при этом никаким образом не реализуют установку на верификацию знаний о мире, на постижение того, «как есть на самом деле».

Все это позволяет обосновать избранный в этой работе ракурс исследования концепта ИСТИНА в плане выявления его оценочного потенциала, актуализированного в речевой реализации слов — репрезентантов указанного концепта.

Наше исследование, как нам кажется, имеет и существенную практическую ценность, которая связана с возможностью использовать его результаты в вузовском преподавании учебных предметов лингвокультурологической направленности, а особенно — в преподавании русского языка как иностранного, прежде всего в аспекте работы по формированию лингвокультурной и лингвострановедческой компетенции, как это, например, изложено в работе [Митрофанова и др., 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Представления об истине попали в сферу научных интересов философии и других направлений гуманитарного знания еще с античных времен. Однако собственно лингвистическое изучение концепта ИСТИНА в отечественной науке о языке началось сравнительно недавно и активизировалось примерно в начале 90-х годов XX века. Это связано с появлением знаковой статьи Н. Д. Арутюновой «Истина: фон и коннотации» [Арутюнова, 1991], а также работ В. А. Лукина [Лукин, 1993] и А. Д. Шмелева [Шмелев, 1995]. Этапным научным событием в утверждении логического и концептологического подхода к анализу представления об истине стал выход очередного тематического выпуска продолжающегося издания «Логический анализ языка» с характерным названием «Истина и истинность в культуре и языке» [Логический анализ языка, 1995]. Далее этот подход развивается в знаменитом словаре Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [КСРК, 1997] и в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др., 2005].

Для современного состояния вопроса характерен акцент на сопоставительных полилингвальных исследованиях данного концепта [Агиенко, 2005; Земскова, 2006; Шатилова, Борисова, 2017]. Активно изучается концепт ИСТИНА в психолингвистике [Жаворонкова, 2015], в медиалингвистике [Антропова, 2018] и в лингвострановедческом аспекте [Митрофанова и др., 2017]. В зарубежном гуманитарном знании имеют продолжение традиции рассмотрения проблемы истины и истинности в рамках научной

CC BY

парадигмы прагматики и теории речевых актов [Papafragou, 2006; Orr et al., 2021], а также в контексте дискурс-аналитических штудий [Poole et al., 2019]. Однако при всем многообразии затрагиваемых тем и проблем в изучении истины и истинности в интересующем нас аспекте языковых механизмов развития ценностного потенциала концепта ИСТИНА исследования еще не проводились, что обусловливает научную новизну работы.

Цель исследования — рассмотреть семантические и коннотативно-оценочные преобразования лексем *истинный* и *истинно* в русской речи с точки зрения их роли в выражении ценностного потенциал концепт ИСТИНА.

Научный инструментарий исследования базируется на когнитивно ориентированном антропоцентрическом подходе к анализу фактов языка [Lakoff, 2015; Sperber, Wilson, 2015] и на принципах описания «языка культуры», предложенных А. Вежбицкой [Wierzbicka, 2018]. В основу конкретной методики предпринятого исследования положена технология описания ключевых концептов культуры, разработанная в Нижегородской научной школе [Ручина, 2018; Радбиль и др., 2020б], и процедура комплексного многоуровневого анализа семантических преобразований как проявления активных процессов в языке и речи [Социокультурные и прагматические аспекты, 2018; Радбиль и др., 2021].

Это позволяет обосновать концепцию исследования, которая заключается в поиске, выявлении и последующей интерпретации таких репрезентативных контекстов, в которых интересующие нас лексемы *истинный* и *истинно* по тем или иным причинам утрачивают свои первичные верификационные или эпистемические значения, связанные с выражением соответствия объекта, признака или действия / состояния действительности или с выражением объективного знания о мире, его устройстве и закономерностях, и приобретают вторичные значения, связанные уже с выражением точки зрения субъекта на характеризуемые объекты, признаки или действия / состояния, его личностного отношения к ним, его идеалов, ценностей и предпочтений.

Материалами для исследования являются: (1) лексикографические описания лексем *истинный* и *истинно* в русских толковых словарях [ССРЛЯ, т. V; БТСРЯ]; (2) языковые данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и собственного интернет-мониторинга в русскоязычном сегменте сети интернет [ИМ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В разделе последовательно освещаются употребления слова *истинный* в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой и слова *истинно* в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства,

CC BY

признака или действия / состояния. Предполагается, что именно эти классы употреблений выступают в качестве языковых механизмов реализации ценностного потенциала концепта ИСТИНА в русской языковой картине мира.

3.1. Ценностный потенциал концепта ИСТИНА по данным лексикографических источников: постановка вопроса

В наших предыдущих исследованиях, посвященных описанию концепта ИСТИНА по данным лексикографических источников [Смирнова, 2017], мы определили возможные факторы переосмысления данного концепта в нормативно-регулятивном и субъективно-оценочном плане. Так, в 17-томном академическом словаре русского языка фразеологизм наставлять, направлять на путь истины толкуется как ʻучить поступать правильноʼ [ССРЛЯ, т. V, стлб. 536]. В этом аспекте важны и данные этимологии. Академик Ю. С. Степанов утверждает, что древнерусское истина должно рассматриваться как восходящее к общему индоевропейскому корню с латинским iustus ʻсправедливый, добросовестный, честный, законныйʼ (от существительного ius, iuris с тем же кругом значений). Ученый утверждает, что «истъ первоначально означает ʻсоответствующий определенному ритуалу (религиозному или правовому); правильно, по правилам сказанный или совершенный; соответствующий порядку и законуʼ» [КСРК, с. 440]. Наконец, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в толковании первого значения слова истина мы также находим указание на возможность нравственной интерпретации этого понятия: «ИСТИНА, -ы; ж. 1. То, что соответствует действительности; правда. Жизненная и. Горькая и. (неприятное, но справедливое замечание, суждение и т. п.). Наставить, направить кого-л. на путь истины (научить поступать правильно), || Правдивость, подлинность.|| Нравственный идеал» [БТСРЯ, с. 403].

На основании этого в описании совокупного смыслового наполнения концепта ИСТИНА по данным словарей мы сформулировали когнитивный признак 3: ʻнравственный идеал, справедливость, доброʼ [Смирнова, 2017, с. 177]. В целом исследование позволило выявить два смысловых пласта, два основных слоя его концептуального содержания в современном русском языке: (1) соответствие реальности, действительности; (2) соответствие норме в мире людей, высшему идеалу. Именно последняя концептуальная составляющая и становится, на наш взгляд, основой для формирования ценностного потенциала концепта ИСТИНА. Как показало данное исследование, возможность переосмысления концепта ИСТИНА в нравственном или оценочном ключе реализуется прежде всего в производных словах — в прилагательном *истинный* и в наречии *истинно* как репрезентантах концепта ИСТИНА в условиях их вторичных употреблений, то есть в номинативно-производных и переносных значениях.

CC BY

3.2. Лексема ***истинный*** в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой

Прилагательное *истинный* в научном дискурсе, в философии, логике и теоретической семантике выражает логическую валентность пропозиции (суждения), то есть имеет терминологическое значение ʻсоотвествующий действительности’, в противоположность *ложный*: *«Вашингтон — столица США» — это истинное суждение; «Нью-Йорк — столица США» — это ложное суждение.* Прилагательное в этом значении, присущем исключительно метаязыку науки, является относительным: ʻимеющий отношение к истинности суждения’.

Однако еще Н. Д. Арутюнова заметила, что в естественном языке, в обыденном употреблении, это и ему подобные прилагательные являются вторичными оценками [Арутюнова, 1991] и они употребляются применительно не к суждениям или высказываниям в метаязыковой функции, а к объектам другой природы — предметам, ситуациям и даже к людям. И тогда они приобретают несколько иные значения. Ср., например, показательный в этом отношении и несколько странный случай атрибуции прилагательным *истинный* существительного забор (?*истинный забор*): *Дошли до церкви. От неё свернули направо. Пока всё было правильно. Наконец возник голубой* ***забор****, тот самый,* ***истинный*** (Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)). — В дальнейшем контексте речь идет о том, что два приятеля никак не могли в темноте найти голубой забор, который им назвали в качестве ориентира того места, к которому они направлялись. Здесь употребление прилагательного *истинный* выступает как «интерактивная характеристика», в духе работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], явным образом характеризуя не объективное свойство самого забора, а ценностную реакцию говорящего по отношению к нему — ʻименно тот забор, который нам нужен, который мы искали, в ряду остальных похожих на него заборов’.

В 17-томном академическом словаре русского языка для прилагательного *истинный* указываются следующие значения: « 1. Действительный, настоящий, несомненный // Неподдельный, подлинный; 2. Правильный, верный» [ССРЛЯ, т. V, стлб. 533]. Для прилагательного *истинный* уже в этих значениях можно обнаружить возможность перехода от относительного прилагательного к качественному, о чем свидетельствуют следующие признаки качественного прилагательного в контекстах из Национального корпуса русского языка:

(1) возможность образовать краткую форму:

Мы утверждаем, что наша православная форма церковного устроения ***истинна*** *и универсальна* (Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992)) [НКРЯ];

CC BY

Что за проблема? — с лёгкостью ответит нам А. Т. Ф., — откуда мы знаем, что все эти даты ***истинны****?* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания, 2000) [НКРЯ];

(2) возможность образовать степени сравнения:

Чем ***истиннее*** *знания отображают окружающие влияния, тем точнее человек выбирает ориентиры* (Е. Г. Брындин. Взаимодействие символически мыслящего робота с внешней средой и человеком // Информационные технологии, 2004.06.28) [НКРЯ];

С Полиной в полной мере работает принцип экономии мышления — если есть возможность доказать что-то несколькими способами, то для нее ***самый истинный*** *тот, что короче* (Е. В. Колина. Дневник измены, 2011) [НКРЯ];

(3) возможность сочетания с наречиями, выражающими степень проявления качества:

Действительно, можно ли предложить ***абсолютно истинный*** *(по крайней мере, признаваемый таковым ведущими специалистами по отечественной истории) ответ на вопрос «Почему после победы в Бородинском сражении российские войска оставили Москву?* (И. Д. Рудинский. Модель нечеткого оценивания знаний как методологический базис автоматизации педагогического тестирования // Информационные технологии, 2003) [НКРЯ];

Заметим в скобках, что Бережков просил принести извинение читателям в том, что из его повествования выпали такие события, как женитьба Ганьшина, рождение его дочки, а также потрясающая эпопея обмена двух комнат в разных районах на две вместе, те самые, куда теперь переносится действие этого новогоднего рассказа, совершенно фантастического и ***совершенно истинного****, как объявил Бережков* (А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова)) [НКРЯ].

Сама возможность употребления слова *истинный* как качественного прилагательного способствует его функционированию как вторичной оценки [Арутюнова, 1991], то есть переосмыслению его исходной семантики по линии так называемых «неверифицируемых», собственно оценочных, значений. Речь идет о значениях, которые выражают идею соответствия лиц, объектов, эмоций, чувств, состояний, ситуаций, абстрактных понятий и пр., обозначенных определяемыми словами, представлениям говорящего о норме, ценности, идеале. В основе этого смыслового преобразования лежит следующая импликация когнитивной модели ситуации [Кустова, 2004]: ‘то, что можно узнать, понять’ [верифицируемое значение] → ‘то, что можно принимать или не принимать’ [неверифицируемое значение]. Именно эта импликация порождает возможность возникнове-

CC BY

ния у прилагательного *истинный* разнообразных положительно-оценочных коннотаций.

В нашем материале обнаружены следующие разновидности употреблений качественного прилагательного *истинный* в роли вторичной оценки на базе общего значения ‘соответствующий идеалу в мире норм и ценностей говорящего’.

3.2.1. Значение ‘идеальный, образцовый, совершенный’. Это значение проявляется в сочетании с существительными, которые являются — реально или потенциально — носителями какой-либо общественно или личностно значимой ценности: *Вкусовые качества форели превосходны. Это* ***истинный деликатес*** *для* ***истинных гурманов*** (https://www.fish-hook.ru/hukopediya) [ИМ].

Как правило, в контексте приводится расшифровка, в чем, собственно, заключается «идеальность» денотата определяемого слова, или хотя бы перечислены некоторые признаки.

А когда человек может принести среди бела дня книгу, которую считает дрянью, и обменять на хорошую — это и есть ***истинная демократия****, — сказал на пресс-конференции лидер «Идущих вместе» Василий Якеменко* (М. Носкович, И. Подлесова. «Идущие» начали книгообмен // Известия, 2002.02.06) [НКРЯ];

Однако ***истинный федерализм*** *невозможен без установления единых правил игры для всех участников процесса государственного строительства, решили участники семинара* (Г. Ильичев. Зачем губернатор ворует. Ученые мужи обсудили проблему федерализма // Известия, 2001.11.20) [НКРЯ].

Если определяемое существительное обозначает члена какой-либо категории (применительно к конкретным одушевленным или неодушевленным существительным) или имеет ролевую семантику (обозначение профессии или рода занятий, социальной, возрастной или гендерной принадлежности, семейного положения и под.), то данное значение переосмысляется как ‘протопический (член данной категории)’. В этом употреблении расшифровывающая конкретизация факультативна:

Золотистый ретривер. Был выведен в Шотландии в конце XIX века для апортировки подбитой птицы, но очень скоро стал породой, завоевавшей тысячи сердец как отличный домашний любимец, ***истинная собака-компаньон*** (https://www.proplan.ru/dog/article) [ИМ];

Дело осложняется тем, что ***самый истинный интеллигент*** *— не ангел; и прихоти, и амбиции у него бывают, да еще какие; и все-таки разве проблема сводится к его личной гордыне?* (С. С. Аверинцев. Попытки объясниться. Беседы о культуре, 1981—1987);

CC BY

Это мелочь по сравнению с тем, что происходит в дальнейшем, когда Волан-де-Морт ведет себя как ***истинный политик*** *в самом неприглядном смысле этого слова* (М. Штейнман. Политические смыслы «Гарри Поттера», 2016) [НКРЯ];

Не выставлял он своих чувств напоказ, не демонстрировал гордость (хотя вполне объяснимую): ***истинный мужчина****, он не гарцевал в мужественности поступков и чувств, но, как уже сказала, мне досталась, выпала его дружба* (Галина Шергова. … Об известных всем, 2002—2004) [НКРЯ];

Ему нравится портрет, который в последние годы нарисовала мировая (в особенности американская) пресса ***— истинного палестинца****, с юных лет боровшегося за свободу своего народа* (Вячеслав Белаш. Организатор освобождения Палестины // Коммерсантъ-Власть, 1999) [НКРЯ].

В неузуальных употреблениях слово *истинный* в указанном значении может переосмысливаться как общеоценочный предикат (‘производящий прекрасное, очень хорошее впечатление’): *На постоянной выставке у Лиды Корвин висит большой, ранний,* ***очень истинный и хороший этюд*** *берез* (А. Н. Бенуа. Дневник, 1923) [НКРЯ].

3.2.2. Значение ‘полный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности, названной определяемым словом’. Условия реализации этой разновидности оценочного значения также заключаются в характере определяемого слова. Это, как правило, отглагольные или отадъективные существительные, обозначающие чувство или состояние, которые могут мыслиться в большей или меньшей степени (*полные, исключительные: счастье, удача, радость, восхищение* и пр.):

Я обозревал шестаковские ноги с ***истинным восхищением*** *и даже некоторой гордостью — хоть один человек из нашей камеры не носит портянок* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы, 1954—1961) [НКРЯ];

И всё это — и невероятной красоты голос, и прекрасная вокальная техника, и дивная ***музыка —*** *доставляло* ***истинное наслаждение*** (И. К. Архипова. Музыка жизни, 1996) [НКРЯ];

Зато получила ***истинное удовольствие*** *от участия в спектаклях знаменитого парижского театра «Комеди Франсез», который в 1954 году гастролировал в Москве* (И. К. Архипова. Музыка жизни, 1996) [НКРЯ];

Юношей Николай играл на кларнете; не отличаясь ***истинной музыкальностью****, никогда не ошибался ни в нотах, ни в ритме* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны, 1988—1989) [НКРЯ].

Очень часто подобные позитивно-оценочные преобразования встречаются в контекстах метафорического употребления:

Истинным бальзамом *для их душ стала снятая в 1950 году Пырьевым музыкальная комедия «Кубанские казаки»* (В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000) [НКРЯ];

А чистая, не осквернённая промышленными стоками Печора для рыбы **— *истинный рай*** (Уральское диво // Вокруг света, 2004.07.15) [НКРЯ].

3.2.3. Значение сильной степени проявления чего-либо. Вариантом указанного «количественного» значения является значение просто сильной степени проявления чего-либо. Отличие этого типа значения состоит в том, что в позиции определяемых слов могут выступать номинации, содержащие и потенциально отрицательные коннотации (*сильные: печаль, тревога, страдание* и пр.):

Но по крайней мере однажды он испытал ***истинное горе****, — в тот день, когда покидал отечество ...* (https://books.google.ru/books) [ИМ];

Пыль — истинное *проклятье тех, кто спешил следом* **—** *на время невиданного прыжка облагородила его лицо, покрыв серым гримом лоскутья и обнаженные зубы* (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр», 2008) [НКРЯ];

... результаты химического анализа, проводимого с помощью сложного аналитического оборудования, во многих случаях не позволяют оценить ***истинную опасность*** *тех или иных загрязнителей...* (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // Геоинформатика, 2004) [НКРЯ];

Это доказывают его авторские корректуры, которые составляли, подобно корректурам Толстого, ***истинную муку*** *редакторов* (А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров, 1911) [НКРЯ].

3.3. Лексема *истинно* в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства, признака или действия / состояния

Еще большим оценочным потенциалом обладает качественное наречие истинно, хотя русские словари не отражают эти возможности. Практические во всех словарях указано значение по значению прилагательного *истинный* ‘соответствующий действительности’ или ‘настоящий, подлинный’, а также указывается на возможность употребления в качестве вводного = ‘в самом деле, на самом деле’ [ССРЛЯ, т. V, 1956, стлб. 538; БТСРЯ, с. 403]. Однако, согласно нашим наблюдениям, для говорящих по-русски, употребляющих наречие *истинно*, семантика соответствия действительности не очень актуальна. Трудно, например, усмотреть это значение в таком совершенно типичном употреблении этого наречия: *Он внезапно сообразил: Евстигней Фомин как* ***истинно русский*** *тип (русский, особого покроя, гений* **—** *мрачновато-веселый и угрюмо-стремительный) вечен, неистребим* (Борис Евсеев. Евстигней // Октябрь, 2010) [НКРЯ].

CC BY

Едва ли в этом контексте утверждается, что Евстигней на самом деле русский, то есть не принадлежит к другой национальности, или подлинный русский, то есть не мнимый, не притворяется русским. Конечно же, в этом контексте реализуется уже отмеченная нами для прилагательного *истинный* семантика соответствия идеалу, то есть тому, какими должны быть, в представлениях говорящего, образцовый русские люди.

Для начала отметим определенный параллелизм в разновидностях употреблений в роли вторичных оценок для прилагательного *истинный* и для наречия *истинно*. Наречие *истинно* также возможно в следующих значениях:

3.3.1. Значение ʻидеально, образцово, совершенно’. Это значение также может иметь расшифровывающий содержание идеала контекст:

Всё вкусно, всё прекрасно, и сельский механизатор показывал чуть ли не образцы ***истинно британского*** *воспитания: он всегда, говоря с женой, так разворачивал тему, что находился повод спросить у гостя — а как он к этому вот относится?* (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998) [НКРЯ];

Рубцов по-своему любил свою жизнь, себя в ней любил, но как ***истинно русский*** *человек несколько пренебрежительно, иногда наплевательски относился к ней* (Виктор Астафьев. Затеси, 1999 // Новый Мир, 2000) [НКРЯ].

Но, как и в случаях с прилагательным *истинный*, установка на соответствие идеалу или прототипу в подобных употреблениях наречия *истинно* может просто констатироваться; говорящий полагает, что адресату по умолчанию известны признаки данного идеала или образца. В этом отражается ориентация на стереотипы социума:

Потребуется время, возможно поколение, чтобы внешняя политика России перешла в руки ориентированной на Европу, ***истинно демократической*** *элиты* (Збигнев Бжезинский: ни Польша, ни Россия не смогут господствовать в Европе // Коммерсантъ-Власть, 1998) [НКРЯ];

Мы боремся за возврат на ***истинно социалистический*** *путь* (Владимир Федоткин. Власть и оппозиция // Советская Россия, 2003.07.03) [НКРЯ];

Корнелия, женщина глупая, но обладавшая звериной ***— истинно женской —*** *интуицией, прочувствовала диспозицию с первых же дней пребывания в доме…* (Сергей Дигол. Не забудьте выключить // Волга, 2014) [НКРЯ];

Этот мир и несёт человеку ***истинно человеческое*** (А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека (1981)) [НКРЯ].

3.3.2. Значение ʻв полной мере / степени, исключительно’. Как и в случае с прилагательным *истинный*, наречие с таким значением употре-

CC BY

бляется при словах, обозначающих положительно-окрашенные чувства, состояния, ситуации:

Даренский не задумывался, почему возникшее в нём чувство превосходства над сослуживцами не рождало в нём снисходительной благожелательности к товарищам по работе — черты ***истинно сильных*** *людей* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, 1960) [НКРЯ];

Начну со времени самого отдалённого и с человека, память о котором мне ***истинно дорога*** (В. Ф. Ходасевич. О меценатах, 1936) [НКРЯ];

И всё, что радовало — ***истинно радовало —*** *меня этими цветами, запахами, формами (а чего стоит один «Ганг» с его бесконечным разнообразием и сумочками-коробками, и ещё с хозяйственными сумками, излюбленными московской хипнёй) — всё стало другим* (Н. Б. Черных. Слабые, сильные // Волга, 2015) [НКРЯ].

Так же, как и в случае с прилагательным *истинный* в аналогичном значении, отмечены и контексты метафорического употребления:

Жевать не стал, а только сосал, не ощущая содержащейся в корке горечи, чувствуя только ***истинно елочный, новогодний мандариновый*** *аромат* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // Бельские Просторы) [НКРЯ];

… который утром оказался ***истинно королевским****: винно-красным, ликующим, неумирающим, и курился мириадами веселых пылинок, облегая силуэт спящей на боку Айи* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын, 2014) [НКРЯ].

3.3.3. Усилительное значение ‘в сильной степени, сильно, крайне’. Также проявляется в употреблениях при глаголах или прилагательных с реальной или потенциальной негативно-оценочной коннотированностью:

Он расстаётся с нею навсегда, и она пишет ему в прощальном письме: «Никто не может быть так ***истинно несчастлив****, как ты, потому что никто не старается уверить себя в противном*» (Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь, 2002) [НКРЯ];

Наконец-то он нечто стал видеть, нечто, что в его сфере внимания было теперь ***истинно странным****… Бегичев, может быть, еще хотел руками глаза закрыть?* (А. А. Поступинский. Бог № 264 // Волга, 2013) [НКРЯ].

Интересны в этом плане и употребления слова *истинно* в роли усилительной частицы — примерно в значении ‘исключительно, решительно, просто и под.’ (кстати, это значение не отмечается в словарях). Это контексты, в которых это слово относится к существительным. Обнаруженные нами контексты демонстрируют все три рассмотренных ранее разновидности оценочной семантики:

CC BY

3.3.4. Значение ʻидеальный, образцовый, совершенный’: *Но это было другое — в моем мире это был* ***истинно человек****!* (А. А. Поступинский. Бог № 264 // Волга, 2013) [НКРЯ];

3.3.5. Значение ʻполный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности’: *Вот это, чую диким нутром,* ***истинно воля****!* (В. Володин. Там, на краешке бессмертного лета. Быль // Волга, 2016) [НКРЯ];

3.3.6. Значение сильной степени проявления чего-либо: — ***Истинно муть****, — сказал Петр Иванович. — Ну, так и быть. — И он подписал на истории болезни свою фамилию, согласие на перевод Мерзлякова к себе* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы, 1954—1961) [НКРЯ].

Примечательно, кстати, что употребления в роли усилительной частицы, отражающие разного рода тонкие и не всегда определимые регистры оценочной реакции говорящего, характерны и для синонимичных частице *истинно* слов *поистине* и *воистину*:

А когда рисовала, все они представлялись ***воистину красавицами*** (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009) [НКРЯ];

Остается — как исторический архетип — легкая поступь Вещего Олега, ***воистину полководца-миротворца*** (Валерий Лобачев. Князь-волхв? // Наука и религия, 2008) [НКРЯ];

А всегда представал глубоким старцем (вот старцы у него — ***поистине старики****!)* (В. Володин. Повесть врЕменных лет // Волга, 2009) [НКРЯ];

Он был ***поистине бардом****. Не тем бардом, коими сегодня считают себя те, кто просто сам пишет и исполняет свои песни* (Галина Шергова. …Об известных всем, 2002—2004) [НКРЯ].

Укажем, что для этих слов словари также отмечают только наречные значения модального «верификационного» типа ʻна / в самом деле’.

4. Заключение = Conclusions

В целом наше исследование еще раз продемонстрировало, что в реальных речевых практиках носителей русского языка концепт ИСТИНА вовсе не сводится к идее абсолютной объективной, внечеловеческой или сверхчеловеческой, данности. Как показали рассмотренные нами примеры, метаязыковая семантика истинности суждения или значение соответствия реальности не столь характерны для употребления таких репрезентантов данного концепта, как, например, прилагательное *истинный* или наречие *истинно*. Вообще в наивной модели мира, согласно современным антропоцентрическим представлениям, любая абстрактная сущность подлежит обязательной конкретизации по «мерке человека», то есть вписывается

CC BY

в систему его идеалов и ценностей. Это характерно, например, и для таких доминантных для любой культуры абстрактных концептов, как время и пространство, сознание и совесть, свобода и необходимость, причина и следствие и пр. В этом же духе «очеловечивается» и концепт ИСТИНА, который, реализуясь в обыденном, неспециализированном употреблении языка, обнаруживает значительный оценочный, в основном — положительно оценочный потенциал.

В русской речи такие репрезентанты концепта, как слова *истинный* и *истинно,* чаще всего воплощают субъективные нравственно-ценностные представления носителей языка о том, как должно быть в мире человеческих отношений, а не о том, «как есть на самом деле». При этом базовая смысловая составляющая в концептуальном содержании истины, связанная с идеей всеобщей закономерности бытия, того, что верно, правильно, сохраняется. Просто, по принципу концептуальной метафоризации, она переносится из мира божественных законов или законов природы в мир норм и правил человеческого существования.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. ИМ — *Языковые* данные, полученные в результате интернет-мониторинга авторов в русскоязычном сегменте сети интернет.

3. КСРК — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с. — ISBN 5-8291-0007-X.

4. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http: // www.ruscorpora.ru (дата обращения 05.03.2022).

5. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950—1965. — Т. 5. — 1956. — 965 с.

Литература

1. *Агиенко М. И.* Структуры концептов ПРАВДА, ИСТИНА, TRUTH в сопоставительном аспекте : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. И. Агиенко. — Екатеринбург, 2005. — 24 с.

2. *Антропова В. В.* Концепт «истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ : ценностно-смысловые доминанты / В. В. Антропова // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 17—18 мая 2018 г.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 164—166. — ISBN 978-5-7996-2403-3.

3. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : Сборник научных статей. — Москва : Наука, 1986. — Выпуск 28. — С. 5—33.

4. *Арутюнова Н Д.* Истина : фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Культурные концепты : Сборник научных трудов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; ИЯ АН СССР. — Москва : Наука, 1991. — С. 21—30. — ISBN 5-02-011055-8.

5. *Жаворонкова А. Н.* Концепт *истина* в русском языковом сознании / А. Н. Жаворонкова // Человек в мире культуры. — 2015. — № 1. — С. 49—52.

6. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — ISBN 5-94457-104-7.

7. *Земскова Н. А.* Концепты ИСТИНА, ПРАВДА, «ложь» как факторы вербализации действительности : когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Земскова. — Краснодар, 2006. — 200 с.

8. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — ISBN 5-9551-0022-9.

9. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. — Москва : Едиториал, 2004. — 356 с. — ISBN 5-354-00222-2.

10. *Лишаев С. А.* ПРАВДА и ИСТИНА (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии / С. А. Лишаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2006. — № 1 (4). — С. 173—209.

11. *Логический анализ языка* : Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — Москва : Наука, 1995. — 201 с. — ISBN 5-02-011254-2.

12. *Лукин В. А.* Концепт истины и слово *истина* в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В. А. Лукин // Вопрсоы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 63—86.

13. *Митрофанова О. И.* Концепты «ПРАВДА» и «ИСТИНА» в лингвострановедческом освещении / О. И. Митрофанова, О. В. Алексеева // Научный альманах. — 2017. — № 1—1 (27). — С. 345—348. — DOI: 10.17117/na.2017.01.01.345.

14. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

15. *Радбиль Т. Б.* ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020а. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.

16. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета / Т. Б. Радбиль, А. И. Помазов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020б. — Т. 19. — № 1. — С. 140—153. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12.

17. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019а. — № 15. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/22274200/15/3.

18. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019б. — № 2. — С. 27—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

19. *Ручина Л. И.* Концепт *либерал* : смысловое наполнение в национальном сознании / Л. И. Ручина // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура :

сборник статей по материалам конференции. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 244—249. — ISBN 978-5-89533-397-6.

20. *Смирнова Е. Е.* Смысловое наполнение концепта ИСТИНА в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) / Е. Е. Смирнова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182.

21. *Социокультурные и прагматические аспекты* современных словообразовательных процессов : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2018. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-3801-6.

22. *Черников М. В.* Концепты ПРАВДА и ИСТИНА в русской культурной традиции / М. В. Черников // Общественные науки и современность. — 1999. — № 2. — С. 164—175.

23. *Шатилова Л. М.* Сопоставительный анализ концепта «правда / истина» в русской и французской языковой картине мира / Л. М. Шатилова, В. В. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11. — Ч. 2. — С. 175—178.

24. *Шмелев А. Д.* Правда vs истина в диахроническом аспекте / А. Д. Шмелев // *Логический* анализ языка : Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — Москва : Наука, 1995. — С. 52—54. — ISBN 5-02-011254-2.

25. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. — 1st publ. 1987 ; Repr. ed. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 2015. — 632 p.

26. *Orr Sh.* Predicating Truth : An empirically based analysis / Sh. Orr, M. Ariel // Journal of Pragmatics. — Nov. 2021. — Vol. 185. — Pp. 131—145. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005.

27. *Papafragou A.* Epistemic modality and truth conditions / A. Papafragou // Lingua. — 2006. — Vol. 116. — Pp. 1688—1702. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.05.009.

28. *Poole R.* Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing : A diachronic corpus study / R. Poole, A. Gnann, G. Hahn-Powell // Journal of English for Academic Purposes. — November 2019. — Vol. 42. — Pp. 100784. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100784/.

29. *Sperber D.* Beyond speaker's meaning / D. Sperber, D. Wilson // Croatian Journal of Philosophy. — 2015. — № 15 (44). — Pp. 117—149.

30. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Key Words : English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. — 1st publ. 1997 ; Repr. ed. — New York : Oxford, OUP, 2018. — 328 p. — ISBN 0195088360.

Material resources

Bolshaya tolkovskiy dictionary of the Russian language. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Kovar compatible Russian literary language: in 17 volumes, 5. (1950—1965). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. 965 p. (In Russ.).

Language data obtained as a result of Internet monitoring of authors in the Russian-speaking segment of the Internet. (In Russ.).

National Corpus of the Russian language. Available at: http: / / www.ruscorpora.ru (accessed 05.03.2022). (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience.* Moscow: Akademproekt. 989 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

References

Agienko, M. I. (2005). *Structures of concepts TRUTH, TRUTH, TRUTH in a comparative aspect.* Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).

Antropova, V. V. (2018). The concept of "truth" in the discourse of diverse print media: value-semantic dominants. In: *Priorities of mass media and values of the profession of a journalist: materials of the International scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, May 17—18, 2018).* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 164—166. ISBN 978-5-7996-2403-3. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (1986). Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world. In: *Semiotics and informatics: Collection of scientific articles, 28.* Moscow: Nauka. 5—33. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1991). Truth: background and connotations. In: *Logical analysis of language: Cultural concepts: Collection of scientific papers.* Moscow: Nauka. 21—30. ISBN 5-02-011055-8. (In Russ.).

Arutyunova, N. D., Ryabtseva, N. K. (1995). *Logical analysis of language: Truth and truth in culture and language.* Moscow: Nauka. 201 p. ISBN 5-02-011254-2. (In Russ.).

Chernikov, M. V. (1999). Concepts of TRUTH and TRUTH in the Russian cultural tradition. *Social sciences and modernity, 2:* 164—175. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2004). *Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ.).

Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by.* Moscow: Editorial. 356 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).

Lakoff, G. (2015). *Women, Fire and Dangerous Things.* Chicago, IL: University of Chicago Press. 632 p.

Lishaev, S. A. (2006). PRAVDA and TRUTH (linguistic conceptualization of the world and thematic originality of Russian philosophy. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The series "Philosophy. Philology", 1 (4):* 173—209. (In Russ.).

Lukin, V. A. (1993). The concept of truth and the word truth in the Russian language (experience of conceptual analysis of rational and irrational in language). *Voprsoy linguistics, 4:* 63—86. (In Russ.).

Mitrofanova, O. I., Alekseeva, O. V. (2017). Concepts of "TRUTH" and "TRUTH" in linguo-cultural coverage. *Nauchnyi dialog, 1—1 (27):* 345—348. DOI: 10.17117/na.2017.01.01.345. (In Russ.).

Orr, Sh., Ariel, M. (2021). Predicating Truth: An empirically based analysis. *Journal of Pragmatics, 185:* 131—145. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005.

Papafragou, A. (2006). Epistemic modality and truth conditions. *Lingua, 116:* 1688—1702. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.05.009.

Poole, R., Ariel, A., Hahn-Powell, G. (2019). Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing: A diachronic corpus study. *Journal of English for Academic Purposes. November, 42:* 100784. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100784/.

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language of the coronavirus era: linguocognitive aspect. *Nauchnyi dialog, 1:* 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020a). SOUL and BODY in Aspect of Comparative Analysis of Cultural Concepts: Materials for Linguoculturological Phraseological Dictionary of Russian-Ka-

zakh Correspondences. *Nauchnyi dialog, 3:* 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).

Radbil, T. B., Pomazov, A. I. (2020b). Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 19 (1):* 140—153. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12. (In Russ.).

Radbil, T. B., Saigin, V. V. (2019a). The concept of "sin" in the context of lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Questions of lexicography, 15:* 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019b). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog, 2:* 27—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V.S (ed.). (2018). *Socio-cultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes: collective monograph.* Moscow: FLINTA; Nauka. 232 p. ISBN 978-5-9765-3801-6. (In Russ.).

Ruchina, L. I. (2018). Concept Liberal: semantic content in the national consciousness. National codes in language and literature. In: *Language and culture: a collection of articles based on the conference materials.* Nizhny Novgorod: DECOM. 244—249. ISBN 978-5-89533-397-6. (In Russ.).

Shatilova, L. M., Borisova, V. V. (2017). Comparative analysis of the concept "truth / truth" in the Russian and French language picture of the world. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 11 (2):* 175—178. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (1995). *Pravda vs pravda in diachronic aspect. Logical analysis of language: Truth and truth in culture and language.* Moscow: Nauka. 52—54. ISBN 5-02-011254-2. (In Russ.).

Smirnova, E. E. (2017). Semantic content of the concept of TRUTH in the lexical and semantic system of the Russian language (according to lexicographic sources). *Nauchnyi dialog, 11:* 169—182. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182. (In Russ.).

Sperber, D., Wilson, D. (2015). Beyond speaker's meaning. *Croatian Journal of Philosophy, 15 (44):* 117—149.

Wierzbicka, A. (2018). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese.* New York: Oxford, OUP. 328 p. ISBN 0195088360.

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian language picture of the world: a collection of articles.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 544 p. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).

Zemskova, N. A. (2006). *Concepts of TRUTH, TRUTH, "lie" as factors of verbalization of reality: cognitive-pragmatic aspect (based on the material of Russian and English languages).* PhD Diss. Krasnodar. 200 p. (In Russ.).

Zhavoronkova, A. N. (2015). The concept of truth in the Russian language consciousness. *A man in the world of culture, 1:* 49—52. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.04.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 20.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Михеева Н. Ф. Межвариантные языковые явления в семантическом поле «Выпечка» (на материале национальных вариантов испанского языка) / Н. Ф. Михеева, Е. А. Попова, З. Н. Игнашина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 89—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105.

Mikheeva, N. F., Popova, E. A., Ignashina, Z. N. (2022). Intervariant Linguistic Phenomena in Semantic Field "Baking" in National Variants of Spanish. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 89-105. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105

Межвариантные языковые явления в семантическом поле «Выпечка» (на материале национальных вариантов испанского языка)

Михеева Наталья Федоровна [1]
orcid.org/0000-0002-0764-2271
доктор филологических наук, профессор,
Институт иностранных языков
mikheeva_rudn@mail.ru

Попова Евгения Андреевна [2]
orcid.org/0000-0002-1056-5406
кандидат филологических наук,
кафедра второго иностранного языка
o-genia@yandex.ru

Игнашина Зоя Николаевна [3]
orcid.org/0000-0001-9404-6445
кандидат филологических наук,
Департамент английского языка
и профессиональной коммуникации
tirroleland@mail.ru

[1] Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
[2] Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)
[3] Финансовый университет
при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

Intervariant Linguistic Phenomena in Semantic Field "Baking" in National Variants of Spanish

Natalya F. Mikheeva [1]
orcid.org/0000-0002-0764-2271
Doctor of Philology, Professor,
Institute of Foreign Languages
mikheeva_rudn@mail.ru

Evgenia A. Popova [2]
orcid.org/0000-0002-1056-5406
PhD in Philology,
Department of the Second Foreign Language
o-genia@yandex.ru

Zoya N. Ignashina [3]
orcid.org/0000-0001-9404-6445
PhD in Philology,
Department of English
and Professional Communication
tirroleland@mail.ru

[1] Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)
[2] Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)
[3] Financial University under the Government
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Михеева Н. Ф., Попова Е. А., Игнашина З. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются семантические расхождения между лексическими единицами национальных вариантов испанского языка на примере лексем семантического поля «Хлеб и выпечка». Исследование ориентировано на потребности современного этапа развития сопоставительной семантики, вариантологии и межвариантной диалектологии, предусматривающих постепенный охват всех опорных семантических полей языка в коммуникативно-прагматическом аспекте. Посредством сопоставительного межвариантного анализа языковых единиц с первичным значением выпечки выявляется культурная специфика соответствующих концептов в разных испаноязычных странах и регионах в рамках полинационального языка. Уделяется внимание семантическим процессам и языковым явлениям, лежащим в основе межвариантных расхождений, предлагается их классификация применительно к указанной области. Поднимается вопрос о важности экстралингвистических факторов при формировании алиментарного тезауруса той или иной страны и культуры или совокупностей культур на определенной территории. Доказано, что лексика поля «Выпечка» выступает источником трудностей в межкультурной коммуникации, напрямую связанных с языковыми явлениями в области вариантологии и межвариантной диалектологии испанского языка.

Ключевые слова:
семантическое поле; лексема; межвариантная синонимия; межвариантная полисемия; межвариантная омонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of semantic discrepancies between the lexical units of the Spanish language national variants on the example of the semantic field “Bread and baking” lexemes. The relevance of the study is due to its focus on the needs of the current stage of development of comparative semantics, variantology and intervariant dialectology, which provide for the gradual coverage of all the supporting semantic fields of the language in the communicative-pragmatic aspect. The novelty of the study is seen in the fact that through a comparative intervariant analysis of language units with the primary meaning of baking, the cultural specificity of the corresponding concepts in different Spanish-speaking countries and regions within the framework of a multinational language is revealed. Particular attention is paid to the semantic processes and linguistic phenomena underlying the intervariant discrepancies, their classification is proposed in relation to this area. The question is raised about the importance of extralinguistic factors in the formation of the alimentary thesaurus of a particular country and culture or sets of cultures in a certain territory. As a result of the study, it was proved that the vocabulary of the field “Baking” is a source of difficulties in intercultural communication, directly related to linguistic phenomena in the field of variantology and intervariant dialectology of the Spanish language.

Key words:
semantic field; lexeme; intervariant synonymy; intervariant polysemy; intervariant homonymy.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.134.2’282::392.813

Межвариантные языковые явления в семантическом поле «Выпечка» (на материале национальных вариантов испанского языка)

© Михеева Н. Ф., Попова Е. А., Игнашина З. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Пища выступает фундаментальной областью культуры, формирующей наше представление о мире. Особенности питания оказывают существенное влияние как на физиологию, так и на психологию человека, а становление алиментарного кода каждой нации зависит от целого ряда экстралингвистических факторов. По утверждению отечественного исследователя семантического макрополя «Пища» в европейских языках Е. М. Кирсановой, указанное поле в каждом языке характеризуется не только определенной константно-семантической организацией, но и особыми прагматическими механизмами, которые «служат обогащению языковой картины мира, метафорическому освоению различных сфер человеческого опыта, идентификации образа национального типа личности, выстраиванию символических основ этнокультурной семиотики» [Кирсанова, 2009, с. 4]. Именно они, с одной стороны, помогают понять образ жизни и национальную культуру народа, а с другой — выступают источником трудностей в общении, особенно если речь идет о национальных вариантах и / или диалектах одного и того же языка.

Указанное утверждение в полной мере применимо к лексике со значением пищи в полинациональном испанском языке, где важным фактором лексического своеобразия его национальных вариантов считается обособленное становление соответствующих стран и наций. При наличии общих тенденций формирования национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке, обусловленного экстралингвистическими факторами, «лингвистическая реальность Нового Света “развивает” идею отсутствия единства» и «провозглашает автохтонную эволюцию и разнообразие островных особенностей» [Михеева, 2014, с. 11], в связи с чем одни и те же языковые единицы (далее — ЯЕ) в разных странах и даже частях одной страны могут иметь либо дополнительные нюансы семантики, либо иное значение.

Целесообразность исследования прагмасемантики лексических и фразеологических единиц испанского языка по странам и в сопоставительном, межвариантном аспекте доказана как ведущими отечественными, так и зарубежными испанистами. Теоретической базой для написания настоящей

CC BY

статьи послужили труды Г. В. Степанова [Степанов, 1966; Степанов, 1976; Степанов, 1979], В. С. Виноградова [Виноградов, 2001; Виноградов, 2003], Н. М. Фирсовой [Фирсова, 2007; Фирсова, 2017], Н. Ф. Михеевой [Михеева, 2006; Михеева, 2014], О. С. Чесноковой [Чеснокова, 2010; Чеснокова, 2021], Дж. Липски [Lipski, 1994; Lipski 2002], Х. Лопе Бланча [Lope Blanch, 2004], Х. Морено де Альбы [Moreno de Alba 2001], Р. Климент-Эспино и А. М. Гомес-Браво [Food, Texts and Cultures…, 2021] и др.

В фокусе нашего внимания находятся лексические и фразеологические единицы лексико-семантического поля «Хлеб и выпечка». Исследование представляется актуальным, поскольку хлеб и его разновидности можно назвать одним из ключевых элементов алиментарного кода не только испаноязычных стран, но и всего мира. В связи с экстралингвистическими факторами (в первую очередь под влиянием истории, географических и климатических условий каждой конкретной страны) в семантике ЯЕ с указанным значением в разных национальных вариантах испанского языка наблюдаются расхождения, выявление которых мы видим целью данной статьи.

Научная новизна работы видится в том, что настоящее исследование является первым шагом к структурированию соответствующего семантического поля в межвариантной (и далее — в междиалектной) плоскости. Сопоставительный анализ значений наиболее частотных существительных, обозначающих виды хлеба и выпечки в Испании и странах Латинской Америки, также вносит вклад в формирование межвариантного тезауруса пищи испаноязычных стран.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Согласно идеографическим словарям Х. Касареса [Casares, 2007] и Р. дель Мораля [Del Moral, 2009], в пиренейском и латиноамериканских национальных вариантах испанского языка насчитывается порядка 3600 языковых (лексических и фразеологических) единиц со значением еды и напитков, из них массив слов и словосочетаний с «кофейной» семантикой включает около 100 ЯЕ, с «хлебной» — около 180, с «винной» — более 200.

Приведенный в указанных словарях перечень является далеко не полным: так, на примере лексико-семантического поля (далее — ЛСП) «Кофе» можно выявить еще как минимум 20 ЯЕ, обозначающих кофе разных видов в национальных вариантах испанского языка и зафиксированных в других источниках, например, в словаре латиноамериканизмов под редакцией Р. Ришара [Richard, 2006], в тематическом словаре наиболее частотных лексических единиц Испании и Латинской Америки под редакцией А. Молеро [Molero, 2008] и в испаноязычном сегменте лингвистического форума Wordreference [Попова, 2019]. Для наиболее полного межва-

CC BY

риантного представления о любом фрагменте алиментарной картины мира испаноязычных стран необходима консультация с источниками, отражающими особенности каждого национального варианта языка.

Методология исследования опирается на современные направления отечественной испанистики, разработанные Н. М. Фирсовой и Н. Ф. Михеевой, — межвариантную лексикологию и фразеологию [Фирсова, 2007; Фирсова, 2017] и межвариантную диалектологию [Михеева, 2006] испанского языка, которые служат основой сравнительного изучения национальных картин мира, а также на концепцию семантических полей как механизмов языкового структурирования действительности. В рамках сопоставительного анализа используется терминология вышеуказанных направлений (*межвариантная синонимия, межвариантная полисемия, межвариантная омонимия* и др.).

Говоря о работах, в той или иной степени исследующих ЛСП «Хлеб и выпечка», выделим, например, статьи Л. О. Занозиной [Занозина, 2007], А. Р. Шхумишховой [Шхумишхова, 2009], О. Г. Савельевой [Савельева, 2019], Д. У. Хушевой [Хушева, 2021], посвященные вербализации концепта ХЛЕБ в русском языке. К исследованиям сопоставительного характера по указанной тематике относятся диссертация Е. М. Кирсановой, где изучаемое поле описывается в рамках межъязыковой модели тезаурусов «Пища / Food» (русский и английский языки) [Кирсанова, 2009], работы Г. М. Боваевой (русский, калмыцкий и немецкий языки) [Боваева, 2012], М. В. Ундрицовой (русский, английский, французский и греческий языки) [Ундрицова, 2015], З. Д. Мирзоевой (русский и таджикский языки) [Мирзоева, 2016] и др.

Применительно к испанскому языку существуют исследования, в которых отражены особенности некоторых из интересующих нас ЯЕ в конкретных его вариантах или диалектах (см., например, [Чеснокова, 2010; Чеснокова, 2021; Мед, 2014; Синицына, 2019]). Моделированию другого фрагмента испаноязычного алиментарного тезауруса — ЛСП «Кофе» с точки зрения именно межвариантной специфики его единиц — посвящены несколько статей Е. А. Поповой (например, [Попова, 2019]).

Поскольку настоящая статья отражает результаты первого этапа исследования прагмасемантического потенциала ЯЕ со значением хлеба и выпечки и в большей степени ориентирована на сопоставительное изучение ядерных компонентов соответствующих ЛСП в разных вариантах полинационального языка (*pan* — Испания, *arepa* — Колумбия, *tortilla* — Мексика и др.), нами использовались методы сплошной выборки языковых единиц и семантического анализа словарных дефиниций. Материалом для работы послужили толковые словари испанского языка Испании [DRAE] и латиноамериканских стран [RAE amer; Richard, 2006], идеографические

словари [Casares, 2007; Del Moral, 2009; Molero, 2008] и ряд словарей отдельных его национальных вариантов [Montoya, 2006; Pichardo, 1985]. В рамках исследования также были использованы методы семантической классификации лексики, структурирования семантических полей, компонентного, контекстологического и лингвокультурологического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Хлеб наш насущный…»: лингвокультурная специфика базового элемента

Лексема *pan* («хлеб»), являясь ядром изучаемого поля, обозначает один из основных продуктов питания в Испании, который, как правило, выпекается из пшеничной муки (*harina de trigo*); данная ЯЕ является частью многочисленных устойчивых выражений (в словаре Испанской Королевской Академии DRAE их 40): *ser un pedazo de pan* — «быть хорошим человеком» (букв. «быть куском хлеба»); *al pan, pan, y al vino, vino* — «каждому — свое» (букв. «хлебу — хлеб, вину — вино»); *contigo, pan y cebolla* — «с тобой — хоть на край света» (букв. «с тобой [могу есть] и хлеб с луком»); *comer pan con corteza* — 1) повзрослеть, стать самостоятельным; 2) выздороветь (букв. «есть хлеб с коркой»); *con su pan se lo coma* — «пусть делает, что хочет» (букв. «пусть ест это со своим хлебом») и др. [DRAE] (здесь и далее перевод наш — *Н. М.*).

В то же время в странах Латинской Америки далеко не всегда можно найти хлеб, привычный европейцам, поскольку исторически он был очень дорогим, а более распространенным злаком на американских континентах являлась не пшеница, а кукуруза (*maíz*). Существует легенда о том, что испанские миссионеры, пытаясь научить индейцев, живших на территории современной Мексики, молитве «Отче наш», потерпели коммуникативное поражение, поскольку коренное население не понимало строку *Danos hoy nuestro pan de cada día* («Хлеб наш насущный даждь нам днесь»), просто не зная, что такое *pan*. Смысл молитвы дошел до них, только когда кто-то из миссионеров догадался заменить слово *pan* на *maíz* [Самсонкина, 2021]. В Мексике растет около 60 видов маиса; согласно индейским верованиям, боги создали людей из кукурузной муки, и, возможно, поэтому в мексиканском национальном варианте испанского языка существуют такие перифразы, как *regalo de los dioses* («подарок богов») для обозначения кукурузы и *hijos del maíz* («дети кукурузы») — для обозначения самих мексиканцев [Gutiérrez Chávez, 2012, с. 78]. Именно из кукурузной муки сегодня выпекается основное хлебное изделие Мексики — тонкая круглая пресная лепешка *tortilla*.

В других латиноамериканских странах — Колумбии, Венесуэле и Панаме — вместо европейского хлеба также едят лепешки из кукурузы, но

CC BY

с другим названием — *arepas* («арепас»), разного размера и толщины, в зависимости не только от страны, но и от конкретной ее части [Чеснокова, 2021, с. 75, 81—82]. Такое распространенное в Испании выражение, как *ganar el pan* («зарабатывать на хлеб»), в колумбийском национальном варианте испанского языка звучит как *ganar la arepa* (букв. «зарабатывать на лепешку»). В отличие от русского языка, в Колумбии не хлеб, а лепешка «всему голова» (*la arepa es la cabeza de todo*) [Синицына, 2019, с. 76]. Отметим, что ЛЕ *arepa* также имеет в Колумбии обобщенное значение «еда, пища», зарегистрированное в словарях [Montoya, 2006, с. 76] и появившееся в результате метонимического переноса, что свидетельствует о первостепенной роли данного продукта в колумбийском алиментарном коде.

Вышеприведенные факты не означают отсутствия в современных латиноамериканских национальных вариантах испанского языка лексемы *pan*, о чем свидетельствуют многочисленные его виды (примеры взяты из словаря под ред. Р. Ришара): *pan bon* (букв. «хлеб-конфета») — сладкий хлеб (чаще — круглой формы) темного цвета с фруктами (Коста-Рика); *pan de huevo* («яичный хлеб») — сладкий хлеб полукруглой формы (Мексика, США); *pan dulce* («сладкий хлеб») — сдоба с засахаренными фруктами и кедровыми орешками, которую готовят к новогоднему столу (Аргентина, Уругвай); *pan sobao* («замешанный хлеб») — хлеб, тесто для которого замешивается на сливочном масле / на животном жире (Пуэрто-Рико) [Richard, 2006]. В латиноамериканских странах используются и фразеологизмы с компонентом *pan*, характерные для каждого конкретного национального варианта. Приведем несколько примеров из «энциклопедии аргентинской жизни» XIX века — эпической поэмы «Мартин Фьерро» (*Martín Fierro*): *andar / estar como pan que no se vende* (букв. «ходить / как хлеб, который не продается») — «бесцельно бродить, слоняться»; *como pan bendito* (букв. «как освященный хлеб») — «очень мало»; *echar panes* (букв. «разбрасывать хлеб») — «бравировать, бахвалиться чем-либо» [Hernández, 1997].

Названия типичных для Испании хлебных изделий для регионов Латинской Америки также могут различаться, демонстрируя явление межвариантной синонимии. Так, испанский багет (*barra de pan*) в Аргентине, Уругвае и Чили — это *baguette*, в Уругвае также *pan flauta* (букв. «хлеб-флейта»), а в Венесуэле — *canilla de pan* (букв. «катушка хлеба»); *pan de molde* («хлеб из муки грубого помола») в Аргентине называют *pan de miga* (букв. «хлеб из мякиша»), в Мексике — *pan bimbo* (букв. «пьяный хлеб»), в Венесуэле — *pan cuadrado* (букв. «квадратный хлеб») [Molero, 2008]. Ниже в таблице (табл. 1) представлен ряд примеров межвариантной синонимии в исследуемом ЛСП, отобранных нами для демонстрации данного явления из вышеупомянутого словаря *El español de España y el español de*

América под ред. А. Молеро (2008) и дополненных буквальным переводом латиноамериканских лексем.

Таблица 1

Примеры межвариантной синонимии
в лексико-семантическом поле «Хлеб и выпечка» испанского языка

ЯЕ в Испании	**ЯЕ в латиноамериканских странах**
Barra de pan («багет»)	*Baguette* («багет») — Аргентина, Чили, Уругвай; *Flauta* («флейта») — Аргентина; *Pan flauta* («хлеб-флейта») — Уругвай; *Canilla de pan* («катушка хлеба») — Венесуэла.
Pan de molde («хлеб из муки грубого помола»)	*Pan de miga* («хлеб из мякиша») — Аргентина; *Pan bimbo* («пьяный хлеб») — Мексика; *Pan de sándwich* («хлеб для сандвича») — Венесуэла; *Pan cuadrado* («квадратный хлеб») — Венесуэла.
Perrito caliente («хот-дог»)	*Pancho* («пузо») — Аргентина, Уругвай; *Hot dog* — Чили, Мексика; *Franckfurters* («франкфуртские [сосиски]») — Уругвай; *Perro caliente* — Венесуэла.
Cruasán («круассан»)	*Medialuna* («полумесяц») — Аргентина, Уругвай; *Croissant* — Чили, Венесуэла; *Cuerno / Cuernito* («рога / рожки») (Мексика).
Magdalena («кекс»)	*Quequito* («кексик») — Чили; *Mantecado* («сделанный на животном жире») — Мексика; *Panqué* («блинчик») — Мексика; *Ponqué* — Венесуэла.
Bizcocho («сдобное печенье»)	*Vainilla* («ваниль») — Аргентина; *Galleta de champaña* («шампанское печенье») — Чили; *Soleta* («пятка, ступня носка») — Мексика; *Pan de dulce* («сладкий хлеб») — Мексика; *Plantilla* («стелька») — Уругвай, Венесуэла.
Bocadillo / bocata («бутерброд закрытый»)	*Sándwich (de fiambre)* — «сандвич (с ветчиной)» / *Choripán (de chorizo)* — «колбаса и хлеб (с копченой колбасой чоризо)» / *Lomito (de carne)* — «лопатка (с мясом)» — Аргентина; *Sándwich* — Мексика, Уругвай, Венесуэла; *Refuerzo* («укрепления») — Уругвай; *Pepito* («маленький бутерброд с мясом») — Венесуэла; *Mixto* («смешанный») — Куба.

Материалы таблицы позволяют сделать вывод о том, что в основе межвариантной синонимии, как правило, лежат когнитивные процессы метафорического (например, *medialuna* «полумесяц» или *cuernito* «рожки» для обозначения круассана) или метонимического (например, *vainilla* «ваниль» — сдобное печенье с добавлением ванили; *mantecado* «сделанный

CC BY

на животном жире / сливочном масле» — сдобный кекс, в состав которого добавляется сливочное масло) переноса.

Источником межвариантной синонимии могут служить и заимствования из других языков: *baguette, croissant* (франц.); *frankfurters* (нем.); *hot dog*, *sándwich* (англ.). Многие из них претерпевают фонетическую ассимиляцию: *quequito* (от англ. *cake* «кекс, пирожное»); *panqué, ponqué* (от англ. *pancake* «блин»). Кроме того, в некоторых странах Латинской Америки и написание слов, типичное для пиренейского национального варианта испанского языка, будет другим в связи с фонетическими особенностями конкретного региона: *ser pan comido* — «быть легко решаемым вопросом» (букв. «быть съеденным хлебом») на Кубе пишется *pan comío*, поскольку выпадающий в устной речи жителей карибских стран звук *[d]* в суффиксах причастий во многих случаях отсутствует и на письме, что постепенно становится литературной нормой.

3.2. Особенности межвариантной полисемии

В процессе межкультурной коммуникации возникают трудности не только в результате незнания ее участниками межвариантных синонимов, но и в связи с наличием в исследуемом ЛСП ряда многозначных лексем и слов-омонимов. Межвариантная полисемия и межвариантная омонимия, при которых лексические единицы совпадают в плане выражения и расходятся в плане содержания, считаются наиболее частотными видами семантических расхождений между ЯЕ национальных вариантов испанского языка (см. [Фирсова, 2007; Фирсова, 2017]).

Ярким примером межвариантной полисемии служит вышеупомянутая ЯЕ *tortilla*. В Мексике это пресная лепешка из кукурузного теста, поджариваемая на углях или жаровне, основа для ряда популярных блюд с разнообразными начинками, таких как тако (*taco*), буррито (*burrito*), кесадилья (*quesadilla*), энчилада (*enchilada*) и др. Известный отечественный испанист О. С. Чеснокова приводит несколько примеров идиом, где семантически опорным компонентом выступает *tortilla* в мексиканском понимании данного слова: *tortilla de dos caras* — «лицемерный человек» (букв. «тортилья с двумя лицами»); *si eso dice pan de huevo, qué dirá tortilla dura* — «у кого щи пустые, у кого жемчуг мелкий» (букв. «если это говорит сдоба, что скажет сухая тортилья») [Чеснокова, 2010, с. 70].

В то же время в Испании *tortilla* обозначает вовсе не пресную лепешку, а особый вид омлета с вареным картофелем и часто — жареным луком: *alimento preparado con huevo batido, cuajado con aceite en la sartén y de forma redonda o alargada, al que a veces se añaden otros ingredientes* («пища, приготовленная из взбитых яиц на масле в сковороде круглой или продолговатой формы, с добавлением других ингредиентов») [DRAE]. Именно об ис-

CC BY

панской тортилье идет речь в устойчивых выражениях, отобранных нами из толкового словаря DRAE: *darle la vuelta a la tortilla* — «изменить что-то кардинальным образом» (букв. «перевернуть тортилью»); *estar hecho tortilla* — «быть очень уставшим» (букв. «превратиться в тортилью»); *querer hacer tortilla sin romper los huevos* — «хотеть получить что-либо без труда» (букв. «сделать тортилью, не разбив яиц»).

Tortilla — диминутивная форма от не менее «коварного» многозначного слова *torta*, также обозначающего в Испании и в странах Латинской Америки совершенно разную пищу. Итак, что же такое *torta* в Испании? Это, в первую очередь, небольшие толстенькие блинчики (оладушки), причем не обязательно из теста (они могут быть, например, картофельными). Согласно словарю DRAE, это «тесто из муки с другими ингредиентами, круглой формы, которое готовится на медленном огне» (*masa de harina, con otros ingredientes, de forma redonda, que se cuece a fuego lento*) или «любое тесто в форме блина» (*cualquier masa reducida a forma de torta*). Если сравнивать с русской культурой, получается нечто похожее на оладьи, а в некоторых странах Латинской Америки, например в Аргентине, вместо ЯЕ *tortas* используется *panqueque* (калька с англ. *Pancake* — «толстый блин небольшого размера»). Такие «оладьи» сами по себе не сладкие, но их можно есть с вареньем, сиропом или фруктами. Кроме того, в Испании *tortas* называются сухие злаковые хлебцы.

Русскоязычные студенты часто путают слово *torta* с тортом, однако это «ложный друг переводчика», путаница возникает в связи с интерференцией (переносом из родного языка). *Torta* не имеет отношения к сладкому, в отличие от ЯЕ *tarta*. В Испании данная лексема, в первую очередь, определяется как десерт (торт, пирог или кусок торта / пирога): *tarta de queso / limón / manzana* («чизкейк, лимонный торт, яблочный пирог»). Тем не менее *tarta* может быть и несладкой: пирог с рыбой называется *tarta de atún*, с луком — *tarta de cebolla*. При этом испанская сладкая *tarta* в Мексике называется *pastel* («торт»), тогда как в Испании *pastel* — это пирожное, а в Парагвае, Колумбии и Венесуэле — пирожок с мясом.

Что касается Латинской Америки, благодаря межвариантной полисемии ЯЕ *torta* здесь имеет огромное количество значений. В более чем половине латиноамериканских стран (Никарагуа, Панама, Эквадор, Венесуэла, Колумбия, Перу, Боливия, Чили, Парагвай, Аргентина, Уругвай), согласно определению «Словаря американизмов» RAE, это именно торт — «большой сдобный десерт — бисквит или другая однородная масса, обычно круглый, с начинкой из фруктов, крема / сливок, варенья и др.» (*pastel grande de bizcocho o de alguna otra masa homogénea, de forma generalmente redonda, relleno de frutas, crema, o alguna otra confitura*), а также пудинг

CC BY

(*pudin*). При этом для мексиканского национального варианта испанского языка находим следующее определение: *torta* — закрытый бутерброд в булке или в багете с мясной или овощной начинкой (*pan blanco partido longitudinalmente, que se rellena con diversos alimentos* — «белый хлеб, разделенный вдоль, с начинкой из разных продуктов») [RAE amer].

На Кубе, с одной стороны, словом *torta* называют «круглый тонкий блин, сделанный из пшеничной муки с молоком, сахаром и ванилью, жаренный на растительном или сливочном масле / животном жире, который едят с сахарным или другим сиропом (*torta delgada hecha a base de harina de trigo, leche, azúcar y vainilla, frita en aceite, manteca o mantequilla, y que se come, generalmente, acompañada de almíbar o sirope*) [RAE amer]. Словарь, однако, не дает полной семантической картины понятия *torta* «по-кубински», поскольку, как и в Мексике, это может быть закрытый бутерброд в круглой булке. В нем обязательно присутствует яйцо в виде яичницы или омлета, как правило, авокадо и, по возможности, мясные ингредиенты. Таким образом, для более полного понимания определенного явления в какой-либо стране бывает необходима консультация с носителями конкретного языка и культуры или личный опыт. Для Кубы (а также для Аргентины) актуально и понятие *torta frita* — сладкой жареной лепешки, которую посыпают сахарной пудрой или поливают сиропом.

На примере ЯЕ *torta* отдельно стоит выделить явление полисемии в аспекте межвариантной диалектологии, поскольку семантика данной лексемы имеет нюансы не только в национальных вариантах испанского языка, но и в разных регионах одной или нескольких стран. Так, в восточной части Боливии это — закуска из сдобного хлеба на основе кукурузной муки, в нее кладутся кусочки мяса и острого перца (*emparedado que se prepara con pan abizcochado, hecho de harina de maíz, trozos de carne y ají; se lleva como tapeque*), а на юге страны, на границе с Парагваем, — круглый белый (пшеничный) хлеб, украшенный семенами кунжута, который готовится на Страстную неделю (*pan de harina blanca y forma circular, decorado con semillas de ajonjolí, que se prepara en Semana Santa*) [RAE amer] и имеет сакральное, религиозное значение.

Описание семантической палитры такого простого, на первый взгляд, слова, логично завершить идиоматическими выражениями, которые фиксирует словарь Р. Ришара [Richard, 2006]. *¡Qué torta!* — воскликнет житель Никарагуа, Коста-Рики или Панамы, выражая досаду по поводу совершенной ошибки. *¡Buenas son tortas!* — скажет гватемалец, объясняя, что важны не слова, а конкретные действия. В Мексике *estar como el perro de las dos tortas* эквивалентно русской пословице «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь» (букв. «быть как собака с двумя бутербродами»), а в Ко-

CC BY

ста-Рике *jalarse una torta* («уплетать торт») означает либо «вляпаться в историю», либо (для женщины) «оказаться беременной, будучи не замужем».

3.3. Метафора как источник межвариантной омонимии

Наконец, кратко остановимся на явлении межвариантной омонимии, которая также может стать источником коммуникативных помех. В случае с изучаемым ЛСП хлеба и выпечки данное явление возникает, в первую очередь, за счет вторичных, метафорических значений.

В разных национальных вариантах испанского языка они отличаются благодаря особенностям восприятия мира представителями соответствующих культур. Например, лексема *pan* на Кубе, как отмечает словарь кубанизмов Э. Пичардо, может использоваться в значении «холм конусообразной формы» (*colina de forma cónica*) [Pichardo, 1985, с. 512]. В ряде стран (и диалектов) Латинской Америки (Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Эль Сальвадор, Панама, Колумбия, восточная часть Боливии) — в обсценном значении, а в Доминиканской Республике — как восклицание, обозначающее согласие с чем-то понятным, очевидным [RAE amer].

Arepa в диалекте Боготы имеет значение «удача», «везение» [Чеснокова, 2021, с. 82], а *torta* в Коста-Рике, наоборот, ассоциируется с проблемами, неудачами или глупыми выходками (*problema; chasco; trastada*) [RAE amer]. В Мексике для ЛЕ *torta* словарь Р. Ришара фиксирует с пометой «грубое» значения «девушка» (*muchacha, una mujer joven*) и «невеста» (*novia*); для Чили и Пуэрто-Рико с пометой «молодежный жаргон» — значение «куча денег» (*cantidad grande de dinero*); для Гондураса — «скандал, хаос» (*escándalo, desorden*), а для Никарагуа — «серьезная ошибка» (*error, equivocación grave*) [Richard, 2006, с. 528].

Среди диалектных метафорических значений ЯЕ *torta*, представленных в словаре американизмов RAE amer, можно выделить используемое на территории, охватывающей северную и восточную части Боливии и северо-западную — Аргентины, понятие «строительный материал из веток, соломы и иногда шерсти, который используется для крыш и штукатурки стен в сельских домах» (*mezcla de barro, paja y a veces lana, usada para hacer techos o revocar paredes de casas rústicas*) [RAE amer]. Для указанной лексемы словарь предлагает 13 метафорических значений. Одни основаны на представлении о некоторой хаотичной смеси (вспомним панамериканское значение закрытого бутерброда, в который можно положить что угодно в зависимости от страны), другие — на объективации образа женщины и человеческого тела (подобная концептуальная метафора характерна и для других языков, ср. рус. *булки*, англ. *buns*). Для более полного раскрытия системы ассоциаций и образов, лежащих в основе дополнительных значений единиц изучаемого ЛСП, необходимы отдельные исследования.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Описанные процессы и явления, определяющие межвариантное функционирование языковых единиц в лексико-семантическом поле «Хлеб и выпечка», позволяют сделать следующие выводы:

1) рассмотренные семантические расхождения частотных ЯЕ внутри ЛСП «Хлеб и выпечка» как на лексическом, так и на фразеологическом уровне обусловлены языковыми явлениями межвариантной синонимии, полисемии и омонимии;

2) источники межвариантной синонимии среди ЯЕ изучаемого поля обусловлены внутриязыковыми факторами, к которым можно отнести процессы метафоризации и метонимизации, и внешними — заимствованиями из других языков; заимствования зачастую претерпевают фонетическую ассимиляцию, которая может быть характерна для испанского языка в целом либо для конкретного национального варианта или диалекта;

3) выявленные случаи межвариантной полисемии могут вызывать трудности в употреблении за счет принадлежности к так называемым «ложным друзьям переводчика»; кроме того, не все культурные коннотации некоторых отражены даже в специализированных словарях, и их верификация возможна посредством обращения к носителям языка;

4) межвариантная омонимия в исследуемой области, как правило, основана на культурообусловленных метафорических ассоциациях, которые отражены не только в разных национальных вариантах, но и в территориальных диалектах испанского языка.

В настоящей статье были рассмотрены семантические расхождения лишь нескольких ЯЕ, поскольку изучаемое ЛСП является довольно обширным и многогранным. Разрабатываемая тема представляется нам перспективной для дальнейшего развития: языковые и социокультурные особенности повседневной лексики, к которой относятся номинации из сферы «Пища», в сопоставительном аспекте необходимо учитывать при обучении испанскому языку, сочетая собственно лингвистический материал с экстралингвистической информацией. Такой подход, на наш взгляд, способствует предупреждению помех и неудач и преодолению трудностей в межкультурной коммуникации.

Источники и принятые сокращения

1. *Casares J.* Diccionario ideológico de la lengua española / J. Casares. — Barcelona : Editorial Gustavo Gili, S. L, 2007. — 891 p.

2. *Del Moral R.* Diccionario Ideológico : Atlas Léxico de la Lengua Española / R. Del Moral. — Barcelona : Herder, 2009. — 663 p.

3. DRAE — Diccionario de la lengua española. Real Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : https://dle.rae.es/ (accessed 21.04.2022).

4. *Hernández J.* Martín Fierro (con introducción, notas y vocabulario de E. F. Tiscornia) / J. Hernández. — Buenos Aires : Losada, 1997. — 348 p.

5. *Molero A.* El español de España y el español de América. Vocabulario comparado / A. Molero. — Madrid : Grupo Editorial SM Internacional, 2008. — 128 p.

6. *Montoya R.* Diccionario comentado del español actual en Colombia / R. Montoya. — Bogotá : Ed. Párrafo, 2006. — 356 p.

7. *Pichardo E.* Diccionario provincial y casi-razonado de voces y frases cubanas / E. Pichardo. — La Habana : Editorial de ciencias sociales, 1985. — 639 p.

8. RAE amer — Diccionario de americanismos. Real Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : http://lema.rae.es/damer/ (accessed 27.04.2022).

9. *Richard R.* Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas) / R. Richard. — Madrid : Lavel, S. A, 2006. — 600 p.

Литература

1. *Боваева Г. М.* Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений : на материале глюттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. М. Боваева. — Казань, 2012. — 280 с.

2. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. — Москва : ИОСО РАО, 2001. — 254 с. — ISBN 5-7552-0041-6.

3. *Виноградов В. С.* Лексикология испанского языка / В. С. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 2003. — 244 с. — ISBN 5-06-004563-3.

4. *Занозина Л. О.* Наименования обрядовых хлебных изделий в курских говорах / Л. О. Занозина // Курское слово. — 2007. — № 4. — С. 76—86.

5. *Кирсанова Е. М.* Прагматика единиц семантического поля ПИЩА : системный и функциональный аспекты : на материале русского и английского языков : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. М. Кирсанова. — Москва, 2009. — 294 с.

6. *Мед Н. Г.* Национально-культурная специфика испанских фразеологизмовс гастрономическим компонентом / Н. Г. Мед // Язык, сознание, коммуникация. — Москва : ООО МАКС Пресс, 2014. — С. 216—222.

7. *Мирзоева З. Д.* Концепт Хлеб / Нон в русском и таджикском языках : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / З. Д. Мирзоева. — Душанбе, 2016. — 168 с.

8. *Михеева Н. Ф.* Межвариантная диалектология испанского языка : Учебное пособие / Н. Ф. Михеева. — Москва : Издательство РУДН, 2006. — 117 с. — ISBN 978-5-209-02582-5.

9. *Михеева Н. Ф.* Перспективы развития испанского языка / Н. Ф. Михеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 11—15.

10. *Попова Е. А.* Семантическое поле «КОФЕ» в испанском языке : межвариантные (не)соответствия / Е. А. Попова // Языковое бытие человека и этноса / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой. — Москва : ИНИОН РАН, 2019. — Выпуск 21 : Материалы XVI Березинских чтений. — С. 132—141. — ISBN 978-5-248-00931-2.

11. *Савельева О. Г.* Вербальная объективация и субъективация концепта «хлеб» / О. Г. Савельева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 6 (139). — С. 116—120.

12. *Самсонкина Е.* Однажды в Латинской Америке : видеокурс лекций [Электронный ресурс] / Е. Самсонкина, О. Полунина // Школа испанского языка Espalabra. — 2021. — Режим доступа : https://espalabra.ru/learning-materials/una-vez-en-america-latina/ (дата обращения 5.05.2022).

13. *Синицына А. М.* Семантические особенности языковых единиц с компонентом пищи в колумбийском национальном варианте испанского языка / А. М. Синицына // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1. — С. 74—77.

14. *Степанов Г. В.* Испанский язык в странах Латинской Америки / Г. В. Степанов. — Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1966. — 202 с.

15. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1976. — 224 с.

16. *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования : испанский язык Испании и Америки / Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1979. — 327 с.

17. *Ундрицова М. В.* Глюттонический дискурс : лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты : на материале русского, английского, французского и греческого языков : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. В. Ундрицова. — Москва, 2015. — 292 с.

18. *Фирсова Н. М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н. М. Фирсова. — Москва : АСТ, Восток-Запад, 2007. — 352 с. — ISBN 978-5-17-044413-7.

19. *Фирсова Н. М.* Испанский язык и культура в испаноязычных странах / Н. М. Фирсова. — Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2017. — 176 с. — ISBN 978-5-397-02852-3.

20. *Хушева Д. У.* Семантический и концептуальный аспекты исследования тематического поля «хлеб» / Д. У. Хушева // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 3—7 (71). — С. 215—219.

21. *Чеснокова О. С.* Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика / О. С. Чеснокова. — Москва : Издательство РУДН, 2010. — 110 с. — ISBN 5-209-02334-6.

22. *Чеснокова О. С.* Колумбия в мире испанского языка / О. С. Чеснокова. — Москва : Ленанд, 2021. — 118 с. — ISBN 978-5-9710-8855-4.

23. *Шхумишхова А. Р.* Семантический и концептуальный аспекты исследования лексемы «хлеб» / А. Р. Шхумишхова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2009. — № 3. — С. 229—233.

24. *Climent-Espino R.* Food, Texts, and Cultures in Latin America and Spain / R. Climent-Espino, Ana M. Gomez-Bravo. — Nashville : Vanderbilt University Press, 2021. — 340 p.

25. *Gutiérrez Chávez T.* Latitud 0 : Manual del español intercultural / T. Gutiérrez Chávez, A. Noriega Fernández. — Madrid : Sociedad General Española de Librería, 2012. — 180 p.

26. *Lipski J. M.* El español de América / J. M. Lipski. — Madrid : Ediciones Cátedra, 2002. — 2 ed. — 447 p.

27. *Lipski J. M.* Latin American Spanish / J. M. Lipski. — London : Longman, 1994. — 392 p.

28. *Lope Blach J. M.* Español de México frente a español de España / J. M. Lope Blanch // Cuestiones de filología mexicana. — México : UNAM, 2004. — Pp. 167—175.

29. *Moreno de Alba J. G.* El español en América. Tercera edición, corregida y aumentada / J. G. Moreno de Alba. — México : Fondo de Cultura Económica, 2001. — 334 p.

Material resources

Casares, J. (2007). *Diccionario ideológico de la lengua Española.* Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S. L. 891 p. (In Spain.).

Del Moral, R. (2009). *Diccionario Ideológico: Atlas Léxico de la Lengua Española.* Barcelona: Herder. 663 p. (In Spain.).

Diccionario de americanismos. Real Academia Española. Available at: http://lema.rae.es/damer/ (accessed 27.04.2022). (In Spain.).

Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. Available at: https://dle.rae.es/ (accessed 21.04.2022). (In Spain.).

Hernández, J. (1997). *Martín Fierro (con introducción, notas y vocabulario de E. F. Tiscornia).* Buenos Aires: Losada. 348 p. (In Spain.).

Molero, A. (2008). *El español de España y el español de América. Vocabulario comparado.* Madrid: Grupo Editorial SM Internacional. 128 p. (In Spain.).

Montoya, R. (2006). *Diccionario comentado del español actual en Colombia.* Bogotá: Ed. Párrafo. 356 p. (In Spain.).

Pichardo, E. (1985). *Diccionario provincial y casi-razonado de voces y frases cubanas.* La Habana: Editorial de ciencias sociales. 639 p. (In Spain.).

Richard, R. (2006). *Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas).* Madrid: Lavel, S. A. 600 p. (In Spain.).

References

Bovaeva, G. M. (2012). *Linguocultural specificity of ethnic food preferences: based on the material of the glutton nominations of Kalmyk, Russian and German-speaking ethnic groups.* PhD Diss. Kazan. 280 p. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. (2010). *Spanish in Latin America. Mexico.* Moscow: RUDN Publishing House. 110 p. ISBN 5-209-02334-6. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. (2021). *Colombia in the world of the Spanish language.* Moscow: Lenand. 118 p. ISBN 978-5-9710-8855-4. (In Russ.).

Climent-Espino, R., Gomez-Bravo, Ana M. (2021). *Food, Texts, and Cultures in Latin America and Spain.* Nashville: Vanderbilt University Press. 340 p.

Firsova, N. M. (2007). *Modern Spanish in Spain and Latin America.* Moscow: AST, East-West. 352 p. ISBN 978-5-17-044413-7. (In Russ.).

Firsova, N. M. (2017). *Spanish language and culture in Spanish-speaking countries.* Moscow: Book House LIBROCOM. 176 p. ISBN 978-5-397-02852-3. (In Russ.).

Gutiérrez Chávez, T., Noriega Fernández, A. (2012). *Latitud 0: Manual del español intercultural.* Madrid: Sociedad General Española de Librería. 180 p. (In Spain.).

Khusheva, D. U. (2021). Semantic and conceptual aspects of the study of the thematic field "bread". *Current scientific research in the modern world, 3—7 (71):* 215—219. (In Russ.).

Kirsanova, E. M. (2009). *Pragmatics of semantic field units FOOD: systemic and functional aspects: based on the material of Russian and English languages.* PhD Diss. Moscow. 294 p. (In Russ.).

Lipski, J. M. (1994). *Latin American Spanish.* London: Longman. 392 p.

Lipski, J. M. (2002). *El español de América. 2 ed.* Madrid: Ediciones Cátedra. 447 p. (In Spain.).

Lope Blach, J. M. (2004). Español de México frente a español de España. In: *Cuestiones de filología mexicana.* México: UNAM. 167—175. (In Spain.).

Med, N. G. (2014). National-cultural specificity of Spanish phraseological units with a gastronomic component. In: *Language, consciousness, communication.* Moscow: MAX Press LLC. 216—222. (In Russ.).

Mikheeva, N. F. (2006). *The intervariant dialectology of the Spanish language: A textbook.* Moscow: RUDN Publishing House. 117 p. ISBN 978-5-209-02582-5. (In Russ.).

Mikheeva, N. F. (2014). Prospects for the development of the Spanish language. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics, 2:* 11—15. (In Russ.).

Mirzoeva, Z. D. (2016). *Concept of Bread / Non in Russian and Tajik languages.* PhD Diss. Dushanbe. 168 p. (In Russ.).

Moreno de Alba, J. G. (2001). *El español en América. Tercera edición, corregida y aumentada.* México: Fondo de Cultura Económica. 334 p. (In Spain.).

Popova, E. A. (2019). Semantic field of "COFFEE" in Spanish: inter-variant (non-) correspondences. In: *Linguistic existence of a person and an ethnos, 21: Materials of the XVI Berezinsky Readings*. Moscow: INION RAS. 132—141. ISBN 978-5-248-00931-2. (In Russ.).

Samsonkina, E., Polunina, O. (2021). Once upon a time in Latin America: a video course of lectures. *Spanish Language School Espalabra.* Available at: https://espalabra.ru/learning-materials/una-vez-en-america-latina/ (accessed 5.05.2022). (In Russ.).

Savelyeva, O. G. (2019). Verbal objectification and subjectification of the concept of "bread". *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 6 (139):* 116—120. (In Russ.).

Shkhumishkhova, A. R. (2009). Semantic and conceptual aspects of the study of the lexeme "bread". *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 3:* 229—233. (In Russ.).

Sinitsyna, A. M. (2019). Semantic features of language units with a food component in the Colombian national version of Spanish language. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1:* 74—77. (In Russ.).

Stepanov, G. V. (1966). *The Spanish language in Latin America.* Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. 202 p. (In Russ.).

Stepanov, G. V. (1976). *Typology of linguistic states and situations in the countries of Romance speech.* Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Stepanov, G. V. (1979). *On the problem of linguistic variation: the Spanish language of Spain and America.* Moscow: Nauka. 327 p. (In Russ.).

Undritsova, M. V. (2015). *Gluttonic discourse: linguoculturological, cognitive-pragmatic and translation aspects: based on the material of Russian, English, French and Greek languages.* PhD Diss. Moscow. 292 p. (In Russ.).

Vinogradov, B. C. (2001). *Introduction to Translation Studies.* Moscow: IOSO RAO. 254 p. ISBN 5-7552-0041-6. (In Russ.).

Vinogradov, B. C. (2003). *Lexicology of the Spanish language.* Moscow: Higher School. 244 p. ISBN 5-06-004563-3. (In Russ.).

Zanozina, L. O. (2007). Names of ceremonial bread products in Kursk dialects. *Kursk word, 4:* 76—86. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.04.2022,
одобрена после рецензирования 27.07.2022,
подготовлена к публикации 20.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Никитин О. В. С. И. Ожегов : «Пишу Вам на машинке…» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов) / О. В. Никитин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 106—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122.

Nikitin, O. V. (2022). S. I. Ozhegov: "I'm Writing to You on a Typewriter..." (Linguistic Sketches of 1950—1960s). *Nauchnyi dialog, 11(6):* 106-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122

С. И. Ожегов: «Пишу Вам на машинке…» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов)

Никитин Олег Викторович
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
доктор филологических наук,
профессор
кафедры истории русского языка
и общего языкознания
olnikitin@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Мытищи, Россия)

S. I. Ozhegov: "I'm Writing to You on a Typewriter..." (Linguistic Sketches of 1950—1960s)

Oleg V. Nikitin
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
Doctor of Philology, Professor,
Department of History of the Russian
Language and General Linguistics
olnikitin@yandex.ru

Moscow Region
State University
(Mytishchi, Russia)

© Никитин О. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены неизвестные свидетельства эпистолярного общения С. И. Ожегова и его «корреспондентов» — профессора А. М. Еголина, князя П. Оболенского, тов. Недзвецкого. Указывается на ценность представленных материалов для изучения лексикологии, стилистики, авторской пунктуации, культуры речи. Переписка показывает индивидуальные качества С. И. Ожегова: открытость, готовность помочь советом, включенность в личные дела коллег, филологическую чуткость, заинтересованность в общении с учеными, веселый нрав. Очерчен круг обсуждаемых в письмах проблем, среди которых отбор и толкование дефиниций в словарях (*пилёный сахар, плавленый сыр, громоотвод*), гаплология, образование апеллятивов от имен писателей (*некрасовед* или *некрасовед, горьковедение*), социальная и фонетическая адаптация иноязычной лексики (*цен'тн'ер — центнер, т'емп — темп, т'ермин — термин*) и др. Приведенные в переписке факты комментируются с позиции истории филологической науки, даются необходимые отсылки, делаются возможные сопоставления с событиями и лицами, упоминаемыми в эпистолярии. С. И. Ожегов характеризуется как ученый-универсал. Делается вывод об актуальности публикации архивных источников, приоткрывающих интересные обстоятельства научной жизни филологов, обнажающих их поиски и открытия. Данные материалы дополняют имеющиеся сведения о лингвистических дискуссиях 1950—1960-х годов, представляют живые портреты ученых, являются вкладом в создание летописи филологической науки XX века.

Ключевые слова:
С. И. Ожегов; эпистолярное наследие; культура речи; лексикография; терминология; апеллятив; социолингвистика; орфоэпическая норма; история языкознания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents unknown evidence of epistolary communication of S. I. Ozhegov and his "correspondents" — Professor A. M. Egolin, Prince P. Obolenskiy, Mr Nedzvetskiy. The linguistic informativeness of the letters is noted. The value of the presented materials for the study of lexicology, stylistics, author's punctuation and speech culture is indicated. Attention is drawn to the range of problems discussed in the letters, including the selection and interpretation of definitions in dictionaries (*pilyonyi sakhar* 'sawn sugar', *plavlenyi syr* 'processed cheese', *gromootvod* 'lightning rod'), haplology, the formation of appellatives from the names of writers (*nekrasovoved* or *nekrasoved*), social and phonetic adaptation of foreign language vocabulary (*t'emp — temp*), etc. The facts given in the correspondence are commented on from the standpoint of the history of philological science, the necessary references are given, possible comparisons are made with the events and persons mentioned in the epistolary. The texts are evaluated as a fragment of a special linguistic picture of the world, in which the main place is occupied by the linguistic personality of S. I. Ozhegov, who attracted scientists of different schools and generations. The conclusion is made about the relevance of the publication of archival sources that reveal interesting circumstances of the scientific life of philologists, exposing their searches and discoveries. These materials supplement the available information about the linguistic discussions of the 1950s and 1960s, represent living portraits of scientists.

Key words:
S. I. Ozhegov; epistolary heritage; culture of speech; lexicography; terminology; appellative; sociolinguistics; orthoepic norm; history of linguistics.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1+929Ожегов

С. И. Ожегов: «Пишу Вам на машинке…» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов)

© Никитин О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Эпистолярий русских филологов — особая грань их таланта. В письмах они свободно выражали свои мысли, размышляли о языковых причудах времени, знакомых лицах и событиях, которые для них были живым источником, а часто и материалом для будущих научных статей и лингвистических экспериментов. Стоит отметить, что бытовые вопросы в таких источниках «проходные» и создают фон для естественной коммуникации, вводят и автора текста, и его корреспондента в единое русло «филологии письма», подготавливают к раскрытию речевого портрета. В этом заключается ценность подобных «мелочей» научного быта 1950—1960-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили документы из личных фондов С. И. Ожегова (ф. 1516) и А. М. Еголина (ф. 1537) в Архиве Российской академии наук (РАН, Москва), представляющие собой переписку по проблемам лексикографии, терминологии, стилистики русского языка, особенностям функционирования произносительных норм в живой речи конца 1950-х — начала 1960-х годов. После выхода в свет «Словаря русского языка» (1949) в научной среде и обществе активно обсуждали состав и структуру издания первого однотомного толкового словаря советской эпохи, предназначенного для массового читателя. Автор в ответах «корреспондентам» откликался на многие спорные вопросы лексикографической практики: разъяснял принципы использования устаревшей (в частности, религиозной, «купеческой») лексики, аббревиатур, неологии, уточнял грамматические и стилистические пометы, раскрывал толкование лексем и т. д. В его адрес приходили письма, побуждавшие ученого к продолжению работы над «Словарем» и повлиявшие на него с точки зрения общественной направленности издания, призванного повысить интерес жителей страны к родному языку, подключить их к культурной традиции лексикографии. По сути, С. И. Ожегов в своей научной практике впервые применил метод анкетирования — непосредственного контакта с носителями языка, поставлявшими ему необычные идеи и редкие слова, своего рода лингвистические детективы, участвовавшими в совершенствовании структуры издания и в целом помогавшими ученому

CC BY

реализовать амбициозную программу по перестройке «языковых вкусов эпохи» и изучению новой коммуникативной ситуации. Фрагменты той большой работы по собиранию и описанию разных уровней языка представлены в настоящей статье. Не все они, конечно, вошли в «Словарь», но были использованы С. И. Ожеговым в просветительских целях: практически каждый автор, невзирая на профессиональный статус, получал исчерпывающий ответ от главного «народного лексикографа».

В ходе переработки первого издания с учетом критики и обсуждений в 1952 году из печати выходит второе, исправленное и дополненное издание «Словаря», которое почти на десятилетие (до публикации четвертого, обновленного издания 1960 года) регламентировало лексикографическую практику в области нормативности и стало ориентиром для создания словарей разных типов (главным образом, толковых и ортологических). Публикуемые письма как раз отражают это время, а критика «Словаря» его читателями показывает возросший интерес аудитории к изучению научной литературы — традиций академической лексикографии.

В 1952 году в Институте языкознания АН СССР (с 1958 — Института русского языка АН СССР) по инициативе С. И. Ожегова был организован Сектор культуры русской речи, занимавшийся изучением прежде всего вопросов практической стилистики, лексикологии, орфоэпии. Среди основных задач этого подразделения были установление и кодификация норм русского литературного языка. В круг обязанностей ученого входили решение проблемы теоретического и исторического обоснования процессов вариативности в живой речи второй половины XX века, выявление и анализ новых тенденций в языке, возникавших под влиянием социокультурных изменений в обществе. Туда стекались пачками письма безвестных авторов и многочисленные запросы от специалистов-нелингвистов по проблемам словарной теории и практики. Там рождались интересные идеи. Одна из них — коллективная монография «Русский язык и советское общество» (1968) — была реализована уже после смерти С. И. Ожегова и выдержана в традициях заложенных им методик и экспериментов непосредственного контактирования с носителями языка для выявления его нормативных признаков и анализа фактов реального говорения.

Наступала новая эпоха «оттепели» в языкознании. Ее символом в русистике отчасти стала популярная и сейчас среди филологов серия сборников «Вопросы культуры речи» (вып. 1—8, 1955—1967), пропагандировавших новые направления в языкознании и подходы к изучению звучащего слова: функциональную стилистику, социолингвистику, лингвокультурологию, статистические методы и их роль в установлении нормы, окказиональное словообразование в поэзии, изучение разговорной речи и др. Напом-

CC BY

ним, что на страницах этого издания была опубликована известная статья Т. Г. Винокур «О языке и стиле повести А. И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”» [Винокур, 1965, с. 16—32].

Таким образом, С. И. Ожегов и его соратники постепенно меняли облик русистики: наряду с серьезными теоретическими исследованиями важное место в багаже академических достижений тех лет заняли труды о языке homo loquencs. То, что впоследствии назовут антропологической лингвистикой, изучением языковой личности, начиналось с работ В. В. Виноградова и С. И. Ожегова. Анализу частных проблем этого панорамного направления (изучение семантики слова, экспериментальная лексикография, возможности языка создавать новые термины-апеллятивы, практическая стилистика и орфоэпия) посвящена наша статья.

В качестве иллюстраций к анализу лингвистических проблем, обсуждавшихся в лингвистическом сообществе 1950—1960-х годов, публикуется переписка С. И. Ожегова с его «корреспондентами» — читателями «Словаря» и обычными информантами, которым он рассылал анкеты. При воспроизведении и филологической обработке этих документов мы сохранили авторскую стилистику, пунктуацию, орфографию (например, П. Оболенский писал местоимения и глаголы с частицами через дефис: *тому-же, думаете-ли*) и сокращения. Недописанные части слов в ряде случаев раскрываются в угловых скобках, незначительные пропуски восстанавливаются отточиями в квадратных скобках. Подчеркивание заменено курсивом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Фигура С. И. Ожегова центральная в переписке. Он как маяк притягивал к себе большие и малые корабли с тысячами пассажиров в надежную гавань филологии. Мы уже рассказывали в других публикациях о многочисленных письмах к нему из самых отдаленных уголков страны, из-за рубежа [Никитин, 2020а; Никитин, 2020б; Словарь…, 2001]. В них содержались просьбы разъяснить то или иное слово, возникали споры, велся обмен мнениями, и эта лексикографическая практика со своими читателями у С. И. Ожегова и сотрудников его сектора имела продолжение в течение многих лет. Можно сказать, его имя еще при жизни стало нарицательным, символом языкового духа времени. С. И. Ожегов, русская речь и его «Словарь» — своего рода константы филологической картины мира второй половины XX столетия (ср.: [Костомаров, 2001]).

3.1. Терминология и особенности семантизации лексических единиц в «Словаре русского языка»

Одним из важнейших вопросов лексикографического описания языка второй половины XX века было включение в активный фонд новых «тех-

CC BY

нических» слов, терминов и понятий институтов советской власти, неологизмов и тому подобных единиц, которые раньше отсутствовали в литературном языке как общеупотребительные слова, а некоторые из них, помещенные в «Словаре», возникли в революционную эпоху и стали приметой времени. А. М. Селищев, один из первых исследователей языка этого периода, справедливо замечал, что после 1917 года в газетной публицистике большое место стали занимать заимствования: *ажиотаж, альянс, гарант, гегемон, коммюнике, люмпен* и мн. др. [Селищев, 1928, с. 30—32]. Влияние других языков отразилось и на словообразовании. Появляются такие лексемы, как *Невастрой, пионердвижение, дензнак, политкружок, цехбюро* и т. д. [Там же, с. 36].

Еще в середине 1920-х годов С. И. Ожегов задумал составить «Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник» и сделал к нему предварительные наброски. В них значительное место отводилось, в частности, морфологическим (*керенка, самокритика, заградиловка*) и семантическим (*уклон, чистка, соревнование*) новообразованиям, лексемам типа *рабфак, завканц, технорук*, сложным словам вроде *красноармеец* и т. п. [Ожегов, 2001, с. 411].

В период работы над «Словарем русского языка» перед ученым стояла непростая задача выработки новых лексикографических принципов. Одни единицы (например, *будёновка*) отсутствовали во 2-м издании, а неологизмы *нэпман* — «частный предприниматель, торговец времён нэпа» [Ожегов, 1952, с. 375] и *пионервожатый* «комсомолец, руководитель пионерского отряда» [Там же, с. 468] — заняли почетное место в алфавите общеупотребительных литературных слов 1950-х годов. Устаревшие значения и лексемы, которые не прижились в языке середины XX века и были локализованы специальной литературой или социальным кругом людей, как правило, отсекались и не включались в словарь. Элементы, имевшие *устойчивое* употребление в письменной и устной формах и не ограниченные в своем использовании стилями речи, получили прописку в «Словаре».

Похожую тенденцию мы наблюдаем и в области семантизации лексических единиц. Так, в письме тов. Недзвецкого С. И. Ожегову выражение *пилёный сахар* вызвало спор, очевидно, из-за того, что ученый дал «не такое» объяснение, которое хотел видеть его «корреспондент»: «Распиленный, обработанный пилением. *П<илёный> лес. П<илёный> сахар* (в квадратных плитках)» [Ожегов, 1964, с. 507]. Ср. у Д. Н. Ушакова: «Выработанный ровными прямоугольными плитками, в отличие от колотого» [Толковый словарь…, 1939, с. 259]. Возможно, у автора письма вызвало недовольство отсутствие указания на процесс изготовления такого сахара (несмотря на оригинальное название, его делают прессованием), но такая

CC BY

характеристика находилась бы за пределами принципов составления однотомного толкового ***нормативного*** словаря.

Филологическое объяснение сочетания *плавленый сыр* тоже не устраивало Недзвецкого. У С. И. Ожегова это «сорт мягкого сыра» [Ожегов, 1952, с. 470] (так же и у Д. Н. Ушакова [Толковый словарь…, 1939, с. 275], но с добавлением пометы «спец.»). Заметим, что в книгах по пищевым технологиям и тематических словарях, где раскрывается само понятие (когда и как оно возникло, каковы особенности получения такого сыра и т. д.) с ***энциклопедической*** и ***производственной*** точек зрения, лаконичного определения было бы недостаточно, но в ***толковом*** лексиконе, как писал С. И. Ожегов во вступительном разделе «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», «раскрывается значение слова в кратком (здесь и далее разрядка автора. — *О. Н.*) определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи» [Ожегова, 1952, с. 5].

Так же можно объяснить и ситуацию со словом *громоотвод*. Мы не знаем содержания письма Недзвецкого, но предполагаем, что он и здесь возражал против «непрофессионального», технически необоснованного толкования отдельных лексем, упрекая «Словарь», который ученый назвал «общедоступным пособием» [Ожегов, 1964, с. 3], в «ограниченности», «в терминологическом дилетантстве». Вот как его толкует С. И. Ожегов: «Прибор для предохранения сооружений от удара молнии — обычно в виде вертикального металлического стержня, соединённого проводом с землёй» [Ожегов, 1952, с. 123]. И поясняет далее в ответе Недзвецкому, что «многие термины с точки зрения обозначаемых ими явлений устарели: техника производства или научные представления изменились, а слово продолжает служить для обозначения этого явления, уже по-новому понимаемого» [Архив РАН, 1516, 1, 139, л. 48]. С. И. Ожегов стремится убедить читателя в том, что «Словарь» не исследует историю возникновения слова и изменений в его семантике, не раскрывает сугубо специальную информацию, какая принята в терминологических источниках, а в контексте ***лингвистического*** толкования (грамматические и стилистические пометы) предлагает наиболее общие и частотные значения, используемые в общелитературном языке. Ср.: «…от словаря нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим предметом» [Ожегов, 1952, с. 5].

В публикуемом далее письме обсуждаются обозначенные лингвистические проблемы, которые, как выясняется, волновали не только ученых, но и обычных людей, открывших для себя мир лексикографии пусть не с научной, а с бытовой стороны, но все же прикоснувшихся к этой все-

CC BY

ленной «в алфавитном порядке». Тов. Недзвецкий, узнаем мы из ответа С. И. Ожегова, был его многолетним критиком и неоднократно полемизировал с автором «Словаря».

С. И. Ожегов — Недзвецкому[1]

[Москва], 20. XII. [19]52

Уважаемый тов. Недзвецкий!

Письмо Ваше от 1.X.52 я получил. Благодарю Вас за внимание, и при этом многолетнее, к Словарю и за замечания. Многими из них я несомненно воспользуюсь при переиздании. Надо Вам сказать, что благодарность читателям, отсутствие которой в предисловии Вы отметили, выпала по чисто техническим обстоятельствам. О некоторых Ваших замечаниях по поводу *пилёного сахара*, *плавленого сыра* и *громоотвода*. Многие термины с точки зрения обозначаемых ими явлений устарели: техника производства или научные представления изменились, а слово продолжает служить для обозначения этого явления, уже по-новому понимаемого. Такие случаи в языке многочисленны. Ср., например, слово *перо*.

/С. И. Ожегов/ [Архив РАН, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. № 139, л. 48].

Подобные письма-упреки к С. И. Ожегову приходили не раз, ведь читателями его словаря были и медицинские работники, и военные, и лица духовного звания. Приведем еще один пример, показывающий ученого как грамотного лексикографа, разъясняющего очередному корреспонденту *принципы* отбора единиц: «Слова *сагиттальный* и *синтагма* не помещены как узкоспециальные; *стерва* — как вульгарно-бранное в современном языке. *Стожары*, пожалуй, можно отнести к числу пропусков. Слово *компрадóр* (ударение на последнем слоге), связанное с обозначением колониальной жизни и редко теперь применяемое, вряд ли нужно помещать в краткий словарь» (из ответа С. И. Ожегова Н. П. Ромадину от 27 октября 1954 года) [Словарь…, 2001, с. 506].

3.2. Образование апеллятивов от фамилий писателей

В памятниках русской истории и словесной культуры нередко встречаются производные от имен собственных — обозначений известных писателей, государственных деятелей. Оним в их составе выполняет нарицательную функцию, служит знаком, маркирующим тот или иной признак, явление или учение, соотносительное с упоминаемой персоной. Всем известны такие апеллятивы (ср.: [Суперанская, 1978]), как слово *аракчеевщина*, включенное в числе немногих номинаций подобного порядка в «Сло-

1 Машинописный экземпляр без подписи. Установить более подробные сведения о «корреспонденте» С. И. Ожегова не удалось.

CC BY

варь» [Ожегов, 1952, с. 21], *дарвинист* [Там же, с. 128] или получившие распространение в советский период *ленинец* [Там же, с. 282] и *марксист* [Там же, с. 299]. Эти образования чаще всего принадлежат книжной стилистике, в то время как в целом наименования лиц по профессии, характеру, поведенческому облику, безотносительно к явлению апеллятивизации антропонимов, активно фигурируют и в разговорной речи, часто в качестве обращений. Они употребительны и в будничном обиходе города, особенно в диалогах, немало их и в диалектах. Вот, например, какие живые примеры апеллятивов-обращений приводит Л. Ю. Зорина по материалам ее экспедиций в Вологодскую область: *желанка, прядеюшка, супостаточка* и мн. др. [Зорина, 2017, с. 77—78]. Здесь ряд образован деминутивами. Имена нарицательные, переосмысленные от имен собственных, присутствуют в любой национальной лингвокультуре, ср. апеллятивацию антропонимов в научном стиле немецкого языка [Буркова, 2010].

В филологической науке, в силу ее специфики и антропоцентричности — закрепленности за крупной личностью целой школы или направления, апеллятивы встречаются достаточно часто. Пожалуй, самый известный и широко распространенный — *пушкинист*, а также *пушкинизм, пушкиноведение* как «специальная отрасль литературоведения» [Толковый словарь…, 1939, с. 1082], включенные даже в Ушаковский словарь, а значит, узаконенные как норма.

Тем не менее вопрос создания новых и адаптации уже имеющихся в речевой практике апеллятивов, в нашем случае от фамилий писателей, остается открытым в науке. Поэтому мнение С. И. Ожегова по данному вопросу звучит и сейчас актуально.

В письме к известному литературоведу и партийному деятелю А. М. Еголину (1896—1959), отметившемуся не только на филологическом поприще, но и в политических баталиях за чистоту искусства (занимался исправлением «идейных ошибок» журнала «Звезда»), как раз решается такая проблема. Он был автором небольшой книги «Некрасов — поэт крестьянской демократии» [Еголин, 1935] и с соцреалистических позиций рассматривал его произведения, которые выражали «революционную идеологию угнетенного крестьянства» [Там же, с. 90]. К середине XX века складывалась обширная библиография, посвященная творчеству Н. А. Некрасова, его изучали в школах и университетах. Гражданская антикрепостническая интонация лирики поэта импонировала властям, а термина, который мог бы емко, одним словом охарактеризовать это научное течение, еще не существовало в литературоведении.

С. И. Ожегов как тонкий лингвист в письме А. М. Еголину откликается на весьма непростую проблему «гражданства в языке» окказиональных

CC BY

терминов-апеллятивов типа *толстовщина, горьковедение*, *некрасоведение* и рассуждает о том, как создаются такие слова [Архив РАН, 1537, 1, 54, л. 1]. Важным аргументом успешной жизни в языке неологизма являются, по мнению С. И. Ожегова, не только словообразовательная модель и известные законы языка, но и благозвучие: «громоздскость» не украшает слово. Поэтому он отвергает вариант *некрасововед*. Ученый был всегда внимателен к внешней стороне языка и воспринимал словесность как звучащую материю. Еще одним фактом в пользу «правильности» использования новообразований в речи он называет типологию уже имеющихся и закрепленных в общестилевой лексике форм: раз есть *лермонтовед*, *минералогия* и *знаменосец*, то уместно употребление и термина *некрасовед*. Здесь, на первый взгляд, простая лингвистическая задача решается и филологическими, и нефилологическими методами (С. И. Ожегов обладал уникальным даром чутья слова). Другая особенность, на которую опирался С. И. Ожегов в вопросе о целесообразности бытования того или иного слова, заключалась в употребительности его в живой речи.

Попутно заметим, бывая не раз в Рязани и участвуя в работе Музея академика И. И. Срезневского, мы слышали о студенческом научном обществе *срезневедов*. Необычный апеллятив прижился в речевом обиходе и активно используется в коммуникативной практике, письменных работах, *звучит* на конференциях, а значит, постепенно входит в русло литературного языка или, во всяком случае, не отвергается им. Полагаем, что и здесь действуют те же принципы, которые обозначил С. И. Ожегов. Так, грамотно используя эмоционально-смысловой потенциал языка, не нарушая его словообразовательных моделей, можно создавать и другие неологизмы, например: *блоковед, есениновед*, *никоновец* (последователь идей патриарха Никона), *чеховед, шахматовед* (от имени академика А. А. Шахматова, в этой форме тоже, по-ожеговски, укороченный вариант будет предпочтительнее, чем *шахматововед*) и т. д.

Думается, что размышления ученого о том, как можно упорядочить словесную игру, не пренебрегая законами языка, будут полезны исследователям родной речи XXI века.

С. И. Ожегов — А. М. Еголину[1]

[Москва], 19. III. [19]58 г.

Дорогой Александр Михайлович!

Простите, что не сразу ответил на Ваше письмо. Я как-то не задумывался раньше о судьбе терминов, о которых Вы спрашиваете. Оказывается,

1 Машинописный подлинник на стандартном листе бумаги с подписью автора.

CC BY

что они уже давно приобрели право гражданства в языке, и язык поступил с ними по своим законам. И их довольно много; но не все они одинаково приняты. Имеют ли, например, широкое хождение такие, как *толстовщина*, *горьковедение*? Вот аргумент в пользу *некрасоведения*.

Термин *некрасововед* действительно слишком громоздок. Его вполне можно заменить более коротким и удобным словом *некрасовед*, тем более, что совершенно аналогичный термин *лермонтовед* тоже получил признание. Явление, которое здесь происходит, — выпадение одного из одинаково звучащих слогов (так называемая гаплология) — известно и в других случаях. Именно так возникли слова *минералогия* (вместо *минералология*), *знаменосец* (вместо *знаменоносец*), *трагикомедия* (вместо *трагикокомедия*), *близорукий* (вместо *близоркий*, которое получилось из *близозоркий*) и нек. др. Так что слова *лермонтовед* и *некрасовед* не идут вразрез с закономерностями языка.

Пишу Вам на машинке, чтобы остался след от «ученых» рассуждений, которые могут пригодиться для статьи в «Вопросах культуры речи»[1].

Как Ваше здоровье? «Узкое»[2] всегда приносит облегчение нашим недугам.

С искренним приветом

С. Ожегов [Архив РАН, ф. 1537, оп. 1, ед. хр. № 54, л. 1].

3.3. Проблема орфоэпической нормы: спор П. Оболенского с С. И. Ожеговым

Еще одна проблема, которая остро звучала в лингвистических трудах 1950—1960-х годов (достаточно пролистать восемь выпусков «Вопросов культуры речи») и словарной практике, была связана с определением орфоэпической нормы и отклонений от нее. Экспериментальную работу в этом направлении начали еще А. М. Селищев [1928], Д. Н. Ушаков в программной статье «Русская орфоэпия и ее задачи [Ушаков 1928], а позднее продолжили Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, М. В. Панов и другие ученые. «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) обозначил и закрепил не только лексические, грамматические, но и ортологические нормы.

Если раньше носителями образцового литературного языка считались мастера сцены (особенно актеры Малого театра), классические писатели, то к середине XX столетия социокультурная ситуация изменилась. Большую

1 Имеется в виду сборник статей «Вопросы культуры речи», выходивший под редакцией С. И. Ожегова в 1955—1967 годах (вып. 7 и 8 редактировал В. Г. Костомаров).

2 Санаторий АН СССР «Узкое», бывшая дворянская усадьба князей Трубецких, находившийся в те годы за чертой Москвы (сейчас в районе Ясенево), был излюбленным местом отдыха и лечения московских ученых.

CC BY

роль в формировании массового языкового сознания стали играть общественно-политические газеты, журналы, телевидение, новые кинофильмы, достижения научно-технического прогресса. Хотя, по мнению Л. П. Крысина, и в конце XX — начале XXI веков можно найти и обобщить свойства речевого портрета русского интеллигента [Крысин, 2021, с. 216—220]. Устойчивых черт так называемого московского произношения в 1950—1960-х годах было значительно больше, чем сейчас, сохранялись немногочисленные островки носителей старой дореволюционной культуры слова — потомков дворянских родов, купечества, в учительской среде и т. д. К числу таких деятелей можно отнести князя П. Оболенского — ленинградского критика и киноведа. Он участвовал в предпринятом С. И. Ожеговым анкетировании, целью которого было выяснение исконного произношения и норм русского литературного языка. Публикуемые письма показательны для отражения речевого вкуса эпохи 1960-х годов в среде старой интеллигенции и их отношения к изменениям в культуре публичного общения. Особое внимание у П. Оболенского вызвала орфоэпическая норма в произношении заимствованных слов. Заметим, что одновременно с подготовкой новых изданий «Словаря» С. И. Ожегов как редактор разрабатывал специальные лексикографические «пособия», призванные обратить внимание читателей на звуковую сторону языка, показывавшие допустимые варианты в ударении, специфику палатализации и другие особенности живой речи: «Русское литературное произношение и ударение» (1955) под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, «Правильность русской речи. Трудные слова современного словоупотребления» (1962) под редакцией С. И. Ожегова. Выход в свет таких словарей отчасти был продиктован той неоднозначной социолингвистической ситуацией, которая сложилась в области вариативности орфоэпических норм в 1950—1960-х годах.

Практическая работа в этом направлении активно проводилась ученым после первого издания «Словаря русского языка» (1949): у С. И. Ожегова возникла идея проверить изменчивость тех или иных речевых форм. Он подготовил и разослал многим отечественным ученым, деятелям культуры анкету, в которой просил ответить на разные вопросы, касающиеся стилистики, акцентуации, грамматического употребления слов. П. Оболенский был одним из тех, кто получил такую анкету. Он обратил особое внимание на произношение заимствованных слов, которые, по его мнению, в публичной речи на радио и телевидении часто звучат с ошибками. Вместо *центнер* с мягкими *н'* П. Оболенский предложил использовать твердый *н*, вместо *лидер* с мягким *д'* — твердый *д* и т. д. Эти вопросы, как мы видим, в 1950—1960-х годах звучали очень актуально. Сравним указанные П. Оболенским слова с тем, что зафиксировано в книге «Русское литера-

CC BY

турное произношение и ударение». Примечательно, что эти случаи отмечены там с соответствующими пометами: «**лидер,** *-а* [не *дэ*]» [Русское литературное…, 1955, с. 196], «**темп,** *-а* [*тэ*]» [Там же, с. 464], «**термин,** *-а* [не *тэ*]» [Там же, с. 466]. А у слова *телевизор*, как и у других лексем с *теле-* вообще отсутствуют предупредительные пометы. Это свидетельствовало о том, что уже к середине 1950-х годов данные элементы не воспринимались носителями языка как заимствования, они адаптировались к произносительным условиям и закрепились в таком ***общеупотребительном*** варианте в живой речи и стали ***нормой*** литературного языка. Еще и с этой целью С. И. Ожегов и возглавлявшийся им Сектор культуры речи в Институте русского языка АН СССР проводили лингвистическое анкетирование.

П. Оболенский — С. И. Ожегову[1]

[Ленинград], 27. 7. [19]61[2]

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Только что вернувшись из Москвы, нашел Ваше письмо. Сердечно Вас благодарю и с большим удовольствием заполню «анкету». Вы делаете громадное и высокополезное дело! Честь Вам и хвала!!-[3]

Сейчас я очень занят постановкой […] «Пиковой Дамы» в Ленфильме и буду бесконечно счастлив повидать Вас и вручить свою анкету. Непременно позвоню Вам по приезде. —

Еще раз — сердечное спасибо!

Крепко жму Вашу руку.

П. Оболенский [Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 114, л. 1 об].

П. Оболенский — С. И. Ожегову[4]

[Ленинград], 25.V. [19] 64

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Мне захотелось кое-что дополнить к моему прошлому письму и поделиться с Вами теми моими мыслями, которые бродят во мне все по тому-же вопросу: о произношении, но на этот раз — русских словах.

По радио, думается мне, надо было бы обратить особенное внимание на правильное произношение русских, но пришедших к нам слов с запада. Наш язык подсказывает нам, что почти все согласные (больше всего *д*, *т*, *н*) мы произносим мягко[,] но есть и такие слова, которые дикторы произносят

1 *Автограф синими чернилами.*
2 Место написания (г. Ленинград) определяется по контексту письма. Последняя цифра года в автографе написана нечетко. При обработке документа сотрудники архива указали на обложке папки: 27 мая 1961 г. — 25 мая 1964 г.
3 Здесь и в конце следующего абзаца автор завершает строку знаком дефиса.
4 *Автограф голубыми чернилами на тетрадном листе в линейку.*

CC BY

сотни раз в день и которые искажаются именно потому, что согласные в них произносятся «по-русски». Возьмите слово — «центнер». Звук «н» необходимо произнести очень твердо, а дикторы всегда думают, что надо как-то сказать по-русски: *цен(ь)тн(ь)ер*. Другое слово — «лидер» — тоже звучит ужасно, когда скажут «лид(ь)ер»; мож<ет> б<ыть>, если написать «лидэр», то в письме будет более понятна моя мысль о том, что «д» надо произнести очень твердо: «лидэр». Говорят: «т(ь)емп», а не «тэмп», «т(ь)ермин», а не «тэрмин», «т(ь)елевизор», а не «тэлевизор»; тут даже вместо «о» поставят *-ер*. Как ужасно, что чистое *-ер* теперь всегда и везде обращается в *-ёр*: *мушкетёр* вместо «мушкетэр», *фюникулёр*, а не «фюникулэр» и т. д.

Не думаете-ли Вы, что следовало-бы обратить внимание на это тех лиц, которые руководят сообщениями «Последних известий»?

Я привел опять всего лишь несколько слов, но именно тех, кои непременно произносятся ежедневно по *многу раз*. Думаю, что исправить эти погрешности не так будет трудно. Кому как не радио, которое слушают миллионы людей, следовало-бы [обратить][1] очень серьезное внимание на произношение.

Простите, что отнимаю у Вас время чтением этих каракуль. Позволяю себе думать, что Вы согласны с моими доводами.

Крепко жму Вашу руку.

П. Оболенский [Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 114, лл. 3—4].

4. Заключение = Conclusions

Публикуемые материалы можно характеризовать не только с точки зрения филологической информативности, хотя их лингвистическая дискуссионность до сих пор не устарела. Мы по-прежнему задаемся вопросами написания и произношения заимствованных слов, образования апеллятивов, не всегда корректно используем нужные значения и т. д. С. И. Ожегов и его «корреспонденты» обсуждали на страницах писем самые актуальные для того времени проблемы функционирования русского языка и его вариативность в словаре и речи: как следует отбирать и толковать дефиниции в лексикографических источниках (*пилёный сахар*, *плавленый сыр*), на какие оттенки семантики необходимо обращать внимание (*громоотвод*), как соотносятся устаревшее значение лексемы с его новым обликом. Спорным и до конца не решенным в науке остается вопрос образования слов от имен писателей и поэтов (у С. И. Ожегова *лермонтовед*, вместо *некрасововед* — *некрасовед*; ср. современное *есениновед*) и государственных деятелей (ср.: *бонапартист, сталинист*). Ученый затрагивал в ответах на письма и один

1 Вставленное нами в скобках слово пропущено в подлиннике.

CC BY

из самых важных вопросов социолингвистики: что влияет на изменения произносительной нормы в языке (*тэрмин — термин*), как быстро меняется звуковой рисунок слова. Обсуждаемый в статье эпистолярий решает многие дискуссионные проблемы практической стилистики русского языка, помогает современным исследователям не только опираться на богатый лингвистический потенциал науки XXI века и актуальные методики, но и полагаться на исторический опыт поколения классических филологов, их живые эксперименты. С. И. Ожегов учит нас видеть и понимать любые неожиданные повороты словесной моды, отсекать не свойственные языку интонации, предостерегает от поспешных, непроверенных выводов и тем самым подсказывает, как сохранить культурный стержень родной речи.

Лингвистический эпистолярий — это и своего рода документы эпохи, в которых сквозь призму субъективного взгляда выражено духовное лицо советской науки тех лет. Живые портреты участников переписки с С. И. Ожеговым свидетельствуют о самобытности, нешаблонности мышления и глубоких познаниях ученого в разных жанрах словесности: от терминологии и лексикографии до орфоэпии. С. И. Ожегов как «словароспец» слышал все мелодии языка, чувствовал лингвистическое пограничье и увлекал своими подсказками тех, кто обращался к нему за помощью и советом. Этот филологический универсализм в той или иной мере был свойствен многим ученым, воспитанным хорошей советской школой, но здесь, в наших эпистолярных зарисовках, он раскрылся особенным образом — как историко-культурная рефлексия языкового сознания ученого. Ожеговский эпистолярий — всегда эксперимент, который оставляет некоторую недосказанность, призывает читателей самим исследовать материю языка. Она, как мы видим по стилистическим чертам публикуемых текстов, не имеет границ и каждый раз играет новыми красками филологических состязаний.

Источники и принятые сокращения

1. Архив РАН — *Архив* Российской академии наук (Москва). Ф. 1516 (Ожегов Сергей Иванович). Ф. 1537 (Еголин Александр Михайлович).

Литература

1. *Буркова Т. А.* Особенности проявления апеллятивации антропонимов в научном стиле (на материале немецкого языка) / Т. А. Буркова // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (12). — С. 87—91.

2. *Винокур Т. Г.* О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т. Г. Винокур // Вопросы культуры речи. — Москва : Издательство АН СССР, 1965. — Выпуск 6. — С. 16—32.

3. *Еголин А. М.* Некрасов — поэт крестьянской демократии / А. М. Еголин. — Москва : Гослитиздат, 1935. — 126 с.

4. *Зорина Л. Ю.* Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры / Л. Ю. Зорина // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Т. 23. — Специальный выпуск. — С. 76—80.

5. *Костомаров В. Г.* С. И. Ожегов : русская речь и «Русская речь» / В. Г. Костомаров // Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 17—22. — ISBN 5-85759-144-9.

6. *Крысин Л. П.* Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Флинта, 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-9765-4524-3.

7. *Никитин О. В.* «В ответ на Ваш запрос сообщаю…» (К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Русская речь. — 2020а. — № 2. — С. 115—127. — DOI: 10.31857/S013161170009277-3.

8. *Никитин О. В.* «Словарь Ваш нужен всем» : письма к С. И. Ожегову 1940—1960-х гг. (К 120-летию со дня рождения ученого) / О. В. Никитин // Вопросы лексикографии. — 2020б. — № 18. — С. 133—149. — DOI: 10.17223/22274200/18/7.

9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. — 848 с.

10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; изд. 6-е, стер. — Москва : Советская энциклопедия, 1964. — 900 с.

11. *Ожегов С. И.* Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (предварительные наброски) / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 410—412. — ISBN 5-85759-144-9.

12. *Русское литературное* произношение и ударение : Опыт словаря-справочника / под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 588 с.

13. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926) / А. М. Селищев. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 248 с.

14. *Словарь* и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — 557, [2] с. — ISBN 5-85759-144-9.

15. *Суперанская А. В.* Апеллятив — онома / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное. — Москва : Наука, 1978. — С. 5—34.

16. *Толковый словарь* русского языка : в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. — Том III. — 1424 стлб.

17. *Ушаков Д. Н.* Русская орфоэпия и ее задачи / Д. Н. Ушаков // Русская речь. — Новая серия. — Ленинград : Academia, 1928. — Выпуск III. — С. 5—27.

Material resources

Archive of the Russian Academy of Sciences — Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow). F. 1516 (Ozhegov Sergey Ivanovich). F. 1537 (Egolin Alexander Mikhailovich). (In Russ.).

References

Avanesov, R. I., Ozhegov, S. I. (eds.). (1955). *Russian literary pronunciation and stress: The experience of a dictionary-reference.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 588 p. (In Russ.).

Burkova, T. A. (2010). Features of the manifestation of the appeal of anthroponyms in the scientific style (based on the material of the German language). *Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series: Humanities, 2 (12):* 87—91. (In Russ.).

Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov. (2001). Moscow: Indrik. 557, [2] p. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).

Egolin, A. M. (1935). *Nekrasov — poet of peasant democracy.* Moscow: Goslitizdat. 126 p. (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (2001). S. I. Ozhegov: Russian speech and "Russian speech". In: *Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov.* Moscow: Indrik. 17—22. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).

Krysin, L. P. (2021). *Essays on sociolinguistics.* Moscow: Flint. 360 p. ISBN 978-5-9765-4524-3. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2020a). "In response to your request, I inform..." (To the 70th anniversary of the publication of the Dictionary by S. I. Ozhegov). *Russian speech, 2:* 115—127. DOI: 10.31857/S013161170009277-3. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2020b). "Everyone needs your dictionary": letters to S. I. Ozhegov of the 1940s—1960s (To the 120th anniversary of the scientist's birth). *Questions of lexicography, 18:* 133—149. DOI: 10.17223/22274200/18/7. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (1952). *Dictionary of the Russian language. 2nd edition, ispr. and add.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 848 p. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (1964). *Dictionary of the Russian language. 6th edition, ster.* Moscow: Soviet encyclopedia. 900 p. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (2001). Dictionary of the revolutionary era. Historical and cultural reference book (preliminary sketches). In: *Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov.* Moscow: Indrik. 410—412. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).

Selishchev, A. M. (1928). *The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language in recent years (1917—1926).* Moscow: Worker of Education. 248 p. (In Russ.).

Superanskaya, A. V. (1978). Appellative — onoma. In: *Common and proper name.* Moscow: Nauka. 5—34. (In Russ.).

Vinokur, T. G. (1965). On the language and style of A. I. Solzhenitsyn's novel "One Day of Ivan Denisovich". In: *Questions of speech culture, 6.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 16—32. (In Russ.).

Ushakov, D. N. (1928). Russian orthoepy and its tasks. In: *Russian speech. A new series, III.* Leningrad: Academia. 5—27. (In Russ.).

Ushakov, D. N. (1939). *Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes, III.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1424 stlb. (In Russ.).

Zorina, L. Y. (2017). Appeals in Vologda folk dialects as a reflection of the features of traditional communicative culture. *Bulletin of Kostroma State University, 23 Special issue:* 76—80. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.05.2022,
одобрена после рецензирования 29.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рябцева Н. К. Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 123—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139.

Riabtseva, N. K. (2022). Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 123-139. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139

Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте

Рябцева Надежда Константиновна
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
доктор филологических наук,
заведующая сектором
прикладного языкознания
nadia_riabceva@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective

Nadezhda K. Riabtseva
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
Doctor of Philology,
Head of Applied
Linguistics Department
nadia_riabceva@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Рябцева Н. К., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются современные терминологические проблемы, возникающие в процессе межъязыковой научной коммуникации и связанные, в первую очередь, с двумя главными тенденциями в мировой науке — с развитием цифровых технологий и доминирующей ролью английского языка в современном мире. В связи с этим обсуждается новое направление в лингвистике — кластеризация дискурса и его роль в преподавании иностранного языка и перевода. Проводится корпусный анализ проблем перевода с родного, русского языка на английский научных публикаций, их названий и аннотаций к ним. Показаны принципиальные лингвоспецифические отличая в организации дискурсивных кластеров терминологического типа в научной коммуникации на русском и английском языках, вытекающие из этого дидактические и методологические проблемы усвоения иностранного языка, а также обучения переводу с русского языка на английский и с английского языка на русский. Подчеркивается, что основной терминологической проблемой в межъязыковом аспекте в настоящее время является отсутствие активных лингвоспецифичных аутентичных моделей многокомпонентных терминов в переводах научных публикаций с русского языка на английский.

Ключевые слова:
межъязыковая коммуникация; корпусные данные; кластеризация дискурса; терминологические кластеры; лингвоспецифичные модели; асимметрия научного стиля на русском vs английском языке; усвоение иностранного языка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper focuses on terminological problems in contemporary cross-linguistic communication that are generated primarily by two main tendencies in global scientific communication — the digitalization in information processing and the English language globalization. Both are closely connected with a new approach in linguistics — discourse clustering and its role in promoting foreign language and translation instruction. The paper provides a corpus-based account of Russian–English translation problems concerning clear-cut distinctions between Russian versus English academic style's language-specific patterns in terminology discursive clustering, as well as their didactic and methodological importance for foreign language acquisition, Russian-English and English-Russian translation. The main idea is that the most important contemporary terminological problem in a cross-linguistic perspective is the lack of active authentic and language-specific terminology patterns in Russian–English scientific translations.

Key words:
cross-linguistic communication; corpus-based account; discourse clustering; terminological clusters; language-specific patterns; asymmetry in Russian vs English academic style; foreign language acquisition.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’255.4+811.161.1’276.6+811.111’276.6+001.4

Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте

© Рябцева Н. К., 2022

1. Постановка проблемы

Современная межъязыковая коммуникация в значительной степени связана с переводом специальной и научной литературы с родного языка на английский, в процессе которого возникает большое количество самых разнообразных проблем, особенно терминологического характера, что предопределяется, в первую очередь, двумя инновационными тенденциями в научной коммуникации — развитием цифровых технологий и доминирующей ролью английского языка в современном мире. И современные цифровые технологии, и ведущая роль английского языка в международном общении, в том числе в области научной коммуникации, приводят, в свою очередь, к кардинальным изменениям в процессах преподавания иностранных языков в принципе и английского языка — в особенности (см., например, [Biber et al., 2016; Investigating …, 2020; Flowerdew, 2015; Swales, 2002; Рябцева, 2021a]). Так, активное распространение цифровых технологий и основанных на них инновационных корпусных исследований практически во всех лингвистических дисциплинах все более показывает, в частности, что традиционное разделение языка на словарь (лексику) и грамматику и интерпретация речи как использование грамматики для сочетания слов не отражает главное свойство языка и речи — их «формульный» характер [Oakey, 2020]; (ср.: «The prevailing view of how language operates has been that grammar and lexis are separate systems and sentences can be constructed merely by choosing any syntactic structure and slotting in vocabulary. Over the last few decades, however, corpus linguistics has presented challenges to this view of language… Nevertheless, despite some reports of success from researchers in this area, only a limited number of teachers and learners of second language seem to make direct use of corpus software tools» [Jeaco, 2015, c. 21]).

Соответствующие идеи стали особенно активно распространяться в области преподавания иностранного языка вообще и, в частности, английского языка для специальных целей (см.: [Ackermann et al., 2013; AlHassan et al., 2015; Flowerdew et al., 2009] и др.), а также учитываться при подготовке разнообразных методических и дидактических материалов [Bell, 2022]. Так, если традиционно изучение устойчивых выражений проводилось в лингвистике в таких дисциплинах, как фразеология,

CC BY

стилистика речи, жанроведение, письменная коммуникация, преподавание иностранного языка и языка для специальных целей и др., то в настоящее время оно развивается в виде компьютерно-корпусного дистрибутивного анализа дискурса [Гвишиани, 2021; Tribble, 2015]. Выделяемые при этом дискурсивные формулы получили название «лексические фразы» (*lexical phrases*) [Nattinger et al., 1992], «формульные последовательности» (*formulaic sequences*) [Cai, 2016, с. 58], «рекурентные словосочетания (*recurrent word-combinations*) [Altenberg, 1998], «лексические связки» (*lexical bundles*) [Salazar, 2014], «дискурсивные кластеры» (*discursive clusters*) [Hyland, 2008b], «готовые выражения» (*ready-made sets of words*) [Coxhead et al., 2007] и др. Соответствующие конструкции устанавливаются автоматически с использованием принципа частотности (*frequency-driven analysis*) [Ellis et al., 2009]. Специальная литература по этому вопросу достигает уже несколько сотен публикаций, см. высокорейтинговые журналы «Journal of English for Academic Purposes» [JEAP], «International Journal of Lexicography» [IJL], «Cognitive Linguistics» [CogL], «Linguistics and Education, Applied Linguistics» и др. [Bell, 2022; Cortes, 2006; Oakey, 2020]. При этом устанавливается особая роль дискурсивных кластеров в организации речи с точки зрения ее развертывания и жанровой метаквалификации, особенно в рамках научного дискурса: учебного, «квалификационного» (дипломы, диссертации и т. п.), исследовательского и др. Соответственно, в преподавании научного стиля на английском языке производится квалификация устойчивых выражений и фраз, характерных для организации научного текста (ср. *move-specific lexical phrases*): «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение» («In research articles, the most conventional and prototypical macro-organization is the I-M-R-D, namely the Introduction, Method, Results and Discussion») [Phrasal …, 2022, с. 17]. Подчеркивается также, что для аргументативного текста традиционно выделяются собственные дискурсивные кластеры, ср. понятие *contextualized lexical phrases* [Cai, 2016, с. 59]. С одной стороны, дискурсивные кластеры позволяют просто и грамотно строить текст, поэтому их знание и адекватное использование носителями других языков свидетельствует об их языковой компетентности в иностранном (английском) языке [Cai, 2016, с. 59]. С другой стороны, дискурсивные кластеры представляют собой большую проблему в их автоматической идентификации [Frankenberg-Garcia et al., 2020, с. 206], в связи с чем их упорядоченное представление в виде электронных справочных ресурсов оценивается как существенная методическая и дидактическая поддержка в обучении такой дисциплине, как *Academic Written English* [Coxhead et al., 2007; Gardner et al., 2013].

В целом особо важными свойствами дискурсивных кластеров в специальном тексте выступают: ведущая роль в организации дискурса, стили-

CC BY

стическая детерминированность, метадискурсивная значимость, лингвоспецифичность, связь с понятийным аппаратом и терминологией [Hyland, 2008a, с. 41]. Являясь маркерами регистра (*register markers*) в составе определенного типа дискурса, дискурсивные кластеры стали главным объектом в исследовании организации и тематического состава словаря различных предметных дисциплин (*discipline-specific vocabulary*) [Гвишиани, 2021, с. 162]. Получаемые при этом знания становятся все более востребованными со стороны подготовки специалистов разных научных направлений. Ср.: «Academic texts are constructed through fixed phrases to a greater extent than we expected» [Hyland, 2015, с. 293].

2. Терминологические кластеры и понятийный аппарат научной дисциплины

Наиболее значимыми дискурсивными кластерами в научной коммуникации выступают составные предметные термины — узкоспециальные понятия и конструкции, отличительной чертой которых является многокомпонентность, компактность и лингвоспецифичность — и потому их межъязыковая асимметрия [Рябцева, 2021б и др.]. Так, характерные для научной коммуникации на английском языке дискурсивные модели многокомпонентных терминологических понятий не имеют прямых аналогов в русском языке и потому представляют собой лингвоспецифическое явление, которое с трудом осваивается в процессе обучения носителями других языков, в том числе и русского языка; см. взятые из статьи [Hanks et al., 2019] типичные и характерные для научного текста на английском языке терминологические выражения-кластеры: *domain-specific pattern, user-friendly corpus tools,* (*to provide a more*) *corpus-based account of*.

Идиоматичность подобных конструкций английского языка проявляется при переводе с русского языка на английский: подобные выражения не встречаются в переводах научных публикаций с русского языка на английский, что свидетельствует о неаутентичности перевода. Особо показательным корпусным материалом исследования при этом выступает перевод названий научных публикаций с русского языка на английский и аннотаций к ним (выполненных носителями русского языка), поскольку именно в названиях и аннотациях в явном и концентрированном виде проявляются наиболее значимые черты научного стиля как на русском, так и на английском материале [Рябцева, 2020]. Причем отсутствие однозначных соответствий между переводом с русского языка и аутентичным текстом названия и аннотации свидетельствует об асимметрии в их вербализации и о трудности освоения иноязычных дискурсивных кластеров терминологического характера. Далее указанные проблемы иллюстрируются кор-

CC BY

пусными примерами перевода научных статьей по лингвистике с русского языка на английский и с английского языка на русский, в которых проявляются принципиальные различия в организации терминологических кластеров на русском и английском языках.

3. Типичные модели терминологических кластеров в английском языке и их перевод на русский язык

Типичные терминологические модели вида (1) *discipline-specific* (*corpus, coverage, vocabulary list*), *domain-specific* (*knowledge*), *word-specific* (*local grammar*) и т. п.; (2) *corpus-based* (*account*, *analysis, lexicography*), *usage-based* (*study*, *account*), *genre-based* (*approach*) и т. п.; (3) *user-friendly* (*corpus tools*) и т. п. представляют собой распространенные в аутентичной научной коммуникации на английском языке лингвоспецифичные терминологические формулы-кластеры, не имеющие аналогов в русском языке и с трудом поддающиеся переводу с английского языка на русский, что объясняется принципиальной асимметрией в организации подобных терминологических кластеров на русском и английском языках. Так, в книге [КИЯ-47] в переводах названий статей и аннотаций к ним на английский язык данные модели не используются, в отличие от аутентичных текстов, см. соответствующие конструкции в аннотациях и названиях: (1) (*different) discipline-specific senses, (to run) sense-specific word sketches, (to extract) sense-specific concordances* [Frankenberg-Garcia et al., 2020, с. 213—214]; (2) «Using *a genre-based framework* to teach organizational structure in academic writing» [Flowerdew, 2000]; «Schematic structure and lexico-grammatical realization in *corpus-based genre analysis*» [Flowerdew et al., 2009]; Ср. название [CogL]: «A *usage-based account* of sub-extraction effects»; (3) «Two-way English. Towards *more user-friendly education for* speakers of Aboriginal English» (1999) [DegR].

В современных электронных лексикографических справочниках терминологическая модель (1) X-*specific* переводится на русский язык при помощи описательных выражений типа «специфический для (конкретного) X», «зависящий от (конкретного) X» и др. [ТА]. Терминологическая модель (2) *corpus-based* (*account*, *analysis*) — при помощи описательных выражений типа «*на базе корпуса*», ср. «rule-*based* programming language» — «язык программирования *на базе* правил», а модель (3) *user-friendly* (*corpus tools*) — при помощи описательных выражений типа «*удобные в использовании* (инструменты корпуса)» [ТА]. Таким образом, в большинстве случаев строгие терминологические выражения английского языка — *discipline-specific*, *corpus-based, user-friendly* и мн. др. — передаются на русский язык описательными развернутыми конструкциями с различными уточняющими квалификато-

CC BY

рами, которые не имеют статуса термина, ср. «to provide *discipline-specific* perspectives on data needs» — «предоставлять информацию об *имеющихся* в *рамках конкретных дисциплин* потребностях в данных» [CR]. Подобные выражения называются ***предтерминами***, поскольку представляют собой описательный перевод с английского языка на русский и тем самым средство первоначального обозначения специального понятия [Кудрявцева 2010, с. 9]. Так, в русской специальной лексике подъязыка научно-технической области «Интернет» предтермины часто содержат причастный оборот: «устройство, *подключаемое* непосредственно к сети», «локальная сеть, *взаимодействующая* с открытыми системами» и т. п. Это, в свою очередь, объясняет, почему в переводах с русского языка на английский не используются характерные для него терминологические формулы типа (1) — (3) (и мн. др.).

«Интерпретативный», описательный перевод терминологических словосочетаний с английского языка на русский предопределяется тем, что «принимающая» терминосистема оказывается менее развитой, чем «исходная», ср. финансовый термин и его перевод: *above equilibrium wage* — «заработная плата, *превышающая* равновесный уровень» [Ивина, 2003; Табанакова, 2014]. Кроме того, в русском языке действует особый, лингвоспецифичный принцип «экспликации содержания» (подробнее см. [Рябцева, 2020 и др.]), согласно которому автор научной публикации (имеет возможность и потому) стремится как можно более развернуто и эксплицитно выразить заданный смысл, ср. начало аннотации на русском языке, в котором ярко проявляется естественное, характерное для научного стиля на русском языке эксплицитное представление информации и выделенные *курсивом* элементы оказываются *избыточными* с точки зрения английского языка*:* «В статье *представлены результаты* эмпирического *исследования*, *нацеленного* на *выявление* роли жестов в *реализации* разных типов нечеткой референции» и его (дословный) перевод на английский язык: «The paper *presents* the *findings* of an empirical *study aimed at investigating* the role of gestures in different types of vague reference» [КИЯ-47, с. 233, 244], тогда как в английском языке действует принцип свертывания информации в компактные формулы и ее имплицирования, ср. начало аутентичной аннотации на английском языке: «The paper *explores* the forms and functions of 4-word clusters» [Hyland, 2008a, с. 41] — и следующие равноценные по смыслу (но не по стилю) фрагменты на английском языке, их длину и состав: «The paper *presents* the *findings* of an empirical *study aimed* at *investigating* the role of…» vs. «The paper *explores* the forms and functions of…».

Из этого, в частности, следует, что для того, чтобы сделать название научной публикации и аннотацию к ней, точнее, их перевод с русского языка на английский приближающимся к аутентичному выражению содержания

CC BY

на английском языке, следует использовать более компактные средства представления информации [Hartley, 2012], ср. «The paper *presents* the *findings* of an empirical *study aimed* at *investigating* the role of (gestures)» vs. «The paper *investigates* the role of (gestures)». Так, во всех руководствах по написанию научных текстов на английском языке главным, исходным принципом выступает «Reduce redundancy!» — «Убрать лишние слова», которые особо характерны для не-носителей английского языка. («“Redundant writing” is quite characteristic for non-native English authors of English for academic purposes (EAP)» [Bardi, 2015, с. 106]). Рассмотренные выше модели терминологических кластеров в научной коммуникации на английском языке вполне соответствуют этому принципу и представляют собой яркие и показательные образцы активного свертывания и имплицирования большого объема предметной и дисциплинарной информации («The ‘compressed’ discourse style of academic writing is much less explicit in meaning than alternative styles» [Biber et al., 2010, с. 2]), аналогов которым нет в русском языке. При их переводе на русский язык обычно используется принцип интерпретации их значения с привлечением эксплицирующей их содержание информации. При этом следует учитывать, что терминологические кластеры в английском языке обладают еще целым рядом характерных свойств.

4. Особенности терминологических кластеров английского языка и их межъязыковая асимметрия

Терминологические дискурсивные кластеры, характерные для аутентичной научной речи на английском языке, типа (1) *domain-specific* (*pattern*), (2) *user-friendly (corpus tools),* (3) *corpus-based (account)*, во-первых, включают еще множество разнообразных моделей и их вариантов, например: *move-specific* (*lexical phrases*), *genre-based* (*approach, framework*, *research, study, pedagogy*), *frequency-based* (*approach (to collocation coverage*)), *language-focused* (*research*), *corpus-derived* (*resources*), *(to enhance) data-driven* (*learning (by illustrating*)), *frequently-used* ((*multi-word*) *constructions*), *fully-formed* (*phrases*) и т. п.; во-вторых, обладают активными инкорпорирующими способностями к включению в свой состав дополнительных содержательных элементов, что значительно повышает их информационную насыщенность и позволяет в компактной форме выразить большой объем содержания: *a corpus informed study — a corpus informed quasi-experimental study; web-based concordancing — teaching collocations through web-based concordancing*; *data-driven learning — to enhance data-driven learning by illustrating how a collocation suggestion can be effectively integrated into a sentence*. В частности, терминологические кластеры активно включают в свой состав такие уточняющие и дополняющие компо-

CC BY

ненты, как сочинительные конструкции, сокращения и т. п., также расширяющие их содержательные возможности и обеспечивающие концентрированное и комплексное выражение сложного предметного содержания. В целом такие конструкции призваны, в первую очередь, «свернуть» большой объем предметной информации и представить его в компактном виде (ср.: «Compressed style is distinctive in academic writing in English» [Biber et al., 2010, с. 3]); см. примеры: *corpus-derived resources — an uncritical use of cutting-edge corpus tools and corpus-derived resources* [Frankenberg-Garcia et al., 2020]; *move-specific lexical phrases — a distinction between general (or* «*lexical bundles*» *in traditional terms) and move-specific lexical phrases in the academic genre of research paper* [Cai, 2016, с. 58]; *a corpus-assisted analysis — a corpus-assisted contrastive analysis and translation approach* [Rezan, 2017]; *corpus-informed instruction — corpus-informed explicit instruction into the ESP* (English for Specific Purposes) [Cai, 2016].

В-третьих, указанные терминологические модели, кластеры и выражения отражают принципы научного исследования, его методы и результаты и потому регулярно включаются в список ключевых слов соответствующих публикаций. Так, список ключевых слов к статье [Cai, 2016, с. 58] включает следующие сложные понятия: *genre-based approach*, *move-specific and general lexical phrases*. При этом подобные конструкции часто эксплицируют саму сущность исследования благодаря выявленному противопоставлению, ср. *move-specific* vs. *general lexical phrases*, а также «соположению» и взаимному «усилению» понятий: *a corpus-driven* (*approach*) *and expert-judged approach* [Ackermann et al., 2013]. В-четвертых, терминологически значимые дискурсивные формулы могут быть значительной длины и включать несколько уточняющих компонентов. Так, все название научной публикации может представлять собой, по сути, развернутую терминологическую формулу сложного специального понятия: «*An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases*» [Cai, 2016], в котором соединены, в свою очередь, следующие составные специальные компоненты: *an exploratory study*, *an integrated genre-based approach*, *instruction of academic lexical phrases*, *lexical phrases*. См. также развернутые названия-кластеры: «*A genre-based developmental writing course for undergraduate ESL science majors*» [Jacoby et al., 1995]; *«A new paradigm for open data-driven language learning systems design in higher education»* [Fitzgerald, 2018]. В-пятых, важнейшей чертой терминологических кластеров в научной коммуникации на английском языке выступает их способность порождаться контекстуально, в рамках конкретного изложения, например: «*discourse-based interviews* (“*interviews where interviewees are asked about their texts*”)» [Flowerdew 2017, с. 98]; *a much more theoretically grounded and research-in-*

CC BY

formed enterprise («EAP has become *a much more theoretically grounded and research-informed enterprise* in recent years») [Hyland, 2018, с. 393].

Таким образом, активное использование терминологических кластеров, особенно в наиболее информативно значимых элементах научных публикаций на английском языке — в их названии, в аннотациях к ним и в списке ключевых слов, свидетельствует о ведущей роли терминологических кластеров в научной коммуникации на английском языке. Соответствующие развернутые терминологические образования-кластеры не имеют типичного и однозначного аналога в русском языке ввиду их грамматической лингвоспецифичности и ярко выраженной межъязыковой асимметрии. Они с трудом усваиваются носителями русского языка и требуют особого внимания в процессе преподавания научного стиля на английском языке, а также при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский. (Ср. «Noncongruent collocations, i. e. collocations that do not have corresponding L1 equivalents, are especially difficult to acquire by foreign language learners of English» [Rezan, 2017, с. i]).

Следует также подчеркнуть, что терминологические словосочетания-кластеры являются основной единицей современных терминологических систем, особенно связанных с цифровой обработкой информации, поскольку способны наиболее точно обозначать сложные научные понятия. Сравнение принципов построения терминологических словосочетаний-кластеров в современной лингвистике, в особенности в компьютерной, корпусной и когнитивной, на английском и русском языке показало, что в каждом из этих языков используются собственные модели терминологических словосочетаний, которые определяются, в первую очередь, организацией самого языка и находятся в отношении межъязыковой асимметрии. К значимым свойствам терминологических кластеров в любом языке относится также их способность имплицировать существование антонимических терминологических комплексов, образующих с данными целостные комплексные обозначения наиболее значимых явлений, ср. *user-friendly* vs *user unfriendly, author oriented* vs *reader oriented* и т. п.

5. Результаты и выводы

В заключение подчеркнем, что в аутентичной научной коммуникации на английском языке терминологические кластеры представляют собой весьма информационно нагруженные идиоматичные формулы (items formulaic and phraseological in nature) [Cai, 2016, с. 58], выражающие предметное содержание проводимого исследования и передающие его сущность, способные к развертыванию и организации текста, а также к упорядочению его содержания и т. д. и потому заслуживающие особого внимания при обучении на-

CC BY

учному стилю английского языка, а также при переводе научных публикаций с английского языка на русский и с русского языка на английский. Перевод с английского языка на русский лингвоспецифичных предметно-детерминированных словосочетаний — терминологических и предметных понятийных дискурсивных кластеров — имеет свои (вполне определенные) особенности ((clear-cut) distinctions): 1) Самым важным при этом является поиск аутентичного или устоявшегося эквивалента в родном языке. (Так, анализ сходных в тематическом отношении лингвистических текстов на русском и английском языках показывает, что наиболее типичным соответствием русского словосочетания (*отличительные*) *особенности* будет (*clear-cut*) *distinctions*, и наоборот: английскому устойчивому специальному выражению *clear-cut distinctions* в русском языке соответствует выражение (*отличительные*) *особенности*). 2) Если такового еще нет, то перевод представляет собой интерпретацию содержания исходного выражения, чаще всего «слабо-терминологического» характера. При этом следует обратить внимание на то, что предлагаемый электронными словарями и ресурсами (Google, Yandex, [ТА] др.) перевод часто оказывается недостаточно определенным; например, переводы выражения *design-based research* — такие как «исследование, *основанное на дизайне*», «исследование, *основанное на проектировании*», «исследование, *построенное на проектировании*» [ТА] — недостаточно терминологически прозрачны, поскольку с точки зрения русского языка «слишком имплицитны», семантически незаконченны, ср. «*проектирование чего*?».

Так, характерное для лингвистических текстов на английском языке терминологическое словосочетание *data-driven learning* не имеет однозначного соответствия в русском языке, поэтому его значение часто передается «интерпретативно» и описательно, в не строго терминологической форме (и может меняться в зависимости от контекста): «*обучение (иностранному языку) на основе данных*», «*обучение, основанное на данных*» [ТА] и т. п. В большинстве случаев подобный дословный или интерпретативный перевод терминологических кластеров с английского языка на русский ощущается как нетерминологический, неточный, недостаточно эксплицитный и т. п., поэтому в процессе их перевода желательно «восстанавливать» недостающее для русского языка смысловое звено в толковании соответствующего выражения, то есть для *data-driven learning* это будет не просто «*обучение* (иностранному языку)*, основанное на данных*», а «обучение (иностранному языку) на основе *корпусных* данных», «обучение, основанное на *корпусных* данных» и т. п.

Важнейшими приемами проверки правильности сделанного перевода выступает «обратный» перевод, а также использование электронных переводчиков, причем в обе стороны: прямого и обратного. Кроме того, нужны

контексты употребления соответствующих словосочетаний как на русском, так и на английском языке. «Предоставление» таких контекстов посредством формирования корпусных конкордансов (*compiling corpus-based concordances*) составляет в настоящее время важнейшую прикладную задачу в области лингвистической поддержки преподавания английского языка для специальных целей (English for Specific Purposes) [Jeaco, 2015], а также перевода с позиций его профессионального выполнения.

Источники и принятые сокращения

1. КИЯ-47 — *Когнитивные* исследования языка : сборник научных трудов. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2021. — Выпуск 47. — 628 с.

2. CogL — *Cognitive* Linguistics [Electronic resource] : journal. — 2019—2022. — Access mode: https://www.degruyter.com/journal/key/cogl/html (accessed: 15.02.2022).

3. CR — *Context* Reverso [Electronic resource]. — Access mode: https://context.reverso.net/ (accessed: 15.02.2022).

4. DegR — *Degruyter* [Electronic resource]. — Access mode: https://www.degruyter.com/search/series/cogl?query=specific&volumeIssue=32%7C4&documentVisibility=all) (accessed: 15.02.2022).

5. IJL — *International* Journal of Lexicography [Electronic resource]. — 2019—2022. — Access mode: https://academic.oup.com/ijl/ (accessed: 15.02.2022).

6. JEAP — *Journal* of English for Academic Purposes [Electronic resource]. — 2019—2022. — Access mode: https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-english-for-academic-purposes (accessed: 15.02.2022).

7. TA — *Translate* Academic [Electronic resource]. — Access mode: https://translate.academic.ru/ (accessed: 15.02.2022).

Литература

1. *Гвишиани Н. Б.* О новых терминах фразеологии в компьютерно-корпусных исследованиях английского / Н. Б. Гвишиани // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2 (45). — С. 155—165.

2. *Ивина Л. В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие / Л. В Ивина. — Москва : Академический Проект. — 2003. — 304 с. — ISBN: 5-8291-0356-7.

3. *Кудрявцева И. Г.* Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. Г. Кудрявцева. — Москва, 2010. — 21 с.

4. *Рябцева Н. К.* Асимметрия межкультурной коммуникации и проблемы аутентичности / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 130—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-130-150.

5. *Рябцева Н. К.* Термины как когнитивные доминанты в научной коммуникации и их межъязыковые соответствия / Н. К. Рябцева // Когнитивные исследования языка. — 2021б. — № 1 (44). — С. 356—364.

6. *Рябцева Н. К.* Язык современной науки: национальные и наднациональные традиции и инновации / Н. К. Рябцева // Филология в XXI веке. — 2021а. — № 1 (7). — С. 48—60.

7. *Табанакова В. Д.* Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина / В. Д. Табанакова // Вестник Тюменского государственного университета. —2014. — № 1. — С. 72—81.

8. *Ackermann K.* Developing the academic collocation list (ACL) — a corpus-driven and expert-judged approach / K. Ackermann, Y. Chen // Journal of English for Academic Purposes. — 2013. — № 12. — P. 235—247. — DOI: 10.1016/j.jeap.2013.08.002.

9. *AlHassan L.* The effectiveness of focused instruction of formulaic sequences in augmenting L2 learners' academic writing skills: A quantitative research study / L. AlHassan, D. Wood // Journal of English for Academic Purposes. — 2015. — № 17. —P. 51—62. — DOI: 10.1016/j.jeap.2015.02.001.

10. *Altenberg* B. On the phraseology of spoken English: The evidence of recurrent word-combinations / B. Altenberg // A. H. Cowie (ed.). Phraseology: Theory, analysis, and applications. — Oxford : Clarendon Press. — 1998. — P. 101—122.

11. *Bardi M.* Learning the practice of scholarly publication in English: A Romanian perspective / M. Bardi // Engl. Specif. Purp. — 2015. — № 37. — P. 98—111. — DOI: 10.1016/j.esp.2014.08.002.

12. *Bell D. E.* Methodology in EAP: Why is it largely still an overlooked issue? / D. E. Bell // Journal of English for Academic Purposes. — 2022. — № 55. — 101073. — DOI: 10.1016/j.jeap.2021.101073.

13. *Biber D.* Challenging stereotypes about academic writing : Complexity, elaboration, explicitness / D. Biber, B. Gray // Journal of English for Academic Purposes. — 2010. — № 9 (1). — Pp. 2—20. — DOI: 10.1016/j.jeap.2010.01.001.

14. *Biber D.* Grammatical complexity in academic English. Linguistic change in writing / D. Biber, B. Gray. — Cambridge : Cambridge University Press. — 2016. — 277 p. — ISBN: 978-1-107-00926-4.

15. *Cai J.* An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases / J. Cai // Journal of English for Academic Purposes. — 2016. — № 24. — Pp. 58—74. — DOI: 10.1016/J.JEAP.2016.09.002.

16. *Cortes V.* Teaching lexical bundles in the disciplines : An example from a writing intensive history class / V. Cortes // Linguistics and Education. — 2006. — № 17. — Pp. 391—406. — DOI: 10.1016/j.linged.2007.02.001.29.

17. *Coxhead A.* Preparing writing teachers to teach the vocabulary and grammar of academic prose / A. Coxhead, P. Byrd // Journal of Second Language Writing. — 2007. — № 16. — Pp. 129—147. — DOI: 10.1016/j.jslw.2007.07.002.

18. *Ellis N. C.* Construction learning as a function of frequency, frequency distribution, and function / N. C. Ellis, F. Ferreira-Junior // The Modern Language Journal. — 2009. — Volume 93. — Pp. 370—385. — DOI: 10.1111/j.1540-4781.2009.00896.x.

19. *Fitzgerald A.* A new paradigm for open data-driven language learning systems design in higher education : dissertation … of candidate of technical sciences / A. Fitzgerald. — Quebec : Canada, 2018. — 265 p. — DOI: 10.13140/RG.2.2.11282.40648.

20. *Flowerdew J.* Corpus-based approaches to language description for specialized academic writing / J. Flowerdew // Language Teaching. — 2017. — Volume 50, Issue 1, January. — Pp. 90—106. — DOI: 10.1017/S0261444814000378.

21. *Flowerdew J.* Schematic structure and lexico-grammatical realization in corpus-based genre analysis / J. Flowerdew, R. Forest // M. Charles, S. Hunston, D. Pecorari (eds.). — London : Continuum, 2009. — Pp. 15—36.

22. *Flowerdew L.* Using a genre-based framework to teach organizational structure in academic writing / L. Flowerdew // English Language Teaching. — 2000. — Volume 54, № 4. — Pp. 368—378. — DOI: 10.1093/elt/54.4.369.

23. *Frankenberg-Garcia A*. Slipping Through the Cracks in e-Lexicography / A. Frankenberg-Garcia, G. P. Rees, R. Lew // International Journal of Lexicography. — 2020. — Volume 34, № 2. — Pp. 206—234. — DOI: 10.1093/ijl/ecaa022.

24. *Gardner S.* A Classification of Genre Families in University Student Writing / S. Gardner, H. Nesi // Applied Linguistics. — 2013. — № 34 (1). — Pp. 25—52. — DOI: 10.1093/applin/ams024.

25. *Investigating* grammatical complexity in L2 English writing research: Linguistic description versus predictive measurement / D. Biber, B. Gray, S. Staples, J. Egbert // Journal of English for Academic Purposes. — 2020. — № 46. — DOI: 10.1016/j.jeap.2020.100869.

26. *Jacoby S*. A genre-based developmental writing course for undergraduate ESL science majors / S. Jacoby, D. Leech, C. Holten // D. D. Belcher, G. Braine (eds.). Academic writing in a second language: Essays on research and pedagogy. — New Jersey : Ablex Publishing Corporation. — 1995. — Pp. 351—373.

27. *Hanks P.* The way to analyse 'way' / P. Hanks, S. Mož'e // International Journal of Lexicography. — 2019. — Volume 32, Issue 3, September. — Pp. 247—269. — DOI: 10.1093/ijl/ecz005.

28. *Hartley J. C.* New ways of making academic articles easier to read / J. C. Hartley // International Journal of Clinical and Health Psychology. — 2012. — № 12 (1). — Pp. 143—160.

29. *Hyland K*. Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing / K. Hyland // International Journal of Applied Linguistics. — 2008a. — № 18 (1). — Pp. 41—62. — DOI: 10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x.

30. *Hyland K*. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation / K. Hyland // English for Specific Purposes. — 2008b. — № 27. — Pp. 4—21. — DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001.

31. *Hyland K*. Corpora and written academic English / K. Hyland // D. Biber, R. Reppen (eds.). The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics. — Cambridge University Press. — 2015. — № 3 (1). — Pp. 292—308. — DOI: 10.1017/cbo9781139764377.017.

32. *Hyland K*. Sympathy for the devil? A defence of EAP / K. Hyland // Language Teaching. — 2018. — Volume 51, № 3. — Pp. 383—399. — DOI: 10.1017/S0261444818000101.

33. *Jeaco S. M.* The Prime Machine: A user-friendly corpus tool for English language teaching and self-tutoring based on the Lexical Priming theory of language [Electronic resource] / S. M. Jeaco. — 2015. — Access mode: http://livrepository.liverpool.ac.uk/id/eprint/2014579 (accessed 15.02.2022).

34. *Nattinger J R.* Lexical phrases and language teaching / J. R. Nattinger, J. S. DeCarrico. — Oxford : Oxford University Press, 1992. — 218 p.

35. *Oakey D*. Phrases in EAP academic writing pedagogy: Illuminating Halliday's influence on research and practice / D. Oakey // Journal of English for Academic Purposes. — 2020. — № 44. — Pp. 1—16. — DOI: 10.1016/j.jeap.2019.100829.

36. *Phrasal* complexity in English argumentative writing: Variations across Chinese STEM versus English majors' production and EFL textbook essays / Z. Shao, H. Zhang, J. Zhang, Y. Zhong, X. Xu // Journal of English for Academic Purposes. — 2022. — № 55. — DOI: 10.1016/j.jeap.2021.101070.

37. *Rezan M. A.* Acquisition of Lexical Collocations : A corpus-assisted contrastive analysis and translation approach : Thesis … of Doctor of Philosophy in Applied Linguistics / M. A. Rezan. — Newcastle upon Tyne, 2017. — 266 p. — Access mode: https://core.ac.uk/display/153780969?source=2 (accessed: 09.02.2022).

38. *Salazar D*. Lexical Bundles in Native and Non-Native Scientific Writing / D. Salazar. — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2014. — 212 p. — DOI: 10.1075/scl.65.

39. *Swales J.* Integrated and fragmented worlds: EAP materials and Corpus Linguistics / J. Swales // J. Flowerdew (ed.). Academic Discourse. — England : Harlow : Longman, 2002. — Pp. 150—164. — ISBN: 0-582-41887-9.

40. *Thompson A. L.* Articulatory features of phonemes pattern to iconic meanings: evidence from cross-linguistic ideophones / A. L. Thompson, T. Van Hoey, Y. Do // Cognitive Linguistics. — 2021. — Volume 32, № 4. — Pp. 563—608. — DOI: 10.1515/cog-2020-0055.

41. *Tribble C.* Writing academic English further along the road. What is happening now in EAP writing instruction? / C. Tribble // English Language Teaching Journal. — 2015. — № 69. — Pp. 442—462. — DOI: 10.1093/elt/ccv044.

Material resources

CogL — *Cognitive Linguistics*: journal. (2019—2022). Available at: https://www.degruyter.com/journal/key/cogl/html (accessed: 15.02.2022).

CR — *Context Reverso*. Available at: https://context.reverso.net/ (accessed: 15.02.2022).

DegR — *Degruyter.* Available at: https://www.degruyter.com/search/series/cogl?query=specific&volumeIssue=32%7C4&documentVisibility=all) (accessed: 15.02.2022).

IJL — *International Journal of Lexicography.* (2019—2022). Available at: https://academic.oup.com/ijl/ (accessed: 15.02.2022).

JEAP — *Journal of English for Academic Purposes.* (2019—2022). Available at: https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-english-for-academic-purposes (accessed: 15.02.2022).

KIA-47 — *Cognitive studies of language: a collection of scientific papers*, *47*. (2021). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 628 p. (In Russ.).

TA — *Translate Academic*. Available at: https://translate.academic.ru/ (accessed: 15.02.2022).

References

Ackermann, K., Chen, *Y.* (2013). Developing the academic collocation list (ACL) — a corpus-driven and expert-judged approach. *Journal of English for Academic Purposes, 12:* 235—247. DOI: 10.1016/j.jeap.2013.08.002.

AlHassan, L., Wood, D. (2015). The effectiveness of focused instruction of formulaic sequences in augmenting L2 learners' academic writing skills: A quantitative research study. *Journal of English for Academic Purposes, 17:* 51—62. DOI: 10.1016/j.jeap.2015.02.001.

Altenberg, B. (1998). On the phraseology of spoken English: The evidence of recurrent word-combinations. In: A. H. Cowie (ed.). *Phraseology: Theory, analysis, and applications*. Oxford: Clarendon Press. 101—122.

Bardi, M. (2015). Learning the practice of scholarly publication in English: A Romanian perspective. *Engl. Specif. Purp, 37:* 98—111. DOI: 10.1016/j.esp.2014.08.002.

Bell, D. E. (2022). Methodology in EAP: Why is it largely still an overlooked issue? *Journal of English for Academic Purposes, 55:* 101073. DOI: 10.1016/j.jeap.2021.101073.

Biber, D., Gray, B. (2010). Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness. *Journal of English for Academic Purposes, 9 (1):* 2—20. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.01.001.

Biber, D., Gray, B. (2016). *Grammatical complexity in academic English. Linguistic change in writing.* Cambridge: Cambridge University Press. 277 p. ISBN: 978-1-107-00926-4.

Biber, D., Gray, B., Staples, S., Egbert, J. (2020). *Investigating* grammatical complexity in L2 English writing research: Linguistic description versus predictive

measurement. *Journal of English for Academic Purposes, 46.* DOI: 10.1016/j.jeap.2020.100869.

Cai, J. (2016). An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases. *Journal of English for Academic Purposes, 24:* 58—74. DOI: 10.1016/J.JEAP.2016.09.002.

Cortes, V. (2006). Teaching lexical bundles in the disciplines: An example from a writing intensive history class. *Linguistics and Education, 17:* 391—406. DOI: 10.1016/j.linged.2007.02.001.29.

Coxhead, A., Byrd, P. (2007). Preparing writing teachers to teach the vocabulary and grammar of academic prose. *Journal of Second Language Writing, 16:* 129—147. DOI: 10.1016/j.jslw.2007.07.002.

Ellis, N. C., Ferreira-Junior, F. (2009). Construction learning as a function of frequency, frequency distribution, and function. *The Modern Language Journal, 93:* 370—385. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2009.00896.x.

Fitzgerald, A. (2018). *A new paradigm for open data-driven language learning systems design in higher education*. PhD. Diss. Quebec: Canada. 265 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.11282.40648.

Flowerdew, J. (2017). Corpus-based approaches to language description for specialized academic writing. *Language Teaching, 50(1):* 90—106. DOI: 10.1017/S0261444814000378.

Flowerdew, J., Forest, R. (2009). Schematic structure and lexico-grammatical realization in corpus-based genre analysis. In: Charles, M., Hunston, S., Pecorari, D. (eds.). *Academic Writing: At the interface of corpus and discourse*. London: Continuum. 15—36.

Flowerdew, L. (2000). Using a genre-based framework to teach organizational structure in academic writing. *English Language Teaching, 54(4):* 368—378. DOI: 10.1093/elt/54.4.369.

Frankenberg-Garcia A., Rees, G. P., Lew, R. (2020). Slipping Through the Cracks in e-Lexicography. *International Journal of Lexicography, 34(2):* 206—234. — DOI: 10.1093/ijl/ecaa022.

Gardner, S., Nesi, H. (2013). A Classification of Genre Families in University Student Writing. *Applied Linguistics, 34 (1):* 25—52. DOI: 10.1093/applin/ams024.

Gvishiani, N. B. (2021). On new terms of phraseology in computer-corpus studies of English. *Cognitive Language Studies, 2 (45):* 155—165. (In Russ.).

Hanks, P., Mož'e, S. (2019). The way to analyse 'way'. *International Journal of Lexicography, 32(3) September:* 247—269. DOI: 10.1093/ijl/ecz005.

Hartley, J. C. (2012). New ways of making academic articles easier to read. *International Journal of Clinical and Health Psychology, 12 (1):* 143—160.

Hyland, K. (2008a). Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing. *International Journal of Applied Linguistics, 18 (1):* 41—62. DOI: 10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x.

Hyland, K. (2008b). As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes, 27: 4—21.* DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001.

Hyland, K. (2015). Corpora and written academic English. In: Biber, D., Reppen, R. (eds.). *The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics, 3(1)*. Cambridge University Press. 292—308. DOI: 10.1017/cbo9781139764377.017.

Hyland, K. (2018). Sympathy for the devil? A defence of EAP. *Language Teaching, 51 (3):* 383—399. DOI: 10.1017/S0261444818000101.

Ivina, L. V. (2003). *Linguo-cognitive foundations for the analysis of industry terminology systems (on the example of the English terminology of venture financing): teaching aid*. Moscow: Academic Project. 304 p. ISBN: 5-8291-0356-7. (In Russ.).

Jacoby, S., Leech, D., Holten, C. (1995). A genre-based developmental writing course for undergraduate ESL science majors. In: Belcher, D. D., Braine, G. (eds.). *Academic writing in a second language: Essays on research and pedagogy*. New Jersey: Ablex Publishing Corporation. 351—373.

Jeaco, S. M. (2015). *The Prime Machine: A user-friendly corpus tool for English language teaching and self-tutoring based on the Lexical Priming theory of language*. Available at: http://livrepository.liverpool.ac.uk/id/eprint/2014579 (accessed 15.02.2022).

Kudryavtseva, I. G. (2010). *Features of the formal structure and semantic characteristics of terminological phrases:* author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).

Nattinger, J. R., DeCarrico, J. S. (1992). *Lexical phrases and language teaching*. Oxford: Oxford University Press. 218 p.

Oakey, D. (2020). Phrases in EAP academic writing pedagogy: Illuminating Halliday's influence on research and practice. *Journal of English for Academic Purposes, 44:* 1—16. DOI: 10.1016/j.jeap.2019.100829.

Rezan, M. A. (2017). *Acquisition of Lexical Collocations: A corpus-assisted contrastive analysis and translation approach*. Doct. Diss. Newcastle upon Tyne. 266 p. Available at: https://core.ac.uk/display/153780969?source=2 (accessed: 09.02.2022).

Riabtseva, N. K. (2020). Cross-Cultural Communication: Its Asymmetry and Authenticity. *Nauchnyi dialog*, *4:* 130—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-130-150. (In Russ.).

Riabtseva, N. K. (2021a). Contemporary science language: national and international traditions and innovations. *Philology in the XXI century, 1 (7):* 48—60. (In Russ.).

Riabtseva, N. K. (2021b). Terms as cognitive dominants in scientific communication and their cross-linguistic equivalents. *Cognitive Language Studies, 1 (44):* 356—364. (In Russ.).

Salazar, D. (2014). *Lexical Bundles in Native and Non-Native Scientific Writing*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 212 p. DOI: 10.1075/scl.65.

Shao, Z., Zhang, H., Zhang, J., Zhong, Y., Xu, X. (2022). Phrasal complexity in English argumentative writing: Variations across Chinese STEM versus English majors' production and EFL textbook essays. *Journal of English for Academic Purposes, 55*. DOI: 10.1016/j.jeap.2021.101070.

Swales, J. (2002). Integrated and fragmented worlds: EAP materials and Corpus Linguistics. In: Flowerdew, J. (ed.). *Academic Discourse*. England: Harlow: Longman. 150—164. ISBN: 0-582-41887-9.

Tabanakova, V. D. (2014). Translator-linguist, translator-terminologist, translator-specialist: strategy and tactics of term translation. *Bulletin of the Tyumen State University, 1:* 72—81. (In Russ.).

Thompson, A. L., Van Hoey, T., Do, Y. (2021). Articulatory features of phonemes pattern to iconic meanings: evidence from cross-linguistic ideophones. *Cognitive Linguistic, 32(4):* 563—608. DOI: 10.1515/cog-2020-0055.

Tribble, C. (2015). Writing academic English further along the road. What is happening now in EAP writing instruction? *English Language Teaching Journal, 69:* 442—462. DOI: 10.1093/elt/ccv044.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022,
одобрена после рецензирования 27.06.2022,
подготовлена к публикации 02.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Семенова Н. В. «Кто светел, тот и свят» : ситуация светообозначения в акафистах русским святым / Н. В. Семенова, Ж. Ю. Полежаева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 140—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157.

Semenova, N. V., Polezhaeva, Zh. Yu. (2022). "Who is Bright is Holy": Situation of Light Designation in Akathists to Russian Saints. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 140-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157

«Кто светел, тот и свят»: ситуация светообозначения в акафистах русским святым

Семёнова Наталья Владимировна [1,2]
orcid.org/0000-0002-3811-1764
доктор филологических наук, доцент,
кафедра языковой подготовки;
Высшая школа
лингводидактики и перевода
nvsemenova@mail.ru

Полежаева Жанна Юрьевна [3]
orcid.org/0000-0002-8158-6992
кандидат филологических наук, доцент,
отдел по работе
с иностранными студентами
zhpolezhaeva@mail.ru

[1] Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
(Санкт-Петербург, Россия)

[2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

[3] Кемеровский государственный медицинский университет
(Кемерово, Россия)

"Who is Bright is Holy": Situation of Light Designation in Akathists to Russian Saints

Natalia V. Semenova [1,2]
orcid.org/0000-0002-3811-1764
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Language Training;
Higher School of Linguodidactics
and Translation
nvsemenova@mail.ru

Zhanna Yu. Polezhaeva [3]
orcid.org/0000-0002-8158-6992
PhD in Philology, Associate Professor,
Department for Work
with Foreign Students
zhpolezhaeva@mail.ru

[1] Saint-Petersburg State University of Civil Aviation
(St. Petersburg, Russia)

[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

[3] Kemerovo State Medical University
(Kemerovo, Russia)

© Семенова Н. В., Полежаева Ж. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование ситуации светообозначения в акафистах русским святым. Актуальность изучения феномена света на данном материале обусловлена, во-первых, важнейшей текстообразующей ролью светообозначений в этом гимнографическом жанре, а во-вторых, необходимостью углубленного изучения роли глагола в организации славянского предложения. Объектом анализа стала ситуация светообозначения, а предметом — участники этой ситуации. В фокусе исследовательского внимания находятся релевантные валентностные (семантические и синтаксические) характеристики глагола как структурного центра предложения. В результате проведенного исследования выявлен языковой корпус светообозначений (3157 единиц), охарактеризована их частеречная принадлежность, продемонстрировано хронологическое распределение и установлены доминирующие корнеобразующие элементы (*свет-, сия-, зар-, блист-, свещ-*). Уделено внимание грамматическим механизмам, обеспечивающим светообозначение, а также непосредственным участникам номинируемой ситуации . Акцент поставлен на основном участнике — свете. Описание реестра возможных семантических ролей участников ситуации светообозначения (Субъект, Объект и их подтипы) ориентировано на традиционное в православной метафизике света разделение: «свет нетварный», «свет умный» и «свет чувственный».

Ключевые слова:
акафист; русские святые; светообозначение; глагол; семантическая роль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a study of the situation of light designation in akathists to Russian saints is presented in the article. The relevance of studying the phenomenon of light on this material is due, firstly, to the most important text-forming role of light designs in this hymnographic genre, and secondly, to the need for an in-depth study of the role of the verb in the organization of the Slavic sentence. The situation of light designation became the direct object of analysis, and the participants in this situation became the subject. The focus of research attention is on the relevant valence (semantic and syntactic) characteristics of the verb as the structural center of the sentence. The main research methods were: functional-semantic, contextual analysis of lexical units, statistical. As a result of the study, a linguistic corpus of light designations (3,157 units) was identified, their part-of-speech affiliation was characterized, a chronological distribution was demonstrated, and the dominant root-forming elements (*svet-, siya-, zar-, blist-, svesh-*) were established. Particular attention is paid to the grammatical mechanisms that provide light designation, as well as to its direct participants. The emphasis is on the main participant — the light. The description of the register of possible semantic roles of participants in the situation of light designation (Subject, Object and their subtypes) is focused on the division traditional in the Orthodox metaphysics of light: “uncreated light”, “smart light” and “sensual light”.

Key words:
akathist; Russian saints; light designation; verb; semantic role.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’367.7

«Кто светел, тот и свят»: ситуация светообозначения в акафистах русским святым

© Семенова Н. В., Полежаева Ж. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Говоря о ситуации светообозначения (далее — СО), мы имеем в виду модель ситуации динамического мира, которая отражает связь между отдельными субстанциями и изменение этих связей в пространстве и времени. Семантическим эквивалентом этой модели является пропозиция, в центре которой находится предикат, и прежде всего это глагольный предикат, который обозначает различные нюансы проявления света.

Главенствующее положение глагола в организации русского, и шире — славянского, предложения всегда привлекало всех, кого интересует славянская грамматика, и этот интерес существенно возрастает, если мы обращаемся к анализу конкретной тематической группы глаголов на историко-культурном материале.

Настоящая статья — одна из попыток изучения роли глагола в ситуации СО на материале акафистов русским святым, материале, который, являясь уникальной иллюстрацией духовных ориентиров русского православия, отличается особой «предрасположенностью» к языковой светописи. «Тема света характеризуется как одна из макротем церковнославянских акафистов,— отмечает А. А. Камалова. — Световой символизм — сущностное раскрытие Света Христова, пронизывает все части богослужения» [Камалова, 2013, с. 145]. Можно сказать, что в акафистах православно-христианское учение о свете, относящееся к числу мистико-богословских, получает наиболее зримую поэтическую форму. Возможно, акафисты святым именно потому становятся такими «светоносными», что для того, «чтобы видеть простой и безвидный свет Божий, нужно самому стать светом» [Кривошеин, 1980, с. 203]. Свет и святость в поэтике акафиста соединяются удивительным образом, и это неоднократно отмечалось в научной литературе [Ицкович, 2016; Людоговский, 2015; Рядовых, 2021]. Новизна нашего исследования состоит в том, что в нем впервые рассматривается эта светопись в ракурсе семантического синтаксиса и применяются исключительно грамматические инструменты анализа для характеристики феномена света в одном из самых популярных у русского народа жанре гимнографии.

Цель статьи — описание ситуации СО в акафистах русским святым. Для этого необходимо выявить грамматические механизмы, которые

CC BY

«обеспечивают» СО; охарактеризовать непосредственных его участников с указанием реестра возможных семантических ролей, акцентируя внимание на основном участнике — СВЕТЕ.

В центре исследовательского внимания находятся релевантные валентностные (семантические и синтаксические) характеристики глагола как структурного центра предложения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как известно, основное назначение глагола — репрезентация ситуации. Еще А. М. Пешковский как-то тонко подметил, что «главное достоинство глагола — это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой» [Пешковский, 2018, с. 287]. В терминах современного семантического синтаксиса данное утверждение проецируется на актантную структуру предложения, подразумевающую как синтаксические, так и семантические актанты. Между этими типами актантов, как правило, не выявляется постоянного прямого соответствия за исключением прототипических случаев. Т. В. Шмелева по этому поводу замечает, что «следует различать актант как элемент плана содержания или роль в ситуации и актант как позицию в структуре предложения, предназначенную для определенных ролей» [Шмелева, 1994, с. 39]. Доказательством сказанного служат такие явления, как мена диатезы, расщепление, смешение семантического актанта, их слияние или синтаксическая невыразимость и т. д. [Апресян, 2006]. Добавим, что акцент на значении самого глагольного слова, или, точнее — глагольного предиката, фокусирует внимание на ***участниках*** ситуации. Г. И. Кустова довольно категорично выражает эту мысль, подчеркивая, что семантика предиката вообще, а глагольного особенно, в принципе, «если не брать смыслы типа модальных рамок (оценки и реакции говорящего) и т. п. компонентов, относимых к прагматике <...> не содержит ничего, кроме информации об участниках ситуации» [Кустова, 2000, с. 20].

Суммируя сказанное, подчеркнем, что глагол, выступающий как «самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка» [Виноградов, 1972, с. 349], способен, во-первых, давать исчерпывающую информацию о ***ситуации***, а во-вторых — сигнализировать об определенном наборе ***участников*** и их отношениях друг к другу, то есть об их ***ролях*** в этой ситуации.

Если воспользоваться терминологией А. А. Потебни и А. М. Пешковского, то вполне справедливо можно утверждать, что синтаксическая и семантическая перспективы русского предложения находят свое языко-

CC BY

вое (формальное) воплощение в различных конфигурациях его актантной структуры. Рассматриваемые нами на материале акафистов ситуации СО свидетельствуют о самых разных таких конфигурациях, но все это многообразие имеет один общий знаменатель: обязательного участника СВЕТ. Этот участник относится к разряду тех, «присутствие которых в ситуации однозначно предсказывается смыслом глагола» [Падучева, 1997, с. 20]. Однако СВЕТ может выступать в ситуации СО и как ее атрибут, то есть указывать на «ее причину, время, место, инструмент, способ действия, скорость (для изменений) и др. параметры или обстоятельства» [Там же, с. 20]. Таким образом, СВЕТ в ситуации СО может занимать разную по значимости позицию в ситуации СО. Классическая грамматика рассматривает это противопоставление в терминах «обязательный участник : необязательный (атрибут)» и трактует как различие между дополнениями и обстоятельствами, а Л. Теньер — как различие между актантами и сирконстантами.

Е. В. Падучева подчеркивала, что семантическую роль того или иного участника ситуации следует отличать от его коммуникативного ранга: «Семантическая роль определяется поведением участника в обозначаемой глаголом ситуации: роль — это, например, Агенс, Инструмент, Адресат, Место. А ранг — это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58]. Данное обстоятельство существенно в том плане, что, как отмечает Е. В. Падучева, «диатеза глагола определенным образом ранжирует участников, иногда “вопреки” их роли» [Там же, с. 60]. Особенно актуальным это замечание становится для ситуаций с синтаксически невыразимыми при глаголе участниками: так, если Субъект и Объект находятся в фокусе внимания, а остальные участники — на периферии, то синтаксически невыразимые участники вообще выходят за эту периферию, остаются как бы «за кадром».

Итак, участник СВЕТ, занимая самые разнообразные морфо-синтаксические позиции, так или иначе, но всегда присутствует в ситуации СО. Причем для глагольных СО самый обычный случай такого присутствия — синтаксическая невыразимость, или ***инкорпорация*** в морфологическую или семантическую структуру глагольного слова, ср., например, в глаголах *светить, засветить(-ся)* и др. При стандартной ситуации глагольного СО, которая, в принципе, не требует эксплицитно выраженного участника СВЕТ, встречаются, однако, примеры его ***экскорпорации***. В этом случае, мы полагаем, речь идет о прямом или подобном «тавтологическом выражении» инкорпорированных актантов глагола, а фактически — об экспрессивном дублировании; описание данного феномена см. в [Ляшевская, 2016].

Кстати, «тавтологичные выражения» довольно частотны в истории русского языка: многочисленные фольклорные, преимущественно — поэтиче-

CC BY

ские, жанры дают нам примеры подобного «дублирования», свидетельствующего об экспрессивности и интенсивности обозначаемого действия, ср.: *криком кричать, ровней ровняться, грустью груститься, воем выться* и др. Описывая их в рамках изучения синонимики в языке русской народной поэзии, А. П. Евгеньева отметила: «Несомненно, в древней русской литературе синонимика используется как художественное средство различно в разные исторические эпохи и не ограничивается только одной функцией — усиления, акцентуации значения» [Евгеньева, 1949, с. 211]. По мнению автора, очень часто в таких случаях целесообразно говорить об оттенках значений «синонимов», которые и несут основную смысловую нагрузку.

Мы же, со своей стороны, отметим, что тавтологичные выражения такого типа используются и для ситуации СО, причем в церковнославянских текстах они довольно частотны. Собственно, ярко это демонстрируют Евангельские строки: *И **свет** во тме **светится*** (Ин., 1:5)*; да **светит** **свет** ваш пред людьми* (Лк., 5:13—16). Дублирование смыслов мы видим и в «плеонастичных» выражениях, то есть там, где наблюдается стечение лексики одной ЛСГ, как, например, в Тропаре Рождеству Христову: ***Возсия** мирови **свет** разума*. Смеем, предположить, однако, что подобные СО в церковнославянских текстах не всегда однозначно выражают экспрессию и интенсивность, а несут несколько иную семантическую нагрузку.

Повтор, стечение СО в акафистах русским святым — явление распространенное, однако исследователи выделяют особые части акафистов, где изобилие СО максимально. Это — Кондаки 2, 5; Икосы — 5, 6 и 11. Впрочем, как отмечает Ф. Б. Людоговский, «средства выражения рассматриваемой тематики, завися от конкретной строфы, вместе с тем обнаруживают несомненные признаки межстрофического взаимодействия и взаимопроникновения (как внутри обозначенных выше групп строф, так и между ними), что позволяет (пусть и с осторожностью) говорить об особых, свойственных именно акафистам, устойчивых выражениях, лишенных жесткой структурной привязки» [Людоговский, 2009].

Вообще, говоря об акафисте, «укоренившемся» на русской почве, следует иметь в виду его явную «предрасположенность» к беллетризации, особом типе «художественного мышления», которое не раз становилось предметом внимания филологов. Поэтике «русского» акафиста, полагает А. А. Чуркин, свойственна «некая внутренняя интенция литературности» [Чуркин, 2007], хотя, конечно, традиционная церковная литература тяготеет к шаблонности и канону. Этот шаблон во многом продиктован общей тенденцией средневековой культуры к этикетности [Лихачев, 1979, с. 80—81]. И тем не менее, своеобразное балансирование на грани религиозной и нарождающейся в средние века светской литературы приводит

CC BY

к возникновению совершенно особых текстов, каковым и является акафист на русской почве, особого жанра, отличающегося яркими стилистическими особенностями.

Основной текстовый материал нашего исследования составили 138 акафистов русским святым, содержащиеся в [АРС, т. I—III, с. 199—1996]. Целесообразность использования именно этого издания в качестве источника фактического материала объясняется полнотой и достоверностью собранного материала. На данный момент оно является единственным отдельным собранием акафистов, посвященных «Всем святым, в земле Российской просиявшим». Безусловно, в XXI веке в богослужебную практику Русской Православной Церкви вошли новые акафисты, однако точное их количество, как и церковный статус (утвержден / не утвержден для общецерковного использования), остается до конца не ясным. Реестр их постоянно пополняется, и те тексты, которые получают официальное одобрение, регулярно публикуются на странице издательства Московской Патриархии [НБТ]. Тем не менее в настоящее время новое издание всех акафистов русским святым с учетом новоутвержденных отсутствует.

Мы также включали в анализируемый материал молитвы, следующие непосредственно за текстом акафиста, и исключали тропари. Такой выбор материала, во-первых, соотносится с церковной православной традицией чтения акафистов: тропари, как правило, включаются только при соединении чтения акафиста и канона, что обычно для общей церковной службы в храме. Но православная практика чтения акафистов — келейная. Во-вторых, общепризнанной традицией изучения акафистов является учет как поэтических, так и прозаических его частей. Текст молитв относится как раз к прозаической части.

При исследовании языкового материала применялись следующие лингвистические методы: функционально-семантический, а также контекстуальный анализ лексических единиц. Использование этих методов сопровождается статистическими сопоставлениями. Церковнославянские примеры приводятся в гражданской графике.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Частеречная принадлежность светообозначений

В 138 акафистах русским святым выявлено 3157 светообозначений. По частеречному распределению наибольшее количество составили имена существительные, наименьшее — наречия. Полная статистика представлена в (табл. 1).

Как свидетельствует наш материал, свет обозначается в акафистах практически всеми частями речи. Традиционно преобладают имена суще-

CC BY

Таблица 1

Сводная таблица частеречного распределения светообозначений

Имена существительные	Имена прилагательные	Глаголы	Причастия активные	Причастия пассивные	Наречия
1578	540	387	495	103	54
Всего: 3157					

ствительные, номинирующие сам свет, его источники и локусы, а также глагольные СО, демонстрирующие динамические проявления света. Глагол представлен всеми временными формами, а также инфинитивными и императивными. Какого-либо явного предпочтения в этом плане нет.

Обращает на себя внимание сравнительно незначительное количество пассивных причастий. Это указывает на тенденцию к «светописанию» в терминах активной энергии: так, активные причастия типа *возблиставший, возсиявый* свидетельствуют о «действенной» энергии света как самостоятельной силе; пассивные же причастия типа *облистаемый* и *осиянный* указывают на отражаемый или отраженный свет.

Достаточно большое количество прилагательных, тем не менее, о слишком большом разнообразии лексики не свидетельствует: традиционно самым распространенным прилагательным является *светлый.* Но следует отметить оригинальные сложные прилагательные, такие, как *небосветлый, Богосветлый, лучезарный, златозарный, Богозарный, благосиятельный, светосиянный, Трисиянный, светодательный, светоприимный, светолучный* и др.

Самое распространенное наречие в акафистах — *светло* (и его формы: *светле, светлейше, пресветло*). Из других, практически единичных вариантов, встретились такие, как *немерцаемо, непомеркаемо, светоносно, лучезарнее, светоподательне.*

3.2. Хронологическое распределение светообозначений

При характеристике языкового материала по этому параметру учитывались годы жизни святого, которому посвящен акафист. При этом речь не идет о дате прославления святого и, тем более, о времени создания акафиста и / или его введения в официальную богослужебную практику. Во-первых, официальное прославление в Лике святых часто требовало значительного времени, во-вторых, создание акафиста растягивалось иногда на век-два или более, а, в-третьих, процесс его официального признания Русской Православной Церковью мог быть еще более долгим. Поэтому наша классификация отличается некоторой условностью: святые,

прославляемые, например, в «соборных» акафистах («Акафист собору святых преподобных Псково-Печерских», «Акафист собору святых преподобных Оптинских старцев»), жили в разные века, и, соответственно, составленный «соборный» акафист условно может причисляться к разным периодам (но расхождение это — не более века). Количественные данные отражены в (табл. 2).

Таблица 2

Сводная таблица хронологического распределения светообозначений

Век	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
Количество акафистов	4	8	7	11	21	34	27	16	5	11	12
Количество светообозначений	122	230	171	261	387	619	576	347	155	82	207

Кратко упомянем в связи с этим периоды русской акафистографии. В досинодальный период на Руси имели хождение всего 17 акафистов, причем только 4 из них были оригинальными (непереводными) и только 2 посвящались русским святым: акафист святителям Петру, Алексию и Ионе Московским, автор которого неизвестен, и акафист преподобному Сергию Радонежскому, приписываемый Пахомию Лагофету [Давыдов, 2003, с. 220; Попов, 2013, с. 33—74]. Затем активность гимнографического словотворчества возрастает: в Синодальный период истории РПЦ, то есть с 1700 года до конца XIX века, в богослужебную практику вошли около 150 акафистов (у А. В. Попова их описано 136, но в общей сложности упоминается около полутора сотен; количество — 157/8 приводит Давыдов [Давыдов, 2003, с. 44]). За прошедшее столетие, считают Ф. Б. Людоговский и свящ. Максим Плякин, к этой цифре едва ли прибавилось 6—7 десятков новых, а новый всплеск акафистографического творчества наблюдается с «нулевых» годов современного века. В настоящее время трудно назвать точное количество акафистов, посвященных именно русским святым, но, по мнению Ф. Б. Людоговского, их более 600. Естественно, что этот фонд продолжает постоянно пополняться [Людоговский и др., 2013, с. 613].

Само прославление русских святых происходило также неравномерно: если до XX века Русской Православной Церковью к Лику святых было причислено 379 человек, то только на Соборе 2000 года прославления удостоились 1012 [Емельянов, 2005, с. 32].

3.3. Корнеобразующие элементы светообозначений

Как показывает наш анализ, подавляющее большинство СО образуются от 5 корней: *свет-, сия-, зар-, блист-, свещ-*. Подобные

CC BY

СО составляют около 87 % от общего количества СО в исследуемых акафистах (табл. 3).

Таблица 3

Сводная таблица корней светообозначений

Свет-	**Сия-**	**Зар-**	**Блист-**	**Свещ-**
1560	549	343	69	215 (367)
Всего: 2736				

Абсолютное преобладание лексем с этими корнями демонстрирует интересную тенденцию в плане глагольного словоупотребления. Глагольные предикаты с такими корнеобразующими элементами относятся только к статальному или эволютивному способам глагольного действия, что является совершенно естественным: актуализируемый свет постоянен, не переменчив и не исчезаем.

Отдельного объяснения требуют СО с корнем *свещ-*. Как показано в таблице 3, в акафистах встретилось 367 языковых единиц с корнем *свещ-*, но только 215 из них с полным основанием можно отнести к СО, что обычно подчеркивается контекстом. Слова с корнем *свещ-* часто обозначают деятельность или ее следствие как результат духовно-ментального воздействия. Например, в акафисте святому равноапостольному великому князю Владимиру, во св. Крещении Василию, встречается 10 лексем с корнем *свещ-*, но только 5 из них являются абсолютными СО. Ср.: светообозначение: *Светозарное светило,* ***просвещающее сиянием*** *своим страну русскую* [АРС, т. I, с. 493]; духовно-ментальная сфера*: Радуйся, равноапостоле, ко* ***просвещению*** *народа русскаго Премудрым Промыслом предуготованный* [АРС, т. I, с. 486]. Второе, тяготеющее к ментальной сфере, значение лексем с корнем *свещ-* является безусловно вторичным, но оно, конечно, непосредственно связано с представлением о световой природе Христа как единственном источнике истинного — умного — света. Ср., например, в акафисте святому преподобному Сергию, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу: *Чрез знамения убо добродетелей твоих, правды* ***солнце мысленное Христос Господь****, течение Свое творя,* ***просвещает*** *всех зовущих ти сице* [АРС, т. III, с. 353], а также в акафисте святителю Симону, епископу Владимирскому и Суждальскому, Печерскому чудотворцу: *Разум спасения вечнаго,* ***данною ти свыше премудростию, просвещал еси*** *всем приближающымся к тебе* [АРС, т. III, с. 414]. Практически в каждом акафисте можно встретить определение «богопросвещенный», а во многих — языковую формулу «разум богопросвещен».

CC BY

К приведенным статистическим данным добавим, что 421 языковая единица, участвующая в ситуации светообозначения, образуется от других корней, а именно: *луч-, лун-, солн(ц)-, звезд-, огн-, молн-, столп-, бел-, мерк- / мерц-, гор-, блест-, ден(н)-* и некоторых других. Например, в акафисте святому преподобному Адриану, игумену Ондрусовскому, Олонецкому чудотворцу: *с радостию бо устремился еси, отнюдуже яко свещи, во тме* ***мерцающия****, светяху и звоном церковным окрестная оглашающа* [АРС, т. I, с. 92]. Только дважды в нашем материале встретился корень *блест-*: в акафисте Святому праведному Артемию, Веркольскому чудотворцу и Святителю Иннокентию, епископу Иркутскому, чудотворцу. Оба раза — в хайретизмах: *радуйся, облеченный в* ***блестящую*** *порфиру за чистоту сердца и незлобие* [АРС, т. I, с. 272]; *Радуйся,* ***блестящая*** *заре избраннаго тобою града сего* [АРС, т. II, с. 262].

3.4. Семантические роли участника СВЕТ

Для понимания семантических ролей обязательного участника ситуации светообозначения в акафистах русским святым важно учитывать православное мистико-богословское толкование света, которое сложилось вокруг богословских споров о природе Фаворского света. Речь идет о различении «света чувственного», «света умного» и «света нетварного». Н. О. Лосский, объясняя это разделение, ссылается на «Агиографический томос» афонских монахов: «Иной свет, — говорят святогорские монахи, — свойственно воспринимать уму, и иной — чувству: чувственным светом обнаруживаются чувственные предметы именно как чувственные, а светом ума являет себя заключенное в мыслях знание. Таким образом, зрению и уму свойственно постигать не один и тот же свет, но каждая из этих двух способностей действует согласно со своей собственной природой и в своих пределах» [Лосский, 2012, с. 339]. Наш материал показывает, что «светопись» в акафистах последовательно отображает данное разделение.

Обозначим основные семантические роли участников ситуации СО.

1. Субъект (иерархически первый участник), который ввиду принадлежности глаголов-СО к бытийной сфере выступает, как правило, в виде Агенса-Эффектора (Агенса-Силы), а также Агенса-Каузатора и, при мене диатезы, Субъекта-Патиенса обычно в виде Экспериента.

Как отмечалось выше, особенностью глаголов-СО является инкорпорация главного участника СВЕТ в содержательную структуру глагольного слова. Примером яркой морфологической инкорпорации является глагол *светить* и, соответственно, все его производные, то есть глаголы типа *засветить, просветить* и др. А образцом семантической инкорпорация является, например, глагол *сиять*. «У инкорпорированного участника, — замечает Е. В. Падучева, — концепт не переменный, как у других, а фик-

CC BY

сирован с точностью до лексемы уже в словаре» [Падучева, 2004, с. 57]. Толкование глагола *сиять* подтверждает такое замечание: «нсв. 1. Излучать ровный яркий **свет**, ярко светиться» [БТСРЯ, 1998, с. 1190]. О. Н. Ляшевская приводит еще одно условие проявления инкорпорированного участника, которое действительно и для глаголов-СО: «При семантической инкорпорации соблюдается общее правило поверхностного выражения участника при глаголе: объем выражаемого понятия должен быть у́же ограничения на заполнение валентности, т. е. у́же значения лексемы, фиксированной в толковании» [Ляшевская, 2008, с. 199]. Как можно заметить, объем выражаемого глаголом *сиять* понятия у́же того, который передается лексемой *свет* (свет может быть, например, и прерывистым, ср. значение глагола *мерцать:* «нсв. *Светиться неровным, колеблющимся светом*» и др.) [БТСРЯ, 1998, с. 535].

Тем не менее в ситуации СО наблюдается и экскорпорация участника СВЕТ, что при стечении лексики одной ЛСГ может рассматриваться как тавтологичные (например, «зарею озаряемы») или плеонастичные (например, «возсия свет») выражения. Наиболее интересны случаи экскорпорации этого участника именно в таком номинативном выражении — в виде лексемы *свет*. В текстах проанализированных нами акафистов данная лексема отмечена 420 раз.

В том случае, когда этот экскорпорированный участник заполняет соответствующую морфо-синтаксическую позицию (им. падеж), он выполняет роль «Субъект». Это становится возможным только в тех случаях, когда речь идет о нетварном свете, отождествляемом с Богом-Творцом (и его непосредственными атрибутами — милостью, благодатию; свет может в этом случае выступать своеобразным «партитивом» — «свет лица Божия»), Пресвятой Троицей и Христом Богом. Нетварный свет — это Сила, которая, приближается по своему качеству к Агенсу в том смысле, что выступает носителем энергии, но в отличие от «классического» Агенса неспособна пользоваться инструментами и материалами (подробнее об этом в [Падучева, 2004]). Ср., например, в акафисте святителю Василию, епископу Рязанскому, чудотворцу: ***Возсия свет*** *благодати и милости Божия, пришедшу тебе, прехвальне отче, в пределы земли Рязанския* [АРС, т. I, с. 464]; в акафисте святому преподобному Петру Царевичу, Ростовскому чудотворцу: *Видеша людие Ростовстии, яко* ***возсия*** *в сердце твоем* ***свет*** *Христа Бога* [АРС, т. III, с. 208]. На наш взгляд, экскорпорация участника СВЕТ при глаголе, дополнительно инкорпорирующем его в свою семантическую структуру, осуществляется именно для указания особого Субъекта.

Участник СВЕТ может выступать и в особой роли Агенса-Каузатора. Каузатор в данном случае понимается не как целеполагающий субъект

CC BY

действия, а как гиперроль, объединяющая роли Агенса, Силы и Причины [Падучева, 1997, с. 23]. Ср., например, в акафисте Святому преподобному Димитрию, игумену Прилуцкому, Вологодскому чудотворцу: *и вкупе с тобою водворимся тамо, идеже присещает* ***свет лица Божия*** *и* ***веселит*** *вся от века праведники* [АРС, т. II, с. 41].

Во всех подобных случаях актуализируется особый тип логической пропозиции — характеризация, которая сближается с бытийной, где Агенс выступает как неактивный Субъект, или как Объект существования. По мнению Т. В. Шмелевой, такая пропозиция свидетельствует о приписывании предмету или факту некоторого признака [Шмелева, 1994, с. 18]. Контекст в акафисте обычно это подчеркивает дополнительной атрибуцией — обязательным наличием прилагательных. Причем номинативное выражение Субъекта в ситуации СО не ограничивается только лексемой *свет*. Образность акафистов велика: здесь мы встречаем особые названия звезд, светил (дневного и ночного), искусственных источников света (например, *свеща*, *светильник*) в качестве метафорических именований Бога или самих святых: *Боготечная, Вифлеемская, утренняя, путеводная звезда* и др.; *солнце пресветлое, луна полная светом; светоприимная, светозарная свеща, светлыи светильник*. Свет также может приравниваться к чудесам и добродетелям святого (в акафистах даже встречается своеобразная формула: «светом добрых дел / добродетелей твоих»). Во всех подобных случаях речь идет о проявлении света либо нетварного, либо умного, видимого только духовными очами.

При мене диатезы участник СВЕТ выполняет роль Субъекта-Патиенса. Обычно это Экспериент, которому «соответствует компонент ‘X воспринимает (видит, слышит, ощущает) Y’» [Падучева, 2004, с. 55]. Например, в акафисте святому преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу: *и тоя* ***зарею привлекаеми****, стекшеся, усердно твою память совершаем; тем твоими* ***чудесы озаряеми****, вопием ти* [АРС, т. III, с. 98].

2. Объект (иерархически второй участник). Этот участник ситуации СО всегда зависит от другого партиципанта: Субъекта-Агенса-Эффектора или Субъекта-Агенса-Каузатора. Свет в этом случае обычно является перцептивом, то есть объектом восприятия [Шмелева, 1994, с. 41], а потому предполагает некоего Наблюдателя, который находится за кадром.

Проиллюстрируем эту роль примером из акафиста святому преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу: ***Светосиянную*** *тя* ***звезду****, в пустыни* ***просиявшую****, видяще радуемся* [АРС, т. III, с. 98]. Попутно отметим, что роль Объекта часто конкретизируется в Инструмент, с помощью которого происходит освещение или просвещение. В данном случае речь может идти только об умном свете или о свете тварном, чувственном. Умный свет будет

CC BY

виден духовными очами. Ср. в акафисте святому праведному Иоанну Кронштадтскому, чудотворцу: *Сице бо во тьме греховней обуреваемых и соблазном богоборчества колеблемых* ***зарею Божественнаго разума просветил еси*** [АРС, т. II, с. 320]. Тварный же свет будет виден только естественными очами, причем в этом случае участник СВЕТ проявляется не только как атрибут искусственных (рукотворных) источников света типа *свеща*, но и как Орудие. Ср. в акафисте святому преподобному Афанасию, игумену Высоцкому, Серпуховскому чудотворцу: *овогда убо кадяща гробы, овогда со* ***свещами горящими*** *обитель обходяща тя видеша* [АРС, т. I, с. 385].

Особого внимания заслуживает семантическая роль Объект-Локатив, которая указывает либо на конечную точку, либо на место. Обычно актант выполняет эту роль при глаголе движения. Однако именно в ситуации СО в акафистах мы имеем здесь дело с так называемыми «сдвоенными ролями», когда «одна валентность заполняется двумя семантическими актантами с разными семантическими ролями» [Апресян, 2017, с. 9]. Речь идет о сдвоенных семантических ролях Конечная точка — Цель. Например, в следующем отрывке из акафиста святому преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому, чудотворцу *Свет Невечерний* — это Конечная точка, или место: *Радуйся, яко очесы мысленными* ***к свету навечернему*** *устремлялся еси* [АРС, т. I, с. 393]. А в акафисте святому праведному Иоанну Кронштадтскому, чудотворцу он является уже Конечной точкой и Целью одновременно: *Во Христе живый, отче наш Иоанне, приведи нас* ***к Невечернему Свету*** *жизни вечныя* [АРС, т. II, с. 330].

4. Заключение = Conclusions

Итак, анализ ситуации светообозначения в акафистах русским святым показывает, что здесь для обозначения света задействуется огромный реестр языковых единиц, актуализирующих весь свой потенциал грамматических свойств. Номинация света осуществляется практически всеми частями речи, но лексически она ограничивается небольшим количеством доминирующих корнеобразующих элементов (*свет-, сия-, зар-, блист-, свещ-*), которые, соединяясь и как бы «перемножаясь» (например, *свет- + зар- — светозарный, свет- + сия- — светосиянный, светосиящий* и др.), создают своеобразную языковую светопись. Этот прием используется для описания по-настоящему световых ликов мира, каковыми и являются русские святые, просвещающие мир светом Христового учения. Акафист — это по сути светоносная словесная икона, существующая и постоянно «поновляемая» новыми мастерами на русской земле на протяжении тысячелетия.

Сам свет в акафистах выступает в трех проекциях: нетварной, «умной» и чувственной. Каждая такая проекция становится зримой в акафисте даже на

CC BY

уровне грамматики: об этом свидетельствуют семантические роли непосредственных участников ситуации СО. Обозначение света нетварного всегда находится в рамках разных подтипов роли Субъекта, причем этот участник инкорпорирован в морфологическую и / или семантическую структуру глагольного СО и дополнительно выступает в экскорпорированном виде. Свет «умный» не так последователен в экскорпорации в качестве обязательного участника, но обычен также в роли Субъекта. А минимальное количество случаев экскорпорации отмечается при обозначении света чувственного.

Один из самых распространенных типов пропозиции для ситуации светообозначения в акафистах русским святым — характеризация. Это логический тип пропозиции, сближающийся с бытийной, но он не тождественен ей хотя бы потому, что в актуализации ситуации СО участвуют глагольные предикаты не только статального, но и эволютивного способов глагольного действия.

Спецификой именно «акафистного» светообозначения, на наш взгляд, являются сдвоенные семантические роли номинаций, как это происходит, например, в случаях с Объектом-Локативом, когда семантические актанты с разными ролями заполняют одну и ту же валентность глаголов движения. Этот вопрос, безусловно, требует особого исследования. Интересным кажется и расширение реестра самих ролей, предрасположенных к совмещению при обозначении феномена света, и изучение грамматических механизмов этого процесса. В любом случае, однако, тексты акафистов дают в распоряжение лингвистов уникальный языковой материал, который можно анализировать и в грамматическом, и лингвокультурном, и в семиотическом плане.

Источники и принятые сокращения

1. АРС I — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1995. — Том 1: А—Г. — 624 с. — ISBN 5-86396-004-3.

2. АРС II — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1995. — Том 2: Д—М. — 672 с. — ISBN 5-86396-004-3.

3. АРС III — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1996. — Том 3: Н—Ф. — 768 с. — ISBN 5-86396-004-3.

Литература

1. *Апресян В. Ю.* Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — 2017. — № 2. — С. 7—32.

2. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и общей лингвистики : материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А. А. Холодовича. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2006. — С. 15—27.

3. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

4. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Преподобный Симеон Новый Богослов (949—1022) / архиепископ Василий (Кривошеин). — Paris : Ymca Press, 1980. — 354 с.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 616 с.

6. *Давыдов И. П.* Православный акафист русским святым : религиоведческий анализ : диссертация ... кандидата философских наук / И. П. Давыдов. — Москва, 2003. — 258 с.

7. *Евгеньева А. П.* Язык русской устной поэзии (синонимия) / А. П. Евгеньева // Труды Отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград, 1949. — Том 7. — С. 169—212.

8. *Емельянов К. С.* Социальные аспекты современных канонизаций русской православной церкви / К. С. Емельянов // Социологический журнал. — 2005. — № 1. — С. 21—36.

9. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: диссертация … доктора филологических наук / Т. В. Ицкович. — Екатеринбург, 2016. — 387 с.

10. *Камалова А. А.* Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю / А. А. Камалова // Российский гуманитарный журнал. — 2013. — № 2. — С. 142—148.

11. *Кустова Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 1—25.

12. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 360 с.

13. *Лосский Н. О.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / Н. О. Лосский. — Сергиев Пасад : Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. — 586 с. — ISBN 978-5-903102-36-5.

14. *Людоговский Феодор,* священник, Плякин Максим, диакон. Жанр Акафиста в XXI веке // Православные русские акафисты. — Москва : Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2013. — С. 586—636. — ISBN 978-5-88017-345-7.

15. *Людоговский Феодор,* священник. Тема света в церковнославянских акафистах [Электронный ресурс] / священник Людоговский Феодор // Богослов.ru. — Режим доступа: https://bogoslov.ru/article/486196 (дата обращения: 12.04.2022).

16. *Людоговский Ф. Б.* Структура и поэтика церковнославянских акафистов / Ф. Б. Людоговский. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. — 352 с. — ISBN 978-5-7576-0322-3.

17. *Ляшевская О. Н.* Инкорпорация и экскорпорация в глагольном управлении: имена частей тела / О. Н. Ляшевская // Инструментарий русистики: корпусные подходы. — Хельсинки : Университет Хельсинки, 2008. — Выпуск 34. — С. 198—216.

18. *Ляшевская О. Н.* Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. — Москва : Издательский Дом ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 360 с. — ISBN 978-5-9907947-8-8.

19. *НБТ — Новые* богослужебные тексты [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://nbt.rop.ru/?q=texts/akafist (дата обращения:12.04.2022).

20. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — ISBN 5-94457-161-6.

21. *Падучева Е. В.* Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Серия. 2: Информационные системы и процессы. — 1997. — № 1. — С. 2—32.

22. *Пешковский А. М.* Лингвистика. Поэтика. Стилистика / А. М. Пешковский. — Москва : Флинта, 2018. — 710 с. — ISBN 978-5-9765-2973-1.

23. *Попов А. В.* Православные русские акафисты / А. В. Попов. — Москва : Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2013. — 645 с. — ISBN 978-5-88017-345-7.

24. *Рядовых Н. А.* Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика : диссертация … кандидата филологических наук / Н. А. Рядовых. — Екатеринбург, 2016. — 285 с.

25. *Чуркин А. А.* Русский акафист середины XIX — начала XX века как жанр массовой литературы / А. А. Чуркин // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. — Санкт-Петербург, 2007. — Выпуск 21: Кафедра Истории русской литературы. — С. 23—33.

26. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева. — Красноярск : Красноярский государственный университет, 1994. — 47 с. — ISBN 5-230-08017-5.

Material resources

ARS I — *Akathists to Russian saints, 1: A—G.* (1995). St. Petersburg: Title. 624 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

ARS II — *Akathists to Russian saints, 2: D—M.* (1995). St. Petersburg: Title. 672 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

ARS III — *Akathists to Russian saints, 3: N—F*. (1996). St. Petersburg: Title, 1996. — 768 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

References

Apresyan, V. Yu. (2017). Double semantic roles in the initial and figurative meanings of polysemantic verbs. *Questions of Linguistics, 2:* 7—32. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2006). Correspondence types of semantic and syntactic actants. In: *Problems of typology and general linguistics: Proceedings of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor A. A. Kholodovich*. St. Petersburg: Nestor-History. 15—27. (In Russ.).

BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Churkin, A. A. (2007). Russian akathist of the middle of the XIX — early XX century as a genre of popular literature. In: *Proceedings of the XXXVI International Philological Conference, 21: Department of the History of Russian Literature*. St. Petersburg. 23—33. (In Russ.).

Davydov, I. P. (2003). *Orthodox Akathist to Russian Saints: Religious Analysis*. PhD. Diss. Moscow. 258 p. (In Russ.).

Emelyanov, K. S. (2005). Social aspects of modern canonizations of the Russian Orthodox Church. *Sociological journal, 1:* 21—36. (In Russ.).

Evgenyeva, A. P. (1949). The language of Russian oral poetry (synonymy). In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature, 7.* Moscow; Leningrad. 169—212. (In Russ.).

Itskovich, T. V. (2016). *Genre systematization of religious style on a communicative-pragmatic and categorial-textual basis*: Doct. Diss. Yekaterinburg. 387 p. (In Russ.).

Kamalova, A. A. (2013). The structure and meaning of the hayretisms in the akathist to St. Nicholas. *Russian Humanitarian Journal, 2:* 142—148. (In Russ.).

Kustova, G. I. (2000). Cognitive models in semantic derivation and the system of derived values. *Questions of linguistics, 4:* 1—25. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).

Lossky, N. O. (2012). *Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology*. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra. 586 p. ISBN 978-5-903102-36-5. (In Russ.).

Ludogovsky Theodore, priest, Plyakin Maxim, deacon. (2013). Genre Akathist in the XXI century. In: *Orthodox Russian akathists*. Moscow: Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church. 586—636. ISBN 978-5-88017-345-7. (In Russ.).

Ludogovsky Theodore, priest. The theme of light in Church Slavonic akathists. In: *Bogoslov.ru.* Available at: https://bogoslov.ru/article/486196 (accessed: 04.12.2022). (In Russ.).

Ludogovsky, F. B. (2015). *Structure and poetics of Church Slavonic akathists*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 352 p. ISBN 978-5-7576-0322-3. (In Russ.).

Lyashevskaya, O. N. (2008). Incorporation and excorporation in verbal management: names of body parts. In: *Toolkit of Russian studies: corpus approaches*, *34*. Helsinki: University of Helsinki. 198—216. (In Russ.).

Lyashevskaya, O. N. (2016). *Corpus instruments in grammatical studies of the Russian language.* Moscow: YaSK Publishing House: Manuscripts of Ancient Russia. 360 p. ISBN 978-5-9907947-8-8. (In Russ.).

NBT — *New liturgical texts*. Available at: https://nbt.rop.ru/?q=texts/akafist (accessed: 04.12.2022). (In Russ.).

Paducheva, E. V. (1997). Semantic roles and the problem of preserving the invariant in lexical derivation. *Scientific and technical information. Series. 2: Information systems and processes, 1:* 2—32. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 608 p. ISBN 5-94457-161-6. (In Russ.).

Peshkovsky, A. M. (2018). *Linguistics. Poetics. Stylistics.* Moscow: Flinta. 710 p. ISBN 978-5-9765-2973-1. (In Russ.).

Popov, A. V. (2013). *Orthodox Russian akathists*. Moscow: Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church. 645 p. ISBN 978-5-88017-345-7. (In Russ.).

Ryadovykh, N. A. (2016). *Akathist genre: categorical and textual specifics:* PhD.Diss. Yekaterinburg. 285 p. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic syntax: lecture text*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 47 p. ISBN 5-230-08017-5. (In Russ.).

Vasily (Krivoshein), archbishop. (1980). *Venerable Simeon the New Theologian (949—1022)*. Paris: Ymca Press. 354 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1972). *Russian language: grammatical doctrine of the word*. Moscow: Higher School. 616 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.04.2022,
одобрена после рецензирования 12.06.2022,
подготовлена к публикации 21.07.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Цыбенова Ч. С. Русский язык в повседневном дискурсе монголов (данные экспертного опроса) / Ч. С. Цыбенова, В. Г. Жалсанова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 158—181. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-158-181.

Tsybenova, Ch. S., Zhalsanova, V. G. (2022). Russian Language in Everyday Discourse of Mongols (Data from an Expert Survey). *Nauchnyi dialog, 11(6):* 158-181. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-158-181. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-158-181

Русский язык в повседневном дискурсе монголов (данные экспертного опроса)

Цыбенова Чечек Сергеевна
orcid.org/0000-0002-7789-1492
WoS Researcher ID: AAB-2749-2021
кандидат филологических наук,
отдел языкознания
tschechek@mail.ru

Жалсанова Валентина Гурожаповна
orcid.org/0000-0003-0827-6311
WoS Researcher ID: AAR-4063-2020
кандидат социологических наук, доцент,
отдел истории, этнологии и социологии
valyazhal@list.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ, проект № 20-512-44005 «Русский язык в образовательном пространстве Монголии: современное состояние и перспективы развития»

Russian Language in Everyday Discourse of Mongols (Data from an Expert Survey)

Chechek S. Tsybenova
orcid.org/0000-0002-7789-1492
WoS Researcher ID: AAB-2749-2021
PhD in Philology,
Department of Linguistics
tschechek@mail.ru

Valentina G. Zhalsanova
orcid.org/0000-0003-0827-6311
WoS Researcher ID: AAR-4063-2020
PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of History, Ethnology and Sociology
valyazhal@list.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-512-44005, "Russian in the educational area of Mongolia: current state and prospects of development»

© Цыбенова Ч. С., Жалсанова В. Г., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования, проведенного в 2021 году и посвященного анализу современного положения русского языка в монгольском обществе. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа изменений, происходящих в сознании монголов относительно русского языка, и поиска дальнейших перспектив его функционирования в Монголии. Невозможность проведения массового анкетного опроса вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции обусловила выбор экспертного опроса в качестве основного метода исследования. В статье рассмотрены факторы, ведущие к ослаблению позиций русского языка, к которым относятся прежде всего изменение внешнеполитических приоритетов Монголии, поиск ею новых партнеров, снижение влияния России, процессы глобализации. Выявлено, что, несмотря на сужение сфер функционирования русского языка в Монголии, его социокультурный потенциал в монгольском обществе не исчерпан. Выделяются факторы, сдерживающие рост негативных тенденций, а именно присутствие русского языка в образовательной сфере, наличие специалистов с советским и российским образованием, общая историческая память, основанная на дружбе и доверии. Анализ результатов исследования показывает, что дальнейшее развитие сотрудничества между Россией и Монголией во всех сферах общественной жизни, укрепление политического союза, экономического сотрудничества и культурного взаимодействия могут позволить русскому языку стать одним из ведущих иностранных языков в современном монгольском обществе.

Ключевые слова:
Монголия; русский язык как иностранный; языковая ситуация; социолингвистика; экспертный опрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a study conducted in 2021 and devoted to the analysis of the current position of the Russian language in Mongolian society is presented in the article. The relevance of the study is due to the need to analyze the changes taking place in the minds of the Mongols regarding the Russian language, and to search for further prospects for its functioning in Mongolia. The impossibility of conducting a mass questionnaire survey due to the pandemic of a new coronavirus infection led to the choice of an expert survey as the main research method. The factors leading to the weakening of the Russian language positions, which include, first of all, the change in Mongolia's foreign policy priorities, the search for new partners, the decrease in Russia's influence, and the processes of globalization are considered in the article. It was revealed that, despite the narrowing of the spheres of functioning of the Russian in Mongolia, its socio-cultural potential in the Mongolian society has not been exhausted. The factors restraining the growth of negative trends are highlighted, namely the presence of the Russian in the educational sphere, the presence of specialists with Soviet and Russian education, a common historical memory based on friendship and trust. Analysis of the results of the study shows that the further development of cooperation between Russia and Mongolia in all spheres of public life, the strengthening of political union, economic cooperation and cultural interaction can allow the Russian language to become one of the leading foreign languages in modern Mongolian society.

Key words:
Mongolia; Russian as a foreign language; language situation; sociolinguistics; expert survey.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’272(517.3)+811.161.1’26

Русский язык в повседневном дискурсе монголов (данные экспертного опроса)

© Цыбенова Ч. С., Жалсанова В. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Язык, как один из главных символов государства, представляет собой мощнейший фактор единения и консолидации народа. Именно такую функцию в странах социалистического мира на протяжении долгих лет выполнял русский язык. В период существования СССР его положение в этих странах, как известно, было особым. Он был значимой частью политической, экономической и социокультурной жизни, олицетворял собой идеологические ориентиры для общественного развития, создавал единое пространство для коммуникации в противовес миру капиталистическому и т. д. В настоящее время в большинстве стран постсоциалистического мира русский язык, к сожалению, не просто утратил свои доминирующие позиции, но и обрел статус языка врага, языка тирании. Несмотря на значительные изменения, происходящие на постсоветском пространстве, несколько иное положение русский язык занимает в современной Монголии.

Русский язык в Монголии имеет долгую историю, начавшуюся в XVII веке, связанную с геополитическими процессами в евразийском пространстве, с формированием российско-монгольско-китайского трансграничья. Он был языком военных, казаков, торговли и дипломатии. Вместе с освоением Россией огромного пространства на востоке началось и продвижение русского языка как важного фактора социального взаимодействия между русским и монгольскими народами. В XIX веке русский язык актуализировался как средство развития международной торговли в огромном Центрально-Азиатском регионе. В XX веке, после Октябрьской революции 1917 года в России и национально-демократической революции 1921 года в Монголии, на фоне идеи социализма сотрудничество между странами значительно укрепилось. Русский язык в советский период стал фактически вторым языком в стране. «Советские институты занимались не только и не столько распространением языка, сколько реализацией политических установок СССР. Фактически вся система образования в стране была выстроена по советскому образцу с учетом марксистской идеологии. Русский язык был необходим для развития экономики (так как Монголия зависела от поставок СЭВ), науки, потому что многие научные исследования попадали в страну в переводе с русского» [Михалев, 2010, с. 203].

CC BY

Было бы неверно утверждать исключительно идеологический контекст в распространении русского языка в Монголии. Он играл роль символа модернизации монгольского общества и значительных социальных изменений, трансформировавших его структуру. Знание русского языка было мощным социальным ресурсом, способным обеспечить вертикальную мобильность. После распада СССР связи между Россией и Монголией ослабли, как следствие, ухудшилось и положение русского языка в монгольском обществе. Данные изменения обусловлены сменой внешнеполитических ориентиров монгольского государства в постсоциалистический период, влиянием глобализации, характеризующейся развитием социальных связей и расширением взаимоотношений между различными странами и обществами, а также повсеместным распространением английского языка в социально-коммуникативных системах.

Таким образом, традиционные исторические связи России с Монголией влияли и влияют не только на экономическую, правовую, демографическую, но и на культурно-образовательную ситуацию. Соседство с Россией и состояние взаимосвязей с ней являются весомыми факторами, влияющими на состояние, перспективы, престиж и динамику развития русского языка в Монголии. Однако очевидно, что в последние три десятилетия удельный вес и престиж его изучения во многих соседних государствах, в том числе и в Монголии, претерпели значительные изменения. Общая тенденция в данных регионах заключается в том, что вектор приоритетов в изучении иностранных языков смещается в сторону английского языка. Поэтому актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа изменений, происходящих в сознании жителей Монголии относительно функционирования русского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В представленной статье рассматриваются результаты исследования, направленного на изучение положения русского языка в Монголии и комплекса факторов, обусловливающих его социальное бытование. К сожалению, из-за пандемии коронавирусной инфекции оказалось невозможным проведение полноценного социолингвистического исследования в виде массового опроса учащихся школ, студентов вузов, учителей и преподавателей. Поэтому весной-летом 2021 года было организовано интервью с экспертами в заочном формате. В качестве экспертов выступили монголы, владеющие русским языком, и граждане России, работающие в Монголии. Отбор участников осуществлялся двумя способами — *доступных случаев* и *снежного кома*. Гайд интервью направлялся экспертам по электронной почте. Всего было опрошено 24 человека. В обработку поступило

CC BY

17 интервью, остальные 7 признаны непригодными в силу поверхностных ответов. В итоге в экспертное сообщество в нашем исследовании было представлено следующим образом: 7 мужчин и 10 женщин, 4 человека в возрасте от 30 до 39 лет, 6 человек — 40—49 лет, 6 человек — 50—59 лет, 1 человек 72 лет, 9 человек, работающих в сфере образования, 4 — в сфере науки, 4 представляли бизнес, медицину, культуру. Гайд интервью состоял из 4 блоков вопросов, направленных на выявление состояния, проблем и перспектив русского языка в Монголии.

Несмотря на то, что заочный формат ограничил возможности для полноценного интервьюирования, полученные нами результаты представляются познавательными и позволяют делать научно обоснованные выводы. Тем не менее мы признаем, что исследование в силу ограниченных возможностей для реализации всех поставленных задач носило поисковый характер и необходимо проведение нового, более масштабного опроса, дополненного анализом статистических и документальных источников.

Каковы же современное состояние и перспективы развития русского языка в Монголии? Можно ли утверждать, что русский язык безвозвратно ушел из монгольского общества, или еще есть надежда на его возвращение? Несомненно, политические, идеологические инструменты играют свою немаловажную роль в поиске ответов на эти вопросы. Но подчеркнем, что осмысление данной проблемы посредством научного анализа, рационального по своей сути и лишенного конъюнктурности, чрезвычайно важно для преодоления субъективности и чрезмерной эмоциональности. Известный российский лингвист В. М. Алпатов совершенно справедливо отмечает, что «социолингвистика занимается функционированием языка, но не всяким, а тем, где люди вступают в общение. На существующие в разных обществах правила коммуникации налагаются ограничения, обусловленные спецификой данного общества. Представляется, что социолингвистика выделяется, в первую очередь, не по тематике и не по методам, а по интерпретации: либо исследуемое явление может быть объяснено социальными причинами, либо из него делаются социологические выводы» [Алпатов, 2020, с. 9]. В исследованиях языков, особенно их социальных статусов, позиций, а также перспектив их развития важно понимание того, что стремительные изменения в жизни меняют не только самого человека и его макро- и микроокружение, но и всю сферу коммуникации. А. В. Величко подтверждает нашу мысль, подчеркивая идею, что «связь понятий “язык” и “общество” является органичной и неразрывной» [Величко, 2021, с. 66]. В целом исследования положения русского языка в современном мире показывают их растущую актуальность, обусловленную утратой им своих позиций одного из ведущих мировых языков [Арефьев,

CC BY

2012]. И в то же время подчеркивается, что он обладает значительным потенциалом, который определяется его культурной ценностью, мощью и величием [Александрович и др., 2021].

Исторический анализ рассматриваемой проблемы позволяет существенно расширить исследовательскую оптику сведениями о том, как русский язык пришел в Монголию и какое место он занимал в ее образовательной сфере. Так, например, в статье Н. А. Свердловой и У. Энхбаатар выделены пять хронологических этапов от становления основ изучения русского языка в 1940-х годах до снижения к нему интереса в 2000-х годах. Внушает определенный оптимизм пятый этап, который авторы определили как период восстановления позиций активного изучения [Свердлова и др., 2015].

А. З. Бадмаев на основании данных монгольских исследователей доказывает, что ослабление позиций русского языка в социокультурном и образовательном пространстве стало возможным за счет продуманной политики других государств по популяризации языка и имиджа своих стран на фоне отсутствия таковой у России. По его мнению, происходит негативизация образа России в сознании современного молодого поколения Монголии, усугубляющаяся скудностью знания о стране и ведущая к падению интереса к русскому языку [Бадмаев, 2011]. В то же время следует отметить, что известный монголовед В. А. Родионов пишет о сохраняющемся положительном образе России не только в среде старшего и среднего поколения, но и среди молодежи. Он предполагает, «что для молодого поколения монголов, в основном не владеющих русским языком и не заставших эпоху социализма, положительный образ России определен не столько социалистическим прошлым, сколько текущими геополитическими установками. Суть этих установок сводится к тому, что северный сосед видится естественным (прежде всего, военным) противовесом Китаю как главному источнику вызовов и угроз национальной безопасности страны, что также можно отнести к исторически обусловленному образу России» [Родионов, 2020, с. 286]. Дополнение сугубо лингвистических и социолингвистических исследований историко-культурологическим и политологическим анализом позволяет понять взаимообусловленность процессов функционирования языка в конкретном обществе, помимо прочего, и социальными изменениями, происходящими в нем в конкретные исторические периоды. Русский язык на сегодняшний день играет важную роль в продвижении России и ее культуры в современном монгольском обществе, действуя как один из элементов так называемой «мягкой силы».

Продвижение русского языка должно представлять собой не просто отдельные мероприятия по его популяризации. Необходимо вести комплекс-

CC BY

ную работу с привлечением государственных и общественных организаций, обеспечить условия для качественного преподавания в образовательных учреждениях и в целом способствовать созданию системы по поддержке и развитию русистики в Монголии. Т. В. Бронская отмечает «три приоритетных направления: мероприятия, способствующие повышению уровня педагогического мастерства монгольского Учителя русского языка, проблемы, связанные с Учебником как главным инструментом учебного процесса, а также вопросы, связанные с главным объектом обучения — Учеником» [Бронская, 2015, с. 170]. О необходимости повышения роли информационно-образовательной среды в изучении русского языка монгольскими студентами пишут Б. Нарантангулаг и Л. Н. Рулиене [Нарантангулаг и др., 2016]. Опыт использования общественных связей в продвижении российского образования в Монголии описан в статье Т. Ч. Будаевой [Будаева, 2021]. Представляется интересной идея внедрения федеральных долгосрочных волонтерских программ по преподаванию русского языка как иностранного за рубежом [Кольцов и др., 2022]. Известный монгольский русист С. Эрдэнэмаам подчеркивает важность разработки новейших методик преподавания русского языка с учетом языковых и культурных особенностей монголов [Эрдэнэмаам, 2014]. Еще одним аспектом в работе по продвижению русского языка становится его растущая востребованность в дошкольном образовании. «Беда только в том, что не хватает воспитателей, нет пока еще государственной поддержки, мало делается для методического обеспечения дошкольного образования на русском языке» [Коваленко, 2014, с. 200].

Обзор публикаций по исследуемой проблеме показывает, что русский язык в Монголии является объектом внимания как отечественных, так и монгольских исследователей. Из последних работ, посвященных данной теме, следует отметить исследования социолингвистической и лингвокультурологической направленности, доказывающие важность применения социометрических методов при изучении степени владения русским языком за пределами России [Дэлэгням и др., 2019; Дмитриева, 2016; Дырхеева, 2019]. Действительно, социологический ракурс позволяет проследить связь между историческим развитием русского языка в Монголии и теми радикальными социальными изменениями, которые произошли в монгольском обществе и в окружающем его мире за последние тридцать лет.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Современное положение русского языка в Монголии глазами респондентов

Русский язык не сохранил свои позиции в монгольском обществе, которые были присущи ему в социалистический период. Учитель русского

CC BY

языка из Улан-Батора Нямжав Нямдаваа в своем эссе на XIX Международном Пушкинском конкурсе «Российской газеты» вынуждена с горечью констатировать, что «золотые времена конца 40-х годов прошлого века, когда русский изучался во всех школах страны по 4—5 часов в неделю, или конца 70-х, когда был создан Педагогический институт русского языка, выпустивший за 10 лет своего существования 1847 учителей-русистов, ушли в прошлое» [Русист …, 2019].

В интервью ИА REGNUM, данном в 2016 году, профессор кафедры русского языка Монгольского государственного университета образования, генеральный секретарь Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Сосорбарам Эрдэнэмаам приводит данные социологического исследования, согласно которым «уже к середине 1990-х годов прошедшего столетия 67 % всего взрослого населения … умели читать и понимать по-русски, почти половина населения могла писать по-русски, а 34 % даже говорили по-русски. Более того, 74 % с различной периодичностью так или иначе использовали этот язык в своей жизни…. Сегодня русский язык … уже почти забыли» [Интервью С. Эрдэнэмаам…, 2016].

Ответы экспертов также подтверждают тезис об утрате русским языком позиций, достигнутых в советский период[1]:

Русский язык постепенно теряет свои позиции в Монголии (мужчина, 72 года, бизнес).

Позиции средние, интерес значительно угас в последние 20 лет, но окончательно не теряет свои позиции (женщина, 40 лет, образование).

Русский язык теряет свое доминирующее положение и становится одним из тех языков, которые интересуют только любителей (мужчина, 32 года, наука).

Я считаю, что исчезает позиции (женщина, 36 лет, образование).

Русский язык ретируется (женщина, 40—50 лет, образование).

Положение русского языка в Монголии двойственное. Он еще не исчез, но исчезает (мужчина, 57 лет, бизнес).

Русский язык был вторым языком. Почти все его учили в школе. Многие его выучили, когда учились в Союзе. Благодаря русскому языку монголы смогли приобщиться к мировой культуре. Почти все переводы художественной литературы были сделаны с русского перевода, который был очень качественный. Наука в Монголии развивалась благодаря знанию русского языка, так как почти все ученые Монголии так или иначе получали

1 Здесь и далее при цитировании ответов сохранены орфография и пунктуация источников — ответов респондентов. Рядом в скобках указаны пол, возраст и сфера деятельности экспертов.

CC BY

образование в Союзе. Сейчас русский язык конечно теряет свои позиции (женщина, 53 года, образование).

Русский язык еще нужен Монголии. Россия наш сосед и причем дружественный. Язык соседа надо знать (мужчина, 48 лет, образование).

Русский язык еще интересен в Монголии, так как наша страна сохраняет интерес и уважение к России (мужчина, 47 лет, наука).

Конечно русского языка в Монголии почти не стало. Причин много. Советский Союз был очень заинтересован в Монголии. Нас даже называли шестнадцатой республикой. И конечно мы не могли изучать другие языки, только русский. Теперь когда нет СССР нет и русского языка (женщина, 51 год, медицина).

Русскому языку в Монголии сейчас некомфортно для развития. Нет таких благоприятных условий как было раньше, когда был Советский Союз. Тогда через русский язык в Монголии пришла новая культура. Образование для широких масс людей стало доступным и многое изучалось через русский язык. Сейчас нельзя сказать что русский язык исчезает. Он просто стал меньше распространен (женщина, 56 лет, образование).

Основные причины утраты позиций, по мнению респондентов, заключаются в развале Советского Союза и поиске Монголией новых внешнеполитических партнеров в лице развитых западных и азиатских стран. Не менее значимым фактором становится глобализация, несущая с собой доминирование английского языка в мировом сообществе. Действительно, формирование новой демократической идеологемы на фоне уменьшения экономических и политических контактов между двумя странами способствовало поиску Монголией новых векторов внешнеполитического развития. Основной внешнеполитической стратегией Монголии стало развитие сотрудничества с внерегиональными странами, условно названными «третьим соседом». Это позволило Монголии существенно активизировать взаимодействие с развитыми странами, в первую очередь с США [Родионов, 2017].

В новых условиях русский язык перестает быть доминирующим иностранным языком. Как известно, «свято место пусто не бывает». Как отмечает В. И. Терентьев, «страна постепенно отходит от необходимости изучать язык “северного соседа” (традиционное именование монголами России) для того, чтобы отворять “окно в мир”. К английскому, как к языку международного общения, добавляются ныне государственные языки активных азиатских партнеров Монголии — КНР, Южной Кореи и Японии» [Тереньтев, 2017, с. 57]. По мнению Давыда Мунгуншагай, языковые приоритеты и государственная языковая политика в Монголии определяются не только дипломатическими отношениями, но и объемами инвестиций в экономику: «Установление Монголией дипломатических отношений с США

CC BY

в 1987 году, с Республикой Корея в 1990 году, а также введение безвизового режима с КНР способствовали привлечению новых инвестиционных потоков. Если такое распределение инвестиций сохранится и далее, китайский, английский и корейский языки, уже в настоящее время занимающие в поле языкового потребления в Монголии доминирующее положение среди иностранных языков, будут и дальше вытеснять из него русский язык» [Давыд Мунгуншагай, 2016, с. 247]. В своих ответах опрошенные нами респонденты отмечают этот фактор:

Любая страна ищет свою выгоду. Монголия ищет партнеров по всему миру и конечно в новых условиях английский язык популярнее и нужнее. Поэтому русский язык уходит, приходит английский, китайский, японский, корейский. (мужчина, 35 лет, образование).

С одной стороны очень жаль и даже обидно, что русский язык уходит. С другой стороны идет глобализация и она несет английский язык. (мужчина, 32 года, наука).

В современном мире английский язык стал главным языком общения и монголам надо изучать прежде всего этот язык. (мужчина, 57 лет, бизнес).

Русский язык перестает быть интересным молодежи. Если знаешь английский язык, то перед ними открывается весь мир. Русский язык ограниченнее для развития. Если бы он сохранялся как язык для изучения в школах ситуация была бы лучше. Но в школах его почти перестали изучать (мужчина, 47 лет, наука).

В современном мире популярен английский. Не зная этого языка ты становишься ограниченным. Монголия также активно сотрудничает с Японией. У нас много совместного бизнеса с японцами. Наши сумоисты самые лучшие сумоисты в Японии. Поэтому многие дети учат японский и учатся в Японии. (женщина, 49 лет, культура).

Монголам русский в принципе уже не нужен. Английский является главным языком для получения информации, продолжения образования, трудоустройства. Затем китайский — Китай главный торговый партер, большой инвестор и т. д. (мужчина, 47 лет, наука).

Английский и Китайский язык даёт очень много экономической возможности, а русский язык даёт не так уж много возможности. (мужчина, 35 лет, образование).

Как отмечает Хаш-Эрдэнэ С. в своей статье о русском языке как факторе сохранения этнокультурного пространства России и Монголии, «в результате массового оттока русскоязычных специалистов и военных из Монголии после распада СССР в 1991 году, а также как следствие разрыва торгово-экономических связей между странами бывшего соцлагеря, количество русистов в Монголии резко сократилось в 1990-е годы. Офи-

CC BY

циальные власти страны также предпочли несколько дистанцироваться от русского языка из-за временного падения его экономической ценности. С 4-го класса было введено обязательное изучение английского, резко увеличилась, опять же по экономическим причинам, популярность китайского языка» [Хаш-Эрдэнэ, 2016, с. 301]. Эта мысль подтверждается рассуждениями нашего эксперта (мужчина, 37 лет, образование): «*Действительно, русский язык был самым распространенным иностранным языком в Монголии. Но стоило исчезнуть Советскому Союзу с его идеологическим влиянием и экономическим сотрудничеством, как Монголия сразу изменила свои внешнеполитические векторы, устремив свой взор на более развитые государства Запада и Азии. Естественно, что поменялись и языковые предпочтения. Русский язык однозначно сдал свои позиции. Его не преподают в школах. Нет того русскоязычного культурного пространства в Монголии, которое было раньше. Из языка, используемого в науке, дипломатии, образовании, в военном деле, русский язык становится узколокализованным, использующимся среди небольшой группы людей когда-то его изучавших, и учившихся на нем*».

В качестве одной из причин сложившегося положения некоторые эксперты отмечают также недостаточно активную позицию самой России по продвижению и поддержке русского языка в Монголии. Приводятся сравнения с другим соседом Монголии — Китаем, который более активен в продвижении своих интересов во всех сферах общественной жизни, в том числе культурной и языковой.

Если сравнить политику России и политику другого монгольского соседа — Китая, то выводы будут не в пользу нашей страны. При том, что уровень недоверия к Китаю в монгольском обществе выше, усилия Китая по популяризации себя в Монголии гораздо эффективнее. Хотя территориальная близость и высокий уровень доверия качеству российского образования могли бы стать факторами повышения интереса к российскому высшему образованию. Но, в Монголии практически не осталось российских вузов. Усилий РЦНК я считаю недостаточно, хотя он активизировался в последние годы. Если российские вузы, российский бизнес и крупные корпорации обратят внимание на Монголию, то монголы сразу же переориентируются в своих языковых предпочтениях. Меня всегда удивляет и восхищает мобильность монгольского народа. Сейчас же, к сожалению, остается констатировать, что тех кто предпринимает усилия по сохранению русского языка в Монголии очень мало, действия их разрозненные, нет целенаправленной стратегической работы со стороны РФ. Зачем Монголии биться за чужой ей русский язык? (мужчина, 37 лет, образование).

CC BY

У Монголии сложные отношения с Китаем, но Китай пришел в наш бизнес, знать китайский язык выгодно и нужно (женщина, 49 лет, культура).

Еще молодежь предпочитает изучать китайский язык, так как Китай дает большие возможности по учебе в своих университетах (мужчина, 47 лет, наука).

Россия сам виновата что русский язык перестал быть распространенным в Монголии. Она мало уделяет внимания Монголии, хотя мы ей дружественная страна…. Россия мало уделяет внимание сотрудничеству с Монголией. Например, если бы бизнес российский работал в Монголии и монгольский бизнес работал в России русский язык был бы выгоднее (женщина, 51 год, медицина).

Российской стороной в Монголии (посольство, РЦНК) предпринимается очень мало для сохранения интереса. Проводимые ими мероприятия формальные, приурочены к праздникам или юбилеям, но создается впечатление, что постоянной работы нет (женщина, 56 лет, наука).

Таким образом, следует признать, что положение русского языка в Монголии на деле не такое однозначное. Доминирующим иностранным языком в Монголии сегодня является английский язык. Все более социально перспективными и престижными для монголов становятся китайский и корейский языки. Как отмечает В. А. Родионов, «сокращение экономических, научно-образовательных, культурных связей между Россией и Монголией на фоне расширения контактов со странами Запада и Востока снизило ценность и практическую значимость русского языка в глазах монгольского общества» [Родионов, 2020, с. 286]. Исследование Ю. Г. Григорьевой, посвященное монгольской образовательной миграции в Южную Корею, показало, что в период с 2005 по 2019 годы произошло десятикратное увеличение количества студентов из Монголии [Григорьева, 2020]. Тем не менее, несмотря на возрастающую конкуренцию со стороны других языков и ослабление собственных позиций русский язык окончательно не исчез из социокультурного, политического, экономического пространства монгольского общества. Многие исследователи склонны признавать, что русский язык продолжает занимать свою нишу, в основном в образовательной сфере, и многие современные монголы не утратили к нему интереса [Русский язык…, 2021; Цэцэгмаа, 2012]. Отмена в 2014 году визового режима между Россией и Монголией также способствовала возникновению запроса на русский язык [Михалев, 2018].

3.2. Перспективы развития русского языка в Монголии

Русский язык в современной Монголии оказался в двойственной позиции. Терентьев В. И. справедливо отмечает: «В настоящее время сложно дать однозначный ответ на вопрос: снижается ли у монголов интерес к изу-

CC BY

чению русского языка или нет? При первом знакомстве с ситуацией может сложиться впечатление, что русский язык теряет свои прежние позиции, а нынешних образовательных ресурсов явно недостаточно для удовлетворения желания монголов разных возрастных категорий изучать его. Подобное восприятие возникает, если оценивать современную социокультурную ситуацию в Монголии с позиции традиций советско-монгольской дружбы. Но эта риторика сегодня теряет свою актуальность и значимость, а отношения между нашими странами выстраиваются на паритетных началах в рамках равноправного диалога, именуемого в межгосударственных соглашениях "стратегическим партнерством"» [Терентьев, 2017, с. 57]. Можно лишь сделать вывод о том, что, с одной стороны, русский язык ослабил свои позиции, с другой стороны продолжает сохранять свое присутствие в Монголии. В этой двойственности, на наш взгляд, заложены две перспективы: либо продолжится процесс дальнейшего ослабления русского языка в монгольском обществе, либо он получит возможность для своего возращения в Монголию в качестве популярного и востребованного иностранного языка.

В ходе опроса экспертов мы попытались выявить, какие же факторы способствуют сохранению присутствия русского языка в Монголии.

Хотя русский язык постепенно исчез в массах, насколько мне известно, он широко используется в научном сообществе. (женщина, 40 лет, образование).

Русский язык теряет с одной стороны свою масштабность, с другой стороны люди, которые хорошо освоили русский язык, востребованы. Другими словами, русский язык конкурирует наравне с другими языками. Знание иностранных языков помогает людям овладеть не только межкультурными компетенциями, но и возможностями себя развивать дальше. В Монголии есть поговорка "есть язык, есть и ноги" /хэлтэй бол хөлтэй/. (женщина, 44 года, наука).

В российских школах и те которые работают с русскими (женщина, 36 лет, образование).

Существование средних школ с преподаванием на русском языке… Русскоязычные люди способствует сохранению русского языка. (женщина, 51 год, медицина).

Как мы видим в качестве одного из основных факторов, способствующих удержанию русским языком своих позиций, эксперты отмечают сферу образования. Русский язык продолжает преподаваться в монгольских школах. Однако ситуация с русским языком в образовательной сфере Монголии неоднозначна. Например, в специализированных школах русский язык является предметом и языком обучения (совместная Монголо-

CC BY

Российская средняя школа, общеобразовательная школа при посольстве России в Монголии; школа при Улан-Баторском филиале Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова). Дети в этих школах обучаются по российским стандартам, получают аттестаты российского образца. Между тем обучение в этих школах доступно только ограниченному количеству монгольских детей. К примеру, школа при посольстве РФ отдает приоритет при поступлении детям сотрудников. Русский язык по выбору (первый или второй иностранный язык) учат и в средних школах с углубленным изучением иностранных языков (№ 18, № 23, школа № 33 имени города-героя Москвы). Кроме того, его преподают в частных школах, которые в большинстве своем являются учреждениями начальной ступени («Русская гимназия», «Русский лицей», «Кириллица», «Радуга», «Орчлон», «Hobby School», «Галакси»). Курсы русского языка функционируют и в учреждениях дополнительного образования (например, филиалы Центра русского языка при РЦНК). Относительно функционирования русского языка в школах отметим, что во всех монгольских средних общеобразовательных учреждениях он преподается как второй иностранный язык в качестве обязательного предмета с 7 по 9 классы. На дальнейшей ступени (с 10 по 12 классы) его изучают как факультативную дисциплину. Для того чтобы сформировать группу по изучению русского языка, необходимо набрать 15 учащихся. В условиях низкой мотивации к изучению русского языка такие классы иногда набрать затруднительно. Следует отметить, что русский язык более интенсивно функционирует в столичном округе, в приграничных с РФ западных районах (Баян-Улэгэйский, Селенгинский и др.), в некоторых городах, где ранее функционировали совместные монголо-российские предприятия (г. Дархан, г. Эрдэнэт).

Сфера образования в целом и преподавание иностранных языков определяются состоянием языковой политики в государстве. С. Эрдэнэмаам отмечает, что она «так или иначе оказывает сильнейшее влияние на выбор гражданами того или иного иностранного языка… выбор того или иного иностранного языка в качестве обязательного языка для изучения в учебных заведениях всех ступеней, безусловно, является вопросом политическим. И его сущность может на сто восемьдесят градусов измениться в зависимости от того, какая партия приходит в очередной раз к государственной власти» [Интервью С. Эрдэнэмаам…, 2016].

Второй фактор — это те специалисты, которые получили высшее образование в Советском Союзе. Благодаря им сохраняется культурный мост между нашими странами.

Есть много жителей Монголии, дети которых учатся в разных регионах России, так как они сами там учились, есть среднеобразовательные

CC BY

школы, в которых учат на русском языке. Все это не может исчезнуть, это продолжается и развивается. (мужчина, 72 года, экономика).

Старшее поколение, которое училось в бывшем Советском Союзе, в разговоре между собой использует русские слова и обороты. И большинство из них хотят, чтобы их дети и внуки знали русский язык, они посылают их в русские школы, на учебу в Россию. (мужчина, 48 лет, образование).

Между тем следует признать, что социальная база русского языка в лице выпускников советских и российских вузов на фоне других монголов, получивших и получающих образование в университетах США, европейских стран, Японии, Австралии, Южной Кореи, Китая, постепенно уменьшается. Связи между Россией и Монголией сегодня менее интенсивны по сравнению с советским периодом, заметно сократилось и русскоязычное информационное пространство.

Как язык общения пропадает даже между выпускниками русских/советских школ. В обществе используется фрагментально: два-три слова здесь, фраза там. (мужчина, 47 лет, наука).

В Монголии есть много людей старшего и среднего поколения, у которых сегодня почти нет возможностей получить полную информацию в виде СМИ, печатных материалов, как книги и журналы (прим. на русском языке.) (женщина, 55 лет, образование).

В. И. Терентьев приводит сравнительные данные о количестве русскоязычных и англоязычных изданий в Монголии, по которым видно насколько сильно отстают первые. «В Монголии издаются только две газеты на русском языке: официальная “Новости Монголии”, издаваемая МОНЦАМЭ (национальным информационным агентством), и частная еженедельная “Монголия сегодня”. Газеты распространяются практически только по подписке. С 2012 года перестал выходить ежемесячный цветной иллюстрированный журнал на монгольском языке о России “Северный сосед” (“Умард хорш”). А вот на английском языке в Монголии постоянно выходит около десяти печатных изданий. Кроме издаваемой МОНЦАМЭ Mongolia Today, это еженедельные газеты — The Mongol Messenger, The UB Post и Business Times, журнал Mongol Mining и др. Помимо этого, с середины 2015 года в Улан-Баторе стала выходить на монгольском языке переводная версия газеты The New York Times. Здесь множество выпускаемых различными компаниями информационных брошюр, журналов и сборников делового, экономического и туристического характера, часть из которых адресована самим американцам и европейцам. Аналогичная ситуация доминирования англоязычной литературы заметна и в книжной сфере» [Терентьев, 2017, с. 59].

Третий фактор — это дружба между Россией и Монголией, это общая память, наполненная доброжелательным контекстом. Монголия не про-

CC BY

сто территориальный сосед России. Это его стратегический партнер, поддерживавший его в сложные периоды истории. Современная Монголия продолжает сохранять высокий уровень доброжелательности и доверия по отношению к российскому государству, русскому миру, в частности, и к российскому миру в целом. Это подтверждается высказываниями наших респондентов.

Так как Монголия имеет давние дружеские отношения с Россией, то русский язык будет востребован и в будущем. Специалисты из разных областей используют материалы на русском языке, есть магазины, которые продают русские товары. (мужчина, 57 лет, бизнес).

Сохранению русского языка способствуют: географическое положение, давняя дружба наших стран, ведение русского языка в образовательных учреждениях, положительное отношение монголов к России, российскому народу. (мужчина, 37 лет, образование).

Я бы не сказал, что русский язык исчезает. Этот язык нам нужен и важен, потому что мы — вечные соседи. В ответ на первый вопрос я уже сказал, что между нашими народами мало стало человеских отношений. Культурные и общественные связи должны быть шире, особенно среди детей и молодёжи. Между нашими народами и государствами есть многое, чем можно гордиться. (мужчина, 57 лет, бизнес).

Очевидно, что и этот фактор может ослабнуть. Носителей памяти о дружбе между нашими странами и народами становится меньше. Молодежь, ориентированная на другие страны Запада и Востока, не имеет глубоких знаний о России. Практически все респонденты единодушны в своем мнении о том, что Россия «уходит» из Монголии, не прилагает должных усилий по укреплению своих позиций. Россия теряет свои позиции в торговле, бизнесе на монгольском рынке. Русский язык утрачивает связь с экономической выгодой.

В советское время отношения между Монголией и Россией развивались на более высоком уровне, в том числе культурные отношения были тесно связаны. Сейчас такого нет. (женщина, 53 года, образование).

Идет прозападное влияние на протяжении многих лет, молодежь почти вся знает английский язык и стремиться уехать в англоязычные страны. (женщина, 56 лет, наука).

По моему мнению России тоже надо активно работать по распространению русского языка. Например, как сейчас хорошо работает над этим КНР. (женщина, 53 года, образование).

Раньше русский был нужен для получения качественного высшего образования, карьеры, в отсутствие монгольских переводов был окном в мир мировой литературы и т. д. Это всё в прошлом. Люди не будут учить

CC BY

язык, или отдавать детей в российские школы из за сентиментальных соображений. (женщина, 40 лет, образование).

Русский язык в Монголии не имеет широкой инструментальной поддержки, характерной для советского периода. На сегодняшний день единственным органом, обеспечивающим продвижение русского языка на межгосударственном уровне, является Россотрудничество и представляющий его Русский дом в Улан-Баторе. Наши эксперты озвучили противоречивые мнения по поводу его деятельности.

Русский дом в Монголии с прошлого года очень активно поддерживает открытием Русских Центров, курсами, мероприятиями. 3 марта 2021 года на базе нашего (прим. Финансового университета) университета открыли Центр русского языка при поддержке Русского дома в Монголии при Россотрудничестве (женщина, 40 лет, образование).

По моему мнению РЦНК, Общество Монголо-Российкой дружбы, МАВСУЗ (Монгольская ассоциация выпускников вузов России и Советского союза), учёные, преподаватели русского языка, русские школы, Фонд "Русский мир" предпринимают усилия по сохранению русского языка в Монголии. (женщина, 55 лет, образование).

Российской стороной в Монголии (посольство, РЦНК) предпринимается очень мало для сохранения интереса. Проводимые ими мероприятия формальные, приурочены к праздникам или юбилеям, но создается впечатление, что постоянной работы нет. (женщина, 56 лет, наука).

В. И. Терентьев, оценивая работу РЦНК, отмечает ее недостаточность, и в то же время именно Русский дом фактически остается единственным центром укрепления позиций русского языка в Монголии: «Культурной работы только РЦНК явно недостаточно, она ориентирована, в первую очередь, на общество "советских монголов", официальных лиц (сотрудников дипкорпуса) и российских соотечественников, постоянно проживающих в Монголии, и уже во вторую очередь — на рядовых граждан страны. Из монгольских детей в его деятельность вовлечены те, чьи родители планируют в дальнейшем их обучение в России. Вместе с тем, РЦНК играет большую роль в пропаганде русского языка в аймаках. Регулярно организовываются праздники и олимпиады по русскому языку, победители которых получают право на бюджетное обучение в одном из российских вузов» [Терентьев, 2017, с. 59]. На наш взгляд, Русский дом в Улан-Баторе ведет огромную работу при нехватке человеческих и материальных ресурсов в отличие от похожих представительств других государств.

Продвижение русского языка должно вестись параллельно, как с российской, так и с монгольской стороны. С. Эрдэнэмаам склонен отрицательно оценивать усилия политической элиты Монголии по распространению

CC BY

и развитию русского языка в своей стране: «… Буквально у каждого нашего парламентария русский язык либо является первым, либо вторым иностранным языком… весь Кабинет министров в той или иной мере владеет русским языком. Абсолютное большинство членов как парламента, так и правительства учились в бывшем Советском Союзе. Отсюда волей-неволей возникает вопрос: почему же они могут знать русский язык и использовать его в своей жизнедеятельности, а молодые поколения, благодаря их недальновидной политике, должны быть лишены такой возможности?» [Интервью С. Эрдэнэмаам…, 2016].

Перспективы русского языка в Монголии зависят также от состояния российско-монгольских отношений на глобальном и межгосударственном уровнях. В современном мире зона российско-монгольского трансграничья играет важную роль в геополитических процессах, установлении экономических коридоров в евразийском пространстве. В этих условиях необходимо развивать дальнейшее сотрудничество между Россией и Монголией в сфере политики, экономики, культуры, образования и науки с использованием всего комплекса гуманитарных и социокультурных мер. Важно помнить, что дипломатия — это не только межгосударственное взаимодействие на уровне политических институтов, не только обеспечение военного и экономического сотрудничества. Значимым фактором, обеспечивающим содружество российского и монгольского государств, может стать русский язык.

В целом же, оценивая перспективы русского языка в Монголии, мы не можем сейчас дать однозначной положительной или отрицательной оценки. Тем не менее на данный момент исторического развития отношения между нашими государствами, несомненно, развиваются в сторону воссоздания традиций дружбы и сотрудничества и в целом укрепления добрососедских отношений. При сохранении нынешнего курса внешнеполитических отношений и активизации политики по популяризации русского языка, выработки комплексных мер по его распространению во всех сферах монгольского общества перспективы могут обрести вполне позитивное звучание.

В качестве подтверждения нашего вывода по данному разделу приведем два мнения наших респондентов. Одно из них эмоционально, похоже на крик души и показывает, что Россия и русский язык все еще любимы в Монголии. Второй отражает рациональный взгляд и комментарий относительно условий для его сохранения и развития в социальном пространстве Монголии.

Я очень надеюсь, и даже мечтаю о том, что русский язык стал более популярным в Монголии, что в наших школах, вузах этот язык стал обя-

зательным предметом в программе. И это будет хорошим мостом распространения русского языка в Монголии. (женщина, 55 лет, образование).

Перспектива изучения русского языка всегда будет, если только на это будут обращать внимание. Если какой то язык исчезнет, значит, никаких отношений или связей не будет. Такого не может быть. Поэтому государственные, торгово-экономические и культурные связи надо расширять, несмотря ни на что. (мужчина, 72 года, экономика).

4. Заключение = Conclusions

Русский язык в современном мире продолжает оставаться одним из самых распространенных языков. В то же время распад социалистической системы и растущая глобализация способствовали утрате им своего статуса одного из ведущих иностранных языков во многих странах. Выбор Монголии в качестве объекта исследования обусловлен тем, что она демонстрирует некоторые отличительные особенности по отношению к русскому языку. На сегодняшний день она является фактически единственным постсоциалистическим государством, где не наблюдается антироссийская риторика. Несмотря на смену приоритетов в языковой политике в сторону английского языка и рост интереса в обществе к китайскому и корейскому языкам, сохраняется ниша для функционирования русского языка. Поэтому обращение к проблеме современного положения русского языка и перспектив его развития в соседнем государстве своевременно и актуально.

Нами планировалось проведение масштабного социолингвистического исследования в форме опроса учащихся общеобразовательных школ, студентов вузов, учителей и преподавателей. Выбор социолингвистического ракурса к исследуемой проблеме был обусловлен тем, что ее набор теоретико-методологических подходов и исследовательских приемов представляется наиболее подходящим научным направлением, способным внести свой вклад в изучение языковой ситуации, выявить специфику этноязыковых контактов и мотивацию основных участников языковых процессов. Пандемия коронавирусной инфекции внесла коррективы в исследовательские задачи, поэтому был проведен опрос экспертов в лице русскоговорящих монголов, представлявших разные группы населения и россиян, живущих в Монголии. В представленной статье приведены данные интервью с 17 респондентами, отобранных методом *доступных случаев* и *снежного кома*.

Проведенное исследование позволило нам выявить группу факторов, ведущих к ослаблению позиций русского языка в монгольском обществе. Во-первых, это изменение внешнеполитических приоритетов Монголии, поиск ею новых партнеров среди стран Запада и Востока. Во-вторых, снижение влияния России, ослабление торгово-экономических, культурных и

CC BY

образовательных связей между нашими странами. В-третьих, это процессы глобализации, в орбиту которых активно вовлечена Монголия. Тем не менее, несмотря на сужение сфер функционирования русского языка в Монголии, мы отмечаем, что его социокультурный потенциал в монгольском обществе не исчерпан. Сохранению им жизнеспособности в условиях стремительно изменяющейся Монголии способствует образовательная сфера. Русские школы и российское образование признаются многими монголами как высококачественные, дающие глубокие знания. Фактически на сегодняшний день сфера образования, как школьного, так и вузовского, остается единственной, где еще функционирует русский язык, пусть даже в усеченном объеме, несравнимом с советским периодом. В монгольском обществе сохраняют свою востребованность специалисты с советским и российским образованием, которые в свою очередь становятся проводниками мер по защите интересов русского языка. И одним из значимых факторов, способствующих сохранению интереса к русскому языку или по крайней мере отсутствию негативных выпадов в его сторону, остается общая историческая память, основанная на дружбе и доверии. Подтверждением может служить 2021 год — год столетия установления дипломатических отношений между Россией и Монголией, который был наполнен рядом научных, культурных и политических мероприятий, свидетельствующих о сохранении памяти о добрососедских отношениях и направленных на их дальнейшее развитие.

Подводя итог, мы подчеркиваем важность защиты интересов русского языка в Монголии и его популяризации в монгольском обществе как части языковой политики всего Российского государства. Необходимо развивать сотрудничество между нашими странами в экономике, политике, культуре, науке и образовании. Взаимодействие во всех сферах общественной жизни станет залогом превращения русского языка в один из ведущих иностранных языков в современной Монголии.

Источники

1. *Русист* : в Монголии выросло целое поколение, не знающее русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rg.ru/2019/06/11/rusist-v-mongolii-vyroslo-celoe-pokolenie-ne-znaiushchee-russkogo-iazyka.html (дата обращения 20.04.2022).

2. *Интервью С. Эрдэнэмаам*. Русский язык в Монголии угасает при отсутствии политических усилий [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://regnum.ru/news/polit/2173654.html (дата обращения 20.04.2022).

Литература

1. *Александрович В. Ю.* Роль русского языка в современном мире / В. Ю. Александрович, Е. Ю. Козлова // Язык и социальная динамика. — 2021. — № 12—2. — С. 40—45.

2. *Алпатов В. М.* Социолингвистика и другие лингвистические дисциплины / В. М. Алпатов // Социолингвистика. — 2020. — № 1 (1). — С. 9—16.

3. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX—XXI вв. / А. Л. Арефьев. — Москва : Центр социального прогнозирования и мониторинга, 2012. — 482 с. 1 CD ROM. — ISBN 978-5-906001-12-2.

4. *Бадмаев А. З.* Образ России и русский язык в Монголии : от советсткого наследия к современности / А. З. Бадмаев // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 127—134.

5. *Бронская Т. В.* Триада «Учитель — Учебник — Ученик» в аспекте деятельности Центра русского языка при Российском центре науки и культуры в Монголии / Т. В. Бронская // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т., Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 года / Гранадский университет; фонд «Русский мир». — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. — С. 170—175. — ISBN 978-5-9906636-0-2.

6. *Будаева Т. Ч.* Опыт использования общественных связей в продвижении российского образования в Монголии / Т. Ч. Будаева // Педагогика : история, перспективы. — 2021. — Т. 4. — № 1. — С. 44—58. — DOI: 10.17748/2686-9969-2021-4-1-44-58.

7. *Величко А. В.* Изменения в русском языке современного периода и языковая политика / А. В. Величко // Русский язык в современном мире : настоящее и будущее : сборник статей / РАН. ИНИОН Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания ; отв. ред., ред.-составитель Раренко М. Б. — Москва : [б. и.], 2021. — С. 66—81. — ISBN 978-5-248-00982-4.

8. *Григорьева Ю. Г.* Монгольская образовательная миграция в Южную Корею / Ю. Г. Григорьева // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. — 2020. — Выпуск 3. — С. 11—17.

9. *Дмитриева Л. М.* Русский язык в Ближней Монголии / Л. М. Дмитриева // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. — 2016. — № 4—1. — С. 138—143.

10. *Дырхеева Г. А.* О некоторых социолингвистических проблемах в современной Монголии / Г. А. Дырхеева // Предложение как единица языка и речи. Всероссийский научный симпозиум (с международным участием) : Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. — Новосибирск : Академиздат, 2019. — С. 174—176.

11. *Дэлэгням Н.* Место русского языка в Западной Монголии : перспективы функционирования / Н. Дэлэгням, Л. М. Дмитриева // Вестник Ошского государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 96—101.

12. *Коваленко А. Г.* О компетентности учителей русского языка в Монголии : дни русского языка и научно-методические мероприятия / А. Г. Коваленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : вопросы образования. Языки и специальность. — 2014. — № 4. — С. 198—201.

13. *Кольцов И. А.* Повышение эффективности работы волонтеров — носителей языка по поддержке русского языка как иностранного за рубежом / И. А. Кольцов, Е. А. Кириченко, М. Алтансувд // Kant. — 2022. — № 1 (42). — С. 235—241. — DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.45.

14. *Михалев А. В.* Русский мир на окраине Азии : политика в условиях институциональной ассиметрии / А. В. Михалев // Политика и общество. — 2018. — № 10. — С. 53—63. — DOI: 10.7256/2454-0684.2018.10.27617.

15. *Михалев А. В.* Русский язык в политическом пространстве постсоциалистической Монголии / А. В. Михалев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — Т. 6. — № 2. — С. 198—212.

16. *Мунгуншагай Д.* Русский язык в Монголии : состояние и перспективы / Д. Мунгуншагай // Россия и Монголия : историческая и социокультурная динамика : материалы Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 30 сентября 2016 г.). — Улан-Удэ : Издательство Бурятского университета, 2016. — 254 с.

17. *Нарантангулаг Б.* Изучение русского языка в Монголии : вызов времени / Б. Нарантангулаг, Л. Н. Рулиене // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. — 2016. — № 3. — С. 50—54.

18. *Родионов В. А.* «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В. А. Родионов, И. Г. Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 420. — С. 125—130. — DOI: 10.17223/15617793/420/17.

19. *Родионов В. А.* Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии : текущее состояние и потенциал использования / В. А. Родионов // Власть. — 2020. — № 2. — С. 282—291. — DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7169.

20. *Русский язык* в системе образования Монголии : состояние, динамика, проблемы / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова, Саранцацрал Цэрэнчимэд, Энхбат Дашдондог // Социолингвистика. — 2021. — № 1 (5). — С. 31—48. — DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48.

21. *Свердлова Н. А.* Русский язык : история и перспективы изучения в Монголии / Н. А. Свердлова, У. Энхбаатар // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. — 2015. — № 2 (18). — С. 34—40.

22. *Терентьев В. И.* Русский язык в Монголии сегодня / В. И. Терентьев // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 9 (722). — С. 56—60.

23. *Хаш-Эрдэнэ С.* Русский язык как фактор сохранения этнокультурного пространства России и Монголии / С. Хаш-Эрдэнэ // Байкальские встречи-IX : Этничность в контексте социальнокультурного и экономического развития региона : материалы международной научно-практической конференции, 14—17 сентября 2016 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ — оз. Байкал : в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)» / отв. ред. Е. Ю. Перова. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. — 608 с. — ISBN 978-5-89610-254-0.

24. *Цэцэгмаа Ц.* Русский язык в Монголии : современное состояние (на примере Монгольского государственного университета науки и технологий) / Ц. Цэцэгмаа // Русский язык в межкультурной коммуникации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры практического русского языка ИвГУ. — Иваново : ИвГУ, 2012. — С. 33—37.

25. *Эрдэнэмаам С.* О положении русского языка в Монголии и об интерферентных ошибках, допускаемых студентами-монголами / С. Эрдэнэмаам // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2014. — № 3 (19). — С. 138—143.

Material resources

Interview with S. Erdenemam. The Russian language in Mongolia is fading in the absence of political efforts. Available at: https://regnum.ru/news/polit/2173654.html (accessed 20.04.2022). (In Russ.).

Russianist: a whole generation has grown up in Mongolia who does not know the Russian language. Available at: https://rg.ru/2019/06/11/rusist-v-mongolii-vyroslo-celoe-pokolenie-ne-znaiushchee-russkogo-iazyka.html (accessed 20.04.2022). (In Russ.).

References

Alexandrovich, V. Yu., Kozlova, E. Yu. (2021). The role of the Russian language in the modern world. *Language and social dynamics, 12—2:* 40—45. (In Russ.).

Alpatov, V. M. (2020). Sociolinguistics and other linguistic disciplines. *Sociolinguistics, 1 (1):* 9—16. (In Russ.).

Arefyev, A. L. (2012). *The Russian language at the turn of the XX—XXI centuries.* Moscow: Center for Social Forecasting and Monitoring. 482 p. 1 CD ROM. ISBN 978-5-906001-12-2. (In Russ.).

Badmaev, A. Z. (2011). The image of Russia and the Russian language in Mongolia: from Soviet heritage to modernity. *Bulletin of the Buryat State University, 8:* 127—134. (In Russ.).

Bronskaya, T. V. (2015). Triad "Teacher — Textbook — Student" in the aspect of the activities of the Russian Language Center at the Russian Center of Science and Culture in Mongolia. In: *Russian language and literature in the space of world culture: materials of the XIII Congress of MAPRYAL: At 15 t., Granada, Spain, September 13-20, 2015 / University of Granada; Russian World Foundation.* Saint Petersburg: MAPRYAL. 170—175. ISBN 978-5-9906636-0-2. (In Russ.).

Budaeva, T. Ch. (2021). Experience of using public relations in promoting Russian education in Mongolia. *Pedagogy: history, prospects, 4 (1):* 44—58. DOI: 10.17748/2686-9969-2021-4-1-44-58. (In Russ.).

Delegnyam, N., Dmitrieva, L. M. (2019). The place of the Russian language in Western Mongolia: prospects of functioning. *Bulletin of Osh State University, 2:* 96—101. (In Russ.).

Dmitrieva, L. M. (2016). Russian language in Near Mongolia. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space, 4—1:* 138—143. (In Russ.).

Dyrheeva, G. A. (2019). On some sociolinguistic problems in modern Mongolia. In: *Sentence as a unit of language and speech. All-Russian Scientific Symposium (with international participation): Materials of the All-Russian Scientific Symposium with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of M. I. Cheremisina.* Novosibirsk: Akademizdat. 174—176. (In Russ.).

Erdenemaam, S. (2014). On the situation of the Russian language in Mongolia and on the interference errors made by Mongolian students. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University, 3 (19):* 138—143. (In Russ.).

Grigorieva, Yu. G. (2020). Mongolian educational migration to South Korea. *Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society, 3:* 11—17. (In Russ.).

Khash-Erdene, S. (2016). The Russian language as a factor of preserving the ethno-cultural space of Russia and Mongolia. In: *Baikal Meetings-IX: Ethnicity in the context of socio-cultural and economic development of the region: materials of the international scientific and practical conference, September 14—17, 2016, Republic of Buryatia, Ulan-Ude — oz. Baikal: within the framework of the Federal target program "Culture of Russia (2012—2018)".* Ulan-Ude: Publishing and Printing complex of the FSUE IN VSGIK. 608 p. ISBN 978-5-89610-254-0. (In Russ.).

Koltsov, I. A., Kirichenko, E. A., Altansuvd, M. (2022). Improving the efficiency of native—speaking volunteers in supporting Russian as a foreign language abroad. *Kant, 1 (42):* 235—241. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.45. (In Russ.).

Kovalenko, A. G. (2014). Russian language teacher's competence in Mongolia: days of the Russian language and scientific and methodological events. *Bulletin*

of the People's Friendship University of Russia. Series: questions of education. Languages and specialty, 4: 198—201. (In Russ.).

Mikhalev, A. V. (2010). The Russian language in the political space of post-socialist Mongolia. *Political expertise: POLITEX, 6 (2):* 198—212. (In Russ.).

Mikhalev, A. V. (2018). The Russian world on the outskirts of Asia: politics in conditions of institutional asymmetry. *Politics and Society, 10:* 53—63. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.10.27617. (In Russ.).

Mungunshagai, D. (2016). Russian language in Mongolia: state and prospects. In: *Russia and Mongolia: historical and socio-cultural dynamics: materials of the International Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, September 30, 2016).* Ulan-Ude: Buryat University Press. 254 p. (In Russ.).

Narantangulag, B., Ruliene, L. N. (2016). Studying the Russian language in Mongolia: the challenge of time. *Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society, 3:* 50—54. (In Russ.).

Rodionov, V. A., Ayushieva, I. G. (2017). Mongolia's "Third neighbor" as an ideological and political concept. *Bulletin of Tomsk State University, 420:* 125—130. DOI: 10.17223/15617793/420/17. (In Russ.).

Rodionov, V. A. (2020). Russian soft power resources in Mongolia: current state and potential of use. *Power, 2:* 282—291. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7169. (In Russ.).

Sverdlova, N. A., Enkhbaatar, U. (2015). Russian language: history and prospects of studying in Mongolia. *Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia Magister Dixit, 2 (18):* 34—40. (In Russ.).

Terentyev, V. I. (2017). Russian language in Mongolia today. *Asia and Africa today, 9 (722):* 56—60. (In Russ.).

The Russian language in the education system of Mongolia: state, dynamics, problems. (2021). *Sociolinguistics, 1 (5):* 31—48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48. (In Russ.).

Tsetsegmaa, Ts. (2012). Russian in Mongolia: the current state (on the example of the Mongolian State University of Science and Technology). In: *Russian language in intercultural communication. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the Department of Practical Russian Language of IvSU.* Ivanovo: IvSU. 33—37. (In Russ.).

Velichko, A. V. (2021). Changes in the Russian language of the modern period and language policy. In: *Russian language in the modern world: present and future: collection of articles / RAS. scientific-inform. Research Department. Linguistics.* Moscow: [b. i.]. 66—81. ISBN 978-5-248-00982-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.12.2021,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 20.08.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Ли Сяогэ, аспирант (Москва), ассистент (Хух-Хото)
Нэлла Аркадьевна Трофимова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Янис Ашотович Манукян, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Леонтьева Т. В. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201.

Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2022). Combination 'New Sincerity' in Lexicographic Aspect. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201

Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
языков массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Щетинина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-9085-8697
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра языков
массовых коммуникаций
anna-73.schetinina@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 20-68-46003
Семантика единения и вражды
в русской лексике и фразеологии:
системно-языковые данные и дискурс

Combination 'New Sincerity' in Lexicographic Aspect

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Anna V. Shchetinina
orcid.org/0000-0002-9085-8697
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Mass
Communication Languages
anna-73.schetinina@yandex.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project No. 20-68-46003
"The Semantics of Unity and Animosity
in Russian Lexis and Phraseology:
Language System and Discourse"

© Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о лексикографическом описании идиоматических выражений с компонентом *новый* в составе, получивших широкое распространение как в текстах официальных СМИ, так и на других ресурсах сети Интернет. Актуальность исследования определяется лексикографической практикой фиксации неологизмов в толковых словарях разного типа. Отмечается, что выражения, построенные по модели «*новый* + существительное»: *новая искренность, новая реальность, новая социальность, новая нормальность, новая романтика* и др. — включают в себя второй компонент, который называет феномен социокультурной или морально-нравственной сфер, давно известный носителям языка. На примере идиомы *новая искренность* и лексемы *искренность* показано, что семантический объем значений этих языковых единиц существенно различается. Авторы приходят к выводу, что лексема *искренность* называет свойство, внутренне присущее человеку, оценивается носителями языка как этическая категория, часто употребляется в ряду номинаций других традиционных ценностей, таких как мужество, честность, благородство и др. Доказано, что выражение *новая искренность*, обозначая, как и *искренность*, открытость человека, указывает прежде всего не на свойство коммуниканта, а на его цель — привлечь откровенностью самовыражения внимание других людей в публичном пространстве.

Ключевые слова:
семантический объем значения; идиома *новая искренность*; лексикографирование неологизмов; контекстный анализ; медиа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the lexicographic description of idiomatic expressions with a *new* component in the composition, which have become widespread both in the texts of the official media and on other Internet resources, is considered. The relevance of the study is determined by the lexicographic practice of fixing neologisms in explanatory dictionaries of various types. It is noted that expressions built according to the "*new* + noun" model: *new sincerity, new reality, new sociality, new normality, new romance*, etc., include the second component, which names the phenomenon of socio-cultural or moral spheres, which has long been known by native speakers. Using the example of the idiom *new sincerity* and the lexeme *sincerity*, it is shown that the semantic scope of the meanings of these language units differs significantly. The authors come to the conclusion that the lexeme *sincerity* names a property inherent in a person, is evaluated by native speakers as an ethical category, and is often used in a number of nominations of other traditional values, such as courage, honesty, nobility, etc. It is proved that the expression *new sincerity*, denoting, same as *sincerity*, the openness of a person, first of all indicates not the property of the communicant, but his goal — to attract the attention of other people in the public space with the frankness of self-expression.

Key words:
semantic volume of meaning; idiom new sincerity; lexicography of neologisms; contextual analysis; media.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37

Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте

© Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Современная речевая практика, особенности которой во многом обусловлены интернет-коммуникацией, диктующей свойственные ей правила поведения, характеризуется широкой креативностью участников общения, что проявляется в том числе в создании новых слов и выражений. Поскольку мир стремительно меняется, а «русский язык — очень гибкий, как теперь говорят, самонастраивающийся инструмент познания» [Колесов, 2006, с. 5], у лексикографов появляются соответствующие задачи, одна из которых, на наш взгляд, интенсифицировать выявление новых слов и выражений и фиксацию их в словарях. Это тем более важно, что какие-то слова могут существовать (довольно активно) год-два, а затем исчезать, однако, поскольку «интернет помнит все», тексты с этими языковыми единицами, представленные в виртуальном пространстве, могут сохраняться долгое время и вызывать затруднения в восприятии будущих поколений, хотя и у современников популярного выражения тоже могут возникнуть вопросы.

Так, следующий фрагмент статьи из газеты, в котором используются сразу два современных устойчивых выражения с прилагательным *новый* в составе, может вызывать проблемы в интерпретации: *23 апреля 2021 года на площадке ВДНХ в павильоне 55 состоится конференция: «Организация событий. **Новая нормальность**», посвященная вопросам обеспечения безопасности в событийной сфере в условиях **новой реальности**. Организатором выступит Фонд Росконгресс при поддержке Роспотребнадзора* (Новые задачи перед MICE-индустрией — Картина дня — Коммерсантъ, 2021) [АА]. *Новая нормальность* и *новая реальность* — два популярных выражения, об устойчивости которых свидетельствует статистика поисковых запросов Яндекса — 9 и 10 млн результатов соответственно. В то же время можно говорить о многозначности этих языковых единиц: возникнув как экономический термин (***«Новая нормальность»** — экономический термин, ставший популярным во время глобального кризиса 2008 года* (Российские банки предупредили о ловушке «новой нормальности» // lenta.ru, 2016.08) [НКРЯ]), выражение *новая нормальность* значительно расширило спектр значений, проникнув в разные сферы. Оно используется при

CC BY

оценке политической ситуации: *У Эрдогана с Трампом отношения складываются следующим образом: они то делают комплиментарные заявления в адрес друг друга, то через две недели начинают ругаться, то снова становятся друзьями. Видимо, это такая* ***новая нормальность*** *в отношениях двух стран* (Л. Глазунова. Визовая война Турции и США … // Московский комсомолец, 2017) [Там же]; социальных проблем: *Непривычный для европейцев уклад жизни теперь преподносится им как* ***новая нормальность****. К примеру, в Германии беженец из Сирии может получать около 30 тысяч евро пособий в месяц. У него четыре жены, 23 ребенка. Говорит, что был бы рад работать, да некогда — кочует из дома в дом, удовлетворяя по очереди супруг* («Джунгли» Кале в огне, Париж в грязи и вони // Vesti.ru, 2016) [Там же]; профессиональных процессов: *«В процессе наших съемок ни один человек из съемочной команды не покинул свою квартиру, но 8 серий уже почти готовы! Я ни разу не встретилась с актерами в реальной жизни, более того, мы и познакомились все онлайн. Сначала это казалось необычным — теперь это* ***“новая нормальность”****, мое сознание точно изменилось после этого опыта», — отмечает Виктория Кравченко, сооснователь студии «Дикий Digital»* (Единство смартфона и содержания // Коммерсант, 2020) [Там же]; повседневной жизни: *Нам регулярно приходится рассказывать детям, что эта* ***новая нормальность*** *(в кавычках) это вообще не норма, но неадекватные люди продолжают носить маски на улице* (Коронавирус… // Форум Винского, 2021) [АА] и др.

То же можно сказать и о выражении *новая реальность*, которое может обозначать и этап развития цивилизации, и особенности текущей ситуации в бизнесе, обществе, политике и повседневной жизни. Идиома используется и в качестве термина в научных работах, ср. названия статей «Бизнес в ***новой реальности***», «Партии — освоение ***новой реальности***», «Иммиграция в Москву: ***новая реальность***», «Голос музыки в условиях ***“Новой реальности”***» и др. (cyberleninka.ru) [АА], и неспециалистами в повседневном общении, например, на женском форуме предлагается для обсуждения такая тема: *Серийная моногамия —* ***новая реальность****? Учитывая статистику разводов, сейчас все меняют партнеров каждые 3—5 лет. Как вы относитесь к этому явлению? Осуждаете ли или наоборот это лучший выход в данной ситуации?* (woman.ru) [АА]. Анализ активной речевой практики носителей языка, репрезентирующей новые языковые единицы и актуализирующей их в разных значениях, позволяет утверждать, что внимания лексикографов заслуживают все новые слова и выражения, появившиеся в тот или иной исторический период, поскольку все они отражают фрагменты картины мира носителей языка в динамике. Как отмечает И. Б. Левонтина, «… язык неотделим от жизни. Настолько, что иной

CC BY

раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь» [Левонтина, 2016, с. 15].

Зачастую уже известные слова наделяются новыми значениями или образуют новое выражение. Так, стремление к новому, отражающему реалии современного мира, проявляется и в образовании словосочетаний с соответствующим прилагательным: *новая реальность, новая нормальность, новая искренность, новая романтика, новая вежливость, новая чувствительность, новая социальность, новая сложность* и др. При этом второй — характеризуемый компонент — во всех случаях понятие давно известное, совсем не новое, и именно поэтому атрибутив *новый* легитимен, он маркирует или должен маркировать смысловую динамику, то есть изменение содержания старых слов. С включением абстрактного существительного в словосочетание с прилагательным *новый* «высекаются» новые смыслы, но при этом, как все новое, приобретенное в некоторый момент значение должно впоследствии устареть и остаться фактом действительности определенного исторического периода, а слово *новый* так и станется в составе выражения — теперь уже маркером «устаревшей новизны». Так, в конце XX века появилось выражение *новые русские*, которое было заимствовано из иностранной прессы как обозначение нового слоя российского общества, представители которого в 1990-е годы заработали состояние. Сегодня можно сказать, что идиома стала историзмом: *новые русские* остались персонажами произведений анекдотов о 90-х, поскольку, как считает исследователь А. Липаев, «у каждого объекта (который является представителем определенного класса) есть свой жизненный цикл, свои стадии формирования, становления, функционирования, угасания и умирания... Потом … сгенерировался новый бизнес-класс — “новейшие” русские» [Липаев, 2003, с. 7]. Но если сочетание *новые русские* представляет собой обозначение не абстрактной реалии, а собственно людей, нового социального слоя, появившегося в связи с социально-политическими изменениями в стране, то «обновление», казалось бы, универсальных понятий морально-этической сферы, таких как «искренность», «вежливость», «нормальность» и др., особенно интересно с точки зрения их семантического наполнения и лексикографической фиксации. Насколько семантически различаются языковые единицы, называющие «старые» и современные этические понятия, какие отношения людей они репрезентируют — вопросы, актуальность которых определяет обращение к ним специалистов, в том числе лексикографов. Так, Н. Н. Кошкарова, расматривая дискурс *новой чувствительности*, отмечает: «Если раньше о феномене эмоциональной культуры говорили исключительно с позиций профессиональной деятельности специалиста и в большей степени в отношении педагогов и учите-

CC BY

лей …, то в настоящее время анализируемое явление трактуется как часть социальной практики человека» [Кошкарова, 2021, с. 54].

В данной статье рассматривается семантический объем выражения *новая искренность* (1,23 млн результатов по запросу в сети Интернет — одно из свидетельств устойчивости языковой единицы) как маркера определенного типа коммуникации с целью его лексикографического описания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Понятие «новая искренность» имеет культурно-философские корни: оно появилось в 80-х годах и актуализировалось в 90-е годы как обратная реакция на иронично-циничную интерпретацию действительности, характерную для постмодернизма: «В XXI веке ирония перестала быть главным настроением эпохи. Ей на смену пришли постирония и “новая искренность”, в которых границы между юмором и серьезностью оказываются размытыми» [Иссерс, 2020, с. 217]. О феномене *новой искренности* в кинематографе, литературе и других видах искусства написано множество работ [Десятерик, 2014; Липский, 2012; Савчук, 2000; Fitzgerald, 2013; Timmer, 2010 и др.]. В то же время относительно неизведанными сферами, в которых формируется культура *новой искренности*, является медиапространство и социальные сети. Их изучение еще только начато, например, в политическом дискурсе [Иссерс, 2020; Каминская, 2020 и др.], социальных сетях [Фортунатов и др., 2021]. Так, согласно наблюдениям «за современной политической коммуникацией, в обществе сформировался запрос на “новую искренность”, который не в последнюю очередь стимулируется технологиями новой медийной реальности. С одной стороны, массовая медиакультура способна низвести до шоу любые аспекты личной жизни индивида, выставить напоказ его самые интимные переживания. С другой стороны, эти переживания становятся своего рода товаром, который востребован в обществе потребления и производится по его законам» [Иссерс, 2020, с. 224]. В то же время А. Н. Фортунатов и Н. Г. Воскресенская, рассматривая современную интернет-коммуникацию в этическом аспекте, отмечают, что новая искренность — это «состояние виртуального индивида, опирающегося на порожденную технологиями психоэмоциональную сферу и доводящего маниакальные доминантные состояния до абсурда, до крика», при этом, как отмечают исследователи, обесцениваются реальные отношения между людьми: «Искренность превращается в коммуникативный алгоритм, который, с одной стороны, подменяет собой прежнюю чувственность, с другой, является способом атаки виртуального субъекта как на реальный, так и на цифровой мир» [Фортунатов и др., 2021, с. 284].

CC BY

Разнообразие интерпретаций феномена *новой искренности* обусловлено его широким использованием в качестве критерия оценки в различных сферах: «Политический диагноз Давыдова, литературные наблюдения Радиш и Хугендика, взгляд Торна на хипстерскую и медийную культуры — вот лишь четыре примера из длинного списка публичных заявлений, в которых блогеры, эксперты, писатели, философы, маркетологи и кинематографисты среди прочих, используют атрибут “новая искренность” для характеристики стихов, фильмов, картин, политических событий, песен, игр, мультфильмов и многих других культурных и социальных практик» [Роггевеен и др., 2020].

Таким образом, наблюдения исследователей за различными видами дискурса, в которых представлена *новая искренность*, свидетельствуют об актуальности данного феномена, требующего всестороннего анализа, в том числе и лингвистического.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексикографическое описание полисеманта *новый* и лексемы *искренность*

В четырехтомном издании «Словарь русского языка» прилагательное *новый* имеет 5 значений [СлРЯ, т. 2, с. 505—506]. Первый лексико-семантический вариант ‘вновь сделанный или вновь приобретенный; не бывший или мало бывший в употреблении’ отражает характеристику вещного мира (*новый дом, новая машина*) или в оттенке ‘такой, который не существовал раньше, только что, недавно возник, появился или возникнет, появится’ оценивает предметы, явления, людей (*новые слова, новые фасоны, новые знакомые*), иначе говоря, на переднем плане здесь находится сема приобретения или появления объекта, ранее отсутствовавшего, возникшего, так сказать, «на месте пустоты»; речь идет преимущественно о вещах, предметах. Во втором значении ‘вновь открытый, изобретенный’ или в оттенке ‘вновь выведенный (о сорте растений, породе животных и т. п.)’ качеством нового наделяются абстрактные понятия (*новый метод, новое изобретение*) или биологические феномены (*новый сорт, новая порода*), при этом маркируется производство нового знания прежде всего. В третьем значении *новый* — это ‘незнакомый, малоизвестный кому-либо’ (*новое дело*) или ‘такой, который недавно начал заниматься чем-либо, недавно появился где-либо’ (*новый учитель* в школе); это значение характеризует позицию воспринимающего, то есть реляцию между новым объектом и оценивающим субъектом: аудитория определяет объект новым относительно себя, то есть описывается узнавание объекта кем-либо (хотя некто другой, может быть, уже знал о нем ранее). Четвертое значение ‘появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший собой прежний или такой, который появится, заменит собой прежний’ (*новая*

CC BY

редакция, новый бой) или оттенки ‘не испытанный, не изведанный кем-либо раньше’ (*новая жизнь, новое чувство*) и ‘относящийся к нынешнему году’ (*новый картофель*) делают акцент на динамике, точнее, на трансформациях реалий: они существуют давно (не новы), но видоизменяются, перетекая из формы в форму, ииз сущности в сущность. Пятое значение ‘относящийся к ближайшему времени, эпохе’ характеризует факты действительности хронологически (*новая история*). В 6 и 7 значениях полисеманта прилагательное *новый* выступает в роли субстантиватов.

Таким образом, можно выявить несколько ядерных сем, которые репрезентируют особенность характеристики нового: ‘пришел на замену старому’, ‘не существовал ранее’, ‘незнакомый’, ‘малоизвестный’, ‘недавно появился где-либо’, ‘начал заниматься’, ‘появившийся вместо прежнего, ранее бывшего’, ‘не испытанный кем-либо раньше’, ‘этого года’, ‘ближайшее время, эпоха’. Если укрупнить семантические характеристики полисеманта *новый*, то можно выделить следующие значения: замена старого на новое, отсутствие ранее, неизвестность ранее, появление недавно, близость по времени к некторому «настоящему».

Между тем лексема *искренность* представлена в словаре как свойство по значению прилагательного *искренний* ‘выражающий подлинные мысли и чувства, лишенный притворства; правдивый, откровенный, чистосердечный’ [СлРЯ, т. 1, с. 679], то есть можно сказать, что явление новой искренности провозглашает появление нового свойства. С учетом значений полисеманта *новый* возникают вопросы: «Его раньше не было?», «Оно пришло на смену чему-то?», «Оно не испытанно никем ранее?» и др. Ответить на эти вопросы представляется возможным, проанализировав особенности функционирования этого устойчивого сочетания в речевой практике и определив таким образом, какие смыслы вкладывают в слова *новая искренность* носители русского языка. Кроме того, представить лексикографический портрет языковой единицы возможно, описав более детально его значения на основе контекстного анализа. В итоге мы сможем очертить семантический объем выражения *новая искренность* для его последующей фиксации в словаре.

3.2. *«Старая»* и *«новая» искренность*: речевая практика

Анализ употребления лексемы *искренность* (по данным Национального корпуса русского языка) в текстах, написанных в XXI веке и в предыдущие несколько столетий, показал, что данное свойство является актуальной оценочной характеристикой, о чем свидетельствует количество примеров в корпусах: 2119 в основном корпусе, 1407 в газетном [НКРЯ]. Кроме того, поисковый запрос в сети Интернет добавляет еще 5,4 млн текстовых примеров с этим словом. Ср.: *новая искренность* — 18 вхождений в основном

CC BY

корпусе НКРЯ, 39 — в газетном [НКРЯ], 1,23 млн результатов на запрос в сети Интернет. Фактически треть словоупотреблений существительного *искренность* на данный момент составляют его сочетания с прилагательным *новый*. Очевидно, что в современном мире востребована и потому обсуждается некая *новая искренность*, в связи с чем актуализируется вопрос о том, в чем различие между, назовем условно, «старой» искренностью и ее новым эквивалентом.

Обращает на себя внимание языковое окружение, в котором используются номинации *искренность и новая искренность*. Прежде всего, это лексическая сочетаемость, свидетельствующая о качествах, характеристиках понятий, обозначаемых данными номинациями. Так, вне зависимости от тематики, будь то текст об искусстве, о персоне, об отношениях между людьми, социальными группами или государствами, искренность сама характеризуется посредством прилагательных, выражающих позитивную оценку (*наивная, святая, надрывная, чудесная, застенчивая, бесхитростная, глубинная, дружеская, беззащитная, страстная, щемящая, настоящая, высокая, исключительная, простая, потрясающая, настоящая, благородная, удивительная* и др.), и слово также связывается с существительными (*искренность таланта; вера в искренность; искренность ее исповедальности и непорочности; порука искренности; смелость искренности; искренность раскаяния; очарование искренности; обаяние искренности; беспощадная искренность исповеди*), которые называют понятия из сферы традиционных этических ценностей (*безоглядная русская искренность*). Кроме того, часто подчеркивается предельный характер выражения искренних чувств (*предельная искренность, абсолютная искренность, полная искренность, полнейшая* и др.), при этом, по нашим наблюдениям, в XXI веке эта характеристика становится более прагматичной, оцениваются *степень искренности, уровень искренности, доля искренности, мера искренности*, обсуждается *единица измерения искренности.* В еще более утилитарном ключе употребляется выражение *новая искренность*: она может быть отраслевой, например, *кулинарная новая искренность, политическая новая искренность*, уже выработаны или вырабатываются ее правила, принципы — *каноны новой искренности* — и формы существования — *форматы новой искренности*, — существуют *подходы к новой искренности* и *времена новой искренности*, а также *запрос / спрос на новую искренность* — как на товар.

Парадигма характеристик объектов, в ряду которых используется номинация *искренность*, представлена однородными членами, выраженными словами, называющими важные морально-нравственные категории, такие как честность, бескорыстие, самоотверженность и др.: *про вер-*

CC BY

ность правде, ***искренность*** *и страстность, про самоотверженность и самостоятельность мысли; подтверждали* ***искренность****, честность нашей позиции; почувствуем эту* ***искренность*** *и любовь;* ***искренность*** *и правдивость, честность и бескорыстие;* ***искренность****, честность, открытость к восприятию;* ***искренность*** *и смелость; простота и* ***искренность****;* ***искренность****, честность, работоспособность, умение быть верным в дружбе;* ***искренность****, талант, высокая мера;* ***искренность****, мужественная простота интонации; безбоязненность, и* ***искренность****, и чистота устремлений; впечатлительность ко всему окружающему, самодеятельность, отзывчивость,* ***искренность****, правдивость, интерес к познанию; предельная* ***искренность*** *и душевная честность; честность,* ***искренность*** *и прямота; человеколюбия, морали, искренности, справедливости и мудрости* и др.

Выражение *новая искренность* редко используется в ряду однородных членов. Мы обнаружили несколько контекстов, в которых актуализируется семантика простоты: *минимализм, новая простота и* ***новая искренность****; приобретает некую* ***новую искренность*** *и наивность*; повседневности: *кулинарную* ***новую искренность****, игру, фантазию и пренебрежение к серебряным вилкам*; неодобрения: *и* ***“новая искренность”****, и арт-хаусная мода на порнографию*. Встречается идиома и вместе с другими «новыми» выражениями: *новая искренность, новая подлинность; новая откровенность и новая искренность; новая искренность, новая нормальность*.

Еще одно наблюдение связано с использованием лексемы *искренность* в контекстах, содержание которых связано с темой религии, обращения к богу: *Мне нравится его* ***искренность***. ***Он верует в бога*** *и, хотя это теперь не принято и может принести неприятности, не отрицает этого* (Д. Самойлов. Общий дневник, 1977—1989); *... я могу Богу показать серьезность,* ***искренность*** *моей верности Ему* (митрополит Антоний (Блум). Ответы на вопросы о молитве, 1975—1985) [АА] и др. Выражение *новая искренность* в подобных контекстах мы не встретили.

В результате интепретационных процедур в отношении контекстов, в которых используется идиома *новая искренность*, представим ее лексикографический портрет.

Во-первых, *новая искренность* рассматривается как раскрытие информации о личной жизни: *… когда люди не боятся показать истинные эмоции и рассказать о сложностях, с которыми сталкиваются*. Данный феномен рассматривается как тренд, который появился в ответ на усталость от активной демонстрации своих достоинств в социальных сетях большим количеством пользователей: *Мы устали от ярмарки тщеславия, которая за-*

CC BY

полонила социальные сети. Мы больше не верим мега успешным мамочкам, которые воспитывают не по годам развитых детей и ведут прибыльный бизнес. Нас уже не цепляют люди, воспевающие свою идеальную жизнь. Каждый из нас прекрасно знает, что многое дается сквозь пот и слезы. Поэтому в интернете набирает популярность ***тренд на новую искренность*** (Тренд на ***новую искренность***: как мы стали откровеннее в интернете, устав от лжи и сарказма // intersvyaz.media, 2022) [АА] (сохранены орфография и пунктуация источников). При этом новая искренность называется авторами текстов «модным явлением»: *Короче говоря, в лице Zaz три года назад мы наблюдали очередное проявление столь модной в последнее время* ***«новой искренности»*** (А. Липатов. Француженка Zaz избежала «синдрома второго альбома» // Известия, 2013) [Там же]; *Единственная причина, почему мы назвали так паблик, это тот факт, что* ***новая искренность*** *— это модно. Звучное название, чтобы привлекать внимание. Возможно, название — самое интересное, что есть в этом паблике. Но, в конце-концов, ты можешь просто лайкать картинки* (Новая искренность // vk.com) [Там же].

Тренд на демонстрацию реальной жизни видится свойственным более молодежи, нежели старшему поколению: *Я понимаю возмущение взрослой аудитории по поводу "Дома-2", да и сам я недостаточно молод, чтобы получать от этого удовольствие, но мне понятно, почему тинейджеры смотрят этот проект. Там, на мой взгляд, существует* ***новая искренность*** *для этого возраста, какое-то отражение их реальной жизни. И пока на других каналах не предложили, как ее подавать современной молодежи* (А. Бородина. Люди ждут новых слов // Коммерсантъ, 2008) [Там же]. Новая искренность актуальна не только в социальных сетях, телепередачах, но и в сюжетах популярных фильмов: *Во времена* ***новой искренности*** *супергероям мало спасать мир от многочисленных угроз, нам важно знать, что они делают и в свободное время, не являются ли их подвиги сублимацией чего-нибудь, точно ли они люди, как принято сейчас говорить, осознанные? Насколько приспособлены они вообще к реальности, умеют ли наравне с громкими поступками наладить свой быт, что вообще-то не менее важно. Раньше мы ничего не знали про быт спецагента, лишь только рецепт его фирменного коктейля да предпочтения по части цвета волос новой спутницы, но, положа руку на сердце, долго ли можно просуществовать с таким партнером, который сегодня там, а завтра здесь?* (Е. Милова. Есть время, чтобы жить // Коммерсант, 2020) [НКРЯ].

Во-вторых, выражение *новая искренность* актуализируется в контекстах в значении технологии или формата публичной коммуникации, что коррелирует с первым значением, поскольку тренды появляются в пространстве массовых коммуникаций, которые используют как рядовые

CC BY

участники сетевого общения, так и селебрити или государственные деятели: *На семинаре отчитывались о только что прошедших кампаниях, советовали, какие из примененных сейчас* ***технологий*** *можно применять в дальнейшем — к примеру,* ***«новую искренность»*** (Администрация президента провела поствыборный разбор полетов // Ведомости, 2019) [Там же]; *За время поездки Артюхов опубликовал в соцсетях 16 постов, 5 видеотрансляций со встреч с жителями и несколько десятков историй. «Дмитрий Артюхов — один из губернаторов новой волны, умеет выстраивать прямой диалог с гражданами в эффективных сегодня форматах* ***“новой искренности”****», — прокомментировал новость президент Российской ассоциации политических консультантов Алексей Куртов.* При этом такой вид взаимодействия приветствуется рядовыми пользователями: *Ямальцы формат приветствуют — в аккаунтах Дмитрия Артюхова в социальных сетях в течение всего года наблюдается прирост подписчиков. Сейчас на Instagram губернатора подписаны 41 964 человека. Во «ВКонтакте» у него 8, 9 тысячи подписчиков* (Соцсети губернатора Ямала вошли в ТОР-10 самых цитируемых в августе // lenta.ru, 2019) [Там же]. Более того, данную технологию стал использовать маркетинг: *Как маркетологи присвоили* ***новую искренность*** *и «пробили» циничную молодежь. Следует смириться с тем, что рекламная индустрия перемалывает, переваривает и употребляет в дело любые тенденции общественной мысли* (В. Лакодин. Новая искренность, «темный маркетинг» и SMM с душевной обнаженностью // texterra.ru, 2022) [АА].

В-третьих, *новая искренность* репрезентируется как метод пиара, который предполагает нахождение оригинальной черты, которую можно публично демонстрировать: *Нет больше непродажных художников и чистых отношений. Бедность окончательно стала пороком, а* ***новая искренность*** *превратилась в еще одну маску, в метод пиара. Тогда, чтобы выглядеть не таким, как все, достаточно было придумать себе странное имя и вставить серьгу в ухо — как мальчик Бананан. Сегодня это уже не канает: любое нарушение нормы тут же становится нормой* (10 дорог назад // Русский репортер, 2008) [Там же]; ***Новая искренность*** *— это фишка. Это в чем твоя уникальность. Я даже это так назову: стигматы. Зачастую «стигматы», недостатки, личные особенности становится тем самым секретным ингредиентом* (Новости: Мы живем в «Средневековье 2.0» // Эксперт, 2020) [АА].

Интересно, что, помимо предположения о появлении *новой искренности* как ответа на «ярмарку тщеславия» в социальных сетях, предлагаются другие версии появления *новой искренности*, которые могут транслироваться как прямо противоположные: с одной стороны, она появилась как

CC BY

противник старого, традиционного и в этом смысле является благом (*Они протестовали против гастрономического генералитета, против догм и косности «старого режима», взамен предлагая кулинарную* ***новую искренность****, игру, фантазию и пренебрежение к серебряным вилкам*. А. Зимин: Фудди на заметку // Ведомости, 2012 [НКРЯ]), с другой стороны, новая искренность возвращает к старым, забытым ценностям (***Новая искренность*** *обращается к идеям гуманизма, уже почти убитой лиричности, а также осуществляет возврат к простым, иногда излишне приземленным ценностям. Все это в совокупности порождает транссентиментализм, или, иначе говоря,* ***новую искренность***. Новая искренность // Dr. Kleine Дзен, 2020 [АА]).

О неоднозначном отношении современников к феномену *новой искренности* свидетельствуют и контексты, в которых она оценивается, несмотря на трендовость и медийность, как пугающая (*Что такое* ***«новая искренность»*** *в интернете и как она изменила нашу жизнь. <…> В последние годы в интернете принято рассказывать о депрессии, перенесенном насилии и «токсичных» родителях. Разбираемся, почему в Сети нам проще поделиться сокровенным и как относиться к такой порой* ***пугающей искренности***. РБК Стиль, 2018 [Там же]) и имеющая негативные последствия (***Новая искренность*** *и ее последствия для человека. Что такое новая искренность? Новая искренность — это движение в искусстве, культуре и философии, направленное на уход от принципов постмодернистской иронии и цинизма, и выдвижение искренности в качестве основного мотива. Нужно ли рассказывать о своих проблемах, диагнозах или лучше промолчать? ПРЛ (пограничное расстройство личности) и синдром Туретта — сталкивались? Сказать нельзя молчать — где правильно поставить запятую?* Новая искренность: рассказать о диагнозах или молчать? // Пикабу, 2021 [Там же]).

3.3. Лексикографическое описание идиомы *новая искренность*

Таким образом, помимо терминологической культурологической дефиниции, для выражения *новая искренность* можно сформулировать еще два определения, которые войдут в подготавливаемый идеографический словарь актуальной лексики со значением единения и вражды начала XXI века, при этом в разные семантические множества:

— первое воплощает идеограмму «инструмент для создания образа участника коммуникации»:

Новая искренность. *Язык СМИ. Интернет-жаргон.*

Откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.), служащие

CC BY

средством коммуникации, привлекающие других участников общения, создающие определенный образ рассказчика.

✦ Феномен ***новой искренности*** интересует немногих, но при этом прочно входит в нашу жизнь. Что такое ***новая искренность***? Согласно определениям, под этим термином обозначается такое поведение и восприятие человека, при котором он выражает свои эмоции искренне, делится своим мнением в совершенно чистом виде и не использует никакой иронии. Активно в соц.сетях такое явление начало проявляться еще в 2018 году, когда невероятная токсичность сообщества стала невыносимой и, одновременно, начала постепенно сбавлять обороты (Dr. Kleine. ***Новая искренность*** // Яндекс Дзен, 2020).

✦ Социальные сети привнесли в наш мир невиданную социальную открытость. Социальная открытость породила ***новую искренность***. Люди стали друг друга беречь. Раскрывать друг перед другом страшные тайны прошлого, тем самым давая другим возможность избавиться от своих скелетов в шкафу. Ну, по крайней мере так выглядит со стороны. Или должно было бы выглядеть. Потому что на самом деле эта самая ***новая искренность*** и социальная открытость породили страх людей друг перед другом. Страх, что ты будешь не таким, как они. И тогда они исторгнут тебя из своего социума. И тогда приходится лицемерить (М. Кононенко. Новая искренность // Росбалт, 2019).

ЭКВИВАЛЕНТЫ: *душевность, искренность, исповедальность, натуральность, откровенность, открытость, подлинность, правдивость, прямолинейность, прямота, саморазоблачение, сердечность, честность, чистосердечие; как на духу, как перед Богом (книжное), у кого что болит, тот про то и говорит (просторечное), поговорить по душам, что на уме, то и на языке.*

— второе воплощает идеограмму «инструмент деятельности»:

Новая искренность. *Маркетинг. Интернет-жаргон.*

Технология коммуникации в маркетинговой, политической и других сферах, предполагающая откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.) с целью оказать влияние на аудиторию.

✦ — Понятно, что старые проверенные образы вроде «крепкого хозяйственника» безнадежно устарели — им не верят, сейчас нужна свежесть и непосредственность коммуникаций с народом, ***«новая искренность»***, — пояснил один из спикеров Конгресса РАПК Евгений Минченко, президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» (О. Филина. Непроверяемое доверие // Огонек, 2019).

CC BY

✦ — Попробуем рассмотреть, каким же образом применяется лирико-исповедальный дискурс в современном интернет-маркетинге на примере южнокорейского бойз-бэнда BTS. Почему выбран такой неожиданный объект для изучения? Потому что глубоко нишевый проект, рожденный на периферии мировой поп-музыки за 6 лет умудрился пройти путь к феноменальному глобальному успеху благодаря как раз ***«новой искренности»*** и SMM (В. Лакодин. Новая искренность, «темный маркетинг» и SMM с душевной обнаженностью // texterra.ru, 2022).

Эквиваленты: *душевность, натуральность, откровенность, открытость, подлинность, правдивость, прямолинейность, саморазоблачение, сердечность, честность.*

Объем иллюстративного материала обусловлен требованием его репрезентативности: во-первых, он призван показать, как используется языковая единица в речи носителями языка, на каком основании именно так авторы фиксируют дефиницию; во-вторых, примеры помогают дополнить основное определение прагматической информацией, так как значение лексемы не всегда дает возможность представить описываемое явление достаточно полно. Кроме того, в словарную статью неологизма, на наш взгляд, целесообразно включать эквиваленты, которые делают очевидным, существуют ли в русском языке полные синонимы для новых языковых единиц, можем ли мы заменить их в контексте уже существующими русскими словами или выражениями. Эта информация важна с точки зрения решения вопроса о «засорении», как говорят некоторые ревнители чистоты русского языка, новыми, в том числе иностранными словами. В данном случае *новая искренность* — выражение, составленное из русских слов, однако этот же принцип подбора эквивалентов хорошо иллюстрирует факт, что ни одна из эквивалентных языковых единиц не является полным синонимом, что показал нам пример сопоставления значений и особенностей употребления лексемы *искренность* и идиомы *новая искренность* (п.п. 3.2). Это же, как показывают наши наблюдения, справедливо и для многих заимствований.

4. Заключение = Conclusions

Новые коммуникативные практики, связанные с развитием социальных сетей, обусловили появление форматов взаимодействия, которые, казалось бы, не являются абсолютно новыми, если учитывать тот факт, что человек всегда стремился к общению с другими, в процессе которого вырабатывались правила речевого поведения, выбиралась манера саморепрезентации и др. В то же время в зависимости от социокультурных из-

CC BY

менений, появляющихся технологических возможностей коммуникация людей претерпевает трансформации, что отражается в появлении языковых единиц, называющих новые феномены общения. Значения новых слов и выражений могут, на первый взгляд, отличаться незначительно, однако лексико-семантический и контекстный анализ позволяет увидеть расхождения, иногда существенные, у новых слов и их уже существующих в языке эквивалентов. Иллюстрацией этому являются лексема *искренность* и идиома *новая искренность*.

Выявление семантического объема значений данных языковых единиц позволило установить следующее:

(1) Языковое окружение лексемы *искренность* и ее эквивалента идиомы *новая искренность* в проанализированных текстах существенно различается: лексическая сочетаемость слова *искренность*, включение его в ряды однородных членов показывают, что свойство искренности используется преимущественно в качестве оценочной этической категории в ряду других морально-нравственных свойств, таких как благородство, чистота, мужественность, справедливость и др.; семантика идиомы *новая искренность* имеет более прагматичный характер: обозначаются сферы, в которых применяется новая искренность (*политическая / кулинарная новая искренность*), на нее существует *спрос*, выделяются *подходы* к ней, *форматы* ее представления и др.

(2) Анализ содержания контекстов показал, что *новая искренность* так же, как и *искренность*, — это раскрытие личной информации, при этом, если лексема *искренность* обозначает свойство человека открыто рассказывать о своих чувствах, эмоциях, фактах биографии, имманентно присущее ему, то *новая искренность* — это *модный тренд / технология / метод*, которые используются в качестве инструмента привлечения внимания аудитории как в сфере частной, так и деловой жизни, например, в маркетинге, политике, шоу-бизнесе и др.

(3) Словарное описание идиомы *новая искренность*, кроме известного терминологического значения, таким образом, будет включать в себя еще два лексико-семантических варианта, в состав которых входят общие семы ‘откровенный рассказ о себе’, ‘открытое выражение испытываемых эмоций’, ‘в публичном пространстве’, ‘оказать влияние на аудиторию’ и дифференциальные семы ‘технология коммуникации’, ‘в маркетинговой, политической и других сферах’, которые репрезентируют профессиональный характер феномена новой искренности.

(4) Вопрос, поставленный выше (пп. 3.1), — о том, с каким значением прилагательного *новый* соотносится первый компонент идиомы, — пока, на наш взгляд, остается открытым: с одной стороны, семантика открыто-

CC BY

сти человека сохраняется в новой идиоме, с другой стороны, искренность из внутреннего свойства человека трансформируется в демонстрацию, технологию, метод привлечения внимания, как правило, большой аудитории, то есть выходит из сферы частной жизни в общественное пространство, утрачивает интимность, характерную для личных отношений между людьми или для исповедальных отношений человека и Бога. Таким образом, семантика выражения *новая искренность*, на первый взгляд, репрезентирует ядерные семы разных значений полисеманта *новый*: ‘пришел на замену старому’, ‘не существовал ранее’, ‘недавно появился где-либо’. Заметим, что в большей степени в данном случае применимо, конечно, толкование новизы как трансформации, обретения новых форм или сущности. В то же время вопрос, использовалось ли свойство искренности как прием привлечения внимания или как метод иного воздействия, а также насколько *новая искренность* заменила *«старую» искренность*, требует дальнейшего наблюдения и осмысления.

Источники

1. АА — *Архив* авторов.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru/ (дата обращения 21.05.2022).

3. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. —Т. 1. — С. 679 ; Т. 2. — С. 505—506.

Литература

1. *Десятерик Д.* Новая искренность [Электронный ресурс] / Дм. Десятерик // Альтернативная культура. Энциклопедия. — 2014. — С. 77. — Режим доступа : https://info.wikireading.ru/104422 (дата обращения 12.02.2020).

2. *Иссерс О. С.* Грани “новой искренности” в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227.

3. *Колесов В. В.* Гордый наш язык … / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. — 352 с.

4. *Колпинец Е.* Фигура из пустоты : селебрити как феномен цифровой повседневности / Е. Колпинец // Философско-литературный журнал «Логос». — 2016. — Т. 26. — № 6 (115). — С. 161—188.

5. *Корниенко А. В.* Реакция СМИ на «новую политическую искренность» / А. В. Корниенко // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сборник материалов Международного научного форума. В 2 т., Санкт-Петербург, 30 июня — 02 2021 года. — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2021. — С. 206—208.

6. *Кошкарова Н. Н.* Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке / Н. Н. Кошкарова // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2021. — № 2 (46). — С. 53—68.

7. *Кребель И. А.* Эстетика философского текста в ситуации масс-медийной искренности / И. А. Кребель // Вестник Омского университета. — 2017. — № 4 (86). — С. 66—70. — DOI: 10.25513/1812-3996.2017.4.66-70.

8. *Левонтина И. Б.* О чем речь? / И. Б. Левонтина. — Москва : АСТ : CORPUS, 2016. — 512 с.

9. *Липаев А.* Что случилось с новыми русскими / А. Липаев // Российское предпринимательство. — 2003. — № 8. — С. 6—9.

10. *Липский Е. Б.* Пост-постмодерн : концептуализация идеи современного искусства / Е. Б. Липский // Вестник СПбГУ. Серия 6. — 2012. — Выпуск 2. — С. 41—48.

11. *Оводова С. Н.* Метамодернистский медиадискурс в современной культуре : от глобального молчания к глубокой искренности / С. Н. Оводова, А. Ю. Жигунов // Вестник Омского университета. — 2020. — Т. 25. — № 4. — С. 94—101. — DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4).94-101.

12. *Роггевеен Б.* Риторика искренности в современной России [Электронный ресурс] / Б. Роггевеен, Э. Руттен ; перевод Е. Иванушкиной // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 132. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/132_nz_4_2020/article/22860/ (дата обращения 11.02.2020).

13. *Савчук В. В.* Идеология постинформационной искренности [Электронный ресурс] / В. В. Савчук // Художественный журнал. — 2000. — № 30—31. — Режим доступа : http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741 (дата обращения 10.01.2020).

14. *Фортунатов А. Н.* Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 / А. Н. Фортунатов, Н. Г. Воскресенская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение, журналистика. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 276—285. — DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285.

15. *Fitzgerald J. D.* Not Your Mother's Morals : How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better / D. J. Fitzgerald. — Bondfire Books, 2013. — 40 p.

16. *Timmer N.* Do You Feel It Too? : The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. (Postmodern Studies) / N. Timmer. — Amsterdam, New York, NY : Rodopi, 2010. — 390 p.

Material resources

Archive of authors. (In Russ.).

SLRYA — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1, 2.* (1999). Moscow: Russian language; Polygraph Resources. (In Russ.).

The National Corpus of the Russian language. Available at: https://ruscorpora.ru/ (accessed 21.05.2022). (In Russ.).

References

Desyaterik, D. (2014). New sincerity. In: *Alternative culture. Encyclopedia.* 77. Available at: https://info.wikireading.ru/104422 (accessed 12.02.2020). (In Russ.).

Fitzgerald, J. D. (2013). *Not Your Mother's Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better.* Bondfire Books. 40 p.

Fortunatov, A. N., Voskresenskaya, N. G. (2021). Digital competencies and technologies of new sincerity in the era of Web 4.0. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism, 26 (2):* 276—285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285. (In Russ.).

Issers, O. S. (2020). The facets of "new sincerity" in modern political communication. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology, 19 (6):* 216—227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (2006). *Proud our language ...* St. Petersburg: ABC Classics. 352 p. (In Russ.).

Kolpinets, E. (2016). A figure from the void: celebrity as a phenomenon of digital everyday life. *Philosophical and literary magazine "Logos", 26 / 6 (115):* 161—188. (In Russ.).

Kornienko, A. V. (2021). Media reaction to the "new political sincerity". In: *Media in the modern world. 60th St. Petersburg Readings: a collection of materials of the International Scientific Forum. In 2 volumes, St. Petersburg, June 30—02, 2021.* St. Petersburg: Mediapapir LLC. 206—208. (In Russ.).

Koshkarova, N. N. (2021). Axiological characteristics of the discourse of the new sensitivity: how reality is reflected in language. *Man: Image and essence. Humanitarian aspects, 2 (46):* 53—68. (In Russ.).

Krebel, I. A. (2017). "Aesthetics of the philosophical text in the situation of mass-media sincerity". *Bulletin of Omsk University, 4 (86):* 66—70. DOI: 10.25513/1812-3996.2017.4.66-70. (In Russ.).

Levontina, I. B. (2016). *What is it about?* Moscow: AST: CORPUS. 512 p. (In Russ.).

Lipaev, A. (2003). Chto sluchilos' s novymi russkimi. *Rossiyskoe predprinimatelstvo, 8:* 6—9. (In Russ.).

Lipsky, E. B. (2012). Post-postmodern: conceptualization of the idea of modern art. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6, 2:* 41—48. (In Russ.).

Ovodova, S. N., Zhigunov, A. Yu. (2020). Metamodern media discourse in modern culture: from global silence to deep sincerity. *Bulletin of Omsk University, 25 (4):* 94—101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4).94-101. (In Russ.).

Roggeveen, B., Rutten, E. (2020). The rhetoric of sincerity in modern Russia. *New Literary Review, 132.* Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/132_nz_4_2020/article/22860 (accessed 11.02.2020). (In Russ.).

Savchuk, V. V. (2000). Ideology of post-informational sincerity. *Art Journal, 30—31:* Available at: http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741 (accessed 10.01.2020). (In Russ.).

Timmer, N. (2010). *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. (Postmodern Studies).* Amsterdam, New York, NY: Rodopi. 390 p.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022,
одобрена после рецензирования 06.07.2022,
подготовлена к публикации 22.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ли Сяогэ. Сложносокращённые китайские слова эпохи коронавируса со структурно-семантическим компонентом ‘в облачном формате’ / Ли Сяогэ // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 202—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-202-217.

Li Xiaoge. (2022). Abbreviated Chinese Words of Coronavirus Era with a Structural-Semantic Component ‘in a Cloud Format’. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 202-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-202-217. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-202-217

Сложносокращённые китайские слова эпохи коронавируса со структурно-семантическим компонентом ‘в облачном формате’

Ли Сяогэ [1,2]
orcid.org/0000-0003-3002-6968
[1] аспирант кафедры общего и русского языкознания,
[2] ассистент факультета русского языка института иностранных языков
lixiaoge89@mail.ru

[1] Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
[2] Педагогический университет Внутренней Монголии (Хух-Хото, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР, грант № 201508090038

Abbreviated Chinese Words of Coronavirus Era with a Structural-Semantic Component ‘in a Cloud Format’

Li Xiaoge [1,2]
orcid.org/0000-0003-3002-6968
[1] postgraduate student [1], Department of General and Russian Linguistics,
[2] assistant, Faculty of Russian, Institute of Foreign Languages
lixiaoge89@mail.ru

[1] Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russia)
[2] Pedagogical University of Inner Mongolia (Huhhot, China)

Acknowledgments:
The study is supported by the State Committee for Scholarships of the People’s Republic of China, project number 201508090038

© Ли Сяогэ, 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена описанию результатов анализа сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx». Материалом послужила лексика, появившаяся или получившая широкое употребление с начала пандемии коронавируса. Особое внимание уделяется исследованию словообразовательных и семантических закономерностей появления в современном китайском языке новых слов, построенных по модели «云xx». Необходимостью изучения механизма возникновения таких слов для определения их языкового статуса и установления специфики их функционирования в речи обусловлена актуальность данного исследования. Проанализировано 15 сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx», называющих актуальные явления в жизни китайского общества эпохи коронавируса. В ходе исследования установлено, что морфема 云 ‘в облачном формате’ представляет собой аффикс, который обладает регулярной воспроизводимостью и образует продуктивную конструкцию «云xx», которая создает словообразовательный механизм порождения целой группы новых сложносокращённых слов. Доказано, что данная словообразовательная модель обладает высокой продуктивностью, позволяющей регулярно производить слова, выражающие новые понятия и явления, связанные с развитием сетевых технологий.

Ключевые слова:
сложносокращённые слова; регулярная семантическая модель; лексика эпохи коронавируса; китайский язык; IT-лексика; облачный формат.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the description of the analysis of compound words results built according to the model “云xx”. The material was the vocabulary that appeared or became widely used since the beginning of the coronavirus pandemic. Particular attention is paid to the study of word-formation and semantic patterns of the emergence of new words in modern Chinese, built according to the model “云xx”. The need to study the mechanism of the emergence of such words in order to determine their linguistic status and establish the specifics of their functioning in speech determines the relevance of this study. 15 abbreviated words built according to the “云xx” model were analyzed, naming current events in the life of Chinese society in the era of coronavirus. It was found that the morpheme 云 ‘in a cloud format’ is an affix that has regular reproducibility and forms a productive construction “云xx”, which creates a word-building mechanism for generating a whole group of new compound abbreviated words. It has been proved that this word-formation model has a high productivity, which makes it possible to regularly produce words expressing new concepts and phenomena associated with the development of network technologies.

Key words:
compound words; regular semantic model; vocabulary of the era of coronavirus; Chinese; IT vocabulary; cloud format.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.581’373.612::616-036.21

Сложносокращённые китайские слова эпохи коронавируса со структурно-семантическим компонентом ‘в облачном формате’

© Ли Сяогэ, 2022

1. Введение = Introduction

Язык представляет собой сложную систему, включающую несколько уровней: фонологический, лексический, грамматический. Наиболее подвижной и активной частью этой системы является лексический уровень. Словарный запас всегда меняется в зависимости от экосистемы, в которой находится язык [Ван Хань, 2021, с. 130]. Новые понятия и явления, появляющиеся в обществе, прежде всего находят отражение в лексике. В последние годы с популяризацией Интернета и развитием общества в поле нашего зрения появилось и продолжает появляться большое количество новых слов. В том числе новые слова, построенные по модели «云xx», включая новые сложносокращённые слова, впервые появились в области науки и техники, а затем постепенно распространились и на повседневную жизнь. Немало из них приобрели популярность. Рождение и развитие популярных слов неотделимы от контекста, создаваемого обществом. В то же время быстрое развитие Интернета предоставило среду для распространения популярных слов. Простая структура таких слов и механизм аналогии языка также в значительной степени способствуют их воспроизведению и распространению [Сюн Чэн, 2022, с. 106].

Понятие «конструкция» (construction) предложил американский лингвист Адел Ива Гольдберг. Под *конструкцией* понимается «языковое выражение, имеющее аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, 2010, с. 19]. Основное свойство конструкции заключается в том, что её значение и форма независимы от значения и формы составных частей [Чжу Цзюнь, 2010, с. 1].

Морфема云 ‘в облачном формате’ первоначально возникла в области технологий интернет-индустрии и связана с одним из центральных понятий данной сферы, которое обозначается термином «облачные вычисления» [Цан Янань и др., 2019, с. 136], например, 云办公 ‘заниматься служебными делами в облачном формате’ (исходная синтагма: 云 ‘в облачном формате’ + 办理公务 ‘заниматься служебными делами’): люди работают удалённо, используя персональные компьютеры [Ван Сяоянь и др., 2021, с. 39].

CC BY

Значение сложносокращённого слова, построенного по модели «云 xx», не является простой суммой значений его составных компонентов: «云 ‘облако’» и «xx». Более того, словообразовательную структуру таких слов невозможно описать с позиций существующей общепринятой грамматики. В связи с тем, что сложносокращённые слова, построенные по схеме « 云xx», характеризуются непредсказуемостью и по форме, и по значению, эти новые для современного китайского языка лексические единицы могут быть определены как «конструкции» [Лунь Синьюй и др., 2019, с. 105]. А расширенное значение «云xx» — это значение конструкции, возникшее после сочетания «云 ‘облако’» и составных частей «xx», при этом целое больше суммы его частей [Ши Си, 2018, с. 83].

В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции Covid-19 в начале 2020 года в Китае был установлен режим строгого карантина, подразумевающий изоляцию граждан. С этого времени Интернет стал для людей основным способом получения информации из внешнего мира, а повседневная деятельность превратилась в «облачную деятельность». В связи с этими социальными процессами и трансформациями в современном китайском языке получили широкое распространение новые сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx».

В нашей статье объектом исследования являются сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx», а предметом — словообразовательный механизм, реализованный в этих словах, и морфема 云 ‘в облачном формате’. Целью работы стало изучение словообразовательных и семантических закономерностей появления в современном китайском языке новых слов, построенных по модели «云xx». В данной статье описываются результаты исследования указанных лексических единиц, которые были проанализированы в двух аспектах: словообразовательном (рассмотрение морфемы 云 ‘в облачном формате’ как аналогичного аффикса) и лексико-семантическом (выявление смысловых и синтаксических характеристик сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx»).

В круг задач**,** требующих решения в рамках достижения поставленной цели, входят следующие: 1) выявить характеристики морфемы 云 ‘в облачном формате’; 2) описать процессы образования сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx»; 3) обобщить их семантико-синтаксические связи между компонентами сложного слова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материла исследования были отобраны 15 типичных сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx», рассмотренные с позиций словообразования, источниками которых стали тексты ведущих

CC BY

новостных веб-страниц Sohu [Sohu], Sina [Sina] и др. Круг тем охватывает различные сферы человеческой деятельности, такие как наука и техника, повседневная жизнь, общественные связи, обучение и работа. Методы исследования представляют собой сочетание ряда лингвистических и общенаучных методов, таких как метод сплошной выборки, лексический анализ, компонентный анализ и анализ аналогий.

Теоретической базой исследования послужили научные работы, посвящённые общим вопросам грамматических и словообразовательных правил [Люй Шусян, 1978; Мартине Андре, 1988; Инь Чжипин, 1999; Чжу Янь, 2010], вопросам аналогичного аффикса [Лю Цзиньмэй, 2013; Чжан Цин, 2016; Цзя Зелин, 2019; Ли Цянь, 2022], строительной грамматике [Рахлина, 2010; Чжу Цзюнь, 2010], а также специальные исследования слов, построенных по модели «云xx» [Лунь Синьюй, Сунь Цзяньвэй, 2019; Цан Янань, Лу Шаоган, 2019; Чжан Липин, Лю Чжэньпин, 2020; Ян Чуньмин, 2015; Ши Си, 2018; Ван Хань, 2021; Дин Сяохуэй, 2021; Ван Сяоянь, Сюй Хаоюй, 2021; Сюн Чэн, 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Теоретические основы рассмотрения 云 ‘в облачном формате’ как аналогичного аффикса

Как изолированный язык, китайский, как правило, не выражает грамматические функции посредством морфологических изменений, так что в китайском языке мало чистых аффиксов. Китайский лингвист Люй Шусян первым предложил термин *аналогичный аффикс*, под которым понимаются префиксы или суффиксы, частично сохраняющие собственную семантику, иногда используемые в качестве корня [Люй Шусян, 1978, с. 41].

Аналогичные аффиксы отличаются как от корней, так и от аффиксов. Они представляют собой промежуточный класс словообразовательных морфем и в разной степени сохраняют значение знаменательных слов [Ли Цянь, 2022, с. 119]. Характеристики аналогичных аффиксов таковы:

— размытость семантики [Лю Цзиньмэй, 2013, с. 18]: лексическое значение ослаблено, в то же время усиливается роль грамматического значения;

— фиксированность положения при словообразовании, подобно чистым аффиксам [Чжан Цин, 2016, с. 53];

— способность образовывать слова по аналогии [Цзя Зелин, 2019, с. 1].

Французский лингвист Мартине Андре в работе «Основы общей лингвистики» указал, что словообразовательная аналогия — это сближение нескольких грамматических конструкций под влиянием одной определённой конструкции, то есть процесс объединения нескольких различных грамма-

CC BY

тических форм, представляющих одно и то же грамматическое значение, обусловленный влиянием одной из них [Мартине Андре, 1988, с. 171].

При анализе слов с «云xx» необходимо учитывать несколько важных характеристик данной конструкции.

Во-первых, с точки зрения происхождения значение морфемы 云 ‘в облачном формате’ сформировалось в результате метафорического переосмысления значения 云 ‘облако в природе’. Согласно интерпретации толкового словаря китайского языка, имя существительное 云 ‘облако в природе’ — предмет, характеризующийся флюидностью, распространённостью и собирательностью. Концепция «облачные вычисления» была предложена Google в 2006 году. «Облачные вычисления» характеризуются виртуальностью, общедоступностью и массовым распространением. При этом смысловым центром понятия «облачных вычислений» является Интернет [Ян Чуньмин, 2015, с. 38]. Сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx», обозначают новые, связанные со значениями составных частей «xx» явления, порождённые в области Интернета и постепенно распространяющиеся в другие сферы. Это соответствует размыванию семантики аналогичных аффиксов.

Во-вторых, с точки зрения положения при словообразовании морфема 云 ‘в облачном формате’ занимает фиксированную позицию перед глагольными или субстантивными структурами.

В-третьих, с точки зрения продуктивности морфема 云 ‘в облачном формате’ может быть объединена с различными типами корневых компонентов по принципу аналогии и образует группу слов с одним и тем же прототипом.

Таким образом, мы имеем все основания полагать, что морфема 云 ‘в облачном формате’ представляет собой аналогичный аффикс.

3.2. Словообразовательные и лексико-семантические характеристики сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx»

Образование новых слов обычно осуществляется в рамках существующих моделей слов. По одной и той же модели слова появляются в соответствии с регулярными правилами, которые определяют количество слогов, категориальную принадлежность составных частей, их семантико-синтаксические связи (субъектно-предикативная, глагольно-объектная, результативная, копулятивная и атрибутивная связи и т. д.) [Чжу Янь, 2010, с. 146].

Китайский исследователь Инь Чжипин выделяет три принципа образования сложносокращённых слов: эквивалентность, отличительность, привычность. При этом он считает наиболее часто используемым и приоритетным способ выбора первых морфем из составных частей [Инь Чжипин, 1999, с. 78—80]. Таким образом, сложносокращённые слова, постро-

CC BY

енные по модели «云xx», образуются способом словосложения: морфема 云 ‘в облачном формате’ + морфемы из исходных синтагм, при этом используются принцип выбора первой морфемы и принцип аналогии. Рассмотрим процессы образования исследуемых сложносокращённых слов и их значения.

云物流 ‘облачная логистика’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 物质资源 ‘материальные ресурсы’ + 流通 ‘обращаться’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из синтагмы 物质资源 ‘материальные ресурсы’ и первой морфемой из глагола 流通 ‘обращаться’. Сокращённая форма 物 ‘материальные ресурсы’ выступает в качестве субъекта, а сокращённая форма глагола 流 ‘обращаться’ — в качестве предиката. Образуется субъектно-предикативная связь.

云物联[1] ‘Интернет вещей’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 物物相连的 ‘взаимосвязанный’ + 互联网 ‘сеть’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из прилагательного 物物相连的 ‘взаимосвязанный’ и второй морфемой из существительного 互联网 ‘сеть’. Сокращённая форма прилагательного 物 ‘взаимосвязанный’ определяет сокращённую форму существительного 联 ‘сеть’, и образуется атрибутивная связь.

云托管 ‘доверительное управление в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 委托 ‘доверительный’ + 管理 ‘управление’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается со второй морфемой из прилагательного 委托 ‘доверительный’ и первой морфемой из существительного 管理 ‘управление’. Сокращённая форма прилагательного 托 ‘доверительный’ определяет сокращённую форму существительного 管 ‘управление’, и образуется атрибутивная связь.

云客服 ‘облачный клиентский сервис’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 客户 ‘клиентский’ + 服务 ‘сервис’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из прилагательного 客户 ‘клиентский’ и первой морфемой из существительного 服务 ‘сервис’. Сокращённая форма прилагательного 客 ‘клиентский’ определяет сокращённую форму существительного 服 ‘сервис’, и образуется атрибутивная связь.

云选会 ‘облачная выставка вакансий’: исходная синтагма 云 ‘в блачном формате’ + 选拔 ‘отборочный’ + 会议 ‘совещание’. При сокращении

1 云物联 ‘Интернет вещей’: концепция вычислительной сети физических объектов, оснащённых встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой, рассматривающая организацию таких сетей как явление, способное перестроить экономические и общественные процессы, исключающее из части действий и операций необходимость участия человека.

CC BY

морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из прилагательного 选拔 ‘отборочный’ и первой морфемой из существительного 会议 ‘совещание’. Сокращённая форма прилагательного 选 ‘отборочный’ определяет сокращённую форму существительного 会 ‘совещание’, и образуется атрибутивная связь.

云抗疫 ‘бороться с эпидемией в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 抗击 ‘бороться’ + 疫情 ‘эпидемия’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 抗击 ‘бороться’ и первой морфемой из существительного 疫情 ‘эпидемия’. Сокращённая форма глагола 抗 ‘бороться’ управляет сокращённой формой существительного 疫 ‘эпидемия’, и образуется глагольно-объектная связь.

云复工 ‘восстановить работу в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 恢复 ‘восстановить’ + 工作 ‘работа’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается со второй морфемой из глагола 恢复 ‘восстановить’ и первой морфемой из существительного 工作 ‘работа’. Сокращённая форма глагола 复 ‘восстановить’ управляет сокращённой формой существительного 工 ‘работа’, и образуется глагольно-объектная связь.

云监工 ‘контролировать работу в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 监督 ‘контролировать’ + 工作 ‘работа’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 监督 ‘контролировать’ и первой морфемой из существительного 工作 ‘работа’. Сокращённая форма глагола 监 ‘контролировать’ управляет сокращённой формой существительного 工作 ‘работа’, и образуется глагольно-объектная связь.

云赏樱 ‘любоваться сакурой онлайн’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 观赏 ‘любоваться’ + 樱花 ‘сакура’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается со второй морфемой из глагола 观赏 ‘любоваться’ и первой морфемой из существительного 樱花 ‘сакура’. Сокращённая форма глагола 赏 ‘любоваться’ управляет сокращённой формой существительного 樱 ‘сакура’, и образуется глагольно-объектная связь.

云签约 ‘подписать контракты онлайн’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 签订 ‘подписать’ + 契约 ‘контракт’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 签订 ‘подписать’ и второй морфемой из существительного 契约 ‘контракт’. Сокращённая форма глагола 签 ‘подписать’ управляет сокращённой формой существительного 约 ‘контракт’, и образуется глагольно-объектная связь.

云推介 ‘рекомендовать и представлять в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 推荐 ‘рекомендовать’ + 介绍 ‘пред-

CC BY

ставлять’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 推荐 ‘рекомендовать’ и первой морфемой из глагола 介绍 ‘представлять’. Сокращённая форма глагола 推 ‘рекомендовать’ и сокращённая форма глагола 介 ‘представлять’ образуют копулятивную связь.

云整合 ‘облачная интеграция’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 整理 ‘упорядочивать’ + 统合 ‘объединять’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 整理 ‘упорядочивать’ и второй морфемой из глагола 统合 ‘объединять’. Сокращённая форма глагола 整 ‘упорядочивать’ и сокращённая форма глагола 合 ‘объединять’ образуют копулятивную связь.

云祭扫 ‘*букв*. посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 祭奠 ‘поминать с приношениями’ + 扫墓 ‘посещать кладбище усопших’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из глагола 祭奠 ‘поминать с приношениями’ и первой морфемой из глагола 扫墓 ‘посещать кладбище усопших’. Сокращённая форма глагола 祭 ‘поминать с приношениями’ и сокращённая форма глагола 扫 ‘посещать кладбище усопших’ образуют копулятивную связь. 祭奠扫墓 — китайский традиционный обряд поминовения усопших во время праздников. Люди должны приносить на кладбище вино, еду, специальные бумажные деньги и другие предметы, приводить в порядок место захоронения, ухаживать за почвой и цветами, удалять сорняки, затем сжигать специальные бумажные деньги и кланяться до земли. Во время карантина на замену этим традициям создавались новые ритуалы: вместо личного посещения кладбища люди могут создавать «мемориальный музей» для усопших в Интернете и дарить им виртуальные приношения [АА, 2022, с. 89—90].

云研修 ‘облачное исследование и дальнейшее образование’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 研究 ‘исследование’ + 进修 ‘дальнейшее образование’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из существительного 研究 ‘исследование’ и второй морфемой из существительного 进修 ‘дальнейшее образование’. Сокращённая форма существительного 研 ‘исследование’ и сокращённая форма существительного 修 ‘дальнейшее образование’ образуют копулятивную связь.

云培训 ‘онлайн-обучение’: исходная синтагма 云 ‘в облачном формате’ + 培养 ‘подготовка’ + 训练 ‘тренировка’. При сокращении морфема 云 ‘в облачном формате’ сочетается с первой морфемой из существительного 培养 ‘подготовка’ и первой морфемой из существительного 训练 ‘тренировка’. Сокращённая форма существительного 培 ‘подготовка’ и сокращённая форма существительного 训 ‘тренировка’ образуют копулятивную связь.

CC BY

При сокращении в новом сочетании отобранных морфем не меняются семантико-синтаксические связи между компонентами, что крайне важно для расшифровки и понимания сложносокращённых слов. Например, в новом сокращённом сочетании 培训 ‘обучение’ между компонентами 培 и 训 сохраняется копулятивная связь, которая уже существует в исходном сочетании слов 培养 ‘подготовка’ и 训练 ‘тренировка’.

В таблице в обобщённом и систематизированном виде представлены семантико-синтаксические связи между компонентами в исследуемых сложносокращённых словах (табл. 1).

Таблица 1

Семантико-синтаксические связи между компонентами сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx»

Вид связи	**Примеры**	**Понятие**
субъектно-предикативная	1) 云物流	облачная логистика
атрибутивная	2) 云物联	Интернет вещей
	3) 云托管	доверительное управление в облачном формате
	4) 云客服	облачный клиентский сервис
	5) 云选会	облачная выставка вакансий
глагольно-объектная	1) 云抗疫	бороться с эпидемией в облачном формате
	2) 云复工	восстановить работу в облачном формате
	3) 云监工	контролировать работу в облачном формате
	4) 云赏樱	любоваться сакурой онлайн
	5) 云签约	подписать контракты онлайн
копулятивная	1) 云推介	рекомендовать и представлять в облачном формате
	2) 云整合	облачная интеграция
	3) 云祭扫	*букв.* посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате
	4) 云研修	облачное исследование и дальнейшее образование
	5) 云培训	онлайн-обучение

При рассмотрении семантико-синтаксических связей между компонентами в исследуемых лексических единицах с точки зрения частеречной принадлежности в китайском языке обнаружены следующие соответствия: субъектно-предикативная связь образуется сочетанием «имя существительное + глагол», атрибутивная связь — «имя прилагательное + имя существительное», глагольно-объектная связь — «глагол + имя существи-

CC BY

тельное», копулятивная связь — «глагол + глагол» или «имя существительное + имя существительное».

Сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx», характеризуются тем, что 云 ‘в облачном формате’ является атрибутом. В позиции «xx» вставляются знаменательные слова, чаще всего имени существительные и глаголы [Дин Сяохуэй, 2021, с. 60]. В зависимости от категорий слов «xx» сложносокращённые слова разделяются на два типа: 1) модель «определение + базовое слово» и 2) модель «обстоятельство + базовое слово». Когда составные части «xx» являются именем существительным, сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx», принадлежат к модели «определение + базовое слово» и выполняют грамматическую функцию имён существительных. Когда «xx» являются глагольной синтагмой, сложносокращённые слова, построенные по модели «云xx», принадлежат к модели «обстоятельство + базовое слово» и выполняют грамматическую функцию глаголов [Чжан Липин, 2020, с. 120].

Среди 15 исследуемых сложносокращённых слов 7 единиц построены по модели «определение + базовое слово» и 8 номинаций — по модели «обстоятельство + базовое слово» (табл. 2).

Таблица 2

Модели сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx»

Модель	Примеры	Понятие
определение + базовое слово	1) 云物流	облачная логистика
	2) 云物联	Интернет вещей
	3) 云托管	доверительное управление в облачном формате
	4) 云客服	облачный клиентский сервис
	5) 云选会	облачная выставка вакансий
	6) 云研修	облачное исследование и дальнейшее образование
	7) 云培训	онлайн-обучение
обстоятельство + базовое слово	1) 云抗疫	бороться с эпидемией в облачном формате
	2) 云复工	восстановить работу в облачном формате
	3) 云监工	контролировать работу в облачном формате
	4) 云赏樱	любоваться сакурой онлайн
	5) 云签约	подписать контракты онлайн
	6) 云推介	рекомендовать и представлять в облачном формате
	7) 云整合	облачная интеграция
	8) 云祭扫	*букв.* посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате

Модель «определение + базовое слово» может выполнять грамматическую функцию имени существительного, например, 云培训 ‘онлайн-обучение’ выступает в качестве подлежащего:

云培训助力素质提升、人才成长。 / ‘**Онлайн-обучение** способствует повышению качества и усовершенствованию персонала’[Soho, 2022].

Модель «обстоятельство + базовое слово» может выполнять грамматическую функцию глагола, например, 云监工 ‘контролировать работу в облачном формате’ выступает в качестве сказуемого:

9日下午大家又都守候在了直播间云监工“冰墩墩”的生产线。 / ‘Во второй половине 9-го все смотрели прямой эфир и **контролировали работу** сборочной линии «Бин Дуньдунь» **в облачном формате**’ [Sina, 2022].

Однако следует отметить, что в китайском языке классы частей речи выделяются исходя из значения и функции, чаще всего части речи пересекаются друг с другом. Так что иногда модель «определение + базовое слово» может выполнять и грамматическую функцию глагола, а модель «обстоятельство + базовое слово» — грамматическую функцию имени существительного.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

В сложносокращённых словах, построенных по модели «云xx», морфема 云 ‘в облачном формате’ является аналогичным аффиксом. Грамматические признаки и функции «云xx» зависят от того, какую структуру представляет собой его составная часть «xx»: субстантивную или глагольную.

В результате метафорического переосмысления первоначального значения морфема 云 ‘в облачном формате’ получила широкое распространение в сфере Интернета. Являясь составной частью сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx», данная морфема формирует в структуре их значений такие семантические признаки, как связь с интернет-технологиями, виртуальность, связь с интеллектуальной деятельностью, широкое распространение, большой масштаб.

С постоянным развитием сетевых технологий и на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 значительная часть деятельности людей практически во всех сферах жизни стала проходить в режиме онлайн. В современном мире модель «云xx», как конструкция «модного» слова, обладает высокой продуктивностью, так как она отображает важные для менталитета современного человека понятия инновационного развития и коллективной деятельности.

В конструкции «云xx» сема «Интернет» представляет собой основной смысловой элемент, ядро значения. В дальнейшем данная конструкция

всегда будет сохранять это ядро, на основе которого будут порождаться новые лексические единицы по существующей модели образования сложносокращённых слов.

Понимание механизмов образования сложносокращённых слов, построенных по модели «云xx», изучение семантико-синтаксических связей между их компонентами, описание их моделей и грамматических функций способствует более легкому восприятию и быстрому освоению новых слов подобного строения.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора. Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса) / Ли Сяогэ // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 78—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-78-95.

2. Sina — *Официальное* информационное агентство правительства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — 2022. — Режим доступа : https://news.sina.cn/2022-02-10/detail-ikyamrna0039253.d.html (дата обращения 05.04.2022).

3. Sohu — *Официальное* информационное агентство правительства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — 2022. — Режим доступа : https://learning.sohu.com/a/540253896_121117454 (дата обращения 05.04.2022).

Литература

1. *Рахилина Е. В.* Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с. — ISBN 9785911720322.

2. *Ван Сяоянь*. Исследование использования модного интернет-слова 云 при COVID-19 / Ван Сяоянь, Сюй Хаоюй // Вестник Национального университета Цяньнань. — 2021. — Т. 41. — № 5. — С. 38—44. — DOI: 10.3969/j.issn.1674-2389.2021.05.007 (王晓燕. 新冠疫情下网络流行语“云”的使用研究 / 王晓燕, 徐浩宇 // 黔南民族师范学院学报. — 2021. — Т. 41. — № 5. — 38—44页. — DOI: 10.3969/j.issn.1674-2389.2021.05.007).

3. *Ван Хань*. Анализ горячих слов в эпоху коронавируса с точки зрения эколингвистики / Ван Хань // Культура китайского иероглифа : обсуждение и дискуссия. — 2021. — № 1. — С. 130—135. — DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037 (王涵. 生态语言学视角下新冠疫情热词分析 / 王涵 // 汉字文化: 讨论与争鸣. — 2021年. — № 1. — 130—135页. — DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037).

4. *Дин Сяохуэй*. Причины эволюции и распространение используемых в Интернете слов / Дин Сяохуэй // Вестник Кайфэнского профессионального колледжа культуры и искусства. — 2021. — Т. 41. — № 7. — С. 59—60. — DOI: 10.3969/j.issn.2096-7853.2021.07.026 (丁晓慧. 网络词“云XX”的演化成因及流行现状 / 丁晓慧 // 开封文化艺术职业学院学报. — 2021. — Т. 41. — № 7. — 59—60页. — DOI: 10.3969/j.issn.2096-7853.2021.07.026).

5. *Инь Чжипин*. Методы и принципы образования сложносокращённых слов / Инь Чжипин // Преподавание языков и научные исследования. — 1999. — № 2. — С. 73—82. (殷志平. 构造缩略语的方法和原则 / 殷志平 // 语言教学与研究. — 1999. — № 2. — 73—82页).

6. *Ли Цянь*. Обзор исследований аналогичных аффиксов в китайском языке / Ли Цянь // Культура древности и современности. — 2022. — № 2. — С. 119—122 (李茜. 现代汉语类词缀研究述评 / 李茜 // 今古文创. — 2022. — № 2. — 119—122页).

7. *Лунь Синьюй*. Исследование новой группы слов «云xx» / Лунь Синьюй, Сунь Цзяньвэй // Филологический вестник. — 2019. — № 5. — С. 104—110. — DOI: 10.3969/j.issn. 1672-8610.2019.05.016 (伦昕煜. 云族新词语的构式考察 / 伦昕煜, 孙建伟 // 语文学刊. — 2019. — № 5. — 104—110页. — DOI: 10.3969/j. issn. 1672-8610.2019.05.016).

8. *Лю Цзиньмэй*. Об аналогических аффиксах в китайском языке / Лю Цзиньмэй // Вестник Ляонинского педагогического института : серия общественные науки. — 2013. — № 3. — С. 18—20. — DOI: 10.3969/j.issn.1008-3898.2013.03.009 (刘金梅. 试论汉语中的类词缀 / 刘金梅 // 辽宁师专学报：社会科学版. — 2013. — № 3. — 18—20页. — DOI: 10.3969/j.issn.1008-3898.2013.03.009).

9. *Люй Шусян*. Вопросы грамматики китайского языка / Люй Шусян. — Пекин : Коммерческая пресса, 1978. — 96 с. — ISBN 9787100044912 (吕叔湘. 汉语语法分析问题 / 吕叔湘. — 北京 : 商务出版社, 1978. — 96 页 — ISBN 9787100044912).

10. *Мартине Андре*. Основы общей лингвистики / Мартине Андре ; пер. с фр. Ло Шэньи . — Гонконг : Издательство книги о мировой культуре, 1988. — 216 с. — ISBN 9787800490675 (马丁内. 普通语言学纲要. 罗慎仪 译 / 马丁内. — 香港 : 国际文化出版社, 1988. — 216 页. — ISBN 9787800490675).

11. *Сюн Чэн*. Интерпретация десяти популярных слов в 2021 г. в рамках меметики / Сюн Чэн // Культура древности и современности. — 2022. — № 11. — С. 104—106 (熊铖. 2021年十大流行语的模因论解读 / 熊铖 // 今古文创. — 2022. — № 11. — 104—106页).

12. *Цан Янань*. Когнитивное социолингвистическое исследование «云xx» в рамках теории категорий прототипов / Цан Янань, Лу Шаоган // Современная филология. — 2019. — № 2. — С. 135—139. (藏雅楠. 原型范畴理论下“云xx”的认知社会语言学研究 / 藏雅楠, 卢绍刚 // 现代语文. — 2019. — № 2. — 135—139页).

13. *Цзя Зелин*. Обсуждение характеристик аналогичных аффиксов в китайском языке и стратегий их преподавания / Цзя Зелин // Китайский язык и культура. — 2019. — № 19. — С. 1—3. — DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2019.19.002 (贾泽林. 汉语类词缀的性质及其教学策略探讨 / 贾泽林 // 汉字文化. — 2019. — № 19. — 1—3页. — DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2019.19.002).

14. *Чжан Липин*. Исследование группы слов «云xx» как конструкции / Чжан Липин, Лю Чжэньпин // Вестник института западного Аньхоя. — 2020. — № 6. — С. 119—124. — DOI: 10.3969/j.issn.1009-9735.2020.06.024 (张丽萍. 云x构式探析 / 张丽萍, 刘振平 // 皖西学院学报. — 2020. — № 6. — 119—124页. — DOI: 10.3969/j.issn.1009-9735.2020.06.024).

15. *Чжан Цин*. Анализ категории прототипов современных китайских аналогичных аффиксов — начиная с критериев их различения / Чжан Цин // Китайский язык и культура. — 2016. — № 3. — С. 51—56. — DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2016.03.009 (张青. 现代汉语类词缀的原型范畴分析—从类词缀的判别标准说起 / 张青 // 汉字文化. — 2016. — № 3. — 51—56页. — DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2016.03.009).

16. *Чжу Цзюнь*. Строительная грамматика в китайском языке / Чжу Цзюнь. — Пекин : Китайская пресса общественных наук, 2010. — 299 с. — ISBN 9787500488330 (朱军. 汉语构式语法研究 / 朱军. — 北京 : 中国社会科学出版社, 2010. — 299 页. — ISBN 9787500488330).

17. *Чжу Янь*. Расширение сферы применения словесных паттернов в словообразовании по творческой аналогии / Чжу Янь // Современная филология. — 2010. — № 2. — С.146—161. (朱彦. 创造性类推构词中词语模式的范畴扩展 / 朱彦 // 中国语文. — 2010. — № 2. — 146—161页).

18. *Ши Си*. Небольшая дискуссия о новом выражении «云xx» / Ши Си // Современная филология. — 2018. — № 4. — С. 80—83. (石思. 小议“云x” / 石思 // 现代语文. — 2018. — № 4. — 80—83页).

19. *Ян Чуньмин*. Анализ группы слов «云xx» с когнитивной точки зрения / Ян Чуньмин // Вестник Чэндуского педагогического института. — 2015. — Т. 31. — № 8. — С. 37—40. — DOI: 10.3969/j.issn.2095-5642.2015.008.037 (杨春明. 从认知角度分析云族新词的生成 / 杨春明 // 成都师范学院学报. — 2015. — Т. 31. — № 8. — 37—40页. — DOI: 10.3969/j.issn.2095-5642.2015.008.037).

Material resources

Li X. (2022). First Morpheme in Compound Words in Modern Chinese (Words from Coronavirus Era). *Nauchnyi dialog, 11 (3):* 78—95. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-78-95. (In Russ.).

Official News Agency of the Government of the People's Republic of China. (2022). Available at: https://news.sina.cn/2022-02-10/detail-ikyamrna0039253.d.html (accessed 05.04.2022). (In Russ.).

Official News Agency of the Government of the People's Republic of China. (2022). Available at: https://learning.sohu.com/a/540253896_121117454 (accessed 05.04.2022). (In Russ.).

References

Cang Yanan., Lu Shaogan. (2019). Cognitive sociolinguistic research “云xx” within the framework of the theory of prototype categories. *Modern Philology, 2:* 135—139. (In Chin.).

Ding Xiaohui. (2021). The reasons for the evolution and spread of words used on the Internet. *Bulletin of the Kaifeng Professional College of Culture and Art, 41 (7):* 59—60. DOI: 10.3969/j.issn.2096-7853.2021.07.026. (In Chine.).

Jia Zelin. (2019). Discussion of the characteristics of similar affixes in the Chinese language and strategies for teaching them. *Chinese Language and Culture, 19:* 1—3. DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2019.19.002. (In Chin.).

Li Qian. (2022). Review of studies of similar affixes in Chinese. *Culture of antiquity and modernity, 2:* 119—122. (In Chin.).

Lun Xinyu., Sun Jianwei. (2019). The study of a new group of words “云xx”. *Philological Bulletin, 5:* 104—110. DOI: 10.3969/j. issn. 1672-8610.2019.05.016. (In Chine.).

Liu Jinmei. (2013). About analogical affixes in Chinese. *Bulletin of Liaoning Pedagogical Institute: Social Sciences series, 3:* 18—20. DOI: 10.3969/j.issn.1008-3898.2013.03.009. (In Chin.).

Lu Shuxiang. (1978). *Questions of grammar of the Chinese language.* Beijing: Commercial Press. 96 p. ISBN 9787100044912. (In Chin.).

Martine Andre. (1988). *Fundamentals of general linguistics*. Hong Kong: Publishing House of books about world culture. 216 p. ISBN 9787800490675. (In Chin.).

Rakhilina, E. V. (2010). *Linguistics of constructions.* Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. 584 p. ISBN 9785911720322. (In Russ.).

Shi Xi. (2018). A small discussion about the new expression “云xx”. *Modern Philology, 4:* 80—83. (In Chin.).

Wang Han. (2021). Analysis of hot words in the era of coronavirus from the point of view of ecolinguistics. *Culture of the Chinese character: discussion and discussion, 1:* 130—135. DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037. (In Chin.).

Wang Xiaoyan., Xu Haoyu. (2021). A study of the use of the fashionable Internet word for COVID-19. *Bulletin of the National University of Qiannan, 41 (5):* 38—44. DOI: 10.3969/j.issn.1674-2389.2021.05.007. (In Chin.).

Xiong Cheng. (2022). Interpretation of ten popular words in 2021 within the framework of memetics. *Culture of Antiquity and Modernity, 11:* 104—106. (In Chin.).

Yang Chunming. (2015). Analysis of the group of words "云xx" from a cognitive point of view. *Bulletin of Chengdu Pedagogical Institute, 31 (8):* 37—40. DOI: 10.3969/j.issn.2095-5642.2015.008.037. (In Chin.).

Yin Zhiping. (1999). Methods and principles of the formation of compound words. *Teaching languages and scientific research, 2:* 73—82. (In Chin.).

Zhang Liping., Liu Zhenping. (2020). A study of the group of words "云xx" as constructions. *Bulletin of the Western Anhui Institute, 6:* 119—124. DOI: 10.3969/j.issn.1009-9735.2020.06.024. (In Chin.).

Zhang Qing. (2016). Analysis of the category of prototypes of modern Chinese analogous affixes — starting with the criteria for distinguishing them. Chinese Language and Culture, 3: 51—56. DOI: 10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2016.03.009. (In Chin.).

Zhu Jun. (2010). *Construction Grammar in Chinese.* Beijing: Chinese Press of Social Sciences. 299 p. ISBN 9787500488330. (In Chin.).

Zhu Yan. (2010). Expanding the scope of verbal patterns in word formation by creative analogy. *Modern Philology, 2:* 146—161. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 25.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Манукян Я. А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора / Я. А. Манукян, Н. А. Трофимова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 218—234. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234.

Manukyan, Ya. A., Trofimova, N. A. (2022). COVID-19 Pandemic in German Humor. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 218-234. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234

Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора

Манукян Янис Ашотович
orcid.org/0000-0002-6117-8166
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра немецкого языка
manukyanyanis@rambler.ru

Трофимова Нэлла Аркадьевна
orcid.org/0000-0002-4088-0730
доктор филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой
немецкого языка
nelart@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

COVID-19 Pandemic in German Humor

Yanis A. Manukyan
orcid.org/0000-0002-6117-8166
PhD in Philology,
Senior Lecturer,
Department of German Language
manukyanyanis@rambler.ru

Nella A. Trofimova
orcid.org/0000-0002-4088-0730
Doctor of Philology,
Associate Professor, Head
of the German Language Department
nelart@mail.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

© Манукян Я. А., Трофимова Н. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вербальные средства отражения ситуации пандемии коронавируса сквозь призму немецкого юмора. Актуальность исследования обусловлена интересом современной науки о языке к изучению дискурсов как своеобразных маркеров языкового сознания и речевого поведения. Новизна исследования состоит в том, что немецкие юмористические тексты о пандемии еще не становились предметом специального научного исследования. Цель исследования — описать и интерпретировать мотивы, реакции, оценки, репрезентирующие основные сферы жизни, которые изменились в условиях пандемии. Показано, что пандемия предстает в шутках как дискурсивное пространство, предопределяющее и моделирующее шутливо-ироничную оценку текущей ситуации: вынужденная самоизоляция послужила поводом для ироничного переосмысления супружеских, детско-родительские отношений, дается общественная негативная оценка дистанционному образованию, состояние некоторых членов социума осмысливается как психическое заболевание. Репрезентация действительности конструируется не без влияния этнокультурных факторов и стереотипов: немецкое осмысливается и оценивается в рамках модуса «свое — другое — чужое». Исследование может быть продолжено в рамках межъязыкового описания юмора в период пандемии коронавируса с целью изучения лингвокогнитивной, лингвокультурологической сторон языковой деятельности.

Ключевые слова:
пандемический дискурс; юмор; шутливо-ироничная оценка; коронавирус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Verbal means of reflecting the situation of the coronavirus pandemic through the prism of German humor are considered. The relevance of the study is due to the interest of modern language science in the study of discourses as a kind of markers of linguistic consciousness and speech behavior. The novelty of the study lies in the fact that German humorous texts about the pandemic have not yet become the subject of a special scientific study. The purpose of the study is to describe and interpret the motives, reactions, assessments that represent the main areas of life that have changed during the pandemic. It is shown that the pandemic appears in jokes as a discursive space that predetermines and models a jokingly ironic assessment of the current situation: forced self-isolation served as a pretext for an ironic rethinking of marital, parent-child relationships, a public negative assessment of distance education is given, the state of some members of the society is comprehended as a mental illness. The representation of reality is constructed not without the influence of ethno-cultural factors and stereotypes: the German is comprehended and evaluated within the framework of the “own — different — alien” modus. The study can be continued as part of an interlingual description of humor during the coronavirus pandemic in order to study the linguocognitive, linguocultural aspects of language activity.

Key words:
pandemic discourse; humor; playfully ironic assessment; coronavirus.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.112.2’42::616-036.21+398.23

Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора

© Манукян Я. А., Трофимова Н. А., 2022

1. Введение = Introduction

Сегодня в лингвистике сложилась парадигма научно-исследовательских работ, изучающих «язык в контексте пандемии коронавируса»; обозначился и главный исследовательский вектор — вопрос о языковых изменениях. В научных работах, выполненных, например, на материале немецкого языка, как правило, обсуждаются вопросы современной неологии, изучаются активные процессы в лексике и словообразовании [Куссе, 2020; Майер, 2020; Москвитин, 2021; Мухаметзянова и др., 2021; Нефедова, 2021; Никитина и др., 2020; Орехова, 2022; Павлова, 2021; Редкозубова, 2020; Шемчук, 2020 и др.]. Избранный фокус исследовательского внимания вполне закономерен — пандемия коронавируса существенно обогатила немецкий язык новыми лексемами и выражениями (см., например, словарь «коронавирусных» неологизмов, подготовленный Институтом немецкого языка им. Лейбница (Маннгейм) [NWC]).

Не ставя перед собой задачи критического анализа уже имеющихся научных трудов, подчеркнем, что дискурс о коронавирусной пандемии (Corona-Diskur) не ограничивается лишь изучением динамики языковых процессов, происходящих в лексико-семантической системе немецкого языка, но и обладает богатой семиотической палитрой средств. О. И. Северская пишет: «Можно согласиться с заключением Х. Лобина [Lobin, 2020] и Р. Лоусона [Lawson, 2020], что коронавирусный дискурс стал “утилитарной сверткой” разговора о волнующих общество реальных проблемах, подменив собой разговор о войне в Сирии, политической борьбе в Европе и США, социальных противоречиях и превратившись в способ пошутить и посмеяться над миром вокруг нас» [Северская, 2020, с. 902]. В этом смысле актуальна попытка авторов настоящей статьи взглянуть сквозь призму юмора на некоторые оценочно осмысленные элементы действительности, сформировавшиеся под влиянием пандемического дискурса (последний понимается в исследовании как совокупность текстов, объединенных сверхтемой «Пандемия коронавируса»). В работе ставится цель выявить, описать и интерпретировать мотивы, реакции, оценки, закодированные в немецких юмористических текстах о пандемии COVID-19.

CC BY

Актуальность и научная новизна исследования обусловлены интересом современной лингвистики к изучению дискурсов как своеобразных маркеров языкового сознания и речевого поведения. Кроме того, по имеющимся у нас данным немецкие юмористические тексты в зеркале пандемии еще не становились темой специального научного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи, занимающиеся изучением языка «эпохи коронавируса», отмечают, что в стилистическом регистре новой лексики, фразем и паремий, связанных с пандемией, заметна не только номинативная направленность, но и экспрессивная, эмотивная, оценочная [Вальтер и др., 2020, с. 34; Вальтер и др., 2021, с. 563]. Применительно к теме проводимого исследования оценочное в шутках о пандемии (*Pandemie-Witze*), с одной стороны, выражает реакцию рядового немца на новую и одновременно страшную и непонятную реальность. С другой стороны, оценочное, экспрессивное, эмотивное (оно же — шутливое, ироничное, циничное) выполняет рекреативную функцию: шутливо-ироническая оценка снижает коллективное психологическое напряжение.

Известно, что релаксационный механизм при всем многообразии своих воплощений реализуется и вербально: слово психотерапевтично, словесное обсуждение окружающей действительности позволяет, пусть даже иллюзорно, дистанцироваться от нее [Фрумкин, 2010, с. 140]. Как правило, способом «вербального утешения» служит юмористически окрашенное высказывание. Возможно, индивид интуитивно осознает целебную силу комического и регулярно использует языковые возможности рассмешить себя и окружающих [Харченко, 2013, с. 24].

Как пишет В. И. Карасик, «юмор — это органическая защитная характеристика человеческой психики, достаточно тонкий и сложный эмоциональный феномен, связанный с выживаемостью человека как вида, т. е. юмор связан с витальными ценностями человека» [Карасик, 2002, с. 156]. Анализируя «ковидный» юмор, ученые единодушно соглашаются: «Шутки про пандемию становятся инструментом общения, ослабления стресса, управления эмоциями, коллективным механизмом психической защиты» [Завьялова, 2021, с. 261]. Еще М. М. Бахтин отметил: «Со страшным играют и над ним смеются: страшное становится “веселым страшилищем”» [Бахтин, 2010, с. 104]. Неслучайно механизмы словотворчества оказались сопоставимы в целом ряде языковых культур, что позволяет говорить о некоторых типологических универсалиях в восприятии страшных и опасных для жизни индивида событий, о параллелизме ассоциативных механизмов и образов [Русский язык…, 2021, с. 573].

CC BY

Пытаясь переосмыслить палитру однообразных «картинок», зрительных образов, поведенческих «паттернов», индивид, как показало настоящее исследование, шутливо-иронически интерпретирует происходящее, на основе чего и выносятся те или иные суждения и оценки. Инструментом примирения с новой реальностью / освобождением от нее становится коронаюмор. Сравним, например, с выводами, к которым приходит в своей статье «Российские анекдоты на “Коронную” тему: проблематика и поэтика» Е. Е. Завьялова: коммуникативная, компенсаторная, психотерапевтическая, гармонизирующая — ключевые функции анекдотов на «ковидную» тему [Завьялова, 2021]. В качестве примера приведем следующие шутки: *Vorsicht: Coronawitze verbreiten sich viral!* (здесь и далее все контексты даны в авторской орфографии и пунктуации. — *Н. Т., Я.М.*) / Осторожно: коронаюмор распространяется как вирусная инфекция! (здесь и далее перевод наш. — *Н. Т., Я.М.*) [АА]. *Das China-Virus hat auch etwas Gutes. Es hat ein paar lustige Witze hervorgebracht* (schlechtewitze.com, 2020) / В китайском вирусе тоже есть что-то хорошее. Он породил несколько забавных шуток [АА].

Юмористические тексты о пандемии анализируются в исследовании как явление, возникшее в коллективном сознании как закономерное следствие сформировавшихся в новой реальности экстралингвистических предпосылок. Основным методом исследования стал интерпретативный анализ, что способствует «пониманию смысла, содержащегося в тексте, благодаря знаниям контекста и ситуации, а также фактов, выходящих за пределы языка» [Кулинич, 2021, с. 101]. Дополнительным методом исследования стал описательный метод.

Материалом для анализа послужили шутки на тему «Пандемия коронавируса», собранные авторами исследования в немецкоязычном интернет-пространстве. Выделены основные тематические доминанты, порождающие наибольшее количество шуток: супружеские отношения в период локдауна; отношения родителей и детей в период локдауна; психологические проблемы в период локдауна; поведенческие «паттерны» людей в период пандемии; этностереотипы в период пандемии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Пандемия коронавируса (и, как следствие, — многомесячный карантин, прекращение международного авиасообщения, закрытие объектов, обеспечивающих деятельность образования и культуры, социальные, экономические, культурные, психологические потрясения) изменила мир, разделив его на «*до*» и «*во время*». Влияние экстралингвистических факторов не прошло бесследно и для языка: новая реальность и особенности поведения членов социума в этой реальности (ср. с метафорой «пандемия —

CC BY

лакмусовая бумажка общества» (Э. Лассан)) породили в современном немецком языке большое количество шуток, мемов, карикатур. «Каждый такой текст, — справедливо указывает М. А. Кулинич со ссылкой на Марту Динель (M. Dynel), — говорит своим голосом, но одновременно его создатели отражают анонимный коллективный голос современного общества со сходным опытом жизни в условиях коронавируса и сходными взглядами на проблему» [Кулинич, 2021, с. 101]. Иначе говоря, в шутках репрезентируется не случайное событие, а прецедент, калейдоскоп наблюдений, которые в гротескном виде показывают накал социокультурных проблем, психологию и вербальное поведение индивида в период пандемии.

3.1. Супружеские отношения в период локдауна

Ситуация вынужденной самоизоляции (и следовательно — совместное времяпровождение супругов в течение долгого времени) актуализирует внутрисемейные проблемы, возможно, не очень заметные ранее, когда люди проводили большую часть времени вне дома (работа, друзья и т. д.). Так, с позиций мужчин самым большим несчастьем в этот период является необходимость круглосуточного нахождения в кругу семьи; в шутках выражается братское сочувствие именно мужчинам, вынужденным терпеть супругу рядом с собой: *Diesen Beitrag widme ich all den Männern, die gerade den ganzen Tag mit ihren Frauen zuhause verbringen müssen. Haltet durch!* (*Haltet durch, Brüder!*) (debeste.de) / Этот призыв посвящается всем мужчинам, которые вынуждены проводить целый день с супругой. Держитесь! (Держитесь, братья!) [АА]. Исключительная сложность совместного нахождения в закрытом пространстве подчеркивается глаголом *durchhalten* (продержаться, выстоять, выдержать до конца; традиционные коллокации глагола: *bis zum letzten Blutstropfen* — до последней капли крови, *bis zum letzten Mann* — до последнего бойца, *tapfer* — мужественно).

Жестокость как тематическая составляющая юмористических текстов на тему самоизоляции прослеживается в следующей шутке: *28. Tag der Quarantäne: Meine Frau hat begonnen, ein tiefes Loch im Garten zu graben. Sie weigert sich aber, mir zu sagen, was da angepflanzt werden soll* (schlechtewitze.com, 2020) / 28-й день карантина: моя жена начала копать глубокую яму в саду. Но она отказывается говорить, что там будет посажено [АА]. Читатель понимает, что яма предназначена совсем не для растений, и роется она не для того, чтобы отвлечь женщину от домашней рутины. Не отвечая на вопрос супруга, она молча идет копать ему могилу. Приведем другой пример черного юмора. Следуя совету «корона-психотерапевта», мужчина исполняет свое самое заветное желание — закатать действующую ему на нервы жену в бетон строящегося гаража: *Mein Corona-Therapeut hat gesagt, wenn meine Frau zu Hause nervt, soll ich mir zum Ausgleich einen Wunsch er-*

füllen oder ein Hobby suchen. Und ja — der Tipp war Klasse! Hab angefangen, eine Garage am Haus zu bauen. Das Betonfundament wurde gestern fertig, und seitdem nervt meine Frau nicht mehr (schlechtewitze.com, 23.05.2020) / Мой «корона-психотерапевта» сказал, что если моя жена действует мне на нервы, то следует либо исполнить свое заветное желание, либо найти новое хобби. И да — совет был классным! Я начал строить гараж у дома. Бетонный фундамент был закончен вчера, и с тех пор моя жена меня больше не раздражает [АА].

Основанием для ироничного осмысления самоизоляции становится призыв оставаться дома и тем самым спасти окружающих от возможного заражения. Так, на образ-концепт БЕЗДЕЛЬНИК наслаиваются дополнительные концептуальные слои: привычка лениться — быть дома и ничем не заниматься — приобретает смысл и становится поступком сродни подвигу: *Früher habe ich einfach so rumgesessen, heute rette ich Leben!* (монолог в карикатуре. — *Н. Т., Я.М.*) (blogs.taz.de, 28.01.2021) / Раньше я просто бездельничал, сегодня я спасаю жизни! [АА]

3.2. Отношения родителей и детей в период локдауна

Создатели шуток акцентируют внимание на собственных детях. Отмечается, что нахождение в закрытом пространстве рядом с детьми возможно перенести только при наличии изрядного запаса алкоголя: *Kaffee, Klopapier, Nudeln, Duschgel… Waaaaas? Die Kinder bleiben ab sofort auch daheim?!! Alkohol, ich hab den Alkohol vergessen!!!!!* (schwarzer-kaffee.com, 13.03.2020) / Кофе, туалетная бумага, макароны, гель для душа… Чтоооо? Дети тоже останутся дома?!! Алкоголь, я забыл алкоголь!!!!! [АА] Вынужденное длительное нахождение в кругу семьи также показало: *Manche Eltern finden gerade heraus: Der Lehrer war nicht das Problem* (visualstatements.net) / Некоторые родители только сейчас осознали: не учитель был проблемой [АА].

Еще одна группа шуток, связанная с темой ребенок на самоизоляции, — дистанционное обучение. Результат онлайн-обучения показан в шутке об итоговом экзамене по математике, где вместо решения задачи предлагается просто раскрасить треугольник (schlechtewitze.com, 2020):

Corona-Kinder / «Корона-дети»

Abschlussprüfung / Выпускной экзамен

Mathematisch ausgedrückt lautet der Satz des Pythagoras $a^2+b^2=c^2$ / Формула Пифагора: $a^2+b^2=c^2$

Aufgabe: Male das Dreieck aus und diskutiere mit deinem Nachbarn / Задание: нарисуй треугольник и обсуди его со своим соседом [АА].

Авторы шуток дают глобальный прогноз и о функционировании общества в будущем: через какое-то время страной будут руководить дети, чьим

CC BY

обучением сейчас занимаются родители, снимающие стресс на самоизоляции алкоголем. Проиллюстрируем сказанное: *Alle 11 Minuten trinkt ein Elternteil einen Schnaps. Sie homeschoolen jetzt* (Homeschooling – Gespräche mit Eltern und unsere Erfahrungen // elischeba.de, 13.01.2021) / Каждые 11 минут один из родителей прикладывается к бутылке. Их дети на домашнем обучении [АА]. Аналогичная по своей проблематике шутка: *Wenn Sie denken, 2020 ist gefährlich: 2050 wird das Land von Kindern geführt, die von weintrinkenden Müttern zu Hause unterrichtet wurden* (S. Wichert. Wein statt Weinen // sueddeutsche.de, 05.06.2020) / Если вы думаете, что 2020 год опасен: в 2050 году страной будут управлять дети, которых дома учили пьющие матери [АА].

Оппозиция «старшее поколение — молодое поколение» реализуется в юмористических текстах, в которых обыгрывается тема психологической и социальной незрелости молодых людей. Так, оценка современного молодого поколения дана в следующей шутке: *Deine Großeltern wurden aufgerufen, in den Krieg zu ziehen. Du wirst aufgerufen, auf Deiner Couch zu bleiben. Du schaffst das!* (A. von Schlippe. Corona XIX: Witze in Zeiten von Corona // kure.hypotheses.org, 13.05.2020) / Твоих бабушку и дедушку призвали на войну. Тебя призывают остаться на диване. Ты справишься! [АА] Шутка основана на сопоставлении несопоставимого: война — хаос и ежедневная смерть, с одной стороны, и нахождение дома в комфортной обстановке, с другой стороны. Автор высмеивает молодое поколение; саркастичное восклицание *Du schaffst das!,* стилистически оформленное как пропагандистский лозунг, является кульминационной точкой шутки, едкой иронией автора над инфантильностью современных молодых людей (*Du wirst aufgerufen, auf Deiner Couch zu bleiben*).

Иронический подтекст угадывается и в шутке про геймеров: последние и до пандемии жили изолированно, но теперь их образ жизни приобретает статус социальной ценности: *Alle Gamer schützen sich schon das Leben lang gegen Corona: Nicht rausgehen, kein sozialer Kontakt, Profits statt Hände geben, öffentliche Einrichtungen meiden* (schlechtewitze.com) / Все геймеры уже давно защищают свою жизнь от вируса: не выходят на улицу, не вступают в социальные контакты, получают доход, не выходя из дома, избегают общественных учреждений [АА].

3.3. Психологические проблемы в период локдауна

Авторы шуток обращают внимание, что пандемия разрушает психику. Так, например, для обозначения последствий пандемии в немецком языке появились такие концептуальные метафоры, как *Corona-Koller* (D. Kliewer. Corona hat auch unsere Sprache infiziert // mdr.de, 07.12.2021)*, Corona-Wahn* (R. Atzinger. DAS FREIE WORT Corona-Wahn // krone.at, 21.7.2020) («ко-

CC BY

ронабешенство») [АА], источником для переноса значения в которых служат термины из сферы психиатрии. В этих метафорах пересекаются модель гнева и модель нездоровья, описывающие внутреннее эмоциональное состояние людей, теряющих контроль над своим поведением. Подобные шутливые метафорические оценки через отсылку к обусловленному проблемами с психикой иррациональному поведению кодируют ситуации переживания пандемии, которые объединяются сходством проявления и отличаются друг от друга лишь степенью (интенсивностью) и продолжительностью испытываемой эмоции. Для сравнения приведем следующие метафоры: *Coronakater* (A. Berger. Die deutsche Sprache hat Corona — so stark verändert sich unser Wortschatz // mdr.de, 07.12.2021) («корона-похмелье», как известно, похмелье сопровождается такими неприятными психологическими и физиологическими эффектами, как головная боль, раздражительность, сухость во рту, тошнота) [АА], *Corona-Blues* (deutsch.radio.cz, 01.06.2021) («корона-блюз», ср. англ. *blues*, сокр. от *blue devils* — меланхолия, уныние) [АА].

В рамках модуса «самоизоляция → одиночество → ущерб психике» появляются шутки о людях, неадекватно ведущих себя на карантине: *Quarantäne Tag 6: Mir ist eigentlich nicht langweilig, aber warum sind in dem einen Pack Reis 12678 Körner und in dem anderen nur 12660?* (kekememes.de, 27.05.2020) / 6 день на карантине: мне на самом деле не скучно, но меня мучает вопрос: почему в одной упаковке риса 12678 зерен, а в другой — только 12660? Другой пример: кто-то обращается к домашним животным, комнатным растениям или даже бытовым приборам как к партнерам по диалогу, об этом — шутка в форме обращения союза психиатров к согражданам (mimikama.at, 26.03.2020):

Eine Empfehlung der Schweizerischen Gesellschaft für Psychiatrie und Psychotherapie: / Рекомендация Швейцарского общества психиатрии и психотерапии:

Liebe Mitbürger/Innen / Дорогие сограждане

Dass Sie in der Quarantäne mit ihren Tieren, Pflanzen oder Haushaltsgeräten reden, ist völlig NORMAL. Deswegen müssen Sie sich nicht bei uns melden. Eine fachliche Hilfe sollten Sie erst aufsuchen, wenn diese Ihnen anfangen zu antworten! / То, что вы разговариваете со своими животными, растениями или бытовой техникой в карантине, совершенно НОРМАЛЬНО. По этому поводу вам не нужно связываться с нами. За профессиональной помощью следует обращаться только тогда, когда они начнут отвечать вам!

Besten Dank / Большое спасибо

Ihre überlasteten Psychiater und Psychotherapeuten / Ваши перегруженные работой психиатры и психотерапевты [АА].

CC BY

3.4. Поведенческие «паттерны» людей в период пандемии

В некоторых шутках затрагивается тема нездоровой запасливости, предусмотрительности. Так, поведение людей во время кризиса, которые скупают продукты питания и предметы гигиены (туалетную бумагу), запасаясь ими впрок, закодировано во вновь актуализированных лексемах в повседневной коммуникации носителей языка — *hamstern, Hamsterkauf* [NWC], перенос семантики которых осуществляется по характерной для хомяков способности в своих защечных мешках собирать и переносить собранную пищу для её дальнейшего поедания в укромном месте или для её хранения [AA].

Стремление скупить все возможное иронично сравнивается с болезнью, обозначенной *Hamsteritis* [NWC] («хомячизм», ср.: суффикс *-itis* используется для обозначения заболеваний воспалительного характера: *gastritis* (гастрит), *nephritis* (нефрит)) [AA]. Создатели шуток предлагают даже придумать новое лекарственное средство от идиотизма (*Antiidiotikum*) с названием *Coronex-ratiopharm*, которое будет способно вылечить паникерство и «хомячизм»: *Coronex-ratiopharm — Schmalspur-Antiidiotikum gegen Panikmache und Hamsterkäufe* (Coronavirus kompakt: Abschied von den Nasengrüßen // www.wz.de, 06.03.2020) [AA].

В шутках выражается недовольство относительно ажиотажной скупки продуктов питания: *Wir werden alle sterben, aber nicht an Corona, sondern weil die ganzen Idioten die Läden leer kaufen. Wir werden verhungern* (pinterest.de) / Мы все умрем, но не от коронавируса, а от голода в результате опустошительных «набегов» идиотов на магазины [AA]. Другой пример: *Der Idiotismus verbreitet sich noch schneller als mancher Virus* (calvendo.fr) / Идиотизм распространяется быстрее, чем иной вирус [AA].

Пандемия COVID-19 условно разделила немецкое общество на «умных» и «глупых». Так, стремление запастись макаронами и туалетной бумагой оценивается как признак потери рассудка или неадекватного поведения: *An alle, die jetzt genug Klopapier und Nudeln haben: nächste Woche gibt's beim Metzger Hirn im Angebot* (D. Neukirchen. Wuppertaler Supermärkte: „Die Menschen werden ungehalten“ // www.wz.de, 20.03.2020) / Всем, у кого сейчас достаточно туалетной бумаги и макарон: на следующей неделе у мясника будут в продаже мозги [AA].

Ироничная оценка высмеивающих «хомячизм» проявляется и в переосмыслении (пародировании) прецедентных текстов, адаптированных к деталям пандемии. Примером может служить трансформация четверостишия из баллады «Лесной царь» („*Erlkönig*“) Гете (debeste.de):

Wer hamstert so spät bei Nacht und Wind? / Кто так поздно «хомячит» и ночью, и в непогоду?

CC BY

Es ist der Deutsche, der wieder spinnt. / То немец, который снова сходит с ума.

Er hat die Nudeln wohl in dem Arm / В руке у него, вероятно, лапша

Und Toilettenpapier für seinen Darm / И туалетная бумага для кишечника [АА].

Наречие *wieder* (опять, снова, вновь) в этом четверостишии играет роль маркера неоднократности неадекватных социальных действий обобщенного действующего лица (*der Deutsche*), оно указывает на периодическое наступление состояния своеобразной панической атаки населения, обусловливающей лихорадочное создание стратегического запаса средств и продуктов первой необходимости.

Ажиотажный спрос на средства гигиены и невероятно высокие цены на них в начале пандемии обыгрываются в серии следующих шуток: *Frage: Wie viel kostet ein Porsche? Antwort: 2 Atemschutzmasken und eine Flasche Desinfektionsmittel* (schlechtewitze.com, 23.03.2020) / Вопрос: сколько стоит автомобиль Porsche? Ответ: 2 респиратора и флакон дезинфицирующего средства [АА]. Другой пример: *Tausche 4 Pakete Toilettenpapier und 6 Pakete Nudeln gegen Haus* (bedeutungonline.de, 17.03.2020) / Обменяю 4 упаковки туалетной бумаги и 6 пакетов макарон на дом [АА]. Запасы туалетной бумаги иронично рассматриваются и как строительный материал для возведения собственного оборонительного укрепления для защиты от наступления коронавируса — *Die deutsche Festung gegen den Virus* (pinterest.de) (подпись под карикатурой. — *Н. Т., Я.М.*) / Немецкая крепость против вируса [АА].

3.5. Этностереотипы в период пандемии

Шутки данной тематической группы иллюстрируют осмысление происходящего на уровне автостереотипов и гетеростереотипов.

В некоторых шутках обыгрывается стереотип о невысоком качестве китайских товаров. Предполагается, что и вирус, пришедший из Китая, не может быть «качественным» (действительно опасным) вирусом. Соответственно, есть надежда, что пандемия скоро закончится. Проиллюстрируем сказанное: *Zum Glück kommt das Virus aus China! Stellt euch vor, was passieren würde, wäre es ein Original* / К счастью, вирус родом из Китая! Представьте себе, что произошло бы, будь это оригинал [АА]. *Der Coronavirus hält nicht lange. Ist doch Made in China* (bedeutungonline.de, 17.03.2020) / Коронавирус не надолго. Ведь он сделан в Китае [АА]. *Corona kommt aus China das heißt wir müssen einfach nur warten bis es kaputt geht* / Корона родом из Китая, а это означает, что нам просто нужно подождать, пока она не «сломается» [АА]. *Was haben Corona & Spaghetti gemeinsam? Gemacht von China, verbreitet durch Italien…* (schlechtewitze.com, 2020) / Что объединяет

CC BY

коронавирус и спагетти? Сделано в Китае, распространяется по миру благодаря Италии… [АА].

Одновременно Китай шутливо репрезентируется и как источник колоссальных проблем мирового масштаба, начало которых может быть внешне очень незначительным, но тем не менее требующим серьезного внимания: *Eines hab ich auf jeden Fall schon mal aus der Corona-Krise gelernt: Wenn das nächste Mal in China ein Sack Reis umfällt, check ich erstmsl wieviel Klopapier und Nudeln ich noch da hab* (schwarzer-kaffee.com) / Кое-что я определенно вынес для себя из кризиса: если в Китае упадет мешок риса, я сначала проверю, сколько у меня дома макарон и туалетной бумаги [АА].

Нарастание вербальной агрессии прослеживается в шутке, указывающей на якобы нечистоплотность представителей турецкой нации, делающих в Германии дёнер-кебабы: *Der Döner schmeckt ganz anders, seitdem der Typ angefangen hat, sich die Hände zu waschen…* (boldomatic.com,18.03.2020) / Дёнер совсем другой на вкус с тех пор, как парень начал мыть руки… [АА]. Разворачивание скрытого смысла этой фразы дает нам утверждение, что только необходимость защищаться от потенциально возможного заражения заставила турок мыть руки. В шутке читается неприятие инокультуры, параллельное существование двух этнических обществ и дискриминация по национальному признаку, скрываемая в публичной сфере, но проявляемая, например, в такого рода «народных» текстах.

Немцы иронизируют и над собой. Общеизвестно, например, что немецкое стремление к порядку реализуется в чрезвычайной формализованности отношений человека и общества, обилии самых разнообразных правил поведения. В шутках о сложности немецкой бюрократической системы коронавирус тоже не является главной темой, но используется как индикатор недовольства граждан и несоответствия правил документооборота актуальным требованиям жизни: *Warum gibt es noch keine deutsche Corona-Mutation? Da fehlt noch ein Formular* (twitter.com, 24.02.2021) / Почему до сих пор нет немецкой мутации коронавируса? Для этого не хватает еще одного документа [АА]. Автор шутки утверждает, что в Германии даже коронавирус вынужден действовать по установленным правилам и заполнить специальные документы для получения разрешения на собственную мутацию.

Немцы отмечают: в трудные времена они думают о том, чтобы выжить, и осмысляют себя в сравнении с другими культурами нацией прагматичной. На долгий период самоизоляции они запасаются не презервативами и вином, подобно французам, предвкушающим приятное времяпрепровождение, а туалетной бумагой и макаронными изделиями: Corona: *In Frankreich sind Rotwein und Kondome aus den Regalen verschwunden — und hier? Klopapier und Nudeln! Andere Länder, andere Sitten* (Weitere Einrich-

CC BY

tungen im Emsland machen dicht — Witze übers Hamstern // hallo-wippingen.de, 16.03.2020) / Коронавирус: во Франции с полок исчезли красное вино и презервативы — а здесь? Туалетная бумага и макароны! Другие страны, другие нравы [AA]. *Coronavirus: Deutschland hamstert Klopapier, Frankreich lieber Rotwein und Kondome* (mopo.de, 19.03.2020) / Коронавирус: Германия скупает туалетную бумагу, Франция — красное вино и презервативы [AA]. *In Frankreich werden Kondome und Rotwein knapp. In Deutschland werden Nudeln und Klopapier knapp. Jedes Land geht anders mit der Krise um* (bedeutungonline.de, 17.03.2020) / Во Франции заканчиваются презервативы и красное вино. В Германии не хватает макарон и туалетной бумаги. Каждая страна по-разному справляется с кризисом [AA].

Еще одна проблема, обострившаяся в связи с введенным локдауном и ограничением свободы передвижения по миру, — неприязнь к соотечественникам. Так, одна из шуток свидетельствует о том, что не последней интенцией дальних отпускных поездок немцев является желание избавиться от необходимости видеть сограждан каждый день, она интерпретируется как самое ужасное: *Das Schlimmste daran, im Sommer vielleicht nicht ins Ausland verreisen zu dürfen, sind die ganzen Deutschen, denen man dann im Urlaub begegnet* (debeste.de) / Самое худшее в том, что летом, возможно, не разрешат выезжать за границу, — все эти немцы, с которыми придется встречаться на отдыхе [AA].

4. Заключение = Conclusions

Лингвокреатив условно мыслимого производителя шуток о пандемии есть результат особого мировосприятия личности, находящейся в условиях опасности и неопределенности. Как следствие — усиление карнавального начала в языке, шутливо-ироничная, субъективная оценка как защитный механизм человеческой психики на переживаемый коллективный стресс, что и кодируется в шутках, репрезентирующих основные сферы жизни, которые существенно изменились в условиях пандемии и связанных с ней противоэпидемических мер.

Пандемия COVID-19 предстает в шутках не столько как конкретный исторический отрезок времени, а как дискурсивное пространство, предопределяющее и моделирующее оценку рядового немца; юмор в зеркале пандемии выступает как диагност «заболеваний», сопутствующих распространению мер, принятых по борьбе с коронавирусной инфекцией. Все это выводит проблему осмысления пандемии COVID-19 на уровень «докоронавирусное прошлое — коронавирусное настоящее». Период самоизоляции репрезентируется в шутках как испытание для супругов, при этом жена представлена либо как объект насмешки или глумления, либо

CC BY

как источник пассивной агрессии, мужу в новой реальности отводится роль «жертвы» или «героя». Локдаун послужил поводом для шутливо-ироничного переосмысления образа собственного ребенка, акцентируется внимание на инфантильности молодого поколения, дается общественная негативная оценка онлайн-обучению. Отмечается, что пандемия сказалась на психическом состоянии людей, выражается отрицательная оценка поведения запасливых сограждан.

Оценка происходящего опосредованно конструируется не без влияния этнокультурных факторов и стереотипов (модус «свое — другое — чужое»). Немецкое (свое) осмысливается сквозь призму французского (другое), при этом французское значительно выигрывает в сравнении с немецким. Кроме того, если немецкое оценивается иронически либо с грустью и сожалением, то турецкое (чужое) маркируется пейоративно. Одна из функций коронаюмора заключается в том, чтобы способствовать преодолению страха, что и иллюстрирует серия шуток на тему Китай — родина коронавируса.

Перспективы дальнейшей работы по данной проблематике мы видим в межъязыковом сопоставлении юмористических текстов на материале как родственных, так и неродственных языков с целью изучения лингвокогнитивной, лингвокультурологической сторон языковой деятельности.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. NWC — *Neuer* Wortschatz rund um die Coronapandemie [Electronic resource]. — Access mode : https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp (accessed 10.04.2022).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — Т. 4 (2). — 752 с. — ISBN 978-5-9551-0326-6.

2. *Вальтер Х.* Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Новые слова и словари новых слов. 2020. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2020. — С. 33—44. — ISBN 978-5-6044838-6-2.

3. *Вальтер Х.* Коронавирус и его оценка в зеркале современной паремиологии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Русский язык коронавирусной эпохи. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — С. 563—572. — ISBN 978-5-6044839-1-6.

4. *Завьялова Е. Е.* Российские анекдоты на «Коронную» тему : проблематика и поэтика / Е. Е. Завьялова // Galactica Media : Journal of Media Studies. — 2021. — № 3. — С. 259—295. — DOI: 10.46539/gmd.v3i3.221.

5. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5–88234–552–2.

6. *Кулинич М. А.* Пандемия в зеркале англоязычного и русскоязычного юмора / М. А. Кулинич // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 3. — С. 99—110. — DOI: DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-99-110.

7. *Куссе Х.* Языковой ландшафт коронакризиса в Германии / Х. Куссе // Коммуникативные исследования. — 2020. — № 7 (4). — С. 814—845. — DOI: 10.24147/2413- 6182.2020.7(4).

8. *Майер В. С.* Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) / В. С. Майер // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 124—137. — DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137.

9. *Москвитин Е. В.* Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса SARS-COV-2 / Е. В. Москвитин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — № 14 (9). — С. 2792—2796. — DOI: 10.30853/phil210464.

10. *Мухаметзянова Д. Р.* Пандемия и неологизация в немецком языке / Д. Р. Мухаметзянова, Е. В. Болотова // Вестник Башкирского университета. — 2021. — № 4. — С. 1044—1047. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.33.

11. *Нефедова Л. А.* Активные процессы в лексике немецкого языка 2020—2021 гг. / Л. А Нефедова // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2021. — № 3. — С. 151—166. — DOI: DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_151.

12. *Никитина О. А.* Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) / О. А. Никитина, О. А. Гудкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2020. — № 4 (39). — С. 123—132. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.017.

13. *Орехова О. Е.* Анализ немецкоязычных неологизмов, связанных с пандемией коронавируса / О. Е. Орехова // МНКО. — 2022. — № 1 (92). — С. 378—380. — DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-378-380.

14. *Павлова А. С.* «Ковидный лексикон» немецкого языка как фрагмент национальной языковой картины мира / А. С. Павлова // Русский язык коронавирусной эпохи. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — С. 533—549. — ISBN 978-5-6044839-1-6.

15. *Редкозубова Е. А.* COVID-лексика : этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) / Е. А. Редкозубова // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 193—200. — DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200.

16. *Русский* язык коронавирусной эпохи : монография. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — 610 с. — ISBN 978-5-6044839-1-6.

17. *Северская О. И.* Ковидиоты на карантикулах : коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 887—906. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

18. *Фрумкин К.* О загадочном удовольствии говорить / К. Фрумкин // Нева. — 2010. — № 12. — С. 139—146.

19. *Харченко В. К.* Мозаика разговорной речи : аспекты исследования, электронная база высказываний / В. К. Харченко. — Москва : Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2013. — 192 с. — ISBN 978-5-7060-0140-7.

20. *Шемчук Ю. М.* Лексические изменения в немецком языке под влиянием пандемии коронавируса (на примере неологизмов спортивной тематики) / Ю. М. Шемчук // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 4 (83). — С. 498—500. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844.

Material resources

Archive of authors. (In Russ.).

Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. Available at: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp (accessed 10.04.2022). (In Germ.).

References

Bakhtin, M. M. (2010). Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. In: *"Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance" (1965). "Rabelais and Gogol (The Art of Words and folk laughter culture)" (1940, 1970), 4 (2).* Moscow: Languages of Slavic Culture. 752 p. ISBN 978-5-9551-0326-6. (In Russ.).

Frumkin, K. (2010). About the mysterious pleasure of talking. *Neva, 12:* 139—146. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Kharchenko, V. K. (2013). *Mosaic of colloquial speech: aspects of research, electronic database of statements.* Moscow: Publishing House of the Gorky Literary Institute. 192 p. ISBN 978-5-7060-0140-7. (In Russ.).

Kulinich, M. A. (2021). Pandemic in the mirror of English-speaking and Russian-speaking humor. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 3:* 99—110. DOI: DOI: 10.29025/2079-6021-2021-3-99-110. (In Russ.).

Kusseh, X. (2020). The linguistic landscape of the coronacrisis in Germany. *Communicative research, 7 (4):* 814—845. DOI: 10.24147/2413- 6182.2020.7(4). (In Russ.).

Mayer, V. S. (2020). The coronavirus pandemic as a linguistic marker of modernity (based on the material of the German language). *Humanities and Social Sciences, 4:* 124—137. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137. (In Russ.).

Moskvitin, E. V. (2021). German neologisms during the SARS-COV-2 coronavirus pandemic. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 14 (9):* 2792—2796. DOI: 10.30853/phil210464. (In Russ.).

Mukhametzyanova, D. R., Bolotova, E. V. (2021). Pandemic and neologization in the German language. *Bulletin of Bashkir University, 4:* 1044—1047. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.33. (In Russ.).

Nefedova, L. A. (2021). Active processes in the vocabulary of the German language 2020-2021. *Crede Experto: transport, society, education, language, 3:* 151—166. DOI: DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_151. (In Russ.).

Nikitina, O. A., Gudkova, O. A. (2020). Contamination as a manifestation of playful word-making in the discourse about the COVID-19 pandemic (based on the material of neoplasms of the German language). *Topical issues of modern philology and journalism, 4 (39): 123—132.* DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.017. (In Russ.).

Orekhova, O. E. (2022). Analysis of German-language neologisms associated with the coronavirus pandemic. *MNKO, 1 (92):* 378—380. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-192-378-380. (In Russ.).

Pavlova, A. S. (2021). "Covid lexicon" of the German language as a fragment of the national linguistic picture of the world. In: *Russian language of the coronavirus era.* Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 533—549. ISBN 978-5-6044839-1-6. (In Russ.).

Redkozubova, E. A. (2020). COVID-lexicon: etymological and word-formation aspects (based on the material of Russian, English and German languages). *Humanities*

CC BY

and Social Sciences, 4: 193—200. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200. (In Russ.).

Severskaya, O. I. (2020). Covidiotes on quarantine: a coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices. *Communicative research, 7 (4):* 887—906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4) .887-906. (In Russ.).

Shemchuk, Yu. M. (2020). Lexical changes in the German language under the influence of the coronavirus pandemic (on the example of neologisms of sports topics). *The world of science, culture, education, 4 (83):* 498—500. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844. (In Russ.).

The Russian language of the coronavirus era: a monograph. (2021). Saint Petersburg: OR RAS. 610 p. ISBN 978-5-6044839-1-6. (In Russ.).

Walter, H., Mokienko, V. M. (2020). Axiological space of coronavirus paremiology (on a Slavic background). In: *New words and dictionaries of new words. 2020.* St. Petersburg: OR RAS. 33—44. ISBN 978-5-6044838-6-2. (In Russ.).

Walter, H., Mokienko, V. M. (2021). Coronavirus and its assessment in the mirror of modern paremiology. In: *Russian language of the coronavirus era.* Saint Petersburg: OR RAS. 563—572. ISBN 978-5-6044839-1-6. (In Russ.).

Zavyalova, E. E. (2021). Russian anecdotes on the “Crown” topic: problematics and poetics. *Galactica Media: Journal of Media Studies, 3:* 259—295. DOI: 10.46539/gmd.v3i3.221. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 235—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267.

Rebrina, L. N. (2022). Internet Memes of 2019—2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 235-267. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267

Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации: смыслы единения и разобщения

Ребрина Лариса Николаевна [1,2]
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук
lnrebrina@volsu.ru

[1] Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)
[2] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Благодарности:
Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»

Internet Memes of 2019—2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity

Larisa N. Rebrina [1,2]
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology
lnrebrina@volsu.ru

[1] Volgograd State University (Volgograd, Russia)
[2] Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”

© Ребрина Л. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

События 2019—2021 годов повлияли на индекс социального оптимизма и социальное самочувствие россиян, на постоянно присутствующие в обществе разнонаправленные тенденции к консолидации и разобщению. Объектом исследования являются заимствованные и появившиеся в русскоязычном сегменте Интернета, функционирующие в указанный период интернет-мемы, транслирующие смыслы «единение» и «разобщение». Актуальность исследования обусловливается необходимостью изучения новых принципов распространения информации и ее желательных характеристик в информационно перегруженном обществе, познавательным потенциалом «визуального поворота» в гуманитарном знании, социальной значимостью репрезентируемого исследуемыми единицами содержания, дефицитом лингвистических, междисциплинарных теоретических и эмпирических работ в данной области. Источником материала послужили разнообразные сервисы и библиотеки мемов в сети интернет. В статье характеризуется актуальное состояние исследований интернет-мемов в гуманитарной науке. Изложены результаты анализа отобранных в соответствии с заданными семантическими признаками интернет-мемов в их динамике в рамках типологии Н. А. Зиновьевой, выстроенной на шести дихотомиях (истина — ложь, персонаж — событие, традиция — инновация, фон — фигура, «изображение — текст», «мысль — действие»). Представлены наблюдения о специфике использования прецедентных феноменов при формировании и развитии интернет-мемов. Описывается структура интернет-мема, имеющая полевую организацию, включающую константное ядро, образуемое визуальным шаблоном и обобщенным значением интернет-мема. Делается вывод о релевантных признаках интернет-мемов исследуемой идеографической группы, обусловливающих особенности мемного кодирования социально значимой информации и трансляции социокультурных смыслов.

Ключевые слова:

интернет-мем; полевая структура; семантика единения; семантика разобщения; прецедентный феномен; вербальный и невербальный компоненты; реконтекстуализация; дихотомии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The events of 2019—2021 affected the social optimism index and the social well-being of Russians, strengthening the constantly present multidirectional trends towards consolidation and isolation in society. The object of the study is borrowed and appeared in the Runet functioning in the specified period Internet memes that translate the meanings of unity and isolation. The relevance of the research is determined by the need to study new principles of information dissemination and its desirable characteristics in an information-overloaded society, the cognitive potential of the "visual turn" in the humanities, the social significance of the content represented by the studied units, the lack of linguistic, interdisciplinary theoretical and empirical studies in this field. The source of the material is a variety of services and libraries of memes on the Internet. The article describes the current state of Internet meme research in the Russian and European humanities. The article presents the analysis of Internet memes selected in accordance with the given semantic characteristics in their dynamics within the framework of N. A. Zinovieva's typology, built on six dichotomies (truth — lie, character — event, tradition — innovation, background — figure, image — text, thought — action). Observations on the specifics of the precedent phenomena in the formation and development of Internet memes are presented. The structure of the Internet meme is described. It has a field organization, including a constant core formed by a visual template and the generalized meaning of the Internet meme. The conclusion is made about the relevant features of Internet memes of the ideographic group under study, which determine the features of meme encoding of socially significant information and the translation of socio-cultural meanings.

Key words:

internet meme; field structure; semantics of unity; semantics of disunity; precedent phenomenon; verbal and non-verbal components; recontextualization; dichotomies.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’373.48

Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации: смыслы единения и разобщения

© Ребрина Л. Н., 2022

1. Введение = Introduction

События 2019—2021 годов, заставляющие специалистов говорить о мультикризисе (глобальный экономический, финансовый, политический кризисы, пандемия коронавируса), не могли не сказаться на «социальном самочувствии», «индексе социального оптимизма» россиян, опасающихся, по данным Левада-Центра, снижения доходов, уровня жизни, социальной справедливости, эффективности работы медицинских и образовательных учреждений, а также потери работы и роста цен [Левада-Центр]. Разнонаправленные процессы единения и разобщения в обществе в 2019—2021 годы получают яркое отражение в интернет-коммуникации. Одним из ее активно развивающихся феноменов, чутко реагирующих на настроения и потребности участников, являются интернет-мемы. Актуальность исследования идеографически детерминированной выборки современных интернет-мемов 2019—2021 годов, транслирующих смыслы единения и разобщения, обусловливается рядом факторов: эвристическим потенциалом «визуального поворота» в гуманитарном знании и значимостью изучения новых принципов распространения информации (на фоне формирующихся из-за информационного перенасыщения «нечувствительности» и «усталости» адресатов) и ее новых желаемых характеристик (адресность, воспроизводимость, лаконичность формы при усложненной прагматике, эмоциональная привязка и т. д.); необходимостью дальнейшей разработки вопросов взаимосвязи технологических и социокультурных изменений; важностью репрезентируемой исследуемыми единицами социальной проблематики.

Мемы в современном гуманитарном знании анализировались с позиций этологии и эволюционной эпистемологии (Р. Докинз и его последователи, рассматривавшие мем как репликатор нового типа с позиции биологической теории эволюции); психологии (мем как внутренняя репрезентация некого знания, формирующая себя в запоминаемой форме идея, см.: К. Диас, К. Маурицио, Г. Плоткин и др.); кибернетики (мем как самоорганизующаяся в психовирус, в поведенческий код информационная единица, см.: Р. Броуди и др.); медиалогии (мем как спонтанный креатив-

CC BY

ный социокультурный продукт, медиатекст, см.: Л. В. Моисеенко, Д. Рашкофф, М. Паз, Е. Поляков, С. Хаген, Л. Шифман и др.); меметики (мем как комплексный многоуровневый знак, существующий в сознании человека / культуре, культурный аналог генов, самовоспроизводящаяся единица для переноса культурных идей, см.: К. Дистин, Д. Гэверер, Дж. Гемслей, А. Смит, Д. Халл и др.); политической пиарологии (мем как действенный инструмент PR-деятельности в политике, см.: А. Квят и др.); социального компьютинга (мем как социальная инфекция, инструмент социальной инженерии, см.: М. А. Антонов, А. Ю. Бубнов и др.); эволюционистской, когнитивной визуальной социологии (мем как инструмент влияния на поведение других, характеристика распространения информации, средство визуализации опыта и фокуса общественного интереса, см.: К. Аоки, Дж. Барков, Г. Игнатов, Т. Шварц, Н. А. Зиновьева и др.); герменевтики культуры (мем как продукт эволюции культуры, как единица информации, выносимая из контекста, см. А. М. Олешкова и др.); поведенческой характеристики фокус-групп (мем как групповой маркер, см.: Т. Асканиус, С. Бельтран, Ф. Кабалеро, М. Конде, Е. Н. Лысенко, К. М. Мильтнер, С. Моралес и др.); контент-анализа коммуникативных практик гражданской активности (мем как маркер политической общественной реакции, см.: Л. В. Логинова, В. В. Щебланова, И. Ю. Суркова и др.); концепции мультимодальности (мем как продукт «содружества» разных семиотических кодов, см.: Аслан, Я. Ву, М. Волл, М. Динель, Ф. И. М. Поппи, Е. И. Голованова, О. А. Гудкова, Ф. Зандер, О. А. Никитина, А. Остеррот, З. Э. Саидова, Н. В. Часовский и др.); прецедентности в массовой культуре и коммуникации (мем как разновидность прецедентного феномена, см.: Н. Г. Асмус, Ф. Гартманн, Р. Гузаерова, С. В. Канашина, А. Мартынюк, О. Мельченко, Т. Е. Савицкая, Ю. В. Щурина, Н. Эрленманн и др.); лингвокультурологии (мем как лингвокультурный феномен, в том числе подверженный культурной адаптации, ассимиляции, см.: М. И. Громовая и др.), концепции лингвокреативности как свойства языкового сознания (мем как новый формат лингвокреативности, см.: А. В. Вешнякова, М. Мортенсен, К. Ноймайер и др.).

Цель нашего исследования — определение общих и различающихся особенностей предъявления и трансляции смыслов «единение» и «разобщение» посредством мемов, функционирующих в 2019—2021 годы в русскоязычном сегменте интернета. В качестве определяющих исследовательские задачи вопросов предлагаются следующие: различаются ли генетические признаки, источник и тип адресации мемов, транслирующих противоположные смыслы; схожи ли используемые типы прецедентных феноменов, участвующие в смыслопорождении отражаемые объекты действительности; обнаруживается ли семантически задаваемая специфика

CC BY

взаимоотношения вербального и визуального рядов, состава значимых элементов визуального компонента мемов; отличается ли репликация компонентов мемов с противоположной семантикой. Как показывает представленный выше краткий обзор направлений исследований интернет-мемов, указанные цель и аспекты изучения мемов направлены на получение новых научных результатов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Представим кратко теоретические положения, рассматриваемые нами как исходные для своего исследования.

Интернет-мемы (ИМ) создаются на основе социального знания, индивидуальных опыта и воображения, отражая Интернет-культуру как «культуру мгновения» [Зиновьева, 2015] или комментирующую культуру, культуру ремарок и ремиксов [Дацкевич, 2012; Савицкая, 2013], транслируя оперативную реакцию на ситуацию и находящиеся в фокусе интереса общества / определенной группы смыслы, делая индивидуальное понимание мира публичным, выполняя идентифицирующую и дифференцирующую функции в интернет-сообществах [Зиновьева, 2015, 2016; Hagen, 2022; Lukacs, 2022; Myths and imaginaries of feminist …, 2022]. ИМ выступают знаками социокультурного и политического ландшафта, инструментами картирования повседневной жизни [Askanius, 2021; Lukacs, 2021; Zidani, 2021]. Границы функционирования интернет-мемов отражают границы группы «своих». Данные границы являются максимально широкими для универсальных ИМ, сужающимися — для сепаратных ИМ. Сепаратные ИМ включают узкоцелевые (ориентированные на определенную целевую группу, отражающие ее идентичность и предполагающие наличие знаний, опыта данной группы) и ситуативные ИМ (базируются на осведомленности об отражаемой ситуации, текущем моменте) [Зиновьева, 2015; Щурина, 2012; Hagen, 2022]. Сепаратные ИМ представляют собой «проводники неравенства», функционируют как субкультурный маркер (ср. социально маркированные лексические единицы), выносят за рамки коммуникации пользователей, не имеющих нужных фоновых знаний, культурной базы сообщества [Зиновьева, 2015]. Открытость интернет-культуры при этом способствует распространению за пределы сообщества интернет-мемов, приобретающих характеристики потенциально универсальных ИМ. Такие ИМ апеллируют к общекультурным, общечеловеческим, разделяемым представителями разных лингвокультур и социальных групп коннотациям (например, к эмоциям). Репосты выступают знаками идентификации [Савицкая, 2013]. По мнению некоторых исследователей, данный новый феномен интернет-культуры имеет исторические корни, например, «на-

CC BY

родные картинки» / «лубки» / «массовые гравюры» [Вешнякова, 2016] или салонное острословие, анекдот [Там же].

В рамках ИМ посредством трансформации прецедентных феноменов осуществляется обращение к культурным знаниям, фоновой информации, закрепление за ИМ культурной коннотации [Щебланова и др., 2020; Díaz et al., 2013; Dynel et al., 2021; Miltner, 2014; Shifman, 2013]. В ИМ реализуются два основных вида трансформации прецедентных феноменов — дополнение и замена вербального / невербального компонента [Канашина, 2018; Aslan, 2021; Martynyuk et al., 2021]. Трансформирование прецедентных феноменов обусловливает их функционирование в качестве средств создания комизма (посредством аллюзии к смешной ситуации или юмористического обыгрывания несмешной ситуации), особой эстетики (разнообразие художественного пространства ИМ), диалога (установление контакта посредством обращения к опыту адресата, идентификация членов сообщества), интеллектуальной игры (необходимость декодирования прецедентного феномена) [Канашина, 2018; Paz et al., 2021]. Особенность использования прецедентных феноменов в ИМ заключается именно в их реинтерпретировании и последующей вариации ИМ при сохранении его общего смысла. Превращение «потенциально меметической» информации в ИМ предполагает предварительную деконтекстуализацию (отчуждение от исходного социального / ситуативного / лингвистического контекста) и последующую реконтекстуализацию [Никитина и др., 2018]. То есть ИМ функционирует как изменяющийся шаблон, контекстуализируемый в разных коммуникативных ситуациях, присоединяющий варьирующуюся часть [Голованова и др., 2015; Изгаршева, 2020; Лысенко, 2017; Smith et al., 2021]. Т. Е. Савицкая выделяет следующие этапы в жизненном цикле успешного ИМ [Савицкая, 2013]: 1) ИМ активно реплицируется, не освободившись полностью от локального контекста; 2) ИМ превращается в популярный ИМ, освобождается от изначального контекста, подвергается последующим реконтекстуализациям, переосмыслению, упрощению (формирование мемо-дискурса с порождением новых надстраиваемых смыслов); 3) ИМ обретает общеизвестное содержание (возможно продвижение ИМ в офлайн-реальность, порождение материальных объектов), происходит пресыщение, переход в пассивное употребление.

ИМ представляет собой мини-нарратив, который отражает наступившую предсказанную М. Маклюэном вторичную устность, схватывающий и эксплицирующий коллективное бессознательное [Савицкая, 2013]. ИМ характеризуется ориентированностью на эмоциональное воздействие, комическим эффектом, высокой концентрацией смыла при лаконичности, адресностью, приближенностью к разговорному / молодежному языку, ре-

CC BY

интерпретацией стереотипов, вариативностью и воспроизводимостью быстрым горизонтальным / вертикальным распространением [Зиновьева, 2015; Савицкая, 2013; Никитина и др., 2018; Лысенко, 2017; Громовая, 2015; Erlehnmann, 2013; Hartmann, 2017; Osterroth, 2015; Wu et al., 2021]. ИМ выполняют различные функции, транслируя идею / идеологию, представляя сообщество / индивида, способствуя интеграции и идентификации членов сообщества, выступая средством информирования, эмоционального воздействия, фатики [Зиновьева, 2015; Hagen, 2022; Mortensen et al., 2021].

Существует несколько классификаций ИМ: по источнику происхождения с позиций критических теорий [Рашкофф, 2003]; медиобъекту [Квят, 2013]; носителю мема [Щурина, 2012]. Для нашего исследования представляется целесообразной типология ИМ Н. А. Зиновьевой, поскольку она основывается на нескольких дихотомиях (Д), учитывающих источник, лежащий в основе объект действительности, смысловую доминанту, форму репрезентации, результирующее воздействие, уровень включенности в культуру. Кратко представим данные дихотомии: а) Д «истина — ложь» (противопоставление указывает на источник ИМ) включает: самозарождающиеся / истинные ИМ (см. [Рашкофф, 2003]), распространяющиеся благодаря синхронности с переживаниями других членов сообщества, спонтанные, вирусные ИМ; намеренно созданные / ложные ИМ (в том числе используемые в маркетинговых, PR-целях спонтанные, истинные ИМ); б) Д «персонаж — событие» (указывает на отражаемый объект действительности) включает: ИМ-персонаж, в рамках которого персонаж обрамляется событийным фоном, закрепляется ассоциирование персонажа с определенными эмоциями, смыслами; ИМ-событие, диктующий определенный взгляд на ситуацию / событие; при этом одно событие может отражаться несколькими ИМ с разными интерпретациями (то есть речь идет об одном денотате и разных сигнификатах); в) Д «традиция — инновация» (отражает уровень укорененности в культуре) включает: ИМ-традицию, предполагающий обращение к общему прошлому (типичный опыт, практика, фразы классических произведений), наличие определенных культурных знаний для декодирования ИМ; ИМ-инновацию, строящийся на актуальных, вызывающих переживания новостях / новых практиках или произведениях (предполагает информированность о текущем моменте); г) Д «фон — фигура» (указывает на смысловые доминанты) включает: ИМ с подчиненной ролью фона (представляют персонажей с уже сложившимися образами и ассоциированными смыслами, доминирующих над фоном, в котором они появляются); ИМ с подчиненной ролью фигуры (фон доминирует, задает вектор восприятия, эмоции, используется для придания определенных смыслов изображениям / надписям); д) Д «изображение — текст» (отража-

CC BY

ет форму репрезентации, узнаваемый и реплицируемый элемент, который может обретать новый смысл / придавать новое содержание другому объекту) включает: ИМ-изображение и ИМ-текст; е) Д «мысль — действие» (указывает на результирующее воздействие) включает: ИМ-мысль (нацелен на инициацию разделения определенного знания, позиции, эмоции и предполагает броскость образов и четкость посланий); ИМ-действие (инициирует повторение поступка, это своего рода сплачивающий анонимный добровольный флеш-моб с обязательной визуальной фиксацией воспроизведенного действия) [Зиновьева, 2015].

Источниками эмпирического материала послужили мемотеки и коллекции ИМ (мемотека «Мемепедия» [Мемепедия], Мемоарсенал [Мемоарсенал], мемотека «Know Your Meme» [Know Your Meme], мемотека «MemesMix» [MemesMix], коллекция генераторов мемов «Рисовач.Ру» [Рисовач], развлекательная коллекция Medialeaks [Medialeaks] и др.). Критерии отбора материала: а) функционирование в русскоязычном сегменте интернета; б) появление или приобретение популярности в период 2019—2021 годов; в) отнесенность транслируемых смыслов к обобщенным смыслам «единение» / «разобщение»; объем выборки составил 102 ИМ. Систематизация материала, отобранного из контента сервисов и библиотек ИМ, показывает, что появившиеся / получившие широкое распространение в русскоязычном сегменте Интернета в означенный период интернет-мемы конституируют антонимичные подгруппы, транслирующие смыслы «единение» и «разобщение», иллюстрирующие соответствующие процессы в обществе, а также подгруппу, образующую переходную зону между данными группами.

Отобранные ИМ анализируются в рамках предложенных А. Е. Зиновьевой дихотомий [Зиновьева, 2015] в аспекте генетических признаков (возникший в данной лингвокультуре / заимствованный), адресации (универсальность / сепаратность), специфики использования прецедентных феноменов, особенностей взаимодействия вербального и визуального рядов, состава значимых элементов визуального компонента (визуализация смыслов единения / разобщения), транслируемых частных смыслов, динамики развития мема в онлайн- и офлайн-пространстве, раскрывающей полевую структуру интернет-мема.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие семантическую группу «Единение»

В качестве первого примера рассмотрим ИМ «Я/Мы» (Рис. 1), появившийся 10.06.2019 г. на первых полосах газет «Коммерсант», «РБК», «Ве-

CC BY

домости» в поддержку обвиненного журналиста И. Голунова, распространившийся в русскоязычном сегменте Интернет уже на следующий день и породивший в дальнейшем серию реинтерпретаций и реконтекстуализаций в стилистике плаката с таким же лаконичным дизайном и легко считываемым лозунгом [Мемепедия]. Это искусственный, сепаратный ситуативный ИМ созданный с определенной целью, обусловившей, по словам авторов, его дизайн: сплетенные буквы местоимений и цветовое выделение *мы* как выражение идеи единения (рис. 1.1). Описываемый мем представляет собой ИМ-событие, ИМ-инновация, ИМ-текст, ИМ-мысль, ИМ со значимой ролью фона). ИМ функционировал как символ солидарности; перешел в офлайн (участники митинга в поддержку И. Голунова были в футболках с данным ИМ). Летом 2019 года он использовался для поддержки фигурантов «Московского дела» о беспорядках и насилии в отношении представителей органов правопорядка; позже (сентябрь 2019 года) российские селебрити использовали ИМ, выступая в поддержку актера П. Устинова (рис. 1.2). Смысловая доминанта ИМ — надпись в определенном дизайне; фон, а точнее, его отсутствие при этом позиционирует транслируемую идею как серьезную. Изначально ИМ ориентирован не на комический эффект, а на консолидацию, инициацию чувства солидарности. Декодирование данного ситуативного ИМ предполагает, что адресат следит за текущими событиями. В последовавших пародиях ИМ отрывается от ситуативной привязки (выступление в защиту конкретного лица); в результате трансформаций с использованием замены и распространения вербального компонента шаблон наполняется новым содержанием при сохранении общего исходного смысла (рис. 1.3, 1.4). В реконтекстуализированных ИМ (ИМ № 3, 4), как и в исходном ИМ, а) отражается идея о необходимости и силе единения, поддержки, общности ситуации, которая сплачивает, несмотря на разный «опыт потерь»; б) используется визуальный шаблон (белый фон, заглавные буквы, переплетенные буквы первых двух слов, цветовое выделение второго слова). Ядро ИМ (пункты а и б) остается константным. Вербальный компонент (кроме ИМ3) характеризуется отсутствием пунктуации, аграмматичностью, напоминает конденсированную / сокращенную внутреннюю речь (в понимании психологов; см. [Выготский, 2019]). Визуальный и вербальный компоненты находятся в отношении консонанса, поддерживают друг друга при формировании транслируемого смысла, способствуя оптимизации воздействия. ИМ 3 (рис. 1) представляет собой ответную реплику, образует вопросно-ответное единство с ИМ1. ИМ3 не может рассматриваться как универсальный, поскольку его декодирование требует знания исходного ИМ и какой-либо из предшествующих ситуаций. В результате реконтекстуализации ИМ4 превращается в сепаратный узко-

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

целевой (присутствует апелляция к прецедентному феномену — значимой фигуре сибирского андеграунда Егору Летову и его песне «Мы — лёд под ногами майора»).

Рис. 1. ИМ «Я/Мы» [Мемепедия]

Следующий ИМ представляет собой единство мемной фразы «Мы с пацанами» и изображения группы субъектов в качестве визуального шаблона. Чаще всего используется прецедентный феномен — персонажи-злодеи мультсериала «Человек-паук». ИМ употребляется для обозначения дружеских отношений, общности реакции или общего занятия, коллективной активности, как правило, совместных развлечений [Мемепедия]. Данный мем представляет собой истинный, заимствованный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-традицию (обращение к мультипликационному фильму 1967 года), ИМ-изображение-текст (реплицируются визуальный компонент и мемная фраза «я / мы с пацанами»), ИМ с подчиненной ролью фона (используются персонажи с ассоциируемыми смыслами, доминирующие над фоном), ИМ-мысль. Первое появление оригинального ИМ (*Me and the boys*) зафиксировано в январе 2019 года в Инстаграме[1], позднее происходит распространение на Reddit с рондомными картинками, с конца мая 2019 года — активное размещение в русскоязычном сегменте Интернета с изображением 4-х злодеев (Зеленый Гоблин, Носорог, Стервятник, Электро), пик популярности — 02–03.06.2021 г. [Мемепедия] (рис. 2.1). И в исходной версии, и при дальнейшем функционировании шаблона используется диссонанс между вербальным и невербальным компонентами (изображение ухмыляющихся злодеев и веселая, развлекательная ситуация / обыгрывание юмористической надписью). С другой стороны, визуальный ряд (изображение группы субъектов, пребывающих в одинаковом настроении, эмоционально связанных; яркие цвета) дополняет вербальный компонент, органично взаимодействуя с последним. Отношение визуального и вербального рядов можно интерпретировать как диссонасно-консонансное. При этом сохраняется константное ядро, включающее обобщен-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

CC BY

ное значение (совместные времяпрепровождение и переживание веселой ситуации) и визуальный шаблон. ИМ также вышел в офлайн (например, косплеи среди школьников). При дальнейшей реконтекстуализации в русскоязычном сегменте Интернета трансформации чаще всего подвергается вербальный компонент (замена местоимения *мы* на *я*, существительного *пацаны* на *парни* / *кореши*, распространение мемной фразы (рис. 2.2, 2.3). Общее значение ИМ сохраняется. Полное декодирование ИМ, в том числе комического эффекта, предполагает знание прецедентного феномена (персонажей, сцены мультсериала), что придает описываемому ИМ черты сепаратного узкоцелевого ИМ.

Рис. 2. ИМ «Мы с пацанами» [Мемепедия]

Мемная фраза «Роднулькины мои» иллюстрирует истинный ИМ, ИМ-инновацию (отсылка к прецедентному феномену — человеку-мему, популярному фрик/треш-блогеру Олегу Монголу, автору данной фирменной фразы-приветствия, выступающей смысловой доминантой). Описываемый мем представляет собой сепаратный узкоцелевой ИМ-текст, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль (рис. 3). ИМ получил распространение летом 2019 года, используется в онлайн- и офлайн-коммуникации как обращение, приветствие; означает, что говорящий причисляет всех, к кому обращается, к близким людям, тепло относится к ним [Мемепедия]. Инициируемое эмоциональное восприятие обусловливается использованием окказионализма и фигурой самого блогера. Олег Монгол размещает в своем блоге с миллионной аудиторией посты о буднях российских провинциальных маргиналов; блог, по мнению аналитиков, представляет собой созданный, продюсируемый сторонним лицом довольно успешный провокационный проект. Полное декодирование ИМ предполагает наличие соответствующего группового опыта подписчиков, посетителей аккаунта блогера. Ядро ИМ образуют графический компонент — начертание белым шрифтом лексической единицы *роднулькины*; обобщенное значение — обращение, передающее теплое отношение, переживание единения. Вербальный компонент трансформируется, как правило, посредством распространения, может содержать / не содержать знаки пунктуации. Визуальный

CC BY

компонент является факультативным, чаще всего содержит изображение блогера, не играет значимой роли в смыслопорождении.

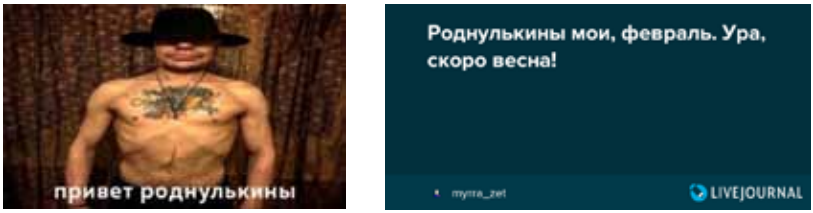

Рис. 3. ИМ «Роднулькины мои» [Мемепедия]

Заимствованный ИМ «Большой и маленький Спайдермен» апеллирует к фильму «Человек-паук: Через вселенные» (2018 год; сцена встречи Спайдерменов из параллельных вселенных для последующего совместного спасения мира). ИМ появился в начале 2019 года на новостном сайте Reddit [Мемепедия]. Визуальным шаблоном выступает прецедентный феномен — кадр из данного фильма. Мем представляет собой истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-инновацию, ИМ-изображение, ИМ-мысль (рис. 4). Общее значение ИМ — преемственность, связь между поколениями. В последующих вариантах добавленная к прецедентному кадру надпись о двух вселенных (рис. 4, ИМ2) изменяется, прецедентный феномен вводится в созвучный контекст (совместное действие двух поколений, ситуация передачи опыта, знаний, обучения) с юмористическим обыгрыванием отражаемой ситуации (рис. 4, ИМ3). Продвижению в онлайн-пространстве способствует постепенная деконтекстуализация исходного ИМ при константности ядра ИМ. Визуальный компонент (изображение двух субъектов разного возраста в одинаковой позе, связанных совместным занятием) и вербальный компонент вступают в отношение консонанса, дополняя друг друга при формировании транслируемого смысла. ИМ включает черты универсального мема (апелляция к общему, знакомому всем опыту, легко считываемое значение изображенной ситуации), но его полное декодирование, реализация юмористического эффекта предполагают знание используемого прецедентного феномена, что указывает на его сепаратный узкоцелевой характер. ИМ при этом характеризуется довольно широкой адресацией; целевая группа ИМ ввиду известности кинофильма и персонажа «человек-паук» многочисленная.

ИМ-мотиватор о поддержке с использованием в качестве визуального шаблона опубликованной в музыкальной социальной сети «На завалинке» забавной фотографии с котом из приюта для животных появился на сайте

CC BY

1 2 3

Рис. 4. ИМ «Большой и маленький Спайдермен» [Мемепедия]

MemesMix 19.04.2020 [MemesMix]. Уже через неделю в социальных сетях начали распространяться вариации данного ИМ (рис. 5, ИМ2, дата публикации: 22.11.2020). В 2021—2022 годах ИМ продолжает активно использоваться в социальных сетях (рис. 5, ИМ3, дата публикации: 26.04.2021 г.; ИМ4, дата публикации: 12.01.2022 г.). Модификации подвергается вербальный компонент, в котором реализуется уточнение обобщенного значения (а именно — объекта поддержки), разная ситуативная привязка ИМ: ИМ1 и ИМ3 — поддержка вообще, без ограничений на объект поддержки; ИМ2 — поддержка желающих оставаться красивыми девушек; ИМ4 — поддержка обучающихся. При этом ИМ 1, 3, 4 можно отнести к условно универсальному мему с чертами узкоцелевого ИМ (адресат — все знакомые с мемной культурой, в частности с ИМ «Котики»); ИМ3 тяготеет к сепаратным узкоцелевым ИМ, поскольку предполагает знакомство с мемной фразой «собака сутулая». Мемная фраза активно функционирует в русскоязычном сегменте Интернета с 2015 года, отсылает к выпуску реалити-шоу «Дом-2» в июне 2015, в котором участник Е. Кузин использовал ее для оскорбления участницы К. Коробейниковой. Визуальный шаблон ИМ о поддержке остается неизменным. Вербальный компонент усиливает и конкретизирует выражаемую визуальным компонентом идею поддержки. Обобщенное значение, конституирующее вместе с визуальным шаблоном ядро ИМ, — выражение поддержки, призыв собраться с силами.

Это истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-традиция-инновация (транслирует традиционные установки, ценности, при этом опирается как на общие эмоциональные переживания, так и на современный прецедентный феномен — популярную серию ИМ «Котики»), ИМ-мысль.

Рассмотрим еще один ИМ данной подгруппы. 10.06.2019 г. на Яндекс Дзен появляется ИМ «Народ России не сломить» (рис. 6, ИМ1). Автор публикации использует ИМ, чтобы визуализировать общую ответственность граждан страны за ее будущее, призывает всех граждан РФ принять участие в выборах. В качестве визуального шаблона использована карикатура,

CC BY

1 [MemesMix]

2 [VK]

3 [VK]

4 [VK]

Рис. 5. ИМ-мотиватор о поддержке

созданная египетским режиссером, сценаристом и карикатуристом Шерифом Арафа (рис. 6, изображение 2). Вербальный компонент подвергается модификации, при этом сохраняется константным ядро ИМ (рис. 6, ИМ3). Обобщенное значение ИМ, составляющее вместе с визуальным шаблоном ядро ИМ: «вместе мы сила». Впоследствии визуальный шаблон также используется для иллюстрации сути командной работы, функционирования маркетинга (рис. 6, ИМ3). Данный ИМ представляет собой универсальный, истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-мысль, ИМ-традицию, ИМ-изображение, где фон, на котором размещено изображение, не несет смысловой нагрузки. Визуальный компонент (изображение организованного, сплоченного, выполняющего общую функцию коллективного субъекта и

CC BY

испуганного одинокого противника) и вербальный компонент органично взаимодействуют, совместно формируют транслируемый смысл пользы единения, дополняя друг друга. Следует, однако, отметить наличие в русскоязычном интернете более раннего антонимичного ИМ-демотиватора (рис. 6, ИМ4, дата публикации: 06.02.2012 г.), посвященного идее сплоченности, объединения, но использующего другой визуальный образ и транслирующего противоположную оценку — «группу / противника легче одним махом одолеть, когда он собрался вместе» (см. вербальный компонент: «Сплоченность. Уязвимость перед большой пастью»). ИМ3 и ИМ4 имеют один денотат, но разные сигнификаты, коннотаты, мотивационные значения и мотивационные признаки.

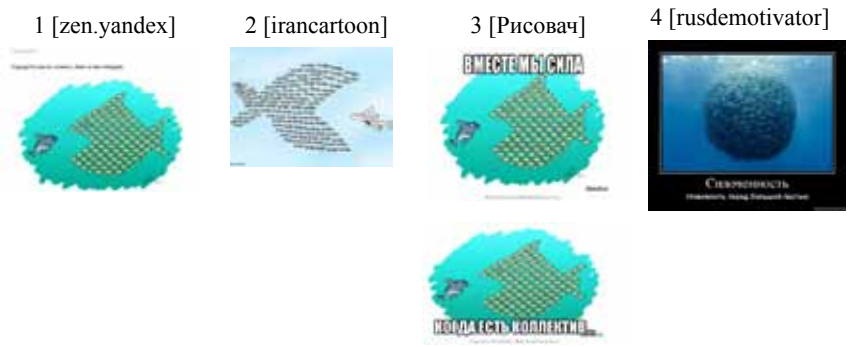

Рис. 6. ИМ «Народ России не сломить», карикатура-шаблон, ИМ «Вместе мы сила», ИМ «Сплоченность. Уязвимость перед большой пастью»

3.2. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие переходную зону между семантическими группами «Единение» и «Разобщение»

К переходной зоне нами отнесены ИМ, для которых затруднена однозначная интерпретация, то есть включение их в группу ИМ, транслирующих либо смыслы единения, либо смыслы разобщения.

К данной зоне мы относим, во-первых, имитирующие старые форматы постироничные ИМ-демотиваторы. Потрясения 2020 и 2021 годов привели к ностальгии по прошлому, что отразилось в интернет-коммуникации в возврате к эстетике предшествующих поколений, интересе молодежи к старым форматам, в том числе к старым («олдовым») ИМ. Данные ИМ отражают ностальгирующее «эстетическое единение» современных авторов ИМ с прошлым поколением, с одной стороны, и стигматизацию, мягкую постиронию по поводу предшествующего поколения, негативную оценку современной ситуации / обстоятельства / события, с другой стороны [Мемепедия].

Их сложная и противоречивая семантика затрудняет однозначное отнесение описываемых ИМ к группе «Единение» или к группе «Разобщение». В сети появляются черно-белые постироничные ИМ, соединяющие в шаблон три тренда: дизайн демотиватора, маску Анонимуса, «олдовые» ругательства (рис. 7, ИМ1,2). Данные ИМ представляют собой сепаратные узкоцелевые мемы (предполагают знание комбинируемых трендов), истинные ИМ, ИМ-традицию, ИМ-персонаж, ИМ-изображение-текст, ИМ-мысль. Константным остается ядро ИМ: визуальный шаблон и обобщенное значение — постироничное ностальгическое возвращение к прошлому, ироничная, смягченная анахроничностью стилистики порицающая реакция на современную ситуацию. ИМ характеризуется отношением консонанса между визуальным и вербальными компонентами; визуальный компонент синхронизирован (в темпоральном плане) с вербальным компонентом, взаимодействуя с последним при формировании ностальгической тональности, апелляции к опыту прошлого поколения. Данный тренд в январе и феврале 2021 года получил широкое распространение в связи с запретом использовать матерные ругательства в социальных сетях. Постироничные ИМ-демотиваторы перешли в офлайн (выпускаются футболки и другие подарки мужчинам к 23 февраля с соответствующими изображениями).

Рис. 7. ИМ в стиле демотиваторов [Мемепедия]

Во-вторых, к данной зоне мы отнесли актуальные в период пандемии коронавируса ИМ о дистанции. Данные ИМ не транслируют смыслы разобщения, разделения общества, противопоставления социальных групп или вражды как таковые, с одной стороны, но отражают обусловленные требованиями безопасности в пандемию изменения самого общения и «совместности», с другой стороны. Тема дистанции активно обыгрывается в ИМ (рис. 8). ИМ 1—4 носят универсальный характер, апеллируют к прецедентным феноменам, представляют собой истинные мемы, ИМ-традиции, ИМ-персонажи, ИМ-изображения, ИМ-мысль. Воздействие ИМ1 обусловливается обыгрыванием анахронизма вербального компонента (актуальное требование в пандемию) и невербального компонента (изображение на большевистском агитационном плакате времен гражданской войны «Ты записался добровольцем?», появившемся в 1920 году). В ИМ2 используется

CC BY

аллитерация с именем возлюбленной главного героя, отсылка к посвященной ей песне из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетёра» с М. Боярским в главной роли, сцены которого представлены в ИМ. В ИМ3 юмористический эффект также строится на анахронизме вербального и невербального компонентов, помещении сказки о репке в современную пандемическую реальность, доведении сюжета до абсурда (изображается центральное действие сказки, когда персонажи сообща вытаскивают репку, взявшись друг за друга, вплетенное в канву сегодняшнего требования соблюдения дистанции). В ИМ4 юмористическое обыгрывание ситуации выстраивается на: а) использовании узнаваемого персонажа и апелляции к заимствованному самостоятельному появившемуся в 2012 году ИМ «Ди Каприо с бокалом мартини» с кадром из фильма «Великий Гэтсби» со значением поздравления, приободрения, одобрения, позже — приглашения повеселиться / выражения неудовольствия с сарказмом; б) употреблении прецедентной фразы *больше трех не собираться* с одновременной отсылкой к двум ее вариантам прочтения (к появившемуся в дореволюционной России и активно используемому до сих пор выражению *сообразить на троих*; к знакомому по историческим фильмам требованию полицейских и жандармов в предреволюционной России, связанному с запретом Николаем II в 1906 году публичных собраний); в) необычном завершении прецедентной фразы («*под столом*», что воспринимается как нарушение ожиданий при втором варианте или как возможное развитие ситуации при первом варианте прочтения прецедентной фразы). Все использованные прецедентные феномены являются узнаваемыми для широкого адресата, субъектов разных общественных групп. Визуальный компонент ИМ1 (фигура красноармейца, сурово указывающего на реципиента, сочетание красного, черного, белого цветов) активно участвует в формировании побудительной семантики в рамках ироничного обыгрывания, воссоздаваемого во многом посредством временной несогласованности и семантического консонанса изображения и подписи. Визуальный ряд ИМ2 (изображение героя, переживающего трагедию) в несколько гиперболической форме формирует коннотативный смысловой компонент, задавая вектор восприятия, оценки, дополняет вербальный ряд. В ИМ3 визуальный и вербальный компоненты также связаны отношением консонанса: визуальный компонент (черная рамка демотиватора, изображение разделенных субъектов, неспособных совместно выполнить нужное действие, повторяющееся графическое обозначение требуемой дистанции) дополняет вербальный компонент, семантически акцентируя элемент высказывания «конец», направляет восприятие транслируемого смысла. ИМ4 представляет собой комбинацию эдвайса, категориальное значение которого заключается в юмористическом предъявлении совета, и макроса, специализированного на пе-

CC BY

редаче эмоции; двухчастный вербальный компонент соотносится с обеими жанровыми интенциями ИМ; визуальный ряд (изображение персонажа с бокалом, его радостное, приглашающее выражение лица, атрибуты праздника) взаимодействует с вербальным компонентом, подкрепляя обе части последнего, (1. *Больше трех не собираться*!; 2. *Под столом*) и создавая нужную ассоциативную связь.

1 [MemesMix] 2 [Мемоарсенал] 3 [demotions] 4 [Мемоарсенал]

Рис. 8. ИМ о соблюдении дистанции

В-третьих, к описываемой переходной зоне мы склонны отнести ИМ-сравнения, в которых находит отражение юмористическая переоценка общительности, коммуникабельности в период пандемии (рис. 9). Данные ИМ не указывают на разобщение в обществе как таковое, тематизируется нежелание выходить из дома и избегание «реальных» (не виртуальных) личных контактов. Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (повторяемое два раза изображение лежащего субъекта, олицетворяющего в первом случае необщительность, а во втором — ответственность и следование новым правилам и рекомендациям) и обобщенное значение «сегодня хорошо / норма то, что раньше оценивалось по-другому». В двучастном ИМ1 использование одного визуального ряда в обеих частях при разных вербальных компонентах является важнейшим средством указания на изменчивость интерпретаций, поддерживает предицируемые в обеих частях свойства субъекта (остающийся дома, необщительный, неопрятный).

1 [Know Your Meme]

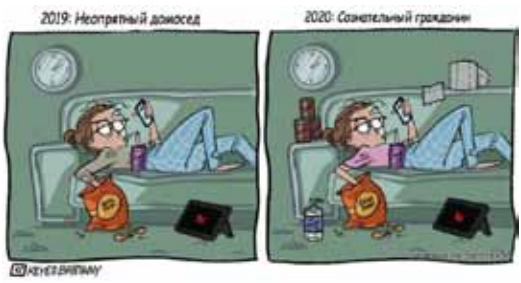

Рис. 9. ИМ «Лежи на диване — будь ответственным гражданином»

CC BY

3.3. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие семантическую группу «Разобщение»

С другой стороны, в 2019 году тема разобщения, противостояния групп в обществе также находит разнообразное отражение в исследуемом феномене. Переживаемые кризисы, пандемия способствовали росту социальной напряженности.

Появляются серии ИМ, затрагивающие тему противостояния, разобщенности поколений. Например, заимствованный ИМ «О'кей, бумер» (оригинал «Ok boomer» появился в твиттере весной 2018 года с изображением Доге, пародируя ИМ «Окей, придурок» [Know Your Meme]). ИМ «О'кей, бумер» отсылает к теории четырех поколений, начал активно распространяться в русскоязычном сегменте Интернета, в TikTok, Инстаграме[1] в октябре 2019 года вместе с ремиксом на песню «Ok, boomer» студента Дж. Уильямса. Далее последовали многочисленные пародии, флешмобы (в том числе флешмоб в твиттере «Советы бумерам», развившийся в целое движение молодых людей) [Мемепедия] (рис. 10). Общее значение ИМ — выражение пренебрежения зуммеров и миллениалов по отношению к занудному, отсталому и эгоистичному (с их точки зрения) старшему поколению с его коллективистскими ценностями [Мемепедия]. ИМ вышел в офлайн (например: различные арт-объекты / проекты молодежи, статьи в СМИ, одежда с мемной фразой). Ядро ИМ образуют указанное обобщенное значение, изображение некого живого существа, начертание слова *бумер*. Невербальный компонент характеризуется высокой изменчивостью (содержит, как правило, изображение персонажа подходящего возраста), вербальный компонент расширяется (в пародийных вариациях слово *о'кей* часто опускается). Представленные на рисунке 10 мемы — истинные ИМ, ИМ-персонажи, ИМ-тексты (реплицируется именно мемная фраза), ИМ-мысль. ИМ1 использует отсылку к традиции (типичный опыт взаимоотношения поколений) и инновации (апелляция к уже существующему ИМ, прецедентному феномену — мультипликационному герою, эгоистичному, глупому, ленивому, пьющему Питеру Гриффину; мультсериал включает 18 сезонов с 1999 по 2020 годы). ИМ2 обращается к традиции, представляет собой пародию, выстраиваемую на прецедентном феномене (кадр сцены в такси из фильма «Бриллиантовая рука»; узнаваемый персонаж Семен Горбунков; диалог «Вы в самодеятельности участвуете?» Семена Горбункова и таксиста-милиционера, трансформированный посредством нарушающих клише замен и распространения). Юмористический эффект ИМ2 основывается на обращении к комедийному эпизоду, помещению его в но-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

вые условия с соответствующей адаптацией, на параллели между простоватым, наивным, вечно попадающим впросак Горбунковым и сегодняшними представлениями молодежи о бумерах. В ИМ1 вербальный компонент (изображение узнаваемого героя с множеством негативных характеристик подходящей возрастной категории) участвует в формировании смыслового компонента «осуждение»; вербальный компонент уточняет объект негативной оценки. В ИМ2 визуальный компонент (изображение узнаваемого растерянного героя подходящего возраста в такси) поддерживает представленный вербально диалог с таксистом, участвует в формировании мягкой иронии в отношении поколения бумеров, предицировании ему таких характеристик, как «нелепый», «простак», «несовременный». Описываемый ИМ представляет собой сепаратный узкоцелевой мем (предполагает знание теории 4-х поколений, знание прецедентных феноменов, в разной степени известных молодому или старшему поколениям).

1 [Know Your Meme]

2 [Know Your Meme]

Рис. 10. ИМ «Окей бумер»

Продолжением данного тренда стал заимствованный истинный ИМ «О'кей, миллениал» (рис. 11), в котором противопоставление поколений получает свое дальнейшее развитие. ИМ «О'кей, миллениал» используется бумерами (считают миллениалов эгоцентриками, не заботящимися об обществе) и зуммерами (находят миллениалов занудными, не понимающими своих детей, высмеивают их ностальгию по 1990-м годам) [Know Your Meme]. Данный ИМ представляет собой сепаратный узкоцелевой мем (предполагает знание теории 4-х поколений, как правило, современного прецедентного феномена; в ИМ1 — кадр из кинофильма "Мстители" (2012 год) с закатывающим глаза Р. Дауни Младшим в роли Железного человека). ИМ1 — типичный мем-макрос, визуальный компонент (персонаж с определенной эмоцией) дополняет вербальный компонент, задавая коннотативный смысл и уточняя объект оценки. Описываемый ИМ представляет собой ИМ-персонаж, ИМ-текст (реплицируется мемная фраза, в вариациях мема фрагмент *Окей* может опускаться), ИМ-инновация (апелляция

CC BY

к актуальному прецедентному феномену, современной теории поколений, серии поколенческих мемов), ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона. Отдельную серию составляют вариации ИМ с мемной фразой *Миллениалы изобрели / придумали*..., в которых высмеивается желание миллениалов выдать старое за новое (рис. 11) [Мемепедия]. Данный ИМ также является сепаратным узкоцелевым. Это, как правило, истинные ИМ, ИМ-инновации, ИМ-тексты, ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона. В ИМ2 и ИМ3 визуальный ряд (изображение модифицированных уже существующих и выдаваемых за новые простых объектов) поддерживает называющий данные объекты вербальный компонент, участвуя в предъявлении несоответствия желаемого и действительного, в формировании ироничной тональности. Вербальный и визуальный компоненты связаны отношением консонанса.

1 [Мемоарсенал] 2 [Fishki] 3 [Мемепедия]

Рис. 11. ИМ про миллениалов

В данную группу ИМ, иллюстрирующих разобщение общества по поколенческому признаку, мы включаем также и заимствованный истинный ИМ-сравнение «Качок Доге и Чимс», транслирующий, с одной стороны, ностальгию по прошлому, с другой стороны, противопоставление поколений и негативную оценку современного общества. Данный мем представляет собой ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-инновацию 9апелляция к актуальным мемам ИМ «Доге» и ИМ «Чимс»), ИМ-изображение и ИМ-текст. Шаблон заимствованного рунетом ИМ-сравнения «Качок Доге и Чимс» содержит изображения двух псов породы сиба-ину [Мемепедия]. Данные изображения функционировали до 2020 года в качестве самостоятельных ИМ. Сильный Доге олицетворяет прошлое, все хорошее, что в нем было, а маленький, слабый, грустный и недовольный Чимс, как современная версия Доге, символизирует настоящее. С конца мая 2020 года ИМ в разных вариациях получает широкое распространение в русскоязычном сегменте Интернета (рис. 12). В последующих реконтекстуализациях невербальный компонент (визуальный шаблон — изображения Доге и Чимса) дополняется (например, наушники,

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

каска, оружие, хитон, флаг и т. д. рис. 13, ИМ2,3). Вербальный компонент замещается и расширяется (именная фраза, двусоставное предложение, чаще всего без знаков пунктуации), транслируя при этом сохраняющийся смысл. Обобщенное значение — ностальгия по прошлому, противопоставление общества прошлого и настоящего, негативная оценка настоящего. Во всех вариациях ИМ визуальный компонент (изображение двух разных субъектов, в том числе с поддерживающими предикацию противоположных признаков атрибутами) вступает в отношение консонанса с вербальным компонентом, подкрепляя противопоставление.

1 2 3

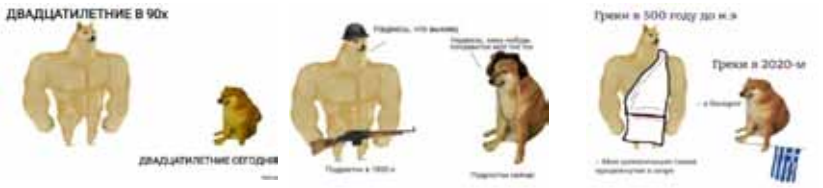

Рис. 12. ИМ «Качок Доге и Чимс» [Мемепедия]

Следующий конституент описываемой семантической группы — универсальные, созданные в русскоязычном сегменте Интернета ИМ про *социальную дистанцию*, представляющие собой ответную реакцию на раздражающее многих использование данного термина в период пандемии, а также на ухудшение экономической ситуации в стране, усугубившей расслоение общества. В отличие от описанных ранее ИМ переходной зоны о дистанции, данные ИМ обыгрывают не физическое расстояние между людьми, а разное материальное положение и финансовые возможности, расслоение и разобщение в обществе, неприятие двух разделенных групп. Они представляют собой истинные, универсальные ИМ (с широкой, неограниченной адресацией), ИМ-событие, ИМ-текст, ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-инновацию (апелляция к актуальной ситуации пандемии, переосмысливаемой актуальной фразе). ИМ апеллируют к общему опыту (повседневные требования безопасности в период пандемии, отсылка к значению популярного в период пандемии выражения *социальная дистанция* для обозначения физического расстояния и его противопоставление реализуемому в ИМ значению). В ИМ1 юмористический эффект обусловливается также включением в визуальный ряд изображения ставшей привычной в 2020 году стрелки для маркировки нужного расстояния и нетипичным использованием числа, обозначающего рекомендованную в пандемию дистанцию между людьми (1,5 метра — 1,5 млрд рублей)

CC BY

(рис. 13). Ядро ИМ — визуальный шаблон (изображение двух субъектов из разных социальных слоев, начертание словосочетания *социальная дистанция*) и обобщенное значение (указание на разные финансовые возможности членов общества и негативная оценка существования такой социальной дистанции). Визуальный компонент ИМ (два статусно различающихся субъекта, горизонтально или вертикально ориентированные символы разъединения) уточняет элемент вербального компонента «социальная дистанция», формируя ироничную тональность и задавая желаемую интерпретацию.

1 [litvek]

2 [twimg]

Рис. 13. ИМ про социальную дистанцию

К данной семантической группе считаем возможным отнести также заимствованный истинный ИМ «Мы разные», ставший в 2021 году вирусным ИМ-трендом. ИМ «Мы разные» акцентирует различие взглядов, ценностей и установок в обществе (в частности, между автором мема и другими людьми), в ироничной форме представляет обоснование непохожести / превосходства над другими людьми. По данным сайта Medialeaks, ИМ-тренд восходит к заимствованному ИМ «We are not the same» («Мы не одинаковы») со значением «у нас разные взгляды / ценности / установки, я — другой», широко распространившемуся в 2019 году в твиттере [Medialeaks]. В октябре 2021 года в качестве визуального шаблона ИМ «Мы не одинаковы» активно используется изображение героя сериала «Во все тяжкие» Гуса Фрига. Роль Фрига — безжалостного бизнесмена и наркодельца — играл американский актер Джанкарло Эспозито. Именно данный шаблон был заимствован рунетом (рис. 14, ИМ1, ИМ2). В качестве мемной фразы закрепилось выражение «Мы разные». Визуальный образ, в отличие от мемной фразы, может меняться или отсутствовать, не представляет собой константный элемент ядра ИМ. Далее в русскоязычном тиктоке и твиттере последовали видео-флешмобы с мемной фразой (с декабря 2021 года). Ядро ИМ составляет именно мемная фраза (рис. 14, ИМ3 —

CC BY

примеры реконтекстуализаций мемной фразы; в том числе самоироничные реконтекстуализации). Обобщенное значение ИМ — «противопоставление себя и других людей». Данный мем представляет собой сепаратный узкоцелевой (предполагает знание сюжета фильма «Во все тяжкие», его главного героя и исполнителя данной роли), истинный мем, ИМ-инновацию (отсылка к популярному персонажу, заимствованному мему), ИМ-текст, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль. Визуальный ряд апеллирует к исходному ИМ-макросу, выражающему конкретное переживание (уверенность в своем превосходстве, элитарности, самолюбование, некое высокомерие), и дополняет вербальный компонент. Вербальный компонент уточняет причину, источник переживания. С другой стороны, ассоциируемые с персонажем качества и оценки (жестокий злодей, деляга) и содержание вербального компонента, обыгрываемая, как правило, обычная бытовая ситуация часто вступают в диссонанс, становясь источником дополнительного комического эффекта (см. ИМ2).

1	2	3
		Ты качаешься, чтобы нравиться девушкам. Я качаюсь, чтобы, если меня похитят, в новостях писали «спортивного телосложения». Мы разные. *Ты позоришься в интернете, чтобы получить лайки. Я позорюсь в интернете, потому что тупой. Мы разные.* *Тебе нужны отношения, потому что ты чувствуешь себя одиноким. Мне нужны отношения, чтобы кидать картинки с котами и писать: «Это мы». Мы разные.*

Рис. 14. ИМ «Мы разные» [Medialeaks]

В рамках данной группы следует также рассмотреть ИМ, посвященные антипрививочникам / антиваксерам, отражающие формирование новых групп в обществе и их противостояние (рис. 15). ИМ1 представляет собой истинный четырехчастный ИМ-комикс, использующий заимствованный визуальный шаблон ИМ «Probably whats going to happen sadly» — «Вероятно, то, что произойдет, печально», использовавшийся для ироничной негативной оценки происходящего. Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (изображение некого документа, изображение читающего документ Спанч боба,

CC BY

изображение сжигающего документ Спанч Боба, изображение греющегося у костра Спанч Боба) и обобщенное значение — «то, что происходит, ужасно глупо». ИМ1 представляет собой ИМ-изображение (реплицируется визуальный компонент), ИМ-персонаж, ИМ-инновацию (использование актуального прецедентного феномена — сцены из мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны»; мультсериал появился в эфире 1 мая 1999 года, к 2022 году вышло 13 сезонов), ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль. ИМ тяготеет к группе сепаратных узкоцелевых ИМ, поскольку предполагает знание актуального прецедентного феномена; при этом ввиду популярности и известности данного прецедентного феномена ИМ характеризуется весьма широкой адресацией. Вербальный компонент дополняет визуальный, уточняя объект оценки (антипрививочники, их неверие в науку, в медицину, необразованность). Транслируемый смысл: «антипрививочники ведут себя ужасно глупо». ИМ2 транслирует противоположный взгляд на ситуацию, представляет собой возникший в русскоязычном сегменте Интернета истинный, сепаратный узкоцелевой ИМ. Данный мем апеллирует к прецедентному феномену 1952 года — картине Александра Лактионова «В новую квартиру», известной под неофициальным названием «Как хорошо, что прежних жильцов расстреляли!». ИМ2 представляет собой ИМ-изображение, ИМ-традицию, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль. Вербальный компонент дополняет визуальный, уточняя объект оценки. Транслируемый смысл: «привитые граждане меркантильны, используют ситуацию себе во благо за счет других; то, что происходит, аморально».

1 [cdn1; май 2021]

2 [cdn2]

Рис. 15. ИМ про антипрививочников

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Интернет-мемы 2019—2021 годов как популярный формат интернет-коммуникации, характеризующийся лаконичной формой и содержательной насыщенностью, отражают разнонаправленные социальные процессы, усиливаемые кризисными событиями данного периода. Представленные в русскоязычном сегменте Интернета мемы названного периода выступают эффективными средствами трансляции смыслов единения и разобщения; имеют полевую структуру, включающую константное ядро (визуальный шаблон, обобщенное значение) и изменчивую периферию. Специфика использования прецедентных феноменов в интернет-меме заключается в их реинтерпретации и реконтекстуализации, что обеспечивает их функционирование в качестве средства создания комизма, специфической эстетики, диалога и интеллектуальной игры.

Подгруппу «Единение» конституируют преимущественно созданные в русскоязычном сегменте Интернета ИМ, в том числе (в отличие от остальных рассмотренных подгрупп) искусственные, то есть специально созданные мемы. Мемы, транслирующие смыслы единения, имеют разную адресацию, примерно в равных долях представляя собой универсальные или сепаратные узкоцелевые ИМ; часто (в половине случае) выходят в офлайн. Для порождения и трансляции мемами смыслов единения релевантными оказываются следующие факторы: ассоциирование доминирующих над фоном узнаваемых персонажей с определенными эмоциями и переживаниями, а не представление оперативной реакции на актуальное событие; отношение консонанса между визуальным и вербальным рядом; включение в визуальный ряд изображения неединичного, коллективного субъекта; одинаковая частотность апелляции к общим культурным феноменам, прошлому, опыту и актуальным явлениям, практикам, объектам культуры; одинаковая регулярность репликации невербального или вербального компонентов ИМ. К частотным транслируемым смыслам относятся: «мы схожи и можем помочь друг другу», «вместе интереснее и веселей», «все вокруг — родные, нужно любить всех», «поддержка важна, помогает собраться с силами», «вместе легче одолеть врага», «хорошо, когда разные поколения вместе и есть преемственность».

ИМ подгруппы «Разобщение» представляют собой преимущественно заимствованные мемы, редко выходящие в офлайн, являются истинными мемами и предполагают групповую адресацию. Порождение и трансляция посредством ИМ смыслов разобщения характеризуются следующими особенностями: акцентирование и использование ассоциируемых с определенным персонажем эмоций и переживаний или акцентирование оценки актуального события; отношение взаимодополнения между вербальным и

CC BY

визуальным компонентами мема и включение в визуальный ряд изображения единичного субъекта — носителя определенного признака, группы визуально символически разделенных или противопоставляемых субъектов; доминирующая апелляция к актуальным процессам, опыту, прецедентным феноменам; одинаковая частотность репликации невербального или вербального компонентов ИМ. При формировании транслируемого смысла визуальный компонент, как правило, формирует коннотативные смыслы, задает вектор оценочной интерпретации, усиливает вербальный ряд. Частотными предъявляемыми адресату смыслами выступают следующие: «бумеры отсталые, нелепые, не понимают милениалов и зуммеров», «миллениалы эгоистичные, занудные, ностальгирующие по 90-м годам, не понимающие бумеров и зуммеров», «настоящее и нынешнее общество — хуже, чем раньше», «между бедными и богатыми непреодолимое расстояние», «я — не другие, я отличаюсь, я лучше других», «антипрививочники ведут себя глупо», «привитые граждане меркантильны и аморальны». Таким образом, «дифференциальными особенностями» порождения и трансляции смыслов единения и разобщения посредством формата ИМ в русской интернет-коммуникации выступают следующие: генетический признак (порождение ИМ в рамках собственной лингвокультуры / заимствование); уровень включенности используемого прецедентного феномена в культуру (апелляция к традиционному / новому); тип адресации (разная / доминирующая ограниченная); перспектива выхода за рамки интернет коммуникации (разная частотность выхода в офлайн); поддержка вербального ряда посредством включения в визуальный ряд противопоставленных элементов (группа субъектов / единичный или символически разделенные, противопоставленные субъекты).

Полученные результаты могут найти практическое применение в сфере политических технологий для оптимизации трансляции социально значимых смыслов посредством исследуемого формата интернет-коммуникации. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении особенностей порождения и предъявления массовому адресату смыслов единения и разобщения посредством иных актуальных поликодовых текстов (фейковых плакатов, плакатной партизанщины, видеопостов в TikTok), а также в сопоставительном исследовании данных практик на материале разных лингвокультур.

Источники и принятые сокращения

1. Левада-Центр — *Глас народа :* чем порадовал 2020 год. Левада-Центр (2020). 29.12.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.levada.ru/2020/12/29/glas-naroda-chem-poradoval-2020-god/ (дата обращения 01.02.2022).

2. Мемепедия — Мемотека «Мемепедия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://memepedia.ru/memoteka/ (дата обращения 16.02.2022).

3. Мемоарсенал — *Мемоарсенал* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.meme-arsenal.com/memes/387f1418d1fa105017dd2e56426897be.jpg (дата обращения 10.02.2022).

4. Рисовач — Рисовач.Ру. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://risovach.ru/? (accessed 02.02.2022).

5. demotions — *demotions.ru* [Electronic resource]. — Access mode : https://demotions.ru/uploads/posts/2020-05/1589252822_Tut-i-skazochke-kone_demotions.ru.jpg (accessed 10.02.2022).

6. cdn1 [Electronic resource]. — Access mode : http://cdn01.ru/files/users/images/88/41/8841692fbaa96b9f93a298cf61dc710f.jpg (accessed 02.02.2022).

7. cdn2 [Electronic resource]. — Access mode : http://cdn01.ru/files/users/images/50/3b/503bf462617b3dbda1def383f45f22a6.jpg; май 2021 (accessed 02.02.2022).

8. Fishki — *Fishki.net* [Electronic resource]. — Access mode : https://fishki.net/3263688-millenialy-izobreli-v-seti-smejutsja-nad-popytkami-vydaty-staroe-za-novoe/gallery-7590138-millenialy-izobreli-avosyku-photo.html (accessed 16.02.2022).

9. *ic.pics* [Electronic resource]. — Access mode : https://ic.pics.livejournal.com/guran_ussury/65534952/417996/417996_600.jpg (accessed 10.02.2022).

10. irancartoon — *irancartoon.com* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.irancartoon.com/site/media/cache/3e/08/3e0864b975625abbd2926fa1cc4a10a2.jpg (accessed 10.02.2022).

11. Know Your Meme — *Мемотека* «Know Your Meme». [Electronic resource]. — Access mode : https://knowyourmeme.com/photos/1797676-2meirl4meirl (accessed 10.02.2022).

12. litvek — *litvek.com* [Electronic resource]. — Access mode : https://litvek.com/icl/i/73/550573/i_011.jpg (accessed 02.02.2022).

13. Medialeaks — *medialeaks.ru* [Electronic resource]. — Access mode : https://medialeaks.ru/2312ndi-txt-we-are-different/ (accessed: 16.02.2022).

14. MemesMix — *Мемотека* «MemesMix». [Electronic resource]. — Access mode : http://memesmix.net/media/created/ffhyb0.jpg (accessed 10.02.2022).

15. rusdemotivator — *rusdemotivator.ru* [Electronic resource]. — Access mode : http://rusdemotivator.ru/uploads/02-06-12/1328541764-splochennost.jpg (accessed 10.02.2022).

16. *sun9-14* [Electronic resource]. — Access mode : https://sun9-14.userapi.com/sun9-88/impf/hh5gfXDowMNblfzcAKQtU6Q-jKNp4royfHs1Ag/gm6jOp1Q7VY.jpg?size=556x604&quality=95&sign=a41bef1b01b647a46616c81fe1cd4227&type=album (accessed 10.02.2022).

17. twimg — *pbs.twimg.com* [Electronic resource]. — Access mode : https://pbs.twimg.com/media/EZAmvceWoAIq-q-.jpg (accessed 02.02.2022).

18. VK — *vk.com* [Electronic resource]. — Access mode : https://vk.com/wall (accessed 10.02.2022).

19. zen.yandex — *zen.yandex.ru* [Electronic resource]. — Access mode : https://zen.yandex.ru/media/ (accessed 10.02.2022).

Литература

1. *Вешнякова А. В.* Лингвокреативный аспект интернет-мемов / А. В. Вешнякова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 6 (4). — С. 34—40.

2. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва : Национальное образование, 2019. — 368 с. — ISBN 978-5-4461-1109-1.

3. *Голованова Е. И.* Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2015. — № 5 (360). — С. 135—141.

4. *Громовая М. И.* Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа / М. И. Громовая // Мова. — 2015. — № 23. — С. 27—31.

5. *Дацкевич И.* Феномен массовой культуры [Электронный ресурс] / И. Дацкевич. — 2012. — Режим доступа : https://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf (дата обращения 15.02.2022).

6. *Зиновьева Н. А.* Воздействие мемов на Интернет-пользователей : типология Интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 195—201.

7. *Зиновьева Н. А.* Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов : диссертация … кандидата социологических наук : 22.00.06 / Н. А. Зиновьева. — Санкт-Петербург, 2016. — 203 с.

8. *Изгаршева А. В.* Интернет-мем как медиатекст : лингвистический аспект / А. В. Изгаршева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2020. — № 5. — С. 86—101. — DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-10.

9. *Канашина С. В.* Интернет-мем и прецедентный феномен / С. В. Канашина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (193). — С. 122—126. — DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.

10. *Квят А.* Медиамем как инструмент политического PR : когнитивный подход [Электронный ресурс] / А. Квят // Медиаскоп. — 2013. — № 1 (3). — Режим доступа : http://mediascope.ru/node/1254#24 (дата обращения 16.03.2021).

11. *Лысенко Е. Н.* Интернет-мемы в коммуникации молодежи / Е. Н. Лысенко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Социология. — 2017. — № 10 (4). — С. 411—423. — DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.403.

12. *Никитина О. А.* Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса / О. А. Никитина, О. А. Гудкова, Ф. Зандер // Язык и культура. — 2018. — № 43. — С. 74—87. — DOI: 10.17223/19996195/43/5.

13. *Рашкофф Д.* Медиавирус! = Media virus! : Как попкультура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф ; Пер. с англ. Д. Борисов. — Москва : Ультра-культура, 2003. — 363 с. — ISBN 5-98042-012-6.

14. *Савицкая Т. Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — С. 3.

15. *Щебланова В. В.* Дискурсы городского сообщества интернет-мемов : между конструктивной и деструктивной гражданской активностью молодёжи / В. В. Щебланова, Л. В. Логинова, И. Ю. Суркова // Πραξημα. — 2020. — № 3 (25). — С. 136—155. — DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.

16. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161—173.

17. *Askanius T.* On Frogs, Monkeys, and Execution Memes : Exploring the Humor-Hate Nexus at the Intersection of Neo-Nazi and Alt-Right Movements in Sweden / T. Askanius // Television & new media. — 2021. — № 22 (2). — Pp. 147—165. — DOI: 10.1177/1527476420982234.

18. *Aslan E.* Days of our ‘quarantined’ lives Multimodal humour in COVID-19 internet memes / E. Aslan // Internet pragmatics. — 2021. — DOI: 10.1075/ip.00075.asl.

19. *Díaz C.* Defining and characterizing the concept of Internet Meme / C. Díaz, C. Mauricio // CES Psicología. — 2013. — Т. 6. — № 2. — Pp. 82—104. — DOI: 10.21615/2642.

20. *Dynel M.* Fidelis ad mortem : multimodal discourses and ideologies in Black Lives Matter and Blue Lives Matter (non)humorous memes / M. Dynel, F. I. M. Poppi // Information communication & society. — 2021. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1993958.

21. *Erlehnmann N.* Internet-Meme. Kurz und geek / N. Erlehnmann, Ch. Plomlompom. — Köln : O'Reilly, 2013. — 236 S. — ISBN 978-3-86899-805-4.

22. *Hagen S.* 'Who is /ourguy/?' : Tracing panoramic memes to study the collectivity of 4chan/pol [Electronic resource] / S. Hagen // New media & society. — 2022. — Access mode : https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/14614448221078274 (accessed 17.02.2022). https://doi.org/10.1177/14614448221078274._

23. *Hartmann F.* Meme : Die Kunst des Remix / F. Hartmann. — Berlin : Amadeo Antonio Stiftung, 2017. — 33 S.

24. *Lukacs G.* Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary / G. Lukacs // Visual anthropology review. — 2021. — № 37 (1). — Pp. 52—76.

25. *Lukacs G.* The gender of the meme : women and protest media in populist Hungary / G. Lukacs // Feminist media studies. — 2022. — Pp. 1—16. — DOI: 10.1080/14680777.2021.2018007.

26. *Martynyuk A.* Socio-pragmatic potential of (verbo)-visual metaphtonymy in Internet memes featuring Donald Trump / A. Martynyuk, O. Meleshchenko // Metaphor and the social world. — 2021. — № 12 (1). — Pp. 69—91. — DOI: 10.1075/msw.20010.mar.

27. *Miltner K. M.* There's no place for lulz on LOLCats : The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme / K. M. Miltner // First Monday. — 2014. — № 19 (8). — Pp. 21—43. — DOI: 10.5210/FM.V19I8.5391.

28. *Mitos e* imaginarios del activismo digital feminista. Análisis de memes de la cibercampaña #FuckGenderRoles [Electronic resource] / S. Sola-Morales, M. Hernández-Conde, S. Arencón-Beltrán, F. Sierra Caballero // Teknokultura. Revista de Cultura Digital y Movimientos Sociales. — 2022. — № 19 (1). — Pp. 43—54. — Access mode : https://revistas.ucm.es/index.php/TEKN/article/view/76690/4564456559537 (accessed 17.02.2022). https://doi.org/10.5209/tekn.76690/.

29. *Mortensen M.* The playful politics of memes / M. Mortensen, C. Neumayer // Information communication & society. — 2021. — № 24 (16). — Pp. 2367—2377. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1979622.

30. *Osterroth A.* Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text / A. Osterroth // Image. — 2015. — № 22. — S. 26—46.

31. *Paz M. A.* From Polarization to Hate: Portrait of the Spanish Political Meme / M. A. Paz, A. Mayagoitia-Soria, J. M. Gonzalez-Aguilar // Social media + society. — 2021. — № 7 (4). — DOI: 10.1177/20563051211062920.

32. *Shifman L.* Memes in a Digital World : Reconciling with a Conceptual Troublemaker / L. Shifman // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2013. — № 18. — Pp. 362—377. — DOI: 10.1111/jcc4.12013.

33. *Smith A. O.* Memetics as informational difference : offering an information-centric conception of memes / A. O. Smith, J. Hemsley // Journal of documentation. — 2021. — DOI: 10.1108/JD-07-2021-0140.

34. *Wu Ya.* COVID-19 and viral anti-Asian racism : A multimodal critical discourse analysis of memes and the racialization of the COVID-19 pandemic / Wu Ya, M. Wall // Journal of contemporary chinese art. — 2021. — № 8 (2-3). — Pp. 107—127. — DOI: 10.1386/jcca_00040_1.

35. *Zidani S.* Messy on the inside : internet memes as mapping tools of everyday life / S. Zidani // Information communication & society. — 2021. — № 24 (16). — Pp. 2378—2402. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1974519.

Material resources

Cdn1. Available at: http://cdn01.ru/files/users/images/88/41/8841692fbaa96b9f93a298cf61dc710f.jpg (accessed 02.02.2022).

Cdn2. Available at: http://cdn01.ru/files/users/images/50/3b/503bf462617b3dbda1def383f45f22a6.jpg; май 2021 (accessed 02.02.2022).

Demotions.ru. Available at: https://demotions.ru/uploads/posts/2020-05/1589252822_Tut-i-skazochke-kone_demotions.ru.jpg (accessed 10.02.2022).

Fishki.net. Available at: https://fishki.net/3263688-millenialy-izobreli-v-seti-smejutsja-nad-popytkami-vydaty-staroe-za-novoe/gallery-7590138-millenialy-izobreli-avosyku-photo.html (accessed 16.02.2022).

Ic.pics. Available at: https://ic.pics.livejournal.com/guran_usury/65534952/417996/417996_600.jpg (accessed 10.02.2022).

Irancartoon.com. Available at: https://www.irancartoon.com/site/media/cache/3e/08/3e0864b975625abbd2926fa1cc4a10a2.jpg (accessed 10.02.2022).

Litvek.com. Available at: https://litvek.com/icl/i/73/550573/i_011.jpg (accessed 02.02.2022).

Medialeaks.ru. Available at: https://medialeaks.ru/2312ndi-txt-we-are-different/ (accessed: 16.02.2022).

Memoteca «Know Your Meme». Available at: https://knowyourmeme.com/photos/1797676-2meirl4meirl (accessed 10.02.2022).

Memoteca «MemesMix». Available at: http://memesmix.net/media/created/ffhyb0.jpg (accessed 10.02.2022).

Memoteca "Memepedia". Available at: https://memepedia.ru/memoteka / (accessed 02/16/2022). (In Russ.). (In Russ.).

Memoarsenal. Available at: https://www.meme-arsenal.com/memes/387f1418d1fa105017dd2e56426897be.jpg (accessed 10.02.2022). (In Russ.).

Pbs.twimg.com. Available at: https://pbs.twimg.com/media/EZAmvceWoAIq-q-.jpg (accessed 02.02.2022).

Risovach.Ru. Available at: http://risovach.ru /? (accessed: 02.02.2022). (In Russ.).

Rusdemotivator.ru. Available at: http://rusdemotivator.ru/uploads/02-06-12/1328541764-splochennost.jpg (accessed 10.02.2022).

Sun9-14. Available at: https://sun9-14.userapi.com/sun9-88/impf/hh5gfXDowMNblfzcAKQ-tU6Q-jKNp4royfHs1Ag/gm6jOp1Q7VY.jpg?size=556x604&quality=95&sign=a41bef1b01b647a46616c81fe1cd4227&type=album (accessed 10.02.2022).

The Voice of the people: what pleased 2020. Levada Center (2020). 12/29/2020. Available at: https://www.levada.ru/2020/12/29/glas-naroda-chem-poradoval-2020-god / (accessed 01.02.2022). (In Russ.).

Vk.com. Available at: https://vk.com/wall (accessed 10.02.2022).

Zen.yandex.ru. Available at: https://zen.yandex.ru/media/ (accessed 10.02.2022).

References

Askanius, T. (2021). On Frogs, Monkeys, and Execution Memes: Exploring the Humor-Hate Nexus at the Intersection of Neo-Nazi and Alt-Right Movements in Sweden. *Television & new media, 22 (2):* 147—165. DOI: 10.1177/1527476420982234.

Aslan, E. (2021). Days of our 'quarantined' lives Multimodal humour in COVID-19 internet memes. In: *Internet pragmatics*. DOI: 10.1075/ip.00075.asl.

Datskevich, I. (2012). *Phenomenon of mass culture.* Available at: https://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf (accessed 15.02.2022). (In Russ.).

Díaz, C., Mauricio, C. (2013). Defining and characterizing the concept of Internet Meme. *CES Psicología, 6 (2):* 82—104. DOI: 10.21615/2642.

Dynel, M., Poppi, F. I. M. (2021). Fidelis ad mortem: multimodal discourses and ideologies in Black Lives Matter and Blue Lives Matter (non)humorous memes. In: *Information communication & society.* DOI: 10.1080/1369118X.2021.1993958.

Erlehnmann, N., Plomlompom, Ch. (2013). *Internet-Meme. Kurz und geek.* Köln: O'Reilly. 236 S. ISBN 978-3-86899-805-4. (In Germ.).

Golovanova, E. I., Chasovsky, N. V. (2015). Internet meme as an element of visualization in the media. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 5 (360):* 135—141. (In Russ.).

Gromovaya, M. I. (2015). Internet meme as a linguoculturema of modern philological analysis. *Mov, 23:* 27—31. (In Russ.).

Hagen, S. (2022). 'Who is /ourguy/?': Tracing panoramic memes to study the collectivity of 4chan/pol. In: *New media & society.* Available at: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/14614448221078274 (accessed 17.02.2022). https://doi.org/10.1177/14614448221078274.

Hartmann, F. (2017). *Meme: Die Kunst des Remix.* Berlin: Amadeo Antonio Stiftung. 33 S. (In Germ.).

Izgarsheva, A. V. (2020). Internet meme as a media text: linguistic aspect. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 5:* 86—101. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-10. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2018). Internet meme and precedent phenomenon. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 4 (193):* 122—126. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127. (In Russ.).

Kvyat, A. (2013). Mediamem as a tool of political PR: cognitive approach. *Mediascope, 1 (3).* Available at: http://mediascope.ru/node/1254#24 (accessed 16.03.2021). (In Russ.).

Lukacs, G. (2021). Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary. *Visual anthropology review, 37 (1):* 52—76.

Lukacs, G. (2022). The gender of the meme: women and protest media in populist Hungary. In: *Feminist media studies.* 1—16. DOI: 10.1080/14680777.2021.2018007.

Lysenko, E. N. (2017). Internet memes in youth communication. *Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology, 10 (4):* 411—423. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.403. (In Russ.).

Martynyuk, A., Meleshchenko, O. (2021). Socio-pragmatic potential of (verbo)-visual metaphtonymy in Internet memes featuring Donald Trump. *Metaphor and the social world, 12 (1):* 69—91. DOI: 10.1075/msw.20010.mar.

Miltner, K. M. (2014). There's no place for lulz on LOLCats: The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme. *First Monday, 19 (8):* 21—43. DOI: 10.5210/FM.V19I8.5391.

Mitos e imaginarios del activismo digital feminista. Análisis de memes de la cibercampaña #FuckGenderRoles. (2022). *Teknokultura. Revista de Cultura Digital y Movimientos Sociales, 19 (1):* 43—54. Available at: https://revistas.ucm.es/index.php/TEKN/article/view/76690/4564456559537 (accessed 17.02.2022). https://doi.org/10.5209/tekn.76690/. (In Spain.).

Mortensen, M., Neumayer, C. (2021). The playful politics of memes. *Information communication & society, 24 (16):* 2367—2377. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1979622.

Nikitina, O. A., Gudkova, O. A., Zander, F. (2018). Internet meme as a multimodal phenomenon of German-language Internet discourse. *Language and Culture, 43:* 74—87. DOI: 10.17223/19996195/43/5. (In Russ.).

Osterroth, A. (2015). Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text. *Image, 22:* 26—46.

Paz, M. A., Mayagoitia-Soria, A., Gonzalez-Aguilar, J. M. (2021). *From Polarization to Hate: Portrait of the Spanish Political Meme. Social media + society, 7 (4).* DOI: 10.1177/20563051211062920.

Rashkoff, D. (2003). *Mediavirus! = Media virus!: How pop culture secretly affects your consciousness.* Moscow: Ultra-culture. 363 p. ISBN 5-98042-012-6. (In Russ.).

Savitskaya, I. E. (2013). Internet memes as a phenomenon of mass culture. *Culture in the modern world, 3:* 3. (In Russ.).

Shcheblanova, V. V., Loginova, L. V., Surkova, I. Y. (2020). Discourses of the urban community of Internet memes: between constructive and destructive civic activity of youth. *ПраξНμα, 3 (25):* 136—155. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyj dialog, 3:* 161—173. (In Russ.).

Shifman, L. (2013). Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker. *Journal of Computer-Mediated Communication, 18:* 362—377. DOI: 10.1111/jcc4.12013.

Smith, A. O., Hemsley, J. (2021). Memetics as informational difference: offering an information-centric conception of memes. In: *Journal of documentation.* DOI: 10.1108/JD-07-2021-0140.

Veshnyakova, A. V. (2016). The linguocreative aspect of Internet memes. *Actual problems of humanities and natural sciences, 6 (4):* 34—40. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (2019). *Thinking and speech.* Moscow: National Education. 368 p. ISBN 978-5-4461-1109-1. (In Russ.).

Wu, Ya., Wall, M. (2021). COVID-19 and viral anti-Asian racism: A multimodal critical discourse analysis of memes and the racialization of the COVID-19 pandemic. *Journal of contemporary chinese art, 8 (2—3):* 107—127. DOI: 10.1386/jcca_00040_1.

Zidani, S. (2021). Messy on the inside: internet memes as mapping tools of everyday life. *Information communication & society, 24 (16):* 2378—2402. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1974519.

Zinovieva, N. A. (2015). The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes. *Bulletin of Economics, Law and Sociology, 1:* 195—201. (In Russ.).

Zinovieva, N. A. (2016). *Translation of socio-cultural codes in the creation of an information product: analysis of Internet memes.* PhD Diss. St. Petersburg. 203 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.06.2022,
одобрена после рецензирования 27.07.2022,
подготовлена к публикации 20.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Виктория Николаевна Скачкова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Ксения Борисовна Егорова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Марина Генриховна Уртминцева, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Наталия Ксенофонтовна Данилова, канд. истор. наук (Якутск)
Юрий Петрович Борисов, канд. филол. наук (Якутск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Борисов Ю. П. Реконструкция текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» олонхосута И. М. Жендринского / Ю. П. Борисов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 269—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-269-287.

Borisov, Yu. P. (2022). Reconstruction of Olonkho "Tyobyo Tyoryuyokh hero" of Olonkhosut I. M. Zhendrinsky. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 269-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-269-287. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-269-287

Реконструкция текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» олонхосута И. М. Жендринского

Борисов Юрий Петрович
orcid.org/0000-0002-0265-373X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
заведующий сектором
«Лингвофольклористика»
olonhoman@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты»

Reconstruction of Olonkho "Tyobyo Tyoryuyokh hero" of Olonkhosut I. M. Zhendrinsky

Yuri P. Borisov
orcid.org/0000-0002-0265-373X
PhD in Philology,
senior research scientist, Head
of the Folklore Linguistics Sector
olonhoman@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within the framework of research project North-Eastern Federal University "Epic Monument intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical and genetic aspects"

© Борисов Ю. П., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи обусловлена тем, что в якутском эпосоведении до сих пор не было опыта реконструкции эпического текста, и проблема, отражаемая в статье, является ранее специально не изученной и перспективной. Цель предпринятого исследования — описание принципов реконструкции текста якутского олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» И. М. Жендринского, произведенной на основе рукописи и аудиозаписи (живого исполнения сказителя). В исследовании был применен текстологический подход в рамках методологии, разработанной в области эпического сюжетосложения и вариативности. Основополагающими были рассуждения В. Н. Топорова и положения С. Ю. Неклюдова о методологии исторической реконструкции фольклорных традиций. В первую очередь был выявлен общий для рукописи и расшифровки аудиозаписи сюжет олонхо, который позволил установить их связность. На основе этого сюжеты были объединены в два текста. В результате реконструкции текст олонхо увеличился в объеме до 1772 поэтических строк, что значительно превысило количество строк в рукописи (980 строк). Установлено, что реконструкция текста олонхо теоретически обоснована и возможна, особенно если есть в наличии и текстовый материал, и аудиозапись исполнения, которые можно рассматривать как взаимодополняющие равноценные варианты. Реконструированный текст олонхо опубликован в книге «Олонхо Верхневилюйского улуса на рубеже XX—XI веков» (Якутск, Дани-Алмас, 2022 год).

Ключевые слова:
якутский героический эпос олонхо; эпический текст; сюжет; вариативность; реконструкция; верификация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the fact that in the Yakut epic studies there has not yet been an experience of reconstructing the epic text, and the problem reflected in the article is previously not specifically studied and promising. The purpose of the undertaken study is to describe the principles of reconstruction of the text of the Yakut olonkho “Tyobyo Tyoryuyokh hero” by I. M. Zhendrinsky, produced on the basis of the manuscript and audio recording (live performance of the narrator). The study applied a textological approach within the framework of the methodology developed in the field of epic plot construction and variability. The arguments of V. N. Toporov and S. Yu. Neklyudov on the methodology of the historical reconstruction of folklore traditions were fundamental. First of all, an olonkho plot common to the manuscript and transcription of the audio recording was revealed, which made it possible to establish their connection. Based on this, the stories were combined into two texts. As a result of the reconstruction, the text of the olonkho increased in volume to 1772 poetic lines, which significantly exceeded the number of lines in the manuscript (980 lines). It has been established that the reconstruction of the olonkho text is theoretically substantiated and possible, especially if both textual material and an audio recording of the performance are available, which can be considered as complementary equivalent options. The reconstructed text of the olonkho was published in the book “Olonkho of the Verkhnevilyui Ulus at the Turn of the 20th-11th Centuries” (Yakutsk, Dani-Almas, 2022).

Key words:
Yakut heroic epic olonkho; epic text; plot; variability; reconstruction; verification.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 398.22(=512.157)

Реконструкция текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» олонхосута И. М. Жендринского

© Борисов Ю. П., 2022

1. Введение = Introduction

Целью настоящей статьи является описание опыта реконструкции текста якутского олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» И. М. Жендринского. Актуальность статьи обусловлена тем, что в якутской фольклористике и эпосоведении до сих пор не было опыта реконструкции эпического текста, и поэтому проблема, отражаемая в статье, является новой, требующей специального изучения.

В. Н. Топоров выделяет два вида реконструкции — реальную и виртуальную (вероятностную) — и справедливо отмечает, что «ресурсы “реальной” реконструкции не только не исчерпаны, но вообще использованы лишь в относительно небольшой мере. Реконструкция в рассматриваемой области делает по сути свои первые шаги. Вклад лингвистической реконструкции в этом случае наиболее весом, и ограничения обнаруживаются главным образом тогда, когда обращаются к источникам реконструкции — реальным текстам» [Топоров, 1998, с. 10]. В свою очередь В. Я. Пропп, изучая русские былины, ссылаясь на неправильность реконструкции последователями мифологической школы первобытных мифов из былин и сказок, пользовался термином *восстановление* вместо *реконструкция* [Пропп, 1999, с. 607].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как показывает обзор теоретической литературы, реконструкция, как методика восстановления утраченных текстовых произведений различных жанров, в отечественном языкознании и фольклористике используется очень редко. Еще В. В. Иванов и В. Н. Топоров писали: «Реконструкция в сравнительно-историческом языкознании в принципе возможна как по отношению к системе, так и по отношению к тексту. Однако практически в большинстве сравнительно-исторических исследований реконструируется только система (или отдельные ее элементы)» [Иванов и др., 1963, с. 88].

Наблюдения авторов согласуются с положениями С. Ю. Неклюдова, выдвинутыми по отношению к реконструкции устных текстов. Исследователь, рассматривая историческую реконструкцию фольклорного текста, использует термин *палеофольклор*, который обозначает методологию историче-

CC BY

ской реконструкции фольклорных традиций, предположительно лежащих (гипотетически существовавших) в основе письменных памятников древности или средневековья [Неклюдов, 2006, с. 287]. При этом С. Ю. Неклюдов предупреждает, что проблема верификации реконструкций может выходить далеко за рамки науки: «Дело не только в том, что в зависимости от уровня ее развития и от методологических установок исследователя подобные реконструкции бывают достаточно корректными или, напротив, совершенно произвольными, дело в чрезвычайно пристрастном отношении к ним самой национальной культуры» [Неклюдов, 2006, с. 294]. Проблема верификации реконструированного текста также была обозначена Е. А. Париной на материале кельтских текстов [Парина, с. 697].

Обращаясь к исторической реконструкции монгольских эпосов, С. Ю. Неклюдов устанавливает, что «для эпического фольклора значимость отдельного произведения, отмеченного верностью определенному сюжету и прежде всего эпическому герою, имя которого остается относительно постоянным при сколь угодно широком варьировании текста, несравнимо выше, чем для сказочного» [Неклюдов, 1984, с. 67].

Интересными также представляются труды последних лет. Так, например, Б. Б. Манджиева, изучая вариативность эпического текста в контексте сказительской школы, приходит к выводу, что, несмотря на большой промежуток времени между текстами учителя (джангарчи Ээлэн Овды) и его ученика (джангарчи Телтя Лиджиева), основные сюжетно-композиционные элементы эпического повествования сохранились достаточно прочно [Манджиева, 2019, с. 95]. В свою очередь Л. Н. Арбочакова, сравнивая варианты разновременных расшифровок одного шорского героического эпоса «Мерет Олак, имеющий волшебного коня», восстанавливает утраченные или искаженные при расшифровке формулы и устойчивые выражения. Тем самым обнаруживается, что на сохранность эпического текста влияют не только сами сказители, но и собиратели, редакторы и другие люди, задействованные в подготовке к публикации, которые вносят в текст свои значительные правки и исправления, что противоречит принципам фольклорной текстологии [Арбочакова, 2020, с. 87].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Об олонхосуте Иване Михайловиче Жендринском

Олонхосут Иван Михайлович Жендринский родился в 1928 году в местности Кур Оттоох Намского наслега Верхневилюйского улуса в семье кузнеца Михаила Ивановича Жендринского — Быччыкы Мэхээлэ.

Он был одним из тех немногих олонхосутов современности, который ребенком застал времена еще активного бытования якутского олонхо. Об

CC BY

этом свидетельствует его биографическое воспоминание о становлении сказителем. Так, он пишет, что в Балаганнахском наслеге было много олонхосутов и он в детстве часто слушал живое исполнение олонхосутов Гаврила Анемподистского — слепого Гаврила, Кысылбаикова Давыда, Борисова Семена — Ыттаныкы. Кроме того, и его отец М. И. Жендринский, работая у себя в кузнице, любил исполнять олонхо.

Иван Михайлович ещё в начальных классах с упоением читал изданные в то время тексты олонхо, и, по признанию самого олонхосута, это сыграло ключевую роль в его становлении сказителем: «*Олонхосуты, оказывается, очень талантливые люди, освоившие искусство художественного слова. Я тоже хочу петь олонхо, подражая им*» [АНИИО, ф. 1, оп. 1, д. 9. л. 1]. Из тех книг ему наиболее запомнился текст олонхо сказителя Д. М. Говорова «Неспотыкающийся Мюлджю Бёгё» (Бүдүрүйбэт Мюлдью Бөҕө). Читая его вслух и подражая манере исполнения услышанных им ранее олонхосутов, он оттачивал свое сказительское мастерство, специально уединяясь, иногда днями и ночами напролет.

О своем первом выступлении перед слушателями он рассказывает следующее: «*Это было осенью 17 октября 1944 г., когда мы с ребятами отправились на учебу в город Вилюйск. Стало быстро темнеть, и мы решили заночевать в местности Кыадангда. Я, подумав, что ребятам становится скучно, решил исполнить олонхо. Это было моё первое в жизни выступление перед слушателями. Ребятам мое исполнение понравилось. Сам же подумал: «Смотри-ка, оказывается, людям нравится». Начиная с того самого момента, я стал понемножку исполнять олонхо*» [АНИИО, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 1].

Своим учителем И. М. Жендринский считает олонхосута из родного Балаганнахского наслега Петрова Дмитрия Васильевича — Тыллыырап, у которого он перенял олонхо «Великий Даарын богатырь» (Охсуһуулаах-өлөрсүүлээх Улуу Даарын бухатыыр). Его исполнение олонхо он считал эталонным и всегда старался подражать ему.

По анкетным данным, в репертуаре И. М. Жендринского содержатся три олонхо: 1. «Тёбё Тёрюёх бухатыыр» (Тиити төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр); 2. «Киндили Хаадыат»; 3. «Очуос Бэргэн» (Охсуһуулаах өлөрсүүлээх Очуос Бэргэн) [АНИИО, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 99,

л. 16]. Из воспоминаний олонхосута известно, что у него было ещё одно олонхо — «Великий Даарын богатырь» (Охсуһуулаах-өлөрсүүлээх Улуу Даарын бухатыыр). Таким образом, в репертуаре олонхосута всего было четыре олонхо. Но из них со слов олонхосута в 1979 году был записан текст только одного олонхо — «Тёбё Тёрюёх богатырь» — фольклористом П. Н. Дмитриевым.

Анализируемое в настоящей статье олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» (Төбө Төрүөх бухатыыр) Иван Михайлович услышал и перенял от олонхосута Сергея Попова, уроженца Вилюйского улуса, который, в свою очередь, перенял его у другого вилюйского сказителя Каратаева Семена Николаевича — Дыгыйара.

Следует отметить, что Иван Михайлович был ярким представителем и носителем вилюйской региональной эпической традиции якутского олонхо, перенявшим сказительское искусство у мастеров художественного слова — именитых олонхосутов Верхневилюйского и Вилюйского улусов.

3.2. Характеристика рукописи и аудиозаписи

Рукопись олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» сшита на типовой папке-скоросшивателе «Дело» и состоит из 38 листов формата А4. Текст рукописи набран шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5, отступ первой строки — 1,25 см. На обложке папки написано полное название олонхо: «Тиити төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр» (с. Балаганнаах Верхневилюйский район. Запись Дмитриева П. Н.), отмечена опись Архива НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова — Фонд № 1, опись № 1, п/п 9. В описи указано, что рукопись была передана в 2013 году М. И. Жендринским, который получил данный текст от отца И. М. Жендринского. На последней странице рукописи отмечено: *Олонҕоһут тылыттан П. Н. Дмитриев суруйда. Балаҕаннаах сэлиэнньэтэ. Муус устар ый, 1979 сыл*. Второй вариант рукописи хранится в архиве ИГИ и ПМНС СО РАН, Фонд № 5, опись № 7, п/п № 140 — 48 л. (написано чернилами).

Впервые текст олонхо был опубликован отрывками в трех номерах районной газеты Верхневилюйского улуса «Коммунизм сарданата» (Луч коммунизма) в 1979 году: № 73 от 21 июня, № 74 от 23 июня и № 85 от 19 июля (см. рис. 1) [Тиити …, 1979].

Отрывок аудиозаписи олонхо записан на носителе в виде компакт-диска и именуется: «Тиити төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр в исполнении Жендринского Ивана Михайловича». Аудиозапись была предоставлена М. И. Жендринским — сыном олонхосута, который эту запись получил из Фонда радио НВК «Саха».

На компакт-диске содержится аудиозапись с общим объемом памяти на носителе 61 мегабайт (далее — мб.) и продолжительностью звучания

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

«КОММУНИЗМ САРДАГАТА» 4 1979 с. бас ыйын 23 н. № 74 (6862)

Фольклор республикатаабы фестивалын көрсө

Тиити төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр

(Саҕалыта. Иннэ 22 №-гэ көр).

(ОЛОҢХО)

Он иэйиэх кэрэ барыа,
Төрүөт дууһабардаах
Сэһэргэ ньиҥ буоллун
Уобаластаа тэҥнэри дьоннорбыт
Толоон кулаах аттаах
Төбө Төрүөх бухатыыры
Төбөтүн сиҥнэнэн
Тиит түйэх кэлбэтэрэ
Тыаннары сатыыбыт тэрилтэтүгэр,
Орон дойду уоннаа
Аһара оттон бааргыттар
Сотто ахтыллыбат сирэ
Сиэннэрэ түҥэ кэбиһиэн,
Оҕуота буоллаҕына,
Кыһыы кэнэҕэ сиҥнэлэ ыаллар,
Сэҥдэлэн-сэҥдэлэн ылыллар
Сүбэ кэрдүү диэн
Саҥалыыр буоллаҕа төрүөтүгэр,
— Бу уйбаа дойдуттан
Утуу утуллаан
Утуруллаан тубэнньэ,
Адаас дьахтарыттан
Сотто ахтыллыбат сирэ
Сиэннэрэ түҥэ кэбиһиэн,
Төрүт дууһабарыттан
Сүөмэр этин бөҕөлөннүм
Тиити төргүү мутугунаа
Тыаны кыргыттаах аттаах
Төбө Төрүөх бухатыыры
Бөҕө да буоллаҕа
Бүтүн кэтэрбөкөө
Иҥэлэҥэ кулгаах
Ибилэ түйэх кэбиһиэн.
Төбөтөгөр тиийэн
Туох-туох диэнниэн
Тыаҕа утуруллар ыраахтаабыт диэн
Кыйыы кулгах ыраҕаҕа.
Кымтыыны буору
Кэбиһэн кэлэр сиэдэтиэн
Сэлэтэ сиэдэлээн сэлэдьыбыт,
Сотто ахтыллыбат сирэ
Сиэн сиэннэрэ туоһутуун
Уруккута ойоҕон турара ээт
Төбө Төрүөх бухатыыр
Тыа-ос дэс туруктаа тэҥ,
— Дьэ бүт дьэ бүт
Кэр бүт Бэр эр бүт
Үөһэ дойдуу
Уруун сымыыттэр!
Үтүрүйэн түһэрбит
Бэдэҥ майаҕар
Сатыыланнан сэдэҕэ,
Төбөтүгэр чаҕыл лыыт,
Мээ сиэтэх кийиит
Үөрүүгэ кэлэн
Тиит түгүн диэн
Ити ыраахтаҕы буору
Иҥнэтэн тийдэхтэ
Ылан сиҥнэлэн сэлэдьыбыт
Кэрэтүгэ кэрбөөтүгэ
Кэр-күөх Тиэйиллэн обуут,
Аҕыйах халлаан
Аллаа ыраахтаан эҕээн

Аанаарыгы сүрэх барыа
Кэрдьөөр бөдөҥнаан
Кэн чыс кэлэйи,
Аптэлаар бөйөөннаан
Аҕас этэҥ ахалдьа
Айбаата түрбүт:
— Айбаат Аар Тайонуо,
Аллаанньаа тэҥнэлэҥэ,
Аны айбаа дойдуу
Ардыгы буоллуу
Аҕыс кэлэрдээт бүтүө сэҥэ
Ардыгар ирилээбиэх
Аларгыа ытыһыыбыт
Алтан Тыаҕай оҕонньор
Ыраастаан ыйаабыта
Ырыынак ырыаһата
Ааттаҕа-сиэттүүр ааттаабыт
Кэтэҕэр-сиэттүүр
Ыччат дьоҥҥо
Тыыннаах сүрэхтээх
Ыччат дьоҥҥо
Аҕыс этэҥ ахалдьа
Аллаа ыраахтаан эҕээн
Төбө Төрүөх бухатыыры
Төбөтүн сиҥнэнэн
Тыаҕа утуруллар ыраахтаабыт диэн
Кыйыы кулгах ыраҕаҕа.
Кымтыыны буору
Кэбиһэн кэлэр сиэдэтиэн
Сэлэтэ сиэдэлээн сэлэдьыбыт,
Сотто ахтыллыбат сирэ
Сиэн сиэннэрэ туоһутуун
Уруккута ойоҕон турара ээт
Төбө Төрүөх бухатыыр
Тыа-ос дэс туруктаа тэҥ,
— Дьэ бүт дьэ бүт
Кэр бүт Бэр эр бүт
Үөһэ дойдуу
Уруун сымыыттэр!
Үтүрүйэн түһэрбит
Бэдэҥ майаҕар
Сатыыланнан сэдэҕэ,
Төбөтүгэр чаҕыл лыыт,
Мээ сиэтэх кийиит
Үөрүүгэ кэлэн
Тиит түгүн диэн
Ити ыраахтаҕы буору
Иҥнэтэн тийдэхтэ
Ылан сиҥнэлэн сэлэдьыбыт
Кэрэтүгэ кэрбөөтүгэ
Кэр-күөх Тиэйиллэн обуут,
Аҕыйах халлаан
Аллаа ыраахтаан эҕээн

Кэтэх эбэ кэлүүтүр
Тиийбэх кэлэн,
Ийлэлэт-ыдаһыыр
Сутуруу тиийэ барыа
Сотто ахтыллыбат сирэ
Кэр-эр
Нуҕур чаҕыл,
Буур суулаах
Төбө дьалыкый обуугу
Ала эйэ дойдуттан,
Алтан барыаа эҕэлбэтэн,
Ааа уонуттан
Аралдьар, ситиһэр кэмнэр
Аҕыс тогуо ыйат ора,
Адаас оҕотыттан,
Айан оҕотуттан
Арыйбыр нуучча буоллэ,
Уйбаа дойдуттан
Үүрүллан-түүрүллан түһэллэр
Күүгүүр кэмнэри күүлэйэ,
Истэҥнэх дьоҕоон кэтэҕэ
Аралдьа хабыллыыт кэмнэрбит
Кэрэ Тыаҕынаан уоту-эҕээннэн
Ыр сүрэхэ ыарыыт,
Тыа суһуох тэрээнэ
Ыаҕа бэйэтэр тэнйэхтэнэ
Ыаҕа оҕотуттан
Ыаҕа оҕотуттан
Ыаҕа оҕотуттан

41 минуту и 65 сек. Запись воспроизводится стандартным аудиопроигрывателем. В нем зафиксированы два последовательных фрагмента из одного исполнения олонхо: 1. «Тебе Теруех бухатыыр 1ч_» с продолжительностью 32 минуты 43 сек. (46 мб.); 2. «Тебе Теруех бухатыыр 2ч_» с продолжительностью 9 минут 22 сек. (15 мб).

Качество звучания аудиозаписи высокое, так как запись была произведена в студийных условиях, и при расшифровке мы не встретили особых сложностей с распознаванием речи олонхосута И. М. Жендринского.

О качестве аудиозаписи свидетельствует анализ фрагмента продолжительностью 10 сек. из начала аудиозаписи на программе «Speech Analyzer» (см. рис. 2.).

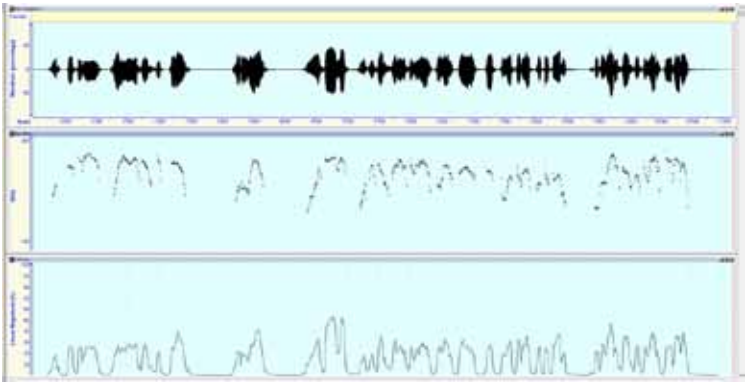

Рис. 2. Анализ аудиозаписи олонхо

В представленной осциллограмме верхний уровень показывает «квантативность» и тембровую характеристику речи; средний уровень отмечает тональность речи и ее интервалы; нижний уровень показывает динамику и спектральную характеристику, иными словами, качество звучания речи.

К сожалению, нам не удалось точно установить, кем и когда именно была произведена аудиозапись и где она хранилась.

3.3. Теоретические основания реконструкции эпического текста

Нам представилась уникальная возможность реконструкции текста якутского олонхо на основе двух записей. При реконструкции текста олонхо мы руководствовались положениями, выдвинутыми выдающимися отечественными эпосоведами, об особенностях эпического текста, правилами его запоминания и законами варьирования. Важно отметить, что в настоящее время в отечественной фольклористике проблема вариативности эпоса все еще остается нерешенной. Не вдаваясь в подробности, мы лишь

CC BY

отметим некоторые выводы, которые были полезны при реконструкции текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь».

Обязательным и универсальным качеством живого эпоса, обнаруживаемым на всех его уровнях, является вариативность, что обусловлено устным характером коммуникации и «личным началом» сказителя [Путилов, с. 149]. По данному поводу Б. Н. Путилов писал: «У певца есть текст, который можно было бы назвать “основным вариантом”, характеризующийся известной полнотой, устойчивостью и постоянством, и “случайные варианты”, которые менее полны, иногда дефектны, недолговечны. Случайные варианты представляют собой разновидности основного варианта, они могут быть непосредственно возведены к нему и объяснены через него. Речь при этом идет о соотношении текстов, а не просто содержания, сюжетов и т. д. Варианты здесь связаны текстологически» [Путилов, 1966, с. 223]. Б. Н. Путилов возникновение «случайных вариантов» объясняет воздействием различных «внешних» обстоятельств, одномоментных факторов, таких как: состояние певца во время исполнения, характер аудитории и др. По его мнению, именно влиянием таких обстоятельств могут объясняться краткость или, напротив, протяженность текста, его незавершенность или фрагментарность и даже наличие или отсутствие каких-либо мотивов и подробностей [Путилов, 1988, с. 154].

Однако К. В. Чистов придерживается принципиально противоположного мнения, а именно отрицает существование таких понятий, как «основной вариант» и «случайные варианты»: «Варианты принципиально равноценны, и вне их нет никакого “уникального произведения”, которое можно было бы реконструировать. Текст фольклорного произведения динамичен. Словесные воплощения, в которых он воспроизводится исполнителями, варьируют по отношению друг к другу, а не к какому-то вымышленному “исходному” или “нормальному” тексту» [Чистов. 1983, с. 145]. При этом К. В. Чистов считает, что в основе варьирования текста лежат определенные правила запоминания и воспроизведения текста: «“Точное” воспроизведение, к которому стремились исполнители, не означало дословного повторения, а допускало определенный диапазон колебаний (вибрацию словесной ткани текста), вариативное воспроизведение того, что, пользуясь лингвистической терминологией, можно назвать “глубинной структурой” (сюжет, композиция, набор и состав мотивов, образы богатырей и т. д.)» [Чистов, 1983, с. 155]. Из этого следует, что все варианты эпического текста равноценны по отношению друг к другу и что варьирование текста является результатом функционирования живого эпического сказительства.

Здесь интересен опыт В. П. Аникина, когда исследователь проанализировал варианты исполнения былины одним и тем же певцом: «Сопоста-

CC BY

вительное рассмотрение былины, дважды пропетой одним и тем же сказителем, могло убедить в существовании такого варьирования, при котором образно-тематические компоненты замещаются друг другом либо при условии соблюдения художественной равнозначности, либо с целью расстановки новых художественных акцентов, но и в том и в другом случае содержание былины одно и то же. Образно-тематическое варьирование опирается на запас традиционных поэтических элементов, которые обладают относительной свободой перемещения. Образно-тематическое варьирование осуществляется в пределах воспроизведения одного и того же содержания — с развитием или скрадыванием частностей, которые в составе целого былины не меняют ее содержания, а лишь выявляют или скрадывают отдельные моменты песенного повествования» [Аникин, 1980, с. 100].

При этом не следует упускать из виду также и музыкальный аспект исполнения эпоса. Так, Б. Н. Путилов утверждал, что сказитель хранит в памяти определенный текст песни вместе с мелодией. В свою очередь, знание мелодии поддерживает сохранение текста и его воспроизведение, но не гарантирует прочного запоминания текста: «Песенный текст сам по себе может быть забыт, перепутан, испорчен. Если забыта мелодия, певец оказывается способным в лучшем случае восстановить “конспект” песенного текста, но не больше» [Путилов, 1966, с. 223]. Тут также необходимо отметить, что текст — это инвариантная система отношений, которая со всей очевидностью проявляется при реконструкции дефектных или утраченных произведений [Лотман, 1970, с. 70].

Подытоживая изложенное, мы приходим к выводу, что реконструкция текста олонхо теоретически обоснована и возможна, особенно если есть в наличии как текстовый материал, так и аудиозапись живого исполнения эпоса, которые можно рассматривать как взаимодополняющие равноценные варианты одного олонхо.

3.4. Реконструкция олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» И. М. Жендринского

Исследователи при реконструкции фольклорных текстов особое внимание уделяют сюжету восстанавливаемого произведения. Так, В. Я. Пропп считал, что замысел эпоса реализуется во множестве вариантов одного и того же сюжета и может быть «прочитан» из всей их совокупности: «Речь идет по сути о некоем условном подвижном, объемном, включающем в себя множество вариантов, иногда и версий тексте. Из него-то и выявляется целостная, хотя подчас и противоречивая картина общего замысла, присущего данному сюжету в целом, с учетом, однако, всевозможных расхождений, имеющихся в отдельно взятых вариантах» [Пропп, 1999, с. 607].

CC BY

В свою очередь В. Н. Топоров ядром устного произведения считал спаренный текст, выведенный из нескольких фольклорных текстов и объединенный единым сюжетом: «Именно на основе спаренного текста поддаются реконструкции общее содержание, сюжет, лежащий в основании идеи, а также на разных уровнях языка вскрываются те или иные поэтические, эстетически приемы и ходы» [Топоров, 1998, с. 94].

Сюжет эпоса настолько устойчив, что, по мнению А. Б. Лорда, «если нельзя реконструировать первоначальный текст и если невозможно хоть с какой-то степенью достоверности реконструировать мириады тематических комплексов, свойственных произведению в прошлом, то возможно реконструировать основную форму, более или менее стабильный костяк сюжета. Как бы ни было текуче содержание песни, в ней всегда сохраняется эта стабильная основа повествования или смысла, которая и отличает одну песню от другой» [Лорд, 1994, с. 245].

Поэтому в начале работ по реконструкции текста олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь» был выявлен подробный, детализированный, общий для рукописи и аудиозаписи сюжет олонхо, который позволил установить связность текста на уровне эпизодов.

3.5. Сюжет олонхо «Тёбё Тёрюёх богатырь»

Вступление. Эпизод 1 (1—30 стр.): *В далекие времена в Срединном мире жил Тюнкюлээн богатырь, прямой потомок старика Тюёнэ Могол. Он решил выдать замуж свою дочь за человека по имени Тингкинэ Боотур. Когда Тюнкюлээн только начал хлопоты по женитьбе, внезапно из Верхнего мира спустился шаман Кюён Тэгилимэн.*

Эпизод 2 (31—181 стр.): *Испугавшись его, Тюнкюлээн созвал всех глав и мудрецов племени айыы аймага для совета. Однако оказывается, что Кюён Тэгэлимэн прибыл по велению старика Алтан Кэгэя, божества судьбы, живущего в Верхнем мире. Ему велено забрать половину богатырской силы и мощи у богатыря Тёбё Тёрюёха. Кюён Тэгэлимэн требует выдать его. Тогда отец Тёбё Тёрюёха сообщает, что богатырь направился к центру Срединного мира, чтобы вырвать ось, соединяющую три мира и вращающую безостановочно Срединный мир.*

Завязка сюжета (182—344 стр.): *Кюён Тэгэлимэн пустился вслед за ним и настиг его. Оказывается, богатырь Тёбё Тёрюёх, добравшись до центра Срединного мира, расшатал земную ось, которая соединяет Срединный мир с Верхним и Нижним мирами. Кюён Тэгэлимэн, превратившись в сильный гром, обрушивается на него с Верхнего мира. Однако Тёбё Тёрюёх успевает увернуться. Не зная об этом, Кюён Тэгилимэн думает, что он разбил его вдребезги, и начинает искать его остатки, просеивая землю с красным песком. Тёбё Тёрюёх высмеивает его и вызывает на рав-*

CC BY

ный бой. Кюён Тэгэлимэн, испугавшись его силы, не соглашается на битву и просит старика Алтан Кэгэя отправить ему на помощь своих старших сестер — удаганок Айыы Намысын. Они, спустившись с Верхнего мира, при помощи волшебной веревки ап-чарай и своими колдовскими чарами лишают богатыря Тёбё Тёрюёха половины богатырской силы и мощи.

Развитие сюжета. Эпизод 1 (345—397 стр.): *Богатырь Тёбё Тёрюёх возвращается на свою родину Киэнг Кэнгкэмэйдээн, сообщает о случившемся родителям и собирается в долгий путь. Затем отправляется в богатырский поход с целью вернуть половину своих сил.*

Эпизод 2 (398—481 стр.): *Тёбё Тёрюёх достигает Нижнего мира, и его встречает богатырь абаасы Хаан Халлыр, ездящий на лыжах с половину неба, который потешается над ним, говоря, что думал, что отправят богатыря побольше, и уточняет цель его прибытия. Богатырь Тёбё Тёхюёх идёт на хитрость и сообщает, что прибыл жениться на его сестре — девке-абаасы Сэлэгэдэй удаганке. Тогда Хаан Халлыр уходит, не убивая его.*

Эпизод 3 (482—706 стр.): *Внезапно появляется Сэлэгэдэй удаганка и сообщает, что ждала его целую вечность. Хвастается своей внешностью и умением вести хозяйство. Богатырь айыы охотно соглашается, хвалит её и просит скрыть его от брата — богатыря абаасы Хаан Халлыыра. Девка-абаасы прячет его в своей хаппахчы (комната-чулан, где спят девушки), а сама отправляется на поиски добычи для ужина.*

Эпизод 4 (707—881 стр.): *В это время Тёбё Тёрюёх призывает духа-хозяйку дома — старуху Симэхсин. Старуха Симэхсин, появившись сквозь стену дома, рассказывает, что, мол, слышала, как он, направляясь драться с шаманом Верхнего мира Кюён Тэгилимэном, свернул в Нижний мир. Она спрашивает о причине её вызова и сбалтывает, что богатырь абаасы Хаан Халлыр отправился в Срединный мир на поиски жены. Услышав об этом, богатырь выходит из себя, но решает вначале разобраться со спешными делами, а затем отправиться сражаться с Хаан Халлыыром. Он просит старуху Симэхсин указать ему путь к жилищу шамана Нижнего мира Олгун Долоон. Старуха Симэхсин думает, что он по правилам Срединного мира хочет просить руки девки-абаасы у её родителей, и сообщает, где они живут.*

Эпизод 5 (882—1054 стр.): *Как только они заканчивают разговор, прибывает девка-абаасы Сэдэмэдэй удаганка, набравшая целую ангарскую лодку лягушек и водяных жуков для еды. Она приглашает Тёбё Тёрюёха за стол. Он, присев рядом с девкой-абаасы, вытаскивает свой кинжал, саблю и меч-болот в качестве столовых приборов и просит принести ему другую еду. Тогда Сэдэмэдэй удаганка заносит засохшую тушу скотины.*

CC BY

Тёбё Тёхюёх выхватывает свой меч-болот в качестве ножа для мяса и как бы ненароком рассекает голову Сэдэмэдэй удаганки. Её голова покатилась по Нижнему миру и стала петь, о том, что она попалась на подлые уловки Тёбё Тёхюёха, который обещал жениться на ней. Винит старшего брата в своей гибели за то, что тот отправился в Срединный мир в поисках жены, и просит родителей отомстить за ее погибель.

Эпизод 6 (1055—1241 стр.): *Богатырь Тёбё Тёрюёх отправляется по указанному старухой Симэхсин перевалу-аартык, похожему на нору, к месту, где живет старик Олоон-Долоон шаман. Увидев его, шаман Олоон-Долоон зовёт свою жену отомстить за дочь. Тёбё Тёрюёх с ходу нападает на Олоон-Долоона. Начинается битва. Затем прибегает жена Олоон-Долоона, и они оба начинают сражаться с богатырем айыы. Тогда богатырь выхватывает свой меч-болот и начинает кружить между ними. Его противники, будучи людьми уже старыми, не могут ему противостоять. И богатырь Тёбё Тёрюёх, отхлестав их гладкой стороной меча, связывает лицом к лицу на макушке лиственницы, находящейся рядом с перевалом-аартык, что ведёт в Срединный мир. Старуха абаасы сетует, что им предназначена мучительная смерть от жажды и голода под открытым небом. Она жалеет о том, что они не были заселены в Срединный мир, и желает, чтобы их сын остался жить там. Тогда старик абаасы Олоон-Долоон отвечает ей, что им нужно радоваться, что Тёбё Тёрюёх по молодости пожалел их и не убил, а оставил привязанными друг к другу. И радуется, что они, стоя так, наделают еще много детишек, которые будут заселены в Срединный мир.*

Эпизод 7 (1242—1635 стр.): *Богатырь Тёбё Тёрюёх, поднявшись в Верхний мир, прибывает к жилищу Кюён Тэгэлимэна. Он решает пробраться туда тайком и превращается в парнишку-табунщика Кулун Кулаасай. Явившись перед слугами в виде парнишки-табунщика, он сообщает, что попал к ним, случайно заплутав, что его зовут Кулун Кулаасай и он является парнем-табунщиком у Тыйа Баай Тойона и Тыйыс Хаан Хотун, живущих в нижнем ярусе Верхнего мира. Просит немножко его покормить. Его угощают лучшей едой. На следующий день он говорит, что не хочет быть обузой и что может помочь по хозяйству. Слуги ему велят привезти дров на быке, запряженном в сани. Тогда Тёбё Тёрюёх, вырвав вековые лиственницы с корнями, укладывает их на сани. Бык не в силах тянуть, и тогда он тянет быка за веревку так сильно, что у него отрывается голова. Он, вернувшись в жилище Кюён Тэгэлимэна, кладет голову быка и сообщает, что, оказывается, их знаменитый бык даже не может потянуть нарты, загруженные дровами для топки. Затем он разрушает одну стену амбара-поварни Кюён Тэгэлимэна для топки. Слуги Кюён Тэгэлимэна поднимают гомон. От*

CC BY

шума просыпается шаман Кюён Тэгэлимэн и спрашивает, что за шум. Тогда Кулун Кулаасай говорит, что заплутал, и просит его приютить. Кюён Тэгэлимэн по голосу парнишки-табунщика подозревает, что он не тот, за кого себя выдает. Тогда Тёбё Тёрюёх, кувыркнувшись, принимает свой облик и говорит, что прибыл отобрать обратно половину своих сил. Шаман Кюён Тэгэлимэн сетует на старика Алтан Кэгэя и просит помощи у отца Аар Тойона. На его мольбы спускаются восемь небесных удаганок в образе восьми стерхов и просят не убивать их младшего брата, так как он только исполнял поручение небесных божеств. Затем возвращают ему отобранную половину богатырской силы и мощи. Богатырь Тёбё Тёрюёх сразу же спускается в Срединный мир.

Эпизод 8 (1636—1684 стр.): *Вернувшись в родной дом, сообщает родителям, что он возвратил свою богатырскую силу, и собирается в поход в Нижний мир спасать из плена Хаан Халлыра прекрасную Кюн Чёллёрююк Куо*.

Кульминация сюжета (1694—1752 стр.): *Добравшись до огненного моря Уот Кудулу байгал, он первым нападает и одолевает богатыря абаасы Бэкийэ Хара, который был перевозчиком. Тёбё Тёрюёх силой заставляет переправить его через огненное море. Он достигает жилища богатыря абаасы Хаан Халлыр. Оказывается, тот только возвращается из Срединного мира, похитив Кюн Чёллёрююк Куо, и они сталкиваются лицом к лицу. В ходе богатырской битвы Тёбё Тёрюёх убивает своего противника*.

Заключение (1752—1772 стр.): *Возвратившись в Срединный мир, Тёбё Тёрюёх женится на прекрасной Кюн Чёллёрююк Куо. Устраивается большой свадебный ысыах, который продолжается девять дней и ночей. Богатырь Тёбё Тёрюёх и Кюн Чёллёрююк Куо зажили счастливо*.

Приведенный сюжет по классификации Н. В. Емельянова относится к третьей группе, 8 подгруппе «Богатыри среднего мира — защитники племени айыы и ураангхай саха» [Емельянов, 1983].

На основе этого общего сюжета были объединены два текста: рукописный вариант олонхо (980 поэтических строк) и расшифровка аудиозаписи (844 поэтической строки) живого исполнения И. М. Жендринского.

Основная сложность при реконструкции текста олонхо заключалась в том, что, как оказалось, рукописный текст представляет собой упрощенный вариант олонхо, близкий к краткому изложению содержания олонхо, тогда как расшифровка аудиозаписи показывает отрывок из более расширенной версии олонхо, где содержатся продолжительные сюжетные эпизоды, отсутствующие в рукописи и объясняющие мотивы тех или иных действий и поступков основного персонажа — богатыря айыы Тёбё Тёрюёха.

CC BY

Потому эти два текста соединились весьма органично, что свидетельствует о том, что они изначально принадлежали к единой сюжетной композиции и что отличие между ними заключается лишь во времени их исполнения олонхосутом (табл. 1).

Таблица 1

Объединение текстов рукописи и расшифровки

Рукопись текста (запись П. Н. Дмитриева) (всего состоит из 980 строк)	**Расшифровка аудиозаписи (844 строки)**
1 — 397	
	398 — 882 (Компакт-диск, сторона 1)
883 — 893	
	894 — 1053
	1054 — 1239 (Компакт-диск, сторона 2)
1240 — 1682	
	1683 — 1697
1698 — 1772	
Всего привлечено 934	Всего привлечено 838
Итого общее количество строк составило 1772	

В результате объединения двух записей текст олонхо увеличился в объеме до 1772 поэтических строк, что значительно отличается от рукописи текста олонхо. В настоящее время мы не можем знать, по каким причинам олонхосут И. М. Жендринский сократил свое олонхо при записи П. Н. Никифоровым, оно состоит только из 980 поэтических строк. Возможно, это было сделано из-за недостатка выделенного для записи времени, либо из-за душевного или физического состояния и настроя самого сказителя.

О правильности подобной компоновки текста олонхо свидетельствует **развитие сюжета** олонхо, согласно которому последовательно разворачивается описание богатырского похода. Так, например, в **эпизоде 2**, где богатырь Тёбё Тёрюёх достигает Нижнего мира, богатырь абаасы Хаан Халлыыр при их первой встрече потешается над ним: мол, говорили, отправят великого богатыря, а на самом деле послали мальчишку. Во-вторых, в **эпизоде 4**, где описывается разговор между богатырем Тёбё Тёрюёх и Старухой Симэхсин, та сообщает, что слышала, как он, отправившись драться с шаманом Верхнего мира Кюён Тэгэлимэн, свернул в Нижний мир. Этот эпизод интересен тем, что объясняет сюжетное расхождение расшифрованного текста с рукописным вариантом олонхо, где богатырь Тёбё Тёрю-

CC BY

ёх, минуя Нижний мир, сразу же направляется в Верхний мир возвращать половину своей богатырской силы.

При сведении воедино рукописного текста и текста расшифровки некоторые фрагменты были удалены. Основанием для удаления послужили следующие причины: во-первых, несоответствие фрагмента основной сюжетной линии (всего 2 фрагмента); во-вторых, наличие более расширенных версий фрагментов с эпическими песнопениями персонажей олонхо в тексте расшифровки аудиозаписи, которые в рукописном варианте представлены простым повествованием сказителя (всего 2 фрагмента). Подробнее об этих фрагментах см. таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Удаленные при объединении фрагменты

Рукопись текста	Расшифровка аудиозаписи	Комментарий
	Эпическая формула (6 строк), описывающая мысли богатыря Тёбё Тёрюёх.	Фрагмент был удален ввиду того, что не соответствует основной сюжетной линии.
Фрагмент (3 строки), описывающий мысли богатыря Тёбё Тёрюёха.		Фрагмент был удален ввиду того, что не соответствует основной сюжетной линии.
Типическое место (23 строки), описывающее девку-абаасы Сэдэмэдэй удаганку.		Фрагмент был удален ввиду того, что в тексте расшифровки есть расширенный вариант с эпическими песнопениями описываемых персонажей.
Фрагмент (21 строка), описывающий привязывание к дереву родителей богатыря абаасы после их поражения в битве с Тёбё Тёрюёх богатырем.		Фрагмент был удален ввиду того, что в тексте расшифровки есть расширенный вариант с эпическими песнопениями описываемых персонажей.
Всего 47 строк	Всего 6 строк	

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, реконструкция эпического текста олонхо возможна, если есть в наличии взаимодополняющие равноценные варианты текста. Как показал опыт, при реконструкции ключевая роль должна отводиться выявлению эпического сюжета, который выполняет когезионную функцию и позволяет состыковать варианты текста в единое целое и восстановить

CC BY

общий смысл. Однако при стыковке рукописного текста и текста расшифровки аудиозаписи были удалены 4 фрагмента, которые либо имели более расширенные варианты в тексте расшифровки, либо имели расхождения с основной сюжетной линией. При этом мы придерживались основного принципа фольклорной текстологии и не вносили в реконструируемый текст свои правки и исправления.

В результате реконструкции текст олонхо увеличился в объеме до 1772 поэтических строк, что значительно отличается от рукописи текста олонхо, содержавшего всего 980 поэтических строк. С реконструированным текстом можно подробно ознакомиться в книге: «Үөһээ Бүлүү улууһун XX-XXI үйэлэр кирбиилэрин олоҥхолоро» [Корякина и др., 2022, с. 12—51].

Источники и принятые сокращения

1. АНИИО — *Архив* Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова. — Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 99 (Анкеты информантов, знатоков фольклорных и эпических традиций Верхневилюйского улуса). Л. 16 ; Ф. 1. Оп. 1, Ед. хр. 9. (Жендринский И. М. Тиити төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр). Л. 38.

2. *Тиити* төргүү мутугунан төлөн кугас аттаах Төбө Төрүөх бухатыыр // Коммунизм сардаҥата [газета]. — 1979. — Бэс ыйын 21 күнэ. — № 73. — 4 с. ; 1979. — Бэс ыйын 23 күнэ. — № 74. — 4 с. ; 1979. — От ыйын 19 күнэ. — № 85. — 4 с. (на якутском языке).

Литература

1. *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин / В. П. Аникин. — Москва : Издательство Московского университета, 1980. — 332 с.

2. *Арбачакова Л. Н.* Эпические формулы в расшифрованных шорских героических сказаниях «Мерет-Оолак» и «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» / Л. Н. Арбачакова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2020. — № 1 (17). — С. 80—89. — DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.58368.

3. *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1983. — 246 с.

4. *Иванов В. В.* К реконструкции праславянского текста / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V международный съезд славистов. (София, сентябрь 1963). — Москва : Издательсвто Академии наук СССР, 1963. — С. 88—158.

5. *Корякина А. Ф.* Үөһээ Бүлүү улууһун XX—XXI үйэлэр кирбиилэрин олоҥхолоро = Олонхо Верхневилюйского улуса на рубеже XX—XXI веков / А. Ф. Корякина, Ю. П. Борисов, А. Е. Божедонова. — Якутск : Дани-Алмас, 2022. — 384 с. — ISBN 978-5-91441-364-1.

6. *Лорд А. Б.* Сказитель / А. Б. Лорд. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 368 с. — ISBN 5-02-017239-1.

7. *Лотман Ю. И.* Структура художественного текста / Ю. И. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.

8. *Манджиева Б. Б.* Сохранность эпической песни «Джангара» во времени : текст «певца-учителя» и «певца-ученика» / Б. Б. Манджиева // Новый филологический вестник. — 2019. — № 4 (51). — С. 82—97. — DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00092.

9. *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Главная редакция Восточной литературы, 1984. — 309 с.

10. *Неклюдов С. Ю.* Литературно-фольклорные реконструкции и проблемы палеофольклора / С. Ю. Неклюдов // Слово и мудрость Востока. Литература. Фольклор. Культура. К 60-летию акад. А. Б. Куделина. — Москва : Наука, 2006. — С. 287—295. — ISBN 5-02-033863-X.

11. *Парина Е. А.* Реконструкция текстов в кельтской филологии : методология работ последних лет / Е. А. Парина // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2009. — № 13. — С. 691—699.

12. *Пропп В. Я.* Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — 2-е изд., испр. — Москва : Гослитиздат. [Ленинградское отделение], 1958. — 603 с.

13. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, 1988. — 225 с. — ISBN 5-02-027232-9.

14. *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) / Б. Н. Путилов // Принципы текстологического изучения фольклора. — Москва : Наука, 1966. — 304 с.

15. *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян : Опыт реконструкции : Введение в курс истории славянских литератур / В. Н. Топоров. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. — 320 с. — ISBN 5-7281-0171-2.

16. *Чистов К. В.* Вариативность и поэтика фольклорного текста / К. В. Чистов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. — Москва : Наука, 1983. — С. 143—170.

Material resources

Archive of the M. K. Amosov Research Institute of Archival Science SB RAS. F. 1. Op. 1. Ed. hr. 99 (Questionnaires of informants, connoisseurs of folklore and epic traditions of Verkhneudinsky ulus). L. 16; F. 1. Op. 1, ed. hr. 9. (Zhendrinsky I. M. tree-a symbol of fertility and soil fertility). L. 38. (In Russ.).

Red a horseman on a horse floating on a tree trunk is a hero. *Communist ray [newspaper]. 1979. June 21, 73: 4 P; 1979. June 23, 74: 4 P; 1979. July 19, 85: 4 p.* (In Yakut.).

References

Anikin, V. P. (1980). *Theory of folklore tradition and its significance for the historical study of epics*. Moscow: Moscow University Press. 332 p. (In Russ.).

Arbachakova, L. N. (2020). Epic formulas in deciphered Shor heroic tales “Meret-Oolak” and “Meret Olak having a magic horse”. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov: Epic Studies series, 1 (17):* 80—89. DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.58368. (In Russ.).

Chistov, K. V. (1983). Variability and poetics of folklore text. In: *History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples. Kiev, September 1983 Reports of the Soviet delegation.* Moscow: Nauka. 143—170. (In Russ.).

Emelyanov, N. V. (1983). *Plots of early types of Yakut olonkho.* Moscow: Nauka, Sib. izdat. firm RAS. 246 p. (In Russ.).

CC BY

Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1963). To reconstruct the Proto-Slavic text. In: *Slavic Linguistics. Reports of the Soviet delegation. V International Congress of Slavists. (Sofia, September 1963)*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 88—158. (In Russ.).

Koryakina, A. F., Borisov, Yu. P., Bozhedonova, A. E. (2022). *Uhee Bulu uluuhun XX—XXI uyeler kirbiilerin oloҥholoro = Olonkho Verkhnevilyuysky ulus at the turn of the XX—XXI centuries.* Yakutsk: Dani-Almas. 384 p. ISBN 978-5-91441-364-1. (In Yakut.).

Lord, A. B. (1994). *Storyteller.* Moscow: Publishing company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences. 368 p. ISBN 5-02-017239-1. (In Russ.).

Lotman, Yu. I. (1970). *The structure of the literary text.* Moscow: Iskusstvo. 384 p. (In Russ.).

Mandzhieva, B. B. (2019). Preservation of the epic song "Dzhangara" in time: the text of the "singer-teacher" and "singer-student". *New philological Bulletin, 4 (51):* 82—97. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00092. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (1984). *Heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions.* Moscow: The Main editorial office of Oriental Literature. 309 p. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (2006). Literary and folklore reconstructions and problems of paleofolklor. In: *Word and wisdom of the East. Literature. Folklore. Culture. To the 60th anniversary of Academician A. B. Kudelin.* Moscow: Nauka. 287—295. ISBN 5-02-033863-X. (In Russ.).

Parina, E. A. (2009). Text reconstruction in Celtic philology: methodology of recent works. *Indo-European linguistics and Classical philology, 13:* 691—699. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1958). *Russian heroic epic. 2nd ed., ispr.* Moscow: Goslitizdat. [Leningrad branch]. 603 p. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1966). The Art of the Epic singer (from textual observations on epics). In: *Principles of textual study of folklore.* Moscow: Nauka. 304 p. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1988). *Heroic epic and reality.* Leningrad: Nauka. 225 p. ISBN 5-02-027232-9. (In Russ.).

Toporov, B. H. (1998). *The prehistory of literature among the Slavs: The experience of reconstruction: An introduction to the course of the history of Slavic literatures.* Moscow: Russian State University for the Humanities. 320 p. ISBN 5-7281-0171-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.07.2022,
одобрена после рецензирования 05.08.2022,
подготовлена к публикации 23.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Данилова Н. К. «Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского / Н. К. Данилова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 288—301. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301.

Danilova, N. K. (2022). 'Imagination of North' in Author's Landscape of V. L. Seroshevsky. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 288-301. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301

«Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского

Данилова Наталия Ксенофонтовна
orcid.org/0000-0002-3728-5738
кандидат исторических наук,
отдел археологии и этнографии
dan_nataliksen@mail.ru

ЯНЦ СО РАН,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

'Imagination of North' in Author's Landscape of V. L. Seroshevsky

Nataliya K. Danilova
orcid.org/0000-0002-3728-5738
PhD in History,
Department of Archeology and
Ethnography
dan_nataliksen@mail.ru

YaSC SB RAS,
The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Данилова Н. К., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор статьи обращается к осмыслению персонального биографического нарратива, в котором находят отражение представления человека о географической среде, то есть феномен «воображения пространства». Актуальность исследования объясняется тем, что современная гуманитаристика разрабатывает и применяет новые методологические принципы и подходы для выявления механизмов адаптации личности в принципиально иных, «чужих» условиях. Материалом исследования послужили эго-документы, мемуарная и художественная литература под авторством В. Л. Серошевского, польского политссыльного, проведшего в Якутии 12 долгих лет. Цель исследования — выявление содержательной основы геопоэтики Вацлава Серошевского, которая заключается в моделировании и трансформации образа Севера через призму «проживания и переживания» пространства. В статье применены методологические принципы современных кросс-культурных исследований, где жизнь человека рассматривается как нарративная структура. В результате историко-когнитивного и лингво-культурологического анализа впервые проанализирован автобиографический хронотоп Серошевского, состоящий из трех периодов, транслирующих формирование, становление и трансформацию геокультурного образа Севера. Выявлены три актуальных образа-топоса (море, лес, степная долина), связанные с эмотивно-чувственным фактором, повлиявшим на авторский ландшафт Вацлава Серошевского.

Ключевые слова:
геопоэтика; биографический нарратив; воображение севера; геокультурные образы; топосы; пространственные категории.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author of the article refers to the comprehension of a personal biographical narrative, which reflects a person's ideas about the geographical environment, that is, the phenomenon of "imagination of space". The relevance of the study is explained by the fact that modern humanities develop and apply new methodological principles and approaches to identify mechanisms for adapting a person in fundamentally different, "foreign" conditions. The material of the study was the ego-documents, memoirs and fiction of V. L. Seroshevsky, a Polish political exile who spent 12 long years in Yakutia. The aim of the study is to identify the content basis of Vaclav Seroshevsky's geopoetics, which consists in modeling and transforming the image of the North through the prism of "living and experiencing" space. The methodological principles of modern cross-cultural research, where human life is a narrative structure are applied in the article. As a result of historical-cognitive and linguo-culturological analysis, Seroshevsky's autobiographical chronotope, consisting of three periods, broadcasting the formation, development and transformation of the geocultural image of the North, was analyzed for the first time. Three actual images-topoi (sea, forest, steppe valley) associated with the emotive-sensual factor that influenced the author's landscape of Vaclav Seroshevsky were identified.

Key words:
geopoetics; biographical narrative; imagination of the north; geocultural images; topoi; spatial categories.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Серошевский.07

«Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского

© Данилова Н. К., 2022

1. Введение = Introduction

Имя Вацлава Леопольдовича Серошевского в исторической и культурной памяти якутского народа занимает почетное место. Его наследие — особая ниша в якутоведении. Это уникальный корпус фактических материалов, отражающих геопанораму якутской культуры конца XIX века.

Особенность авторского ландшафта В. Серошевского заключается в том, что его исследовательское мышление формировалось параллельно с художественным творчеством, поэтому выделяется на общем фоне «остротой наблюдения, нужной как в науке, так и в литературе» [Армон, 2001, с. 162]. Как заметил известный ученый, один из первых представителей якутской интеллигенции Г. В. Ксенофонтов, Вацлав Серошевский отличался «незаурядной наблюдательностью» и «художественной интуицией» [Ксенофонтов, 1992, с. 84—85], которые способствовали раскрытию глубинной связи географического образа с мироощущением человека как в литературных произведениях, так и в научных изысканиях. Таким образом, «авторский ландшафт» В. Л. Серошевского представляет собой всесторонний интерес для междисциплинарных исследований, направленных на выявление «ментального поля на границе культурной или образной географии и литературы» [Замятин, 2002, с. 159].

Несмотря на то, что научное и художественное наследие В. Л. Серошевского не раз становилось объектом исследований, с точки зрения геопоэтики изучение не проводилось. *Геопоэтика* — новое международное понятие, приобретающее черты научного термина и охватывающее разнообразнейшие творческие способы взаимодействия человека с географическим пространством. В мировой интеллектуальной традиции этот концепт был разработан во второй половине XX века канадскими учеными (гуманитарный географ и лингвист Луи-Эдмон Амлен и его школа. — *Н. Д.*) как уникальный опыт человеческой цивилизации, как фактор, формирующий и определяющий идентичность народов [Сид, 2018, с. 10].

В российской науке классическим считается определение геопоэтики, данное Д. Н. Замятиным: «Литературное произведение, образ могут вырастать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими — но и одновременно фактом своего существования созда-

CC BY

вать их. Аутопойесис есть не что иное, как геопойесис — автор произведения сам формирует собственные геопоэтические координаты, “обрастает” землей, картографирует геопоэтическое пространство (пространства)» [Замятин, 2006, с. 159].

В основе геопоэтики наряду с прочим лежит «пейзажное мышление» — своеобразная проекция мироощущения и миропонимания на предметно-чувственный мир природы и мифологическое время. В этом контексте новизна исследования состоит в геопоэтическом осмыслении образа Севера, в описании того, как «личное переживание» автора выстраивается в некую модель, которая сыграла свою роль в организации его художественного мировосприятия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили художественные, научные тексты и эго-документы В. Серошевского. Целью исследования избрано выявление содержательной основы геопоэтики Серошевского — моделирования и трансформации образа Севера через призму «проживания и переживания» пространства. В основе дискурсивного анализа лежит концептуальная идея Д. Шартье о многомерном понимании геокультурного концепта «Север» и «Воображение Севера» [Шартье, 2017].

Сакральная этимология и ментальная репрезентация концепта Север за тысячелетнюю историю менялись от «terra incognita» до одного из привлекательных геокультурных образов (Скандинавия, Канада, Арктика, Русский Север, Крайний Север и т. д.), используемых в имидж-конструировании отдельных регионов. Сегодня геокультурный образ Севера стал объектом междисциплинарных исследований в зарубежной и российской гуманитарной науке и всесторонне раскрывается через различные дискурсы «извне» и «изнутри» [Шартье, 2017, с. 14], поскольку Север представляется как культурная конструкция и пространство, «производимое людьми и их практиками» [Ingold, 2000, p. 11]. Среди работ многочисленных российских исследователей отметим труды Д. Н. Замятина, Е. Н. Романовой, О. А. Мельничук, Ж. В. Бурцевой и др., где «Север», «северность» и «воображение Севера» раскрываются применительно к якутскому культурному тексту с точки зрения арктической сопространственности, пространственной идентичности и образов-топосов, составляющих когнитивную карту ментальной сети «холодной земли» [Геокультуры Арктики, 2017; Бурцева, 2020; Мельничук и др., 2022].

Для достижения поставленной цели используется историко-когнитивный подход, который даст возможность раскрыть ключевые коды и символические репрезентации географических образов, а метод интерпретации культурных текстов и лингво-культурологический анализ позволит

CC BY

выявить и проанализировать метагеографические характеристики Севера, транслирующие различные стороны воображения и восприятия пространства в художественном и эпистолярном наследии В. Серошевского.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Верхоянский период: формирование

В 1880 году судьба забросила из Польши едва достигшего совершеннолетия Вацлава Серошевского, за участие в антиправительственных кружках, а затем и в бунтах заключенных, в самые отдаленные и глухие уголки Якутской области на долгих 12 лет, воспринимаемые в то время как «страна слез и льда», «дикое безмолвное место», «край земли» и т. д. Обстоятельства были таковы: за участие в бунте узников в Варшавской цитадели в июле 1879 года В. Серошевский был отправлен на поселение в Иркутскую губернию, но осенью того же года, в Красноярском остроге во время этапа Серошевский вновь стал одним из зачинщиков бунта заключенных и в качестве более сурового наказания был сослан в г. Верхоянск.

Свою ссылку Вацлав Серошевский отбывал на Крайнем Севере — в Верхоянске и Колымском округах и в Баягантайском и Намском улусах, где проживали центральные якуты (якуты — народ саха — подразделяются на центральные, вилюйские и северные этнолокальные группы). Таким образом, он имел возможность ознакомиться с этнолокальными особенностями якутского народа на обширной территории Якутии. Об этом сам Серошевский писал в предисловии к монографии «Якуты»: «Эти многократные перемещения и разъезды дали мне возможность составить себе некоторое представление о стране, записать и проверить много вариантов преданий и обычаев» [Серошевский, 1993]. В целом это позволило Серошевскому лучше освоиться с местной жизнью, выявить этнолокальные различия в социокультурных реалиях якутов и их ментальной связи с окружающим ландшафтом, что, конечно же, наложило отпечаток на его творчество, как научное, так и художественное.

Следует отметить, что в середине XIX века Якутия была тесно переплетена с образом Сибири и в ментальном плане особо не отделялась от общего представления нейминга более обширной территории. При этом на первый план стихийного конструирования образа Сибири выступали климатические особенности региона [Головнева, 2016, с. 213]. Как известно из различных источников, у поляков, в частности, любая российская глубинка считалась Сибирской окраиной, пограничной географической точкой и «нецивилизационной Азией» [Десяткова, 2015, с. 61]. Так, польские ссыльные, обосновавшиеся и в других регионах со специфическими природно-климатическими условиями, писали в своих письмах, что «находятся в Сибири, где

CC BY

окраина земли, где дальше нет ничего живого» [Сливовская, 2010; Каменьский, 1989]. Таким образом, вся Сибирь считалась крайней географической точкой, «где заканчивался европейский мир и откуда нельзя было бежать» [Новински, 1998, с. 125], а Якутия представлялась инфернальным местом, о котором ссыльные говорили с ужасом [Серошевский, 1997, с. 568]. (Заметим при этом, что для самих сибиряков, польские «политики» представлялись как носители европейской культуры, оказавшие существенное влияние на их быт, жизненный уклад и менталитет).

Очевидно, подобные ментальные установки были заложены и в мировосприятии юного Серошевского, попавшего в самый что ни на есть, Полюс Холода — город Верхоянск, куда высылались особо неблагонадежные политические ссыльные. Но бунтарский дух, благодаря которому Серошевский и оказался на Севере, не позволил ему сломиться под тяжестью судьбы и удручающе мрачной обстановки, он сравнительно быстро адаптируется к обстоятельствам. В Верхоянске он становится умелым кузнецом, женится на якутской девушке Анне, у них появляется ребенок, вынашиваются планы дерзкого побега. Таким образом, Север не поглощает его, а буквально становится местом инициации. Для Серошевского Верхоянск представляется не как место, «откуда нельзя бежать», а как место, где ссыльные «*не хотели с достаточным смирением подчиниться нестерпимому гнету российской ссылки*» [Серошевский, 1997, с. 319]. Примечательно, что так начинается его автобиографическая повесть «Побег», где ярко демонстрируется конфликт автора и Севера как пространства неволи. Финальный пассаж повести неопределенными штрихами указывает на возможную «победу» Севера: «*За этой толпой ревело черное взбаламученное море, а из-под подымавшихся вверх туманов выглядывали бледные, радужные тени льдов, плывших с грохотом к земле*» [Там же, с. 404]. Читателю повести приходится самому гадать: удалось ли беглецам вдохнуть воздух свободы или же они были настигнуты погоней? Серошевский писал Л. Ф. Пантелееву (участнику революционного движения, книгоиздателю, автору мемуаров о сибирской ссылке), что намеренно затуманил концовку повести: «Героев ловят и даже не ловят, а неизвестно, что с ними случается» [Ровнякова, 1968, с. 139]. Здесь обратим внимание, что в повести в качестве пограничного минус-пространства выступает море. Следует отметить, что топосы моря и льда — устойчивые архетипические образы, наделяющие пространство Севера негативными характеристиками хтонического мира. Но в мифопоэтическом сознании образ моря амбивалентен. С одной стороны, море связано с представлением о первобытном Хаосе и миром мертвых, с другой — Вода — это символ жизни, очищения и перерождения.

CC BY

Итак, в геопоэтике Серошевского верхоянский период его ссылки соотносится с мифологическим мотивом символической смерти / перерождения и через образ моря освобождает его от ощущения фатальной обреченности, даруя ему новую жизнь. Север от радикально иного и чужого мира становится местом инициации, а топос моря превращается в аналог материнского лона (по В. Топорову), где рождается новая личность и новый жизненный сценарий. Так начинается второй период его ссылки за полярным кругом — Колымой; за соответствующей номинацией к тому времени прочно закрепилась метафора безысходности и смерти.

3.2. Колымский период: противостояние

С первых же дней пребывания в верхоянской ссылке Серошевский начинает изучать язык, собирать этнографический и фольклорный материал, которые затем станут основой его фундаментального труда. Очевидно, для молодого Серошевского первоначальная цель была связана с обретением скорой свободы и неприятием Севера как места неволи и смирения, и только два неудачных побега вынудили его смириться с реальностью. Но здесь, на Колыме, на самом краю земли, за которым находился Северный Ледовитый океан, где Север в силу природно-географических причин являлся местом борьбы за выживание, требовавшим от человека каждодневного преодоления самого себя на границе мира природы и мира людей, Серошевский задумал стать «бытописателем Сибири» [Серошевский, 1997, с. 496]. Действительно, подлинное начало творческой деятельности Вацлава Серошевского было связано с Севером. Народ саха, в силу неизвестных обстоятельств оказавшийся в далеком северном крае, изумил Серошевского. В своем труде «Якуты» Серошевский писал об этом народе как о «*закаленном, легко приспосабливающемся племени, обещающем превратиться в сильный народ*» [Серошевский, 1993]. Наблюдения за жизнью и бытом якутов побудили его сконструировать новый жизненный сценарий, в котором сформировался новый символический конфликт персонажа с минус-пространством Севера: *противостояние*. Серошевский принимает вызов судьбы и словами казака-конвоира, который сопровождает его до Среднеколымска, дает себе установку: «Вы уже получили один раз урок! Тут другие законы, чем в университетах» [Серошевский, 1997, с. 481]. Он вступает в сакральный договор уже с духами Севера: «*Мы повесили по пучку конских волос на кресте, стоящем на перевале и обвешанном шнурами, тряпочками, бусами — дарами духу земли в благодарность за удачное путешествие. Наше было не очень счастливым, но … лучше дать и не дразнить нечистую силу*» [там же, с. 481].

В Среднеколымском округе, в маленьком наслеге Андылаах Серошевский написал свой первый рассказ «Хайлах» (‘Заключенный’) о трагическом

CC BY

столкновении ссыльного разбойника с местными жителями-якутами. Постепенно у Серошевского накопился целый цикл рассказов, написанных в тоске вдали от своей исторической родины, мягкого климата, от своей жены и дочки, которые были полны трагических событий и мрачной сюжетно-композиционной структуры. При этом красной нитью через весь его авторский ландшафт проходит семантика пограничья (границы между миром людей и миром иномирья), которая выражает мысль о пограничном состоянии самого автора. Так же можно трактовать и его псевдоним (*Вацлав*) *Сирко*, что в переводе обозначает «серый», то есть пограничный цвет между черным и белым. Это мироощущение, восприятие себя как находящегося на рубеже, сохранится у Серошевского и позднее, когда он будет уже вдали от Севера.

Пространственная модель Севера базируется на мифологеме «свой — чужой» как части хронотопической структуры мифа [Бурцева, 2020, с. 339]. Следует отметить, что в произведениях исследователей, писателей конца XIX века (В. Г. Тан Богораз, А. А. Бестужев-Марлинский, В. Г. Короленко и др.) северная земля подвергается осмыслению в основном через понятие «чужого» пространства и обретает характеристики и свойства мифологической страны мертвых.

Первые рассказы, написанные во время ссылки на Колыме, всякий раз показывают противоборство двух оппозиций: цивилизованный — дикий; ссыльный — местный; город — провинция; дом — дорога; побег — обустройство жизни и т. д. В. Серошевским реальное географическое пространство также наделяется фантастическими признаками мистического, живущего своей жизнью, ужасающего, призрачного иномирья. Ландшафт номинируется им как *Шайтан-тумул* (Лес дьявола), *Мыс мертвых, Царство застывших озер и лесов, царство зимы, край лесов, полярный лес — кладбище леса, поле битвы, умирающий лес, столица мрачных пустынь* (*Джурджуй*). Особую смысловую нагрузку в его «Якутских рассказах» несет концепт КРАЙ, который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Но данный ассоциативный ряд разбавляется и смысловыми параллелями, обозначающими неприятие автором минус-пространства Севера. Описывая в самом реалистичном и мрачном контексте жизнь прокаженных (Предел скорби, 1896), Серошевский привносит мотив надежды на светлое будущее через образ маленькой девочки Бытархай, или однообразный серый фон окружающей жизни разбавляет образом красивой девушки Лельи (На краю лесов, 1895), или среди ущемленного во всех отношениях забитого племени на краю земли находит человека, подобно горьковскому Данко, способного отдать свое сердце ради своего народа (В жертву богам, 1893).

В 1887 году Вацлава Серошевского наконец переводят в Намский улус в Хатын-Арынский наслег (волость), где у него было «около десяти деся-

CC BY

тин земли, обработанное поле, огород, пастбище — всё за ограждениями». Так, постепенно у Серошевского выстраивается идеальное представление дома, где он уже не выживает в состоянии конфликта с образами-топосами, а находится в стадии созидателя-творца.

За время ссылки в Намском улусе Серошевский написал несколько рассказов, занимался больше всего своим хозяйством и работал над завершением монографического труда «Якуты». Здесь, в легендарной долине *Энсиэли*, с которой начинается этническая история народа саха, Серошевский больше утверждается в своей теории о южном происхождении якутов: он полагал, что они пришельцы из южных степей. Как чуткий художник беллетрист, Серошевский констатирует в наклонностях, привычках и поэтических произведениях якутов любовь «к степному простору, к широким ровным полям». Символично, что с последней его локацией — Намским улусом — ассоциируется топос открытого пространства / степной долины, который открывает перед Серошевским большой мир, и этим завершается его личная эпопея с Севером — «*ландшафтом испытаний*».

3.3. Трансформация образа Севера

Через 12 лет, в 1892 году, Вацлав Серошевский уезжает из Якутии, по собственному выражению, «с тремя рублями в кармане, с маленькой дочкой Марией и с толстой тетрадью этнографических материалов». С этого времени заканчивается период его якутской ссылки, и образ Севера, холодного края, остается позади. В 1894 году он завершает свой труд «Якуты: опыт этнографического исследования», получает высокую награду Русского географического общества. В 1896 году издает свой труд в Санкт-Петербурге, укрепляет свой научный авторитет и уезжает на родину, но его дочь Мария остается в России. В его сердце навсегда поселяется трансформированный образ Севера — уже не как края земли, а как «*милое сердцу место*», что прослеживается в его личных переписках и мемуарах, которые он написал уже будучи у себя на родине. С отъездом Серошевского в Польшу связи его с Россией сильно ослабли. Единственным звеном, соединявшим писателя с русской литературной жизнью, был Л. Ф. Пантелеев, с которым его связывала тесная дружба и взаимная поддержка. В письмах к нему он признавался, что за время ссылки отдалился от поляков, а горячо любимая Польша после Сибири кажется ему маленькой и тесной [Серошевский, 1997, с. 586].

Как показывают эго-документы В. Л. Серошевского, он тесно общался и с Григорием Николаевичем Потаниным, в своих письмах к нему часто писал о своей тоске по Сибири: «*Страсть как хочется еще раз побывать у вас, пить чай и услышать мелодичный голос сибиряков*», высказывал сожаление, что больше не увидит и никогда не покажет своим сыновьям сибирские просторы [Архив НБ ТГУ, ф. 77/3927-3976.].

CC BY

Примечательно, что в его «Воспоминаниях» авторский ландшафт уже не обогащен мрачными сравнениями Севера с инфернальными местами, а описывается уже в позитивно-положительном ключе, и наблюдается уже другого уровня геопоэтическая рефлексия, выражаемая через проекцию «своего», «родного» мира. Выстраивая ментальную карту своих воспоминаний, Серошевский писал: *«Интересно, каким образом перелетные птицы узнавали о состоянии снежного покрова и возможности покормиться на севере*». Так, Север уже не транслирует «нарратив неволи», а моделируется как идеальное место для жизни посредством контрастных пространственных характеристик: ее красоты и суровой правды, пересечения мифа и реальности, далекого и близкого.

Чарующая природа дикого севера, с одной стороны, и рано развившаяся зоркость глаза, равно как и высокая избирательность художнической памяти Серошевского — с другой, способствовали формированию особого образа мышления будущего художника. Увиденное на Крайнем Севере стало источником, из которого потом выросла существенная часть написанного Серошевским. Сибирская тема послужила источником лучших произведений писателя, таких как повесть «На краю лесов», «В сетях», «Предел скорби», рассказы «Хайлак», «Чукчи» и мн. др. Именно эти произведения Серошевского являются, по замечаниям критиков, «прекрасными художественными образцами, своеобразными документами по изучению Якутского края» наряду с сочинениями В. Г. Короленко, В. Тана, Н. Осиповича и П. Драверта [Ровнякова, 1970].

4. Заключение = Conclusions

Литературное произведение не может создаваться вне времени и пространства, и прежде всего географического пространства: реального или вымышленного [Марьин, 2016, с. 135]. В этом контексте геопоэтика выступает как матрица оригинальных моделей воображения, в рамках которых формируются представления о природе, развиваются самобытные локальные мифологии (как традиционные, так и нео-мифотворчество), происходит становление восприятия пространства на основе глубинных географических образов-архетипов. Все это выражается через «авторский ландшафт», основу которого создают различные сочетания архетипических образов, локальных мифологий и совокупность индивидуального восприятия геокультурного пространства.

Геопоэтика Вацлава Серошевского связана прежде всего с его личными переживаниями и трансформируется в зависимости состояния. От этого зависит и пространственно-временная экзистенция его творческого наследия.

Выявлены три основных периода в автобиографическом хронотопе В. Серошевского. Для автобиографического хронотопа характерно следующее: реальное биографическое время почти полностью растворено в идеальном и абстрактном времени метаморфозы [Бахтин, 1975, с. 58—59];

Первый период якутской ссылки Серошевского связан с Верхоянским округом — местом пересечения его бунтарского духа, собственного эго и Севера, не только как географическое пространство, но и как инфернальное место. Известно, что для многих политссыльных, Север стал местом не только отчуждения, но и неминуемой смерти. Но для юного Вацлава Серошевского Верхоянск стал местом инициации, где прослеживается мифологический сценарий: перемещение героя из страны жизни в пространство символической смерти, пребывание в нем и нравственное воскресенье, обретение нового качества личности. Эта сюжетная схема восходит к обряду инициации, в результате которой формируется новый человек, прошедший испытания и перешедший на новый уровень развития [Завгородняя, 2016, с. 47].

Второй период автобиографического хронотопа Серошевского представляется как время становления устойчивого образа Севера как минус-пространства. Находясь в самом краю географического Севера, Серошевский выстроил собственное пейзажное мышление, благодаря которому Север как пространственная категория и минус-пространство могут повлиять на окружающую обстановку, но не способны сломить духовное составляющее.

Третий период, начавшийся после ссылки и возвращения на родину, ярко прослеживается в его эпистолярном и художественном наследии, где негативный образ Северного края постепенно меняется и обрастает положительными качествами уже «своего» пространства. Здесь прослеживается мотив жертвенности, который был близок Серошевскому, как всем романтикам-революционерам, полагавшим, что они отдали свои молодые жизни ради счастья народа. Мир природы и мир человека постоянно пересекаются и взаимодействуют, при этом автор не просто описывает состояние природы, а рассказывает о своем индивидуальном восприятии местности.

Источники и принятые сокращения

1. Архив НБ ТГ — *Архив* Научной библиотеки Томского государственного университета. Ф.77/3927-3976. Письма В. Л. Серошевского (Архив Г. Н. Потанина).

2. *Сливовская В.* Польская Сибирь — мифы и действительность [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://polonia42.ru/news_269.html (дата обращения 10.07.2022).

Литература

1. *Армон В.* Польские исследователи культуры якутов / В. Армон. — Москва : МАИК Наука/интерпериодика, 2001. — 172 с. — ISBN 5-7846-0026-5.

2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 17—167.

3. *Бурцева Ж. В.* Крайний Север как геопоэтический образ в литературе малочисленных народов севера Якутии / Ж. В. Бурцева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — Т. 30. — Выпуск 2. — С. 337—342. — DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342.

4. *Головнева Е. В.* Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации / Е. В. Головнева // Социально-экономический гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2016. — № 4. — С. 211—220.

5. *Десяткова О. В.* Культурный ландшафт Вятки в метагеографическом измерении / О. В. Десяткова, Т. С. Городилова. — Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2015. — С. 169. — ISBN 978-5-4475-3075-4.

6. *Завгородняя Н. И.* Неомифология Алтая в текстах А. В. Коробейщикова / Н. И. Завгородняя // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — С. 43—47. — ISBN 978-5-88210-836-5.

7. *Замятин Д. Н.* Геокультурное пространство Арктики : онтологические модели воображения / Д. Н. Замятин // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. — Москва : «Канон+», 2017. — С. 28—92. — ISBN 978-5-88373-511-9.

8. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 488 с.

9. *Замятин Д. Н.* Определение геопоэтики / Д. Н. Замятин // Геопоэтика и географика. — 2002. — № 4. — С. 159—163.

10. *Каменьский Г.* Письма из ссылки [Машинопись] / Г. Каменьский ; пер. с польск. А. А. Герасимчук. — Киров : [б. и.], 1989. — 481 с.

11. *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай сахалар : Очерки по древней истории якутов // Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Бичик, 1992. — Книга 1. — 415 с.

12. *Марьин Д. В.* О семиотическом потенциале некоторых топонимов Алтая в творчестве В. М. Шукшина / Д. В. Марьин // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — С. 135—140. — ISBN 978-5-88210-836-5.

13. *Мельничук О. А.* «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? / О. А. Мельничук, С. С. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 106—130. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130.

14. *Новински Ф.* Казань глазами политссыльных / Ф. Новински // Польская ссылка в России XIX—XX веков : региональные центры. — Казань : Мастер лайн, 1998. — С. 124—130. — ISBN 5-93139-004-9.

15. *Ровнякова Л. И.* Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты (по материалам неизданной переписки) / Л. И. Ровнякова // Славянские литературные связи. — Ленинград : Наука, 1968. — С. 124—165.

16. *Ровнякова Л. И.* Вацлав Серошевский — исследователь Якутии / Л. И. Ровнякова // Польско-русские литературные связи. — Москва : Наука, 1970. — С. 333—344.

17. *Романова Е. Н.* Биографические топосы памяти М. З. Винокурова (память, стратегии, идентичность) / Е. Н. Романова // Локальная и региональная история в глобальном измерении : мир якутской эмиграции между Востоком и Западом : сборник научных статей. — Новосибирск : Наука, 2021. — С. 90—107. — DOI 10.7868/978-5-02-041464-8.

18. *Серошевский В. Л.* Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : РОССПЭН, 1993. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.

19. *Серошевский В. Л.* Якутские рассказы, повести и воспоминания / В. Л. Серошевский ; [ред. и послесл. С. А. Степанов]. — Москва : Кудук, 1997. — 591 с.

20. *Сид И.* Геопоэтика. Экспедиционный формат / И. Сид. — Москва : Арт Хаус медиа, 2018. — 340 с.

21. *Шартье Д.* Что такое «воображение Севера»? / Д. Шартье // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. — Москва : «КАНОН+», 2017. — С. 13—28. — ISBN 978-5-88373-511-9.

22. *Ingold T.* Culture, nature, environment : steps to an ecology of life / T. Ingold // The Perception of the Environment. — London : Routledge, 2000. — Pp. 13—27.

Material resources

Archive of the Scientific Library of Tomsk State University. F. 77/3927-3976. Letters of V. L. Seroshevsky (Archive of G. N. Potanin). (In Russ.).

Slivovskaya, V. *Polish Siberia — myths and reality.* Available at: http://polonia42.ru/news_269.html (accessed 10.07.2022). (In Russ.).

References

Armon, V. (2001). *Polish researchers of Yakut culture.* Moscow: MAIK Nauka/Interperiodika. 172 p. ISBN 5-7846-0026-5. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics: Studies of different years.* Moscow: Fiction. 17—167. (In Russ.).

Burtseva, Zh. V. (2020). The Far North as a geopoetic image in the literature of the small peoples of the North of Yakutia. *Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology, 30 (2):* 337—342. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342. (In Russ.).

Chartier, D. (2017). What is the "imagination of the North"? Geocultures of the Arctic. In: *Methodology of analysis and applied research.* Moscow: Canon+. 13—28. ISBN 978-5-88373-511-9. (In Russ.).

Desyatkova, O. V., Gorodilova, T. S. (2015). *The cultural landscape of Vyatka in the metageographic dimension.* Moscow, Berlin: Direct-Media. 169. ISBN 978-5-4475-3075-4. (In Russ.).

Golovneva, E. V. (2016). Formation of the image of Siberia in the process of its colonization. *Socio-economic Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 4:* 211—220. (In Russ.).

Ingold, T. (2000). Culture, nature, environment: steps to an ecology of life. In: *The Perception of the Environment.* London: Routledge. 13—27.

Kamensky, G. (1989). *Letters from exile [Typescript].* Kirov: [b. i.]. 481 p. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1992). *Uraanghai sakhalar: Essays on the ancient history of the Yakuts, 1.* Yakutsk: Bichik. 415 p. (In Russ.).

Maryin, D. V. (2016). On the semiotic potential of some Altai toponyms in the works of V. M. Shukshin. In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai.* Barnaul: AltGPU. 135—140. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).

Melnichuk, O. A., Pavlov, S. S. (2022). 'Nordicity', 'Imagined North' or 'Concept Sphere of Arctic Discourse'? *Nauchnyi dialog, 4:* 106—130. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130. (In Russ.).

Novinsky, F. (1998). Kazan through the eyes of political messengers. In: *Polish exile in Russia of the XIX—XX centuries: regional centers.* Kazan: Master Line. 124—130. ISBN 5-93139-004-9. (In Russ.).

Romanova, E. N. (2021). Biographical topos of M. Z. Vinokurov's memory (memory, strategies, identity). In: *Local and regional history in the global dimension: the world of Yakut emigration between East and West: a collection of scientific articles.* Novosibirsk: Nauka. 90—107. DOI 10.7868/978-5-02-041464-8. (In Russ.).

Rovnyakova, L. I. (1968). Vaclav Seroshevsky and his Russian correspondents (based on unpublished correspondence). In: *Slavic literary connections.* Leningrad: Nauka. 124—165. (In Russ.).

Rovnyakova, L. I. (1970). Vaclav Seroshevsky — researcher of Yakutia. In: *Polish-Russian literary relations.* Moscow: Nauka. 333—344. (In Russ.).

Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts: experience of ethnographic research.* Moscow: ROSSPEN. 736 p. ISBN 5-86004-001-6. (In Russ.).

Seroshevsky, V. L. (1997). *Yakut stories, novellas and memoirs.* Moscow: Kuduk. 591 p. (In Russ.).

Sid, I. (2018). *Geopoetics. Expedition format.* Moscow: Art House media. 340 p. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2002). Definition of geopoetics. *Geopoetics and Geography, 4:* 159—163. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space: Modeling of geographical images.* Moscow: Znak. 488 p. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2017). Geocultural space of the Arctic: ontological models of imagination. In: *Geocultures of the Arctic. Methodology of analysis and applied research.* Moscow: Canon+. 28—92. ISBN 978-5-88373-511-9. (In Russ.).

Zavgorodnaya, N. I. (2016). Neomythology of Altai in the texts of A. V. Korobeishchikov. In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai.* Barnaul: AltGPU. 43—47. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.07.2022,
одобрена после рецензирования 05.08.2022,
подготовлена к публикации 23.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Егорова К. Б. «Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской» : перевод и издание произведения Августа Коцебу в Российской империи / К. Б. Егорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 302—314. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-302-314.

Egorova, K. B. (2022). "Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania, or Supplement to histories of Lithuanian, Russian, Polish-Prussian" : Translation and Publication of Work of August Kotzebue in Russian Empire. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 302-314. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-302-314. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-302-314

«Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской»: перевод и издание произведения Августа Коцебу в Российской империи

Егорова Ксения Борисовна [1,2]
orcid.org/0000-0002-4050-6888
[1] кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской и западноевропейской культуры;
[2] старший научный сотрудник
k.b.egorova@spbu.ru

[1] Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
[2] Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 19-18-00073-П

"Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania, or Supplement to histories of Lithuanian, Russian, Polish-Prussian": Translation and Publication of Work of August Kotzebue in Russian Empire

Kseniia B. Egorova [1,2]
orcid.org/0000-0002-4050-6888
[1] PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Russian and Western European Culture,
[2] senior research scientist
k.b.egorova@spbu.ru

[1] St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

[2] The National Library of Russia (Санкт-Петербург, Россия)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 19-18-00073-П

© Егорова К. Б., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об истории перевода на русский язык исторического сочинения немецкого драматурга Августа Коцебу «Свитригайло, Великий Князь Литовский», которое вышло в свет в 1835 году, когда имя прославленного немецкого автора уже стало признаком дурного литературного вкуса, а его произведения перестали публиковаться. В исследовании впервые вводятся в научный оборот материалы нескольких архивов, хранящих документы, которые позволяют сделать выводы о том, почему сочинение Коцебу по истории Литвы и Польши более десятилетия пролежало на полке цензурного ведомства. Результаты проведенного исследования показали, что рукопись долгое время не могла быть допущена к публикации не из-за скандала, разгоревшегося вокруг трагической гибели ее автора и не из-за новой героизированной трактовки образа Свитригайло. Истинной причиной забвения стали дополнения (документы из Кёнигсбергского архива), которыми снабдил Коцебу свое произведение. Автор статьи сообщает, что среди различных исторических материалов в конце рукописи были представлены три папские буллы, связанные с проектом возможного воссоединения латинской и греческой церквей. Привлеченные архивные материалы показывают, что цензура первой четверти XIX века считала опасным для российского общества распространение материалов, относящихся к вопросу объединения церквей.

Ключевые слова:
русская культура; немецкая драматургия; история перевода; литературный перевод; Великое Княжество Литовское; история Восточной Европы; Август фон Коцебу.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the history of the translation into Russian of the historical work of the German playwright August Kotzebue “Svitrigailo, the Grand Duke of Lithuania”, which was published in 1835, when the name of the famous German author had already become a sign of bad literary taste, and his works ceased to be published. For the first time, the study introduces into scientific circulation materials from several archives that store documents that allow us to draw conclusions about why Kotzebue’s essay on the history of Lithuania and Poland has been lying on the shelf of the censorship department for more than a decade. The results of the study showed that the manuscript could not be allowed for publication for a long time, not because of the scandal around the tragic death of its author, and not because of the new heroized interpretation of the image of Svitrigailo. The real reason for oblivion was the additions (documents from the Königsberg archive) with which Kotzebue supplied his work. The author of the article reports that, among various historical materials, three papal bulls were presented at the end of the manuscript, related to the project of a possible reunification of the Latin and Greek churches. It was these documents that delayed the publication of Kotzebue’s work in Russian. The archival materials involved show that the censorship of the first quarter of the 19th century considered the dissemination of materials related to the issue of unification of churches dangerous for Russian society.

Key words:
Russian culture; German dramaturgy; translation history; literary translation; Grand Duchy of Lithuania; history of Eastern Europe; August von Kotzebue.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2Коцебу.03=161.1

«Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской»: перевод и издание произведения Августа Коцебу в Российской империи

© Егорова К. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Переводы с немецкого языка играли важную роль в русской словесной культуре первой четверти XIX века, изучение русской переводной художественной литературы дает богатый материал для исследования русской литературной традиции в ее становлении и развитии под влиянием европейской культуры.

Первые десятилетия XIX столетия отмечены интересом русской публики к творчеству Августа фон Коцебу (1761—1819), который являлся в сознании русского общества главнейшим немецким писателем-драматургом, чья слава в первые десятилетия XIX века затмевала Шиллера и Гете. По данным Е. Е. Дмитриевой, представившей библиографический список всех переведенных в России в конце XVIII—XIX веков драматических произведений Коцебу, российская публика в год имела возможность познакомиться с 3—4 пьесами немецкого писателя, а в первое десятилетие XIX столетия количество произведений Коцебу в русских переводах достигло своего пика, 7—8 произведений в год [Дмитриева, 2017, с. 175—189].

Известность Коцебу ненадолго возросла после громкого преступления: прославленный автор был убит в 1819 году немецким студентом и обвинен в шпионаже в пользу Российской империи, после чего имя драматурга фактически было предано забвению [Заиченко, 2013, с. 178]. Политический мотив убийства Коцебу, бросивший тень на репутацию писателя как немецкого гражданина, обусловил и сравнительно малую изученность его литературного наследия.

Имя драматурга появляется в современных иностранных исследованиях в основном в связи с политикой. Политической повесткой объясняется и интерес к творчеству писателя в России, его личный успех при дворе и триумф его драматических творений на сценах Санкт-Петербурга и Москвы [Williamson, 2015, pp. 285—306; Williamson, 2000, pp. 890—943].

Поскольку театр Августа Коцебу оказал колоссальное влияние не только на русское культурное и литературное пространство конца XVIII — начала XIX веков, но и на формирование театральной традиции в других

CC BY

европейских культурах, в исследованиях намечается еще одно направление изучения наследия немецкого драматурга — анализ переводов его театральных пьес на другие языки, восприятия этих текстов в иной культурной среде. Так, в тридцатые годы предыдущего столетия активно развивалась литературная компаративистика, а потому появлялись работы, посвященные истории перевода Коцебу на английский, испанский, чешский языки [Schneider, 1927, pp. 179—194; Gosch, 1939, pp. 175—183; Coleman, 1934, pp. 54—72].

Отечественные исследователи немецко-русских культурных взаимосвязей также делают акцент на колоссальном влиянии немецкого автора на формирование русского театра и эстетической платформы русского романтизма, рассматривают русские переводы пьес Коцебу в контексте общего вектора развития литературной культуры в России (Р. Ю. Данилевский, Е. Е. Дмитриева).

Для русского литературного процесса начала XIX века убийство Коцебу и последовавший за ним скандал в какой-то степени маркировали изменение литературных вкусов, новую веху в истории отечественной словесности, когда наследие немецкого писателя — мещанская драма с элементами сентиментализма и готических черт раннего романтизма — стало казаться признаком дурновкусия («коцебятина»).

В 1820-е годы развернулась целая кампания против засилья пьес Коцебу на русской сцене: «слезливые пиески» немецкого драматурга были признаны «глупейшими» [Жуковский, 2004, с. 147], а подражание им в любой форме (в том числе и через перевод, поскольку граница между переводом и подражанием тогда еще только устанавливалась в российской литературной культуре) считалось проявлением плохого литературного вкуса.

И тем удивительнее становится публикация на русском языке исторического сочинения Коцебу «Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской» [Коцебу, 1835] в 1835 году, когда имя некогда прославленного немецкого драматурга уже было предано забвению.

Попытка проследить запутанную историю перевода и публикации «Свитригайло…» на русский язык была предпринята М. А. Корфом [Корф, 1869, с. 613—628]; однако эта статья, написанная в конце XIX столетия, не может удовлетворить современного исследователя и оставляет вопросы к источникам, которые привлекал Корф. Эти источники было необходимо выявить в современных архивохранилищах (для многих приведенных цитат Корф не дает библиографических сносок и не указывает источники сведений).

После Корфа к сочинению «Свитригайло, Великий Князь Литовский» как к произведению, вписанному в жизнь и творчество противоречивого

CC BY

немецкого драматурга, никто не обращался; оно, как и сама фигура Коцебу, выпало из поля внимания ученых; лишь театроведы составляют сейчас немногочисленную группу исследователей, обращающихся к творческому наследию Коцебу в русском переводе. Здесь можно упомянуть, например, работы С. И. Мельниковой по истории русско-немецких театральных связей, в которых тема исторических сочинений Коцебу аккуратно избегается [Мельникова, 2005].

Таким образом, финальный этап восприятия Коцебу в России — поздняя публикация его исторического сочинения «Свитригайло, Великий Князь Литовский» — крайне мало изучен. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для достижения исследовательской цели, а это — выявление новых источников для реконструкции истории публикации на русском языке исторического сочинения Коцебу «Свитригайло, Великий Князь Литовский», были привлечены материалы цензурного ведомства, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве: «Дело о пересмотре и разрешении запрещенных в 1820 году к печати папских булл, приложенных к книге А. Коцебу “Свитригайло, великий князь Литовский”, перевод на русский язык Нестеровича» [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115].

Архивная папка содержит «Записку о делах, принадлежащих к рукописи», «О рукописи по названием Швитригайло» (содержит копию рецензии Филарета и отзыв Н. М. Карамзина о содержании папских булл, помещенных Коцебу после текста сочинения), записку о рукописи в Главный Цензурный Комитет от 1824 года, письмо в Департамент Народного Просвещения от 1827 года, результаты заседания по вопросу публикации рукописи от 1829 года, записку Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа от 1829 года. Этот внушительный объем архивных источников, освещающий историю принятия цензурными органами непростого решения о печати перевода немецкой рукописи, позволяет сделать выводы о характере цензурных замечаний, задержавших выход в свет последнего сочинения Коцебу.

Помимо материалов РГИА, в процессе работы был привлечен документ из Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук [СПФ АРАН, ф. 88, оп. 1, д. 51], дающий представление о замечаниях первого рецензента на полученную Академией наук немецкую рукопись; об этом документе будет сказано далее.

Представляется, что рукопись «Свитригайло, Великий Князь Литовский» долгое время не могла быть допущена к публикации не из-за сканда-

CC BY

ла, разгоревшегося вокруг трагической гибели ее автора или новой героизированной трактовки образа Свитригайло, а из-за дополнений (документы из Кёнигсбергского архива), которыми снабдил Коцебу свое произведение. Среди различных документов в конце рукописи были представлены три папские буллы, связанные с проектом возможного воссоединения латинской и греческой церквей.

Методологическая база изучения русской переводной литературы в контексте культурной жизни эпохи была разработана сотрудниками Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Изучение европейского влияния на отечественную изящную словесность достигло высот в работах М. П. Алексеева и его учеников, составивших ленинградскую, а ныне — петербургскую, школу сравнительного литературоведения и изучения международных связей русской литературной культуры.

Изучение истории создания перевода на русском языке и его публикации, реакции цензуры и читательской аудитории дает богатый материал для анализа отечественного литературного процесса, позволяет выделить его доминанты, объяснить генезис отдельных литературных жанров.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История публикации

История публикации последнего исторического сочинения Коцебу «Свитригайло, Великий Князь Литовский» примечательна: готовая к печати рукопись почти десятилетие пролежала на полках цензурного ведомства, переводчик отказался поставить на ней свое имя, в процессе принятия решения о публикации сменилось два цензора, а печать приложений оказалась невозможной без специального комментария, написанного по просьбе цензурного ведомства самим Н. М. Карамзиным.

Исторические сочинения Коцебу — это, помимо интересующего нас «Свитригайло…», солидные «Старая история Пруссии» (написана в 1808 году) и двухтомная «История Германии» (1814—1815 годы) — были мало известны российской публике.

Первая попытка Коцебу обратиться к событиям российской истории в драме «Деметриус Иванович: Царь Московский. Подлинная российская трагедия в 5 действиях» была неудачной: 23 июня 1782 года должна была состояться премьера, но уже готовая к постановке пьеса была запрещена цензурой. Коцебу попал в немилость императрицы, оправдывался тем, что трагедия и ее персонажи — это пиитический вымысел, не соотносящийся с исторической действительностью.

Сочинения на исторические сюжеты — важная линия в творческой судьбе Коцебу, однако до сих пор она не была рассмотрена в целостности,

CC BY

не был поставлен вопрос о том, до какой степени литературной обработки доходил немецкий драматург в творчестве на исторические темы (между тем «Свитригайло…» до сих пор привлекается историками церкви как исторический источник без поправки на его возможную литературность).

Идея издания «Свитригайло…» на русском языке принадлежала графу Николаю Петровичу Румянцеву, получившему в 1817 году рукопись книги на немецком от автора в качестве благодарности за избрание в члены Императорской Академии наук (издание было осуществлено на средства уже покойного Румянцева, о чем свидетельствует записка попечителю Санкт-Петербургского учебного округа от 3 апреля 1829 года [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 12]).

Первым рецензентом полученной в дар рукописи стал историк, член Императорской академии наук Ф. И. Круг; черновик этой рецензии хранится в СПФ АРАН [СПФ АРАН, ф. 88, оп. 1, д. 51]. Отзыв о сочинении Коцебу был готов 29 марта 1817 года, отрывок из этой рецензии был опубликован на французском языке в официальном издании Академии наук [Memoires, 1822, pp. 46—47]. Именно на этот опубликованный отрывок ссылается Корф. Найденный нами черновик дает представление о первой рецепции текста Коцебу, который воспринимается Кругом прежде всего как литературное произведение, имеющее существенную историческую ценность из-за опубликованных неизвестных документов, найденных в Кёнигсбергском архиве, а не из-за интерпретации личности Свитригайло, которую предлагает немецкий драматург (в этой части Круг также скептически предполагает пиитический домысел).

Коцебу снабдил сочинение обширным предисловием, в котором обозначил цель своей работы — исправить ложное представление о литовском правителе как о беспутном пьянице и вывести иной образ князя; при этом Коцебу ссылался на неизвестные документы, попавшие к нему в Кёнигсберге (здесь можно было бы заподозрить сюжетный ход, традиционный для эпохи романтизма, — мотив найденной секретной рукописи, открывшейся только автору текста, однако Коцебу прилагает в конце сочинения отрывки из кёнигсбергских документов, а потому его трактовку фигуры Свидригайло лишь частично можно отнести к романтической разработке сюжета из литовской истории в эпоху увлечения конструированием исторических образов и национальных героев).

3.2. О переводчике сочинения на русский язык

Перевод был представлен в цензурный комитет в 1820 году. Имя переводчика не было обозначено при позднейшей публикации в 1835 году; Корф предположил, что «некий коллежский асессор Нестерович» не пожелал «поставить своего имени на книге» [Корф, 1869, с. 615—616]. Фами-

CC BY

лия Нестеровича без каких-либо комментариев фигурирует и в документах цензурного ведомства [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 12 об].

В картотеке Модзалевского (РО ИРЛИ) есть указание на Нестеровича, однако сделано оно на основе все той же статьи Корфа, а потому не дает новых сведений о личности переводчика. Представляется, что автором перевода исторического сочинения Коцебу выступил Иван Иванович Нестерович, принявший участие в издании японско-русского словаря [Карлина, 1972, с. 224—230]. Р. Г. Карлина предприняла попытку идентифицировать переводчика Ивана Нестеровича и восстановить его работу над словарем Резанова.

Карлина на основе многочисленных архивных источников установила, что Иван Иванович Нестерович «во всяком случае до 1822 года служил в Петербурге в Комиссии печатания государственных грамот и договоров, существовавшей при Архиве коллегии иностранных дел и занимавшейся собиранием, исследованием и публикацией древних летописей и документов. Граф Румянцев принимал непосредственное участие в работе комиссии, а также субсидировал приобретение и издание рукописей» [Карлина, 1979, с. 229]. Поскольку решение о переводе и подготовке к публикации рукописи Коцебу также принимал граф Румянцев, можно предположить, что переводчиком был назначен именно Иван Иванович Нестерович, служивший в Комиссии печатания государственных грамот и договоров.

Несмотря на то, что перевод был полностью готов в 1820 году, выход книги был отложен из-за цензурных проволочек. Проследить историю взаимоотношения исторического сочинения Коцебу с цензурным ведомством позволяют архивные документы [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115].

3.3. Сочинение Коцебу и цензура

Документы РГИА показывают, что текст «Свитригайло…» Коцебу долгое время не выходил за пределы цензурного ведомства из-за приложений, которыми Коцебу снабдил свое произведение.

В частности, Коцебу опубликовал найденные в Кёнигсбергском секретном архиве три буллы папы Евгения IV о возможном соединении латинской и греческой церквей. Публикация этих исторических источников и стала главной причиной, по которой сочинение Коцебу оказалось на полках цензурного ведомства, сменило нескольких цензоров и было удостоено сначала комментария будущего митрополита Филарета, а потом и самого Карамзина, в котором он высказал суждение о том, насколько опасным для российского общества может быть публикация документов (папских булл) и дополнительное внимание к проблеме взаимоотношений католической и православных церквей.

Филарет сделал замечания на «приложенные к сему сочинению две папских буллы к тогдашнему смоленскому епископу Герасиму, названному

CC BY

в буллах Митрополитом русским», в которых отметил некоторые фактические ошибки, допущенные сочинителем: так, адресат одной из папских булл, Герасим, не был законным российским митрополитом, как писал Коцебу, а потому его решение не могло стать основанием для проекта соединения церквей; искажение фактов без дополнительного комментария могло ввести в заблуждение российскую читательскую аудиторию и укрепить ее в представлении о том, что соединение церквей было делом практически решенным [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 3]. Карамзин также отметил, что адресат одной из булл «Герасим, епископ Смоленский, был митрополитом не Всероссийским, а только Литовской России» [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 3 об].

Первое решение Цензурного Комитета после рассмотрения рукописи было таковым: «…рукопись одобрена к печати Цензором г. Яценковским за исключением папских булл <…> дабы не подать повода к кривым и предосудительным толкам о сем важном предмете» [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 4]. Однако решение Цензурного Комитета было оспорено переводчиком, который «просил о дозволении напечатать буллы хотя на Латинском языке, потому что они имеют неразрывную связь с целым сочинением [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 4]. Цензурный Комитет не удовлетворил просьбу Нестеровича, ответив, что печать документов исключительно на латыни маркирует запрет на распространение их русскоязычного перевода, что могло бы породить множество предосудительных и кривых толков [РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 115, л. 4]. Вопрос с публикацией булл так и не был разрешен, рукопись осталась неизданной.

Таким образом, само произведение немецкого драматурга изначально было воспринято первыми читателями, рецензентами и цензором исключительно в контексте проблемы взаимоотношения церквей, а Свитригайло выступал проводником идей об их возможном соединении. Все это не способствовало скорой публикации перевода. Не было и единого понимания того, как решить проблему публикации папских булл — напечатать на латинском языке без русского перевода, сузив таким образом потенциальную читательскую аудиторию документов, или не публиковать вовсе, оставив только текст Коцебу и изъяв все приложения к нему.

Цензурное решение о публикации сочинения Коцебу со всеми приложениями было вынесено только в 1829 году. К этим документам была приложена и копия отзыва Н. М. Карамзина о содержании папских булл, поскольку печатать без комментария прославленного российского историка сочли невозможным.

И когда цензурное дело о публикации исторического сочинения Коцебу можно было бы считать закрытым, вспыхнуло польское восстание 1830—1831 годов.

CC BY

Просмотр документов петербургского цензурного ведомства за этот период показывает, что под запрет попадали практически все рукописи, которые прямо или косвенно были связаны с событиями польской истории, а любые издания на польском языке брались под особый государственный контроль. Например, рядом с делом о публикации «Свитригайло…» находится документ, запрещавший распространение изданной в 1831 году в Царстве Польском без цензурного разрешения книги на польском языке «Сходство и различие между Восточною и Западною церковью или мысли о соединении с римско-католической церковью отступившей от нее греческой» [ф. 772, оп. 1, д. 591].

В таком контексте публикация приложений к сочинению Коцебу, зазвучавших в момент польского восстания актуально и злободневно, оказалась затруднительна; Свитригайло в этом произведении выступал проводником тех самых крамольных идей о соединении двух церквей, более того — подчеркивалась сама возможность такого соединения в определенный исторический период, пусть и под пером литератора. Публикация вновь была отложена на неопределенный срок.

Книга вышла в свет лишь в 1835 году, серьезного общественного резонанса выход последнего исторического сочинения прославленного Коцебу не получил.

3.4. Восприятие русского перевода «Свитригайло…» Коцебу

Довольно обстоятельный критический разбор сочинения Коцебу появился в том же 1835 году в «Библиотеке для чтения», издаваемой А. Ф. Смирдиным. Он начинался словами: «Кто бы мог подумать, что нам придется говорить в одно время о двух столь примечательных явлениях, двух погасших славах, двух некогда громких, нынче забытых именах — великом княжестве Литовском и великом комике Коцебу?» [Библиотека, 1835, с. 25]. Автор счел нужным включить в рецензию обширную биографическую справку о жизни и творчестве Коцебу, сетуя на то, что имя немецкого драматурга вряд ли известно читающей публике. Далее приводится исторический комментарий о месте Литвы в истории Европы, о ее взаимоотношениях с соседними государствами до появления Свитригайло, то есть до того периода, который описан в сочинении Коцебу. О русском переводе и литературном слоге переводчика критик высказался нелестно: «…оно передано по-Русски таким ужасным языком, таким грубым и нелитературным слогом, что тот, кто перескажет его содержание другими словами, сделает безценное одолжение и самой книге и читающей публике <…> искренне жаль, что безыменный переводчик не издал сочинения по-Немецки» [Библиотека, 1835, с. 39]. Убрав свое имя с титульной страницы русского издания, переводчик Нестеро-

CC BY

вич, возможно, ожидал невысокой оценки его переводческого мастерства, или же он попросту небрежно справился с порученной ему сверх службы работой.

Критическая статья не была подписана, но можно предположить, что ее автором был редактор «Библиотеки для чтения» Осип Иванович Сенковский (1800—1858). Уроженец Виленской губернии, журналист и переводчик, Сенковский мог заинтересоваться необычной книгой Коцебу, содержащей новый взгляд на историю родных земель. После его смерти разрозненные журнальные публикации были собраны и составили собрание сочинений, куда попала и статья «Литва, Свитригайло и Коцебу» [Сенковский, 1859, с. 38—68].

4. Заключение = Conclusions

Исследование позволило сделать ряд выводов. Заключительным этапом восприятия творчества Коцебу в России стало издание в 1835 году исторического сочинения «Свитригайло, Великий Князь Литовский». Цензурные препоны не позволили русскому изданию попасть в руки читателей в 1820 году, когда И. И. Нестерович по просьбе графа Румянцева подготовил рукопись перевода сочинения и представил ее в Цензурный Комитет. Издание откладывалось, но не из-за политического скандала, разгоревшегося вокруг смерти Коцебу в 1819 году; решение о публикации было принято только в 1829 году из-за исторических документов, помещенных автором в конце рукописи. Три буллы папы Евгения затрагивают проблему объединения римской и греческой церквей, а потому могли быть неверно истолкованы читателями.

Привлеченные архивные материалы показывают, что цензура первой четверти XIX века считала опасным для российского общества распространение материалов, относящихся к вопросу объединения церквей, маркировавших потенциальную возможность такого решения в прошлом и сложную внутриполитическую ситуацию вокруг амбиций Царства Польского накануне восстания.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 772, Оп. 1, Д. 115 «Дело о пересмотре и разрешении запрещенных в 1820 году к печати папских булл, приложенных к книге А. Коцебу “Свитригайло, великий князь Литовский”, перевод на русский язык Нестеровича». Ф. 772, Оп. 1, Д. 591 «Сходство и различие между Восточною и Западною церковью или мысли о соединении с римско-католической церковью отступившей от нее греческой».

2. СПФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской академии наук. Ф. 88, Оп. 1, Д. 51 Документы Ф. И. Круга.

CC BY

Литература

1. *Библиотека* для чтения. — Санкт-Петербург : В типографии вдовы Плюшар с сыном, 1825. — Т. 13. — 525 с.

2. *Дмитриева Е. Е.* Судьбы драматургии Августа Коцебу в России / Е. Е. Дмитриева // Из истории русской переводной художественной литературы. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 464 с. — ISBN 978-5-4469-1194-3.

3. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — Т. 13. — 760 с. — ISBN 5-9551-0038-5.

4. *Заиченко О. В.* Август фон Коцебу : история политического убийства / О. В. Заиченко // Новая и Новейшая история. — 2013. — № 2. — С. 177—191.

5. *Корф М. А.* История издания в русском переводе сочинения Коцебу «Свитригайло, Великий Князь Литовский» / М. А. Корф // Русский архив. — 1869. — Выпуск 4. — С. 613—628.

6. *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской / А. Коцебу. — Санкт-Петербург : В типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1835. — 236 с.

7. *Мельникова С. И.* Коцебу в России / С. И. Мельникова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская Академия театрального искусства, 2005. — 216 с. — ISBN 5-88689-020-3.

8. *Карлина Р. Г.* «Иван Нестерович и его рукопись японо-русского словаря» / Р. Г. Карлина // Письменные памятники Востока. Историко-филологическое исследование. Ежегодник 1972. — Москва : Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 224—230.

9. *Сенковский О. И.* Собрание сочинений / О. И. Сенковский. — Санкт-Петербург : Издательство А. Смирдина, 1859. — Т. 6. — 631 с.

10. *Coleman A.* Kotzebue in tschechischer Übertragung / A. Coleman // Zeitschrift für Slavische Philologie. — 1934. — Vol. 11. — № 1/2. — Pp. 54—72.

11. *Gosch M.* “Translaters” of Kotzebue in England / M. Gosch // Monatshefte für Deutschen Unterricht. — 1939. — Vol. 31. — № 4. — Pp. 175—183.

12. *Memoires* de L’Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg». — St. Pétersbourg, 1822. — T. VIII. — S. 46—47.

13. *Schneider F.* Kotzebue en España : Apuntes Bibliográficos e Históricos / F. Schneider // Modern Philology. — 1927. — Vol. 25. — № 2. — Pp. 179—194.

14. *Williamson G.* Thought Is in Itself a Dangerous Operation : The Campaign Against “Revolutionary Machinations” in Germany, 1819—1828 / G. Williamson // German Studies Review. — 2015. — Vol. 38. — № 2. — Pp. 285—306.

15. *Williamson G.* What Killed August von Kotzebue? The Temptations of Virtue and the Political Theology of German Nationalism, 1789—1819 / G. Williamson // The Journal of Modern History. — 2000. — Vol. 72. — № 4. — Pp. 890—943.

Material resources

Russian State Historical Archive F. 772, Op. 1, d. 115 “The case of the revision and resolution of the Papal bulls banned in 1820 for printing, attached to the book by A. Kotsebu “Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania”, translated into Russian by Nesterovich”. F. 772, Op. 1, d. 591 “The similarity and difference between the Eastern and Western Churches, or thoughts of union with the Roman Catholic Church of the Greek apostate from it”. (In Russ.).

St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 88, Op. 1, D. 51 Documents of F. I. Krug. (In Russ.).

References

Coleman, A. (1934). Kotzebue in tschechischer Übertragung. *Zeitschrift für Slavische Philologie, 11 (1/2):* 54—72. (In Germ.).

Dmitrieva, E. E. (2017). The fate of August Kotzebue's dramaturgy in Russia. In: *From the history of Russian translated fiction.* St. Petersburg: Nestor-History. 464 p. ISBN 978-5-4469-1194-3. (In Russ.).

Gosch, M. (1939). "Translaters" of Kotzebue in England. *Monatshefte für Deutschen Unterricht, 31 (4):* 175—183.

Karlina, R. G. (1977). "Ivan Nesterovich and his manuscript of the Japanese-Russian dictionary". In": *Written monuments of the East. Historical and philological research. Yearbook 1972.* Moscow: Nauka, GRVL. 224—230. (In Russ.).

Korf, M. A. (1869). The history of the publication in the Russian translation of Kotzebue's work "Svitrigailo, the Grand Duke of Lithuania". *Russian Archive, 4:* 613—628. (In Russ.).

Kotsebu, A. (1835). *Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania, or Supplement to the Histories of Lithuanian, Russian, Polish and Prussian.* St. Petersburg: In the printing house of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs. 236 p. (In Russ.).

Library for reading, 13. (1825). St. Petersburg: In the printing house of the widow Plyushar with her son. 525 p. (In Russ.).

Melnikova, S. I. (2005). *Kotsebu in Russia.* St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Theater Arts. 216 p. ISBN 5-88689-020-3. (In Russ.).

Memoires de L'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», VIII. (1822). St. Pétersbourg. 46—47. (In Franc.).

Schneider, F. (1927). Kotzebue en España: Apuntes Bibliográficos e Históricos. *Modern Philology, 25 (2):* 179—194. (In Spain.).

Senkovsky, O. I. (1859). *Collected works, 6.* St. Petersburg: A. Smirdin Publishing House. 631 p. (In Russ.).

Williamson, G. (2015). Thought Is in Itself a Dangerous Operation: The Campaign Against "Revolutionary Machinations" in Germany, 1819—1828. *German Studies Review, 38 (2):* 285—306.

Williamson, G. (2000). What Killed August von Kotzebue? The Temptations of Virtue and the Political Theology of German Nationalism, 1789—1819. *The Journal of Modern History, 72 (4):* 890—943.

Zaichenko, O. V. (2013). August von Kotzebue: the history of political murder. *New and Modern history. Russian Russian Archive, 2:* 177—191. (In Russ.).

Zhukovsky, V. A. (2004). *Complete works and letters: in 20 volumes, 13.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 760 p. ISBN 5-9551-0038-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.07.2022,
одобрена после рецензирования 01.08.2022,
подготовлена к публикации 22.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сердечная В. В. Переводческие принципы Вадима Шершеневича и их реализация в переводах драматургии Уильяма Шекспира: «Король Джон» и «Цимбелин» / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 315—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-315-333.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2022). Translation Principles of Vadim Shershenevich and Their Implementation in Translations of Playwrights of William Shakespeare: "King John" and "Cymbeline". *Nauchnyi dialog, 11(6):* 315-333. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-315-333. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-315-333

Переводческие принципы Вадима Шершеневича и их реализация в переводах драматургии Уильяма Шекспира: «Король Джон» и «Цимбелин»

Сердечная Вера Владимировна [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
перевода и переводоведения
ivb40@yandex.ru

[1] Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
[2] Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Translation Principles of Vadim Shershenevich and Their Implementation in Translations of Playwrights of William Shakespeare: "King John" and "Cymbeline"

Vera V. Serdechnaya [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
ivb40@yandex.ru

[1] Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
[2] Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 "Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)"

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению переводческой рецепции творчества Уильяма Шекспира в наследии Вадима Шершеневича (1893—1942) в контексте его авторских переводческих стратегий. Новизна исследования связана с выявлением переводческих стратегий Шершеневича как приверженца «точного перевода», с воссозданием истории переводческих достижений поэта в области шекспирианы. Авторы осмысливают сохранившийся в фондах РГАЛИ доклад Шершеневича о принципах перевода Шекспира и анализируют применение этих принципов (эквилинеарность, эквиритмичность, сохранение рифмовки и образной структуры) в малоизвестном переводе хроники «Король Джон» и в переводе пьесы «Цимбелин». Поднимается вопрос о двух основных переводческих стратегиях в отношении Шекспира у Шершеневича: точный перевод (в исследуемых текстах) и вольная адаптация текстов для сцены, отвечающая авангардному пониманию театра как искусства, развивающегося вне прямой зависимости от литературы (когда он работает с Шекспиром как либреттист, в частности, участвуя в создании комической оперы «Близнецы» по мотивам «Двенадцатой ночи» Шекспира). Актуальность исследования связана с необходимостью переосмысления объема и значимости шекспировской рецепции в культуре Серебряного века.

Ключевые слова:
Вадим Шершеневич; Уильям Шекспир; Король Джон; Цимбелин; переводческие стратегии; точный перевод; художественный перевод; рецепция Шекспира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to comprehension of the translational reception of William Shakespeare's work in the legacy of Vadim Shershenevich (1893—1942) in the context of his author's translation strategies. The novelty of the study is connected with the identification of Shershenevich's translation strategies as an adherent of "accurate translation", with the reconstruction of the history of the poet's translation achievements in the field of Shakespeariana. The authors comprehend Shershenevich's report on the principles of Shakespeare's translation, preserved in the Russian State Archive of Literature and Art funds, and analyze the application of these principles (equilinearity, equirhythm, preservation of rhyme and figurative structure) in the little-known translation of the chronicle "King John" and in the translation of the play "Cymbeline". The question is raised about Shershenevich's two main translation strategies in relation to Shakespeare: accurate translation (in the texts under study) and free adaptation of texts for the stage, corresponding to the avant-garde understanding of theater as an art that develops outside of direct dependence on literature (when he works with Shakespeare as a librettist, in particular, participating in the creation of the comic opera Gemini based on Shakespeare's Twelfth Night). The relevance of the study is related to the need to rethink the scope and significance of Shakespeare's reception in the culture of the Silver Age.

Key words:
Vadim Shershenevich; William Shakespeare; King John; Cymbeline; translation strategies; accurate translation; literary translation; Shakespeare reception.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82.091+821.161.1Шершеневич.032+82-122+821.111Shakespeare.03

Переводческие принципы Вадима Шершеневича и их реализация в переводах драматургии Уильяма Шекспира: «Король Джон» и «Цимбелин»

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Рецепция творчества Уильяма Шекспира в период русского Серебряного века представляет собой важнейшую страницу русско-английского межкультурного диалога. Значительным эстетико-идеологическим основанием для нового обращения к Шекспиру в Серебряном веке, в частности, было понимание романтизма как первоосновы символизма, наследующее романтическому категорическому переосмыслению творчества английского барда в европейской литературе.

Известны резонансные высказывания о Шекспире Льва Толстого [Толстой, 1906], мнения В. Брюсова, А. Белого, Д. Мережковского, А. В. Луначарского [Театр …, 1908], М. Горького; исследована роль Шекспира в творчестве А. Блока [см. Рыбникова, 1923; Зиннер, 1965, с. 758—762, 770—773]. Однако сравнительно малоисследованной осталась переводческая, критическая и творческая рецепция наследия Шекспира в творчестве других деятелей Серебряного века — тех, которые в советской шекспириане считались «декадентами различных толков» [Зиннер, 1965, с. 769].

Наряду с другими русскими переводчиками и исследователями в начале XX века серьезную роль в создании образа «русского Шекспира» сыграл поэт и переводчик, один из футуристов и основателей имажинизма Вадим Шершеневич (1893—1942); его вклад в русскую шекспириану до сих пор недооценен. Он переводил Шекспира, в частности, стал автором сценической версии «Ромео и Джульетты» в постановке Камерного театра, либретто комической оперы «Близнецы» в Московском театре оперетты, а также писал о шекспировских постановках как критик.

Предметом нашего исследования в данной статье становятся переводческие принципы Вадима Шершеневича, высказанные в неопубликованном докладе на Шекспировской конференции 1940 года, и его переводы пьес Шекспира «Король Джон» и «Цимбелин», выполненные в соответствии с принципами точного перевода.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования выступили неопубликованный доклад Вадима Шершеневича о его принципах перевода Шекспира, прочитанный на Шекспировской конференции в 1940 году, и два перевода Шершеневичем пьес Шекспира: опубликованный в 1941 году «Цимбелин» [Шекспир, 1941] и опубликованный в 2021 году «Король Джон» [Шекспир, 2021]: последние проанализированы в свете той переводческой концепции, которая изложена в докладе.

Цели исследования состоят в выявлении роли В. Шершеневича в переводческих шекспировских спорах 1930-х годов; в уточнении театральной востребованности его переводов; в переоценке его деятельности как практика художественного перевода, в том числе как переводчика Шекспира, а также как теоретика художественного перевода, близкого воззрениям «точной» школы перевода.

Большое внимание уделено архивным документам, позволяющим заполнить «белые пятна» в истории споров о переводе 1930-х годов, и введению в научный оборот новых фактов советской рецепции Шекспира, как литературно-критической, так и переводческой, и театральной.

Творчество В. Шершеневича как переводчика стало предметом специального исследования в работах В. А. Дроздкова, в частности, в его монографии [Дроздков, 2014] и в подготовленных им материалах к библиографии [Вадим Габриэлевич Шершеневич, 2019]; однако этот исследователь не рассматривал целенаправленно сохранившиеся шекспировские переводы Шершеневича, мало занимался театральной судьбой его текстов и не ставил себе целью сравнительный анализ переводческой теории, сформулированной Шершеневичем, и конкретной практики художественного перевода в творчестве данного поэта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Принципы переводческой работы В. Шершеневича и споры о принципах художественного перевода раннесоветской эпохи

Вадим Шершеневич прошел большой путь как поэт (футурист, затем имажинист), переводчик, театральный критик, либреттист. Он был человеком энциклопедических знаний; как однажды заметил Маяковский, «при социализме не будет существовать иллюстрированных журналов, а просто на столе будет лежать разрезанный Шершеневич и каждый может подходить и перелистывать его» [цит. по: Шершеневич, 1994, с. 20].

Шершеневич хорошо знал латынь, французский и немецкий языки: в частности, он изучал их в гимназии Л. И. Поливанова, учил немецкий на курсах и в течение двух семестров обучался в Мюнхенском университете. Он

CC BY

начал переводить Гейне с немецкого в 1910 году, а Гюйо с французского — уже в 1911-м [Дроздков, 2014, с. 110]. Шершеневич переводил много и активно, в частности, произведения французских поэтов (Рембо, Бодлера, Верхарна и многих других), классическую и романтическую драматургию (Корнель, Парни, Дюма, Гюго), теоретиков стиха (книга Ш. Вильдрака и Ж. Дюамеля «Теория свободного стиха»). Однако классовый подход к деятельности переводчика привел к тому, что он очень мало печатался, его поэтические переводы оказались недооценены и практически не доходили до читателя.

Госиздат препятствовал публикации «буржуазных писателей», в частности, переведенных Шершеневичем стихов французских символистов; так, в отзыве В. Фриче говорится: «В целом декадентские стихотворения Рембо, Лафорга и Кро представляют интерес разве только для специалистов — любителей поэзии» [Отзывы, 1929, л. 14]. Шершеневичу как поэту и как переводчику советские критики бросали упреки: «…рассудочный версификатор, издевательски нарушивший закономерную связь образов» [Перцов, 1925, с. 5]. Среди переводов Шершеневича в советские времена были опубликованы совсем немногие.

Почти полностью лишенный возможностей печататься, Шершеневич, однако, сумел применить свои знания иностранных языков в переводе пьес и музыкальной драматургии. Он отмечал в письме в ЦК ВКП(б) в 1938 году: «…сознав свои ошибки и не уме<я> перестроиться, я нашел в себе силы бросить поэзию. Я перешел на литературно-драматургическую работу» [Шершеневич, 1938, л. 1].

Как переводчик Шершеневич был сторонником точного перевода, а в качестве либреттиста занимался вольной адаптацией. Он оценивал свои быстрые опыты невысоко и с горечью писал: «…как это ни странно, работы, которые я делаю и делал сплеча, без любви, выезжая на одной технике, все это немедленно было реализовано. А то, что сделано “не за страх, а за совесть”, — все это заполняет ящики моего стола, и мне становится противно подходить к этому столу, потому что я чувствую, как от моих неиспользованных работ поднимается чуть ли не трупный запах. Мой стол — это кладбище моих бессонных ночей» [Там же]. «Бессонные ночи» занимали переводы, которые Шершеневич считал необходимым подчинить требованиям точности.

Свои принципы перевода Шершеневич формулирует в докладе «Проблемы перевода В. Шекспира»: прозвучал он на Шекспировской конференции, которая проходила в Москве с 31 января по 3 февраля 1940 года. К этому времени он адаптировал для сцены несколько произведений Шекспира («Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Двенадцатая ночь»), перевел «Короля Джона» и «Цимбелина».

CC BY

Шершеневич утверждает в своем докладе: необходимо сформулировать, что такое перевод и в чем заключается миссия переводчика, поскольку до сих пор это не выражено отчетливо. Он говорит о том, что до сих пор не разрешен вопрос: «что такое перевод?» и следующий из него — «как надо переводить?» [Шершеневич, 1940, л. 1].

В частности, он в образной форме описывает два крайних случая переводческих стратегий, предлагая образы «поэта-соперника» (по формуле Жуковского) и «поэта-гонца». Первый образ, по его оценке, не отвечает требованиям собственно перевода: «Поэт-переводчик может быть соперником поэта оригинала только тогда, когда он не переводит, а пишет “на тему”» [Там же]: таковы, в частности, переводы Пушкиным Парни.

Образ переводчика-«гонца» больше отвечает представлениям Шершеневича о должной переводческой стратегии: гонец «обязан точно донести до адресата слова его пославшего» [Там же]. Он упоминает, что таких «добровольцев»-послов для передачи Шекспира на русский существует немало, однако «послы» не всегда точны: «…послы слишком часто забывают о том, что они только послы, и, пользуясь тем, что народы и поколения, к которым они прибыли, не знают языка властелина, которого должны предоставить эти послы, — послы принимают позу некоего Хлестакова и говорят не столько от имени его величества, сколько от своего собственного <…>, послы начинают воображать, что короли они сами» [Там же]. А вольная передача послания, как заключает Шершеневич, — это насилие над оригиналом: «…передать вольно это почти всегда значит передать не только неточно, но и с обратным смыслом» [Там же]. Здесь он приводит несколько примеров имен «вольных» послов, призванных убедить в несостоятельности данной стратегии, объединяя их под именем условного Вейнберга.

Вспоминая о прошлой шекспировской конференции ВТО 1939 года, Шершеневич упоминает о А. Д. Радловой, которая, при всех стилистических огрехах ее переводов, все же стремилась к точности. Он сравнивает переводы с музыкой: неточные, но благозвучные напоминают ему Кальмана, в то время как более точные переводы, ассоциируемые в контексте с переводами Радловой, похожи на сложную музыку Бетховена, — и далее утверждает: «…легкая запоминаемость это почти всегда признак пошлости» [Там же, л. 2].

Таким образом, Шершеневич выступает как сторонник точного перевода, максимального близкого к оригиналу и передающего особенности его лексики, образной системы, стиха; как отмечает В. А. Дроздков, он был сторонником перевода, «точного в том смысле, что читатель перевода воспринимает его так, как он воспринял бы подлинник, если язык, на котором его создали, он знал бы как свой родной» [Дроздков, 2014, с. 470].

CC BY

Среди наиболее важных принципов перевода Шекспира Шершеневич называет в докладе несколько:

— строгую эквилинеарность (здесь он вступает в спор с Чуковским, допускавшим небольшое отступление от принципа) и эквиритмичность;

— недопущение искажения стиля перевода с помощью добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов: «…весь этот стиль присюсюкивания с целью сделать перевод “красивеньким” очень напоминает романы Чарской и Задушевное слово» [Шершеневич, 1940, л. 3];

— недопущение замены шекспировской образности стандартными выражениями: «…для мнимой красивости — Шекспир украшается псевдокрасивыми, надсоновскими эпитетами <…>; тут важно, что эпитеты подбираются не шекспировские, а именно свои, те, которые обычно говорит “тетя Соня”» [Там же, л. 3—4];

— требование соблюдения шекспировского стиля, со всеми его шероховатостями, иначе «в сером языке, каким Шекспир не писал никогда, в однообразном выборе однообразных слов, от которых самого Шекспира затошнило бы, — тягуче ползут строки» [Там же, л. 4];

— соблюдение рифмовки и стремление сохранить оригинальность рифмы;

— недопущение упрощения мыслей, образов и идей Шекспира.

Кроме того, важный индивидуальный принцип перевода Шершеневич формулирует во вступительной статье к переводу «Цветов Зла» Ш. Бодлера: «Всякий лирический перевод не имеет конца <...> и должен подвергаться исправлениям до конца жизни переводчика» [Шершеневич, 2017, с. 5], — и в статье по поводу перевода «Войны богов» Э. Парни: «Работа перевода поэмы не кончается с переводом последней строки, даже с десятой отделкой ее; исправлять такую работу надо до самой смерти переводчика» [Шершеневич, 1939, л. 10]. Таким образом, он настаивает на «неокончательности» перевода, на том, что перевод может улучшаться бесконечно.

Как отмечал в обзоре шекспировской конференции 1940 года в журнале «Театр» некий К. Т-ский, Шершеневич на ней выступил «с формалистическими признаниями <…>, попросту заявил конференции, что вся соль вопроса о художественном переводе — в его эквиритмии и эквилинеарности» [Т-ский, 1940, с. 145].

Как последовательный сторонник точного перевода, Шершеневич оказался солидарен с другими ревнителями переводческой точности, такими как Г. Шенгели, А. Радлова, Г. Шпет, Е. Ланн. Однако в нарождающемся советском переводоведении и в переводческой практике начиная с 1930-х годов постепенно утверждались принципы «простоты, понятности и привычности языка» переводчика [Азов, 2013, с. 60], то есть перевод стал

CC BY

ориентирован не столько на передачу стилистических и формальных тонкостей оригинала, сколько на вкус читающей публики: «В переводе всё больше и больше полагалось ориентироваться на советского читателя, а не на зарубежного автора» [Азов, 2013, с. 60]. Сторонники «излишне» точного перевода осуждались как «буквалисты» и «формалисты».

Такая критика выпала и на долю Шершеневича. В архиве поэта есть отзывы о нескольких его переводах, где вначале рецензенты высоко оценивают стремление переводчика близко передать оригинал, а затем утверждают, что такое стремление оказывается в ущерб русскому звучанию стихов. Даже опубликованные переводы подвергались такой критике. Так, Я. Рецкер писал о переводе драмы В. Гюго «Марьон де Лорм», напечатанном в издательстве «Искусство»: «Казалось бы, В. Шершеневич избрал единственно правильную установку на точное воспроизведение подлинника. Но буквальная передача иноязычных форм и образных выражений и некритическое подчас отношение к деталям — это ложно понятая точность. Такая точность в данном случае и привела к противоположным результатам: классические образцы поэзии Гюго нашли искаженное отражение в переводе <…>. Едва ли малый тираж может служить извинением для редактора С. Данилина и издательства, выпустившего сырую работу» [Рецкер, 1940, с. 5].

Несправедливо низкая оценка Шершеневича как переводчика стала с тех пор общепринятой. Так, А. Казаркин пишет в 1988 году: «Нельзя представить себе поэта прошлого (скажем, Овидия, Данте, Шекспира) в переложении Бурлюка или Крученых, как, впрочем, и В. Шершеневича» [Казаркин, 1988, с. 446]. Ознакомление русского читателя с Шершеневичем-переводчиком происходит довольно медленно, многие переводы стали библиографической редкостью или просто не опубликованы.

Шершеневич не случайно сформулировал свои переводческие принципы именно в применении к Шекспиру: этот автор был объектом его внимания на протяжении многих лет. В частности, перевод «Ромео и Джульетты» на рубеже 1910—1920-х годов стал одним из первых обращений Шершеневича к переводам драматургии, а выход перевода «Цимбелина» в начале 1940-х — одной из немногих публикаций его переводов в советскую эпоху.

Шершеневич страстно восклицает, что в русской культуре сложилась целая традиция искажений Шекспира. В частности, он упрекает переводчиков в многословии: «…я нашел с трудом 5—6 переводов, не забременевших болтологией переводчиков» [Шершеневич, 1940, л. 3]; это многословие становится, в свою очередь, причиной разрастания объемов перевода и того, что Шекспира безжалостно сокращают в театре: «…и так достаточно большие пьесы Шекспира неизбежно подвергаются вивисекции при постановке, и в результате вымарываются просто “невыигрышные” места,

CC BY

иногда очень важные для пьесы. Достаточно сказать, что мы никогда не имели неизрезанного Гамлета, и в результате вместе с Полонием погибает и смысл пьесы» [Там же, л. 2].

Шершеневич не без оснований винит переводчиков в стилистической правке Шекспира, который становится у них «великим Шекспирчиком» с помощью добавлений слащавых эпитетов [Там же, л. 3]. Сюда же относится и придание Шекспиру мнимой изысканности, что приводит к упрощению и опошлению авторского стиля. Говоря обо всем этом, Шершеневич заступается за Радлову: «Право, лучше любая “грубость” Радловой, чем эдакое причесывание а ля бебе!» [Там же, л. 4]. И далее Шершеневич приводит множество примеров отступления от образной и идейной системы оригинала, обвиняя складывающуюся традицию упрощения Шекспира, его сведéния к общепринятой лексике, фразеологии, к простой красивости.

3.2. «Король Джон»: малоизвестный перевод шекспировской хроники

Во второй половине 1930-х годов В. Г. Шершеневич выполнил перевод шекспировской хроники «Король Джон». Этот перевод не был издан при жизни Шершеневича и остался малоизвестным, однако он представляет собой претворение в жизнь его принципов как сторонника школы точного перевода. Перевод был издан только в 2021 году [Шекспир, 2021].

В опубликованной Д. Н. Жаткиным машинописной версии перевода очевидна продолжающаяся работа поэта над различными переводческими решениями, побуждавшая к многочисленным исправлениям. Кроме того, несомненно, что для передачи краткого английского слова и энергичного синтаксиса Шершеневич ищет лаконичных и естественных выражений на русском. Вероятно, он уже размышляет над принципами перевода и избегает, в частности, нередкой в отечественной традиции русификации имен и реалий, в то же время не слишком увлекаясь экзотизмами.

Примечания и заметки Шершеневича в машинописи показывают, что он напряженно работает над текстом, сравнивая его с другими существовавшими переводами и объясняя некоторые переводческие решения: например, на архивной копии есть надписи рукой Шершеневича «У Дружинина иначе» [Там же, с. 349], «Почему в советском переводе в этом монологе 11 строк?» [Там же] и др. Он сравнивал свой перевод, как следует из рукописи, с более ранними переводами этой хроники на русский: Кетчера, Дружинина, Каншина, Бируковой (у Шершеневича фигурирует как «советский перевод»), — а также сверялся с немецким переводом Августа Шлегеля и примечаниями Пейна Кольера.

Шершеневич выказывает постоянное стремление к точности, обоснованию необходимости своего перевода на фоне переводов предшествен-

CC BY

ников: «У Дружинина эти строки почему-то пропущены» [Там же, с. 269]; «У Каншина совсем другое толкование» [Там же, с. 310]; «Дальше у Дружинина не то очень далеко, не то по другому тексту» [Там же, с. 327] и т. д.

Также Шершеневич размышляет о собственных переводческих решениях. Так, он пишет в примечании к строкам третьей картины четвертого акта пьесы: «В оригинале повторительная рифма. Она у меня никак не выходит» [Там же, с. 321], затем рассуждает об адекватности фонетического решения: «Что лучше: Губерт или Гьюберт?» [Там же, с. 323]. Интересно, что в примечаниях Шершеневича прослеживается ориентация на актерское чтение пьесы, то есть на ее постановку: «Какой из двух вариантов? Актерски верхний удобнее» [Там же. с. 337].

При создании перевода Шершеневич выбирает более современные и в то же время наиболее близкие к оригиналу наименования действующих лиц: так, в отличие от переводов Н. Ф. Кетчера, В. Д. Костомарова и Д. Е. Мина, он предлагает для передачи имени короля «Джон», а не «Иоанн»; размышляет над вариантами «Пемброк» и «Пембрук» и выбирает в итоге второй; «Queen Elinor» он передает в тексте как «Элеонора», «Phillip the Bastard» — просто «Филипп», и так далее.

В переводе реализованы принципы, характерные для Шершеневича-переводчика: внимание к деталям, строгая эквилинеарность и эквиритмичность, сохранение рифмовки оригинала (в данном случае — отдельные парные рифмы), а также внимание к образному строю и стилю оригинала. Так, в первой реплике пьесы (обращение к Шатильону) Шершеневич передает энергичную шекспировскую строку: «Now say, Chatillion, what would France with us?» [Shakespeare, 1911, p. 11] такой же лаконичной русской: «Посол! Скажи, что Франция желает?» [Шекспир, 2021, с. 239], в то время как в популярном переводе Дружинина — полторы строки: «Ну, Шатильон, чего от нас желает / Король французский?» [Шекспир, 1902, с. 8]. Ответный монолог Шатильона у Шекспира и у Шершеневича включает 9 строк, у Дружинина — 11, и так далее.

В своем докладе на Шекспировской конференции Шершеневич излагает, очевидно, свои давние размышления по поводу распространенного мнения о том, что краткость английских лексем мешает эквилинеарности и эквиритмичности перевода: «Утверждение, что английские слова короче русских, а потому невольно приходится увеличивать количество строк, — неверно и создано теми, кому лень (или кто не умеет) ужать свой перевод. Если верно то, что английское слово короче русского, то нельзя забывать и иного: в русском языке нет того количества служебных слов, которыми так богат английский язык. А эти два положения уравнивают если не длину слов, то длину фразы» [РГАЛИ, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 82, л. 2]. Таким

CC BY

образом, Шершеневич стремится к достижению лаконичности и точности выражения. По правке на машинописи очевидно, что он неутомимо искал новые варианты перевода шекспировских афоризмов.

Шершеневич как переводчик ищет ближайшие соответствия шекспировскому синтаксису и в то же время стремится к сохранению разговорной природы речи. Например, шекспировское «bear mine to him», когда Джон отвечает Шатильону в первой сцене первого акта, говоря о *defiance* (вызов), звучит «А мой — ему!» [Шершеневич, 2021, с. 240], то есть найдена предельно близкая структурно фраза. Однако Шершеневич не рабски следует грамматическому строю оригинала, а ориентируется на возможную естественность поэтической речи: при необходимости он меняет местами строки, подбирает синонимы и грамматические эквиваленты, стремясь сохранить, в качестве своеобразного лимита объема, эквилинеарность.

Приведем несколько примеров творческих удач Шершеневича как переводчика Шекспира — и его творческих поисков. Так, в последней сцене пьесы он передает строку Шекспира «You breathe these dead news in as dead an ear» [Shakespeare, 1902, p. 87] (*Ты вдыхаешь эти мертвые новости в настолько же мертвое ухо*) вначале как «О смерти весть ты мертвецу приносишь!», а затем правит эту строку на более точную: «Ты мертвому о смерти возвещаешь!» [Шекспир, 2021, с. 348].

Обращает на себя внимание строгое сохранение Шершеневичем количества строк и ритмической природы исходного текста, то есть пятистопного ямба. Кроме того, он стремится последовательно, не упрощая и без существенных замен, передавать образную структуру оригинального стиха.

Так, в последней сцене «Короля Джона» умирающий Джон говорит:

The tackle of my heart is crack’d and burn’d,
And all the shrouds wherewith my life should sail
Are turned to one thread, one little hair;
My heart hath one poor string to stay it by.
Which holds but till thy news be uttered [Shakespeare, 1902, p. 87].

Шершеневич предлагает следующий перевод:

Поломаны все снасти сердца, ванты
Тех парусов, что мчали жизнь мою,
Превращены в нить тонкую, как волос,
И держится на жалкой жиле сердце.
Весть скажешь мне — и жилу разорвешь [Шекспир, 2021, с. 348].

Очевидно, что в этой цепи метафор переводчику удалось сохранить большинство важных образов. Так, «the tackle of my heart» переданы точным выражением «снасти сердца»; «the shrouds wherewith my life should

CC BY

sail» — весьма близким «ванты / Тех парусов, что мчали жизнь мою», и эта метафора развивается с повторением образа истончившейся нити и волоса — единственной опоры сердца. А в переводе Дружинина, от которого часто отталкивался Шершеневич, второй образ оказывается существенно упрощен: «Тот канат, что держит жизнь мою» [Шекспир, 1902, с. 57], — с утратой коннотации жизни как плавания.

Так же стремится переводчик передать и следующую цепь метафор в 4-й сцене 5-го акта:

… this most fair occasion, by the which
We will untread the steps of damned flight,
And like a bated and retired flood.
Leaving our rankness and irregular course,
Stoop low within those bounds we have o'erlook'd,
And calmly run on in obedience,
Even to our ocean, to our great King John [Shakespeare, 1902, p. 82].

У Шершеневича, который сопровождает эти строки в машинописи примечанием «Тут расходятся все переводы; очевидно, есть ряд разночтений» [Шекспир, 2021, с. 341], получается достаточно точно передать цепь метафор:

Коль радостно не встретим этот случай
И не свернем с проклятого пути,
И, как прилив, что снова отступает
И уровень снижает вод своих,
Приобнажив водой залитый берег, —
Мы вновь втечем покорно в океан,
В твое русло — престол британский Джона [Там же].

Шекспировскому «damned flight» подобран перевод «проклятый путь», обороту «a bated and retired flood» — развернутое соответствие «прилив, что снова отступает / И уровень снижает вод своих»; эта метафора приводит к образу покорности вод перед океаном, которому соответствует король Джон (в то время как у Дружинина здесь сильные, но не слишком обоснованные образы: «Измены гниль оставя за собою», «Вступить смиренно в оскорбленный берег» [Шекспир, 1902, с. 54]).

Время от времени, однако, Шершеневич шел на обдуманные изменения, отход от дословного следования оригиналу; пожалуй, наиболее важное такое изменение — в финале перевода. У Шекспира — обобщение об Англии: «Nought shall make us rue, / If England to itself do rest but true» [Shakespeare, 1902, p. 89], Шершеневич же пишет: «Никто тебя не победит, страна, / Коль будешь ты сама себе верна!» [Шекспир, 2021, с. 350], и делает примечание: «Я допустил тут некоторый отход, дабы дать последний аккорд более об-

CC BY

щим, чем у Шекспира: об одной Англии» [Там же]. Если учесть время перевода (вторая половина 1930-х годов), стремление переводчика обобщить высказывание шекспировского героя выглядит особенно актуальным.

3.3. Перевод и публикация «Цимбелина»

Последним серьезным обращением к Шекспиру в жизни Шершеневича можно считать перевод «Цимбелина» в конце 1930-х. Вплоть до этого времени он вынужден пользоваться не оригиналом, а подстрочным переводом, на что сам указывает в записи от 15 февраля 1942 года: «Над Шекспиром работал с подстрочником» [цит. по: Дроздков, 2014, с. 110]. «Цимбелин» — сравнительно нечастый пример точного перевода Шершеневича, который был предназначен для сцены (чаще для театра он создавал легкие адаптации, такие как, например, «Близнецы» по мотивам «Двенадцатой ночи» Шекспира в Московском театре оперетты).

Шершеневич наследовал традиции перевода «Цимбелина»: прозаические переводы Н. Х. Кетчера (1877), Н. И. Шульгина (1880), П. А. Каншина (1893), поэтические — А. Н. Бородина (1840), Г. П. Данилевского (1851), Ф. Б. Миллера (1868), А. Л. Соколовского (1895).

Архивные данные дают возможность заключить, что обращение Шершеневича к «Цимбелину» могло начинаться так же, как и его перевод «Ромео и Джульетты» для Камерного театра: с правки предыдущего перевода. Сохранился режиссерский экземпляр «Цимбелина» Л. Л. Лукьянова, машинопись с ручной правкой; он, как мы выяснили, представляет собой дореволюционный перевод Ф. Б. Миллера с кардинально отредактированными фрагментами, причем почерк в ряде правок весьма схож с почерком В. Шершеневича [Шекспир, 1940]. Этот текст первоначально предназначался для постановки в Камерном театре, и можно предположить, что именно в результате этой редакторской работы зародилась идея полностью заново перевести пьесу для ее первой советской постановки. Символично, что в том же фонде Л. Л. Лукьянова сохранился перевод «Ромео и Джульетты» К. Д. Бальмонта [Шекспир, 1919] — тот самый, который должен был отредактировать Шершеневич, решивший сделать вместо редактуры новый перевод.

Режиссерскому экземпляру «Цимбелина» предшествует написанный рукой Л. Л. Лукьянова список актеров, которые должны были репетировать пьесу. Самого Цимбелина должны были играть Ушаков и Бубков, Имогену — Кузнецова и Иванова (в скобках указана также Тихомирова), Клотена — Васильев, Жилкин; Иоахима — Мягких, Ефимов; Постума — Ильчук, Яковлев; Пизанно — Козловский, Аносов; Гвидерия — Яковлев, Ильчук; Арвидага — Кудров, Мягких и др. [Шекспир, 1940, л. 1].

Пьеса была принята для постановки в Московский драматический театр имени Баумана (известный ранее как Первый рабочий передвижной театр).

CC BY

Его художественным руководителем с 1930 по 1941 год был Эммануил Краснянский, вспоминавший, что театр стремился ориентироваться на творческую практику МХАТа и систему Станиславского [Краснянский, 1967, с. 157—158].

В РГАЛИ сохранилось письмо Шершеневичу из Театра им. Баумана от 4 августа 1940 года, где говорится о том, что «Цимбелин» взят для постановки: «Извещаем Вас, что наш театр, ознакомившись с Вашим переводом “Цимбелина” Шекспира, принял этот перевод и включил его в план <…>. Просим пьесу никуда больше в Москве не давать до нашей премьеры и прислать нам Ваш окончательный вариант, отредактированный проф. М. М. Морозовым не позже 1-го октября с. г.» [Письмо Московского драматического театра, 1940, л. 1]. Здесь же указано, что Шершеневич отказался от авторского вознаграждения: «Что касается материальных условий, то, так как Вы сами сказали, что никакой суммы за право постановки Вы не требуете, — об них, очевидно, разговаривать не приходится» [Там же]. Письмо подписано худруком театра Э. Б. Краснянским и директором театра.

Не случайно театр был так внимателен к мнению М. М. Морозова. Как упоминал в своих мемуарах Краснянский, встречи с ним дали театру «много нужного, ценного, дорогого, значительного» [Краснянский, 1967, с. 182], повлияли на введение в репертуар классических произведений, в том числе и Шекспира: так, Театр имени Баумана ставил «Комедию ошибок».

В ноябре 1940 года в прессе сообщается, что Театр им. Баумана принял шекспировскую пьесу в переводе Шершеневича к постановке и что это «первая постановка “Цимбелина” на советской сцене» [Московская хроника, 1940, с. 4]. 4 марта 1941 года в ВТО проходят читка и обсуждение перевода «Цимбелина», выполненного Шершеневичем, о чем сообщает «Советское искусство» [Московская хроника, 1941, с. 4]. Но премьера не состоялась. Театр закрылся вскоре после начала войны. Как писал Краснянский, «в тревоге военных дней было вынесено решение о слиянии Бауманского и Замоскворецкого театров. Оба театра слились и вскоре перестали существовать» [Краснянский, 1967, с. 187].

Перевод Шершеневича, под редакцией М. М. Морозова, все же был опубликован [Шекспир, 1941]. Как отмечает В. А. Дроздков, «не исключено, что это произошло благодаря ходатайству <…> М. М. Морозова, который осуществил общую редакцию перевода и написал краткую справку и примечания» [Дроздков, 2014, с. 475]. Это одна из редких публикаций Шершеневича-переводчика и единственная, насколько нам известно, его прижизненная публикация перевода из Шекспира.

При обращении к «Цимбелину» Шершеневич также последовательно выступал с позиций точного перевода. Он отмечал в выступлении на Шекспировской конференции: «В отношении Шекспира расхлябанность

CC BY

перевода, значительный “припек” строк стал чем-то законным. Достаточно указать, что оригинал “Цимбелина” имеет 3070 строк, а перевод, напечатанный в Брокгаузе, — 5000 с лишним!» [Шершеневич, 1940, л. 2].

Важна отмеченная современным исследователем деталь: «В переводе русского имажиниста Вадима Шершеневича имя героини пьесы “Цимбелин” — в первый и единственный раз — звучит как Имоджена[1]. Русский имажинизм подписывается под Шекспировой теорией Воображения» [Макуренкова, 2010, с. 355]. Как отмечает С. Макуренкова, Шершеневич добавляет имя Имоджены даже там, где у Шекспира — местоимения или описательные выражения [Там же, с. 356—357].

Г. Шенгели высоко оценивает перевод «Цимбелина» в письме к Шершеневичу 1941 года: «Свободно, упруго: все время разговорно, и все время — стих. И еще один существенный момент: количество ударений на определённое число строк в 5-ст<опном> ямбе вообще довольно устойчиво, но все же варьирует; у меня много подсчетов; и вот, у всех обследованных авторов, в оригинальных и переводных пьесах, на 500 стр<ок> приходится от 1800 до 1980 ударений (а значит, слов, а значит, понятий). И только Пушкин дает 2010. У Вас, в “Цимбелине”, на первые 500 строк — 2018 (речь идет о метрических, “законных” ударениях). Пушкинская смысловая нагрузка! У Пастернака в “Гамлете” — 1943. Это может показаться педантством — все эти недочеты (читатель, а тем паче зритель, ведь не считает); но у меня глубокое убеждение, что этот момент небезразличен для восприятия: я всегда ощущал пятистопник Багрицкого как “жидковатый” (у него 1800), дающий меньше “умственных калорий”, чем надлежало бы» [Шенгели, 1941, л. 1].

Очевидно, что Шенгели, как и переводчик, рассматривал «Цимбелина» как материал для будущей постановки; так, он спрашивает в письме: «Где пойдет “Цимбелин”?» [Там же]. Однако постановка, как указано выше, так и не состоялась. В следующий раз в советской России «Цимбелин» был поставлен лишь в 1959 году в Театре им. Комиссаржевской в переводе П. В. Мелковой.

Как отмечает С. Макуренкова, созданный В. Шершеневичем на излете жизни перевод, который он еще успел увидеть изданным, стал его последним размышлением над природой не только и не столько имажинизма, который он создал как течение, но самого принципа воображения и фантазии как источника поэзии, так волновавшего еще романтиков: «Посреди серой пустыни беспамятства В. Шершеневич воссоздает полотно духовной жиз-

1 Здесь у С. Макуренковой неточность: как «Имоджена» имя героини звучит также в переводах П. А. Каншина, Г. П. Данилевского, «Иможена» — у Н. И. Шульгина и А. Л. Соколовского.

CC BY

ни, которая на его глазах, подобно Атлантиде, уходит в небытие» [Макуренкова, 2010, с. 363]. Как для любого талантливого поэта-переводчика, классик становится для него не просто объектом работы по интерпретации, но собеседником на самые важные и актуальные темы времени.

4. Заключение = Conclusions

Можно заключить, что В. Шершеневич, более известный как переводчик с французского и немецкого, находился в творческом диалоге с Шекспиром начиная с 1919 года, когда он впервые взялся за «Ромео и Джульетту» для Камерного театра, и до 1941-го, когда был опубликован «Цимбелин». Таким образом, не совсем справедливо указание В. Дродзкова, что «Шершеневич вернется к Шекспиру только в конце своей переводческой деятельности» [Дроздков, 2014, с. 466]: поэт и переводчик был в контакте с творчеством английского классика на протяжении всей творческой судьбы — не только как переводчик, но и как либреттист и театральный критик.

Переводы «Короля Джона» и «Цимбелина» были выполнены Шершеневичем в соответствии с его переводческими принципами: с соблюдением эквиритмичности и эквилинеарности, рифмовки, образного строя. Выступая с очевидными требованиями точности художественного перевода, внимания к оригиналу, Шершеневич, однако, оказался сторонником такой стратегии перевода, которая была признана «формалистской» и на долгие годы была оттеснена так называемым «реалистическим» переводом, на деле — переводом зачастую упрощающим.

Источники и принятые сокращения

1. *Отзывы* В. Я. Брюсова, А. С. Серафимовича и других писателей о произведениях художественной литературы, присланных в Госиздат для издания. 1929 // ГАРФ. — Ф. 395. — Оп. 9. — Ед. хр. 277.

2. *Письмо Московского драматического театра* имени Н. Баумана В. Г. Шершеневичу о постановке пьесы В. Шекспира “Цимбелин” в его переводе. 1940 // РГАЛИ. — Ф. 2145. — Оп. 1. — Ед. хр. 143. — 2 лл.

3. *Шекспир У.* «Ромео и Джульетта». Режиссерский экземпляр пьесы, поставленной в Московском Камерном театре. Машинопись с пометами Л. Л. Лукьянова и правкой К. Д. Бальмонта. 1919 / У. Шекспир // РГАЛИ. — Ф. 2700. — Оп. 1. — Ед. хр. 2. — 82 лл.

4. *Шекспир У.* Цимбелин. Режиссерский экземпляр пьесы У. Шекспира, намечавшейся к поставке в Московском Камерном театре. Приложен список действующих лиц и исполнителей. 1940 / У. Шекспир // РГАЛИ. — Ф. 2700. — Оп. 1. — Ед. хр. 6. — 114 лл.

5. *Шенгели Г. А.* Письма к В. Г. Шершеневичу. 1941 / Г. А. Шенгели // РГАЛИ. — Ф. 2145. — Оп. 1. — Ед. хр. 114. — 2 лл.

6. *Шершеневич В. Г.* Война богов. Перевод поэмы Э. Парни «Война древних и новых богов» с французского языка (1-ый вариант) с приложением предисловия и примечаний переводчика. 1939 / В. Г. Шершеневич // РГАЛИ — Ф. 2145. — Оп. 1. — Ед. хр. 10. — 93 лл.

7. *Шершеневич В. Г.* [«Проблема перевода В. Шекспира»]. Выступление на Шекспировской конференции. 1940 / В. Г. Шершеневич // РГАЛИ. — Ф. 2145. — Оп. 1. — Ед. хр. 82. — 7 лл.

8. *Шершеневич В. Г.* Письмо в Культурно-просветительный отдел ЦК ВКП(б) о литературно-драматургической работе. 1938 / В. Г. Шершеневич // РГАЛИ. — Ф. 2145. — Оп. 1. — Ед. хр. 101. — 1 л.

Литература

1. *Азов А.* Поверженные буквалисты : Из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы / А. Азов. — Москва : ВШЭ, 2013. — 304 с. — ISBN 978-5-7598-1065-0.

2. *Дроздков В. А.* Dum spiro spero : О Вадиме Шершеневиче, и не только : Статьи, разыскания, публикации / В. А. Дроздков. — Москва : Водолей, 2014. — 800 с. — ISBN 978-5-91763-192-9.

3. *Зиннер Э. П.* Между двумя революциями / Э. П. Зиннер // Шекспир и русская культура / Отв. ред. М. П. Алексеев. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — С. 734—783.

4. *Казаркин А.* Живое единство / А. Казаркин // Страницы русской поэзии (20—30-е годы) / Сост. А. Ф. Кошляк, А. П. Баронас. — Томск : Томский университет, 1988. — С. 440—453.

5. *Краснянский Э.* Встречи в пути. Страницы воспоминаний. Театр. Эстрада. Цирк / Э. Краснянский. — Москва : ВТО, 1967. — 360 с.

6. *Макуренкова С.* Что общего между имажинизмом и Имодженой : О переводе пьесы «Цимбелин» В. Шершеневичем / С. Макуренкова // Шекспировские чтения. 2010. – Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2010. — С. 353—363.

7. *Перцов В.* По литературным водоразделам / В. Перцов // Жизнь искусства. — 1925. — № 43. — С. 5—7.

8. *Рецкер Я.* Новый перевод «Марьон де Лорм» / Я. Рецкер // Литературная газета. — 1940. — 15 сентября. — № 48 (899). — С. 5.

9. *Рыбникова М. А.* А. Блок — Гамлет / М. А. Рыбникова. — Москва : Светлана, 1923. — 82 с.

10. *Театр*. Книга о новом театре : Сборник статей. — Санкт-Петербург : Шиповник, 1908. — 289 с.

11. *Толстой Л. Н.* О Шекспире и драме / Л. Н. Толстой // Русское слово. — 1906. — №№ 277—282, 285 (12, 14—18, 23 ноября).

12. *Т-ский К.* Как переводить Шекспира : [О конференции, организованной Шекспировским кабинетом Всероссийского театрального общества и секцией переводчиков Союза советских писателей] / К. Т-ский // Театр. — 1940. — № 3. — С. 142—146.

13. *Шекспир У.* Король Джон : пер. с англ. В. Г. Шершеневича / У. Шекспир // Вступительная статья, подготовка текста и публикация Д. Н. Жаткина // Художественный перевод и сравнительное литературоведение — XV : Сб. научных трудов. — Москва : Флинта, 2021. — С. 235—350. — ISBN 978-5-9765-4552-6.

14. *Шекспир В.* Собрание сочинений : в 5 томах / В. Шекспир. — Санкт-Петербург : Издательство Брокгауза и Ефрона, 1902. — Т. 2. — 587 с.

15. *Шекспир В.* Цимбелин : Драма в 5 действиях / В. Шекспир ; Пер. В. Г. Шершеневича ; общ. редакция, крат. справка и примечания М. М. Морозова. — Москва — Ленинград : Искусство, 1941. — 182 с.

16. *Шершеневич В. Г.* Ангел Катастроф / В. Г. Шершеневич. — Москва : Независимая служба мира, 1994. — 162 с. — ISBN 5-86148-008-7.

17. *Шершеневич В. Г.* Предисловие переводчика / В. Г. Шершеневич // Бодлер Ш. Цветы Зла ; Перевод Вадима Шершеневича. — Москва : Водолей, 2017. — С. 5—8. — ISBN 978-5-91763-361-9.

18. *Shakespeare W.* The Complete Works in Nine Volumes / W. Shakespeare. — Oxford University Press, 1911. — Vol. IV. — 400 p.

Material resources

A letter from the Bauman Moscow Drama Theater to V. G. Shershenevich about the staging of V. Shakespeare's play "Cymbeline" in his translation. 1940. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 143. 2 ll.* (In Russ.).

Reviews by V. Y. Bryusov, A. S. Serafimovich and other writers about works of fiction sent to the State Publishing House for publication. 1929. In: *GARF. F. 395. Op. 9. Ed. hr. 277.* (In Russ.).

Shakespeare, W. Cymbeline. A director's copy of the play by W. Shakespeare, scheduled for delivery at the Moscow Chamber Theater. Attached is a list of actors and performers. 1940. In: *RGALI. F. 2700. Op. 1. Ed. hr. 6. 114 ll.* (In Russ.).

Shakespeare, W. "Romeo and Juliet". A director's copy of a play staged at the Moscow Chamber Theater. Typescript with notes by L. L. Lukyanov and editing by K. D. Balmont. 1919. In: *RGALI. F. 2700. Op. 1. Ed. hr. 2. 82 ll.* (In Russ.).

Shengeli, G. A. Letters to V. G. Shershenevich. 1941. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 114. 2 ll.* (In Russ.).

Shershenevich, V. G. (1938). Letter to the Cultural and Educational Department of the Central Committee of the CPSU (b) about literary and dramatic work. 1938. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 101. 1 l.* (In Russ.).

Shershenevich, V. G. (1939). The War of the Gods. Translation of the poem by E. Guys "The War of the Ancient and New Gods" from French (1st version) with an appendix of the preface and translator's notes. 1939. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 10. 93 ll.* (In Russ.).

Shershenevich, V. G. (1940). ["The problem of V. Shakespeare's translation"]. Speech at the Shakespeare Conference. 1940. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 82. 7 ll.* (In Russ.).

References

Azov, A. (2013). *Defeated Literalists: From the history of literary translation in the USSR in the 1920s—1960s.* Moscow: HSE. 304 p. ISBN 978-5-7598-1065-0. (In Russ.).

Drozdkov, V. A. (2014). *Dum spiro spero: About Vadim Shershenevich, and not only: Articles, searches, publications.* Moscow: Aquarius. 800 p. ISBN 978-5-91763-192-9. (In Russ.).

Kazarkin, A. (1988). Zhivoe oneness. In: *Pages of Russian poetry (20—30-ies).* Tomsk: Tomsk University. 440—453. (In Russ.).

Krasniansky, E. (1967). *Meetings on the way. Pages of memories. Theatre. Bandstand. Circus.* Moscow: WTO. 360 p. (In Russ.).

Makurenkova, S. (2010). What is common between imagism and Imogen: On the translation of the play "Cymbeline" by V. Shershenevich. In: *Shakespeare Readings. 2010.* Moscow: Publishing House of the Moscow Humanitarian University. 353—363. (In Russ.).

Pertsov, V. (1925). According to literary watersheds. *Life of Art, 43:* 5—7. (In Russ.).
Retsker, Ya. (1940). A new translation of "Marion de Lorme". *Literaturnaya gazeta. September 15, 48 (899):* 5. (In Russ.).
Rybnikova, M. A. (1923). *A. Blok — Hamlet.* Moscow: Svetlana. 82 p. (In Russ.).
Shakespeare, V. (1902). *Collected works: In 5 volumes, 2.* St. Petersburg: Brockhaus and Efron Publishing House. 587 p. (In Russ.).
Shakespeare, W. (1911). *The Complete Works in Nine Volumes, IV.* Oxford University Press. 400 p.
Shakespeare, V. (1941). *Cymbelin: Drama in 5 acts.* Moscow — Leningrad: Iskusstvo. 182 p. (In Russ.).
Shakespeare, W. (2021). King John: translated from the English by V. G. Shershenevich. In: Introductory article, text preparation and publication by D. N. Zhatkin. In: *Literary translation and comparative literary studies — XV: Collection of scientific papers.* Moscow: Flint. 235—350. ISBN 978-5-9765-4552-6. (In Russ.).
Shershenevich, V. G. (1994). *Angel of Catastrophes.* Moscow: Independent Peace Service. 162 p. ISBN 5-86148-008-7. (In Russ.).
Shershenevich, V. G. (2017). Translator's preface. In: *Baudelaire Sh. Flowers of Evil.* Moscow: Aquarius. 5—8. ISBN 978-5-91763-361-9. (In Russ.).
Theater. A book about the new theater: A collection of articles. (1908). St. Petersburg: Rosehip. 289 p. (In Russ.).
Tolstoy, L. N. (1906). About Shakespeare and drama. *Russian word, №№ 277—282, 285 (12, 14—18, 23 November).* (In Russ.).
T-skiy, K. (1940). How to translate Shakespeare: [About the conference organized by the Shakespeare Cabinet of the All-Russian Theater Society and the section of translators of the Union of Soviet Writers]. *Theater, 3:* 142—146. (In Russ.).
Zinner, E. P. (1965). Between two revolutions. In: *Shakespeare and Russian culture.* Moscow — Leningrad: Nauka. 734—783. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 22.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Уртминцева М. Г. Закадровый текст в документальном кинодискурсе / М. Г. Уртминцева, В. Н. Скачкова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 334—349. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-334-349.

Urtmintseva, M. G., Skachkova, V. N. (2022). Voice-Over Text in Documentary Film Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 334-349. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-334-349. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-334-349

Закадровый текст в документальном кинодискурсе

Уртминцева Марина Генриховна
orcid.org/0000-0001-5198-4116
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой славянской
филологии и культуры
urtminzeva@yandex.ru

Скачкова Виктория Николаевна
orcid.org/0000-0001-8408-2573
аспирант кафедры славянской
филологии и культуры
bossvikoss@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Voice-Over Text in Documentary Film Discourse

Marina G. Urtmintseva
orcid.org/0000-0001-5198-4116
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Slavic Philology and Culture
urtminzeva@yandex.ru

Victoria N. Skachkova
orcid.org/: 0000-0001-8408-2573
Post-graduate student, Department
of Slavic Philology and Culture
bossvikoss@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Уртминцева М. Г., Скачкова В. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике функций закадрового текста как способа воплощения кинодискурса документального фильма, воссоздающего образ М. Горького последних десяти лет жизни. Материалом исследования стала переписка М. Горького 1924—1927 годов с писателями, где обсуждалось его отношение к преобразованиям в Советском союзе и работа над повестью «Жизнь Клима Самгина». Проведена работа по расшифровке звучащего закадрового текста, установлены адресаты писем, датировка переписки, проведено сравнение включенных в закадровый текст фрагментов с полным текстом писем. Доказано, что закадровый текст, в истории документального кино рассматриваемый как вспомогательный элемент видеоряда, в фильме С. Арановича и Б. Добродеева выступает в функции основного смыслообразующего элемента повествования, построенного по принципу монтажа фрагментов эпистолярия, компоновки их по проблемно-тематическому принципу с нарушением хронологии переписки. Важнейшая особенность документального дискурса фильма — объединение в пределах одного эпизода фрагментов цитат из писем М. Горького разным адресатам, что продиктовано авторской концепцией образа писателя как трагической личности, оказавшейся заложником созданного о нем мифа как пролетарского писателя, защитника большевистской идеологии.

Ключевые слова:
Максим Горький; закадровый текст; документальный фильм; дискурс; эпистолярий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the characteristics of the voice-over text functions as a way to embody the film discourse of a documentary film that recreates the image of M. Gorky during the last ten years of his life. The material of the study was the correspondence of M. Gorky in 1924–1927 with writers, where his attitude to the transformations in the Soviet Union and work on the story “The Life of Klim Samgin” were discussed. In order to restore the amount of material underlying the script, work was carried out to decipher the sounding voice-over text, the addressees of the letters, the dating of the correspondence were established, and the fragments included in the voice-over text were compared with the full text of the letters. As a result of the study, it was proved that the voice-over text, considered in the history of documentary cinema as an auxiliary element of the video sequence, in the film by S. Aranovich and B. Dobrodeev acts as the main semantic element of the narrative, built on the principle of editing fragments of the epistolary, arranging them according to the problem-thematic principle with a violation of the chronology of correspondence. The most important feature of the documentary discourse of the film is the combination within one episode of fragments of quotations from M. Gorky’s letters to different addressees, which is dictated by the author’s concept of the image of the writer as a tragic personality who turned out to be a hostage of the myth created about him as a proletarian writer, a defender of the Bolshevik ideology.

Key words:
Maxim Gorky; voice-over text; documentary; discourse; epistolary.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82-293.7

Закадровый текст в документальном кинодискурсе

© Уртминцева М. Г., Скачкова В. Н., 2022

1. Введение = Introduction

В теории современного неигрового кино закадровый текст рассматривается как устаревший прием [Трусевич, 2019, с. 11], однако для своей исторической эпохи, эпохи 40—60-х годов, это был, безусловно, новаторский прием, творчески используемый автором сценария и режиссером. Об этом свидетельствует документальный фильм С. Арановича и Б. Добродеева «Максим Горький. Последние годы (1926—1936)», созданный на киностудии «Леннаучфильм» в 1967 году и положенный «на полку» на долгие двадцать два года, именно потому, что смысл звучащего за кадром текста вступал в противоречие с пафосом видеоряда. Кинодискурс как разновидность связного текста, сопровождавшего изображение, не только выполнял функцию «семиотизации исторического события» [Дымарский, 2006, с. 28], но и демонстрировал его порождение в речевой (эпистолярной) деятельности писателя. Как отмечает современный исследователь, этот документальный фильм серьезно отличается от «многочисленных “официальных” юбилейных фильмов этого периода» тем, что Горький показан на закате жизни «как философ и глубокий пессимист» [Плотникова, 2018, с. 122].

История рождения замысла и создания сценария фильма подробно изложена в материалах воспоминаний Б. Добродеева, опубликованных в конце 2000 года на страницах журнала «Искусство кино» [Добродеев, 2000]. В воспоминаниях сценариста отражена концепция фильма, в котором закадровый текст, представляющий синтез материалов из разных источников — писем М. Горького, воспоминаний современников, фрагмента выступления писателя на Первом съезде советских писателей, выполняет по отношению к кадрам кинохроники (встречи Горького на Белорусском вокзале 1928 году, посещения Куряжской колонии, гибели самолета «Максим Горький», хроникальных съемок Горького в кругу семьи, его единственной встречи с Роменом Ролланом) гораздо более сложную задачу, чем простое комментирование фотоизображений и движущихся планов. Главной задачей закадрового текста, согласно концепции сценариста, становится заострение внимания зрителя на той духовной драме, которую переживает писатель в последнее десятилетие жизни. Достоверность образа М. Горького, каким он предстает в закадровом тексте, во многом достигается использованием «фигуры умолчания», когда авторы фильма касаются «не-

CC BY

удобных» подробностей биографии писателя, о которых долгое время не принято было говорить прямо: о причинах разрыва Горького с Андреевой, смерти сына Максима, о том, почему Горький так и не написал биографию Сталина, и т. д. Впрочем, авторы фильма и не ставили перед собой задачи выяснить истину о взаимоотношениях, например, Горького и Сталина, выразить какое-либо мнение о причинах смерти Максима, роли писателя в подготовке Первого съезда советских писателей и т. д. Так, включение в закадровый текст фрагментов переписки Горького и Сталина (полностью она будет опубликована только в 2017 году в составе полного собрания писем М. Горького) служило подтверждением официальной версии о том, что Горький после посещения СССР в 1928 году выступает как единомышленник вождя, делясь с ним своими впечатлениями от поездки по стране. Весьма показательно, что цитируемое авторами фильма письмо Горького Сталину от 27 ноября 1929 года было частично опубликовано А. И. Овчаренко [Овчаренко, 1961, с. 575—577], то есть использованные фрагменты были доступны для работавшего над сценарием Б. Добродеева. Как показывает анализ полных текстов писем этого периода обоих корреспондентов, их отношения были далеко не столь гармоничными. Горький позволял себе указывать Сталину на существенные изъяны в проводимой им внутренней политике государства, прямо говорил о серьезных последствиях раскола в партии. Из объемного текста письма Горького, посвященного в целом проблеме воспитания современной молодежи («Вообще, — пишет Горький, — социалистическая молодежь не так глубоко социалистична, как полагают, наоборот: индивидуализм делает в ее среде весьма серьезные завоевания <…> На воспитание молодежи партия влияет не так сильно, как могла бы, — отчасти это объясняется трениями в самой партии. В прошлом эти трения создавали “отбор лучших”, создали большевиков, в настоящем они создают весьма заметное количество двуногого хлама…» [Горький, 2017, т. 19, с. 126]), выбран тезис о проблеме, которая потом никак не фигурирует в закадровом тексте, но логично вытекает из комментария-связки: «Влюбленный в то великое, что вершилось в стране, он (Горький) недоумевал, читая наши газеты и журналы. Ему казалось, что мы недооцениваем собственные успехи». Поэтому выбранный фрагмент письма к Сталину должен был подтвердить мысль, высказанную в комментарии: Горький, придававший столь значительное внимание печатному слову считает, что публикация материалов негативного характера о советской действительности на руку буржуазной прессе. Голосом Копеляна озвучены в закадровом тексте следующие строки его письма: «Освещение советской действительности эмигрантской и вообще буржуазной прессой основано почти целиком на фактах отрицательного характера, публикуе-

CC BY

мых нашей прессой в целях педагогических и агитационных, — в целях самокритики» [Горький, 2017, Т. 19, с. 125]. Ответ на эти строки в закадровом тексте дан цитированием фрагмента из письма Сталина Горькому, написанного 17 января 1930 года: «Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса» [Сталин, 1949, т. 12, с. 173]. Как видим, в закадровом тексте обозначена важная для Горького проблема критики и самокритики, необходимость которой не отрицается и Сталиным, но тон его ответа — учительный: он объясняет недопонимающему всех обстоятельств Горькому политический смысл самокритики, смысл которой важен для «развязывания строительной энергии трудящихся, для развития соревнования, для ударных бригад и т. п. Отрицательная сторона покрывается и *пере*крывается положительной» [Сталин, 1949, т. 12, с. 173] (курсив автора. — *М. У., В. С.*). Однако из опубликованной в полном собрании писем Горького этого периода Л. А. Спиридонова делает справедливый вывод о том, что писатель прекрасно понимал: Сталин «идет на контакт с ним, надеясь обрести в его лице союзника в борьбе с собственной оппозицией и зарубежной общественностью» [Спиридонова, 2014, с. 344].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Функции закадрового текста в кинематографе становятся предметом исследования в России сравнительно недавно. Факты истории говорят о том, что движущиеся картинки действительности в отечественной культуре конца XIX — начала XX века начинают рассматриваться в первое десятилетие нового века не только как товар на рынке развлечений, а как феномен, синтезирующий различные виды искусства и обладающий способностью непосредственного чувственного воздействия на зрителя. Немногочисленные работы, появившиеся в это время — эссе К. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» [Чуковский, 1911], статья «О кинематографе», вошедшая в книгу С. Волконского «Отклики театра» (1914) [Волконский, 1914], — затрагивают вопрос о его специфике. Так в эссе, датируемом 1908 годом, Чуковский напишет: «Кинематограф есть <…> особый вид литературы и сценического искусства…» [Чуковский, 1911, с. 26]. Пафос статьи С. Волконского — «защита» кино от нападок критики, упрекающей его в потакании низменным вкусам толпы и отвлекающей зрителя от искусства театра. Выстраивая аргументы, С. Волконский отмечает преимущества кино в предоставлении человеку возможности расширить горизонты знаний и впечатлений: кино способно показать динамику природных и жизненных явлений, движение от настоящего

CC BY

в будущее, осуществлять игру с пространством. Все эти качества кино, по мнению автора, обеспечивают ту «внутреннюю связь, которая из разных событий, свершающихся в разных местах, делает нечто единое, ускользает от всех *зрительно-изобразительных* искусств, — она была уделом *словесного* искусства, литературы, поэзии, но и тут она осуществлялась лишь в порядке последовательности. <…> И подумайте, какая непреложность “документа”<…> в самом факте воспроизведения» [Волконский, 1914, с. 184—185] (курсив автора. — *М. У., В. С.*). Приведенные суждения свидетельствуют, что кино еще не сформировалось как самостоятельный вид искусства, но критики уже отмечают его как знаковое специфическое явление, которое способно синтезировать приемы искусства театра и литературы на пути выработки собственного языка. Позднее, как пишет современный исследователь, ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка, научное объединение, 1916—1918), «провозглашавший автономию любого вида искусства, тем не менее, лишь спроецировал на кино свое видение литературы» [Левченко, 2011, с. 379]. Действительно, основание для таких выводов были, тем более, если принять во внимание справедливую мысль О. Ханзен-Лёве, характеризовавшего становление теории формалистов как «смену сопоставления словесного искусства с различными видами визуальной репрезентации — статической (живописью) и динамической (кинематограф) [Ханзен-Лёве, 2001, с. 327].

Значительную роль в теоретической разработке языка кино на первом этапе его становления сыграли работы В. Шкловского, писавшего еще в 1919 году о литературе как важнейшем источнике сюжетов для кино, которое пока руководствуется в выборе сюжетов событиями улицы. В этом противопоставлении литературного сюжета (как преображенной авторской энергией реальности) и действительности, зафиксированной кинохроникой, предпочтение отдано литературе как искусству самовыражения творца в противовес кинохронике, следующей «за событием». Однако и в том, и в другом случае В. Шкловский пишет оважности принципа соединения отснятых фрагментов действительности в единое целое. В 1923 году в Берлине выходит его книга «Литература и кинематограф» [Шкловский, 1923], где он возвращается к своим размышлениям о кино и литературе в свете идеи о необходимости обновления языка литературы, утверждая, что новое искусство — кино — усваивает и перерабатывает приемы литературы, в то время как литература «топчется» на месте [Цит. по Левченко, 2011, с. 383].

Важно отметить, что именно в послереволюционную эпоху возникает идея, что кинематограф обладает большей истинностью в передаче явлений действительности, чем искусство. «Кинематограф раннего русского авангарда, — пишет современный исследователь, — был серьезно занят

CC BY

поисками научного воздействия цвета, формы, движения на зрителя, созданием кинематографического времени и пространства <…> наука репрезентируется средствами кинематографа в качестве универсального инструмента власти» [Буренина, 2011, с. 149]. В начале 20-х годов появляется статья Л. Кулешова, первая теоретическая работа, в которой кинематограф рассматривается как научный метод, способный обнаружить истину: «<…>вся энергия, все средства, все знания законов времени и пространства, предназначенные для применения к искусству, должны быть направлены по руслу, которое наиболее органически связано с жизнью нашего времени» [Кулешов, 1987, с. 88]. В формировании функций документального кинодискурса значительная роль принадлежала также кинохронике и сопровождавшим ее текстам. Текст в немом документальном кино присутствовал в виде титров, а также в виде киноскриптов — письменных источников (вывесок и надписей на объектах, попавших в объектив, транспарантов на митингах и т. д). Их функция заключалась в том, чтобы фиксировать облик истории, который проявлялся также в принципе монтажа планов, свидетельствовавший, по справедливому замечанию В. Листова, «об общественной позиции автора-режиссера и автора-учреждения, а через нее о взглядах, характеризующих эпоху с ее политическими и художественными течениями» [Листов, 1971, с. 60].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема соотношения звука и изображения в истории документального кино

Появление звукового кино в СССР в конце 1920 — начале 1930-х годов обозначило серьезные проблемы, связанные с представлением о соотношении звучащей речи (текста) и изображения. Так, в 1928 году был создан коллективный документ (Г. Александров, С. Эйзенштейн, В. Пудовкин), из которого следовало, что синхронизация изображения и звука нарушит «культуру монтажа», с помощью которого достигался наибольший эффект фильма, так как «всякое приклеивание звука к монтажным кускам увеличит их инерцию, <…> будет безусловно в ущерб монтажу, оперирующему прежде всего не кусками, а сопоставлением кусков. <…> Первые опытные работы со звуком должны быть направлены в сторону его резкого несовпадения со зрительными образами. И только такой “штурм” дает нужное ощущение, которое приведет впоследствии к созданию нового оркестрового контрапункта зрительных и звуковых образов» [Эйзенштейн].

Значительный вклад в разработку теоретической проблемы соотношения изображения и звука в кино еще в 1920 — начале 1930-х годов внес Д. Вертов, стоявший у истоков отечественного документального кино. «Ни для до-

CC BY

кументальных, — писал Вертов, — ни для игровых фильмов вовсе не обязательны ни совпадение, ни несовпадение видимого со слышимым. Звуковые кадры, так же, как и немые кадры, монтируются на равных основаниях, могут монтажно совпадать, могут монтажно не совпадать и переплетаться друг с другом в разных необходимых сочетаниях» [Вертов, 1966]. Правда факта в документальном кино рассматривалась Д. Вертовым не как копирование реальной жизни, а как возможность автора сценария и режиссера выразить свое отношение к действительности, что, безусловно, не должно ограничивать свободу поисков в области приемов создания *образа* реальности.

Идеи, высказанные пионерами теории документального кино, получают развитие в современных исследованиях, признающих право кинодокументалиста давать любую трактовку снимаемой им действительности, при этом «документальное кино, оставаясь строго документальным по своему материалу, способно так же передавать правду действительности, как и извращать ее» [Гинзбург, 1974, с. 160]. Уделяется внимание и такому приему, как закадровый текст, который рассматривается как своеобразная «подсказка» восприятия и становится важным элементом так называемого «горизонтального монтажа», в котором изображение соотносится не с предшествующим или следующим планом, а с самим текстом. Такой принцип семантической структуры кинотекста, когда голос за кадром комментирует изображение, во многом определяя интерпретацию его зрителем, по мнению исследователя, «фактически является идеологизированным кинотекстом» [Познин, 2012, с. 28].

В кинодокументалистике 60-х годов, как отмечает Г. С. Прожико, происходят существенные изменения, связанные с концепцией человека, обусловленной новым пониманием функций жизненного материала. Судьба человека начинает представать в документальном кино «не как дискретная цепочка свершаемых фактов, но как непрерывное многослойное течение реальности, сотканное из малых и больших явлений <…> хроникальную фиксацию события вытесняет аналитическое наблюдение, репортажную летопись времени сменяет стремление понять жизненное явление» [Прожико, 2004, с. 263].

3.2. Монтаж кадров как способ создания вербального дискурса

В целях проведения анализа функции закадрового текста нами была проведена расшифровка двух звучащих в фильме голосов, один из которых, мужской, озвучивал точку зрения М. Горького (в основном цитаты из его писем разных лет), женскому была отведена роль связующего звена, скрепляющего общие, панорамные и локальные эпизоды биографии писателя, то есть обоснования сюжетного движения. Наша первая задача заключалась в том, чтобы установить источник документальной составляющей — писем Горького, понять логику авторов фильма, их концеп-

CC BY

цию личности писателя. Вторая задача — выявить наиболее характерные способы комбинации текстовых фрагментов, образующих особый тип повествования, в котором судьба М. Горького рассматривалась на широком фоне истории страны в течение десяти лет. Конечно, не имея под рукой сценария, достаточно сложно проследить логику представленных в этой ленте событий, особенно если речь идет о зрителе 60-х годов, когда личность писателя воспринималась подавляющим большинством однозначно как буревестника революции и пролетарского писателя.

Обратимся к текстовой составляющей, то есть к характеристике особенностей сюжетного развития, восстановленного путем анализа последовательно звучащего текста. Вербальный сюжет фильма построен по концентрическому принципу, а кадры кинохроники и «движущиеся портреты» Горького воспроизведены в хронологическом порядке. Цитаты из писем Горького смонтированы в соответствии с теми проблемными ситуациями в жизни писателя, которые хорошо известны многим, но, по мнению авторов фильма, остаются далеко не проясненными. Основным документальным источником авторы фильма сделали эпистолярное наследие писателя, а также фрагменты из писем его корреспондентов. При этом зритель чаще всего не знал, кому и когда было написано то или иное письмо, то есть автор сценария намеренно отступает от акцентировки документального начала. Маркером принадлежности суждений М. Горькому был голос Е. Копеляна, читающего закадровый текст, а связующие фрагменты писем, комментарии, озвучены Ириной Кондратьевой.

Масса писем, на основе которых был создан сценарий, может быть условно поделена на несколько условных групп, каждая из которых освещает определенную сторону биографии писателя. Это письма личного характера, цитируемые, как правило, в форме монологического высказывания (Шаляпину), письма, содержащие элементы критического дискурса, включенные в диалог с другими писателями (Ф. Гладкову, М. Пришвину, А. Федину), фрагменты переписки общественно-политического характера (сведения о переписке со Сталиным, мнение М. Горького, высказанное им о собственном юбилее со ссылкой на слова Ленина о юбилеях и т. д). При этом стилистика писем характеризует и индивидуальность адресата, косвенно свидетельствует о чертах его характера и, в конечном счете, имеет непосредственное отношение к концепции создаваемых сценаристом образов участников переписки.

3.3. Соотношение вербального и визуального дискурсов

Обратимся к тем фрагментам писем, из которых составлен закадровый текст, и покажем, какую смысловую нагрузку они несут, будучи «вырванными» из контекста переписки М. Горького с тем или иным корреспондентом.

CC BY

В ряде случаев общий смысл письма восстанавливается ассоциативно, через воздействие на зрителя визуального образа, который заменяет вербальный контекст. Из нарушения хронологической связи между зрительным и словесным образом «прорастал» символический образ Горького-писателя, не вписывающийся в созданный отечественной пропагандой образ творца новой жизни. Характерным примером такого сдвига времен служит начало фильма. Перед зрителем чередой шли кадры кинохроники: вручение Горькому ордена Ленина (1932) за большие заслуги в создании молодой советской культуры, энтузиазм людей, сдающих деньги на постройку агитсамолета «Максим Горький», сцены уличной жизни простых итальянцев и т. д. На их фоне звучит голос Горького, строки из его письма С. Сергееву-Ценскому 17 марта 1927 года: «…живу я не в Сорренто, а минутах в 15 от него, в совершенно изолированном доме герцога Серра-Каприоло — *знай наших!* — В крови моего хозяина есть какая-то капелька безалаберной русской крови. Забавный старикан! <…> *Герцог мечтает завести бизонов, а здесь и коров негде пасти, сплошь виноградники, апельсины, лимоны и прочие плоды*» [Горький, 2014, т. 17, с. 274] (курсивом выделено то, что есть в письме, но отсутствует в закадровом тексте). Из приведенного фрагмента видно, что автор сценария убирает лишние, с точки зрения концепции образа, детали и акцентирует внимание на изолированности Горького, что подтверждается текстом комментария (женский голос) о том, что живет писатель в этом доме уже давно, а «все не может привыкнуть к нему. И память все время возвращает назад, к пережитому. Он тревожился тогда, не захлестнет ли революцию темная анархическая сила русской деревни, что станет с интеллигенцией. Новая Россия. Он шел к ней долго, шел, сомневаясь, волнуясь и веря. И долго его друзей и недругов мучал вопрос: “с кем Горький?”» Собственно говоря, в этой финальной фразе комментария и содержится завязка сюжета, определившая дальнейшее развитие действия.

3.4. «Жизнь Клима Самгина» в оценке советских писателей 1920-х годов

Она представляет собой перифразу из письма Ф. Гладкова М. Горькому, датированного 29 ноября 1926 года, в котором автор спрашивает адресата: «Хочется знать, как вы смотрите на нашу жизнь, на все наши переплеты, на наше будущее. Верите ли вы? Вполне ли вы с нами?» [Литературное наследство, 1953, с. 85].

Ответ на этот вопрос содержит письмо Ф. Гладкову от 1 декабря 1926 года, в котором Горький, отвечая на вопрос адресата «вполне ли я с вами?», пишет: «Я не могу быть с людьми, которые обращают классовую психику в кастовую. Которые говорят “мы пролетарии” с тем же чувством, с которым другие говорили “мы дворянство”… Я уже не вижу в России про-

CC BY

летариев, а вижу в лице рабочих настоящих хозяев русской земли. Это требует осторожного обращения со всяким человеком, дабы человек не имел право сказать, что рабочий — не организатор новой жизни, а такой же тиран как всякий диктатор. Да и глуп так же. Но я вполне с теми, кто, не взирая на адову трудность жизни, делает великое дело организации России» [Горький, 2013, т. 16, с. 187]. Включая текст этого письма в сценарий, авторы фильма усиливают смысл сказанного Горьким тем, что чтение сопровождается воспроизведением произносимого текста на экране. Мысль авторов фильма о том, что Горький и через пять лет после того, как покинул Россию, чувствует негативные последствия диктатуры, об опасности которой писал еще в «Несвоевременных мыслях», сформулирована вполне определенно.

По замыслу авторов фильма, ответ Горького на вопрос «с кем вы, Горький?» содержится в закадровом тексте, соединившем фрагменты нескольких писем разным адресатам и их суждения по поводу финального произведения Горького — романа «Жизнь Клима Самгина». Судя по подборке имен адресатов и фрагментов закадрового текста, авторы фильма стремились показать, каким трудным для писателя был путь воспроизведения атмосферы рубежа веков, путь обретения смысла жизни страной и отдельной личностью, представленный в движущейся панораме событий, борьбе мировоззрений героев произведения. В письме к А. Воронскому 23 марта 1926 года Горький признается: «Роман сводит меня с ума, работаю по 10 часов в день, в первый раз со мной такое. Хочу изобразить 30 лет интеллигентской жизни, все классы, течения, направления. Изобразить всю адову суматоху конца 19 века и начала 20. Если все это мне не удастся, проткну себе пером глаза» [Горький, 2013, т. 16, с. 24]. Важность этой цитаты, с нашей точки зрения, в том, что именно Воронскому, ратовавшему за привлечение в литературу писателей-интеллигентов, Горький сообщает о замысле воплотить борьбу идей, «адову суматоху», испытание которой он прошел в свое время и которая не оставляет его до сих пор. Но к этому высказыванию (без определения адресата) присоединен фрагмент другого письма, письма М. Пришвину, написанного за месяц до выше цитированного, 11 февраля 1926 года, по поводу рассказа «Отшельник»: «Может быть, — пишет Горький, — Вам это покажется смешным или даже фальшивым, а я все еще не знаю, как надо писать и учусь» [Горький, 2012, т. 15, с. 376]. Пришвин отвечает Горькому вскоре, 10 апреля 1926 года: «А я нисколько не удивился, Алексей Максимович, что вы учитесь писать и не очень верите в написанное. Это говорят в вас самые густые капли, которые остаются на самом дне бокала. Я только этими каплями и живу» [Литературное наследство, 1963, с. 330—331]. А далее в закадровом тексте идет цитата из другого письма М. Пришвина, написанного уже 2—3 ноября 1927 года, спустя восемь месяцев: «Спасибо вам за Клима.

CC BY

У меня осталось впечатление, что эта книга — вступление к огромной эпопее, что самое главное впереди [Литературное наследство, 1963, с. 352]. Как видим, налицо «склейка» фрагментов разных писем, написанных разным людям и в разное время, но благодаря этому приему отсечены «ненужные» подробности оценки романа: «…потому я не стану мешать вам своим разбором. Однако все-таки я не удержусь вам намекнуть, что книга слишком насыщена афоризмами в диалогах и это утяжеляет чтение…» [Литературное наследство, 1963, с. 352]). Так авторы формируют образ Горького-художника, который, создавая монументальное во всех отношениях произведение, испытывал определенные трудности при воспроизведении обилия философских, социально-политических, религиозных дискуссий, характеризующих идейную атмосферу эпохи. Отсюда и определения «адова эпоха», «учусь» в письмах Горького, «не очень верите в написанное», «главное впереди» в ответах М. Пришвина.

Весьма примечательным оказывается и другой подбор фрагментов писем писателей, выражающих свое мнение о «Жизни Клима Самгина», хотя акцент в голосе за кадром сделан на второй важной проблеме, поставленной в фильме после первой части («С кем вы, Горький?»). Вопрос о том, почему Горький, находясь в постоянных контактах с советскими писателями, зная об успехах советской власти, не пишет о современности, безусловно, был одним из ключевых по своей значимости. В закадровом тексте названо имя писателя, в письме которого этот вопрос был сформулирован. Это Ф. Гладков, первооткрыватель производственной темы в советской литературе («Цемент», 1925), дает свою оценку «Жизни Клима Самгина» в письме от 7 августа 1927 года и «наставляет» Горького: «Только что прочел Самгина и в душе у меня угарная муть. Вы много говорите о человеке, а мне кажется, вы не любите людей, презираете их и глумитесь. Все, что вы пишете — это от ума и ум у вас какой-то диогеновский или аввакумовский. Горький и жуткий ум. С такой головой люди могут быть глубоко несчастными. Много теперь самгиных, много мерзости, накипи, ржавого материала. Но не это важно. Труд, строительство, борьба за социализм — разве это не великолепная поэма? А ведь вы могли ее создать великолепно. Именно вы, Горький» [Литературное наследство, 1963, с. 97—98]. Сам по себе текст этот, если его воспринимать «на слух», за кадром, производит гораздо менее сильное впечатление, чем когда воспринимаешь его визуально. Обратим внимание на соединение в пределах фрагмента двух определений ума Горького, на которое указывает Гладков. Это известное всем преклонение Горького перед силой разума — «диогеновский» ум, который способен переоценивать ценности (пророческое предназначение Диогена), и ум, который был вынужден действовать в эпоху ломки старых принципов жизни и рождения новых, от-

CC BY

рицающих традиции (Аввакум — обнимающий Бога, евр.). На это письмо Горький отвечает, что ничего обидного в этой оценке своего романа он не видит, самоуверенностью не страдает, непогрешимым себя не считает: «А на ваш вопрос, почему не пишу о современности? ответить легко: не могу разрешить себе писать о том, чего не вижу, что только чувствую и о чем догадываюсь. Вот, в мае, приеду в Москву, похожу, поезжу по России, побываю в местах, где живал, увижу, что случилось, и тогда, м. б., попишем и о современности» [Горький, 2014, т. 17, с. 46]. Обратим внимание на то, как Горький строит фразу, используя глаголы с приставкой «по», что придает им определенный смысл: приезд кратковременный (похожу, побываю), а его результат пока очень плохо представляется писателем: «может быть, попишем и о современности». Не случайно это разговорное «попишем» появляется в письме и фиксируется закадровым текстом. Интуиция художника не обманула его: он понимал, что в краткие сроки пребывания в России ему покажут фасадную ее сторону, чувствовал, что созданный в его эмоциональной натуре образ новой России далек от правды.

4. Заключение = Conclusions

Подводя промежуточные итоги анализа функций рассмотренных нами фрагментов переписки М. Горького, отметим, что мы сознательно ограничились перепиской 1924—1927 годов — временем, предшествующим посещению писателем СССР в 1928 году, то есть закадровым текстом, который сопровождал визуальный ряд в течение первых двадцати минут полнометражного часового фильма о Горьком. За пределами анализа остались материалы, касающиеся участия писателя в работе Первого съезда советских писателей, фрагменты его переписки с Р. Ролланом, другими деятелями культуры, так как только после выхода в свет последнего тома писем Горького (в настоящее время опубликован 21 том, завершающийся февралем 1933 года) в нашем распоряжении будет полный свод эпистолярия, содержащий сведения о событиях последних трех лет жизни писателя. Несмотря на то, что авторы фильма имели в своем распоряжении далеко не полный перечень писем, созданный ими и пролежавший на полке больше двадцати лет фильм уже тогда стал существенным вкладом в горьковедческие исследования личности и творчества писателя. В нем отразилась философски и эстетически выверенная концепция судьбы большого художника, завершившейся трагедией разочарования и прозрения. И подтверждением ее в значительной степени оказывается закадровый текст, содержание которого не согласуется с жизнеутверждающей патетикой визуального плана. Авторы фильма отступают от характерной для отечественной науки середины XX века однобокой интерпретации личности и

CC BY

творчества писателя, что и позволяет авторам перейти границу строгой документальности и вплотную подойти к созданию образа М. Горького, представить свое видение той духовной драмы писателя, которая разворачивалась на фоне событий последних десяти лет его жизни.

Литература

1. *Буренина О.* Ученый в зеркале киноавангарда / О. Буренина // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. — Белград : Издательство филологического факультета в Белграде, 2011. — С. 145—166.

2. *Вертов Дзига*. Статьи, дневники, замыслы / Дзига Вертов ; ред.-сост., автор вступ. статьи С. Дробашенко. — Москва : Искусство, 1966. — 320 с.

3. *Волконский С. М.* О кинематографе / С. М. Волконский // Отклики театра. — Петроград : Сириус, 1914. — С. 179—187.

4. *Гинзбург С. С.* Очерки теории кино / С. С. Гинзбург. — Москва : Искусство, 1974. — 262 с.

5. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Письма : июнь 1924 — февраль 1926 / М. Горький. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — 966 с. — ISBN 978-5-020-37367-9.

6. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Письма : март 1926 — июль 1927 / М. Горький. — Москва : Наука, 2013. — Т. 16. — 981 с. — ISBN 978-5-02-038121-6.

7. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Письма : август 1927 — май 1928 / М. Горький. — Москва : Наука, 2014. — Т. 17. — 868 с. — ISBN 978-5-02-039060-7.

8. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Письма : апрель 1929 — июль 1930 / М. Горький. — Москва : Наука, 2017. — Т. 19. — 1003 с. — ISBN 978-5-02-039232-8.

9. *Добродеев Б.* Сюжеты вокруг сюжетов [Электронный ресурс] / Б. Добродеев // Искусство кино. — 2000. — № 9—10. — Режим доступа : old/kinoart.ru/archive/2000/09/n9-article24; old/kinoart.ru/archive/2000/10/n10-article30 (дата обращения 15.03.2021).

10. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) / М. Я. Дымарский. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Эдиториал УРСС, 2006. — 238 с.

11. *Кулешов Л.* Искусство, современная жизнь и кинематография / Л. Кулешов // Собрание сочинений : в 3 т. Теория. Критика. Педагогика / Л. Кулешов. — Москва : Искусство, 1987. — Т. 1. — С. 88—90.

12. *Левченко Я.* Рождение кинотеории формалистов из духа революционного авангарда : случай Виктора Шкловского / Я. Левченко // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. — Белград : Издательство филологического факультета в Белграде, 2011. — С. 378—391.

13. *Листов В. С.* О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917—1920 гг.) / В. С. Листов // Археографический ежегодник за 1969 год. — Москва : Наука, 1971. — С. 54—69.

14. *Литературное* наследство. Горький и советские писатели : неизданная переписка / АН СССР. Институт Мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. Горький — М. М. Пришвин. — Т. 70. — С. 318—362.

15. *Литературное* наследство. Горький и советские писатели : неизданная переписка / АН СССР. Институт Мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. Горький — Ф. В. Гладков. — Т. 70. — С. 63—124.

16. *Овчаренко А. И.* Публицистика М. Горького / А. И. Овчаренко. — Москва : Советский писатель, 1961. — 653 с.

17. *Плотникова А. Г.* Горький и кинематограф / А. Г. Плотникова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — 336 с. — ISBN 978-5-9208-0528-7.

18. *Познин В. Ф.* Кинотекст документального фильма как продукт критического осмысления действительности / В. Ф. Познин // Медиалингвистика. — 2016. — № 2 (12). — С. 26—36.

19. *Прожико Г. С.* Концепция реальности в экранном документе / Г. С. Прожико. — Москва : ВГИК, 2004. — 454 с. — ISBN 5-87149-093-X.

20. *Спиридонова Л. А.* Примечания / Л. А. Спиридонова // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Письма : август 1927 — май 1928. — Москва : Наука, 2014. — Т. 17. — С. 341—350.

21. *Сталин И. В.* Письмо А. М. Горькому / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 12. — С. 173—177.

22. *Трусевич Е. С.* Закадровый текст в неигровом кино : попытка реабилитации / Е. С. Трусевич // Теория и история искусства. — 2019. — № 4 (75). — С. 11—14.

23. *Ханзен-Лёве О.* Формалистская теория кино / О. Ханзен-Лёве // Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / пер. с нем. С. А. Ромашко. — Москва : Языки русской культуры, 2001. — С. 327—346.

24. *Чуковский К.* Нат Пинкертон и современная литература / К. Чуковский // Собрание сочинений : В 15 т. Литературная критика 1908-1915 / Предисловие и комментарий Е. Ивановой.- 2-е изд., электронное, испр. — Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2012. — Т. 7. — С. 25—62.

25. *Шкловский В.* Литература и кинематограф / В. Шкловский. — Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. — 59 с.

26. *Эйзенштейн С.* Будущее звуковой фильмы [Электронный ресурс] / С. Эйзенштейн. — Режим доступа : lib.ru/Cinema/Kinolit/Ejzenshtjn/s_buduschee_zvukovoj_filxmy.txt. (дата обращения 17.03.2021).

References

Burenina, O. (2011). Scientist in the mirror of the cinema avant-garde. In: *Scientific concepts of the twentieth century and Russian avant-garde art.* Belgrade: Publishing House of the Faculty of Philology in Belgrade. 145—166. (In Russ.).

Chukovsky, K. (2012). Nat Pinkerton and Modern literature. In: *Collected works: In 15 vols, 7. Literary criticism 1908—1915.* Moscow: FTM Agency, Ltd. 25—62. (In Russ.).

Dobrodeev, B. (2000). Plots around plots. *The Art of Cinema, 9—10:* Available at: old/kinoart.ru/archive/2000/09/ n9-article24; old/kinoart.ru/archive/2000/10/ n10-article30 (accessed 03/15/2021). (In Russ.).

Dymarsky, M. Ya. (2006). *Problems of text formation and artistic text (based on the material of Russian prose of the XIX—XX centuries). 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Editorial URSS. 238 p. (In Russ.).

Eisenstein, S. *The Future of sound films.* Available at: lib.ru/Cinema/Kinolit/Ejzenshtjn/s_buduschee_zvukovoj_filxmy.txt . (accessed 17.03.2021). (In Russ.).

Ginzburg, S. S. (1974). *Essays on the theory of cinema.* Moscow: Iskusstvo. 262 p. (In Russ.).

Gorky, M. (2012). *The complete works. Letters: in 24 vols, 15. Letters: June 1924 — February 1926.* Moscow: Nauka. 966 p. ISBN 978-5-020-37367-9. (In Russ.).
Gorky, M. (2013). *Complete works. Letters: in 24 vols, 16. Letters: March 1926 — July 1927.* Moscow: Nauka. 981 p. ISBN 978-5-02-038121-6. (In Russ.).
Gorky, M. (2014). *Complete works. Letters: in 24 vols, 17. Letters: August 1927 — May 1928.* Moscow: Nauka. 868 p. ISBN 978-5-02-039060-7. (In Russ.).
Gorky, M. (2017). *The complete works. Letters: in 24 vols, 19. Letters: April 1929 — July 1930.* Moscow: Nauka. 1003 p. ISBN 978-5-02-039232-8. (In Russ.).
Hansen-Levet, O. (2001). Formalist theory of cinema. In: *Russian formalism. Methodological reconstruction of development based on the principle of exclusion.* Moscow: Languages of Russian culture. 327—346. (In Russ.).
Kuleshov, L. (1987). Art, modern life and cinematography. In: *Collected works: in 3 vols, 1. Theory. Criticism. Pedagogy.* Moscow: Iskusstvo. 88—90. (In Russ.).
Levchenko, Ya. (2011). The Birth of the Formalist's film theory from the spirit of the revolutionary avant-garde: the case of Viktor Shklovsky. In: *Scientific concepts of the twentieth century and Russian avant-garde art.* Belgrade: Publishing House of the Faculty of Philology in Belgrade. 378—391. (In Russ.).
Listov, V. S. (1971). On criticism of documentary film sources (based on the materials of Soviet films of 1917—1920). In: *Archeographic Yearbook for 1969.* Moscow: Nauka. 54—69. (In Russ.).
Literary heritage. Gorky and Soviet Writers: Unpublished Correspondence / USSR Academy of Sciences. Gorky Institute of World Literature, 70. (1963). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Gorky — M. M. Prishvin. 318—362. (In Russ.).
Literary heritage. Gorky and Soviet Writers: Unpublished Correspondence / USSR Academy of Sciences. Gorky Institute of World Literature, 70. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Gorky — F. V. Gladkov. 63—124. (In Russ.).
Ovcharenko, A. I. (1961). *M. Gorky's Journalism.* Moscow: Soviet writer. 653 p. (In Russ.).
Plotnikova, A. G. (2018). *Gorky and cinematography.* Moscow: IMLI RAS. 336 p. ISBN 978-5-9208-0528-7. (In Russ.).
Poznin, V. F. (2016). The film text of a documentary film as a product of critical understanding of reality. *Media Linguistics, 2 (12):* 26—36. (In Russ.).
Prozhiko, G. S. (2004). *The concept of reality in a screen document.* Moscow: VGIK. 454 p. ISBN 5-87149-093-X. (In Russ.).
Shklovsky, V. (1923). *Literature and cinema.* Berlin: Russian Universal Publishing House. 59 p. (In Russ.).
Spiridonova, L. A. (2014). Notes. In: *M. Gorky. The complete works. Letters: in 24 vols, 17. Letters: August 1927 — May 1928.* Moscow: Nauka. 341—350. (In Russ.).
Stalin, I. V. (1949). Letter to A. M. Gorky. In: *Essays, 12.* Moscow: State Publishing House of Political Literature. 173—177. (In Russ.).
Trusevich, E. S. (2019). Voiceover text in non-fiction cinema: an attempt at rehabilitation. *Theory and history of art, 4 (75):* 11—14. (In Russ.).
Vertov Dziga. (1966). *Articles, diaries, plans.* Moscow: Iskusstvo. 320 p. (In Russ.).
Volkonsky, S. M. (1914). About cinema. In: *Responses of the theater.* Petrograd: Sirius. 179—187. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.06.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 23.08.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Викторович Филимонов, канд. истор. наук (Омск)
Алексей Дмитриевич Попов, канд. истор. наук (Симферополь, Челябинск)
Андрей Геннадьевич Праздников, д-р истор. наук (Киров)
Виталий Васильевич Наухацкий, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Георгий Николаевич Буслаев, стажер (Москва)
Екатерина Викторовна Костецкая, канд. филол. наук (Тюмень)
Людмила Николаевна Суслова, канд. истор. наук (Тюмень)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)
Святослав Сергеевич Колегов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Эдуард Викторович Казиев, старший научный сотрудник (Владикавказ)
Ярослав Сергеевич Евдокимов, аспирант (Ростов-на-Дону)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Буслаев Г. Н. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах : энергетический аспект / Г. Н. Буслаев, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 351—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371.

Buslaev, G. N., Reinhardt, R. O. (2022). Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 351-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-351-371

Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах: энергетический аспект

Буслаев Георгий Николаевич
orcid.org/0000-0003-0595-3831
стажер
buslaev.egor98@gmail.com

Райнхардт Роман Отмарович
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
don.reinhardt@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect

Georgy N. Buslaev
orcid.org/0000-0003-0595-3831
trainee
buslaev.egor98@gmail.com

Roman O. Reinhardt
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor
Department of Diplomacy
don.reinhardt@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Буслаев Г. Н., Райнхардт Р. О., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается начальный период энергетических отношений между СССР и ФРГ. Поднимается вопрос о роли экономической дипломатии в развитии двустороннего диалога. Особое внимание уделяется влиянию факторов санкций и политического давления третьих сторон на нефтегазовое партнерство Москвы и Бонна. В качестве источников введены в оборот и использованы стенограммы заседаний Бундестага 1960-х годов и архивы МИД ФРГ в указанный период. Проанализировано то, как установление двустороннего энергетического сотрудничества было обусловлено необходимостью восстановления и укрепления экономик стран после Второй мировой войны, кризисами на Ближнем Востоке в странах-экспортерах энергоносителей, а также возросшей внешнеполитической и внешнеэкономической активностью СССР и ФРГ в 1950—1960-е годы. Доказано, что стороны поддерживали тесные связи в области энергетики, несмотря на санкционное давление и политические разногласия между государствами в период Холодной войны. При этом отмечено, что прагматизм руководств Советского Союза и Западной Германии в исследуемой сфере стал причиной устойчивого характера энергетического диалога в последующие десятилетия уже в совершенно иной международно-политической обстановке.

Ключевые слова:
советско-германские отношения; экономическая дипломатия; энергетический диалог; газ–трубы; санкции в нефтегазовом секторе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The initial period of energy relations between the USSR and the FRG is considered. The question is raised about the role of economic diplomacy in the development of bilateral dialogue. Particular attention is paid to the impact of sanctions factors and political pressure from third parties on the oil and gas partnership between Moscow and Bonn. Transcripts of Bundestag meetings of the 1960s and the archives of the German Foreign Ministry during the specified period were put into circulation and used as sources. It analyzes how the establishment of bilateral energy cooperation was due to the need to restore and strengthen the economies of countries after the Second World War, the crises in the Middle East in the energy exporting countries, as well as the increased foreign policy and foreign economic activity of the USSR and the FRG in the 1950s-1960s. It is proved that the parties maintained close ties in the field of energy, despite the sanctions pressure and political differences between states during the Cold War. At the same time, it was noted that the pragmatism of the leaderships of the Soviet Union and West Germany in the area under study became the reason for the sustainable nature of the energy dialogue in the following decades, already in a completely different international political environment.

Key words:
Soviet-German relations; economic diplomacy; energy dialogue; gas–pipe deal; sanctions in the oil and gas sector.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47)“1955/1982”+94(430).087

Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1955—1982 годах: энергетический аспект

© Буслаев Г. Н., Райнхардт Р. О., 2022

1. Введение = Introduction

Отношения между Москвой и Бонном в области энергетики имеют богатую историю, берущую свое начало в 1950-х годах. Зарождение этих связей обусловлено рядом основополагающих тенденций в экономике и политике СССР и Западной Германии в послевоенное время. Как и большинство других государств, они стояли перед проблемой экономического восстановления. Уже к концу 1950-х — началу 1960-х годов ФРГ, которой удалось достичь довоенного уровня развития экономики к середине 1950-х годов [Тимошина, 2008, с. 309], потребовались дополнительные ресурсы и рабочая сила для поддержания высоких темпов экономического роста. И если проблема острой нехватки трудовых ресурсов была во многом решена посредством заключения серии договоров по привлечению иностранных рабочих из ряда стран (прежде всего, из Турции и Греции), то вопросы импорта энергоносителей предполагали более комплексный подход, подразумевавший активизацию контактов с Москвой. Советский Союз также стремился восстановить и укрепить свою экономику, и одним из средств по достижению данной цели виделось расширение экспорта сырья на новые рынки и приобретение иностранной валюты [Смирнов, 2011, с. 194]. В значительной степени именно этими намерениями Москвы была продиктована заинтересованость советского руководства в западногерманской сталелитейной продукции, использовавшейся для транспортировки энергоносителей.

Актуальность настоящей работы проистекает из того, что на энергетический диалог между Россией и Германией в значительной степени влияют тесные исторические связи между двумя государствами в данной сфере, а анализ периода зарождения этих отношений способен дать более полную картину их последующего развития. Новизна работы заключается в том, что исследуемый аспект сотрудничества между ФРГ и СССР рассматривается не только как самостоятельная область межгосударственного диалога, но и в контексте политических событий Холодной войны и связанных с ней противоречий и конфронтационности между двумя противоборствующими блоками. Понимание двусторонних процессов в энергетической сфере на фоне международно-политической обстановки указанного пери-

CC BY

ода представляется важным для изучения текущего состояния энергетического диалога в условиях глубочайшего кризиса во взаимоотношениях между Россией и странами Запада.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в 1955—1982 годы между СССР и ФРГ были заключены ключевые соглашения и контракты (в частности, договор «газ — трубы» 1970 года), определившие траекторию развития российско-германских энергетических отношений на последующие десятилетия и заложившие основу межправительственного взаимодействия в данной области. Выделение указанного временно́го отрезка, предшествующего периоду канцлерства Г. Коля, также соответствует периодизации, которую применяют некоторые отечественные и зарубежные специалисты [Тимошина, 2008, с. 312] для описания послевоенной экономической истории ФРГ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Истокам российско-германского энергетического диалога уделяется большое внимание как в отечественной, так и в зарубежной литературе, что не в последнюю очередь связано со значением тесного партнерства по торговле энергоносителями для двух стран. Так, российский исследователь С. В. Смирнов указывает на значимую роль энергетического аспекта сотрудничества между Москвой и Бонном, которую он играл не только в экономике этих государств, но и в глобальной политике в целом. Согласно мнению названного исследователя, «именно Россия и Германия положили начало экономическим и политическим процессам, приобретшим в последующие годы общеевропейский и мировой характер» [Смирнов, 2011, с. 193]. Подробный анализ отдельных измерений советско-западногерманского энергетического сотрудничества встречается в работах отечественных авторов по более широкой тематике. Так, в монографии, посвященной комплексному исследованию экономики Германии, Б. Е. Зарицкий рассматривает историческое развитие партнерства Москвы и Бонна в нефтегазовой отрасли, отмечая, что «за свою почти полувековую историю российско-германское энергетическое сотрудничество эволюционировало от простой торговли энергоносителями к более сложным формам взаимодействия» [Зарицкий, 2019, с. 442]. Политические предпосылки сотрудничества государств в рассматриваемой сфере затрагивает российский специалист по Германии Н. В. Павлов, подчеркивая, что при заключении базовых соглашений в энергетике между Москвой и Бонном в 1960—1970-е годы «намного важнее была цель усилить политическое влияние ФРГ в Восточной Европе, расширить ее поле деятельности по отношению

CC BY

к СССР и ГДР и в конечном счете убедить Советский Союз скорректировать свою позицию на германском направлении в самом широком смысле» [Павлов, 2017, с. 325].

Позитивное восприятие анализируемого периода нефтегазового сотрудничества между Советским Союзом и ФРГ распространено и в зарубежной специализированной литературе. Так, германский исследователь К. Вестфаль подчеркивает взаимовыгодный характер двустороннего партнерства в энергетике, основанный на прагматизме [Bros et al., 2017, p. 15]. В германских печатных изданиях встречаются и эмоционально более окрашенные оценки: в одном из номеров газеты «Die Zeit» соглашение «газ — трубы» 1970 года было охарактеризовано как «начало чудесной дружбы» между Москвой и Бонном [Die Zeit, 13.10.2013].

Ценными для данного исследования представляются впервые вводимые в оборот в российском научном дискурсе мемуары непосредственного участника анализируемых процессов — О. В. фон Амеронгена, главы Восточного комитета германской экономики с 1952 по 2000 годы. В своих воспоминаниях фон Амеронген подробно описывает события, связанные с советско-западногерманскими энергетическими отношениями второй половины XX века, и делится собственным взглядом на их развитие.

Таким образом, в настоящее время в экспертном нарративе можно встретить различные оценки энергетического сотрудничества СССР и ФРГ, а также обзор его отдельных аспектов. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в детальном анализе советско-западногерманского энергетического диалога во время Холодной войны с учетом двусторонних и глобальных процессов экономического и политического характера в указанный период.

В качестве источниковой базы данной работы были использованы стенограммы заседаний Бундестага, где, например, отражены высказывания западногерманских депутатов по поводу эмбарго, введенного кабинетом К. Аденауэра в 1963 году на экспорт труб в СССР [DB, 1963, S. 3072]. Кроме того, авторы обращались к материалам архива МИД ФРГ, в которых, в частности, приводится переписка посла ФРГ в Москве Х. Греппера (1962—1966 годы) с руководством министерства [AAPD, 1994, S. 75—78]. Важными с точки зрения анализа количественных и качественных изменений советско-западногерманского энергетического диалога предстают приведенные в этой работе статистические показатели нефтегазовой торговли между СССР и ФРГ, размещенные на официальных ресурсах германских органов и объединений в области энергетики [Jahresbericht, 2020].

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Экономическая дипломатия как инструмент установления и развития контактов между руководствами СССР и ФРГ

Объективный интерес Москвы и Бонна к развитию полномасштабного энергетического диалога в послевоенный период был связан не только с вышеуказанной проблемой экономического восстановления стран в 1950-е годы, но и со складывавшейся в то время ситуацией на мировых рынках. Именно тогда постепенно обозначался кризис в области энергетической безопасности западноевропейских государств, что было вызвано растущей напряженностью на Ближнем Востоке (в частности, Суэцким кризисом 1956 года) — регионе, где находятся крупнейшие страны-экспортеры нефти. Угроза перебоев в поставках сырья и нестабильных цен на рынке энергоносителей обусловила необходимость поиска западными странами альтернативных вариантов, одним из которых выступал Советский Союз.

Ресурсный потенциал СССР привлекал не только руководящие круги, но также бизнес и промышленность ФРГ. Поэтому неслучайно в 1952 году по инициативе тогдашнего министра экономики Л. Эрхарда, одного из авторов «германского экономического чуда» [Тимошина, 2008, с. 314], был создан Восточный комитет германской экономики (нем. Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft), членами которого стали представители западногерманского бизнеса и промышленности, стремившиеся развивать экономические связи и торговлю со странами Восточной Европы. Потребность в создании такого института обозначилась еще в первые годы после образования ФРГ в мае 1949 года, поскольку, несмотря на серьезные идеологические противоречия, Германия и Россия имели богатую историю экономического сотрудничества, оборвавшегося в связи со Второй мировой войной. Именно поэтому еще в августе 1952 года, за полгода до образования Восточного комитета, в Копенгагене состоялась встреча советской делегации во главе с замминистра внешней торговли С. А. Борисовым с представителями западногерманского крупного бизнеса [Смирнов, 2011, с. 193]. В ходе этой встречи обсуждались вопросы укрепления двусторонних экономических связей и закрепления за ними официального статуса путем заключения торгового соглашения. Данная идея и легла в основу создания вышеупомянутого Восточного комитета германской экономики.

В 1953—1954 годы состоялась серия переговоров между делегацией советского министерства внешней торговли и представителями Восточного комитета, а также с германскими промышленниками. Изначально на этих встречах обсуждались конкретные группы товаров, которые могли бы в будущем составить основу советско-западногерманского товарооборота. Затем планировалось заключение официального торгового соглашения между Мо-

CC BY

сквой и Бонном, которое бы регулировало торговые связи между сторонами независимо от статуса и состояния дипломатических отношений. Однако эти переговоры были приостановлены под нажимом руководства МИД ФРГ в лице статс-секретаря В. Хальштейна (с чьим именем связана известная западногерманская внешнеполитическая доктрина, согласно которой исключалось сотрудничество ФРГ со странами, признавшими ГДР) и лично канцлера К. Аденауэра, опасавшегося слишком стремительного сближения с Москвой, хотя и необходимого, но весьма неоднозначного в контексте растущей напряженности между Западом и Востоком [Павлов, 2012, с. 459].

В 1955 году Москва через посольство ФРГ во Франции направила К. Аденауэру приглашение посетить Советский Союз для улучшения отношений и придания им официального статуса. И хотя на первый взгляд не было каких-либо серьезных предпосылок для данного визита для западногерманской стороны, Н. В. Павлов отмечает, что политическая обстановка 1955 года располагала к некоторому сближению Западной Германии с Москвой [Павлов, 2017, с. 319]. После острой фазы Холодной войны в первое послевоенное десятилетие наметился спад напряженности между сторонами. За разрядку выступал тогдашний президент США Д. Эйзенхауэр, а в мае 1955 года четырем державам-победительницам удалось заключить соглашение, закреплявшее нейтралитет Австрии. В этих условиях отказ К. Аденауэра от визита в столицу СССР мог бы быть негативно воспринят как США, основным союзником ФРГ, так и западногерманским обществом, которое бы обвиняло канцлера в нежелании способствовать миру, снижению конфронтационности и решению германского вопроса [Четвертной, 1988, с. 56].

На фоне проводившихся на уровне промышленных кругов и внешнеторговых представителей переговоров по поводу заключения торгового договора между Бонном и Москвой виделось логичным, если бы в рамках визита К. Аденауэра в Москву обсуждались и вопросы экономического сотрудничества. Однако канцлер ФРГ уделял большее внимание политическим аспектам своей поездки в Москву, и одним из важных для К. Аденауэра пунктов на повестке дня была проблема возвращения германских военнопленных. Экономика же отходила на второй план, о чем, например, свидетельствовал тот факт, что среди представителей западногерманской делегации не было промышленников и министра экономики Л. Эрхарда [Филитов 2006, с. 182]. Тем не менее по итогам переговоров с 9 по 13 сентября 1955 года сторонам удалось не только установить дипломатические отношения, но и принять совместное коммюнике, согласно которому Москва и Бонн обязывались в ближайшей перспективе обсудить вопросы торговых связей и возможность заключения соответствующего соглашения.

CC BY

Однако реализация положений вышеупомянутого коммюнике, то есть начало переговоров по торговле, осложнялась политическими установками западногерманского правительства. Кабинет К. Аденауэра (в особенности министр иностранных дел ФРГ Г. фон Бретано и статс-секретарь В. Хальштейн) опасался усиления позиций СССР, чему могло бы способствовать экономическое сближение Бонна и Москвы, несмотря на очевидную выгоду от торгового сотрудничества для обеих сторон. О таких настроениях в руководстве ФРГ свидетельствовала не только приостановка переговоров между советской внешнеторговой делегацией и промышленниками ФРГ в 1954 году, но и отсутствие существенных подвижек относительно заключения полноценного торгового соглашения, оговоренного еще в ходе визита Аденауэра в Москву осенью 1955 года [von Amerongen, 1992, S. 69].

Естественным образом, подобная позиция официального Бонна не устраивала западногерманский бизнес и представителей Восточного комитета германской экономики, уже несколько лет упорно добивавшихся развития экономических связей с СССР. Для германских промышленников представлялся очевидным тот факт, что установление дипотношений не привело к улучшению торговых связей. Недовольство подогревалось и тем, что в этот же период другие западные страны активно развивали торговлю с государствами Восточной Европы [Четвертной, 1988, с. 77].

Ускорить процесс по заключению торгового договора стремилась и советская сторона: в 1957 году председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин направил К. Аденауэру письмо, где говорилось о желании Москвы укрепить экономические связи с Бонном. В итоге после длительных консультаций в 1958 году Г. фон Бретано и А. И. Микоян, первый заместитель председателя Совмина и бывший нарком внешней торговли, подписали Соглашение о товарном и платежном обороте. Одной из главных целей соглашения было увеличение взаимного товарооборота до 1,2 млрд марок к 1960 году против 17,2 млн марок в 1952 году, когда был создан Восточный комитет германской экономики [50 years…, 2020, p. 2]. О позитивном эффекте данного соглашения наглядно свидетельствует резкое увеличение двусторонней торговли до 1,4 млрд в 1960 году, то есть выше изначально поставленной цели [Смирнов, 2011, с. 197].

Интенсивному развитию взаимной торговли способствовало также исключение в 1958 году труб для трубопроводов из списка продукции и товаров стратегического значения, на которые накладывалось экспортное эмбарго для всех стран-членов НАТО со стороны Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (англ. CoCom). Этим воспользовались, в первую очередь, западногерманские металлообрабатывающие предприятия из Рейнской области (например, Phoenix-Rheinruhr).

CC BY

Они начали активно поставлять в Советский Союз трубы для трубопроводов, разного рода металлические сплавы и промышленное оборудование [50 years…, 2020, p. 2]. СССР же стал осуществлять поставки сырья в ФРГ (нефть, уголь) и в перспективе планировал экспорт газа. Таким образом, именно в 1958—1960-е годы и началось активное сотрудничество Москвы и Бонна в вопросах энергетики.

Трубы, импортируемые из Западной Германии, имели большое значение для развития сырьевого сектора экономики СССР. В период зарождения советско-западногерманского энергетического диалога началось освоение крупных газовых месторождений на Южном Урале, а уже в 1960-х годах было открыто месторождение на Северо-Западе Сибири, бывшее на тот момент одним из крупнейших в мире, позже ставшее известным как Уренгойское. Импортные трубы позволили увеличить объемы сырья, поставляемого на внутренний рынок, и тем самым удовлетворить растущий спрос [Götz, 2004, S. 4]. Кроме того, производимые в ФРГ трубы большого диаметра использовались для строительства сетей трубопроводов в направлении европейских партнеров Москвы по Союзу экономической взаимопомощи (СЭВ), что повысило авторитет СССР в социалистическом блоке и одновременно внесло значительный вклад в укрепление советского экспорта энергоносителей на Запад.

В 1959—1962 годы такие западногерманские концерны, как Mannesmann, Krupp, Hoesch и другие, поставили в СССР около 600 тыс. тонн труб крупного диаметра [Ibid., p. 3]. И даже несмотря на резко обострившийся кризис в советско-западногерманских отношениях на рубеже 1950—1960-х годов, кульминацией которого стало возведение Берлинской стены в августе 1961 года, экономический диалог двух государств не был прекращен и продолжил интенсивно развиваться. В 1960 году был подписан новый торговый договор между Москвой и Бонном, а также были заключены соглашения о поставках еще 163 тыс. тонн труб, которые Советский Союз планировал использовать для строительства нефтепровода «Дружба» с целью поставок сырья в ГДР и другие европейские социалистические страны [Müller et al., 1982, S. 66].

3.2. Ключевые межгосударственные соглашения между СССР и ФРГ в области энергетики и характеристика двустороннего энергетического диалога

Установление контактов между представительствами руководств СССР и ФРГ, отвечающих за вопросы энергетической политики, и деловыми кругами и их стремительное развитие в 1960-х годах, обернувшееся заключением первых контрактов советской промышленности с крупным западногерманским бизнесом, создали к началу 1970-х годов благоприятные

CC BY

условия для начала полномасштабного взаимодействия Москвы и Бонна в энергетике [Götz, 2004, S. 5]. Этому способствовали и политические изменения вышеуказанного периода. С приходом к власти в 1969 году социал-демократа В. Брандта кардинально изменилась внешнеполитическая доктрина ФРГ в сторону сближения со странами-членами Организации Варшавского договора («новая восточная политика»). В мировой политике в этот период также стали намечаться изменения в сторону снижения глобальной напряженности, результатом которых стало подписание Хельсинкского заключительного акта в 1975 году.

Примечательно, что важным шагом на пути к полномасштабному экспорту энергоносителей из СССР в Западную Германию стал заключенный между СССР и Австрией договор о поставках газа в 1968 году, в соответствии с которым советская сторона должна была экспортировать газ в Австрию путем продления газопровода «Союз», проходившего из Сибири через Украину в Чехословакию. Позже газопровод достроили и до Италии. Для его строительства австрийской стороной были использованы трубы, заказанные у западногерманского предприятия Thyssen. Успех соглашения с Австрией как с первой страной Западной Европы (хоть и нейтральной) при косвенном участии западногерманского концерна был очевиден: уже в первый год эксплуатации нового газопровода Transgas было поставлено 142 млн куб. м газа, в обмен на который Советский Союз получил трубы [50 лет…, 2018].

На фоне этого стала активно обсуждаться возможность проведения газового трубопровода дальше в ФРГ по схожей схеме обмена газа на трубы. Подобная сделка с Москвой представлялась для прагматика В. Брандта выгодной не только с экономической, но и с политической точки зрения, поскольку экономическое сближение двух государств могло стать основой для налаживания конструктивных советско-западногерманских отношений, что было особенно важно после событий в Чехословакии 1968 года. Новый импульс идее о заключении договора «газ — трубы» придала встреча министра внешней торговли СССР Н. С. Патоличева с министром экономики ФРГ К. Шиллером в ходе Ганноверской промышленной выставки весной 1969 года, где они обсудили возможность поставок советских энергоносителей в Западную Германию. Ведение переговоров по газовому соглашению от ФРГ было поручено статс-секретарю министерства экономики ФРГ К. фон Донаньи. В 1969 году он нанес свой первый визит в Москву в рамках переговорного процесса. Позже статс-секретарь назовет эти переговоры «началом политики продуманной оттепели» [Deutschlandfunk, 2014].

Советский Союз также был весьма заинтересован в газовом соглашении с ФРГ. Наряду с экономической выгодой, которую получала Москва от по-

CC BY

добного договора за счет импорта передового западногерманского промышленного оборудования, труб большого диаметра и комплектующих, СССР мог бы использовать активизацию энергетического диалога с ФРГ в качестве исходного пункта политики «разрядки» в отношении стран Запада.

Активное участие в разработке будущего соглашения принимали и западногерманские концерны. Летом 1969 года переговоры с Москвой вел Г. Шельбергер, генеральный директор Ruhrgas AG, крупнейшей западногерманской газовой компании. Западногерманские СМИ писали о готовящейся сделке как о «крупнейшей и политически наиболее значимой со времен окончания Второй мировой войны» [Der Spiegel, 1986].

Переговоры длились в течение девяти месяцев, и в феврале 1970 года в отеле «Кайзерхоф» в Эссене была официально заключена сделка «газ — трубы», которая представляла собой комплекс из трех соглашений. Первое соглашение касалось поставок советского газа в ФРГ объемом до 3 млрд куб. м ежегодно общей стоимостью около 2,5 млрд немецких марок в течение 20 лет [Смирнов, 2011, с. 199]. По второму договору западногерманские концерны Mannesmann и Thyssen обязывались поставить в Советский Союз 1,2 млн тонн труб крупного диаметра (1,42 м), часть из которых использовалась для продления газопровода Transgas на территорию ФРГ. И, наконец, третье соглашение закрепляло финансовые гарантии поставок труб путем предоставления СССР кредита сроком на 12 лет и размером 1,2 млрд марок со стороны консорциума банков ФРГ (всего 17 банков) во главе с Deutsche Bank [Там же].

И хотя объемы поставок газа по данному соглашению были весьма скромными по сравнению, например, с сегодняшним днем (согласованные 52 млрд куб. м газа в течение 20 лет примерно совпадают с ежегодным оборотом газа по проекту «Северный поток — 2»), значение договора трудно переоценить [50 years…, 2020, p. 4]. 6 июля 1970 года была отправлена первая партия труб из Мюльхайма, а через 3 года, 1 октября 1973 года, в баварском Вайдхаусе газопровод был торжественно запущен в эксплуатацию. Подобный контракт стал единственным в своем роде на тот момент в плане масштаба и задействованных сторон (СССР и ФРГ, страначлен НАТО). За ним последовала серия похожих соглашений 1973, 1974 и 1981 годов, укреплявших энергетическое взаимодействие Москвы и Бонна и еще больше увеличивших объем экспорта советского газа в ФРГ. В договоре 1973 года стороны согласились нарастить масштаб взаимного оборота — количество поставляемых труб удвоилось до 2,4 млрд тонн, а поставки газа увеличились с 52 до 120 млрд куб. м газа за 20 лет. По соглашению 1974 года объем экспорта труб достиг 3,7 млрд тонн, а газа — 180 млрд куб. м, четвертый же контракт предусматривал рост поставок газа еще на

CC BY

8 млрд куб. м в обмен на компрессионные станции для обслуживания газопровода [Смирнов, 2011, с. 199]. Успехи во взаимной советско-западногерманской торговле незамедлительно отразились на позициях и авторитете Восточного комитета германской экономики, выступавшего с первого года своего основания за активные экономические контакты с Восточной Европой и, в частности, с СССР. Если в 1952 году в комитете участвовало 100 компаний, то уже к 1974 году членство в организации расширилось до 1000 предприятий, при этом в одной лишь рабочей группе комитета по СССР насчитывалось до 250 фирм [50 years…, 2020, p. 5].

Важность вышеуказанных соглашений между Москвой и Бонном для развития двусторонней газовой торговли в среднесрочной перспективе была очевидной. Именно благодаря этим долгосрочным соглашениям СССР выступал основным поставщиком газа в ФРГ вплоть до распада страны в конце 1991 года, и на протяжении всех 1980-х годов экспорт советского газа в ФРГ и его доля в общем западногерманском импорте имели стабильно высокие значения и ежегодно росли (табл. 1).

Таблица 1

Импорт советского газа в ФРГ (1982—1991 годы)

Год	**Объем поставок, млрд куб. м**	**Доля в общем импорте газа ФРГ**
1982	15,5	35 %
1983	15,1	34 %
1984	20	46 %
1985	20,1	43 %
1986	24	49,5 %
1987	25,6	49,7 %
1988	26,2	50,2 %
1989	28,6	50 %
1990	29,1	49,8 %
1991	26,3	43,5 %

Источник: [Bros et al., 2017, p. 13].

Как и предполагалось, налаживание более тесных взаимоотношений двух государств в энергетической сфере способствовало интенсификации политического диалога, что, в совокупности с другими факторами, привело к началу так называемой разрядки политической обстановки в Европе. В том же 1970 году был подписан известный Московский договор между ФРГ и СССР, закрепивший нерушимость существовавших тогда границ в Европе и открывший дорогу к взаимному признанию ФРГ и ГДР. По-

CC BY

ложение договора о приверженности Москвы и Бонна общеевропейской безопасности позже развилось в Хельсинкском акте 1975 года. Рассматривая влияние сделки «газ — трубы» с этой перспективы [Pleins, 2011, S. 31], уместно сделать вывод о ее высоком политическом значении.

Еще бóльшую актуальность энергетический диалог ФРГ с СССР приобрел осенью 1973 года, когда вследствие разразившейся на Ближнем Востоке войны Судного дня арабские страны решили резко сократить добычу и экспорт нефти с целью оказания давления на западные страны, поддерживавшие Израиль и в то же время сильно зависевшие от нефтяного импорта из Персидского залива. В результате этого к 1974 году цены на сырье выросли на 300 % [Беш, 2016, с. 82]. На повестке дня стран Запада все более остро стоял вопрос о диверсификации импорта энергоносителей. Очевидной представлялась зависимость энергетической безопасности Европы от ситуации на Ближнем Востоке и политической составляющей отношений Запада с арабскими странами. Энергетический диалог с СССР, в свою очередь, отличался прагматизмом и доказал свою устойчивость перед различными политическими противоречиями, так или иначе возникавшими между Москвой и западноевропейскими государствами. Примером реакции стран Запада и, в частности, ФРГ на энергетический кризис и переориентации на СССР выступали указанные соглашения 1973, 1974 и 1981 годов, заключенные в дополнение к изначальной сделке «газ — трубы» 1970 года [Pleins, 2011, S. 35].

Что касается нефти и ее импорта, то здесь еще четче и нагляднее прослеживается переориентация ФРГ со стран Ближнего Востока в сторону Советского Союза. В 1975 году на ближневосточные государства приходилось 52 % от всего импорта нефти в ФРГ, в 1980 году доля снизилась до 35 %, а в 1986—1988 годах упала до 15—18 % и из года в год постепенно уменьшалась [50 лет…, 2018]. Относительно доли СССР в поставках нефти в Западную Германию наблюдался прямо противоположный тренд: в 1975 году показатель составил 3,2 %, в 1980 году достиг 19,4 %, а спустя еще пять лет вырос до 27 % и с тех пор демонстрировал стабильные значения [Jahresbericht, 2020].

3.3. Фактор санкционного давления и влияния политической конъюнктуры на энергетический диалог СССР и ФРГ

Несмотря на преимущественно позитивный характер развития советско-западногерманского энергетического взаимодействия в 1955—1982 годы, необходимо отметить, что становление и укрепление двустороннего энергетического диалога пришлось на турбулентный период в международной политике. За три десятилетия Европа и мир в целом успели оказаться на пороге ядерной войны (Карибский кризис 1963 года),

CC BY

достичь сближения противоборствующих лагерей в рамках «разрядки» начала 1970-х годов и пережить ее кризис в конце того же десятилетия. Подобные колебания не могли не отразиться и на отношениях между Москвой и Бонном, в том числе и в энергетической отрасли. При этом проблема политического давления и санкций как одного из инструментов такого давления проходила красной нитью через все энергетическое сотрудничество СССР и ФРГ во второй половине XX века.

Одним из первых серьезных проявлений воздействия внешней политической среды на нефтегазовое партнерство Бонна и Москвы стали события начала 1960-х годов. В 1962 году между США и СССР разразился Карибский кризис, и Холодная война вступила в еще более острую фазу. В этих условиях в 1963 году под давлением Вашингтона и лично президента Д. Кеннеди канцлер К. Аденауэр распорядился прекратить поставки труб в Советский Союз, иными словами, наложить эмбарго на этот вид экспортной продукции. Под удар попали контракты на более чем 130 тыс. тонн труб, при этом наибольшие убытки понесли металлопромышленные компании Рурской области. Недовольство решением наблюдалось не только среди промышленников и бизнеса, но и в Бундестаге. Кроме оппозиционных фракций, против эмбарго была настроена и Свободная демократическая партия ФРГ (СвДП), партнер блока ХДС/ХСС по правящей коалиции, ввиду чего К. Аденауэру пришлось идти на некоторые ухищрения. В ходе закрытого заседания парламента, которое было посвящено вопросу введенного эмбарго, депутаты от ХДС/ХСС покинули зал перед голосованием, в результате чего Бундестаг не имел кворума. Этот демарш предотвратил голосование по поводу снятия ограничений на экспорт труб [von Amerongen, 1992, S. 212]. При этом в Бундестаге правительство пыталось всячески отстоять свой курс. 18 марта 1963 года в ходе дебатов по вопросу вышеупомянутого эмбарго министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер заявил: «Я всей душой выступаю за поддержку металлургической и сталелитейной промышленности <…> Но сейчас мне необходимо выбирать между интересами внешней политики и интересами экономики <…> И здесь я выберу внешнюю политику» [DB, 1963, S. 3072]. В связи с этим отнюдь не удивительно, что крупные промышленники, понесшие значительные потери из-за запрета поставок труб на Восток, несколько отстранились от правящего блока, традиционно пользовавшегося широкой поддержкой металлопромышленных концернов: например, Mannesmann понес убытки в размере более 80 млн. марок, поскольку 30 % всего экспорта данного предприятия приходилось на Советский Союз [von Amerongen, 1992, S. 152].

Важно отметить, что под «интересами внешней политики», о которых заявил Г. Шредер в своей речи в Бундестаге, подразумевался не столько

CC BY

ценностно-идеологический аспект противостояния в Холодной войне, сколько гарантии Вашингтона по защите ФРГ. Белый дом увязывал свою готовность обеспечивать оборону Западной Германии с соблюдением Бонном эмбарго на поставки труб в СССР [Engels et al., 1996, S. 230]. Неслучайно Л. Эрхард говорил о том, что поддержка ограничительных мер против СССР «затрагивает жизненные интересы ФРГ» и что, «исходя из этих интересов, Бонн ни при каких обстоятельствах не может позволить себе действовать в нарушение единогласного решения стран-членов НАТО» [DB, 1963, S. 3061—3077]. При этом, как отмечают германские исследователи М. Энгельс и П. Шварц, министр не упомянул, что в это же время британские фирмы вели переговоры с Советским Союзом по поставке тех же труб, а правительство Великобритании заявило, что не будет этому препятствовать [Engels et al., 1996, S. 232].

Любопытную оценку давлению США на руководство ФРГ в этом вопросе дал посол Западной Германии в СССР Х. Греппер, отметив в своем письме статс-секретарю МИД ФРГ К. Карстенсу, что «американцы рассматривают эмбарго на экспорт труб в СССР как проверку солидарности Запада на прочность» [AAPD, 1994, S. 75—79]. Похожую точку зрения разделяют М. Энгельс и П. Шварц: «Подобными угрозами (прекратить выполнение обязательств по обороне ФРГ в случае несоблюдения ей эмбарго. — *Р. Р., Г. Б.*) США сделали четкую увязку торговли ФРГ со странами Восточной Европы с вопросами безопасности в Европе и сплоченности НАТО» [Engels et al., 1996, S. 230].

Ситуация вокруг эмбарго на экспорт труб в Советский Союз имела серьезные политические последствия. В 1963 году под давлением германской общественности и политических кругов, недовольных в том числе и запретом на экспорт труб в СССР, К. Аденауэр ушел в отставку, а его место занял Л. Эрхард. После разрешения Карибского кризиса и начала ослабления политической напряженности в мире ФРГ получила больше пространства для маневра на рынках стран Восточной Европы. К тому же снятие ограничений на западногерманский бизнес соответствовало взглядам Л. Эрхарда, сторонника либеральной рыночной экономики, который выступал против сильной роли государства в экономических процессах. И к середине 1960-х годов во взаимоотношениях Западной Германии и СССР по вопросам энергоносителей наметились изменения в положительную сторону. В 1965 году был одобрен механизм экспортных кредитов с государственными гарантиями странам социалистического блока на более длительные сроки для осуществления крупных и долгосрочных поставок, а год спустя кабинет Л. Эрхарда полностью снял запреты на экспорт труб большого диаметра [Meier 2010, S. 17].

CC BY

Проблема санкций еще раз обострилась через 20 лет и вновь пришлась на период качественных трансформаций в мировой политике. И, как в 1962—1963 годах, в начале 1980-х годов между Западом и странами Организации Варшавского договора обострился кризис, отразившийся на дискуссиях о дальнейшем развитии нефтегазового сотрудничества между Москвой и Бонном.

До начала кризиса «разрядки», однако, советско-западногерманский энергетический диалог развивался стремительно, чему не в малой степени способствовал растущий спрос на энергоносители в странах Западной Европы. В ответ на это Москва рассматривала возможность строительства нового газопровода из Ямала в Западную Европу через Белоруссию и Польшу. После Исламской революции в Иране в 1979 году и вызванного этим нового витка кризиса и нестабильности цен на энергетическом рынке ФРГ под руководством канцлера Г. Шмидта, социал-демократа и преемника В. Брандта, начала активно прощупывать возможности своего участия в перспективном советском проекте и с 1980 года вести переговоры по данному вопросу [50 years…, 2020, p. 6]. Однако, как и двадцатью годами ранее, Бонн стал заложником политики США. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 году ознаменовал кризис «разрядки»: Вашингтон призывал своих партнеров по НАТО отказаться от энергетических сделок с СССР и ввести экономические санкции. Все это стало большим ударом для проекта Ямальского газопровода и западногерманского участия в нем. В своих воспоминаниях о переговорах с США в то время О. В. фон Амеронген писал, что тогда в Вашингтоне разделяли убеждение в том, что «Федеративная Республика (Германия. — *Р. Р., Г. Б.*) впадает в крайне опасную зависимость от Москвы» [von Amerongen 1992, S. 231].

Приход к власти в США Р. Рейгана в 1981 году ознаменовал ужесточение санкционной политики в отношении Москвы. В декабре этого же года Вашингтон ввел эмбарго на поставки оборудования для советских компрессионных станций, а полгода спустя ограничительные меры затронули и западноевропейские предприятия, экспортировавшие аналогичную продукцию, произведенную по американским лицензиям, в Советский Союз. В качестве альтернативы США предлагали свои энергоносители, однако подобные идеи были недостаточно продуманными (например, транспортировка сжиженного газа из Аляски) и не сулили большой выгоды для европейцев [50 years…, 2020, p. 9]. ФРГ и другие страны Западной Европы жестко отстаивали свои интересы, продолжая участвовать в строительстве новых веток газопровода. Даже несмотря на американские санкции, введенные против западноевропейских компаний из-за их участия в проекте, ФРГ, Франция, Великобритания, Италия проявили солидарность, не усту-

CC BY

пив требованиям Вашингтона, что в итоге привело к отмене запрета на поставки газового оборудования в СССР осенью 1982 года.

Как можно заметить, прагматизм западногерманского руководства в экономических связях с Москвой возобладал над идейными установками, несмотря на сильное давление со стороны США. И более того, энергетическое сотрудничество развивалось стремительными темпами после подписания газового соглашения между «Союзгазэкспортом» и Ruhrgas AG в 1981 году, которое предусматривало поставки дополнительных 8 млрд куб. м газа в ФРГ и 12 млрд куб. м в другие государства Западной Европы на период 1984—2008 годов. Такие действия правительства ФРГ и западногерманских предприятий не могли не сказаться на отношениях между ФРГ и США, и для сглаживания противоречий был расширен список продукции стратегической важности, на которые накладывалось эмбарго на экспорт в страны социалистического блока. При этом доля советского газа в общем импорте в ФРГ увеличилась с 17 % до 30 % [Афанасьева, 2021]. Заметное повышение важности поставляемого из СССР сырья для западногерманского рынка вызывало настороженность в США, несмотря на уверения О. В. фон Амеронгена в том, что лимит в 30 % не повлечет за собой серьезной зависимости Бонна от Москвы [von Amerongen, 1992, S. 231]. Солидарность государств Западной Европы обеспечила устойчивость дальнейших энергетических взаимоотношений с СССР, однако нельзя сказать, что американские санкции не повлияли на энергетический диалог СССР с Западом: запрет США на экспорт нефтегазового оборудования стал одной из причин медленных темпов строительства двух веток советского газопровода на Запад [Афанасьева, 2021].

4. Заключение = Conclusions

Становление советско-западногерманского энергетического партнерства в послевоенный период было обусловлено объективными экономическими и политическими процессами в Европе, а также активной деятельностью представителей руководства СССР, правительства и деловых кругов ФРГ еще накануне установления официальных дипломатических отношений между странами в 1955 году. Интерес к развитию двустороннего диалога в данной области продолжал расти по мере его интенсификации.

С момента активизации полномасштабного энергетического взаимодействия СССР и ФРГ в 1970-х годах в экономических отношениях превалировал конструктивный диалог, что подразумевало поддержание деловых контактов, ведение торговых переговоров и заключение соответствующих соглашений без строгой увязки с политическим измерением двусторонних связей и международной политической конъюнктурой. Такой подход

CC BY

позволил обеим странам продолжить развивать результативное торгово-экономическое партнерство в дальнейшем, уже имея прочный фундамент [Meier, 2010, S. 23].

Разумеется, санкционное давление и влияние третьих сторон в условиях политического противостояния эпохи Холодной войны накладывало отпечаток на дискуссию о дальнейших планах развития советско-западногерманского энергетического партнерства с учетом того, что кризисы в сфере политики и безопасности могли обернуться для обеих стран резким сокращением экономического взаимодействия, как это было, например, в начале 1960-х годов. Здесь примечательна тактика Вашингтона, направленная на подрыв советско-западногерманского диалога в энергетике в периоды активного переговорного процесса между Москвой и Бонном по расширению взаимодействия [Engels et al., 1996, S. 227]. При этом если на момент 1962—1963 годов, когда не без последствий для внутриполитической ситуации ФРГ присоединилась к эмбарго на экспорт труб в СССР, оба государства не были связаны долгосрочными соглашениями в области нефтегазовой торговли, а советская нефть и уголь поставлялись лишь в незначительных объемах, то накануне нового витка обострения отношений между Москвой и Западом в начале 1980-х годов Советский Союз и Западная Германия уже обладали широкой договорной базой в рассматриваемой области, причем масштабы торговли углеводородами (прежде всего, газом) отличались больши́ми объемами. Взаимовыгодное энергетическое сотрудничество двух стран и серьезные потенциальные издержки, которые они могли бы понести в случае его разрыва, выступали одной из причин того, что прагматичный подход руководств СССР и ФРГ к их двустороннему взаимодействию в нефтегазовой отрасли оставался одним из ключевых принципов советско-западногерманских, а позднее и российско-германских энергетических отношений.

Источники и принятые сокращения

1. *50 лет* надежных поставок российского газа в Австрию. ПАО «Газпром» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gazprom.ru/press/news/2018/june/article433093/ (дата обращения 05.07.2022).

2. *50 years* of pipes for gas. Mittel- und Osteuropa Jahrbuch 2020. German Eastern Business Association. — June, 2020. — 18 p.

3. AAPD — *Akten zur* Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1963 / Vgl. H.-P. Schwarz. — München : R. Oldenbourg Verlag, 1994. — Bd I : 1. Januar bis 31. Mai 1963. — 2014 S.

4. *Der Spiegel* [Electronic Resource]. — Access mode : http://www.spiegel.de/ (accessed 10.06.2022).

5. *Deutschlandfunk* [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.deutschlandfunk.de/ (accessed 08.06.2022).

6. *Die Zeit.* [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.zeit.de/index (accessed 23.05.2022).

7. DB — *Deutscher Bundestag*. Stenographischer Bericht, 4. Wahlperiode, 68. Sitzung vom 18. März 1963. — 3125 S.

8. *Jahresbericht 2020.* Mineraloelwirtschaftsverband e.V. [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.mwv.de/wp-content/uploads/2020/09/MWV_Mineraloelwirtschaftsverband-e.V.-Jahresbericht-2020-Webversion.pdf (accessed 10.07.2022).

9. Von Amerongen O. W. *Der Weg* nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft / O. W. von Amerongen. — München : Droemer Knaur, 1992. — 351 S.

Литература

1. *Афанасьева М.* История и перспективы энергетических сделок между Россией и Германией на фоне санкций США и «зеленой» энергополитики [Электронный ресурс] / М. Афанасьева // РСМД. 14.04.2021. — Режим доступа : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiey-i-germaniey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/ (дата обращения 15.05.2022).

2. *Беш Ф.* «Энергетическая дипломатия» : Западная Германия, Советский Союз и нефтяные кризисы 1970-е гг. / Ф. Беш // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 1 (50). — С. 79—90.

3. *Зарицкий Б. Е.* Экономика Германии / Б. Е. Зарицкий. — Москва : МГИМО-Университет, 2019. — 488 с. — ISBN 978-5-9228-2049-3.

4. *Павлов Н. В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. — Москва : Международные отношения, 2012. — 800 с. — ISBN 978-5-7133-1407-1.

5. *Павлов Н. В.* Россия и Германия : Несостоявшийся альянс / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 588 с. — ISBN 978-5-7567-0854-7.

6. *Смирнов С. В.* У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века) / С. В. Смирнов // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 2. — С. 193—200.

7. *Тимошина Т. М.* Экономическая история зарубежных стран / Т. М. Тимошина. — Москва : Юстицинформ, 2016. — 506 с. — ISBN 978-5-7205-1309-2.

8. *Филитов А. М.* Московский визит Аденауэра 1955 г. / А. М. Филитов // РСМ. — 2006. — № 2. — С. 177—186.

9. *Четвертной Л. М.* СССР — ФРГ : проблемы торгово-экономического сотрудничества / Л. М. Четвертной. — Москва : Международные отношения, 1988. — 160 с. — ISBN 5-1733-0115-X.

10. *Bros A.* German-Russian Gas Relations. A Special Relationship in Troubled Waters / A. Bros, T. Mitrova, K. Westphal // SWP Research Paper 2017/RP 13. — 48 p.

11. *Engels M.* Alliierte Restriktionen für die Außenwirtschaftspolitik der Bundesrepublik Deutschland. Das Röhrenembargo von 1962/1963 und das Ergas-Röhrengeschäft von 1982 // M. Engels, P. Schwartz ; H. Haftendorn, H. Riecke (Hrsg.). — Baden-Baden, 1996. — S. 227—242.

12. *Götz R.* „Schweigen für Gas?“ Deutschlands Abhängigkeit von Rußlands Energielieferungen / R. Götz // SWP-Aktuell 2004/A 43. — 15.09.2004. — 5 S.

13. *Meier C.* Deutsch-Russische Wirtschaftsbeziehungen / C. Meier // Comité d’études des relations franco-allemandes. Note du Cerfa. — 2010. — S. 14—24.

14. *Müller H.* Osthandel oder Wirtschaftskrieg? Die USA und das Gas-Röhren Geschäft / H. Müller, R. Robe. — Frankfurt/Main : Haag + Herchen, 1982. — 124 S. — ISBN 3881295453.

15. *Pleins H.* Die russische Erdöl- und Erdgaswirtschaft. Aktuelle Entwicklungen im Überblick / H. Pleins // Forschungsstelle Osteuropa Bremen, Arbeitspapiere und Materialien. — 2011. — Nr. 113. — 46 S.

Material resources

Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1963, I: 1. Januar bis 31. Mai 1963. (1994). München: R. Oldenbourg Verlag. 2014 S. (In Germ).

Der Spiegel. Available at: http://www.spiegel.de/ (accessed 10.06.2022). (In Germ).

Deutschlandfunk. Available at: https://www.deutschlandfunk.de/ (accessed 08.06.2022). (In Germ).

Die Zeit. Available at: https://www.zeit.de/index (accessed 23.05.2022). (In Germ).

Deutscher Bundestag. (1963). *Stenographischer Bericht, 4. Wahlperiode, 68. Sitzung vom 18. März.* 3125 S. (In Germ).

Jahresbericht 2020. Mineraloelwirtschaftsverband e.V. Available at: https://www.mwv.de/wp-content/uploads/2020/09/MWV_Mineraloelwirtschaftsverband-e.V.-Jahresbericht-2020-Webversion.pdf (accessed 10.07.2022). (In Germ).

50 years of reliable Russian gas supplies to Austria. PJSC Gazprom. Available at: https://www.gazprom.ru/press/news/2018/june/article433093 / (accessed 05.07.2022). (In Russ.).

50 years of pipes for gas. (2020). *Mittel- und Osteuropa Jahrbuch 2020. German Eastern Business Association. June.* 18 p.

Von Amerongen, O. W. (1992). *Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft.* München: Droemer Knaur. 351 S. (In Germ).

References

Afanasyeva, M. (2021). History and prospects of energy deals between Russia and Germany against the background of US sanctions and “green” energy policy. In: *INF. 14.04.21.* Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiey-i-germaniey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze (accessed 15.05.2022). (In Russ).

Besh, F. (2016). “Energy Diplomacy”: West Germany, the Soviet Union and the oil crises of the 1970s. *Ural Historical Bulletin, 1 (50):* 79—90. (In Russ).

Bros, A., Mitrova, T., Westphal, K. (2017). German-Russian Gas Relations. A Special Relationship in Troubled Waters. In: *SWP Research Paper 2017/RP 13.* 48 p.

Chetvertnoy, L. M. (1988). *USSR — FRG: problems of trade and economic cooperation.* Moscow: International Relations. 160 p. ISBN 5-1733-0115-X. (In Russ).

Engels, M., Schwartz, P. (1996). Alliierte Restriktionen für die Außenwirtschaftspolitik der Bundesrepublik Deutschland. Das Röhrenembargo von 1962 / 1963 und das Ergas-Röhrengeschäft von 1982. Baden-Baden. 227—242. (In Germ.).

Filitov, A. M. (2006). Moscow visit of Adenauer 1955. *RSM, 2:* 177—186. (In Russ).

Götz, R. (2004). „Schweigen für Gas?“ Deutschlands Abhängigkeit von Rußlands Energielieferungen. In: *SWP-Aktuell 2004/A 43. 15.09.* 5 S. (In Germ.).

Meier, C. (2010). Deutsch-Russische Wirtschaftsbeziehungen. In: *Comité d’études des relations franco-allemandes. Note du Cerfa.* 14—24. (In Germ.).

Müller, H., Robe, R. (1982). *Osthandel oder Wirtschaftskrieg? Die USA und das Gas-Röhren Geschäft.* Frankfurt/Main: Haag + Herchen. 124 S. ISBN 3881295453. (In Germ.).

CC BY

Pavlov, N. V. (2012). *History of German Foreign Policy. From Bismarck to Merkel.* Moscow: International Relations. 800 p. ISBN 978-5-7133-1407-1. (In Russ).

Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany: The Failed Alliance.* Moscow: Aspect Press. 588 p. ISBN 978-5-7567-0854-7. (In Russ).

Pleins, H. (2011). Die russische Erdöl- und Erdgaswirtschaft. Aktuelle Entwicklungen im Überblick. *Forschungsstelle Osteuropa Bremen, Arbeitspapiere und Materialien, 113:* 46 S. (In Germ.).

Smirnov, S. V. (2011). At the origins of the Russian-German energy interaction (the 70s of the twentieth century). *Bulletin of MGIMO University, 2:* 193—200. (In Russ).

Timoshina, T. M. (2016). *Economic history of foreign countries*. Moscow: Justicinform. 506 p. ISBN 978-5-7205-1309-2. (In Russ).

Zaritsky, B. E. (2019). *Economics of Germany.* Moscow: MGIMO University. 488 p. ISBN 978-5-9228-2049-3. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 12.06.2022,
одобрена после рецензирования 04.08.2022,
подготовлена к публикации 24.08.2022.

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Евдокимов Я. С. Трансформация модели отношений органов власти и СМИ Ростовской области в 1985—1991 годах / Я. С. Евдокимов, В. В. Наухацкий // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 372—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-372-390.

Evdokimov, Ia. S., Naukhatsky, V. V. (2022). Transformation of Model of Relations between Authorities and Media of Rostov Region in 1985—1991. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 372-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-372-390. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-372-390

Трансформация модели отношений органов власти и СМИ Ростовской области в 1985—1991 годах

Евдокимов Ярослав Сергеевич
orcid.org/0000-0001-5347-3117
аспирант
solomon365@yandex.ru

Наухацкий Виталий Васильевич
orcid.org/0000-0002-0969-2408
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторических наук и политологии
naoukhatskiy@rambler.ru

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)

Transformation of Model of Relations between Authorities and Media of Rostov Region in 1985—1991

Iaroslav S. Evdokimov
orcid.org/0000-0001-5347-3117
Post-graduate student
solomon365@yandex.ru

Vitaly V. Naukhatsky
orcid.org/0000-0002-0969-2408
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of History and Political Science
naoukhatskiy@rambler.ru

Rostov State University of Economics
(Rostov-on-Don, Russia)

© Евдокимов Я. С., Наухацкий В. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются предпосылки формирования современной модели взаимоотношений органов региональной власти и печатных средств массовой информации в Ростовской области, а также процесс эволюции этих взаимоотношений с 1985 по 1991 годы. Автором выделены два характерных этапа, проведено их исследование, выявлены характеристики и особенности. Представлены результаты сравнительного анализа по ряду основополагающих параметров, таких как степень самостоятельности редакционных коллективов в выборе информационной повестки, административный и законодательный контроль со стороны партийного руководства. Особое внимание уделяется историческому контексту, а также особенностям развития самого института СМИ. Новизна исследования видится в том, что комплексное исследование взаимоотношений органов региональной власти и печатных средств массовой информации на материалах Ростовской области ранее не проводилось, в научный оборот введен ряд ранее неопубликованных архивных документов. Установлено, что к 1991 году в донских СМИ возникли и укрепились горизонтальные связи, начали формироваться новые подходы к взаимодействию с органами государственной власти, новое поколение профессионалов-журналистов, активно занявшихся политикой (они избирались в представительные органы власти разных уровней), началось развитие коммерческой рекламы.

Ключевые слова:
Россия; Ростовская область; КПСС; органы государственной власти; средства массовой информации; партийно-советская печать; административный контроль; законодательное регулирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The prerequisites for the formation of a modern model of relations between regional authorities and print media in the Rostov region, as well as the process of evolution of these relations from 1985 to 1991 is discussed in the article. The author singled out two characteristic stages, carried out their study, revealed characteristics and features. The results of a comparative analysis are presented on a number of fundamental parameters, such as the degree of independence of editorial teams in choosing an information agenda, administrative and legislative control by the party leadership. Particular attention is paid to the historical context, as well as the peculiarities of the development of the media institution itself. The novelty of the study is seen in the fact that a comprehensive study of the relationship between regional authorities and the print media on the materials of the Rostov region has not been previously carried out, a number of previously unpublished archival documents have been introduced into scientific circulation. It has been established that by 1991, horizontal ties had arisen and strengthened in the Don media, new approaches to interaction with state authorities began to take shape. A new generation of professional journalists who were actively involved in politics (they were elected to representative bodies of power at various levels), the development of commercial advertising began.

Key words:
Russia; Rostov region; CPSU; government departments; mass media; party-Soviet press; administrative control; legislative regulation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:070(470.61)“1985/1991”

Трансформация модели отношений органов власти и СМИ Ростовской области в 1985—1991 годах

© Евдокимов Я. С., Наухацкий В. В., 2022

1. Введение = Introduction

В настоящее время, в эпоху кардинальных геополитических и социально-экономических преобразований в мире, научная актуальность изучения проблем, связанных с взаимодействием органов государственной власти и СМИ становится всё более очевидной. СМИ являются инструментом для формирования общественного мнения и общественных настроений и в то же время их выразителем. Глобальная медиатизация привела к тому, что сегодня каждый гражданин выступает полноправным субъектом информационного пространства с широким спектром прав и высоким уровнем ответственности.

Особенности взаимоотношений органов власти и СМИ в различных аспектах всё чаще становятся предметом научных исследований, причем ввиду того, что данная проблема является междисциплинарной, обширной и сложной с точки зрения трактовок и подходов, её разработкой занимаются не только историки, но и филологи (журналисты), политологи, социологи. Первым научным трудом в пределах обозначенных хронологических границ (1985—1991 годы), в котором исследовалась проблема взаимоотношений партийного руководства и советской печати, стала диссертация Л. И. Скрябиной [Скрябина, 1990]. Автор твердо стоит на позиции одобрения политики КПСС в вопросах обновления и реформирования политического и экономического уклада в стране, а гласность видится Л. И. Скрябиной основным показателем эффективности печати в реализации задач перестройки. Однако политико-идеологическая ориентация и система взглядов автора базируются на принципах марксизма-ленинизма. Безусловно, во многом это связано с тем, что исследование проводилось в конце 1980-х годов, когда идеологическое влияние КПСС ещё имело достаточно серьезный потенциал, хотя и становилось всё более формальным.

Весьма значимым с точки зрения анализа влияния СМИ на общественное мнение и общественные настроения является научный труд Л. М. Кузевановой, давшей обстоятельные характеристики основным векторам общественной мысли в центральной печати СССР в 1985—1991 годы [Кузеванова, 1999]. Изучены содержание и особенности основных направлений, среди которых ортодоксально-охранительное, ортодоксально-творческое, оппозиционное и либеральное.

CC BY

Исследования взаимоотношений органов власти субъектов Российской Федерации и СМИ проводятся на основе как общероссийского, так и регионального материала. В диссертации А. П. Расторгуева исследуются взаимоотношения органов власти Свердловской области и СМИ, предпосылки, природа и последствия конфликта политического руководства региона и журналистского сообщества в 1985—1991 годы [Расторгуев, 2010]. А. В. Хандажапов исследовал особенности, характерные черты развития печатных СМИ Республики Бурятия на фоне мощнейших экономических, социально-политических и духовно-нравственных трансформаций в 1990—2010 годы [Хандажапов, 2010]. Т. Л. Соколова изучала взаимоотношения органов региональной власти и печатных СМИ в 1985—1993 годах на материалах Европейского Севера Российской Федерации (Архангельской и Вологодской областей) [Соколова, 2009]. Особое внимание при этом уделено становлению механизмов административного и правового регулирования деятельности печатных СМИ и их влиянию на политическую обстановку в регионе.

Взаимоотношения органов власти и СМИ Ростовской области в 1985—1999 годы ещё не становились предметом глубокого комплексного исследования. На сегодняшний день существует ряд научных работ, в которых данная проблема рассматривалась косвенно, поскольку не являлась центральным предметом исследования. Так, С. В. Чуев анализировал политический процесс в Ростовской области в 1989—2004 годы [Чуев, 2005]. Донские печатные СМИ рассматривались через призму регионального политического пространства. Диссертация Р. И. Хандожко посвящена исследованию массового исторического сознания и динамики его трансформаций в контексте социально-политических изменений [Хандожко, 2010]. Донская печать изучалась и в аспекте определения степени её влияния на массовое сознание. Е. В. Елдинов посвятил свою работу роли донских СМИ в процессе трансформации городского сообщества [Елдинов, 2019].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Автор следовал важнейшему принципу исторической науки — принципу историзма. Это необходимое условие любого исследования, поскольку данный принцип подразумевает строгое соответствие хронологии и историческому процессу. Соблюдение принципа объективности обусловило отказ от стереотипов и идеологических установок в исторической науке, а также требовало привлечения широкого круга источников. На принципе детерминизма основан процесс построения причинно-следственных связей, выявленных в ходе исследования. Кроме этого, автором использованы специально-исторические методы: нарративный (описательный), истори-

CC BY

ко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, а также метод исторических аналогий и интервью.

Существуют различные подходы к изучению и классификации основных принципов взаимодействия СМИ и органов власти [Богоявленский, 2014, с. 7]. Наиболее распространённой является типология, созданная в 1956 году американскими исследователями Ф. Сибертом, Т. Петерсоном и У. Шраммом [Сибберт и др., 1998]. Ими были предложены четыре теории прессы: Модель независимой прессы или свободного рынка идей (либертарианская модель), Модель социальной ответственности, Авторитарная модель, Советская или социалистическая модель, Модель стран третьего мира, Модель демократического представительства.

В рамках вышеприведенных моделей возможно охарактеризовать взаимоотношения органов государственной власти и СМИ в масштабах страны. Однако в силу того, что регионы Российской Федерации имеют весьма выраженные различия с точки зрения экономической состоятельности, ментальности, уровня влияния местных политических элит на политический процесс и т. д., исследователями выделяются «локальные» модели взаимоотношений СМИ и региональной власти [Ивченкова, 2010]. На наш взгляд целесообразно обратиться к классификации, предложенной учрежденным Союзом журналистов России Институтом «Общественная экспертиза» [Общественная экспертиза…, 2000]. Данная классификация строится на основании ряда параметров, таких как информационная открытость власти, уровень свободы производства и распространения информации, медийная насыщенность региона, развитие регионального медийного и рекламного рынков, уровень медийной конфликтности региона, характер конфликтов (правовой, внеправовой), а также уровень и характер самоорганизации медийного сообщества. Классификация включает в себя семь основных региональных моделей СМИ: Авторитарный тип советской модели, Патерналистский тип советской модели, Модернизированный тип советской модели, Модель переходная к рыночной, Рыночная медийная модель, Конфронтационная модель, Депрессивная модель.

Ростовская область была отнесена к конфронтационной. Возникла эта медийная конструкция в условиях выраженного противоборства политики региональной власти, во многом авторитарной, с мощными, экономически состоятельными СМИ, сформировавшими за время экономических преобразований устойчивый и прибыльный рекламный рынок. Немаловажную роль сыграли и сильные традиции журналистского сообщества [Общественная экспертиза…, 2000].

Важно понимать, что все явления и процессы в медиасфере в наши дни являются результатом эволюции взаимоотношений органов власти и

CC BY

СМИ, а также самого института СМИ, начало которым в стране было положено ещё в 1985 году — во времена перестройки. Автором выделены два характерных этапа этого процесса на материалах Ростовской области: исследованы предпосылки, причинно-следственные связи, динамика, особенности и его последствия.

С целью комплексного изучения проблемы взаимоотношений органов региональной власти и печатных СМИ был использован ряд источников:

— законодательные акты и документы органов центральной и региональной власти — законодательные и подзаконные акты СССР, решения съездов и пленумов ЦК КПСС, директивы и постановления партийных и советских органов, Постановления бюро Ростовского обкома КПСС, Ростовского горкома КПСС, Таганрогского горкома КПСС и т. д.: анализ данной группы источников позволил раскрыть динамику процесса становления и эволюции институциональных и правовых основ государственного регулирования деятельности печатных СМИ Ростовской области в 1985—1991 годах;

— архивные источники: на основе документов, представленных в ГКУ Ростовской области «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (ЦДНИРО) и ГКУ Ростовской области «Государственный архив Ростовской области» (ГАРО), была прослежена эволюция взаимоотношений партийно-государственной власти и печатных СМИ Ростовской области, выявлены ее этапы, определены причинно-следственные связи. Кроме этого, массив ранее неопубликованных документов (стенограммы заседаний бюро Ростовского обкома и горкомов, стенограммы встреч партийного руководства с главными редакторами и работниками донских СМИ, аттестационные материалы журналистских кадров) позволил выявить особенности и закономерности в деятельности региональных партийных органов, определить степень их субъектности по отношению к ЦК КПСС в вопросах, связанных с контролем деятельности печатных СМИ Ростовской области;

— периодическая печать: печатные СМИ — один из наиболее ценных источников для исторического исследования, так как печать обеспечивает обратную связь в политико-властных отношениях, а также является инструментом структурирования общества и выразителем общественного мнения [Данилевский, 2004, с. 464]. Газеты выполняют функцию «зеркала эпохи», сохраняя на своих полосах текущее состояние общественных отношений и актуальную информационную повестку. Вышесказанное особенно справедливо для советской печати, поскольку в течение длительного периода газета являлась основным источником информации для населения: «В партийно-советской печати содержится громадный информационный материал, который представляет большой интерес для изучения истории советской эпохи» [Панфилова, 1974, с. 16]. В работе исследованы центральные, областные,

CC BY

городские и районные издания, распространявшиеся и издававшиеся в Ростовской области в период с 1985 по 1991 годы: «Правда», «Молот», «Вечерний Ростов», «Комсомолец», «Вперёд», «Донские огни» и др.;

— документы личного происхождения: в данной категории источников мемуары, материалы интервью, свидетельства очевидцев и участников исследуемых процессов, имеющие значение в контексте проблематики данного исследования. Автором были лично проведены интервью с непосредственными участниками изучаемых событий, должностными лицами, во многом определившими ход эволюции взаимоотношений органов власти и печатными СМИ Ростовской области. Свою оценку исследуемым процессам, а также широкий массив фактологического материала дали главный редактор газеты «Комсомолец» с 1983 по 1991 годы и газеты «Наше Время» с 1991 по 1997 годы Л. Н. Калинина и главный редактор, директор ГУП РО «Редакция газеты «Молот» А. Н. Довлекаев;

— статистические материалы: в процессе подготовки статьи автором активно использовалась официально опубликованная статистика, а именно: статистические сборники печати СССР и Российской Федерации, сборники электоральной статистики Избирательной комиссии Ростовской области, статистика из архивных документов. Данные источники позволили проанализировать и сопоставить процесс эволюции взаимоотношений органов власти и печатных СМИ на региональном уровне и на общегосударственном.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этап трансформации печатных СМИ Ростовской области под контролем партийного руководства: начало 1985 — середина 1987 годов

Взаимоотношения партийно-государственного руководства и советской печати представляли собой модель «начальник — подчиненный». Печать была встроена в командно-административную систему, практически каждым партийным или советским органом власти учреждалось специализированное издание — печатный орган. Во главе партийно-советской печати стоял Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Именно здесь формулировались идеи, основные тематические направления и конкретные указания, касающиеся деятельности печати. В дальнейшем решения отдела «спускались» по иерархии вниз, в республиканские, краевые, областные, городские и районные партийные комитеты, которые также имели в своём распоряжении печатные издания. Главной задачей партийно-советской печати была пропаганда коммунистических идей и социалистического образа жизни, сплочение масс вокруг коммунистических идеалов. Основоположником принципов партийности печати являлся В. И. Ленин.

CC BY

В 1985 году на должность Генерального секретаря ЦК КПСС был избран М. С. Горбачёв. В этот же период начался масштабный процесс омоложения руководящих кадров. Ростовская область не оставалась в стороне, однако здесь смена руководства, как и во многих других регионах страны, состоялась несколько раньше. В июле 1984 года должность первого секретаря Ростовского обкома КПСС занял А. В. Власов, сменив на этом посту проработавшего с 1966 года И. А. Бондаренко. Здесь же следует отметить, что, по воспоминаниям занимавшей в те годы должность главного редактора газеты «Комсомолец» (орган Ростовского областного комитета ВЛКСМ) Л. Н. Калининой [Евдокимов, 2020], наибольшее внимание партийным руководством к региональной печати уделялось при И. А. Бондаренко. Руководитель лично «с красным карандашом в руках» перечитывал практически всё, что выходило в печать. Более того, И. А. Бондаренко просматривал газеты соседних регионов, сравнивал качество материалов, профессиональный уровень журналистов и делал соответствующие выводы. Таким образом, взаимодействие партийного руководства с печатью региона в тот период было «максимально непосредственным», в некотором смысле степень участия Ростовского обкома КПСС даже превышала уровень, предписанный нормативными документами. С приходом новых региональных руководителей, А. В. Власова, а затем и Б. М. Володина, внимание к донской печати, как правило, ограничивалось лишь формальным выполнением постановлений, указаний и директив ЦК КПСС. По воспоминаниям занимавшего в то время должность заместителя ответственного секретаря газеты «Молот» (печатный орган Ростовского обкома КПСС) А. Н. Довлекаева [Евдокимов, 2020], к концу 1980-х годов никакого «личного» участия уже не было — областное руководство относилось к печати всё более формально, поскольку понимало, что партия «доживает» свои последние годы.

На апрельском пленуме 1985 года ЦК КПСС М. С. Горбачёвым был провозглашен курс на ускорение [Пленум ЦК КПСС…, 1985], были обозначены ближайшие цели и сформулированы конкретные тезисы. Именно эти тезисы стали отправной точкой коренных преобразований в жизни советского общества, социально-политических и экономических реформ. Очевидно, что без информационного обеспечения, без внедрения новой парадигмы общественного развития в сознание граждан ни о какой результативности реформ не могло идти и речи. Партийное руководство это отчётливо понимало, поэтому основная задача популяризации реформистской политики власти должна была лечь на советские СМИ, и в основном на её самую многочисленную в тот исторический период часть — печать. Газеты должны были стать площадкой для острой критики общественных

CC BY

недостатков и обличения пороков, укоренившихся в обществе со времён «застоя», способствовать продвижению тезиса об ускорении.

На страницах донских газет стали появляться по-новому озаглавленные материалы, однако стиль во-многом оставался прежним: «Повышать уровень работы» [Вечерний Ростов, 1985, с. 1], «Упор на качество» [Молот, 1985, с. 1], «Намечая новые рубежи» [Вперёд, 1985, с. 1] и т. п. Сказывалась отработанная годами практика подготовки материалов в печать, а также консервативная позиция редакторов, являвшихся, как правило, номенклатурными работниками с опытом работы в несколько десятилетий. С публикациями на новые «обязательные темы» («ускорение», «рационализаторство», «плюрализм») соседствовали отчёты об успехах в сборе урожая, о победителях, достижениях социалистического соревнования и т. д. На данном этапе партийное руководство буквально требовало от редакторов усилить критику, не замалчивать проблемы, имевшиеся практически во всех сферах. Однако существовала серьезная проблема, выражавшаяся в неготовности системы СМИ резко перестроиться и работать с учётом новых требований.

Отдельной важной задачей для донской прессы стало освещение запущенной партийным руководством антиалкогольной кампании, а также ее популяризация. С принятием Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» [О мерах по преодолению пьянства…, 1985], а также Постановления Совета Министров СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» [О мерах по преодолению пьянства…, 1985] в большинстве донских газет были организованы специальные рубрики для публикации на постоянной основе «антиалкогольных» материалов. Заголовки типа «Самогон, закон и розы» [Вперёд, 1985, с. 3], «Трезвость — норма жизни. Алкоголь и организм человека» [Искра, 1985, с. 4] и т. п. стали нормой. Работа региональной власти со СМИ в этом направлении велась весьма активно. Так, в Постановлении о комплексном плане мероприятий по выполнению Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» на 1985—1987 годы [О мерах по преодолению пьянства…, 1985], изданном бюро Ростовского обкома КПСС и бюро Исполкома областного Совета народных депутатов, областным газетам «Молот» и «Комсомолец» было строго указано регулярно публиковать больше материалов на данную тему. Документ жестко регламентировал не только тематическое направление, но и содержательную часть — предписывалось отдавать предпочтение репортажам с производств, где проблема алкоголизма устранена, материалам выступлений представителей правоохранительных органов, медицинских работников и т. д [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 89, д. 38, л. 27].

CC BY

Типичные установки и указания Ростовского обкома и горкома КПСС по изменению в стиле, в подходах и целях работы журналистов отражены в квартальных планах работы редакций. Так, план газеты «Молот» на второй квартал 1986 года [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 92, д. 36, л. 146] значительно расширен по сравнению с планом [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 89, д. 9, л. 52], составленным до апрельского пленума. Главная идея, в соответствии с которой сформулированы практически все пункты документа, — это претворение в жизнь тезисов апрельского Пленума ЦК КПСС. Основными требованиями Ростовского обкома КПСС к коллективу редакции были следующие: развернуть критику, повысить экономическую эффективность и т. д.

Однако корректировок в планировании работы редакций, смещения тематического вектора в печати, установок и требований писать «по-новому» было явно недостаточно. Система СМИ, по мнению партийного руководства, нуждалась в кардинальной трансформации. Первым шагом в этом направлении стала смена редакторов многих ведущих союзных изданий, что было частным случаем курса ЦК КПСС на «омоложение» руководящих кадров. В СМИ Ростовской области эта тенденция не носила массового характера, во главе большинства крупных газет области оставались те же руководители, но всё же имели место новые назначения. Смена главного редактора в газете «Таганрогская правда» состоялась в 1985 году. Весьма показательно упоминание этого факта в официальной истории газеты: «После 1985 года в стране задул “ветер перемен”, не миновал он и “Таганрогскую правду”. Во главе редакции встал Борис Слуцкий. Его новаторскую линию в полной мере разделял журналистский коллектив» [Таганрогская правда, 2013].

Другое мероприятие, направленное на трансформирование системы советских СМИ, — аттестация журналистских кадров — в Ростовской области проводилось весьма активно. Так, в соответствии с принятым в августе 1986 года Постановлением Ростовского обкома КПСС «О проведении общественно-политической аттестации журналистских кадров средств массовой информации Ростовской области» [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 92, д. 51, л. 5] в регионе была учреждена комиссия по аттестации журналистских кадров. Комиссию возглавила заведующая отделом агитации и пропаганды Ростовского обкома КПСС Г. И. Тарануха. Анализ состава комиссии и широкого массива материалов аттестации позволил сделать вывод об основательности и серьезности мероприятия. Замечания касались различных аспектов журналистской деятельности, как сугубо технических, так и идеологических. Например, основным замечанием корреспонденту отдела культуры газеты «Вечерний ростов» Л. О. Кравченко было указание более четко организовывать собственную работу и более последователь-

CC BY

но вести главные темы по своим разделам. Вместе с тем журналист был отмечен как квалифицированный специалист, способный к выполнению ответственных и сложных заданий. Корреспондент отдела писем той же газеты Л. А. Черепченко подвергся критике за чрезмерное упрямство и стремление к обособлению от коллектива [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 20, д. 132, л. 45]. Анализ аттестационных материалов показал, что выводы комиссии не выглядят формально, рекомендации, выданные аттестуемым журналистам, носят выраженно индивидуальный характер.

Таким образом, на данном этапе эволюции взаимоотношений органов власти и СМИ процесс трансформации СМИ был организован и строго контролировался именно партийным руководством. ЦК КПСС ставил конкретные задачи перед нижестоящими партийными комитетами, требовал от печати усилить критику. СМИ несколько запаздывали, не всегда соответствуя представлениям и запросам партийного руководства. Начальная фаза трансформации отличалась выраженной инерцией со стороны донских печатных СМИ, особенно в сравнении с центральными союзными.

3.2. Этап усиления самостоятельности и частичного выхода печатных СМИ Ростовской области из-под партийного контроля в условиях «гласности»: середина 1987 года — конец 1991 года

Провозглашённая на первом этапе эволюции взаимоотношений органов власти и СМИ гласность, принятие резолюций «О гласности» [XIX Всесоюзная конференция КПСС…, 1988, с. 166] и «О демократизации советского общества и реформе политической системы» [XIX Всесоюзная конференция КПСС…, 1988, с. 135], последствия политики «омоложения» руководящих кадров и переаттестаций журналистского сообщества привели не только к изменениям во взаимоотношениях власти и СМИ, но и к серьезным изменениям внутри самого института СМИ. Фокус внимания донской печати вслед за центральной союзной стал смещаться в сторону переосмысления спорных с точки зрения исторических оценок событий прошлого, тематический спектр стал расширяться и постепенно выходить за рамки, очерченные партийным руководством на первом этапе. Редакции получили возможность изменять по своему усмотрению формат, периодичность газеты и даже её стоимость.

Всё это в свою очередь способствовало укреплению уже наметившихся сдвигов в общественном сознании в сторону отрицания ленинской социалистической идеологии: общественный запрос на строительство коммунизма становился всё более формальным. На рубеже 1980-х — 1990-х годов в русле принятого Политбюро ЦК КПСС ещё в 1987 году Постановления «О мерах по расширению гласности в деятельности органов КГБ» [Известия ЦК КПСС, 1989, с. 22] донская печать стала обращать свой кри-

CC BY

тический взор на «всемогущее» и до недавнего времени недосягаемое ведомство. Так, в газете «Вперёд» (орган Батайского горкома КПСС и городского Совета народных депутатов) было опубликовано открытое письмо [Вперёд, 1990, с. 4] — публичный ответ Управления КГБ по Ростовской области на обличительную статью журнала «Огонёк» [Огонёк, 1990, с. 28]. Данный материал носил оправдательный характер и представлял из себя «единую позицию» общего собрания офицеров Управления КГБ СССР по Ростовской области. Текст изобиловал примерами злоупотреблений «гласностью» в СМИ, офицерами делались отсылки к материалам, по их мнению, явно порочащим органы Государственной безопасности, Вооруженные силы, Министерство внутренних дел и т. д. Тон публикации был довольно резок, однако никаких призывов или предложений по принятию мер к СМИ это обращение не содержало. Более того, было отмечено нежелание представителей ведомства вступать в полемику с журналистами. Позиции редакции газеты «Вперед» по данному информационному поводу не последовало, сказывалось некоторое запоздание и консервативность региональных СМИ на данном историческом этапе. В дальнейшем риторика региональной печати в вопросах освещения деятельности силовых ведомств становилась всё более критической.

В данном контексте важно отметить изменения в содержательной и эмоциональной составляющей читательских писем в редакции газет. Обратная связь с аудиторией в советской печати всегда занимала особое место. Газеты были неким посредником, средством влияния на представителей сферы услуг и «нерадивые» коммунальные службы, а иногда и выступали защитником интересов читателя в более сложных вопросах. Теперь же в печати всё чаще публиковались письма с явным политическим уклоном. Во многом это было спровоцировано тем, что СМИ всё прочнее утверждались в качестве площадки для общественных и научных дискуссий. В этом ключе вызывают интерес опубликованные в газете «Вперед» письма [Вперёд, 1989, с. 2] очевидца и участника событий второй половины 1930-х годов батайчанина Ф. Похожаева. Автор эмоционально рассказывает о том, с чем пришлось столкнуться ему и его семье в те годы. Материал содержит множество речевых штампов: «черные воронки», «чекисты-коммунисты», «враги народа» и т. п. Позиция редакции была очевидна: она заключалась в поддержке автора. Однако в некоторых других, более противоречивых ситуациях посредством публикации читательского письма издание могло обнародовать ту или иную позицию, при этом формально оставшись в стороне, не выразив собственной редакторской оценки.

Стимулирование прессы со стороны партийного руководства к более жёсткому стилю работы, к обострению критики, направленной в том числе

CC BY

и на представителей партии, постепенно привело к последствиям, которые не в полной мере соответствовали изначальным представлениям власти. В этом контексте весьма показателен материал газеты «Правда» [Правда, 1989, с. 1], опубликованный в октябре 1989 года и перепечатанный большинством местных газет [Вперёд, 1989, с. 1]. В статье говорилось о необходимости дальнейшего усиления роли СМИ в перестройке, однако впервые с явной озабоченностью был заявлен тезис о том, что критика должна быть хоть и острой, но конструктивной, «не однобокой», журналисты должны писать не только о плохом.

Однако, несмотря на значительное расширение тематических границ, не приходится говорить о том, что донская печать на данном историческом этапе вышла на тот уровень самостоятельности, при котором возможно ведение полностью собственной информационной политики. В ключевых вопросах региональные СМИ по-прежнему в приоритетном порядке представляли аудитории ту информацию, которая исходила от областного партийного руководства. Имело место лишь смещение основной функции прессы с агитации и пропаганды на информирование в соответствии с текущей общественно-политической повесткой. Несмотря на стремительное снижение влияния слабеющей КПСС, пресса продолжала функционировать в идеологических координатах, заданных партийным руководством. Подтверждением данного факта является деятельность донской печати в канун выборов Президента РСФСР 1991 года. Большинство региональных изданий агитировали исключительно за кандидата от власти коммуниста Н. И. Рыжкова. Позитивная информация о Б. Н. Ельцине в основном подавалась лишь в формате читательских писем в газету. Подобные тенденции в донских СМИ имели место даже несмотря на то, что уже 14 марта 1990 года состоялась отмена 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей руководящую и направляющую роль коммунистической партии в жизни советского общества.

К началу 1990-х годов донскими газетами всё больше внимания уделялось текущей политической и экономической повестке. Этот факт ярко иллюстрируют отклики в прессе на бурные обсуждения в обществе экономических проблем, дальнейших путей развития социально-политического устройства в стране, проекта новой Конституции СССР, изменений в законодательстве и правовом поле [Таганрогская правда, 1990].

Краеугольным камнем, началом новой эпохи в истории отечественных СМИ стал принятый в июне 1990 года Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» [Ведомости СНД, 1990, с. 492]. Данный документ регламентировал большинство аспектов деятельности СМИ, в том числе и в вопросах взаимоотношений с органами власти. Главным достижением, принятым журналистским сообществом с должным вооду-

CC BY

шевлением, стала отмена цензуры. Закон стал своеобразным итогом процесса отделения СМИ от власти, но всё же в рамках ещё советской системы координат. Однако именно на его основе несколькими месяцами позже был принят Закон РФ «О средствах массовой информации» [О СМИ, 1991], который стал основой для формирования новых принципов взаимоотношений органов власти и СМИ в Российской Федерации.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в период с середины 1980-х по начало 1990-х годов донское журналистское сообщество приобрело опыт работы, который было невозможно получить в какое-либо другое время, поскольку до начала перестройки суть работы журналиста сводилась преимущественно к агитации и пропаганде, а печатные органы выступали «подручными партии». К 1991 году в донских СМИ возникли и в значительной степени укрепились горизонтальные связи, начали формироваться новое поколение профессионалов и новые подходы к взаимодействию с органами государственной власти. Так, сотрудниками редакции газеты «Комсомолец» за годы перестройки были выстроены личные отношения с отдельными представителями власти, что впоследствии привело к заключению договора на информационное обслуживание с администрацией Ростовской области. Как результат, газета на долгие годы стала главным информационным партнёром региональной власти, «отодвинув» идеологически и профессионально лидировавшую несколько десятилетий газету «Молот». Газета «Вечерний Ростов», пройдя перестроечные этапы, на довольно продолжительное время стала ярким независимым изданием с единственным учредителем в лице коллектива редакции.

Ещё одной немаловажной особенностью в контексте становления модели взаимоотношений органов региональной власти и СМИ является тот факт, что некоторые донские журналисты активно занялись политикой, избравшись в представительные органы власти разных уровней. Так, корреспондент отдела информации и спорта газеты «Вечерний Ростов» А. Л. Амелина была избрана депутатом Государственной Думы РФ первого созыва, редактор отдела «Политики» газеты «Город N» А. А. Мирошниченко стал депутатом Городской думы Ростова-на-Дону, оставаясь при этом увлеченным журналистом.

Переход к рыночной экономике усложнил положение многих донских изданий, которые столкнулись с резкой нехваткой финансовых средств, но это обстоятельство напрямую повлияло на развитие рынка коммерческой рекламы, который также начал зарождаться ещё в конце 1980-х годов с появлением кооперативов. Высокая степень коммерческой активности в ре-

CC BY

гионе в конце 1980-х — начале 1990-х годов способствовала появлению и стремительному развитию крупнейшего регионального делового издания «Город N», первый номер которого вышел уже в 1992 году. Примечательно, что газета была создана «с чистого листа» выпускниками факультета филологии и журналистики Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет).

Таким образом, эволюция взаимоотношений органов власти и СМИ Ростовской области, эволюция самого института СМИ в 1985—1991 годы стали основой для построения новой системы отношений государства и медиа, в том числе печатных СМИ, в регионе.

Источники

1. *Большенко Г.* Упор на качество / Г. Большенко // Молот : [газета]. — 1985. — 8 июня. — № 130. — С. 1.

2. *Бондарев В.* Трезвость — норма жизни. Алкоголь и организм человека / В. Бондарев // Искра : [газета]. — 1985. — 19 сентября. — № 110. — С. 4.

3. *Вирич Н.* Намечая новые рубежи / Н. Вирич // Вперёд : [газета]. — 1985. — 16 мая. — № 61. — С. 1.

4. *Головков А.* Предварительный диагноз / А. Головков // Огонёк : [журнал]. — 1990. — № 8. — С. 28.

5. *Евдокимов Я. С.* Интервью с Довлекаевым А. Н., главным редактором, директором ГУП РО «Редакция газеты «Молот». Архив автора. 2 июня 2020 г. Ростов-на-Дону.

6. *Евдокимов Я. С.* Интервью с Калининой Л. Н., главным редактором газеты «Комсомолец» с 1983 по 1991 г. и газеты «Наше Время» с 1991 по 1997 г. Архив автора. 18 мая 2020 г. Ростов-на-Дону.

7. *Красненко Л.* Самогон, закон и розы / Л. Красненко // Вперёд : [газета]. — 1985. — 22 июня. — № 77. — С. 3.

8. *Малинский Н.* День за днем : проблем меньше не становится / Н. Малинский, Б. Сущенко // Таганрогская правда : [газета]. — 1990. — 29 декабря. — № 204. — С. 1.

9. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. — Москва : Политиздат, 1985. — 31 с.

10. *О мерах* по преодолению пьянства и алкоголизма : Постановление ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. // Правда. 1985. 17 мая.

11. *О мерах* по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения : Постановление Совета Министров СССР № 410 от 7 мая 1985 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/765707559 (дата обращения 14.02.2021).

12. *О мерах* по расширению гласности в деятельности органов КГБ : Постановление Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1987 г. // Известия ЦК КПСС : [журнал]. 1989. — № 11. — С. 22.

13. *О печати* и других средствах массовой информации : Закон СССР от 12 июня 1990 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1990. — № 26. — С. 492.

14. *О средствах* массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1[Электронный ресурс] // Портал ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа : https://base.garant.ru/10164247/ (дата обращения 06.01.2021).

15. *Основные* региональные модели СМИ [Электронный ресурс] // Институт «Общественная экспертиза». — Режим доступа : http://www.freepress.ru/arh/book_2000/009.shtml (дата обращения 14.01.2022).

16. *Основные* региональные модели СМИ [Электронный ресурс] // Институт «Общественная экспертиза». — Режим доступа : http://www.freepress.ru/arh/book_2000/009.shtml (дата обращения 14.01.2022).

17. *Ответственность* прессы. Растет требовательность общества к журналистам // Правда : [газета]. — 1989. — 31 октября. — С. 1.

18. *Ответственность* прессы. Растет требовательность общества к журналистам // Вперёд : [газета]. — 1989. — 9 ноября. — № 134. — С. 1.

19. *Открытое* письмо сотрудников управления КГБ СССР по Ростовской области. Общее собрание офицеров Управления КГБ СССР по Ростовской области // Вперёд : [газета]. — 1990. — 3 марта. — № 24. — С. 4.

20. *Перестройка* и развитие демократии // Вечерний Ростов : [газета]. — 1988. — 11 июня. — № 134. — С. 2.

21. *Повышать* уровень работы // Вечерний Ростов : [газета]. — 1985. — 7 мая. — № 104. — С. 1.

22. *Похожаев Ф.* Аттестат зрелости выдал 1937-й / Ф. Похожаев // Вперёд : [газета]. — 1989. — 15 апреля. — № 43. — С. 2.

23. *Похожаев Ф.* Страх или письмо очевидца «Великого перелома» / Ф. Похожаев // Вперёд : [газета]. — 1989. — 11 марта. — № 30. — С. 2.

24. *«Таганрогская правда»* — отметила свое 95-летие», Таганрог TV. Новости Таганрога, 14 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://taganrogtv.ru/таганрогская-правда-отметила-свое-95-л/ (дата обращения 27.05.2020).

25. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области Ф. 9 (1937—1991 Ростовский областной комитет КПСС). Оп. 89. Д. 38. Л. 17 ; Оп. 89. Д. 38. Л. 27 ; Оп. 92. Д. 36. Л. 146 ; Оп. 89. Д. 9. Л. 52 ; Оп. 92. Д. 51. Л. 5 ; Оп. 20. Д. 132. Л. 45.

26. *XIX Всесоюзная* конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. : Стенографический отчет. В 2 т. / Ред. : Л. Н. Барыкина, Б. Б. Неклюков. — Москва : Политиздат, 1988. — Т. 2. — С. 135, С. 166.

Литература

1. *Богоявленский А.* Гибридные модели сетелистики / А. Богоявленский // Акценты : Альманах ВГУ. — 2014. — Выпуск 5—6 (116—117). — С. 7.

2. *Данилевский И. Н.* Источниковедение / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. — С. 464.

3. *Елдинов О. А.* Власть и городские сообщества Ростовской области в 1985—2003 гг. : исторический опыт эволюционного взаимодействия : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. А. Елдинов. — Ставрополь, 2019. — 220 с.

4. *Ивченкова М. С.* Модели функционирования современных российских СМИ : институциальный подход : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / М. С. Ивченкова. — Саратов, 2010. — 178 с.

5. *Кузеванова Л. М.* Отечественная центральная периодическая печать 1985—1991 гг. : Проблемы общественной мысли : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. М. Кузеванова. — Ярославль, 1999. — 133 с.

6. *Панфилова А. Н.* Советская периодическая печать как исторический источник. — Москва : Издательство Московского университета, 1974. — С. 16.

7. *Расторгуев А. П.* Власть и средства массовой информации в Свердловской области в период 1985—1991 гг. : проблемы взаимоотношений : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. П. Расторгуев. — Екатеринбург, 2010. — 335 с.

8. *Сиберт Ф.* Четыре теории прессы : Представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитарной и либертарианской теориях и в концепциях социальной ответственности и советского коммунизма : [Перевод с английского] / С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. — Москва : Национальный институт прессы : Вагриус, 1998. — 223 с.

9. *Скрябина Л. И.* Печать как инструмент осуществления гласности : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.01 / Л. И. Скрябина. — Москва, 1990. — 169 с.

10. *Соколова Т. Л.* Влияние периодической печати на общественно-политическую жизнь Европейского Севера России в 1985—1993 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской области) : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. Л. Соколова. — Иваново, 2009. — 297 с.

11. *Хандажапов А. В.* История развития периодической печати Бурятии в постсоветский период : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Хандажапов. — Улан-Удэ, 2010. — 226 с.

12. *Хандожко Р. И.* Массовое историческое сознание в контексте социально-политических трансформаций 1985—1991 гг. : региональный аспект : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. И. Хандожко. — Ростов-на-Дону, 2010. — 187 с.

13. *Чуев С. В.* Современный политический процесс на Дону (1989—2004 гг.) : этапы и содержание. Исторический аспект : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Чуев. — Ростов-на-Дону, 2005. — 198 с.

Material resources

An open letter from the staff of the KGB of the USSR in the Rostov region. General meeting of officers of the KGB of the USSR in the Rostov region. (1990). *Forward: [newspaper], 24. March 3:* 4. (In Russ.).

Barykina, L. N., Neklyukov, B. B. (ed.). *XIX All—Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 — July 1, 1988: Verbatim report: In 2 volumes, 2.* Moscow: Politizdat. 135, 166. (In Russ.).

Bolshenko, G. (1985). Emphasis on quality. *Molot: [newspaper], 130. June 8:* 1. (In Russ.).

Bondarev, V. (1985). Sobriety is the norm of life. Alcohol and the human body. *Iskra: [newspaper], 110. September 19:* 4. (In Russ.).

Documentation Center of the modern history of the Rostov region F. 9 (1937—1991 Rostov Regional Committee of the CPSU). Op. 89. D. 38. L. 17; Op. 89. D. 38. L. 27; Op. 92. D. 36. L. 146; Op. 89. D. 9. L. 52; Op. 92. D. 51. L. 5; Op. 20. D. 132. L. 45. (In Russ.).

Evdokimov, Ya. S. (2020). *Interview with Dovlekaev A. N., editor-in-chief, director of GUP RO "Editorial Office of the newspaper "Hammer". Archive of the author. June 2.* Rostov-on-Don. (In Russ.).

Evdokimov, Ya. S. (2020). *Interview with Kalinina L. N., editor-in-chief of the newspaper "Komsomolets" from 1983 to 1991 and the newspaper "Our Time" from 1991 to 1997. Archive of the author. May 18.* Rostov-on-Don. (In Russ.).

Golovkov, A. (1990). Preliminary diagnosis. *Ogonek: [journal], 8:* 28. (In Russ.).

Krasnenko, L. (1985). Moonshine, law and roses. *Forward: [newspaper], 77. June 22:* 3. (In Russ.).

Malinsky, N., Sushchenko, B. (1990). Day by day: there are no fewer problems. *Taganrogskaya Pravda: [newspaper], 204. December 29:* 1. (In Russ.).

Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, April 23, 1985. (1985). Moscow: Politizdat. 31 p. (In Russ.).

On measures to expand publicity in the activities of the KGB: Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU of December 1, 1987. (1989). *News of the Central Committee of the CPSU: [journal], 11:* 22. (In Russ.).

On measures to overcome drunkenness and alcoholism: Resolution of the Central Committee of the CPSU of May 7, 1985. (1985). *Pravda. May 17.* (In Russ.).

On measures to overcome drunkenness and alcoholism, the eradication of moonshine: Resolution of the Council of Ministers of the USSR № 410 of May 7, 1985. In: *Electronic fund of legal and regulatory and technical documentation.* Available at: http://docs.cntd.ru/document/765707559 (accessed 02/14/2021). (In Russ.).

On mass media: The Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124-1. In: *<url> portal.* Available at: https://base.garant.ru/10164247 / (accessed 06.01.2021). (In Russ.).

On the press and other mass media: The Law of the USSR of June 12, 1990. (1990). *Vedomosti SND and the Supreme Soviet of the USSR, 26:* 492. (In Russ.).

Perestroika and development of democracy. (1988). *Evening Rostov: [newspaper], 13, June 11:* 2. (In Russ.).

Pokhodaev, F. (1989). Fear or a letter from an eyewitness of the "Great Turning Point". *Forward: [newspaper], 30, March 11:* 2. (In Russ.).

Pokhodaev, F. (1989). The certificate of maturity was issued in 1937. *Forward: [newspaper], 43, April 15:* 2. (In Russ.).

Responsibility of the press. Society's demands on journalists are growing. (1989). *Pravda: [newspaper], October 31:* 1. (In Russ.).

Responsibility of the press. Society's demands on journalists are growing. (1989). *Forward: [newspaper], 134, November 9:* 1. (In Russ.).

"Taganrogskaya Pravda" — celebrated its 95th anniversary", Taganrog TV. Taganrog News, February 14, 2013. Available at: https://taganrogtv.ru/таганрогская-правда-отметила-свое-95-л / (accessed 27.05.2020). (In Russ.).

The main regional media models. *Institute of "Public Expertise".* Available at: http://www.freepress.ru/arh/book_2000/009.shtml (accessed 14.01.2022). (In Russ.).

The main regional media models. *Institute of "Public Expertise".* Available at: http://www.freepress.ru/arh/book_2000/009.shtml (accessed 14.01.2022). (In Russ.).

To raise the level of work. (1985). *Evening Rostov: [newspaper], 104, May 7:* 1. (In Russ.).

Virich, N. (1985). Outlining new frontiers. *Forward: [newspaper], 61, May 16:* 1. (In Russ.).

References

Bogoyavlensky, A. (2014). Hybrid models of network studies. *Accents: Almanac of VSU, 5—6 (116—117):* 7. (In Russ.).

Chuev, S. V. (2005). *The modern political process on the Don (1989—2004): stages and content. Historical aspect.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 198 p. (In Russ.).

Danilevsky, I. N., Kabanov, V. V. (2004). *Source studies.* Moscow: Russian State University for the Humanities. 464. (In Russ.).

Eldinov, O. A. (2019). *Power and urban communities of the Rostov region in 1985—2003: historical experience of evolutionary interaction.* PhD Diss. Stavropol. 220 p. (In Russ.).

CC BY

Ivchenkova, M. S. (2010). *Models of functioning of modern Russian mass media: an institutional approach.* PhD Diss. Saratov. 178 p. (In Russ.).

Khandazhapov, A. V. (2010). *History of the development of the periodical press of Buryatia in the post-Soviet period.* PhD Diss. Ulan-Ude. 226 p. (In Russ.).

Khandozhko, R. I. (2010). *Mass historical consciousness in the context of socio-political transformations 1985—1991: regional aspect.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 187 p. (In Russ.).

Kuzevanova, L. M. (1999). *Domestic Central periodical press 1985—1991: Problems of public thought.* PhD Diss. Yaroslavl. 133 p. (In Russ.).

Panfilova, A. N. (1974). *The Soviet periodical press as a historical source.* Moscow: Moscow University Press. 16. (In Russ.).

Rastorguev, A. P. (2010). *Power and mass media in the Sverdlovsk region in the period 1985—1991: problems of relationships.* PhD Diss. Yekaterinburg. 335 p. (In Russ.).

Scriabina, L. I. (1990). *Print as a tool for the implementation of publicity.* PhD Diss. Moscow. 169 p. (In Russ.).

Sibert, F., Schramm, W., Peterson, T. (1998). *Four Theories of the Press: Ideas about what the press should be and what it should Do in authoritarian and libertarian theories and in the concepts of social responsibility and Soviet Communism: [Translated from English].* Moscow: National Institute of Press: Vagrius. 223 p. (In Russ.).

Sokolova, T. L. (2009). *The influence of periodicals on the socio-political life of the European North of Russia in 1985—1993 (based on the materials of the Arkhangelsk and Vologda regions).* PhD Diss. Ivanovo. 297 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Казиев Э. В. Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 391—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411.

Kaziev, E. V. (2022). Socio-Political Situation of Alania on Eve of Mongol Conquest. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 391-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411

Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания

Казиев Эдуард Викторович
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
старший научный сотрудник
kedmon@rambler.ru

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

Socio-Political Situation of Alania on Eve of Mongol Conquest

Eduard V. Kaziev
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
Senior Researcher
kedmon@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Казиев Э. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования определяется рассмотрением вопросов социально-политического устройства средневекового Аланского государства, которые являются одними из дискуссионных в современной аланистике, что проявляется главным образом в использовании регрессивного или прогрессивного подходов при интерпретации государственного строя Алании, а также в использовании различных подходов при описании ее политического устройства. Избегание указанных подходов при интерпретации социальных и политических порядков в Алании рассматриваемого периода стало научной новизной исследования. Сделан вывод о том, что основой социально-политического устройства Алании в первое сорокалетие XIII века имело место специфическое сочетание форм сюзерено-вассальной иерархии и патриархально-родового демократизма при слабом политическом единстве, поддерживавшемся наличием общей правящей династии, но в реальности представлявшем собой конгломерат нескольких территориально-родовых владений, образованных сетью унилокальных кровнородственных коллективов, способных входить в более широкие внутриполитические объединения, формировавшиеся на основе принципа искусственного родства, которые, возможно, были схожи по своей структуре с известными на Кавказе до середины XIX века соприсяжными братствами.

Ключевые слова:
средневековая Алания; политический строй; социальные отношения; источники; концепции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is determined by the consideration of the issues of the socio-political structure of the medieval Alanian state, which are one of the debatable in modern alanistics, which is manifested mainly in the use of regressive or progressive approaches in interpreting the political system of Alania, as well as in the use of various approaches in describing its political structure. The avoidance of these approaches in the interpretation of social and political orders in Alanya during the period under review has become a scientific novelty of the study. As a result, it was concluded that the basis of the socio-political structure of Alania in the first forty years of the XIII century was a specific combination of forms of the suzerain-vassal hierarchy and patriarchal-tribal democracy, with weak political unity, supported by the presence of a common ruling dynasty, but in reality it was a conglomerate of several territorial and tribal possessions formed by a network of unilocal consanguineous collectives capable of being part of wider internal political associations formed on the basis of the principle of artificial kinship, which, perhaps, were similar in structure to the sworn brotherhoods known in the Caucasus until the middle of the 19th century.

Key words:
medieval Alanya; political system; social relations; sources; concepts.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).03+94(470.65)“1200/1236”

Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания

© Казиев Э. В., 2022

1. Введение = Introduction

Как и ряд средневековых государств Центральной, Восточной и Южной Европы, Алания в 1236—1241 годах подвергалась опустошительному монгольскому нашествию, в результате которого она утратила свой государственный суверенитет, лишилась равнинных территорий, а ее социально-политический строй подвергся значительной трансформации. Эта трансформация, на наш взгляд, является одной из причин, благодаря которым реконструкция социально-политических структур Аланского государства, имевших место в период, предшествующий монгольскому завоеванию, остается в науке дискуссионным вопросом: естественное социально-политическое развитие страны сменилось ее коллапсом, сгенерировавшим новые или воскресившим старые формы социальной и политической организации, затрудняющие для современных исследователей адекватный ретроспективный анализ, что проявляется в использовании различных подходов при интерпретации социально-политической динамики, присущей Алании в IX—XII веках [Гадло, 1994; Кузнецов, 2020; Ванеев, 1989; Малахов, 1992; Бзаров, 2014].

Поскольку канун монгольского нашествия стал последним этапом существования политически независимого Аланского средневекового государства, анализ сведений о нем, содержащихся в немногих синхронных письменных источниках и в обобщенном массиве археологических данных, представляется актуальным, позволяя представить результаты, которые могут стать основой для верифицирования в дальнейших исследованиях различных трактовок его социально-политического строя.

Вместе с тем в представленном исследовании отсутствуют авторские интерпретации качества социально-политического положения Алании в канун монгольского нашествия, основанные на той или иной формационно-стадиальной или социально-групповой концепции исторического развития, хотя в нем и содержится свойственная некоторым таким концепциям терминология, которая, однако, имеет прежде всего историографические коннотации. Это обстоятельство определило новизну исследования: в качестве социально-философской концепции, призванной, среди прочих возможных, послужить основой для оригинальных интерпретаций устрой-

CC BY

ства средневекового аланского общества и государства, предлагается одна из постструктуралистских концепций исторического развития [Делез и др., 2007; Делез и др., 2010].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время почти неизвестны какие-либо синхронные письменные источники, содержащие сведения, характеризующие социально-политический строй Алании в период, непосредственно предшествующий монгольскому завоеванию, то есть в первое сорокалетие XIII века. К небольшому числу такого рода известных источников относятся повествования духовных лиц, как православных, так и католических, оказавшихся волею судеб на территории Алании и составивших ее, пусть небольшое, но непосредственное описание. К этим описаниям относится «Аланское послание» епископа Алании Феодора, представленное Никейскому (Константинопольскому) патриарху Герману II и поместному собору, написанное в Алании 1225 году [Alemany, 2000, с. 236, 239; Малахов, 2022, с. 29—30, 31], а также рассказ католического миссионера, монаха-доминиканца Юлиана, посетившего Аланию в ходе своих поисков так называемой Великой Венгрии в 1235 году [Аннинский, 1940, с. 78—79]. К такого рода источникам также можно отнести и обширный «Словарь стран» — свод географических сведений, известных к тому времени, и личных наблюдений, составленный арабским географом и путешественником Йакутом ар-Руми ал-Амави, который, хотя и не бывал непосредственно в Алании, тем не менее между 1213 и 1224 годами посетил Азербайджан и Среднюю Азию [Калинина, 2015, с. 96].

Наряду со сведениями этих источников для характеристики социально-политических отношений в Алании, конечно же, следует привлечь письменные источники, восходящие в своих сведениях к непосредственным свидетелям или участникам событий, составивших монгольское завоевание Алании, и сведения хроник, записанных спустя непродолжительное время после этого завоевания. К такого рода источникам прежде всего следует отнести жизнеописания аланских военачальников, содержащиеся в китайской официальной «Истории [династии] Юань», где указан реальный социальный статус представителей первого поколения этих военачальников, присягавших монголам непосредственно на Северном Кавказе [Сун Лянь, 1997, с. 3037—3038, 3205—3206, 3208—3210, 3212—3213, 3277—3278, 3280—3281, 3284—3286; Alemany, 2000, с. 407—421], повествования монахов-францисканцев Гийома де Рубрук, Плано Карпини и Бенедикта Поляка [Alemany, 2000, с. 149, 151, 155], а также грузинскую «Столетнюю летопись» [Гаглойти, 2007, с. 54, 185].

CC BY

Вместе с этими источниками для исследования рассматриваемого вопроса следует использовать и разноязычные письменные источники более раннего периода (X—XII веков), а также археологические, фольклорные и этнографические источники. Однако при этом необходимо понимать, что последние два из указанных видов источников являются косвенными, археологические же источники (если под таковыми понимать главным образом погребальные сооружения и их инвентарь), надежно относимые к XIII веку, на Кавказе практически отсутствуют [Гадло, 1994, с. 170], а письменные источники X—XII веков относятся к предшествующему периоду социально-политического развития Алании, к которому хотя и восходят социально-политические процессы, происходившие в Алании в первой половине XIII века, но который, в отличие от этого времени, характеризуется экономическим подъемом и политической консолидацией. В научной традиции этот период в целом трактуется как та или иная стадия развития феодализма с локальной спецификой, имеющей, однако, различные авторские интерпретации, зависящие от определения степени присутствия в феодальных социально-политических структурах патриархально-родовых порядков, а также от определения степени христианизации населения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сопоставление сведений письменных источников о социально-политическом положении в Алании, относимых ко времени, непосредственно предшествующему ее монгольскому завоеванию (первая половина XIII века), с аналогичными сведениями письменных источников, относящихся к более раннему (X—XII века) и последующему (вторая половина XIII — начало XV веков) периодам, а также со сведениями о социальных структурах аланского средневекового общества, полученными на археологическом материале и данных кавказской этнографии, позволило предполагать, что основой социального строя Алании в рассматриваемый период были территориально-родовые общины, слабое политическое единство которых определялось прежде всего принадлежностью властных иерархов этих общин к наиболее сильному (царскому) аланскому роду *Ахсартаггата* либо формальным подчинением таких общин этому роду.

3.1. Социально-политическое положение Алании в XI—XII веках

Согласно В. А. Кузнецову, на конец XI века приходится пик развития аланской средневековой государственности, трактуемой им как система взаимодействия различных синтезов: *феодального*, соединяющего разнородные компоненты социальных институтов патриархально-родового и нарождающегося раннефеодального обществ; *христианского*, соединяющего элементы православной религии и дохристианского религиоз-

CC BY

ного субстрата; а также *этнического*, соединяющего, согласно принятой В. А. Кузнецовым версии этногенеза осетин, элементы гетерогенной этнической среды в единый осетинский народ [Кузнецов, 2020, с. 270, 279]. Этот пик развития, как полагает исследователь, имел своей причиной экономический подъем, вызванный, в свою очередь, достижением вершины могущества Византийской империи, которое в целом пришлось на период правления Василия II Болгаробойцы (958—1025): Западная Алания была связана с Византией своим ключевым участием в международном товарообмене, осуществляя его через перевалы Главного Кавказского хребта, расположенные на одной из магистралей Великого шелкового пути [Кузнецов, 2020, с. 271]. Экономические и торговые связи с Византией были одними из факторов, способствовавших генезису аланской государственности, которая тем не менее, по В. А. Кузнецову, не распространяется однозначно на все территории проживания алан, поскольку территория государства как административно-политического образования того или иного народа не всегда всецело совпадает с общей территорией его проживания. Территориально раннефеодальная аланская государственность В. А. Кузнецовым соотносится с Западной Аланией, где в Верхнем Прикубанье, согласно данным археологии и сохранившимся памятникам церковной архитектуры, могла располагаться аланская столица и располагался центр Аланской епархии, являвшиеся средоточием светской и духовной властей для подвластной территории [Кузнецов, 2014, с. 139—140].

Ряд других исследователей также характеризует средневековую Аланию как раннефеодальное государственное образование, не противопоставляя при этом Западную Аланию Восточной. Так, В. М. Бибиков полагает, что в X—XII веках аланское государство было раннефеодальным с чертами патриархального и переживало период наивысшего могущества при имевшейся «тенденции к государственной раздробленности» [Бибиков, 1999, с. 288—289]. Раннефеодальной монархией представлял Аланию в X—XIII веках А. В. Гадло, уточняя, что политически эта монархия замыкалась на одну из древнеаланских родовых групп, имя которой зафиксировано в грузинской «Столетней летописи» анонимного автора XIV века как *Ахасарпакайан / Ахасарфакиан / Ахсариакан* (осет. *Ахсартаггата*) [Гадло, 1994, с. 165; Гаглойти, 2007, с. 54, 185]. Схожую точку зрения высказал О. Б. Бубенок, утверждающий, что возникшее в X веке на Северном Кавказе аланское раннеклассовое государство не имело сильной централизованной власти и, вероятно, политически представляло собой племенной союз, возглавляемый родовыми вождями (царями), распавшийся к началу XIII века [Бубенок, 2004, с. 22].

С другой стороны, С. Н. Малахов отмечает, напротив, регресс феодальных отношений в Алании, начавшийся с конца XI — начала XII веков и

CC BY

продолжавшийся вплоть до монгольского завоевания, которое сопровождалось «дезурбанизацией и депопуляцией складывавшихся раннее городских центров, номадизацией хозяйственного и бытового уклада, а также выселением части алан из Предкавказья в степи Закубанья и Подонья» [Малахов, 1992, с. 159—160, 164], предполагая, что Аланская митрополия воспринималась ее иерархами не в определённых государственных границах, но как «этническая епархия», к которой относились и аланы, проживавшие за пределами Северного Кавказа [Малахов, 2022, с. 34].

Компромиссную точку зрения представил З. Н. Ванеев, полагавший, что аланское общество X—XII веков находилось в стадии разложения патриархально-родового строя, возникновения в нем классов и перехода к государству, при том что в предмонгольский период классовое деление было более выраженным, чем в осетинских обществах XIV—XV веков, не имевших, пусть и слабого, единства прежней политической организации [Ванеев, 1989, с. 331—332].

О социальной организации аланского общества дают представление сведения, полученные С. Н. Савенко на основе анализа большого археологического массива данных о составе воинских инвентарных наборов, содержащихся в погребальных комплексах грунтовых катакомбных могильников X—XII веков диахронно подвижного центрально-кавказского ареала (от Верхнего и Среднего Притеречья до Верхнего и Среднего Прикубанья) аланской археологической культуры (при известной дискуссионности самого этого понятия), в котором, по мнению автора, локализуется этносоциальное ядро Алании [Савенко, 2017, с. 23—24, 34—35]. Согласно С. Н. Савенко, в аланском обществе этого периода фиксируется шесть мужских групп: 1) знатные зажиточные всадники или их родственники, как правило, погребенные с полным набором оружия, а также с поясом и конской сбруей; 2) всадники среднего слоя, не имевшие возможности (или права) погребения с конской сбруей, возможно, не имевшие в личной собственности коня, предоставлявшегося общиной или родственно-семейным коллективом; 3) всадники низшего слоя, не имевшие в своем погребальном инвентаре не только конской сбруи, но и отдельных видов оружия (сабель, луков), замещенных предметными символами (деталями ножен, колчанов, единичными наконечниками стрел); 4) пешие воины-общинники, чья причастность к осуществлению воинской функции могла выражаться в наличии в погребальном инвентаре их комплексов некоторых видов оружия, прежде всего секир, которые могли быть их единственным вооружением; 5) мужчины и, возможно, некоторые женщины, погребенные с деталями пояса; 6) мужчины, занятые в производственной сфере, чьи погребения не маркированы каким-либо инвентарем, относящимся к исполнению воинской функции. Общая доля за-

CC BY

хоронений, относящихся к первой группе, то есть к родовой аристократии, от всего массива рассмотренных автором погребальных комплексов колебалась в пределах 6,4—8,2 % [Савенко, 2017, с. 189—190, 198].

Тем не менее автор этого анализа полагает, что в науке сейчас нет однозначных оснований, позволяющих определять аланскую знать этого периода как раннефеодальную, поскольку отсутствуют сведения о характере взаимоотношений между слоями реконструируемых общественных структур, об отношениях собственности, поземельных отношениях, а также о формах эксплуатации. Рассматривая отсутствие «обособленных отдельных участков или могильников аристократии» в проанализированных им археологических материалах как признак незавершенности классового общества, С. Н. Савенко утверждает, что аланский правящий класс той эпохи продолжал оставаться частью своей территориально-родовой общины, предлагая называть представителей этого класса «феодализирующейся общинной верхушкой» — термином, близким, по мнению автора, термину «феодализирующаяся родовая аристократия», предложенному В. А. Кузнецовым [Савенко, 2017, с. 198].

К схожим выводам ранее пришел З. Н. Ванеев, полагавший, что основным социальным классом в аланском средневековом обществе были свободные общинники, среди которых начали выделяться влиятельные семьи и родовые группы, впоследствии ставшие феодалами (*алдарами*), тогда как менее сильные роды попадали в зависимость от родовой аристократии и становились зависимыми общинниками (*фарсаглагами*), притом что он также полагал, что конкретные сведения о характере классовых отношений в Аланском царстве отсутствуют [Ванеев, 1989, с. 332]. Вероятно, схожий процесс описан в грузинской хронике начала XV века «Памятник эриставов», освещающей историю одного из аланских княжеских кланов со времен монгольских походов 1236—1240 годов до нашествия Тимура в конце XIV столетия. Потомки младшей ветви аланского царского дома (Сидамоновы), переселившиеся на южную сторону Главного Кавказского хребта в верховья реки Ксан / Чысандон, прошли путь от локальных военных предводителей до наследственных аристократов (*эриставов*), управлявших обширной территорией и входивших в свиту грузинского царя [Гутнов, 2009, с. 94—95]. В литературе эти события также датируются VI—VII веками, однако хронология не меняет их сути, и для нашей работы ее анализ не является принципиальным вопросом, хотя сами сведения о такой датировке рассматриваются как легендарные [Ванеев, 1989, с. 326—327].

3.2. Сведения письменных источников о социально-политическом положении Алании в рассматриваемый период

Как бы там ни было, тенденции к децентрализации и социальной дезинтеграции, независимо от их прогрессивной или регрессивной интер-

CC BY

претации в литературе, в первой половине XIII века превратились в социально-политический кризис, о котором сообщают синхронные письменные источники. Согласно сведениям монаха-доминиканца Юлиана, епископа Алании Феодора, а также Йакута ар-Руми ал Хамави, в годы перед монгольским вторжением и непосредственно перед ним государственная власть в Алании была слабой, а аланское общество не было единым. Ибн Йакут сообщает о том, что Алания — это обширная многонаселенная страна, расположенная в горах Кавказа, а «среди ее жителей есть мусульмане, но большинство христиане; они не подчиняются ни одному царю, и каждое племя имеет своего вождя. Их манеры грубы, их нрав жесток и хищен» [Barbier de Meynard, 1861, с. 51].

По сообщению же монаха-доминиканца Юлиана, прожившего вместе со спутниками в Алании почти всю вторую половину 1235 года, «жители ее представляют смесь христиан и язычников; сколько [там] селений, столько и вождей (duces), и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села... И если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения» [Аннинский, 1940, с. 73, 78—79, 96—97]. Уточним, что в письме речь идет о западной части Алании, поскольку Юлиан, описывая свой маршрут, указывает, что отправился со своими спутниками из Матархи и через тринадцать дней, пройдя через пустыню, они оказались в Алании, границы которой переводчик и комментатор этого письма С. А. Аннинский тем не менее определяет рр. Терек, Кума и Яик [Аннинский, 1940, с. 78], тогда как С. В. Жарко локализует ее в междуречье рр. Северского Донца и Дона [Жарко, 2014, с. 209], а В. А. Кузнецов, О. Б. Бубенок, как и Ф. Х. Гутнов, — на Северном Кавказе [Кузнецов, 1971, с. 237; Бубенок, 2004, с. 17; Гутнов 2014, с. 101—102].

Однако в жизнеописаниях аланских военачальников китайской официальной «Истории [династии] Юань» однозначно говорится о наличии верховного правителя в Алании по имени *Ханхусы*, а также о вассальных отношениях между этим правителем и некоторыми аланскими владетелями, покорявшимися монголам вместе с ним (*Еле-Бадуэр*, *Негула*) [Сун Лянь, 1997, с. 3205, 3208, 3037; Alemany, 2000, с. 407, 409, 412]. Другие же сведения, представленные в «Истории [династии] Юань», напротив, подтверждают приводимые выше мнения и сведения источников о политической раздробленности в Алании, поскольку сообщают о том, что часть аланских владетелей, присягнувших монголам (*Бадуэр* и его братья *Матаэрша* и *Уцзоэрбухань*), приняли участие в осаде и штурме аланского города *Майгэсы* (Магас, см. ниже). При дискуссионности мнений о местоположении этого города, его аутентичном названии и значении этого названия, под-

CC BY

робно и обстоятельно рассмотренных в работе А. А. Туаллагова [Туаллагов, 2017, с. 527—561], можно заметить, что не вполне обоснованным, на наш взгляд, считается принятое в науке мнение о том, что столицей Аланского государства в период его монгольского завоевания был именно город Магас [Фидаров, 2011, с. 14; Гутнов, 2014, с. 105; Туаллагов, 2017, с. 528]. Этот город столицей Алании называет лишь аль-Масуди, но его труд относится к первой половине X века, тогда как ни в «Сокровенном сказании монголов», ни в китайской «Истории [династии] Юань», ни в персидских хрониках Джувейни и Рашид ад-Дина, а все три хроники являются хрониками монгольских правящих династий, ничего не говорится о том, что Магас был аланской столицей [Рашид ад-Дин, 1960, с. 39; Genghiz Khan, 1997, с. 269; The Secret History, 2004, с. 267, 268—270].

В подтверждение этому предположению можно привести сведения из все той же «Истории [династии] Юань», сообщающей о том, что упомянутый аланский правитель *Ханхусы* вместе со своими вассалами присягнул завоевателям, а затем в ту же компанию присягнувшим аланам вместе с монголами пришлось штурмовать аланский город Магас: «Ханхусы, родом ас, государь страны асов. [Когда] войско Тай-цзуна [Угэдэя] достигло пределов его страны, Ханхусы пришел [и] покорился во главе [своего] народа, [ему] были пожалованы звание батура, золотая пайцза [и] было позволено остаться правителем [над] своим народом. Затем [ему] было высочайше велено набрать из асов тысячное войско и вместе со своим старшим сыном Атачи сопровождать [будущего] императора [Мункэ] в походе» (*Ханхусы, асу ши, чжу асу го. Тай-цзун бин чжи ци цзин*, *Ханхусы шуай чжун лай цзян, цымин бадуэр, си и цзинь фу, мин лин цы туминь. Сюнь фэнчжи сюань асу цзюнь цянь жень, цзици чанцзы Атачи хуцзя циньчжэн* / 杭忽思，阿速氏，主阿速國。太宗兵至其境，杭忽思率衆來降，賜名拔都兒，錫以金符，命領其土民。尋奉旨選阿速軍千人，及其長子阿塔赤扈駕親征) [Сун Лянь, 1997, с. 3205; Alemany, 2000, с. 410]; «Бадуэр, родом ас... В то время, когда Сянь-цзун [Мункэ] только намеревался стать правителем, [Бадуэр] вместе со своими старшими братьями Уцзоэрбуханем и Матаэршой привел множество [воинов и] изъявил покорность. Матаэрша последовал за Сян-цзуном [в] поход [на] город Майгэсы, командуя передовым отрядом, [и] был ранен двумя стрелами, [но] мужественно сражался и взял этот город» (*Бадуэр, асу ши...Сянь-цзун цзай цяньди юй сюн Уцзоэрбухань цзи Матаэрша шуай чжун лайгуй. Матаэрша цун Сян-цзун чжэн Майгэсы чэн, вэй цяньфэн цзян, шэнь чжун эр ши, фэньчжань ба ци чэн* / 拔都兒，阿速氏。。。憲宗在潛邸，與兄兀作兒不罕及馬塔兒沙帥衆來歸。馬塔兒沙從憲宗征麥各思城，為前鋒將，身中二矢，奮戰拔其城。 [Сун Лянь, 1997, с. 3212; Alemany, 2000, с. 415].

CC BY

Такое положение дел, вероятно, могло сложиться только в том случае, если Магас и столица Алании не были в это время одним и тем же городом и входили, как предполагается, в два разных аланских политических образования: известное противопоставление в «Церемониях» Константина Багрянородного экзусиократора Алании и архонта Асии, расположенной у «Каспийских ворот» [Alemany, 2000, с. 176—177]. О существовании нескольких локальных центров в Алании в конце XIII и начале XIV веков говорит З. Н. Ванеев, относя к таковым равнинный город Дедяков и горный Нузал, что стало, по его мнению, следствием распада к указанному периоду средневекового Аланского царства [Ванеев, 1989, с. 326].

С другой стороны, справедливо и замечание А. В. Гадло о том, что концепция о существовании двух племенных союзов (аланского и асского), двух правящих родов и о двух направлениях развития аланской государственности, предложенная В. Ф. Минорским и развитая и обоснованная В. А. Кузнецовым с помощью археологических данных, не подтверждается сведениями синхронных грузинских летописей и византийских источников (нарративные источники, епархиальные списки), ничего не сообщающих о разделении Алании на две части, а само выделение области Асия с архонтом во главе, имеющееся в упомянутом трактате «О церемониях» Константина Багрянородного, отражает политическое положение в Алании, характерное только для середины X века [Гадло, 1994, с. 161]. Аналогичное предположение ранее высказал З. Н. Ванеев [Ванеев, 1989, с. 174].

В подтверждение этих предположений можно привести надпись на моливдовуле из Анакопийской крепости, относимом ко второй половине XI века, в которой аланский правитель, связываемый исследователями с царем Дургулелем или его сыном Константином, назван «протопроедром и экзусиократором всей Алании» [Малахов, 2017, с. 106—105]. Анализ же сведений о социальном статусе аланского военного деятеля Урдура, содержащихся в таких грузинских источниках, как «Летопись Картли» и «История царства грузинского» царевича Вахушти, также позволяет относить наличие сюзерено-вассальных отношений в Аланском царстве ко времени не позднее 30-х годов XI века [Гаглойти, с. 2007, с. 219—220; Мамиев, 2016, с. 20], тогда как само наличие эксусиократора и архонта в Алании могло иметь характер противопоставления центрального правителя и удельных владетелей [Гутнов, 2007, с. 256].

Вместе с тем, по мнению А. В. Гадло, к 30-м годам XII века в политическом пространстве Алании начали проявляться центробежные тенденции, позволившие консолидироваться асским группам, и в начале XIII века Алания являлась уже двуединым политическим образованием, что, по мнению исследователя, подтверждается сведениями арабского историка ал-Гарнати

CC BY

о существовании на Кавказе асского и аланского языков [Путешествие, 1971, с. 26], а также китайской картой 1331 года, в сведениях которой, основанных на монгольских свидетельствах эпохи завоевания Восточной Европы, указан двойной этноним — аланы-асы, в котором вторая часть этого этнонима соотносится с асской общностью, занимавшей предгорные степи западной части Центрального Кавказа, одна часть которой после монгольского разгрома ушла в Крым, тогда как другая — отошла в горы, где была инкорпорирована другими аланскими общинами [Гадло, 1994, с. 162].

Однако следует уточнить, что сведения ал-Гарнати относятся к середине XII века, тогда как в сведениях арабского историка середины XIII века ибн Са‘ида народы *ал-‘алан* и *ал-ас* называются соседними народами, похожими по своим обычаям и вере, хотя и относимыми к туркам [Коновалова, 2009, с. 15, 39—40]. Издатель и переводчик «Географии» Ибн Са‘ида И. Г. Коновалова, указывая в своем комментарии на возможность именования *асами* в этом источнике тюркоязычных болгар, бывших частью населения Алании, в другом комментарии замечает, что термином *ат-турк* арабские авторы после монгольского нашествия обозначали наряду с монголами и основную массу «кочевого населения евразийских степей» [Коновалова, 2009, с. 44]. Но аланы и асы в это время уже много столетий не являлись кочевым народом, и сведения о тюрокоязычности асов и алан, представленные ибн Са‘идом, вероятно, восходят к географическому сочинению аль-Идриси (1154 год), которое было главным источником для Ибн Са‘ида [Коновалова, 2009, с. 10], хотя и не всегда, как видно, воспринимаемым им критически. Кроме того, арабоязычный писатель Ибн аль-Асир, описывая известный рейд монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя на Северный Кавказ, отличает алан от тюрков [Ванеев, 1989, с. 166].

Что касается китайской карты, которая некоторыми исследователями почему-то считается «мусульманского происхождения» [Хотко, 2015, с. 55], то ее историографическому представлению и описанию посвящена наша специальная работа [Казиев, 2022]. Здесь же вкратце заметим, что приводимые на ней названия имеют явное соответствие с географическими названиями, приводимыми в приложении «Земли северо-запада» раздела «Трактаты» китайской официальной «Истории [династии] Юань». Название *а-су* вместе с названием *а-лань* в этом приложении представлено лишь единожды: среди описания земель, подчиненных Узбеку, правившему Улусом Джучи в 1313—1341 годах, называются земли *а-лань а-сы* / 阿蘭阿思 [Сун Лянь, 1997, с. 1570; Казиев, 2022, с. 22, 24]. Впрочем, даже один этот случай дает основания указать на взаимозаменяемость слов *а-лань* и *а-су* в китайских источниках, относимых к династии Юань. Добавим, что аланы, упоминаемые в повествовании Марко Поло, и асы из «Истории [династии]

CC BY

Юань», как и аланы / асы, упоминаемые в повествованиях Плано Карпини и Гийома де Рубрук, в науке давно рассматриваются как представители одного и того же народа, локализуемого на Кавказе [Pelliot, 1959, с. 17—23]. Само же именование в китайской официальной хронике юаньской династии аса *Ханхусы* «государем страны асов» недвусмысленно указывает на его формально-властный статус (см. выше), хотя страна, которой он правил, на момент монгольского нашествия, конечно же, не имела крепкого политического единства, подрываемого противопоставлением центральной власти верховного правителя и локальным влиянием родовой аристократии.

Возможно, деструктивные тенденции в аланском политическом пространстве усилились после упомянутого рейда монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя. Т. А. Гуриев отмечает возможное изменение политического положения в Алании между этим рейдом и Западным походом монголов, то есть между 1222 и 1236 годами, поскольку туменам Джэбэ и Субэдэя в Алании было оказано организованное сопротивление и неизвестно, чтобы кто-либо перешел на сторону врага, хотя часть аланских князей в западной части страны, по мнению исследователя, и воздержалась от участия в военных действиях, тогда как во время Западного похода ничего подобного уже не было [Гуриев, 2010, с. 84, 85]. С. Н. Малахов также полагает, что рейд Джэбэ и Субэдэя не затронул Западную Аланию, поскольку об этом ничего не сообщается в «Послании» епископа Феодора [Малахов, 2022, с. 31].

Вместе с тем отсутствие единства в сопротивлении завоевателям может быть вызвано не только внутриполитическими причинами, но и внешним фактором: при несопоставимости военной мощи монгольских туменов Джэбэ и Субэдэя с мощью туменов, руководимых чингизидами Мункэ и Гуюком, действовавших в Алании во время Западного похода, очевидно, что какая-то часть аланской элиты выбрала, как и святой русский князь Александр Невский, компромисс с завоевателями и отправилась подавлять сопротивление, но не в славянском Великом Новгороде, как это делал князь Александр в 1256—1257 годах во время проводившейся там монголами переписи населения [ПСРЛ. т. 42, с. 118, л. 330], а в Алании, как это делали упомянутые выше *Бадуэр* и его братья, а также аланский правитель *Ханхусы* и *Аэрсылань*, управлявший одним из аланских городов [Сун Лянь, 1997, с. 3038; Alemany, 2000, с. 410, 408], бывшим, вероятно, локальным центром одной из аланских территориально-родовых общин.

3.3. Характеристика социально-политического строя Алании

Во главе этих общин стояла родовая аристократия, а сами общины, возможно, были организованны по типу соприсяжных братств, имевших клановую структуру и распространенных на Кавказе как этнографический феномен вплоть до середины XIX века [Казиев, 2018, с. 45]. Предполагает-

CC BY

ся, что одним из возможных титулов представителей этой родовой аристократии, осуществлявших воинскую функцию, был *багатар*, впоследствии ставший одним из царских аланских титулов [Гутнов, 2008, с. 213] и за три столетия (с X по XIII века) превратившийся в престижное имя членов правящей династии Алании, которое носили три аланских военачальника, упоминающиеся в «Истории [династии] Юань»: *Еле-Бадуэр*, *Бадуэр* и *Шила-Бадуэр* [Сун Лянь, 1997, с. 3208, 3212, 3284; Alemany, 2002, с. 78, 80].

Однако следует заметить, что *багатар* / *баатур* первоначально было одним из почетных званий и среди монгольской родовой аристократии, затем — званием наиболее деятельных в военном плане помощников-дружинников Чингизхана, а в «Истории [династии] Юань» *бахадур* / *бадур* / *баду* уже является званием военачальников монгольской армии, отличившихся в боях (что и демонстрирует содержание жизнеописаний аланских военачальников, указанных А. Алеманем), и этого же звания, согласно уже Григору Акнерци, могли удостаиваться военачальники союзных монголам грузинских и армянских войск [Кушкумбаев, 2015, с. 137, 139, 140], Вместе с тем К. П. Патканов, комментируя сведения из «Истории народа стрелков» Григора Акнерци о грузинских и армянских князьях в войске внука Чингизхана Хулагу, называемых «богатырями», отмечает взаимозаменяемость слов ‘войско’ и ‘князь’ во всем тексте указанного источника, поясняя, что князь в Армении и Грузии набирал дружину из своих подданных, для которых он был «природным начальником», а не «назначенным» [Григор Акнерци, 2019, с. 40], очевидно, также имея в виду территориально-родовой характер местной княжеской власти.

Возможно, что территориально-родовые общины стали той социально-политической основой, благодаря которой был вновь упорядочен аланский социум, сконцентрировавшийся в горной зоне Центрального Кавказа после потери Аланией равнинных земель, случившейся вследствие событий XIII—XIV веков. В Алагирском обществе, социальное устройство которого считается наиболее архаичным в Осетии, со времени XV века прослеживается (полагаемое регрессивным) соотношение сословно-феодальной иерархии и патриархального демократизма, позднее принявшее социально-политическую форму гражданской территориальной общины, состоявшей из равноправных свободных граждан, связанных единством земельных прав и включенных в иерархию коллективов, номинально восходящих к аланскому царю Ос-Багатару и его сыновьям: индивидуальная семья — фамилия — селение — колено — гражданская община [Бзаров, 2014, с. 13, 23—24, 33, 49].

3.4. Теоретическая дискуссия

Что касается сложного вопроса о прогрессивности или регрессивности аланского общества и сущности его политических институтов в рас-

CC BY

смотренный период, то, заметим, что сама его постановка характерна для научных интерпретаций, основанных на той или иной формационно-стадиальной концепции исторического развития. С точки же зрения одного из постструктуралистских философских направлений, — хотя и представляющего универсум феноменов бытия не как отношение, а как желающее производство (производство нехватки), но определяющего движущие силы истории вне понятий той или иной социально-групповой теории, — любой социум можно мыслить как одну из форм общественной машины (некой совокупности функциональных элементов), задачей которой всегда было производство и / или упорядочивание различных потоков человеческого желания (земли, воды, людей, пищи, сырья, знаний, техники, финансов и т. п.) через их кодирование, запись или регистрацию. Когда возможностей исторически первичной в приводимом ниже ряду *территориальной* общественной машины (общины), основанной на земельном коде (земельных правах), оказалось недостаточно для такой кодировки, *деспотическая* общественная машина (государство) заместила собой территориальную, присвоив ее порядки, а затем деспотическую машину поглотила *капиталистическая* общественная машина с ее сверхкодом денежного знака [Делез и др., 2007, с. 58]. На этом основании предполагается, что, даже используя диалектический метод, возникновение государства нельзя объяснить ни развитием производительных сил, ни развитием сил политических, поскольку именно само государство является той причиной, которая обеспечивает возможность конституировать потоки любых излишков и осуществлять соответствующие публичные властные функции — именно государство «обеспечивает возможность различения между правителями и управляемыми», увековечивая и сохраняя органы власти: существует древняя схема — «от кланов к империям» или «от банд к царствам», однако ничто в этой схеме не говорит о том, что в ней имеет место эволюция, «поскольку банды и кланы не менее организованы, чем царства-империи» [Делез и др., 2010, с. 597, 600, 602].

К примеру, все действия Чингисхана по устройству Великого монгольского улуса (общины, орды, государства), произведенные им в 1206 году и явившиеся следствием проведенной им же этно-социальной революции в степи (смены этнической элиты с кереитов на монголов, а родовых вождей — на ханских нукеров [Головнев, 2009, с. 406]), тогда отличались лишь масштабом и широтой и не являлись принципиально и качественно новыми в сравнении с теми действиями, которые он произвел, когда впервые был провозглашен правителем небольшого улуса, ядром которого стали члены его рода и племени, а также его ближайшие сподвижники из других племен [Кычанов, 1997, с. 190, 192]. Впрочем, общественная организация

CC BY

оседлых и кочевых обществ имеет различные функции: оседлое общество распределяет закрытое пространство среди людей (или зверей), назначая каждому его долю и управляя коммуникацией между долями; тогда как общество номадов распределяет людей (или зверей) в открытом пространстве — пространстве неопределенном [Делез и др., 2010, с. 639].

4. Заключение = Conclusions

Как видно, для интерпретаций разнообразных сведений о социально-политическом устройстве средневековой Алании можно использовать разные теоретические основания. Однако даже проведенный анализ позволяет утверждать, что основой социально политического устройства Алании в первой половине XIII века было специфическое сочетание форм сюзерено-вассальной иерархии и патриархально-родового демократизма. При дискуссионности вопроса о регрессивности или прогрессивности аланского общества и его политического устройства в первой половине XIII века, требующего дальнейших исследований и теоретических интерпретаций, не вызывает сомнений отсутствие политического единства в Алании как минимум в 30—40 годы XIII века. Возможно, что Алания в первую половину XIII века политически представляла собой слабо централизованное единство нескольких территориально-родовых владений, сформированных вокруг укрепленных поселений (городищ), расположенных главным образом в зоне Верхнего и Среднего Притеречья и Верхнего и Среднего Прикубанья, управлявшихся правителями из рода *Ахсартаггата* или формально подчинявшихся им. Можно предполагать, что в социальном плане эти территориально-родовые владения образовывались сетью различных унилокальных кровнородственных коллективов, входя в более широкие политические объединения на основе принципа искусственного (декларативного) родства, возможно, схожие по своей структуре с известными на Кавказе соприсяжными братствами. Внутриполитическая и социальная неоднородность вместе с внешнеполитической нестабильностью, также характерной для указанного периода, провоцировали частые междоусобицы, которые не позволили организовать в Алании единое сопротивление завоевателям, но, напротив, имели следствием быстрое военное поражение Аланского государства.

Источники и принятые сокращения

1. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе / Л. И. Аннинский // Исторический архив. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1940. — Том 1. — С. 71—112.

2. *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах / Ю. С. Гаглойти. — Владикавказ : Ир, 2007. — 238 с. — ISBN 5-7534-0388-3.

3. *Григор Акнерци.* История народа стрелков / Григор Акнерци // Золотая Орда в источниках. Армянские источники / Сост. ввод. ст., комм. Р. П. Храпачевского. — Москва : «Центр по изучению военной и общей истории», 2019. — Т. 5. — С. 17— 122.

4. *ПСРЛ. Т. 42* — Полное собрание русских летописей. Новгородская Карамзинская летопись. — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2002. — Т. 42. — 224 с.

5. *Путешествие* Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О. Г. Большакова, историч. коммент. А. Л. Монгайта. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1971. — 137 с.

6. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Рашид ад-Дин ; Пер. с перс. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1960. — Т. II. — 253 с.

7. *Сун Лянь* / 宋濂. История [династии] Юань / 元史 / Сун Лянь. — Пекин / 北京 : Китайское книжное издательство / 中華書局, 1997. — Т / 册. 5. — С. / 页 1265—1585 ; Т / 册10. — С. / 页 2869—3180 ; Т / 册11. — С. / 页 3181—3470.

8. *Alemany A.* Sources on the Alans : a critical compilation / A. Alemany. — Leiden, Boston, Köln : Brill, 2000. — 460 p. — ISBN 9004114424.

9. *Barbier de Meynard Ch*. Yaqut ibn'Abd Allah al-Hamawi. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pourla plupart inédits / Ch. Barbier de Meynard. — Paris : Impr. impériale, 1861. — 639 p.

10. *Genghiz* Khan *:* The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / trans. by J. A. Boil. — Manchester University Press, UNESCO Publishing, 1997. — Pp. lxvii+763 pp.

11. *The Secret History* of the Mongols : in 2 vols. / Transl. and comment. by I. de Rachewilts. — Leiden, Boston : Brill, 2004. — Vol. I. — Pp. cxxvi+642.

Литература

1. *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.) / О. Б. Бубенок. — Киев : Истина, 2004. — 324 с. — ISBN 966-7613-53-4.

2. *Бзаров Р. С.* Из истории аланской культуры / Р. С. Бзаров. — Владикавказ : СЕМ, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-91139-299-4.

3. *Бибиков М. В.* Византийский источник по истории Руси и Кавказа / М. В. Бибиков. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. — 314 с. — ISBN 5-89329-150-6.

4. *Ванеев З. Н.* Избранные работы по истории осетинского народа / З. Н. Ванеев. — Цхинвали : Ирыстон, 1989. — 417 с.

5. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. / А. В. Гадло. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1994. — 238 с. — ISBN 5-288-01010-2.

6. *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. — 496 с. — ISBN 978-5-89088-037-6.

7. *Гуриев Т. А.* К истории алано-монгольских отношений в первой половине XIII в. / Т. А. Гуриев // Сборник избранных статей. — Владикавказ : Издательство СОГУ, 2010. — С. 80—87. — ISBN 978-5-8336-0602-5.

8. *Гутнов Ф. Х.* Экзусиократор Алании и архонт Асии в X—XI вв. / Ф. Х. Гутнов // NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских исследований : Эпос. Мифология. Язык. — 2007. — Т. IV. — № 1—2. — С. 241—263.

9. *Гутнов Ф. Х.* Феодальные общества Северного Кавказа в предмонгольский период / Ф. Х. Гутнов // NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос. Мифология. Язык. — 2008. — Т. V. — № 1—2. — С. 205—243.

10. *Гутнов Ф. Х.* Княжеский род алан в «Памятнике эриставов» / Ф. Х. Гутнов // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник : восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е. И. Мельникова. — Москва : ИВИ РАН, 2009. — С. 93—96. — ISBN 978-5-94067-265-4.

11. *Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Северный Кавказ в XIII—XV вв. / Ф. Х. Гутнов. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. — Часть III. — 494 с. — ISBN 978-5-91480-217-9.

12. *Делез Ж.* Анти-Эдип : капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фран. Д. Кралечкина. науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 672 с. — ISBN 978-5-9757-0192-3.

13. *Делез Ж.* 1227 — Трактат о номадологии : машина войны / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Тысяча плато : капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. — С. 587—717. — ISBN 978-5-9757-0527-3.

14. *Жарко С. Б.* Венгерские источники о монголах и Руси XIII в. / С. Б. Жарко // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — 2015. — Т. 1. — Выпуск 10. — С. 202—211.

15. *Казиев Э. В.* Структура черкесских братств по воспоминаниям Д. С. Белла / Э. В. Казиев // Известия СОИГСИ. — 2018. — № 28 (67). — С. 51—41.

16. *Казиев Э. В.* Аланы/асы на средневековой китайской карте / Э. В. Казиев // Вестник СОГУ. — 2022. — № 1. — С. 20—29. — DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-20-28.

17. *Калинина Т. М.* Йакут : Первоисточники первых сведений о Хазарии и Хазарском море / Т. М. Калинина // «Хазарский альманах». — 2016. — Т. XIII. — С. 96—110.

18. *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв. / И. Г. Коновалова. — Москва : Восточная литература, 2009. — 223 с. — ISBN 978-5-02-036420-2.

19. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII в. / В. А. Кузнецов. — Орджоникидзе : Ир, 1971. — 245 с.

20. *Кузнецов В. А.* Аланы и Кавказ : осетинская эпопея обретения Родины / В. А. Кузнецов. — Владикавказ : Проект-Пресс, 2014. — 160 с.

21. *Кузнецов В. А.* Заметки к истории христианства в Алании / В. А. Кузнецов // Nartamongæ. Журнал Алано-Осетинских Исследований : Эпос, Мифология, Язык, История. — 2020. — Т. XV. — № 1, 2. — С. 266—291.

22. *Кушкумбаев А. К.* Институт бахадуров в военной организации империи джучидов / А. К. Кушкумбаев // Золотоордынская цивилизация. — 2015. — № 8. — С. 137—148.

23. *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. — Москва : Восточная литература РАН, 1997. — 319 с. — ISBN 5-02-017419-7.

24. *Малахов С. Н.* К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII—XVI вв. / С. Н. Малахов // Аланы : Западная Европа и Византия / Отв. ред. В. Х. Тменов. — Владикавказ : Издательство СОИГСИ, 1992. — С. 149—171.

25. *Малахов С. Н.* Печать протопроедра и эксусиократора всей Алании Константина : проблемы атрибуции и датировки / С. Н. Малахов // Аланское православие : история и культура : сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». — Владикавказ : Издательско-полиграфическое предприятие им. М. В. Гассиева, 2017. — С. 103—114.

26. *Малахов С. Н.* Епископ Феодор и Аланская Церковь в первой четверти XIII в. / С. Н. Малахов // Вестник СОГУ. — 2022. — № 1. — С. 29—43. — DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-29-43.

27. *Мамиев М. Э.* О социальной принадлежности Урдура / М. Э. Мамиев // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 22 (61). — С. 13—22.

28. *Савенко С. Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X—XII вв. н.э. / С. Н. Савенко. — Пятигорск, Казань : ИД «Казанская недвижимость», 2017. — 384 с. — ISBN 978-5-9909918-5-9.

29. *Туаллагов А. А.* «Магас» — столица Алании / А. А. Туаллагов // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. — Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. — С. 527—561. — ISBN 978-5-91480-276-6.

30. *Фидаров Р. Ф.* Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании / Р. Ф. Фидаров // Историко-филологический архив. — 2011. — № 7. — С. 4—26.

31. *Хотко С. Х.* Этнонимия Северо-Западного Кавказа в XIII—XV / С. Х. Хотко // Вестник КБИГИ. — 2015. — № 4 (27). — С. 54—61.

32. *Alemany A.* The “Alanic” title *Baγātar / A. Alemany // Nartamongæ. Журнал аланоосетинских исследований : эпос, мифология, язык. — 2002. — Т. I. — № 1. — С. 77—87.

33. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo / P. Pelliot. — Paris : Imprimerie Nationale, 1959. — Vol. I. — 611 p.

Material resources

Abu Hamid Al-Garnati's journey to Eastern and Central Europe. (1971). Moscow: The main editorial office of Oriental Literature. 137 p. (In Russ.).

Alemany, A. (2000). *Sources on the Alans: a critical compilation.* Leiden, Boston, Köln: Brill. 460 p. ISBN 9004114424.

Anninsky, S. A. (1940). News of the Hungarian missionaries of the XIII—XIV centuries. about Tatars and Eastern Europe. In: *Historical Archive, 1.* Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 71—112. (In Russ.).

Barbier de Meynard, Ch. (1861). *Yaqut ibn'Abd Allah al-Hamawi. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pourla plupart inédits.* Paris: Impr. Impériale. 639 p. (In Franc.).

Gagloti, Yu. S. (2007). *Alano-Georgika. Information from Georgian sources about Ossetia and Ossetians.* Vladikavkaz: Ir. 238 p. ISBN 5-7534-0388-3. (In Russ.).

Grigor Aknerzi. (2019). The history of the Strelkov people. In: *The Golden Horde in sources. Armenian sources, 5.* Moscow: “Center for the Study of Military and General History”. 17—122. (In Russ.).

Genghiz Khan: The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini (1997). Trans. by J. A. Boil. Manchester University Press, UNESCO Publishing. Pp. lxvii+763 pp.

Rashid al-Din. (1960). *Collection of Chronicles, II.* Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 253 p. (In Russ.).

Song Lian. (1997). *The history of the [dynasty] Yuan, 5,10,11.* Beijing: Chinese publishing house. 1265—1585; 2869—3180; 3181—3470/ (In Chine.).

The complete collection of Russian Chronicles. Novgorod Karamzin Chronicle, 42. (2002). St. Petersburg: “Dmitry Bulanin”. 224 p. (In Russ.).

The Secret History of the Mongols: in 2 vols, I. (2004). Leiden, Boston: Brill. cxxvi+642.

CC BY

References

Alemany, A. (2002). The "Alanic" title *Baγātar. Nartamongæ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic, mythology, language, I (1): 77—87.

Bibikov, M. V. (1999). *The Byzantine source on the history of Russia and the Caucasus.* St. Petersburg: Aleteya. 314 p. ISBN 5-89329-150-6. (In Russ.).

Bubenok, O. B. (2004). *Alans-aces in the Golden Horde (XIII—XV centuries).* Kiev: Istina. 324 p. ISBN 966-7613-53-4. (In Russ.).

Bzarov, R. S. (2014). *From the history of Alan culture.* Vladikavkaz: SEM. 400 p. ISBN 978-5-91139-299-4. (In Russ.).

Deleuze, J., Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia.* Yekaterinburg: U-Factoria. 672 p. ISBN 978-5-9757-0192-3. (In Russ.).

Deleuze, J., Guattari, F. (2010). 1227 — Treatise on nomadology: the machine of war. In: A Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel. 587—717. ISBN 978-5-9757-0527-3. (In Russ.).

Fidarov, R. F. (2011). The role of the Upper Julat in the state ideology of Alanya. *Historical and Philological Archive, 7:* 4—26. (In Russ.).

Gadlo, A. V. (1994). *Ethnic history of the North Caucasus of the X—XIII centuries.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 238 p. ISBN 5-288-01010-2. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2009). *Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia).* Yekaterinburg: URO RAS; Volot. 496 p. ISBN 978-5-89088-037-6. (In Russ.).

Guriev, T. A. (2010). On the history of Alan-Mongolian relations in the first half of the XIII century. In: *Collection of selected articles.* Vladikavkaz: SOGU Publishing House. 80—87. ISBN 978-5-8336-0602-5. (In Russ.).

Gutnov, F. H. (2007). Exusiocrator of Alanya and Archon of Asia in the X—XI centuries. *NARTAMONGÆ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic. Mythology. Language, IV (1—2):* 241—263. (In Russ.).

Gutnov, F. H. (2008). Feudal societies of the North Caucasus in the pre-Mongol period. *NARTAMONGÆ. Journal of Alano-Ossetian Studies: Epic. Mythology. Language, V (1—2):* 205—243. (In Russ.).

Gutnov, F. H. (2009). The Princely clan Alan in the "Monument of the Eristavs". In: *Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. The author and his source: perception, attitude, interpretation. XXI Readings in memory of V. T. Pashuto. Materials of the conference.* Moscow: IVI RAS. 93—96. ISBN 978-5-94067-265-4. (In Russ.).

Gutnov, F. H. (2014). *Mountain feudalism. The North Caucasus in the XIII—XV centuries, III.* Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 494 p. ISBN 978-5-91480-217-9. (In Russ.).

Kaziev, E. V. (2018). The structure of Circassian fraternities according to the memoirs of D. S. Bell. *Bulletin of the SOIGSI, 28 (67):* 51—41. (In Russ.).

Kaziev, E. V. (2022). Alans/Aces on the medieval Chinese map. *Bulletin of SOGU, 1:* 20—29. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-20-28. (In Russ.).

Kalinina, T. M. (2016). Yakut: Primary sources of the first information about Khazaria and the Khazar Sea. *"Khazar Almanac", XIII:* 96—110. (In Russ.).

Khotko, S. H. (2015). Ethnonymy of the North-West The Caucasus in the XIII—XV. *Bulletin of KBIGI, 4 (27):* 54—61. (In Russ.).

Konovalova, I. G. (2009). *Eastern Europe in the writings of Arab geographers of the XIII—XIV centuries.* Moscow: Oriental Literature. 223 p. ISBN 978-5-02-036420-2. (In Russ.).

Kushkumbaev, A. K. (2015). Institute of Bahadurs in the military organization of the Juchid Empire. *Golden Horde civilization, 8:* 137—148. (In Russ.).

Kuznetsov, V. A. (1971). Alania in the X—XIII century. Ordzhonikidze: Ir. 245 p. (In Russ.).

Kuznetsov, V. A. (2014). *Alans and the Caucasus: the Ossetian epic of finding the Motherland.* Vladikavkaz: Project-Press. 160 p. (In Russ.).

Kuznetsov, V. A. (2020). Notes on the history of Christianity in Alanya. Nartamongæ. *Journal Of Alano-Ossetian Studies: Epic, Mythology, Language, History, XV (1,2):* 266—291. (In Russ.).

Kychanov, E. I. (1997). *Nomadic states from the Huns to the Manchus.* Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 319 p. ISBN 5-02-017419-7. (In Russ.).

Malakhov, S. N. (1992). On the issue of localization of the diocesan center in Alanya in the XII—XVI centuries. In: *Alans: Western Europe and Byzantium.* Vladikavkaz: SOIGSI Publishing House. 149—171. (In Russ.).

Malakhov, S. N. (2017). The seal of the protoproedr and exusiocrator of the whole of Alanya Konstantin: problems of attribution and dating. In: *Alan Orthodoxy: history and culture: a collection of materials of the VI St. George Readings "Orthodoxy. Ethnic group. Culture".* Vladikavkaz: Publishing and Printing Enterprise named after M. V. Gassiev. 103—114. (In Russ.).

Malakhov, S. N. (2022). Bishop Theodore and the Alan Church in the first quarter of the XIII century. *Bulletin of SOGU, 1:* 29—43. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-1-29-43. (In Russ.).

Mamiev, M. E. (2016). On Urdur's social affiliation. *Bulletin of the SOIGSI, 22 (61):* 13—22. (In Russ.).

Pelliot, P. (1959). *Notes on Marco Polo, I.* Paris: Imprimerie Nationale. 611 p.

Savenko, S. N. (2017). *Characteristics of the social development of the Alan Societies of the North Caucasus based on the materials of catacomb burial grounds of the X—XII centuries AD.* Pyatigorsk, Kazan: Publishing house "Kazan real estate". 384 p. ISBN 978-5-9909918-5-9. (In Russ.).

Tuallagov, A. A. "Magas" — the capital of Alanya. In: *ALANICA. Collection of selected articles by Doctor of Historical Sciences A. A. Tuallagov. To the 50th anniversary of his birth.* Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS. 527—561. ISBN 978-5-91480-276-6. (In Russ.).

Vaneev, Z. N. (1989). *Selected works on the history of the Ossetian people.* Tskhinvali: Iryston. 417 p. (In Russ.).

Zharko, S. B. (2015). Hungarian sources about the Mongols and Russia of the XIII century. *Prats gistarychnaga faculty of BDU, 1 (10):* 202—211. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.04.2022,
одобрена после рецензирования 22.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Колегов С. С. События Прутского похода по донесениям английского дипломата Чарльза Витворта статс-секретарю С. Джону / С. С. Колегов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 412—428. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-412-428.

Kolegov, S. S. (2022). Events of Prut Campaign according to Reports of English Diplomat Charles Whitworth to Secretary of State S. John. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 412-428. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-412-428. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-412-428

События Прутского похода по донесениям английского дипломата Чарльза Витворта статс-секретарю С. Джону

Колегов Святослав Сергеевич
orcid.org/ 0000-0001-5253-0722
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежного регионоведения
sv.kolev@mail.ru

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Events of Prut Campaign according to Reports of English Diplomat Charles Whitworth to Secretary of State S. John

Svyatoslav S. Kolegov
orcid.org/ 0000-0001-5253-0722
PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Regional Studies
sv.kolev@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Колегов С. С., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Дается краткий обзор контактов Московского царства и Англии в XVI — XVII веках. Рассматривается деятельность Ч. Витворта в Москве с февраля 1705 по март 1710 года. Дается оценка его работе в указанный период. Особое внимание уделяется решению английским дипломатом задач, связанных с обеспечением своего правительства проверенной информацией о событиях Русско-турецкой войны. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время отношения Российской Федерации и Турции вышли на новый этап развития, а значит, история их контактов не может не привлекать внимания историков. Новизна исследования видится в том, что раньше исследователи обращали мало внимание на то, как иностранные наблюдатели оценивали события Прутского похода. Автор статьи приходит к выводу, что Ч. Витворту удалось получить достоверную информацию о битве на реке Прут и условиях последующего мирного договора. Отмечается, что, несмотря на поступление достаточно противоречивой информации, английский посол смог выделить наиболее и наименее достоверные источники сведений и составить полную картину произошедшего. Наиболее достоверными источниками информации для посла стали письма иностранных коллег, в частности, английского посла в Стамбуле Роберта Саттона, а также имперского резидента в столице Османской империи — Иогана Михеля фон Тальмана. Наименее правдоподобные и путаные сведения представлены в польских письмах и в сообщении от графа Г. И. Головкина князю Долгорукову.

Ключевые слова:
Балтаджи; великий везирь; Ч. Витворт; Каменный Затон; Осман-ага; Прутский поход; Б. П. Шереметев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A brief overview of contacts between the Muscovite kingdom and England in the 16th-17th centuries is given. The activity of C. Whitworth in Moscow from February 1705 to March 1710 is considered. An assessment of his work in the specified period is given. Particular attention is paid to the solution by the British diplomat of the tasks associated with providing his government with verified information about the events of the Russian-Turkish war. The relevance of the study is due to the fact that at present relations between the Russian Federation and Turkey have entered a new stage of development, which means that the history of their contacts cannot but attract the attention of historians. The novelty of the study is seen in the fact that earlier researchers paid little attention to how foreign observers assessed the events of the Prut campaign. The author of the article comes to the conclusion that C. Whitworth managed to obtain reliable information about the battle on the Prut River and the conditions of the subsequent peace treaty after it. It is noted that, despite of rather contradictory information, the British ambassador was able to identify the most and least reliable sources of information and draw up a complete picture of what happened. The most reliable sources of information for the ambassador were letters from foreign colleagues, in particular, the British ambassador to Istanbul, Robert Sutton, as well as the imperial resident in the capital of the Ottoman Empire, Johann Michel von Thalmann. The least plausible and confused information is presented in Polish letters and in a message from Count G. I. Golovkin to Prince Dolgorukov.

Key words:
Baltaji; grand vizier; C. Whitworth; Stone Backwater; Osman-aga; Prut campaign; B. P. Sheremetev.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 327(410.19)“1705/1713”+94(47)“1710/1713”+929Whitworth

События Прутского похода по донесениям английского дипломата Чарльза Витворта статс-секретарю С. Джону

© Колегов С. С., 2022

1. Введение = Introduction

Эпоха Петра Великого, оказавшая решающее влияние на развитие России в конце XVII — первой четверти XVIII веков, вызывает особый интерес у историков. Особого внимания заслуживает внешняя политика первого российского императора, в частности, ее южное направление. На протяжении всего XVII столетия шло медленное продвижение русских на юг. Для защиты от нападений Крымского ханства возводились непрерывные линии крепостей, частоколов и засек. В 1686 году Россия вступила в войну с Османской империей, а в 1697 году формально присоединилась к антитурецкой коалиции — Священной лиге. Вступление страны в войну диктовалось не только необходимостью защиты южных рубежей, но также потребностью выхода к незамерзающим морям для укрепления связей с иными государствами. В ходе военных действий в 1695—1696 годы молодому царю Петру I удалось отвоевать у османов город Азов. В июле 1700 года был подписан Константинопольский договор (сроком на тридцать лет), по условиям которого Россия сохранила Азов, построенный ею порт Таганрог и земли по нижнему течению Днепра [История внешней политики …, 2018, с. 33]. Однако это тридцатилетнее перемирие стало лишь небольшой передышкой в стратегическом противостоянии двух стран.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отношениям России и Османской империи в период с 1710 по 1713 годы посвящен ряд трудов отечественных исследователей. В XIX столетии к этой проблеме обращался С. М. Соловьев в своем многотомном исследовании «История России с древнейших времен» [Соловьев, 1993]. Недостаток внимания историков этого периода к событиям Прутского похода объясняется, очевидно, его неудачей и тяжелыми последствиями для России в Причерноморье.

В XX столетии события правления Петра Великого и, в частности, войны с турками и Прутского похода отражены в многочисленных трудах более подробно. Развитие дипломатических отношений России, в том числе в период правления Петра I, показано в первом томе «Истории диплома-

CC BY

тии» [История дипломатии, 1941]. Обзор внешнеполитических контактов России в XVIII столетии представлен во втором томе многотомного труда «История внешней политики России» [История внешней политики …, 2018]. В монографиях Н. И. Павленко [Павленко, 1990], В. С. Бобылева [Бобылев, 1990], Н. Н. Молчанова [Молчанов, 2003] изучается как эпоха Петра Великого, так и, в частности, его внешняя политика. К советским и современным историкам относится В. А. Артамонов, посвятивший Прутскому походу и войне России с Османской империей две монографии [Артамонов, 2014; Артамонов, 2019]. Историк обращает внимание, что военные действия начались по инициативе османов, поэтому начавшийся конфликт следует именовать турецко-русской, а не русско-турецкой войной [Артамонов, 2019, с. 12.]. В исследовании, где рассматриваются отношения России и Речи Посполитой после Полтавской победы, В. А. Артамонов подробно останавливается на событиях турецко-русской войны в целом и, в частности, Прутском походе [Артамонов, 1990].

Среди исследований на иностранном языке, посвященных Прутскому походу, можно назвать работы Пола Бушковича «Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725)» и Линдси Хьюз «Россия в эпоху Петра Великого». В исследовании П. Бушковича о событиях русско-турецкой войны говорится совсем немного. Историк пишет, что сам поход царя стал катастрофой с самого начала, и Петр вынужден был подписать предварительный мир. Согласно его условиям страна теряла Азов, зато царь сохранил свою армию и получил свободный пропуск с территории Османской империи [Bushkovitch, 2001, p. 306].

Во втором исследовании, опубликованном в 1998 году, событиям на Пруте посвящена целая глава, где подробно описан маршрут русской армии, говорится о военном совете в городе Слуцк, определившем движение к Дунаю. Исследовательница отмечает, что янычары были напуганы мощью русской артиллерии, и полагает, что именно они побудили визиря начать переговоры. В данном труде также подробно разобраны условия мирного договора и отмечено, что окончательно мир между государствами был подписан в Адрианополе в 1713 году. К сожалению, здесь отсутствует какое-либо упоминание об оценках иностранными наблюдателями событий русско-турецкой войны [Hughes, 1998, p. 47—50].

В другой книге Линдси Хьюз «Романовы: правители России, 1613—1917», изданной в 2008 году, эпохе Петра Великого уделена одна глава, где кратко изложены события Русско-турецкой войны 1711 года. Здесь в нескольких предложениях упоминается тот факт, что православные правители Молдавии и Валахии не оказали необходимой помощи, что 38 000 русских солдат столкнулись лицом к лицу со 130 000 турок и татар и что по результа-

CC BY

там мирного договора русским пришлось пожертвовать городом Азов, уничтожить южный флот и крепости на реке Днепр [Hughes, 2008, p. 71].

Таким образом, проблема русско-турецких отношений в первой четверти XVIII века не утратила своей актуальности и в наши дни. Контакты между двумя державами, в том числе вооруженные, продолжают привлекать внимание исследователей. В настоящее время, когда Турция становится одним из важнейших международных партнеров России, история взаимоотношений двух стран обоснованно вызывает особый интерес.

В то же время события на реке Прут мало изучены с точки зрения оценки их иностранными наблюдателями, современниками событий, не участвовавших непосредственно в войне. Вне поля зрения историков осталась, в частности, работа английского дипломата Ч. Витворта, направленная на сбор актуальной для его правительства информации о русско-турецкой войне. В данной статье предпринята попытка проанализировать именно этот не изученный ранее сюжет.

События Прутского похода также нашли отражение в документах его участников и современников этого события. Так, например, сохранился «Военно-походный журнал» графа Б. П. Шереметева — талантливого военачальника эпохи Петра I. Этот человек не раз возглавлял русские войска и в 1711 году вновь выступил в роли главнокомандующего [Шереметев, 1898]. Его воспоминания были опубликованы еще в XIX столетии А. З. Мышлаевским. Он же опубликовал ряд документов, относящихся к событиям 1711 года.

Значительное количество опубликованных источников представлено в сборнике Русского исторического общества. При подготовке статьи из этого были использованы источники на английском языке с подстрочным переводом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отношений России и Англии в XVI — XVII веках

Следует отметить, что отношения между Московским царством и Англией завязались еще в XVI столетии. В Москве и Лондоне периодически появлялись чрезвычайные послы, которые решали отдельные вопросы, возникавшие в ходе развития контактов двух стран. Так, например, первым русским послом в Лондоне был О. Г. Непея. Однако и он, и другие представители русского двора (Г. Микулин, Г. Герасимов и др.) являлись чрезвычайными послами и возвращались, выполнив определенную миссию [Кросс, 1996, с. 17]. Английские купцы и дипломаты с отдельными поручениями также появились в Москве в XVI столетии. Среди них можно отметить Ричарда Ченслера (торговца, объявившего себя послом), Анто-

CC BY

ния Дженкинсона, Джерома Горсея и других [Алпатов, 1973, с. 267]. Не позднее 1701 года в России появился первый английский консул Карл Гутфель (Чарльз Гудфелло) [Бантыш-Каменский, 1894, с. 124].

В XVI столетии происходили знаменательные для отношений двух государств события, в частности, в 1555 году для торговли с русскими в Лондоне была создана «Московская компания». Ранее Иван IV Васильевич (Грозный), принимая в качестве посла Р. Ченслера, разрешил англичанам свободно торговать в стране, свободно покупать и строить дворы. «Московская компания» стремилась не просто закрепить, а расширить свое влияние в России, добиться новых привилегий, организовывала экспедиции по Волге, стремясь наладить торговлю с Персией. Если в Москве хотели заключить политический союз, то для англичан интерес к Русскому государству определялся лишь коммерческими интересами [Алпатов, 1873, с. 265—268]. К концу правления Иван IV пытался заключить династический брак сначала с английской королевой Елизаветой, а потом с ее родственницей Марией Гастингс. Таким образом, царь рассчитывал поднять престиж своей династии и облегчить заключение военного союза между двумя государствами. Для осуществления задуманного Иван Грозный отправил в Лондон посла Федора Писемского. Ему следовало навести справки о приданом английской невесты, а также узнать о ее происхождении и родственниках. Русский самодержец готов был даже бежать в Англию со всей семьей и казной, если бы в России вспыхнул мятеж. Однако брачный проект так и не осуществился, поскольку королева отказала царю под предлогом слабого здоровья невесты [Скрынников, 2005, с. 459]. Тем не менее действия Ивана Грозного доказывают, насколько он был заинтересован в развитии отношений с англичанами.

В 1602 году Борис Годунов решил отправить на обучение за границу молодых людей, тем самым подготовив их к службе в Посольском приказе. В Англию приехали для обучения четыре человека, но назад в Россию они не вернулись, хотя один из них, Микифор Григорьев, после обучения в Клэр-колледже получил степень бакалавра и стал священником англиканской церкви [Кросс, 1996, с. 14].

3.2. Начальный этап дипломатической деятельности Ч. Витворта в России

Чарльз Витворт приехал в Москву 17 февраля 1705 года в звании чрезвычайного посланника. Его сопровождал секретарь Вейсброт. 18 февраля посол подал на аудиенции верительную грамоту и объявил, что его страна желает «содержать древнюю с Россией дружбу и любительную иметь переписку». Кроме того, Англия, по крайней мере на словах, готова была способствовать делу примирения Русского государства со Швецией. Перво-

CC BY

му постоянному английскому послу практически сразу пришлось решать вопросы, связанные с соблюдением прав английских подданных. Самым же тяжелым испытанием для Чарльза Витворта стало оскорбление русского посла в Лондоне А. А. Матвеева и последовавшее за этим обострение отношений между двумя государствами. 5 февраля 1710 года Ч. Витворт подал на аудиенции грамоту с соболезнованиями от королевы «о злодействе, учиненном в Лондоне от черни российскому послу Матвееву» [Бантыш-Каменский, 1894, с. 125, 127]. 29 марта 1710 года Ч. Витворт выехал из России, оставив вместо себя консула Гудфелло и секретаря Вейсброта [Бантыш-Каменский, 1894, с. 127].

Следует отметить, что первый постоянный английский дипломатический агент известен не только своей деятельностью, направленной на защиту интересов Великобритании. Он также информировал свое правительство о боевых действиях, которые вела Россия, в том числе в период русско-турецкой войны 1710—1713 годов.

3.3. Дипломатическая и военная подготовка русско-турецкой войны

После разгрома шведской армии под Полтавой вероятность войны между Османской империей и Россией не уменьшилась, а возросла по сравнению с 1708—1709 годами. На турецкой территории появились новые силы, заинтересованные в начале такого военного конфликта: шведский король, польские эмигранты, запорожцы. В 1709 году Карл XII объявился в пределах Османской империи как беглец с отрядом в 1—1,5 тысячи человек. Однако затем под его знамя начали стекаться остатки разбитых частей (в основном запорожские казаки). Весной 1709 года к королю из Венгрии прибыл отряд Ю. Потоцкого, состоявший из поляков и немецких наемников [Артамонов, 1990, с. 44]. Таким образом, силы шведского короля постепенно росли.

Дипломаты противников Петра I старательно подталкивали османов к войне с царем. Особую активность в этом проявлял поляк Станислав Понятовский.

Усилия сторонников Швеции дали свои первые плоды в 1710 году. В это время произошли нападения на русские гарнизоны на Левобережной и Правобережной Украине. В конце того же года султан выдвинул ультиматум России, потребовав вернуть Азов и Таганрог, очистить от русских войск Речь Посполитую, признать польским королем Станислава Лещинского, предоставить независимость казачеству на Украине и отказаться от завоеваний в Прибалтике. Сама Османская империя начала готовиться к войне [Артамонов, 1990, с. 46].

Подготовка к войне России началась в конце 1710 года. Еще в ходе Крымских и Азовских походов (1687—1689 годы и 1695—1696 годы) русские приобрели опыт наступательной войны на днепровском и донском на-

CC BY

правлениях. В новую кампанию царь Петр рассчитывал вести наступление на широком фронте, включавшем в себя Балканский, Крымский и Кавказский театры военных действий.

Для отвлечения сил Османской империи от Молдавии русские военачальники планировали нанести ряд ударов. Так, казакам И. И. Скоропадского и пехоте И. И. Бутурлина следовало войти в Крым. Другой части русских войск совместно с адыгами предписывалось действовать против Кубанской орды. В этой операции должен был участвовать и Азовский флот, которому следовало высадить десант на Таманском полуострове. В качестве дополнительной силы для этой операции привлекались калмыки [Артамонов, 1990, с. 82].

Детальный план кампании русское командование стало разрабатывать только 12—13 апреля 1711 года в городе Слуцке. На состоявшемся здесь военном совете, кроме царя и военачальников (Б. П. Шереметева и генерала Л. Н. Аларта), присутствовали также канцлер Г. И. Головкин, посол в Речи Посполитой Григорий Федорович Долгорукий и барон П. П. Шафиров [Шереметев, 1898, с. 18]. В результате Петр I приказал генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву выйти к берегам Днестра не позже 20 мая 1711 года. Сам командующий русской армией был единственным человеком, возражавшим против такого плана. Б. П. Шереметев доказывал, что войска не успеют к указанному сроку выйти к Днестру, однако царь настаивал на своем. Петр I рассчитывал, что с выходом к реке Днестр к его армии присоединятся силы валашского господаря К. Брынковяну и молдавского господаря Д. Кантемира. Именно от них русский монарх думал получить такое необходимое армии продовольствие [Павленко, 1990, с. 339].

На Константина Брынковяну русские возлагали большие надежды. Еще в 1709 году он заключил тайный союз с царем, обещал встать на сторону России в случае войны с османами. Валашский господарь также обещал «поднять на восстание тридцать тысяч сербов и болгар, обеспечить за деньги продовольствием русскую армию и помочь сербам, желавшим пробиться из Венгрии к русским» [Артамонов, 2019, с. 103].

Дмитрий Кантемир вступил в союз с православным духовенством княжества и, не обращая внимание на мнение многих местных бояр, начал укреплять контакты с могучим единоверцем-соседом. Показателем этого является договор, подписанный в польском городе Луцк 13 апреля 1711 года. В нем Д. Кантемир признавал себя подданным царя и просил покровительства у Петра I. В свою очередь, русский монарх гарантировал, что правитель Молдавии и его потомки сохранят абсолютную власть в княжестве. Если же страна останется под властью турок, то и Д. Кантемир, и его родственники найдут убежище в России.

CC BY

Петр I также полагал, что христианское население Балканского полуострова поднимет восстание против турок и с радостью встретит его войска. Для этого надо лишь одержать значительную победу над врагом, что приведет к подъему национально-освободительного движения во владениях Порты [Лиштенан, 2021, с. 242—243].

При изучении подготовки очередной войны с Османской империей обращает на себя внимание нереальность планов и легкомысленное отношение к врагу, что сказалось на всем походе. Так, переброска армии осуществлялась крайне медленно, несмотря на приказы Петра I. На темпе движения сказывалась и длительная распутица (армия выступила из Прибалтики еще в начале весны), и нехватка продовольствия и фуража. Не удалось решить проблему отсутствия хлеба и после вступления на территорию Молдавии. По донесениям Б. П. Шереметева, этот край оказался сильно разорен, и обеспечить армию всем необходимым здесь было очень сложно [Бобылев, 1990, с. 83—84.]. Валашский же господарь не присоединился к русским, поскольку турки раньше них вышли к Дунаю [Артамонов, 2019, с. 110].

3.4. Боевые действия на реке Прут

7 июля 1711 года армия царя остановилась на отдых в урочище Станилешты. Рано утром Петр I выслал вперед четыре драгунских и два конно-гренадерских полка под командованием Януса Эберштадта и бригадира, полковника Казанского драгунского полка Жана Николя Моро де Бразе. Этой дивизии также была придана артиллерия, повозки с амуницией и конные части, состоявшие из молдаван и казаков. Русский авангард двинулся вдоль реки Прут. В полдень того же дня у деревни Фальчи им были обнаружены турецкие всадники, которые в количестве нескольких тысяч человек обрушились на русский отряд. Эберштадт посчитал, что имеет дело со всей турецкой армией, хотя последняя находилась еще на другом берегу реки. Вместо того, чтобы атаковать противника, он послал ложное сообщение Петру I о столкновении со всем турецким войском, а сам, уничтожив большую часть провианта, начал отходить к основным силам ночью, 8 июля. Утром того же дня турецкая конница бросилась в погоню, но ее удалось отогнать стрельбой из пушек. Командующий османами Балтаджи Мехмет-паша, воспользовавшись отходом русского авангарда, начал переправлять свои силы через Прут. 8 июля Петр I собрал военный совет, на котором приняли решение отступать на север к городу Яссы. Таким образом, царь окончательно отдал инициативу туркам [Артамонов, 2019, с. 142—149]. 9 июля отступающая русская армия подверглась нападениям турок и татар. В результате была потеряна часть обоза, погибло много людей. Однако после отражения нападения и восстановления порядка отступление продолжалось до двух часов дня. Вечером начались бои уже с основными силами

CC BY

турецкой армии. Русские разбили лагерь у деревни Новые Станилешты и на отдельных участках успели возвести незначительные укрепления. Подошедшие янычары атаковали этот лагерь вечером 9 июля, но благодаря высокой выучке русских солдат и офицеров все атаки были отбиты с большим уроном для неприятеля. Здесь «турецкая отвага оказалась бессильной против линейной тактики». На следующее утро турки построили четыре батареи, начали обстрел и вновь пошли в атаку, но царские войска отразили их и на этот раз. Однако положение, в котором оказалась русская армия, было тяжелым, и Петр I вынужденно заключил «вечный» мир. Его условия согласовали в течение 10 и 11 июля, а 12 июля документ подписали обе стороны и скрепили печатями. В тот же день русские покинули свой лагерь и в сопровождении турецкого отряда двинулись к границам своей страны [Артамонов, 2019, с. 165—202].

15 июля 1711 года Петр I отправил письмо Августу II, где причинами мирного договора называл «некоторые неудобства» и «общие… с вашим величеством интересы» [Письма и бумаги…, 1964, с. 10].

3.5. Противоречивые сведения о результатах боевых действий между Россией и Турцией

Бывшему английскому послу в Москве Ч. Витворту, находившемуся в это время в Вене, необходимо было снабжать свое правительство актуальными сведениями о военных действиях между Россией и Османской империей. В письме на имя статс-секретаря С. Джонсона от 8 августа 1711 года он приводил разные источники информации, на основании которых пытался составить объективную картину того, что произошло на реке Прут. В письме, показанном ему русским посланников Урбихом от краковского почтмейстера, сообщалось о взятии русскими войсками города Бендеры. Турки, согласно этому известию, потеряли 40 000 убитыми и вынуждены были просить о мире на условиях, предложенных русским царем. Король Швеции, как сообщалось в письме, попал в плен. Однако эти известия оказались ложными.

Информацию о реальном положении дел Ч. Витворт получил от вице-президента военного управления графа Герберштейна, где сообщалось о победе турок и условиях мира, к которому принудили русских. Английский посол узнал, в частности, что русские обязались возвратить Азов и все свои приазовские завоевания, пропустить шведского короля в его владения, отдать обратно Ригу и заключить перемирие на четыре года [РИО, 1886, с. 472—473].

В действительности Россия возвращала Азов, уничтожала построенные крепости, обязалась отказаться от покровительства Запорожской Сечи и не вмешиваться в дела Речи Посполитой, пропустить на родину коро-

CC BY

ля Карла XII. Ведшему переговоры П. П. Шафирову удалось добиться не передачи, а продажи части кораблей Азовского флота и снять требования о выдаче молдавского господаря Д. Кантемира и С. Л. Владиславича (Рагузинского) [Артамонов, 1990, с. 89—90].

Как видим, неправдоподобным оказалось лишь известие о том, что Россия согласилась на передачу города Риги.

3.6. Анализ Ч. Витвортом информации о битве на реке Прут

Ход сражения кратко описывался в письме турецкого военачальника кяхьи Османа-аги, лично принимавшего участие в боевых действиях. Данное послание было адресовано барону Нему. В нем причиной поражения русских войск на реке Прут названы действия молдаван, которые слишком завлекли на вражескую территорию армию Петра I. Турки и татары окружили русский лагерь и уничтожили вокруг весь фураж и провиант. Согласно письму Османа-аги, битва продолжалась четыре дня, и после потери части укреплений царь вынужден был вступить в переговоры. Их результатом стало подписание мира на условиях возвращения крепости Азов, «срытия других крепостей на турецкой границе и ежегодных подарков туркам и татарам». После подписания договора паша с отрядом отправился сопровождать царские войска до польской границы, а великий визирь с османской армией двинулся в Бендеры, чтобы проводить шведского короля через Польшу в его владения [РИО, 1886, с. 473].

Сам Ч. Витворт отмечал, что на основании полученных им сведений нельзя составить ясную картину того, что произошло на реке Прут. Понятно было только одно: произошло кровопролитное сражение, турки остались победителями, враждующие стороны заключили мир [РИО, 1886, с. 473].

Вообще, английскому дипломату первоначально приходилось довольствоваться самыми противоречивыми сведениями. Так, например, согласно письмам, поступающим из Речи Посполитой, русские одержали победу над турками. Однако, как отмечает сам Ч. Витворт, подобные сведения были обусловлены первыми сообщениями с театра боевых действий. Скорей всего, их появление основано на ложных слухах об уничтожении русской армией 8 июля 1711 года отряда из шведов, валахов и поляков, которым командовали генерал Дальберг и С. Понятовский. Русские будто бы захватили двадцать семь пушек [РИО, 1886, с. 479]. Голландский посланник Герцольд в письме от 5 августа 1711 года также писал о победе русских, не подтверждая этот факт конкретными сведениями.

Ч. Витворт крайне скептически отнесся к письму от графа Г. И. Головкина князю Долгорукому. Английский дипломат сразу обратил внимание на непонятные и путаные выводы. Во-первых, отмечал он, русская армия,

CC BY

согласно письму, «в тисках», но при этом почему-то именно турки просят мира. Во-вторых, царь не поздравляет союзников с успешным завершением войны, а «извиняется в соглашении» [РИО, 1886, с. 478].

Более полные и достоверные сведения Ч. Витворт все-таки получил — от барона Нема, а также из письма, составленного валахом, бывшем очевидцем событий. Так, последний писал про боевые действия, которые предшествовали генеральному сражению на реке Прут: «Двадцать пять тысяч турок со всеми татарами и с войсками воеводы киевского, пользуясь крайне дождливым временем, атаковали отряд русских в 15 000 человек» [РИО, 1886, с. 475]. Очевидец писал, что русский отряд дважды отражал атаки врага и лишь затем вынужден был отступить. Однако само отступление проходило «в сносном порядке», а при получении подкрепления русские войска снова пошли в атаку и заставили турок прекратить преследование. Великого визиря при этом не было, а царь из-за недостатка провианта, вызванного действиями татар, перехватывавших обозы, идущие из Польши, вынужден был возвратиться к Днестру. Ч. Витворт полагал, что это письмо заслуживает наибольшего доверия среди всех рассказов, «которые так общи и темны, что необходимо требуют обстоятельного подтверждения» [РИО, 1886, с. 475—476].

Действительно, в этом сообщении очень подробно описан бой, произошедший между отрядом Януса Эберштадта и авангардом турецкий войск. Близко к реальной оценена численность русских, которых, согласно подсчетам В. А. Артамонова, было около 13 000 человек. С другой стороны, из этого сообщения было непонятно, как долго продолжался бой. На самом деле отряд Я. Эберштадта отбивался от турок с 7 июля и встретился с высланным ему подкреплением уже 8 июля, присоединившись затем к основным силам русской армии. В письме указано, что Петр I из-за отсутствия провианта вынужден был возвратиться к Днестру. Однако русские в это время находились на реке Прут, а недостаток провианта стал лишь одной из причин отступления. Другие заключались в неудачной позиции, которую занимала армия, в численном превосходстве турок, изнурении лошадей, уходе от основных сил конного корпуса Рена. В письме не упомянуто и имя Я. Эберштадта, и наличие у него конницы из молдаван. Впрочем, последняя, по-видимому, не сыграла в бою какой-то существенной роли.

Ч. Витворт назвал записанный рассказ валаха «рассказом … наиболее достойным доверия». По-своему англичанин был прав: именно из этого письма он, наконец, смог получить реальные сведения о происходивших на театре военных действий событиях. С другой стороны, в письме присутствовали определенные неточности, такие, как наименование реки, где происходило сражение, причины отступления русской армии. Не были

CC BY

упомянуты и имена иностранных офицеров на русской службе: Я. Эберштадта и Ж. Н. Моро де Бразе.

Английский дипломат также приводит сведения из других, неуказанных источников («рассказывают, будто…»). По-видимому, вновь довольствуясь слухами, он сообщает статс-секретарю С. Джону, что сражение на Пруте шло два дня, что татары на второй день захватили у царя Петра обоз из двух тысяч возов с хлебом и другим провиантом и что русские, не имея продовольствия, «утомленные до того, что едва могли держать в руках оружие», просили о перемирии, которое закончилось подписанием мирного договора. Специально выделенный турецкий отряд должен был «конвоировать их до польской границы», а в пути снабжать хлебом [РИО, 1886, с. 479].

Следует отметить, что в иностранных источниках информации сообщалось о том, что у окруженных русских вообще не было продовольствия. Отечественные историки также склонялись к этому мнению. Об отсутствии или нехватке продовольствия, фуража для коней и даже воды писали, например, В. С. Бобылев, Н. И. Павленко, Н. Н. Молчанов. Иной точки зрения придерживается А. С. Артамонов. Он полагает, что уже после переправы через Прут 3 июля армия не испытывала голода и жажды как раньше. Однако корма лошадям не хватало [Артамонов, 2019, с. 135]. Во время генеральной баталии «никто из участников сражения не упоминал, что … армия умирала от голода и жажды». Рядом была река, в войсках не хватало хлеба, но имелось мясо. Уже после заключения мира пушки удалось увезти с собой, а значит, артиллерийские лошади тоже сохранили достаточно сил. Кроме того, у генералов, а возможно, и не только у них имелись мешки с овсом [Артамонов, 2019, с. 179].

Очень ценным источником информации для Ч. Витворта стало письмо английского посла в Стамбуле Роберта Саттона. Само послание было отправлено 27 июля 1711 года, а получено Ч. Витвортом не позднее 18 августа 1711 года. Основываясь на письме своего коллеги, а также «дополнениях, собранных из других источников», английский посол изобразил битву как двухдневный бой, продолжавшийся с 8 по 9 июля 1711 года. Английский дипломат вновь сообщает о сражении русского отряда с авангардом турок, а затем пишет об основных событиях 9 июля. Здесь, в частности, сообщается, что турки вынудили своих офицеров немедленно атаковать русских. В результате четырех атак они были отбиты с большим уроном. На следующий день османы готовились к штурму, но царь выступил с предложением начать переговоры. Их итогом стал мир на очень тяжелых условиях [РИО, 1886, с. 482].

После этого визирь снабдил русскую армию провиантом на одиннадцать дней и приказал двум пашам с 12 000 человек наблюдать за движе-

CC BY

нием русских под предлогом охраны их от татар. Румелийский паша был отправлен занять крепость Каменный Затон, а ангарский — занять город Азов. Остальная армия была распущена. Последнее говорит о полной уверенности командующего турецкой армией Балтаджи в выполнении русскими мирного договора и прекращении войны. В следующем своем письме от 22 августа Ч. Витворт подтвердил факт роспуска турецкой армии и ее возвращения на берега Дуная [РИО, 1886, с. 482.].

3.7. Реакция на заключение мирного договора

Подписание мирного договора вызвало раскол в лагере неприятелей России.

Крымский хан Девлет II Герай решительно возражал против мирного договора. Ч. Витворт сообщил, что татары преследуют русских по приказу своего хана и «надо полагать, причинят им немало бед», поскольку в царской армии множество больных и раненых. Исходя из полученных сведений, англичанин сделал вывод, что русские пали духом, ослаблены голодом и усталостью. Об этом же, по его словам, говорит и факт быстрого ухода и роспуска турецких войск [РИО, 1886, с. 483].

Интересы шведского короля Карла XII были мало учтены в договоре, заключенном на берегах Прута. Ч. Витворт писал в сообщении от 18 августа, что Балтаджи оправдывался недостатком инструкций и «незнанием его дел». В следующем письме от 22 августа англичанин уже упоминает об «очень крупном разговоре», произошедшем между королем и визирем.

Пытаясь узнать условия мирного договора, Ч. Витворт вновь привлекал информацию из самых разных источников. Так, например, дипломат писал, что «одни уверяют, будто туркам возвращается Азов со всеми прочими завоеваниями русских». Согласно другим слухам, царь обязался только сжечь свои корабли на Азовском море. Приходили сообщения об отправке в Константинополь вице-канцлера П. П. Шафирова и генерала Шереметева для ратификации статей соглашения. Также Ч. Витворт писал о требованиях турок выдать им молдавского господаря, но «соглашения по этому пункту еще не последовало». Австрийские министры, по словам дипломата, исходя из этих данных, предположили, что сам мирный договор еще подлежит утверждению в Константинополе. Однако Ч. Витворт высказал свое несогласие с такой точкой зрения и отметил, что и в сообщениях из Османской империи, и в письме графа Головкина упоминается именно о мире. В письме князя валахского также подтверждаются известия о победе турок и заключенном мире. Однако об условиях мирного договора здесь, как и в прочих источниках, говорилось неуверенно [РИО, 1886, с. 479—480].

В Константинополь известие об окончании войны привез кяхья великого везиря Осман-ага, появившийся в городе 23 июля. Однако уже 25 июля

CC BY

в столицу прибыл и представитель Девлет II Герая, привезший донос на командующего турецкой армией и его помощника. Действия хана достигли своей цели, поскольку кяхья оказался после этого возведен в менее почетную должность. Сами татары и шведы заявляли в Стамбуле, что «могли совершенно уничтожить русскую армию или вынудить ее голодом к сдаче» [РИО, 1886, с. 484.]. Народ в Стамбуле начал осуждать действия великого визиря, несмотря на усилия его сторонников, стремившихся оправдать заключение Балтаджи мирного договора именно на таких условиях.

Ч. Витзен пришел к выводу, что неожиданный исход войны, судьба князя Д. Кантемира обманули надежды православных подданных как султана, так и императора священной Римской империи. Потеря Азова сделала Россию менее опасной для Порты, а союз с ней — менее ценным для «австрийского дома». Если бы только царь действовал осторожнее и позволил «распространиться интригам и симпатиям православного населения», то в Турции могли начаться восстания [РИО, 1886, с. 486].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, заключенный мир негативно сказался на репутации тех людей, которые его подписывали. При этом если в случае с турками мирный договор нанес удар по авторитету только нескольких человек (Балтаджи и его помощника), то для Петра I Прутский мир означал отказ от укрепления на берегах южного моря, а также снижение влияния России среди православного населения Османской и Священной Римской империй.

Подводя итог, следует отметить, что Чарльз Витворт, находясь вдали от театра военных действий, смог составить достаточно объективную картину событий. Наиболее достоверными источниками информации для него стали письма иностранных коллег, в частности, английского посла в Стамбуле Роберта Саттона, а также имперского резидента в столице Османской империи — Иогана Михеля фон Тальмана. Разумеется, достаточно точные сведения удалось получить из сообщений непосредственных участников боевых действий: Османа-аги и некоего валаха. Наименее правдоподобные и путаные сведения представлены в польских письмах и в сообщении от графа Г. И. Головкина князю Долгорукову.

Источники и принятые сокращения

1. *Грамота* польскому королю Августу II. 15 июля // Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 11. — Выпуск 2. — 745 с.

2. РИО — *Сборник* императорского Русского исторического общества.

3. *Шереметев Б. П.* Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / под ред. А. З. Мышлаевского. — Санкт-Петербург : Типография Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, 1898. — 212 с.

4. *Reports* by Ch. Whitworth to the reign honorable m. secretary S-t John. Vienna 1711. // Сборник РИО. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1886. — Т. 50. — 558 с.

Литература

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.) / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1973. — 476 с.

2. *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.) / В. А. Артамонов. — Москва : Наука, 1990. — 208 с. — ISBN 5-02-009456-0.

3. *Артамонов В. А.* Турецко-русская война 1710—1713 гг. / В. А. Артамонов. — Москва : Кучково поле, 2019. — 448 с. — ISBN 978-5-907171-00-8.

4. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) / Н. Н. Бантыш-Каменский. — Москва : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894. — 300 с.

5. *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I / В. С. Бобылев. — Москва : УДН, 1990. — 168 с. — ISBN 5-209-00234-9.

6. *История* дипломатии. В 3 томах / ред. В. П. Потемкин. — Москва : ОГИЗ, 1941. — Т. 1. — 566 с.

7. *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Э. Г. Кросс. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 387 с. — ISBN 5-7331-0015-X.

8. *Лиштенан Ф.-Д.* Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / Ф.-Д. Лиштенан ; [пер. с фр. В. А. Бабинцева] ; под ред. Е. С. Зашихина, С. В. Соколова. — Москва : Политическая энциклопедия; Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — 567 с. — ISBN 978-5-8243-2456-3.

9. *Молчанов Н. Н.* Петр I. / Н. Н. Молчанов. — Москва : Эксмо, 2003. — 480 с. — ISBN 5699041397.

10. *Павленко Н. И.* Петр Великий / Н. И. Павленко. — Москва : Мысль, 1990. — 591 с. — ISBN 5-244-00560-X.

11. *Санин Г. А.* История внешней политики России : В 5 т. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Г. А. Санин, В. Н. Пономарев, А. В. Игнатьев. — Москва : Академический проект, Парадигма, 2018. — Т. 2. — 293 с. — ISBN 978-5-8291-2366-6.

12. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 кн. / С. М. Соловьев. — Москва : Мысль, 1993. — Книга VIII. — 639 с. — ISBN 5-7117-0015-4.

13. *Bushkovitch P.* The Struggle for Power, 1671—1725 / P. Bushkovitch. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 485 p. — ISBN 0-521-80585-6.

14. *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great / L. Hughes. — New Haven, London : Yale University Press, 1998. — 602 p. ISBN 0-300-07539-1.

15. *Hughes L.* The Romanovs Ruling Russia, 1613—1917 / L. Hughes. — London, New York : Hambledon Continuum, 2008. — 308 p.

Material resources

A letter to the Polish King August II. July 15th. In: *Letters and papers of Emperor Peter the Great: in 13 volumes, 11 (2).* (1964). Moscow: Nauka. 745 p. (In Russ.).

Collection of the Imperial Russian Historical Society. (In Russ.).

Reports by Ch. Whitworth to the reign honorable m. secretary S-t John. Vienna 1711. (1886). In: *Collection of RIO, 50.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 558 p.

Sheremetev, B. P. (1898). *Military marching journal of 1711 and 1712.* St. Petersburg: Printing House of the Headquarters of the Separate Corps Of Gendarmes. 212 p. (In Russ.).

References

Alpatov, M. A. (1973). *Russian historical thought and Western Europe (XII—XVII centuries).* Moscow: Nauka. 476 p. (In Russ.).

Artamonov, V. A. (1990). *Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava Victory (1709—1714).* Moscow: Nauka. 208 p. ISBN 5-02-009456-0. (In Russ.).

Artamonov, V. A. (2019). *The Turkish-Russian War of 1710—1713.* Moscow: Kuchkovo field. 448 p. ISBN 978-5-907171-00-8. (In Russ.).

Bantysh-Kamensky, N. N. (1894). *Review of foreign relations of Russia (to 1800).* Moscow: Printing house of E. Lisner and Y. Roman. 300 p. (In Russ.).

Bobylev, V. S. (1990). *The foreign policy of Russia in the era of Peter I.* Moscow: UDN. 168 p. ISBN 5-209-00234-9. (In Russ.).

Bushkovitch, P. (2001). *The Struggle for Power, 1671—1725.* Cambridge: Cambridge University Press. 485 p. ISBN 0-521-80585-6.

Cross, E. G. (1996). *At the Thames shores. Russians in Britain in the XVIII century.* St. Petersburg: Academic Project. 387 p. ISBN 5-7331-0015-X. (In Russ.).

Hughes, L. (1998). *Russia in the age of Peter the Great.* New Haven, London: Yale University Press. 602 p. ISBN 0-300-07539-1.

Hughes, L. (2008). *The Romanovs Ruling Russia, 1613—1917.* London, New York: Hambledon Continuum. 308 p.

Lishtenan, F.-D. (2021). *Peter the Great. A window to Europe. The Birth of the Russian Empire.* Moscow: Political Encyclopedia; Yekaterinburg: Ural University Press. 567 p. ISBN 978-5-8243-2456-3. (In Russ.).

Molchanov, N. N. (2003). *Peter I.* Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 5699041397. (In Russ.).

Pavlenko, N. I. (1990). *Peter the Great.* Moscow: Mysl. 591 p. ISBN 5-244-00560-X. (In Russ.).

Potemkin, V. P. (ed.). *History of Diplomacy: in 3 volumes, 1.* Moscow: OGIZ. 566 p. (In Russ.).

Sanin, G. A., Ponomarev, V. N., Ignatiev, A. V. (2018). *History of Russian foreign policy: In 5 volumed. XVIII century. (From the Northern War to the wars of Russia against Napoleon), 2.* Moscow: Academic Project, Paradigm. 293 p. ISBN 978-5-8291-2366-6. (In Russ.).

Solovyov, S. M. (1993). *The history of Russia since ancient times: in 18 books, VII.* Moscow: Mysl. 639 p. ISBN 5-7117-0015-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.05.2022,
одобрена после рецензирования 07.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Костецкая Е. В. Развитие образования в Сибири в первой четверти XVIII века / Е. В. Костецкая, Л. Н. Суслова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 429—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-429-453.

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N. (2022). Development of Education in Siberia in First Quarter of 18th Century. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 429-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-429-453. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-429-453

Развитие образования в Сибири в первой четверти XVIII века

Костецкая Екатерина Викторовна
orcid.org/0000-0002-1138-8157
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Суслова Людмила Николаевна
orcid.org/0000-0002-2426-2967
кандидат исторических наук, доцент
lnsuslova@yandex.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720013

Development of Education in Siberia in First Quarter of 18th Century

Ekaterina V. Kostetskaya
orcid.org/0000-0002-1138-8157
PhD in Philology, Associate Professor, Department of History, Law, Socio-Economic Disciplines and Teaching Methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Ludmila N. Suslova
orcid.org/0000-0002-2426-2967
PhD in History, Associate Professor
lnsuslova@yandex.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Tyumen Region, project number 20-49-720013

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению становления школьного дела на территории Сибирской губернии в первой четверти XVIII века. Охарактеризован процесс зарождения и развития в Сибири духовного и светского образования. Исследование проведено на основе анализа опубликованных в Полном собрании законов Российской Империи указов Петра I, регламентирующих организацию учебных заведений в Сибири. Проанализирован ряд делопроизводственных источников Российского государственного архива древних актов, в частности дела Сибирского приказа. Также для изучения темы были привлечены материалы газеты «Тобольские губернские ведомости». Авторами статьи показано, что петровские модернизационные процессы в области образования нашли отражение в жизни Сибирской губернии в первой четверти XVIII века. Сделан вывод о том, что основные изменения, затронувшие область образования, связаны с реализацией реформ Петра I. Рассмотрена роль первых духовных школ в системе образования Сибирской губернии, значение указов Петра I и деятельности Православной церкви в их становлении. При этом доказано, что политические события и культурные инновации петровской эпохи способствовали формированию светского образования и распространению просвещения среди сибиряков.

Ключевые слова:
Петр I; Сибирская губерния; история образования Сибири; петровские реформы; школа в Сибири; светская школа воеводы Черкасского; Тобольская архиерейская школа; Шведская школа; Филофей Лещинский; Курт Фридрих фон Вреех (Врех).

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the schooling formation on the territory of the Siberian province in the first quarter of the 18th century. The process of origin and development of spiritual and secular education in Siberia is characterized. The study was carried out on the basis of an analysis of the decrees of Peter I published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, which regulate the organization of educational institutions in Siberia. A number of clerical sources of the Russian State Archive of Ancient Acts, in particular, the cases of the Siberian Order, are analyzed. Also, to study the topic, materials from the newspaper "Tobolsk Gubernskie Vedomosti" were involved. The authors of the article show that Peter's modernization processes in the field of education were reflected in the life of the Siberian province in the first quarter of the 18th century. It is concluded that the main changes that affected the field of education are associated with the implementation of the reforms of Peter I. The role of the first theological schools in the education system of the Siberian province, the significance of the decrees of Peter I and the activities of the Orthodox Church in their formation are considered. At the same time, it is proved that the political events and cultural innovations of the Petrine era contributed to the formation of secular education and the spread of enlightenment among Siberians.

Key words:
Peter I; Siberian province; the history of the formation of Siberia; Peter's reforms; school in Siberia; secular school of governor Cherkassky; Tobolsk Bishops' School; Swedish school; Filofei Leshchinsky; Kurt Friedrich von Vreech (Vrech).

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:37(571.1)“1700/1725”

Развитие образования в Сибири в первой четверти XVIII века

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., 2022

1. Введение = Introduction

В работе предпринята попытка систематизировать имеющийся материал по истории образования Сибирской губернии в первой четверти XVIII века и изучить его в контексте петровских преобразований.

В исследовании рассмотрено влияние политики Петра I на образование в Сибири в первой четверти XVIII века. Вклад Петра I в культурное развитие страны трудно переоценить. В «Чтениях о Петре Великом» С. М. Соловьев называет Петра I вождем общества, которое ожидало перемен [Петр Великий …, 2001, с. 499]. К. Д. Кавелин считает, что Петр в ускоренном темпе вынужден был изменить страну, сделать ее более европейской: «Петр действовал, как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать; невозможное теперь было тогда, по несчастию, необходимо, неизбежно» [Кавелин, 2019, с. 55].

Петр I придавал первостепенное значение воспитанию образованных людей, способных изучить и освоить огромные территории Сибири и тем самым способствовать росту величия и международного авторитета России. Важную роль в распространении новой политической идеологии, по мнению Петра I, должна была играть Православная церковь.

Целью настоящего исследования является анализ процесса становления первых школ в Сибири в первой четверти XVIII века, который шел при прямом участии государя. Широкие административные преобразования петровской эпохи, реализация изменившейся фискальной политики в большей части на военные нужды, сопровождавшиеся изменениями кадровой политики и ростом штатов сибирских учреждений, выявили необходимость подготовки и воспитания образованных людей для службы в Сибирской губернии. Пётр I инициировал появление первых духовных сибирских школ. Кроме того, он поддерживал развитие светского общего образования в губернии и приветствовал создание частной школы, открытой пленным шведом в Тобольске.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проведено на основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов. К первой группе следует отнести указы Петра I,

CC BY

опубликованные в Полном собрании законов Российской Империи. Изданные во второй половине XIX века «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода» привлекались для исследования организации в Иркутском Вознесенском монастыре школы изучения монгольского языка для поддержания контактов с Китаем.

К числу неопубликованных источников относятся документы Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов. В ряду таких документов были рассмотрены «Книга Сибирского приказа тобольского стола по городу Тобольску, в коей заключается дела по разным предметам, грамоты, отписки, черновые отписки и челобитные детей боярских и прочих служилых людей по разным делам, поверстанье их денежными и хлебными окладами», «Перечневый список города Тобольска и его уезда строению, всяких чинов служилым людям и оставшиеся от раздачи пушечных припасов, ружья и свинцу», дело 608 «Отписки тобольского воеводы Михаила Черкасского (в том числе о постройке школы при Троицкой церкви)», «Список перечневый г. Тобольска всяких служилых людей, наряду, пороху, свинцу и всяким пушечным припасам» и другие.

Для настоящей работы имеют определенную ценность материалы административно-хозяйственной учетной документации, касающиеся строительства и деятельности образовательных учреждений в Сибири.

В ходе исследования были использованы материалы журнала «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», вышедшего в печать в 1904 году. Также были изучены публикации газеты «Тобольские губернские ведомости», включающие в себя исторические очерки о культурной жизни и просвещении в губернии в первой четверти XVIII века, перепечатки челобитных царю и сибирских летописей. Статьи периодических изданий дают возможность изучить изыскания историков XIX века о первых учебных заведениях в Сибири и проанализировать изменения, произошедшие в сфере образования под воздействием петровских преобразований.

Работа предполагает комплексное использование сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов исследования историко-культурного и образовательного пространства региона, методов реконструкции и актуализации.

Первые историки Сибири П. А. Словцов, А. И. Сулоцкий представили описание деятельности, организационной структуры и этапов развития культурных очагов сибирского образования, выявили значение первых образовательных учреждений для развития регионального образования в целом [Словцов, 1995; Сулоцкий, 1904 и др.]. На основании архивных документов первые исследователи сибирской истории собрали историче-

CC BY

ские сведения о местоположении учебных зданий и учебно-материальной базе, показали количественную динамику контингента обучающихся, изучили изменения в составе руководства и преподавательского коллектива ряда образовательных заведений. Научные изыскания П. А. Словцова и А. И. Сулоцкого являются базовыми для настоящего исследования.

Важную роль в изучении образования Сибири сыграли труды Н. М. Ядринцева, П. П. Пекарского, Н. С. Юрцовского [Ядринцев, 1882; Пекарский, 1862; Юрцовский, 1923]. Исследователи обращались к региональным аспектам развития образования, обобщили имеющиеся сведения по истории учебных заведений, сделали выводы об уровне просвещения в Сибири в XVIII веке.

Для понимания поставленной проблемы в историческом аспекте представляются ценными выводы Д. И. Копылова, Ю. П. Прибыльского, А. Т. Шашкова о развитии образования и просвещения в Сибирской губернии в первой четверти XVIII века [Копылов, 1974; Прибыльский, 2001; Шашков, 1990].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Духовные школы Сибири

Огромные просторы Сибири привлекали из европейской России служилых людей, казаков и крестьян, ремесленников и торговцев, по роду своей деятельности заинтересованных в освоении грамотности и книжной культуры. Большое хождение среди местных читателей имела рукописная и печатная литература религиозного и нравоучительного содержания: Библия, Апостол, псалтыри, жития святых и другие [Школа Тобольской губернии, 2001, с. 4].

Ведущая роль в религиозно-нравственном воспитании православных верующих принадлежала священнослужителям и иерархам учрежденной в 1620 году Сибирской епархии Русской православной церкви. К началу XVIII века епархия объединяла свыше 190 церквей и монастырей.

Распространение грамотности среди горожан и сельских жителей шло в основном на микросоциальном уровне. Эту задачу выполняли приходские священники, отставные чиновники и военные, ссыльнопоселенцы. К числу талантливых сибиряков, прошедших трудный путь самообразования, принадлежит тоболяк Семен Ульянович Ремезов. Тем не менее среди сибиряков до начала XVIII века образованные (знавшие грамоту) люди составляли редкое исключение. Со времен Ермака и до Петра I в Сибири не было общественных школ, образование получали на дому: «Огонек грамотности долго таким образом горел и не разгорался под семейственными кровами» [Словцов, 1995, с. 207].

CC BY

Появление школы в Сибири связано с петровскими преобразованиями первой четверти XVIII века. Петр I осознавал необходимость первоочередной подготовки образованных людей для гражданской службы в Сибири. По мнению Петра I, Православная церковь являлась основной силой, обладающей достаточным духовным, книжным, кадровым, материальным и идеологическим потенциалом, способной в тот момент начать подготовку в отдаленном сибирском крае просвещенных, образованных людей. Значительную роль Православной церкви в деле просветительства и просвещения отмечали в своих трудах А. И. Сулоцкий и Н. С. Юрцовский [Юрцовский, 1923; Сулоцкий, 1904].

По мнению Н. С. Юрцовского, родоначальницей сибирских духовных школ является Церковная славяно-русская школа при Тобольском архиерейском доме, основанная в 1703—1704 годах [Юрцовский, 1923, с. 9]. Ранее в 1697—1698 годах был издан царский указ об открытии в Тобольске школы для обучения отроков из духовного сословия церковной грамоте и службе. Открытие школы было поручено митрополиту Сибирскому и Тобольскому Игнатию, но в 1700 году он оказался «под запрещением за какие-то противные речи против патриарха» и «за повреждением ума своего учинился святейшему патриарху Адриану непослушен и противен» [Оглоблин, 1904, с. 14], после чего был послан в Симонов монастырь. В связи с этим указ Петра I не был исполнен в срок.

9 января 1701 года был издан указ, в котором «приказному человеку Тобольского софийского дома из дворян» Андрею Ивановичу Городецкому государь приказал «для утверждения и расширения словес Божьих» на софийском дворе «или где прилично» построить училище для поповских, дьяконовских и церковных детей. Будущих служителей церкви предписывалось обучать «грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам» [Сулоцкий, 1872, с. 210].

В справке о создании духовной школы в Тобольске в Сибирском приказе сообщается о том, что задача училища — подготовить выпускников, которые бы смогли, «удостояся в чине священства, народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведающих Создателя Господа Бога приводить в познание истиной веры могли, и потому ко Святому крещению искать расширения до самого Государства Китайского»; а тем «детям скудным давать на одежду по две деньги человеку на день, да пищу из домовых доходов, а у которых отцы у приходских церквей люди нескудные, и тем питаться и одежды на себя класть свои, а опричь церковного чину не имать» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, д. 1310, л. 44]. На учительские должности надлежало найти «туточных или приезжих», «искусных мирских, добрых людей» в городе либо других местах [Прибыльский, 2001, с. 42].

CC BY

Реализацией идеи создания сибирской школы занялся митрополит Сибирский и тобольский преосвященный Филофей Лещинский, который прибыл в Тобольск в 1702 году. Известно, что к его приезду здание школы, расположенной на «митрополичьем» дворе при Троицкой церкви, было «если не окончательно, то по крайней мере в черне» построено. Однако митрополит сообщает царю, что ранее «училище было не строено», и уведомляет о том, что «строение приходит в совершенство» и «малые дети всеохотно собираются» на учебу [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1350, л. 500].

По прибытии в Тобольск митрополит Филофей направил Петру I челобитную, где просил разрешения принимать детей в школу: «Для вспоможения церкви святой и расширения православной христианской веры школам быть в Тобольску» [Юрцовский, 1923, с. 9]. Историк Сибири А. И. Сулоцкий сообщает, что Петр Великий в марте 1703 года на просьбу Тобольского митрополита устроить у себя училище ответил полным своим царским согласием [Сулоцкий, 1859, с. 183]. Царь разрешил открыть духовную школу: «…преосвященному митрополиту паче простираться во учение славяно-российской грамматики, и чтобы вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились …» [Там же, с. 211].

В резолюциях на Челобитную митрополита Петр I запретил набирать в школу детей других сословий, кроме духовного, «учить и по латыни». Велел в основу обучения брать изучение славяно-российской грамматики. Была определена царем и финансовая сторона дела, затронут вопрос социального обеспечения учеников бедных семей. Петр I отказал выдавать пособие от казны на содержание бедных учеников, распорядившись обеспечивать их пищей, одеждой и книгами из доходов архиерейского дома. Размер этого содержания был определен направленным в Тобольск указом Петра I от 9 января 1701 года, которым сообщалось, что «детям скудным» «давать на одежду по две деньги человеку на день, да пищу из домовых доходов». Другие ученики должны содержаться на «отцовском иждивении». При этом государь предоставил Тобольскому архиерейскому дому использовать «милостынныя деньги», собиравшиеся в XVII и начале XVIII века на содержание школы с архиерейских домов и монастырей. В материалах периодической печати более позднего периода содержатся иные сведения: по указу Великого Государя на содержание школы и приобретение книг выделялись специальные средства: «Петр I уступал на содержание Тобольской школы 16 р. в год. Впрочем, в то время и это были довольно немалые деньги!» [Сулоцкий, 1872, с. 219].

Обеспечение учебной литературой вновь открываемой школы в Тобольске, а в перспективе и широкой сети духовных образовательных заведений требовало средств на создание при школе типографии. Вполне

CC BY

вероятно, что в силу необходимости экономии государственных средств Петр I на эту просьбу ответил отказом, распорядившись приобретать книги в Москве.

Вероятно, одновременно с написанием прошения царю Филофей Лещинский дал распоряжение о приобретении книг для школьной библиотеки. В «Книге Сибирского приказа тобольского стола по городу Тобольску, в коей заключается дела по разным предметам, грамоты, отписки, черновые отписки и челобитные детей боярских и прочих служилых людей по разным делам, поверстанье их денежными и хлебными окладами» содержится переписка о прибывшем в августе 1702 года в Москву боярском сыне Еремее Иванове. Филофей Лещинский направил боярина с товарищами для покупки «церковных треб и книг грамматических» и вызова в Тобольск «учителев латинской науки двух, спеваков 4 человека, студентов 2 человека» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, д. 1350, л. 470]. Еремей Иванов просит, чтобы государь отпустил их в Киев, дал подводы от Москвы до Киева и обратно. Он приобрёл в Киево-Печерском монастыре 206 учебных и богослужебных книг, составивших первую в Сибири школьную библиотеку.

Вскоре после получения царского ответа на Челобитную в 1703 году состоялось официальное открытие Тобольской архиерейской славяно-русской школы.

О времени существования Тобольской архиерейской школы нет точных сведений. Первый историк Сибири П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» относит происхождение Тобольской архиерейской школы к 1728 году, однако в другом месте своего труда сообщает, что в Сибири до 1743 года не было училищ и семинарий, «несмотря на желания, повеления, надпоминания Петра Великого, на духовный регламент, требовавший установления семинарий». Он связывает проблему достаточно длительного отсутствия школ в Сибири с требованием регламента, предписывающего содержать их за счет средств монастырей, церквей, архиереев [Словцов, 1886, с. 208].

По мнению исследователя истории православной церкви А. И. Сулоцкого, Архиерейская школа существовала непрерывно в течение первых четырёх десятилетий XVIII века. Н. С. Юрцовский склоняется в этом вопросе к мнению священника Сулоцкого, но обращает внимание на позицию А. Лиховицкого, который считает, что в связи с постоянными разъездами по делам епархии приехавших с Филофеем монахов и открытием в Тобольске цифирной школы Архиерейская школа в 1821 году прекратила свое существование [Юрцовский, 1923, с. 11]. Исследователь ссылается на представление Святейшему Синоду от 1 марта 1721 года митрополита Антония Стаховского, преемника Филофея, который говорит о нуждах

CC BY

учрежденной школы и не упоминает, что школа существовала до его приезда. Возможно, он не знал о ее существовании, так как на момент представления только был назначен на новую должность или запросил государственное пособие на содержание школы в новом статусе, так как Филофей содержал школу на средства архиерейского дома.

А. И. Сулоцкий ссылается на указ митрополита Филофея 1718 года, адресованный архимандриту Верхотурского Никольского монастыря Сильвестру, где согласно указу Петра I и распоряжению сибирского губернатора М. П. Гагарина рекомендуется по возможности отсылать детей новокрещенных инородцев вогулов и остяков «ко учению» в Тобольск для обучения в школах при Тобольском Архиерейском доме, «где многие новокрещенных робята учатся грамоте» [Сулоцкий, 1872, с. 211].

Известно, что в 1727 году на запрос Верховного Тайного Совета Святейший Синод указами от 22 августа и 23 октября 1727 года потребовал от Тобольской епархии ответа на вопросы о количестве учеников, изучаемых науках и местах, куда они были распределены. Некоторые подробности статистического характера приводит в своем труде П. П. Пекарский. В опубликованном им отчете Тобольской епархии из дел синодального архива за 1727 год сообщается о том, что имеется две школы: при Архиерейском доме с 57 учащимися и при Знаменском монастыре с 14 учениками. Выпускники поступают на дьяконовские и причетнические должности. Школьные учителя Тихон Карпов и Михайло Лукашевич в донесении сообщали: «В епархии Тобольской дети в обучении вельми тупы» [Пекарский, 1862, с. 120].

Набирали в школу «с понуждением», так как родители отдавали детей в школу неохотно, обучение проходило достаточно долго в течение шести или более лет: поступали на учебу в возрасте от 7 до 15 или даже от 8 до 18 лет. Такой вывод можно сделать исходя из того, что, согласно отчетам епархии, выпускники школы поступали на дьяконские должности, которые требовали от кандидатов достижения 25-летнего возраста. После открытия школ в отдаленных уголках епархии руководству по-прежнему приходилось набирать учеников по принуждению. Так, например, в Томскую духовную школу с большим трудом было набрано 30 учеников, среди которых одному было 73 года, четырем — более 40 лет, пяти — более 20 лет. Духовенство откупалось от вызовов детей в школу, скрывало семейный состав, посылало инвалидов.

Количество обучающихся Тобольской архиерейской школы в разные годы составляло от 15 до 90 человек. За время существования этого учебного заведения полный курс обучения освоили 29 человек. Небольшое количество выпускников связано с имеющимися у учеников трудностями

CC BY

в обучении и материальном обеспечении. В силу скромного содержания ученики в каникулярное время нанимались к тоболякам и жителям соседних поселений для того, чтобы «копать гряды», косить, жать, читать по покойникам псалтырь. По большим праздникам школьники ходили по домам состоятельных горожан и просили подаяние в виде съедобных припасов.

Программа обучения архиерейской школы включала изучение букваря, Часослова, Псалтыри, славянской грамматики, пения по нотам. До 1722 года учились по грамматике Мелетия Смотрицкого, а после руководствовались грамматикой учителя московской славяно-греко-латинской академии Федора Поликарпова.

Ссылаясь на дела архива Тобольской консистории, А. И. Сулоцкий делает вывод, что риторику, философию, богословие ученики школы не изучали. Так, в 1741 году на запрос Святейшего Синода о количестве изучающих данные предметы Тобольской Епархией был дан ответ: «прошедших реторическое, философское и богословское учения не обретается ни одного» [Сулоцкий, 1872, с. 231].

Около 1728 года при митрополите Антонии I Стаховском в программу обучения ввели латинский язык (грамматику). Первым преподавателем латинского языка был Иван Якимович. Позже учителем латинского языка стал Василий Русанович, который приехал в Тобольск в 1743 году вместе с митрополитом Антонием II Нарожницким.

В 1725 году обучением занимался Михаил Лукашевич, в 1827 году к нему присоединился Тихон Карпов. В 1736—1737 годах в школе появляется учитель чтения и пения Петр Кирьяков. Часть учителей были приглашены из Киева или Чернигова, другие были сибиряками. Например, согласно архивным материалам фонда Тобольской духовной консистории, школьный учитель Кирьяков в архивных делах называется «сыном тобольского попа» [Там же, с. 287]. Примечательно, что в отличие от Иркутской архиерейской школы, открытой в 1728 году, которая после 18 лет своего существования закрылась из-за отсутствия учителей, Тобольская архиерейская школа никогда не оставалась без учителей.

Учителя получали содержание от архиерейского дома и казны митрополита. В различных областях епархии учителя получали разное жалование. В одних они имели только денежное довольствие, в других — и денежное, и хлебное. Кроме того, учителя могли проживать в архиерейских домах и монастырях или в собственных домах и квартирах. Приезжие учителя получали больше средств. Например, в Вологодской архиерейской школе в 1738 году жалование иногородних учителей составляло 80 рублей в год, а в 1746 году вознаграждение местных учителей не превышало 40 рублей в год. В Иркутской школе учителя монгольского языка бурятский лама и

CC BY

его помощник получали 100—150 рублей в год, тогда как русский учитель, знающий монгольский язык, — 10 рублей и питание от монастыря. Иногда учителя получали доходы от театральных представлений. В 1737 году учителю Петру Кирьякову добавили в качестве прибавки к жалованию 4 рубля «из комедии» [Сулоцкий, 1870, с. 156].

В Тобольской архиерейской школе не было ректора, инспектора. Митрополиту в руководстве школы помогали эконом и казначей архиерейского дома. Кроме учителей, за порядком следили лучшие в учебе и в нравственном воспитании ученики.

Учащиеся Тобольской школы по распоряжению митрополита Филофея, любившего сценические представления, участвовали в представлении комедий, драм и трагедий духовного содержания. Литературный репертуар театральных ученических постановок был разнообразным и включал такие произведения, как «Блудный сын и Навуходоносор», «Тело златое и три отрока в пещи» Симеона Полоцкого, «Грешник кающийся», «Драма успенская» и «Драма дмитриевская», «Есфирь и Агосфер» Дмитрия Ростовского, «Владимир всех славянороссийских стран князь и повелитель» Феофана Прокоповича. Кроме участия в театральных представлениях, ученикам разрешалось заниматься музыкой, играть на скрипке, гитаре, гуслях, кларнете. Театральные и музыкальные увлечения были не только развлечением школьников, но также способствовали более свободному произношению ими проповедей и речей.

Наряду с Тобольской архиерейской школой в Сибири существовали и другие духовные школы. Судя по архивным документам консистории, в Тобольске достаточно долго действовала школа при Знаменском монастыре, о выпускниках которой есть сведения в делах за 1743 год. Кроме того, согласно предписанию митрополита Филофея 1718 года Верхотурскому архимандриту Сильвестру при Николаевском монастыре была открыта школа для обучения детей русской грамоте. На основании этих сведений можно предположить, что во время митрополита Филофея Лещинского и Антония I Стаховского при других монастырях Сибири также существовали церковные школы, например, при Долматовском, Енисейском, Томском, Рафайловском. Так, известно, что при Долматовском монастыре, в Рафайловском, Томском Алексеевском монастыре в середине XVIII века уже существовали духовные школы, которые могли возникнуть и ранее [Сулоцкий, 1872, с. 219]. Материалы периодической епархиальной печати содержат информацию о том, что к середине XVIII века при митрополите Павле Конюскевиче в Тобольской епархии было 11 низших духовных школ [Ксенофонтов, 1885, с. 452—475]. Ввиду обширности территории епархии и отдаленности от Тобольска по просьбе духовенства школы открывались

CC BY

на местах и назывались «заказными», так как формировались при крупных монастырях, бывших центрами «заказов» (благочиний), некоторые позднее назывались «духовными училищами», «духовными гимназиями».

В 1725—1726 годах в Иркутском Вознесенском монастыре архимандритом Антонием Платковским была открыта Монгольская школа с целью изучения монгольского языка для поддержания контактов с Китаем, и позже при ней иркутским епископом Иннокентием Кульчецким была заведена русская школа. Она существовала с перерывами. При Иннокентии Кульчицком там обучалось 35 учеников, после чего она некоторое время не готовила выпускников, возобновив свою деятельность при Иннокентии Неруновиче. Затем школа вновь пришла в упадок и позже, в 1780 году, оформилась в Иркутскую духовную семинарию [Юрцовский, 1923, с. 16]. В связи учреждением русско-монгольской школы в Иркутске архимандрит Вознесенского монастыря Антоний Платковский ходатайствовал перед Синодом об открытии школы, ссылаясь на рекомендацию чрезвычайного посланника в Китае Льва Измайлова: «робят собравши завести мунгальского языка школу» [Описание документов …, 1880, с. 429]. Тобольский митрополит Антоний, очевидно, не доверяя способностям Платковского в проектировании школы, отказал в ее устройстве, мотивировав тем, что «чего не было давне, нечего того вновь и замышлять». Однако Синод согласился с доводами архимандрита, и школа была открыта. Митрополит Антоний определил для расположения школы Забайкальский Преображенский монастырь, приписанный к Иркутскому Вознесенскому монастырю Указом Святейшего Синода от 23 октября 1724 года Тобольскому митрополиту и сибирскому губернатору князю Долгорукому, Иркутскому воеводе и архимандриту Антонию Платковскому. 22 января и 14 марта 1725 года Платковский писал в Синод прошение по делу школы, а именно: просил для увеличения средств на содержание школы приписать к Вознесенскому монастырю Киренский монастырь на берегу Лены и вернуть монастырю «соляную варницу» на реке Ангаре. На основании доношений митрополита Антония и губернатора Долгорукова, в которых описано удовлетворительное для содержания школы состояние средств монастыря и указан факт добровольной продажи монахами «соляной варницы», Синод принял решение отказать Платковскому в прошении. 12 мая 1726 года Синод постановил давать средства на одежду и пищу из Селенгинского Троицкого, Киренского, Посольского Преображенского монастырей. Через три года Монгольская школа перешла в ведение епископа Иннокентия, который спрашивал Священный Синод о целесообразности существования школы, так как на довольствие учителя «мунгальского» языка необходимо выделять 50 рублей в год, а «плода в оном мунгальском учении еще мало вид-

CC BY

но». Дальнейшая судьба школы неизвестна, также нет информации о составе учеников и учителей. В 1724 году Антоний Платковский планировал поручить преподавание иеромонаху Трифилию, который «довольно знает языка мунгальского», но уже через год сообщал, что старец ослеп и не годится для учительской должности. В 1725 году Синод указал Антонию все дела школы решать с Тобольским митрополитом, которому в свою очередь поручил пригласить в Монгольскую школу проживающего в Селенгинском монастыре бывшего монгольского ламу в крещении Ивана, но неизвестно, было ли исполнено это поручение [Там же, с. 433—434].

Трудно согласиться с мнением Н. М. Ядринцева, который считает, что духовное образование в сибирских школах XVIII века не оказало значительного влияния на местное просвещение. Характеризуя деятельность Тобольской и Иркутской семинарии (последовательниц архиерейских школ) в книге «Сибирь как колония», он критически отмечает, что «наука их ничем не была связана с сибирской жизнью» и в истории развития сибирского образования духовные школы не играли значимой роли [Ядринцев, 1882, с. 376]. Большинство исследователей сходится во мнении, что первые духовные школы Сибири имели большое значение для жизни сибирского общества первой четверти XVIII века. Они были очагами образования и воспитания, дали начало развитию сибирского театра, библиотечного дела, подготовили воспитанников для духовной и гражданской службы, для обучения в высших школах, выполнения специальных поручений. Таким образом, по инициативе Петра I и благодаря усилиям Тобольской митрополии в первой четверти XVIII века шло распространение образования и просвещения в Сибири.

В Сибири в XVIII веке появляются миссионерско-инородческие школы, обучавшие детей новокрещенных инородцев. По приказу митрополита Филофея мальчиков из остяцких и вогульских селений надо было направлять в Верхотурский, Кондинский, Туруханский монастыри для обучения, где были устроены специальные школы. В 1742 году активную образовательную деятельность развернула Камчатская миссия под руководством иеромонаха Иосафа Хутункевича. В течение пяти лет пребывания на Камчатке она открыла несколько школ: к середине XVIII века их насчитывалось двенадцать, где обучалось более двухсот детей.

3.2. Светская школа, открытая М. Я. Черкасским в Тобольске

Историк А. Н. Копылов, изучив документы Российского государственного архива древних актов, установил факт существования первой сибирской школы, которая по своему характеру была светской. По сведениям исследователя, осенью 1701 — весной 1702 годов в Тобольске действовала светская общеобразовательная школа, основанная тобольским воеводой Михаилом Яковлевичем Черкасским. В делах Сибирского приказа содер-

CC BY

жится «Перечневый список города Тобольска и его уезда строению, всяких чинов служилым людям и оставшиеся от раздачи пушечных припасов, ружья и свинцу», в котором за 1702 и 1703 годы отмечено расходование средств на строительные материалы (лес, железо, слюда, бумага, сукно) и выполнение работ для сооружения «новой большой школы» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, д 1376, л. 16—21; д. 474, ч. 1, л. 63 об.].

2 июля 1702 года от тобольского воеводы М. Я. Черкасского в Москву поступило сообщение, что в Тобольске на воеводском дворе открыта школа, в которой обучали детей дворян и бояр, а также других сословий. Черкасский в отписке на имя государя Петра I сообщал, что 6 апреля 1701 года была прислана грамота царя, где было указано «распопу Григорья Дровнина ис Томска для учения грамоты детей поповских и дьяконских и иных охочих людей взять в Тобольск» [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 608, л. 1]. По указанию государя из Томска были присланы учителя Григорий Дровнин и его брат Василий. По распоряжению воеводы до приезда в Тобольск митрополита сибирского и тобольского Филофея на Троицком мысу у воеводской избы и Троицкой церкви было построено училище. В апреле 1702 года в школе обучалось 96 детей боярских, дворянских и других служилых чинов. В августе 1702 года численность школы возросла до 120 человек.

По мнению А. Н. Копылова, по приезде митрополит Филофей настоял, чтобы школу перенесли с Троицкого мыса на Софийский двор, так как его не устраивало, что школа находилась на воеводском дворе, в нее набирались ученики из светских сословий, которых обучали гражданские учителя [Копылов, с. 50]. 12 апреля 1702 года воевода Черкасский отстроил «иные новые училища» и велел «Григорею и брату ево учить латинской и словенской грамматике, а церковного чину ни у кого для учения детей их имать не велели, и начали они Григорей з братом учить в новозданных училищах, которые вновь в городе зделаны, апреля 12 числа ныняшнего 1702 года. И по се время учат с великим радением...» [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 608, л. 2].

На отписке тобольского воеводы Михаила Черкасского (в том числе о постройке школы при Троицкой церкви) от 15 августа 1702 года имеется помета А. А. Виниуса: «Велеть в школах тех учить словесной грамоте, и потом грамматику, а латинской до иво виликого государя указа учить не велено, потому что в Сибири судским и духовного чина людей в том пользы мало и по латыне в тех дальних странах им говорить не с кем» [Там же].

Воспитанники изучали словесную письменность и грамматику, арифметику, геометрию, фортификацию и артиллерийское дело. Пленный швед Антон Деловал преподавал математику и военные предметы [Копылов, 1974, с. 52]. Дворянским и казачьим детям на содержание выплачивали по 3 деньги (1,5 копейки) в день [РГАДА, ф. 214, д. 474, ч. 1, л. 71].

CC BY

Учителя за свою работу в качестве жалованья получали достаточно щедрую плату: Григорий Дровнин — 60 рублей в год деньгами, а также 60 четвертей ржаной муки, 20 четвертей овса и муки овсяной. Василий Дровнин — 20 рублей, 30 четвертей муки ржаной, 20 овсяной. Дворянским и казачьим детям выплачивали на содержание по 3 деньги (1,5 копейки) в день [РГАДА, ф. 214, д. 474, ч. 1, л. 71, 165 об., 482, 492; д. 1376, л. 21].

А. Н. Копылов называет первую светскую школу, открытую М. Я. Черкасским в Тобольске, одной из первых в России: «По составу учащихся, кругу изучаемых предметов и юридическим нормам содержания учеников она превосходила родственные цифирные и гарнизонные училища страны» [Копылов, 1974, с. 52]. Несмотря на значимую роль в культурной жизни Сибири, в 1704 году по воле митрополита Ф. Лещинского школа была закрыта [Шашков, 1990, с. 8—10].

Согласно «Книге Сибирского приказа, в коей заключаются отписки, грамоты, челобитные, указы, черновые отпуски об описи во всех городах перевозов, рыбных ловель, и об отдаче на оброк торговых бань [на оброк], о выдаче по окладу жалования разным людям и о прочих разных предметах», в 1703 году указом и специальной царской грамотой в Тобольске были утверждены светская и духовная школы: «<…> в прошлом 1703 году по Указу Великого Государя и по Грамоте ведено быть в Тобольску двум школам» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, д. 1402, л. 137]. Первой школе (при митрополите) было предписано учить поповских, дьяконовских и детей служителей других духовных чинов. Во второй школе следовало обучать детей дворянских, служилых, торговых и промышленных людей.

3.3. Цифирные (арифметические) школы и горнозаводские училища в Сибири

Появление светского образования связано с нуждами укрепляющейся государственности при Петре I. 11 апреля 1702 года Сибирский приказ получил именной указ учить молодых подьячих «цифирной науке». Им предписано было после службы посещать занятия и учиться «без лености» по два часа в сутки, чтобы за год выучиться «нужнейшим статьям: счислению, изъятию, умножению, делению и тройной строке» [РГАДА, ф. 214, д. 1351, л. 489]. Всем, кто не исполнит приказ, грозила отставка. В делах фонда Илимской воеводской канцелярии содержатся сведения о том, что в 1716 году из Сибирской губернии в Петербург были вызваны четверо подьячих для отправки на обучение за границу — «для посылки в Короловец в науку» [РГАДА, ф. 494, оп. 1, ч. 1, д. 115, л. 13 об.].

Для решения стратегических задач государь начал учреждать навигацкие, артиллерийские, горные, медицинские школы. Указами Петра I 1714—1716 годов в качестве подготовительных классов к данным учреж-

CC BY

дениям предписывалось открытие цифирных или арифметических начальных школ для обучения детей всех сословий (кроме крепостных крестьян); а указом 1720 года — «градских школ», организуемых городским сообществом на собственные средства.

В указе Петра I об открытии цифирных школ от 28 февраля 1714 года говорится о том, что «во всех губерниях дворянских и приказного чина, дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет, опричь однодворцов, учить цифири и некоторую часть геометрии и для того учения послать математических школ учеников по нескольку человек в губернию по архиереям и в знатные монастыри, и в архиерейских домах и монастырях отвесть им школы» [ПСЗ РИ, т. V, 1830, № 2778, с. 86]. Указ предписывал давать учителям из губернских доходов по 3 алтына и по 2 деньги на день, во время учебы с учеников платы не брать, но по окончании школы взимать с них по рублю и выдавать «свидетельствованные письма», без которых «жениться их не допускать и вечных памятей не давать».

Преподавание в них сводилось к изучению арифметики, геометрии, рисования, так как знание математических основ было необходимо для обучения в навигациях, артиллерийских, инженерных школах. Они находились на содержании архиерейских домов. В качестве учителей в губернии были отправлены выпускники «навигацкой» школы в Москве, руководимой Л. Магницким.

Поводом для появления таких школ в Сибири стали государственные планы Петра I по отношению к этому региону. В 1716 году для открытия цифирных школ в Сибирскую губернию приехали два ученика Московской навигационной школы Микита Пилецкий и Яким Ладойников. Первая из них была учреждена в Тобольске. По сведениям, поступившим в Сенат в 1722 году, по численности учащихся (224 человека) она занимала второе место среди цифирных школ России [Копылов, 1974, с. 62]. Так как нет достоверных сведений, П. А. Словцов высказывает сомнение в том, что Пилецким и Ладойниковым действительно была открыта цифирная школа, также он видит противоречие в представленных Сенату сведениях о количестве обучающихся. По его мнению, «присланные геодезисты ограничились тем, что составили ландкарту Тобольского уезда» [Цит. по: Юрцовский, 1923, с. 28]. Кроме Тобольска, подобного типа школы появляются в виде навигационных и горных школ в других городах губернии: в Якутске, Охотске, на Алтае.

В XVIII веке в Нерчинске, Барнауле, Змеиногорске появляются специальные светские школы — горнозаводские училища. Так, по одним источникам Нерчинское училище появляется в 1759 году, по другим — в 1729 году. Есть свидетельства того, что в 1761 году на Алтай прибыли

CC BY

12 учеников Шляхетского корпуса для обучения офицеров и чиновников иностранным языкам и горным наукам и обнаружили в Барнаульском заводе уже существующую школу, которая могла быть образована ранее, в первой четверти XVIII века [Исторический ход развития …, 1884, с. 125].

3.4. Шведская школа, созданная в Тобольске Куртом Фридрихом Вреехом

История открытия Шведской школы в Тобольске связана с победой России в битве под Полтавой 27 июня 1709 года. По указу Петра I шведские военнопленные были отправлены в города России, в том числе в Сибирь, где офицеры и чиновники «не терпели нужды», им было разрешено заниматься свободной деятельностью [А. Щ., 1857, с. 291]. В 1713 году в Тобольске была основана первая частная школа благодаря усилиям правительства, губернатора и пленного шведского капитана Альбедильского драгунского полка Курта Фридериха фон Врееха. Он был немцем, выходцем из Пруссии, служил в шведской армии.

Шведская школа в Тобольске заслужила внимания и одобрения Петра I: «Император Петр I, узнав об ее учреждении, и о том, как тщательно в ней заботились, кроме учения, еще и о нравственном воспитании детей, изъявил капитану фон-Вреху и его сотрудникам монаршее свое благоволение» [Там же, с. 298]. Она в течение 10 лет служила «ясным доказательством, что можно сделать с твердою волею и искренним желанием добра» [Там же, с. 290]. Школа предназначалась для обучения детей пленных шведов, но, кроме шведских детей, в ней обучались дети местных чиновников. Она представляла собой очаг культурной сибирской жизни, своеобразный учебно-воспитательный и лечебно-оздоровительный комплекс. При школе был пансионат, квартиры для учителей и воспитателей, больница и аптека. Обеспечивалась она за счёт благотворительных средств. Деньги на содержание пансионата капитан Вреех получал не только от московских и заграничных немецких профессоров, но и от состоятельных русских благотворителей. Так, один состоятельный человек прислал однажды Врееху разом значительную сумму денег. Довольно часто в пользу школы поступали небольшие денежные пособия, на нужды школы и содержание учеников присылали различные товары или скот (быков).

Узнав о работе школы, Петр I намеревался давать государственное пособие на содержание школы, но задуманное не было реализовано, так как вскоре был заключен мир со Швецией и школа была закрыта.

Поводом для создания школы стала просьба бывшего ротмистра в сентябре 1711 года взять на воспитание шестилетнего мальчика из-за стесненного положения его семьи с целью воспитания нравственного христианина. Фон Вреех по просьбе других офицеров создал пансионат для детей во-

CC BY

еннопленных. В 1711 году первыми учениками стали семь шведских мальчиков на полном пансионе, 3 полупансионеров, 3 наставника. В 1714 году в школе было 11 воспитанников. В 1715 году обучалось 4 русских мальчика, 18 сыновей пленных, 12 дочерей пленных. В 1716 году школу посещали 86 учеников, из которых 57 жили в школе. С 1717 года, помимо 56 шведских детей, в школе обучалось три русских подростка и маленький монгольский мальчик, купленный пленным генералом. В 1718 году было 134 человека, включая пациентов больницы, в 1719 году — 130, в 1720 — 128 человек. В 1721 году численность воспитанников школы увеличилась до 139 человек. Число воспитанников учебного заведения с годами увеличивалось, среди учащихся были девочки; кроме детей, на равных условиях обучались и взрослые.

В июне 1713 года произошло непредвиденное событие, которое могло стать причиной закрытия школы. Губернатор Гагарин издал указ об отправке всех неженатых шведов в Томск. Так как жена Врееха осталась в Пруссии, он попадал в число высылаемых из Тобольска, но по просьбе матери одного из учеников ему было разрешено остаться в Тобольске и продолжить педагогическую деятельность. Школа существовала до подписания Мирного договора между Россией и Швецией в 1721 году. 5 ноября 1721 года Тобольский генерал-губернатор получил известие о мире, после чего учителя и воспитанники вернулись на родину.

Курт Фридрих фон Вреех стал автором устава учебного заведения, учебных воспитательных программ. У него был свой взгляд на обучение юношей. Согласно школьному уставу было учреждено пять классов: в первых четырех учили читать, писать, закону Божию, в пятом классе, кроме этого, учили латинскому, немецкому, французскому языкам, географии, арифметике и рисованию. Урок духовного пения был общим для всех классов. Обучение велось на немецком языке, так как большинство учеников были детьми пленных немцев.

Фактически шведы пытались создать пансионат закрытого типа, где ученики жили и учились. Устав требовал строгого соблюдения ограничений и предписаний. Требовалось всегда вести себя скромно, тихо, прилично, доброжелательно, «любить друг друга, стараясь угождать друг другу и прощать обиды», на вопросы «отвечать учтиво», «любить и уважать всех наставников без исключения», «воздерживаться от всякой пустой болтовни», «бегать, смеяться без толку и затевать шумные игры строго запрещалось», «все носящее на себе отпечаток шутовства строго запрещается детям» [Там же, с. 300—301]. Телесные наказания применялись лишь в крайних случаях, при этом наказанный обязан был вежливо поблагодарить наказавшего.

CC BY

Типу заведения соответствовал распорядок дня учащихся и обслуживающего персонала. Первыми вставали слуги и наставники учеников и собирались в столовой, где читали молитвы, пели псалмы. В половине седьмого по сигналу должны были вставать учащиеся. Через час ученики в классных комнатах под руководством учителей читали «Новый завет». Занятия начинались с восьми утра и продолжались до семи вечера с перерывом. Первый урок был общий для всех классов. Затем первый и второй классы занимались чтением, третий — домашним заданием, четвёртый и пятый — отвечали по малому катехизису Лютера.

После обеда продолжались занятия: Закон Божий, арифметика, рисование, география, латинский, французский и немецкий языки. В то же время ученики готовили домашнее задание на следующий день, читали книги. Ужинали в семь часов, затем ученики со своими воспитателями могли совершить непродолжительную прогулку. В девять часов вечера после молитвы все ложились спать. Учебные занятия проводились шесть дней в неделю, за исключением религиозных праздников [Шебалдина, 2005, с. 168].

Инспектором школы был назначен полковой пастор Биернеборгского пехотного полка Гавриил Лауреус, который 11 октября принимал первый публичный выпускной экзамен.

Школа имела довольно большой штат учителей и обслуживающего персонала, который пополнялся по мере необходимости. В начальный период было всего три преподавателя: адъютант Михаил Шлегель, пасторы И. Габерманн, Г. Лауреус и ротмистр Густав Христофор фон Руден. Фон Руден учил детей чистописанию и арифметике. Адъютант Михаил Шлегель обучал чтению. Иоган Габерман был учителем латинского языка. Затем, в 1720-х годах в учебном заведении было занято около 100 человек. Среди них четверо слуг, которые служили за еду и одежду и одновременно учились [А. Щ., 1857, с. 293]. Организаторы вели переписку с видными немецкими педагогами, в числе которых был профессор Август Герман Франке.

В апреле 1713 года на пожертвования было куплено здание, которое сгорело в ночь с 12 на 13 мая 1715 года. Занятия проводились на квартирах учителей и директора. С 1 июня некоторое время пансионат размещался в «сеннике», который предоставил школе товарищ капитана Врееха. После пожара профессором Августом Германом Франке из города Галле была прислана посылка с книгами духовного содержания, в это же время на нужды пленных шведов, проживающих в Сибири, благотворителями из Москвы было отправлено 500 рублей. Из этой суммы часть денег была взята на оплату долга за сгоревший дом. На новый дом были собраны средства в размере 31 рубля, на которые капитан Табберт 29 июня из деревни на восьми плотах привез дом для сборки в городе. Из него на новом месте собрали помещение

CC BY

для кухни, а 19 сентября из привезенного Таббертом леса собрали новый дом, в котором к 1 декабря 1715 года было устроено четыре комнаты [Там же, с. 295]. По мере увеличения количества обучающихся помещение школы постоянно перестраивалось, расширялось. В 1721 году школа состояла из 5 домов, 3 из которых были двухэтажными, имелась баня, огород.

С 1717 по 1721 год при школе функционировала больница, где бесплатно лечились до 74 больных солдат. Содержалась больница за счет средств, присылаемых профессором Франке.

Школа находилась под покровительством первого сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, его преемника — князя Черкасского. Тем не менее отношение властей к учебному заведению было осторожное, так как главным аспектом в обучении и воспитании фон Вреех определил религиозно-нравственный. Большая часть времени в образовательном процессе отводилась чтению Священного писания, молитвам. Все эти обстоятельства и тот факт, что руководитель заведения принадлежал к секте пиетистов, вызывали недовольство среди его же пленных братьев, они обвинили Врееха во вредных влияниях на воспитанников, в расколе лютеранства. Директору школы пришлось в доказательство своей и учеников правоверности устроить публичный экзамен по закону Божию, на который он пригласил всех клеветников.

Помимо случая с клеветой на сотрудников, основатели школы сталкивались с различными опасностями для дальнейшего существования школы, в числе которых закрытие школы ввиду приказа о переводе Врееха из Тобольска в Томск в 1713 году, уничтожение пожаром учебного корпуса в 1715 году, случай с унесенными течением плотами со срубом для здания для школы. Несмотря на сложности, учебное заведение успешно продолжало свою деятельность.

В 1712 году после подписания мирного договора школа была закрыта и куплена губернатором для размещения гарнизонной больницы, часть шведов выехала на родину. Курт Фридрих фон Вреех получил в Москве «причитавшиеся ему 950 рублей» и выехал в Стокгольм. Фон Вреех написал несколько книг о Сибири: о пребывании шведских пленных, о традициях и обычаях сибирских обывателей, о природе и др. В 1725 году вышла его книга «Истинная и обстоятельная история о шведских пленных в России и Сибири» [Wreech, 1725]. Автор рассказывает о событиях Северной войны, обстоятельствах своего пленения и ссылки в Сибирь.

4. Заключение = Conclusions

В первой четверти XVIII века началось развитие образования в Сибирской губернии. К причинам, заставившим Петра I обратить внимание на развитие образования в Сибири, следует отнести целый комплекс ос-

CC BY

нований: потребность в изучении и освоении огромных сибирских пространств, необходимость воспитания населения в соответствии с идеологией российского самодержавия и православия, создание системы подготовки гражданских служащих провинциальной администрации, организация внешнеторговых отношений с Китаем, народами Средней Азии.

Историки связывают истоки сибирского образования с Церковной славяно-русской школой при Тобольском архиерейском доме, созданной в 1703—1704 годы по указу Петра I. Активное участие в создании и деятельности Архиерейской школы принял митрополит Сибирский и тобольский Филофей Лещинский и сам Петр I. Челобитная митрополита и царские резолюции к ней свидетельствуют о том, что Петр благоволил открытию школы, приветствовал распространение грамотности среди населения. По воле государя была определена основная образовательная линия на изучение славяно-российской грамматики, оказывалась помощь в пополнении библиотеки и преподавательского состава школы.

Кроме того, в Сибирской губернии начинается процесс создания при монастырях духовных школ, готовивших выпускников для духовной и государственной службы. Так, в Иркутском Вознесенском монастыре была открыта Монгольская школа с целью подготовки специалистов для сотрудничества с Китаем. В XVIII веке широкое распространение получили миссионерско-инородческие школы в ряде сибирских монастырей. Таким образом, развитие просвещения и образования в Сибири в первой четверти XVIII века происходило при активном участии Тобольской митрополии. Процесс формирования системы образования в регионе шел в контексте реализации замыслов Петра I о роли церкви в проведении политики государства, об укреплении границ и внешних контактов, о распространении христианства и грамотности среди инородцев, о подготовке образованных людей, в том числе священников, необходимых для решения государственных задач.

Так, в рассматриваемый период на территории Сибирской губернии получили развитие две формы образовательных учреждений: традиционная — духовная школа, создаваемая при активном участии церковных тобольских иерархов при архиерейском доме и крупных сибирских монастырях, и новая — светская.

Петр I осознавал значимость развития не только духовного, но светского образования. Светская школа для детей дворянских, служилых, торговых и промышленных людей, открытая по его указу в 1703 году в Тобольске воеводой Михаилом Яковлевичем Черкасским, может считаться одной из первых школ не только Сибири, но и России.

Для воплощения в жизнь замыслов Петра I, предопределивших внутреннюю политику государства, в городах Сибирской губернии открыва-

CC BY

ются и другие светские школы: цифирные (арифметические), навигационные, горные школы и горнозаводские училища.

Внешнеполитические события первой четверти XVIII века также оказали заметное влияние на развитие образования в Сибири. Так, победа в Полтавской битве стала причиной основания частной Шведской школы в Тобольске пленным офицером Куртом Фридрихом Вреехом. Ее деятельность была одобрена Петром I, так как опиралась на европейский духовно-педагогический опыт и способствовала интеллектуальному и нравственному воспитанию детей пленных шведов и местных чиновников.

Первые сибирские школы отличались составом педагогических кадров, количеством и социальным положением учеников, образовательными программами, так как в данный период еще не было создано единого положения об организации школьного образования. В целом говорить о создании широкой сети духовных и светских образовательных заведений с подготовленными педагогическими кадрами, разработанной программой образования и большим контингентом обучающихся еще не представляется возможным. Правомерным будет вывод о первых шагах по реализации распоряжений Петра I и социального запроса на обучение молодых поколений сибиряков.

Таким образом, в первой четверти XVIII века только начинается процесс формирования образовательного пространства Сибири. Особую роль в духовном развитии сибирского региона играл Тобольск как административный, экономический и культурно-образовательный центр. Экономическое и демографическое развитие края требовало подготовки образованных людей, осознающих необходимость нововведений и способных управлять хозяйственной и духовной жизнью большой неосвоенной территории в новых исторических реалиях. При Петре I происходит становление государственной системы образования в Сибирской губернии.

Источники и принятые сокращения

1. *А. Щ.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого / А. Щ // Тобольские губернские ведомости. — 1857. — № 30. — С. 290—301.

2. *Исторический* ход развития просвещения в Томской губернии // Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. — Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. — 175 с.

3. *Ксенофонтов И. П.* О заказных латинских и славяно-русских школах в Тобольской епархии / И. П. Ксенофонтов // Тобольские Епархиальные Ведомости. — 1885. — № 20. — С. 449—461 ; № 21—22. — С. 471—497.

4. *Оглоблин Н. Н.* Бытовые черты начала XVIII века / Н. Н. Оглоблин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Москва : Университетская типография, 1904. — Книга 1. III. Смесь. — С. 1—21.

5. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. — Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1880. — Т. 4. — 560 с.

6. ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. — Том V : 1713—1719 : [№ 2620—3479]. — Санкт–Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 780 с.

7. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. — Ф. 214. Сибирский приказ, г. Москва. — Оп. 1. Д. 474. Ч. 1. Список перечневый г. Тобольска всяких служилых людей, наряду, пороху, свинцу и всяким пушечным припасам. 1262 л. ; — Оп. 1. Ч. 5. Д. 1310 ; 633 л. Д. 1350 ; 563 л. Д. 1351 ; 808 л. Д. 1376 ; 201 л. Д. 1402 ; 137 л. Оп. 5. Д. 608 ; 16 л. — Ф. 494 Илимская воеводская канцелярия, г. Илимск Иркутской провинции Сибирской губернии, с 1766 г. Иркутской губернии. — Оп. 1. Ч. 1. Д. 115 Указы (копий). 63 л.

8. *Сулоцкий А. И.* Семинарский театр в старину в Тобольске / А. И. Сулоцкий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Москва : Университетская типография, 1870. — Книга 2. V. Смесь. — С. 153—157.

9. *Сулоцкий А. И.* Тобольская Архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии / А. И. Сулоцкий // Тобольские губернские ведомости. — 1872. — № 34. — С. 203—204.

10. *Сулоцкий А. И.* Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее с предисловием и примечаниями свящ. А. Сулоцкого / А. И. Сулоцкий // Тобольские губернские ведомости. — 1859. — № 15. — С. 173—176 ; № 16. — С. 183—184.

11. *Wreech K.* Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rußland und Siberien, I Aufl. / K. Wreech. — Sorau : Rothe, 1725. — 861 s.

Литература

1. *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории. Избранные сочинения / К. Д. Кавелин. — Москва: Юрайт, 2019. — 300 с.

2. *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. / А. Н. Копылов. — Новосибирск : Наука, 1974. — 252 с.

3. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом : исследование П. Пекарского. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / П. П. Пекарский. — Санкт-Петербург : Общественная польза, 1862. — Т. 1. — 578 с.

4. *Петр Великий :* pro et contra : Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / предисл. Д. К. Бурлаки, Л. В. Полякова ; послесл. А. А. Кара-Мурзы. — Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. — 758 с.

5. *Прибыльский Ю. П.* Колыбель Просвещения : к 300–летию сибирской школы / Ю. П. Прибыльский. — Верона : Возрождение Тобольска, 2001. — 98 с.

6. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Новосибирск : Вен-Мер, 1995. — 676 с.

7. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. С 1585 по 1742 год / П. А. Словцов. — Санкт–Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1886. — Книга 1. — 330 с.

8. *Шашков А. Т.* К истории первой светской школы в Сибири / А. Т. Шашков // Религия и церковь в Сибири : тезисы и материалы научной конференции. — Тюмень : Лад, 1990. — С. 8—10.

9. *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века / Г. В. Шебалдина. — Москва : Российский государственный университет, 2005. — 209 с. — ISBN 5-7281-0327-8.

10. *Школа* Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. — Тюмень : Вектор Бук, 2001. — 256 с. — ISBN 5-88131-183-3.

11. *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703—1917 гг. / Н. С. Юрцовский. — Ново-Николаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — Выпуск 1. — 252 с.

12. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. — 472 с.

Material resources

A. S. (1857). Swedish school in Tobolsk in the reign of Peter the Great. *Tobolsk provincial Vedomosti, 30:* 290—301. (In Russ.).

Description of documents and files stored in the archive of the Holy Governing Synod, 4. (1880). St. Petersburg: Synodal Printing House. 560 p. (In Russ.).

Ksenofontov, I. P. (1885). About custom-made Latin and Slavic-Russian schools in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Vedomosti, 20:* 449—461; *21—22:* 471—497. (In Russ.).

Ogloblin, N. N. (1904). Everyday features of the beginning of the XVIII century. In: *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1. III:* Moscow: University Printing House. 1—21. (In Russ.).

Sulotsky, A. I. (1859). Petition of Metropolitan Philotheus Leshchinsky of Siberia and Tobolsk to Peter the Great and the answer of this sovereign to it with a preface and notes by the Holy A. Sulotsky. *Tobolsk provincial Gazette, 15:* 173—176; *16:* 183—184. (In Russ.).

Sulotsky, A. I. (1870). Seminary Theater in the old days in Tobolsk. In: *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 2. V. Mixture.* Moscow: University Printing House. 153—157. (In Russ.).

Sulotsky, A. I. (1872). Tobolsk Episcopal School — the predecessor of the Tobolsk Seminary. *Tobolsk provincial Gazette, 34:* 203—204. (In Russ.).

Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214. Siberian Order, Moscow. F. 494 Ilimsk Voivodeship Office, Ilimsk Irkutsk province of Siberian province, with 1766 Irkutsk province. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire: The First Collection. From 1649 to December 12, 1825], V: 1713—1719: [№ 2620—3479]. (1830). St. Petersburg: Type II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 780 p. (In Russ.).

The historical course of the development of education in the Tomsk province. (1884). *Memorial book of the Tomsk province for 1884.* Tomsk: Typo-lithography of Mikhailov and Makushin. 175 p. (In Russ.).

Wreech, K. (1725). *Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rußland und Siberien, I Aufl.* Sorau: Rothe. 861 s. (In Germ).

References

Kavelin, K. D. (2019). *Thoughts and notes on Russian history. Selected works.* Moscow: Yurayt. 300 p. (In Russ.).

Kopylov, A. N. (1974). *Essays on the cultural life of Siberia of the XVII — beginning of the XIX century.* Novosibirsk: Nauka. 252 p. (In Russ.).

Pekarsky, P. P. (1862). Science and literature in Russia under Peter the Great: a study by P. Pekarsky. In: *Introduction to the history of Enlightenment in Russia of the XVIII century, 1.* St. Petersburg: Public Benefit. 578 p. (In Russ.).

CC BY

Peter the Great: pro et contra: The Personality and deeds of Peter I in the assessment of Russian thinkers and researchers: An Anthology. (2001). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute. 758 p. (In Russ.).

Pribilsky, Yu. P. (2001). *The Cradle of Enlightenment: to the 300th anniversary of the Siberian school.* Verona: Rebirth of Tobolsk. 98 p. (In Russ.).

School of the Tobolsk province in the XVIII — early XX centuries. (2001). Tyumen: Vector Book. 256 p. ISBN 5-88131-183-3. (In Russ.).

Shashkov, A. T. (1990). On the history of the first secular school in Siberia. In: *Religion and the Church in Siberia: theses and materials of the scientific conference.* Tyumen: Lad. 8—10. (In Russ.).

Shebaldina, G. V. (2005). *Swedish prisoners of war in Siberia. The first quarter of the XVIII century.* Moscow: Russian State University. 209 p. ISBN 5-7281-0327-8. (In Russ.).

Slovtsov, P. A. (1886). *Historical review of Siberia. From 1585 to 1742, 1.* St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Printing House. 330 p. (In Russ.).

Slovtsov, P. A. (1995). *Historical review of Siberia.* Novosibirsk: Ven-Mer. 676 p. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (1882). *Siberia as a colony.* St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 472 p. (In Russ.).

Yurtsovsky, N. S. (1923). *Essays on the history of enlightenment in Siberia. The general course of development of school business in Siberia. 1703—1917, 1.* Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House. 252 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.07.2022,
одобрена после рецензирования 21.08.2022,
подготовлена к публикации 28.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мамяченков В. Н. Состояние сельского хозяйства Среднего Урала в «застойное» десятилетие (1971—1980) : развитие или стагнация? / В. Н. Мамяченков, А. Л. Анисимов, Е. Л. Молокова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 454—470. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-454-470.

Mamyachenkov, V. N., Anisimov, A. L., Molokova, E. L. (2022). State of Agriculture in Middle Urals in "Stagnant" Decade (1971—1980): Development or Stagnation? *Nauchnyi dialog, 11(6):* 454-470. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-454-470. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-454-470

Состояние сельского хозяйства Среднего Урала в «застойное» десятилетие (1971—1980 годы): развитие или стагнация?

Мамяченков Владимир Николаевич
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Анисимов Андрей Леонидович
orcid.org/0000-0002-5787-3975
кандидат экономических наук, доцент
кафедры конкурентного права
и антимонопольного регулирования
13051957@bk.ru

Молокова Елена Леонидовна
orcid.org/0000-0003-0076-3369
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного
и муниципального управления
elmo.sm@mail.ru

Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

State of Agriculture in Middle Urals in "Stagnant" Decade (1971—1980): Development or Stagnation?

Vladimir N. Mamyachenkov
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor,
Department of State
and Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Andrey L. Anisimov
orcid.org/0000-0002-5787-3975
PhD in Economics, associate professor,
Department of Competition Law
and Antitrust Regulation
13051957@bk.ru

Elena L. Molokova
orcid.org/0000-0003-0076-3369
PhD in Economics, associate professor,
Department of State
and Municipal Administration
elmo.sm@mail.ru

Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

© Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Молокова Е. Л., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена непреходящим теоретическим и практическим интересом, проявляемым российским обществом к исследуемому в статье историческому периоду. Новизна исследования видится в том, что в статье использованы материалы фондов трех региональных архивов. Подчеркивается, что исследуемое десятилетие явилось пиком исторического периода, известного под названием «застойного», став последним относительно благополучным десятилетием в истории СССР. Утверждается, что 1970-е годы занимают особое место в истории бывшего СССР. Авторы констатируют, что политика «разрядки» обеспечила стране определенную внешнеполитическую стабильность. Акцентируется внимание на том, что развитие стагнационных явлений в экономике страны и региона в 1970-х годах хорошо просматривается при анализе положения дел в аграрном секторе экономики. Доказывается, что за исследуемое десятилетие в целом существенного улучшения в обеспечении населения региона продукцией сельского хозяйства не произошло. Делается вывод, что в сельском хозяйстве региона в 1970-х годах протекали противоположные процессы: рост инвестиций, с одной стороны, и нарастание стагнации, с другой.

Ключевые слова:
сельское хозяйство; Свердловская область; растениеводство; животноводство; стагнация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the enduring theoretical and practical interest shown by Russian society in the historical period studied in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the materials from the funds of three regional archives are used in the article. It is emphasized that the decade under study was the peak of the historical period known as “stagnant”, becoming the last relatively prosperous decade in the history of the USSR. It is argued that the 1970s occupy a special place in the history of the former USSR. The authors state that the policy of “détente” provided the country with a certain foreign policy stability. Attention is focused on the fact that the development of stagnation phenomena in the economy of the country and the region in the 1970s are clearly visible when analyzing the state of affairs in the agricultural sector of the economy. It is proved that during the decade under study, as a whole, there was no significant improvement in providing the population of the region with agricultural products. It is concluded that in the region’s agriculture in the 1970s, opposite processes took place: the growth of investment, on the one hand, and the growth of stagnation, on the other.

Key words:
Agriculture; Sverdlovsk region; crop production; animal husbandry; stagnation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.9+94:63(470.54)“1971/1980”

Состояние сельского хозяйства Среднего Урала в «застойное» десятилетие (1971—1980 годы): развитие или стагнация?

© Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Молокова Е. Л., 2022

1. Введение = Introduction

Десятилетие «семидесятых» осталось в исторической памяти значительной части советского народа периодом так называемого «застоя» в социально-экономическом развитии страны. Но при этом существует и весьма распространенная альтернативная точка зрения, утверждающая, что это были годы экономической стабильности, период разрядки международной напряженности и установления добрососедских отношений с развитыми капиталистическими странами. Таким образом, уже само наличие упомянутых полярных мнений говорит о высокой степени актуальности рассматриваемой нами проблемы.

Как нам представляется, в действительности имело место и то, и другое, и третье, причем в весьма противоречивой форме. Достаточно напомнить, что исследуемый нами период начался с миролюбивых обменов визитами руководителей двух супердержав: в 1972 году Москву посетил Президент США Р. Никсон, а в следующем, 1973-м, фактический глава Советского Союза Л. И. Брежнев нанес ответный визит в Соединенные Штаты. При этом уже в 1972 году главы двух держав подписали от имени СССР и США Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение об ограничении количества пусковых установок и баллистических ракет обеих сторон. Вторая же встреча глав супердержав ознаменовалась подписанием Соглашения о предотвращении ядерной войны [Дилетант…].

Но столь многообещающе начавшиеся «семидесятые» завершились, как известно, совершенно внезапным для всего мира вводом «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан, бойкотом XXII летних Олимпийских игр в Москве и фактическим прекращением процесса разрядки до прихода к власти М. С. Горбачева и провозглашения им политики «нового мышления».

Актуальность выбранной нами темы подчеркивает и ее недостаточная, на наш взгляд, изученность. При этом наши претензии относятся, прежде всего, к количеству и качеству работ историко-экономического характера, посвященных Среднему Уралу. Численность таких работ невелика, а содержание нередко носит весьма ангажированный характер в зависимости

CC BY

от того, какому типу социально-экономического устройства общества симпатизирует автор.

В то же время остро ощущается, на наш взгляд, нехватка работ объективно-аналитического характера, основанных на достоверных (прежде всего — архивных) фактологических и статистических данных и свободных от политической зашоренности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью написания предлагаемой статьи было выявление и обоснование основных тенденций функционирования аграрного сектора экономики Свердловской области в судьбоносное, по нашему мнению, десятилетие истории Советского Союза. Упомянутый период этой истории мы уже охарактеризовали. Что же касается территориальных рамок нашего исследования, то их выбор мотивирова н, во-первых, ограниченными объемами данной статьи, а во-вторых, наличием достаточного архивного и справочного материала, который находился в нашем распоряжении. Добавим также, что Свердловская область и Средний Урал — это два названия одного и того же региона, расположенного на границе Европы и Азии.

Характеризуя источниковую и историографическую базы рассматриваемой нами проблемы, следует прежде всего отметить, что они весьма и весьма обширны. При этом основу источниковой базы настоящей статьи составили, главным образом, статистические справочники, опубликованные Свердловским областным статистическим управлением (Свердлобл-стат, в наши дни — Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области — ТОФСГССО) [Свердловская область…, 1971; Свердловская область…, 1976; Свердловская область…, 1981; Свердловская область в цифрах…, 1986].

Кроме того, нами использовались данные бюджетных обследований населения, которые проводились теми же статистическими органами ежегодно [Бюджеты…, 1990], а также некоторые другие статистические и фактологические сведения, хранящиеся в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО), текущего архива ТОФСГССО и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) [Основные показатели…, 1979]. Что касается ГАСО, то использованные нами материалы хранятся в фонде Р1813 (Областное статистическое управление), в ЦДООСО — в фонде 4 (Областной комитет Коммунистической партии Советского Союза — КПСС).

Наконец, нами использовались сведения, содержащиеся в энциклопедических изданиях [Уральская историческая энциклопедия, 2000].

Если говорить об историографии исследуемой проблемы в обозначенном нами периоде, то она, во-первых, включает в себя индивидуально опу-

CC BY

бликованные научные труды уральских авторов ([Бакунин, 1990; Берсенев, 1985; Денисевич, 1991; Денисевич, 1993; Рафикова, 1989а; Рафикова, 1989б; Мамяченков, 2017а; Мамяченков, 2017б и др.]. Во-вторых, это различные коллективные сборники трудов уральских авторов [История…, 1988—1990; История…, 1983; Материальное благосостояние…, 1988; Совхозы…,1986].

Однако в приведенном выше перечне не так много масштабных исследований аналитического характера, базирующихся на обширной источниковой базе. Такие недостатки, характерные для советского периода, как нехватка архивных источников и апологетика советской социально-политической и экономической систем, полностью не изжиты в работах отечественных историков до сих пор, хотя значительные позитивные сдвиги в этом направлении очевидны. Настоящая статья, по нашему мнению, послужит еще одним вкладом в разработку обозначенной нами проблемы.

Наконец, надо сказать несколько слов и об иностранных авторах. Мы вряд ли погрешим против истины, если отметим, что зарубежных работ, прямо посвященных теме нашего исследования, пока не опубликовано. В то же время существует целый ряд трудов, в которых иностранные авторы рассматривают сущность, эффективность и различные периоды истории советской системы сельского хозяйства, в том числе и исследуемое нами десятилетие. Типичной в этом смысле является работа Р. Купмена, в которой автор проанализировал уровень эффективность и темпы роста сельского хозяйства Советского Союза, США, Канады и Финляндии [Koopman, 1989].

Большинство зарубежных авторов едины в оценке советской системы ведения сельского хозяйства как низкоэффективной, но встречаются и исключения. Например, Дж. Медли начинает статью словами: «Советское социалистическое сельское хозяйство, возможно, нуждается в совершенствовании, но оно не потерпело фиаско» (перевод наш. — *Авторы*) [Archive].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Материально-техническая база сельского хозяйства: значительный рост инвестиций

Исследуемое нами десятилетие осталось в экономической истории СССР, пожалуй, самым выдающимся и по размерам инвестиций в аграрную сферу, и по темпам их роста. Ускоренное освоение нефтегазовых месторождений Западной Сибири позволило увеличить экспорт этих природных ископаемых и, следовательно, резко поднять размеры валютной выручки. Соответственно появилась возможность для осуществления масштабных инвестиций в различные сферы экономики, тем более что проводимая руководством страны политика «разрядки» международной напряженности обеспечила стране на какое-то время определенную внешнеполитическую стабильность.

CC BY

Действительно, суммарный объем инвестиций в сельское хозяйство Советского Союза в 1971—1980 годах составил астрономическую сумму — 254,4 млрд руб., то есть не менее 20 % всех инвестиций. Для сравнения: за тот же период инвестиции в жилищное хозяйство составили 191, транспорт и связь — 145,2, строительство — 48,7 млрд руб. И еще одна цифра: вся расходная часть союзного бюджета в середине 1970-х годов составляла около 200 млрд руб. Больше средств, чем в сельское хозяйство, страна вкладывала только в промышленность (прежде всего — военную) [Презентация…].

Все эти вложения не могли не принести определенных результатов: сельское хозяйство страны получило значительное количество тракторов, комбайнов, автомобилей, различных сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений. В СССР стала реализовываться грандиозная программа по мелиорации (осушению) земель, что должно было, по замыслу ее авторов, обеспечить Советскому Союзу устойчивые урожаи. В результате уже в середине 1970-х годов СССР занимал первое место в мире по производству пшеницы, ржи, ячменя, сахарной свёклы, картофеля, подсолнечника, хлопка-волокна, льноволокна, молока и животного масла, второе — по общему объему производства сельскохозяйственной продукции, производству растительного масла, шерсти, поголовью свиней и третье — по поголовью крупного рогатого скота и валовому сбору зерна [Большая советская энциклопедия, т. 23, с. 211].

Свердловская область в смысле инвестиций в сельское хозяйство не отставала от всей страны. Так, например, с 1971 по 1980 годы количество тракторов во всех категориях сельских хозяйств региона увеличилось с 15,7 до 21,4 (примерно на 36 %), а парк зерноуборочных — с 3,6 до 6,5 тыс. единиц (примерно на 81 %) [Свердловская область…, 1971, с. 41; Свердловская область…, 1981, с. 60]. Такими же весьма серьезными были инвестиции средств и по многим другим позициям.

Следует также упомянуть огромную помощь селу техникой и трудовыми ресурсами со стороны городских организаций, особенно в период уборки урожая. Достаточно привести только один общеизвестный факт: в сентябре каждого года практически все учащиеся техникумов и студенты вузов привлекались к сельхозработам. И не только они: на селе постоянно работали представители так называемых «шефских» предприятий (в том числе оборонного назначения) и даже воинских частей.

В связи с этим известный советский военачальник генерал армии С. И. Постников вспоминал: «Надо сказать, что в стране с начала шестидесятых годов существовала практика ежегодного привлечения для уборки урожая личного состава и автомобильной техники Вооруженных Сил. Каждый округ имел твердые разнарядки, сколько и чего выделять для этой цели. Тысячи машин с водителями и ремонтными средствами выделял

CC BY

каждый военный округ, а также флот, ракетные войска стратегического назначения, войска ПВО и различные рода войск. Мы кляли все и вся.

Ежегодно надо было посылать лучшие машины с проверенными водителями, которые через полгода "целинной" жизни возвращались, как говорится, "в мешке". Надо было заново их восстанавливать, менять двигатели, ходовую часть, красить и т. д. Уходила уйма времени и требовалось немало финансовых затрат. С этой чехардой, связанной с уборкой урожая, нарушалась боевая готовность частей и соединений, особенно содержащихся в постоянной боевой готовности. Думаю, что те расходы, которые несли армия, колхозы и совхозы, не соответствовали цене убираемого урожая. Одни только перевозки по железной дороге стоили миллионы и миллионы рублей. Действовали, как говорится, "на халяву", считая, что солдатский труд бесплатен, забывая, что "бесплатный сыр бывает только в мышеловке". Если для отдельно взятого колхоза или совхоза такой метод уборки и давал какие-то выгоды, то для государства в целом, на мой взгляд, это было расточительно со всех сторон. К сожалению, такая порочная практика существовала долгие годы, вплоть до 1990-х годов» [Постников, 2004, с. 238—239].

К выше процитированным словам военачальника необходимо добавить, что он все-таки не совсем прав: советские военнослужащие привлекались к различного рода работам, находящимся совершенно вне поля деятельности Вооруженных сил (и отнюдь не только сельскохозяйственного характера), все годы существования Советского Союза. Это были и строительные, и погрузочно-разгрузочные, и другие виды деятельности, включая работы по ликвидации последствий техногенных и природных катастроф. (Например, отец одного из авторов данной статьи, проходивший армейскую службу на острове Сахалин в 1945—1951 годах, оставил нарративные воспоминания о том, как его воинская часть привлекалась к погрузочно-разгрузочным работам в морском порту. При этом сам он в ходе этих работ получил тяжелую травму.).

Известный российский историк В. П. Попов по поводу столь беспрецедентного инвестирования в аграрный сектор высказался так: «В период правления Л. И. Брежнева для подъема сельского хозяйства использовали последнее средство — деньги. Мощные капиталовложения при сохранении основных пороков системы означали, что деревня при активной поддержке города стала выращивать "золотой хлеб". Колоссальные затраты не окупались» [Попов, 1992, с. 12].

Действительно, вопреки всем ожиданиям, темпы роста производства (а соответственно, и рентабельность аграрной сферы) неуклонно снижались. По пятилетним народнохозяйственным планам это выглядело следующим образом: если в 8-й (кстати, самой успешной за все послевоенные

CC BY

годы) пятилетке (1966—1970 годы) среднегодовые темпы роста производства продукции сельского хозяйства составили по стране все-таки 3,9 %, то в 9-й (1971—1975-й) этот показатель снизился до 2,5, а в 10-й (1976—1980-й) — до 1,7 %. К сказанному можно добавить, что в 11-й пятилетке (1981—1985-й годы) он и вовсе составил 1,1 % [Презентация, доклад…].

Такое неуклонное падение темпов роста неизбежно вело к дефициту сельскохозяйственной продукции и прежде всего — к дефициту зерна. Он и не заставил себя ждать: за исследуемое нами десятилетие произошел просто стремительный рост закупок зерна за рубежом — с 2,2 млн т в 1970 году до 27,8 в 1980-м (то есть ни много ни мало — почти в 13 раз). Если опять же выйти за временные рамки нашего исследования, то мы увидим, что в 1985 году СССР импортировал уже 45,6 млн т зерна [Гайдар … , 2006, с. 175].

На Среднем Урале, как и по всей стране, отдача от упомянутых нами крупных вложений также не оправдала ожиданий: валовая продукция сельского хозяйства области в сопоставимых ценах 1965 года за исследуемое нами десятилетие (1971—1980 годы) увеличилась только с 644 до 801 млн руб., то есть примерно на 24 %. С учетом роста населения области за этот же период (примерно на 165 тыс. человек) такую динамику нельзя назвать очень успешной [Рассчитано по: Свердловская область…, 1971, с. 7; Свердловская область…, 1976, с. 56; Свердловская область…, 1981, с. 3, 58].

3.2. Динамика развития растениеводства: отдача не по вложениям

Снова обращаясь к приведенным выше цифрам, следует отметить, что и посевные площади под всеми сельскохозяйственными культурами на Среднем Урале за десятилетие увеличились незначительно: с 1504 до 1556 тыс. га (примерно на 3,5 %) [Свердловская область…, 1976, с. 66; Свердловская область…, 1981, с. 68]. Но при этом надо иметь в виду, что такой незначительный рост происходил на фоне уже упомянутого ранее роста численности населения области с 4318 тыс. чел в 1971 году до 4483 тыс. — в 1980-м [Свердловская область…, 1976, с. 3; Свердловская область…, 1981, с. 3]. Таким образом, количество «едоков» в регионе увеличилось на 3,8 %.

Правда, нельзя не обратить внимание и на возросшую урожайность некоторых культур, особенно зерновых и картофеля (впрочем, и тут бывали «срывы» по климатическим причинам — из-за неурожайных лет. В исследуемом нами периоде самым урожайным был 1976-й, а самым неурожайным, пожалуй, 1973 год). Динамику урожайности основных «среднеуральских» культур мы привели в таблице (табл. 1).

При изучении указанной таблицы, конечно, следует понимать, что никакого чуда здесь искать не приходится: такой рост урожайности стал возможным, прежде всего, за счет резкого (можно сказать — агрессивного) увеличения применения органических и минеральных удобрений. Не

CC BY

Таблица 1

Урожайность сельскохозяйственных культур в колхозах Свердловской области в 1971—1980 годы, *ц с га*

	Годы									
	1971	**1972**	**1973**	**1974**	**1975**	**1976**	**1977**	**1978**	**1979**	**1980**
Зерновые	14,2	18,0	14,5	16,4	16,5	21,7	20,1	22,3	19,5	20,4
Картофель	77	122	114	74	95	139	121	104	72	125
Овощи	145	137	111	173	125	193	155	159	151	156
Кормовые корнеплоды	108	141	115	119	42	136	110	140	170	176
Кукуруза на зеленую массу	229	160	176	160	139	343	269	218	127	192
Силосные культуры (кроме кукурузы)	108	114	140	125	77	150	103	149	109	130
Многолетние травы на сено	25	22	13	26	10	19	15	22	24	19
Однолетние травы на сено	13	14	17	20	12	23	15	14	16	15

Источники: [Свердловская область…, 1976, с. 76; Свердловская область…, 1981, с. 74].

будет лишним привести такие цифры: если в 1970 году на 1 га пашни в регионе было внесено 2,4 т органических и 0,18 т минеральных удобрений, то в конце исследуемого периода, в 1978 году, эти цифры составили уж соответственно 4,9 и 0,49 т [Центр…, оп. 92, д. 242, л. 14].

Думается, вряд ли имеет смысл лишний раз говорить о том, что такое огромное количество вносимых удобрений только ухудшало экологическую ситуацию в регионах, их применявших. Это в полной мере относилось к Среднему Уралу как старопромышленному региону с и без того непростой экологией. При этом не все знают, что опасность представляет даже такое известное органическое удобрение, как обычный навоз: он может легко погубить культурные растения — «сжечь» их. Что уж говорить о неорганических удобрениях, которые являются основным источником загрязнения почв различными токсичными элементами и тяжёлыми металлами, такими как ванадий, кадмий, свинец, стронций, ртуть, цинк и целый ряд прочих, включая даже уран.

Кроме того, урожайность росла уже хотя бы по причине чрезвычайно «низкого старта», то есть очень низких ее показателей в уральском советском земледелии на фоне, например, аналогичных показателей развитых стран. Впрочем, и на «своей земле» при соответствующей агротехнике воз-

CC BY

можно было получать значительно более весомые урожаи, чем те, которые считались обычными для уральских колхозов и совхозов. Например, на так называемых госсортоучастках в исследуемом периоде обычной была урожайность зерновых в пределах 35—40 ц с га [Центр…, оп. 92, д. 242, л. 4].

Еще одной причиной роста урожайности было то, что, хотя и медленно, но росла и культура земледелия, совершенствовались технологии обработки почвы и т. д.

Исследуя состояние растениеводства, нельзя также не рассмотреть и структуру посевных площадей в сельском хозяйстве (табл. 2). По представленной таблице хорошо видно, как сильно изменилась структура за годы советской власти. Но, как нетрудно заметить, эти изменения главным образом коснулись зерновых и кормовых культур: удельный вес первых в общем балансе площадей резко уменьшился в пользу вторых.

При этом крайне интересным представляется тот факт, что поголовье скота в области к началу исследуемого периода едва успело сравняться с аналогичным дореволюционным показателем, а численность населения возросла довольно значительно. Именно об этом пойдет речь в следующем параграфе нашей статьи.

3.3. Состояние животноводства: непреходящий системный кризис

Животноводству в аграрном секторе экономики отведена важная роль, так как именно эта отрасль сельского хозяйства призвана обеспечивать на-

Таблица 2

Структура посевных площадей основных сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Свердловской области в 1971—1980 годы, %

Годы	Виды культур					
	зерновые и зернобобовые	технические	картофель	овощи и бахчевые	кукуруза	кормовые
1913*	94	2,5	1,1	–	–	2,2
1971	53	–	7	1	8	31
1972	53	–	7	1	8	31
1973	55	–	7	1	8	29
1974	55	–	7	1	7	30
1975	57	–	7	1	7	28
1976	57	–	6	1	7	29
1977	57	–	6	1	7	29
1978	53	–	6	1	7	33
1979	54	–	6	1	7	32
1980	53	–	6	1	6	34

Для справки. Источник: [Народное хозяйство…, с. 49] (расчеты авторов).

CC BY

селение страны самыми питательными видами продовольствия: мясо- и молокопродуктами, а кроме того, целым рядом других продуктов и промышленных товаров. В таблице 3 мы представили динамику поголовья только основных видов скота, традиционно выращиваемых на Среднем Урале (крупный рогатый скот — КРС, а также свиньи и овцы), так как по другим видам мы не располагаем статистикой за исследуемый нами период.

Приведенная таблица при своем небольшом объеме дает богатую пищу для анализа. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с ней, — это удивительная «стабильность» численности КРС в Свердловской области на протяжении нескольких десятилетий. Мы не зря поставили слово «стабильность» в кавычки: ведь, несмотря на якобы «огромные» достижения СССР в сельском хозяйстве, как это утверждала советская пропаганда, численность КРС в Свердловской области превысила уровень 1916 года только в 1960-е годы. Другими словами, животноводству региона понадобилось почти полвека, чтобы осуществить подобное «достижение».

Таблица 3

Поголовье скота во всех категориях хозяйств Свердловской области в 1971—1980 годы (на начало года), *тыс. голов*

Годы	**КРС**		**свиньи**	**овцы**
	всего	**в т.ч. коровы**		
1916	805	404	395	820
1928	809	403	339	1 031
1971	818	381	593	286
1972	826	368	633	280
1973	843	366	604	280
1974	827	358	592	255
1975	847	362	596	256
1976	862	359	459	221
1977	867	358	491	209
1978	906	369	578	228
1979	906	372	557	221
1980	886	365	563	212

Источники: [Народное хозяйство…, 1956, с. 69; Свердловская область…, 1976, с. 78—79; Свердловская область…, 1981, с. 75—76].

При этом обязательно надо иметь в виду и такой важный момент: численность населения области с 1913 по 1980 годы возросла с 1455 до 4483 тыс. чел., то есть более чем втрое [Свердловская область…, 1981, с. 3]. Поэтому неудивительно, что на протяжении всего советского периода истории нашей страны дефицит мясопродуктов на Среднем Урале носил выраженный ха-

CC BY

рактер: жители крупных городов покупали мясо на колхозных рынках (по ценам значительно выше государственных), а все прочие находились на «самообеспечении». Впрочем, это не мешало официальным органам статистики (и Свердлоблстату в том числе) показывать в отчетности довольно приемлемые цифры. Так, если верить эти цифрам, то с 1971 по 1980 годы среднедушевое потребление мясопродуктов в семьях рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области возросло с 70 до 76 кг (правда, вместе с так называемыми «субпродуктами», то есть с теми ингредиентами, которые, собственно, «мясом» не являются) [ТОФСГССО].

Наконец, по таблице 3 нетрудно заметить резкое сокращение численности поголовья овец к началу исследуемого нами периода (и оно продолжало сокращаться в дальнейшем). Единственное, в чем наблюдался прогресс, это в птицеводстве: за исследуемое десятилетие поголовье птицы (в основном кур) увеличилось более чем вдвое — с 7,5 до 15,9 млн голов [Центр…, оп. 113, д. 225, л. 149]. Это, естественно, дало возможность резко увеличить производство яиц. Но на этом все «достижения» и закончились…

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что на вопрос, обозначенный в названии нашей статьи, необходимо дать следующий ответ: в исследуемое десятилетие — 1971—1980 годы — в сельском хозяйстве Свердловской области протекали прямо противоположные процессы.

С одной стороны, происходил резкий рост объемов инвестиций в аграрную сферу региона, она получала постоянную и зачастую безвозмездную помощь техникой и трудовыми ресурсами. Но, с другой стороны, нарастали стагнационные процессы, главным признаком которых было общее снижение эффективности сельскохозяйственного производства: аграрный сектор демонстрировал стабильное снижение всех видов рентабельности и становился «бездонной бочкой» для экономики страны, поглощая все большие объемы инвестиций.

В растениеводстве стагнация проявлялась в низкой урожайности, несмотря на массированное применение органических и минеральных удобрений, а также в неспособности сельхозпредприятий самостоятельно осуществлять весь цикл полевых работ без постоянной и все возрастающей помощи городских промышленных предприятий, организаций и даже воинских формирований. В животноводстве имела место низкая продуктивность и отсутствие стабильного роста численности поголовья скота, а также хроническая отсталость всех технологий.

В контексте сказанного вполне резонно задать вопрос: как же, в конечном счете, сказались на уровне потребления населения огромные финансо-

CC BY

вые и материальные вложения в аграрный сектор экономики, главное назначение которого как раз и состоит в обеспечении упомянутого уровня? Для ответа на него мы составили таблицу 4, показывающую, что максимум потребления по большинству продуктов питания жителями городов пришелся на середину исследуемого нами десятилетия — 1975 и 1976 годы. При этом стабильное снижение потребления хлебопродуктов и картофеля на протяжении всего десятилетия следует рассматривать как положительный фактор, точно так же, как и значительный рост потребления кондитерских изделий за тот же период и молокопродуктов и яиц в первой его половине.

Но по таблице также видно, что к началу следующего десятилетия рост потребления по большинству продуктов не только прекратился, но и сменился снижением (как, например, по фруктам, сахару, рыбе, мясу и яйцам). Более очевидного доказательства неэффективности инвестиций в сельское хозяйство, на наш взгляд, не требуется. Как нам представляется, не претендуя на оригинальность, можно согласиться с мнением, в соответствии

Таблица 4

Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области в 1971—1980 гг., *кг*

Годы	Наименование продуктов										
	мука и хлеб (в пересчете на муку)	картофель	овощи и бахчевые	фрукты, ягоды и цитрусовые свежие (кроме винограда и консервов)	фрукты и ягоды сушеные	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, шт.
1971	113	116	82	25	1,8	26	18	70	17	377	240
1972	111	108	80	25	1,9	25	20	71	18	378	289
1973	108	119	83	25	1,4	25	21	70	18	396	312
1974	106	112	84	25	1,7	25	22	71	19	418	327
1975	102	101	89	27	1,5	24	22	76	18	432	306
1976	103	107	87	24	1,6	25	22	75	20	438	289
1977	97	113	87	29	1,3	25	26	74	19	431	292
1978	97	104	87	25	2,0	25	26	79	18	433	285
1979	101	99	89	25	1,6	23	25	77	16	393	273
1980	100	97	91	21	1,4	23	26	76	17	397	278

Источники: [ТОФСГССО, 1969—1978, табл. 7; 1979—1993, табл. 21] (расчеты авторов).

CC BY

с которым к началу 1980-х годов брежневский режим находился в стадии глубокой стагнации, что отчетливо наблюдалось в сфере потребления населением продуктов питания.

Но точно так же следует согласиться и с тем, что в 1980 году население имело уровень потребления продуктов питания все-таки неизмеримо более высокий, чем даже в 1960 году, когда, например, среднедушевое потребление продуктов питания в семьях рабочих промышленных предприятий столицы Среднего Урала — Свердловска — составило: по мясопродуктам — 56, рыбопродуктам — 11, молокопродуктам — 133 кг, а по яйцам куриным — 127 штук [ГАСО (расчеты авторов)].

Говоря же об общем хронически недостаточном уровне потребления продуктов питания населением среднеуральского региона, следует помнить, что при этом мы сравниваем данный уровень с аналогичными цифрами не только экономик развитых стран, но и с так называемыми рациональными нормами потребления упомянутых продуктов. Между тем питание большинства населения Российской Федерации до сих пор не в полной мере удовлетворяет этим требованиям.

Наконец, говоря о коренных причинах стагнации сельского хозяйства, явно обозначившейся в СССР со второй половины 1970-х годов несмотря на активную инвестиционную политику государства, то в качестве основной причины следует назвать безраздельное господство в аграрном секторе коллективной формы собственности (колхозов). В то же время весь мировой опыт убедительно доказал более высокую эффективность частного (фермерского) хозяйства. Так, американский исследователь Хедрик Смит уже почти полвека назад назвал следующие убедительные цифры: в 1973 году 25 % стоимости сельскохозяйственной продукции СССР производилось в личных подсобных хозяйствах колхозников, площадь которых составляла всего лишь 2 % от общего земельного фонда страны [Smith, p. 201]. При этом самое поразительное здесь то, что он основывался на данных советской статистики, которая, получается, сама же констатировала печальный для советского строя факт: частный сектор его сельского хозяйства был более чем на порядок эффективнее общественного.

Источники и принятые сокращения

1. *Большая* советская энциклопедия : в 30 томах / ред. А. М. Прохоров. — Москва : Советская энциклопедия, 1976. — Т. 23.

2. *Бюджеты* семей рабочих и служащих Свердловской области, Уральского района, РСФСР за 1980, 1985—1989 гг. — Свердловск : Свердлоблстат, 1990. — 18 с.

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Облстатуправление). Оп. 14. Д. 2. Л. 20. Д. 216. Л. 9. Д. 354. Л. 20. Д. 568. Л. 4, 15, 21. Д. 2332. Л. 51. Д. 3002. Л. 58.

4. *Народное* хозяйство Свердловской области и города Свердловска : Статистический сборник. — Свердловск, 1956. — 151 с.

5. *Свердловская* область в цифрах. 1966–13. *TheSlide.ru* [Электронный ресурс] // Презентация, доклад «Проблемы инвестиций в сельском хозяйстве России». — Режим доступа : https://myslide.ru/presentation/problemy-investicij-v-selskom-xozyajstve-rossii (дата обращения 05.03.2022).

14. *TheSlide.ru* [Электронный ресурс] // Презентация на тему «СССР в 1965—1985 гг.». — Режим доступа : https://theslide.ru/uncategorized/sssr-v-1965-1985-gg (дата обращения 05.03.2022).

Литература

1. *Бакунин А. В.* Развитие личных подсобных хозяйств населения : тенденции и перспективы (30-е—80-е годы) / А. В. Бакунин, М. Н. Денисевич. — Свердловск : УрО АН СССР, 1990. — 53 с.

2. *Берсенев В. Л.* Колхозы Урала в 1966—1975 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Л. Берсенев. — Свердловск, 1985. — 34 с.

3. *Денисевич М. Н.* Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е-первой половине 80-х (на материалах Урала) : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / М. Н. Денисевич. — Екатеринбург, 1993. — 40 с.

4. *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале / М. Н. Денисевич. — Свердловск : Институт истории и археологии, 1991. — 195 с. — ISBN 5-7691-0122-9.

5. *Дилетант* [Электронный ресурс] // Холодная война закончена : визит Брежнева в США. — Режим доступа : https://diletant.media/articles/45302387 (дата обращения 04.03.2022).

6. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи : уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 448 с. — ISBN 5-8243-0759-8.

7. *История* народного хозяйства Урала : [в 2 ч.] / [А. В. Бакунин, Ю. А. Буранов, Р. Г. Пихоя и др. ; редакционная коллегия : М. А. Сергеев (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : Издательство Уральского университета, 1988—1990.

8. *История* советского Урала, 1946—1975 : Учебное пособие / [Подгот. В. А. Саматов В. Г. Андреева Е. П. Зверев и др.; науч. ред. В. А. Саматов]. — Свердловск : УрГУ, 1983. — 80 с.

9. *Мамяченков В. Н.* Животноводство Среднего Урала в 1916—2015 годах / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017а. — № 7. — С. 126—143. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-126-143.

10. *Мамяченков В. Н.* Растениеводство Среднего Урала в 1913—2012 гг. : сто лет реформирования / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017б. — № 7. — С. 144—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-144-161.

11. *Материальное* благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральское отделение; [редкол. : Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : УрО АН СССР, 1988. — 143 с.

12. *Постников С. И.* В далеких гарнизонах / С. И. Постников. — Москва : POLIGON-press, 2004. — 528 с.

13. *Рафикова Н. Д.* Колхозное крестьянство Урала в 1971—1985 гг. / Н. Д. Рафикова : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Д. Рафикова. — Свердловск, 1989. — 19 с.

14. *Рафикова Н. Д.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала (1975—1985 гг.) / Н. Д. Рафикова // Октябрь на Урале : история и современность. — Свердловск : [б. и.], 1989. — С. 107—115.

15. *Совхозы* Урала в период социализма (1938—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральский науч. Центр ; [редкол.: Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. — 77 с.

16. *Archive* MAYBACKMACHINE [Electronic resource] // Medley J. Soviet agriculture : a critique of the myths constructed by western critics Internet. — Access mode : http://www.usm.maine.edu/eco/joe/works/Soviet.html (дата обращения 15.05.2022).

17. *Koopman R.* Efficiency and Growth in Agriculture : A Comparative Study of the Soviet Union, United States, Canada, and Finland // DC : U.S. Dept. of Agriculture, Economic Research Service, Agriculture and Trade Analysis Division ; Rockville, MD : (P.O. Box 1608, Rockville 20849-1608), 1989. — 41 p. — DOI: 10.22004/ag.econ.278252.

18. *Smith H.* The Russians. — New York : Quadrangle/New York Times Book Co., 1976. — 527 p. — DOI: 10.2307/2495281.

Material resources

Budgets of families of workers and employees of the Sverdlovsk region, Ural district, RSFSR for 1980, 1985—1989. (1990). Sverdlovsk: Sverdloblstat. 18 p. (In Russ.).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4 (Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).

Prokhorov, A. M. (1978). *The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes, 23.* Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).

Sverdlovsk region in numbers. 1966—1970: statistical collection. (1971). Sverdlovsk: Statistics. 148 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures for the years 1971—1975: a statistical collection. (1976). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 191 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in numbers. 1976—1980: statistical collection. (1981). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in numbers. 1981—1985: statistical collection. (1986). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).

The main indicators of the living standard of the population of the Sverdlovsk region in 1978. (1979). Sverdlovsk: Sverdloblstat. 41 p. (In Russ.).

TheSlide.ru. In: *Presentation, report "Problems of investments in agriculture of Russia".* Available at: https://myslide.ru/presentation/problemy-investicij-v-selskom-xozyajstve-rossii (accessed 05.03.2022). (In Russ.).

TheSlide.ru. In: *Presentation on the topic "The USSR in 1965—1985".* Available at: https://theslide.ru/uncategorized/sssr-v-1965-1985-gg (accessed 05.03.2022). (In Russ.).

The State Archive of the Sverdlovsk region (GASO) F. R1813 (Regional State Administration). (In Russ.).

The national economy of the Sverdlovsk region and the city of Sverdlovsk: Statistical collection. (1956). Sverdlovsk. 151 p. (In Russ.).

TOFSGSSO — *Current archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region (TOFSGSSO). Dynamic series for industrial workers and employees 1969—1978; Dynamic series for industrial workers and employees 1979—1993.* (In Russ.).

Ural Historical Encyclopedia. (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 640 p. (In Russ.).

References

Archive MAYBACKMACHINE. In: *Medley J. Soviet agriculture: a critique of the myths constructed by western critics Internet.* Available at: http://www.usm.maine.edu/eco/joe/works/Soviet.html (accessed 15.05.2022).

Bakunin, A. V., Denisevich, M. N. (1990). *Development of personal subsidiary farms of the population: trends and prospects (30s—80s).* Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. 53 p. (In Russ.).

Bersenev, V. L. (1985). *Collective farms of the Urals in 1966—1975.* Author's abstract of PhD Diss. Sverdlovsk. 34 p. (In Russ.).

Denisevich, M. N. (1991). *Individual farms in the Urals.* Sverdlovsk: Institute of History and Archeology. 195 p. ISBN 5-7691-0122-9. (In Russ.).

Denisevich, M. N. (1993). *Individual economy in the policy of the Soviet state in the 30s-the first half of the 80s (based on the materials of the Urals).* Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 40 p. (In Russ.).

Dilettante. In: *The Cold War is over: Brezhnev's visit to the USA.* Available at: https://diletant.media/articles / 45302387 (accessed 04.03.2022). (In Russ.).

Gaidar, E. T. (2006). *The Death of the Empire: lessons for modern Russia.* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 448 p. ISBN 5-8243-0759-8. (In Russ.).

History of the national economy of the Urals: [in 2 hours]. (1988—1990). Sverdlovsk: Ural University Publishing House. (In Russ.).

History of the Soviet Urals, 1946—1975: Textbook. (1983). Sverdlovsk: USU. 80 p. (In Russ.).

Koopman, R. (1989). Efficiency and Growth in Agriculture: A Comparative Study of the Soviet Union, United States, Canada, and Finland. In: *DC: U.S. Dept. of Agriculture, Economic Research Service, Agriculture and Trade Analysis Division; Rockville, MD: (P.O. Box 1608, Rockville 20849-1608).* 41 p. DOI: 10.22004/ag.econ.278252.

Mamyachenkov, V. N. (2017b). Crop of the Middle Urals in 1913—2012: One Hundred Years of Reforming. *Nauchnyi dialog, 7:* 144—161. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-144-161. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2017a). Livestock Farming of Middle Urals in 1916—2015. *Nauchnyi dialog, 7:* 126—143. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-126-143. (In Russ.).

Material well-being of workers of the Ural Soviet village (1917—1985): collection of scientific papers / USSR Academy of Sciences, Ural branch. (1988). Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. 143 p. (In Russ.).

Postnikov, S. I. (2004). *In distant garrisons.* Moscow: POLIGON-press. 528 p. (In Russ.).

Rafikova, N. D. (1989). *Collective farm peasantry of the Urals in 1971—1985.* Author's abstract of PhD Diss. Sverdlovsk. 19 p. (In Russ.).

Rafikova, N. D. (1989). The financial situation of the collective farm peasantry of the Urals (1975—1985). In: *October in the Urals: history and modernity.* Sverdlovsk: [b. i.]. 107—115. (In Russ.).

Smith, H. (1976). *The Russians.* New York: Quadrangle/New York Times Book Co. 527 p. DOI: 10.2307/2495281.

State farms of the Urals in the period of socialism (1938—1985): collection of scientific papers / USSR Academy of Sciences, Ural Scientific. Center. (1986). Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences. 77 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 26.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989) / А. Д. Попов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 471—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487.

Popov, A. D. (2022). "Building of Friendship" in Relations of Soviet Union and East Germany (1949—1989). *Nauchnyi dialog, 11(6):* 471-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487

«Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989)

Попов Алексей Дмитриевич [1,2]
orcid.org/0000-0001-5672-1198,
Scopus Author ID 57190138295,
Researcher ID Q-2159-2017
кандидат исторических наук,
аффилированный научный сотрудник
проекта «Дружба по расчету:
стимулы и обоснования интеграции
европейских стран СЭВ»
popalex79@mail.ru

[1] Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

[2] Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
проект № 19-78-10023

"Building of Friendship" in Relations of Soviet Union and East Germany (1949—1989)

Alexey D. Popov [1,2]
orcid.org/0000-0001-5672-1198,
Scopus Author ID 57190138295,
Researcher ID Q-2159-2017
PhD in History,
Affiliated Researcher,
project "Friendship of convenience:
incentives and justifications for integration
European CMEA countries"
popalex79@mail.ru

[1] V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

[2] Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-78-10023

© Попов А. Д., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Охарактеризован процесс «конструирования дружбы» внутри социалистического блока на примере отношений между СССР и ГДР. Руководство этих стран стремилось к установлению максимально дружеских отношений, базисом для которых являлся мемориальный консенсус, основанный на безусловном принятии официальной немецкой стороной советского взгляда на события Второй мировой войны. Однако на уровне межличностных контактов «негативный шлейф» коммуникативной памяти о событиях 1941—1945 годов сохранялся (перемещаясь в «зону умолчания»), даже несмотря на широкое внедрение в отношения между гражданами двух стран институтов, практик и ритуалов дружбы, ярким примером которых являлись регулярно проводившиеся в 1970—1980-е годы массовые фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР. В целом автор статьи делает вывод о том, что проект конструирования советско-немецкой дружбы оказался недостаточно эффективным не только из-за скрытых мемориальных противоречий, но также из-за отсутствия перспективной картины совместного будущего. Граждане двух стран, особенно молодежь, к 1970—1980-м годам так и не получили четкого, реалистичного представления о будущем совместном развитии их стран в рамках общего проекта социалистической интеграции, что способствовало росту скепсиса в данном направлении и в итоге стало одной из причин краха социалистического блока в конце 1980-х годов.

Ключевые слова:
международные связи; социалистическая интеграция; Совет экономической взаимопомощи; общество дружбы; проработка прошлого; политика памяти; молодежные фестивали; ГДР; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The attempt to characterize the process of “building of friendship” within the socialist bloc on the example of relations between the USSR and the GDR is made in the article. The leadership of these countries sought to establish the most friendly relations, the basis for which was a memorial consensus based on the unconditional acceptance by the official German side of the Soviet view of the events of World War II. However, at the level of interpersonal contacts, the “negative tail” of the communicative memory of the events of 1941—1945 persisted (moving into the “zone of silence”), even despite the widespread introduction of institutions, practices and rituals of friendship into relations between citizens of the two countries, a vivid example of which was regularly mass festivals of friendship between the youth of the USSR and the GDR, held in the 1970s and 1980s. In general, the author of the article concludes that the project of constructing the Soviet-German friendship was not effective enough not only because of the hidden memorial contradictions, but also because of the lack of a promising picture of a common future. By the 1970s and 1980s, citizens of the two countries, especially young people, had not received a clear, realistic idea of the future joint development of their countries within the framework of the common project of socialist integration, which contributed to the growth of skepticism in this direction and, as a result, became one of the reasons for the collapse of the socialist bloc in the late 1980s.

Key words:
international relations; socialist integration; Council for Mutual Economic Assistance; friendship society; development of the past; memory politics; youth festivals; GDR; USSR.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(470+430.2)“1949/1989”

«Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989)

© Попов А. Д., 2022

1. Введение = Introduction

В апреле — июне 1945 года высшими идеологическими органами СССР был принят ряд постановлений, согласно которым прекращалось использование лозунгов «Смерь немецким оккупантам!» и «Убей немца!», до этого занимавших важное место в советской военной пропаганде [Смена лозунга, 2005]. В краткосрочной перспективе это было необходимо для того, чтобы сократить возможные проявления жестокости по отношению к мирному населению на занятой Красной Армией немецкой территории. В долгосрочной перспективе исключение крайнего антагонизма по отношению к побежденному врагу (через разведение ранее использовавшихся как синонимы понятий: немец = фашист = враг) создавало условия для постепенного выстраивания идейного фундамента социалистического проекта советско-немецкой дружбы, который реализовывался до объединения Германии в конце 1980-х годов и имел множество проекций: идеологическую, экономическую, культурную, коммуникативную и др.

Двухсторонние контакты между Советским Союзом и «своей», «нашей» Германией активизировались после образования в 1949 году Германской Демократической Республики и охватывали все сферы общественной жизни двух стран — от военно-технического сотрудничества и обмена товарами до совместных образовательных, туристических, спортивных проектов. В связи с этим большое количество граждан СССР и ГДР вступали в различного рода контакты, не только очные (во время совершения служебных командировок, туристических поездок), но и дистанционные (обмен приветствиями и поздравлениями между трудовыми коллективами, дружеская переписка на личном уровне).

Создание благоприятного эмоционально-психологического фона для таких контактов, безусловно, требовало определенной «проработки прошлого» — сближения существующих в коллективной памяти представлений о недавних событиях периода Второй мировой войны, когда подавляющее большинство граждан Советского Союза и Восточной Германии находились по разные стороны линии фронта и являлись врагами.

22 июня 1946 года, спустя 5 лет после нападения нацистской Германии на Советский Союз, восточногерманский лидер Отто Гротеволь обратился к со-

CC BY

гражданам с обращением, в котором говорилось, что «каждый, кому дорога судьба Германии, обязан всеми силами стремиться к тому, чтобы Германия впредь всячески старалась жить в нерушимом мире и неразрывной *дружбе* (здесь и далее в цитатах курсив автора. — *А. П.*) с советским народом» [Цит. по: Тихомиров, 2014, с. 77]. Соответствующие положения были юридически закреплены в «Договорах о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве» между СССР и ГДР, которые подписывались в 1955, 1964 и 1975 годах.

Курс на установление максимально дружественных связей, в том числе на межличностном уровне, стал лейтмотивом отношений двух стран. Когда спустя несколько десятилетий, уже в 1980-е годы, одна из делегаций советских ветеранов посетила ГДР, то её участники констатировали «глубокое удовлетворение тем, что *дружба* Советского Союза и Германской Демократической Республики стала делом широких народных масс, что между нашими странами существует единство взглядов по всем актуальным вопросам современности, что в отношениях между нашими народами сложилась атмосфера искренности, взаимного уважения и товарищеского доверия» [ADRM, bd. 25, bl. 12—13]. Однако в действительности ситуация не была такой идиллической, что наглядно проявилось в последующие годы и десятилетия.

В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать рамочные условия и особенности процесса «конструирования дружбы» в послевоенных отношениях СССР и Восточной Германии. Несмотря на наличие определенного количества работ об истории советско-восточногерманских отношений в культурно-идеологической, мемориальной и иных сферах [Вершинин, 2003; Нагорная, 2021; Тихомиров, 2014; Флакке, 2005; Behrends, 2006; Satjukow, 2008 и др.], данный вопрос всё ещё остается недостаточно проработанным в концептуальном отношении. Для достижения поставленной цели будут рассмотрены важнейшие институты, практики и ритуалы дружбы между СССР и ГДР, призванные выполнять консолидирующие и интегрирующие функции, с особым акцентом на их темпоральные проекции (взаимосвязь образов прошлого, настоящего и будущего).

2. Под девизом «Дружба / Freundschaft»: институты и каналы межкультурной коммуникации

В своей работе, посвященной экспорту культа И. В. Сталина в Восточную Германию сразу после окончания Второй мировой войны, исследователь А. А. Тихомиров отмечает, что после начала формирования социалистического блока пропагемы «дружбы народов» и «единой братской семьи» вышли за пределы Советского Союза и начали постепенно распространяться на народы Центральной и Восточной Европы, включая и немецкий народ [Тихомиров, 2014, с. 39]. В институциональном плане основной организа-

CC BY

цией по «конструированию дружбы» с «братскими» народами Советского Союза в ГДР выступало созданное ещё в конце 1940-х годов Общество германо-советской дружбы (*Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft*, далее ОГСД / DSF). Статистически по количеству участников эта массовая организация уступала лишь восточногерманским профсоюзам. К середине 1980-х годов количество членов ОГСД / DSF превышало 6 млн человек, причем наибольшее количество «друзей СССР» проживали в таких городах, как Дрезден, Галле и Карл-Маркс-Штадт [Kuhn, 2002, s. 399]. Важной частью институциональной инфраструктуры ОГСД / DSF являлись так называемые Дома германо-советской дружбы (Дома DSF), количество которых в первой половине 1980-х годов составляло 26 [С горячим сердцем, 1983]. Здесь размещался аппарат функционеров, находились соответствующие информационные и визуальные материалы, проходили многочисленные мероприятия.

О том, насколько активной и сфокусированной была данная работа в Восточной Германии, свидетельствует тот факт, что, помимо привычного для соцстран социалистического соревнования в интенсивности труда, здесь существовало и своеобразное «соревнование в дружбе» с Советским Союзом. Ежегодно к 1 мая региональные отделения ОГСД / DSF на конкурсной основе присваивали отдельным трудовым коллективам звание «Коллектив германо-советской дружбы». В первой половине 1980-х годов такое звание имели около 117 тыс. восточногерманских коллективов [Абрасимов, 1983, с. 306]. Для определения победителей учитывалась активность деятельности ячеек ОГСД / DSF на предприятиях, в том числе по проведению различных мероприятий, направленных на установление дружеских связей с советскими коллективами и ознакомление немецких трудящихся с жизнью в СССР (посещение Домов DSF, проведение тематических встреч, творческих вечеров, обсуждение книг советских авторов, просмотр советских фильмов) [Киракозова, 1979, с. 48].

Как отмечалось выше, уже со второй половины 1940-х годов в рамках реализации проекта по созданию социалистического блока происходила интеграция СССР и Восточной Германии по всем направлениям. Соответственно, постоянно увеличивалось количество участников двухсторонних контактов между этими странами. В ряде работ автора [Попов, 2011; Попов, 2013] уже была подробно охарактеризована специфика туристического обмена между Советским Союзом и ГДР, масштабы которого в 1950—1980-е годы имели устойчивую тенденцию к росту. Например, только за 1975 год более 54 тыс. советских туристов посетило Восточную Германию, а встречный турпоток составил более 143 тыс. туристов из числа граждан ГДР [Попов, 2013, с. 124]. При этом программы посещения в обеих странах были насыщены такими ритуальными мероприятиями, как торжественные

CC BY

встречи и проводы на вокзалах, «дружеские встречи» (*Freundschaftstreffen*) на предприятиях, «вечера дружбы», «балы дружбы», посещение мемориалов событиям Второй мировой войны с возложением цветов и оставлением записей в книгах отзывов.

Особенно насыщенной подобными мероприятиями была программа участников так называемых «поездов дружбы», которыми СССР и ГДР регулярно обменивались по линии профсоюзов, массовых молодежных объединений, туристических организаций, а также в рамках движения породненных городов. Руководитель одной из молодежных групп, посетивших ГДР весной 1968 года на «поезде дружбы», подсчитал, что за 12 дней поездки состоялось «более 100 встреч с немецкими друзьями», которые, судя по официальному отчету, всегда носили искренний, теплый и дружеский характер [РГАСПИ, ф. м-5, оп. 1, д. 585-А, л. 45]. Следует отметить, что советский аналог ОГСД / DSF — Советское общество дружбы с ГДР (СОДГ) — имело гораздо меньшую степень вовлеченности, к тому же по уставу могло включать только коллективных членов (как и другие советские общества дружбы с зарубежными странами). К середине 1980-х годов СОДГ имело всего около 2,5 тыс. первичных отделений-ячеек на предприятиях и учреждениях Советского Союза [Абрасимов, 1983, с. 306]. Поэтому в деле организации масштабных программ сотрудничества восточногерманские партнеры чаще напрямую взаимодействовали с ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС.

Мощным фактором, стимулировавшим советско-немецкие контакты на межличностном уровне в рассматриваемый период, являлось постоянное присутствие в Восточной Германии контингента советских войск, через который со второй половины 1940-х и до рубежа 1980—1990-х годов на условиях ротации прошло почти 6 млн солдат и офицеров. Причем значительная часть офицерского корпуса находилась здесь вместе со своими семьями. Как показано в исследовании немецкого историка Силке Сатюков, советские военнослужащие в ГДР, несмотря на достаточно строгую регламентацию их пребывания, имели не только деловые, но и дружественные отношения с представителями местного населения, не считавшими их захватчиками и оккупантами (*Besatzer*) [Satjukow, 2008].

Чрезвычайно насыщенными были программы культурного обмена между двумя странами, выражавшиеся в проведении тысяч различных мероприятий, творческих фестивалей, выставок, гастролей. Самым известным символом культурного сотрудничества между двумя странами стал акт передачи ГДР в середине 1950-х годов в отреставрированном виде более 1,2 тыс. шедевров изобразительного искусства, которые были вывезены из Дрездена в Советский Союз весной-летом 1945 года. После этого эффектного жеста культурной дипломатии в вестибюле Дрезденской

CC BY

картинной галереи каждый посетитель мог увидеть надпись следующего содержания: «*Спасенные* советским народом и переданные немецкому народу шедевры Дрезденской галереи мы будем с благодарностью хранить во имя мира и *дружбы* народов» [Зелинский, 1959, с. 25].

Граждане двух стран также активно включались в такие заочные формы коммуникации, как «дружба по переписке». Несмотря на то, что авторы имели небольшие шансы встретиться лично, их письма могли быть очень приязненными и эмоциональными, зачастую сопровождались рисунками, самостоятельно сделанными открытками, коллажами вырезок из прессы и проч. Нередко такие контакты поддерживались на уровне школ в целом, тогда предметами дружественного трафика могли являться различные сувениры, саженцы «деревьев дружбы» и даже земля с мест захоронения советских воинов, погибших на немецкой территории, см., например: [Нагорная, 2021, с. 146]. Общий характер отношений между странами создавал благоприятный идейно-политический фон для такой «дружбы на расстоянии». Но здесь мог присутствовать и прагматический аспект, который признавали сами «друзья по переписке». В частности, важной целью при обмене корреспонденцией часто было желание улучшить знание иностранного языка (русского для граждан ГДР и немецкого для советских граждан) [Миляева, 1984], а для руководства школ поддержание практик интернациональной дружбы могло иметь статусные функции.

3. «Помнить, чтобы не повторить»: образы прошлого и попытки достижения мемориального консенсуса

Лозунги мира и дружбы между народами являлись ключевыми, универсальными «паролями» советской внешней политики и культурной дипломатии в послевоенный период [Нагорная, 2021, с. 136—137]. Однако их использование конкретно в Германии было несколько затруднено неизбежными историческими аллюзиями, связанными с событиями Второй мировой войны. Мемориальный консенсус, без достижения которого установление дружественных или, как минимум, нейтральных отношений между гражданами двух стран, строился по советскому канону, который на официальном уровне безоговорочно принимался восточногерманской стороной. Таким образом, Восточная Германия не только подчеркивала свой разрыв с нацизмом 1930—1940-х годов [Флакке, 2005], но и дистанцировалась от ФРГ, которая прямо объявлялась очагом возрождения политики неонацизма и оставалась для Советского Союза «чужой», «враждебной» Германией, своеобразным антиподом дружественной ГДР (анти-ГДР).

Отмежевание от нацистского прошлого в Восточной Германии постоянно подчеркивалось на самом высшем уровне. Во время посещения Сталин-

CC BY

града в 1958 году политический лидер ГДР Вальтер Ульбрихт оставил следующую запись в книге отзывов: «Честь и слава героическим борцам, которые *освободили* от фашизма советскую страну и народы Европы. *Героизм* советского народа является для нас образцом в борьбе против германского империализма, который в Западной Германии вновь поднимает голову» [ГАВО, ф. Р-6527, оп. 1, д. 104, л. 95]. Спустя несколько десятилетий новый восточногерманский руководитель Эрих Хонеккер выражает приверженность той же линии, говоря о всемирно-исторической победе советского народа над фашизмом во имя мира и светлого будущего человечества [Хонеккер, 1985].

Та же тема братской дружбы, построенной на мемориальном консенсусе, звучала во время посещения советскими гражданами мемориалов, расположенных на территории Восточной Германии. Так, группа советских специалистов, посетивших расположенный на Зееловских высотах мемориал погибшим здесь бойцам Красной Армии, в своей памятной записи выражала «глубокую признательность немецким товарищам за то, что они чтят память Советских воинов, павших за *светлое будущее* наших *народов-братьев*» [AGMSH, bd. 3, bl. 47]. Традиционное для советского дискурса клише о «светлом будущем» использовалось здесь, как и в других многочисленных текстах, без конкретики, каким именно оно может быть.

На этом фоне большое значение приобретала популяризация в медийном поле двух стран деятельности немецкого антифашистского сопротивления (включая персональный мемориальный культ погибшего в нацистском концлагере лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана), а также случаев «перехода на сторону добра» отдельных представителей нацистских вооруженных сил. В частности, огромную известность приобрел Рудольф Петерсхаген, бывший военный комендант Грайфсвальда, в апреле 1945 года приказавший без сопротивления сдать его наступающим частям Красной Армии. В период существования ГДР он стал почетным гражданином Грайфсвальда, автором многократно переиздававшегося на немецком и русском языках автобиографического произведения «Мятежная совесть» («*Gewissen in Aufruhr*»), а также постоянно участвовал во встречах с советскими гражданами и других мероприятиях по линии советско-германской дружбы, см., например: [ГАРФ, ф. Р-9520, оп. 1, д. 592, л. 154].

Однако на уровне межличностных контактов «негативный шлейф» индивидуальной или семейной памяти о событиях 1941—1945 годов всё же проявлялся довольно часто. Несмотря на публичные свидетельства достижения консенсуса в вопросах совместной «проработки прошлого», на персональном уровне многие граждане ГДР старались избегать обсуждения событий военного прошлого, пытались переместить эту тему в «зону умолчания». Посетивший в 1970-е годы ГДР советский инженер

CC BY

Е. П. вспоминал, что иногда во время неформального общения на вечерах советско-германской дружбы немецкие мужчины признавались, что во время Второй мировой войны воевали на территории Советского Союза, но стремились подчеркнуть якобы «мирный» характер своих функций на фронте (шофер, повар) [Запись интервью с Е. П.]. Участница туристической поездки в ГДР весной 1977 года Т. П. отмечала, что её неприятно поразило неухоженное состояние некоторых памятников погибшим бойцам Красной Армии (например, во Франкфурте-на-Одере), а контакты с жителями Восточной Германии она оценивала как «вежливо-холодные». По её утверждению, сопровождавший группу немецкий гид-переводчик и некоторые другие местные жители сознательно уходили от обсуждения военной темы. Также гид якобы предупреждала персонал гостиниц и кафе, где обслуживались советские туристы, что в группе есть знающие немецкий язык, «чтобы они что-то лишнее не сказали» [Запись интервью с Т. П.].

В свою очередь даже спустя несколько десятилетий после окончания войны советские ветераны во время посещения Восточной Германии вспоминали о существовавшем в прошлом антагонизме: «Поездка по Берлину взволновала нас еще и по другой причине. Что скрывать, мы не забыли — не могли забыть — ту пору, когда каждый из нас ненавидел этот город» [Цит. по: Вершинин, 2003, с. 346].

На рубеже 1980—1990-х годов, вместе с крахом социалистического блока, сложившийся ранее на официальном уровне мемориальный консенсус был ликвидирован. Эта тенденция прослеживается, например, в концептуальных изменениях содержания экспозиции музея Берлин-Карлсхорст, мемориализующего место подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. После объединения Германии немецкая сторона сделала многое для того, чтобы миссия Красной Армии на немецкой земле в 1945 году не воспринималась как освободительная, а советские солдаты и офицеры лишились героического ореола, подробнее см.: [Морре, 2017, с. 149—152].

4. Вместе к торжеству коммунизма? От прошлого к будущему

Если в вопросах исторической памяти базовой константой взаимоотношений между двумя странами было признание советского освобождения Германии от фашизма и безоговорочное отмежевание от нацизма, то в описаниях настоящего часто фокусировалось внимание на материально-экономической помощи СССР, которую ГДР действительно получала на постоянной основе. К 1980-му году советские поставки в Восточную Германию обеспечивали 100 % её потребностей в природном газе и древесине, 90 % — в нефти и хлопке, 65 % — в железной руде и т. д. [Верши-

CC BY

нин, 2003, с. 341]. Символом экономического взаимодействия двух стран стал построенный совместными усилиями магистральный нефтепровод «Дружба» протяженностью более 5,3 тыс. км, связавший Альметьевск и город Шведт, расположенный на восточной границе ГДР.

Преимущество отдельных производственных технологий, применяемых в ГДР (автоматизированные системы управления, оптика), советские граждане, даже не являющиеся участниками специализированных групп, могли видеть, например, во время посещения знаменитой Лейпцигской выставки-ярмарки. В этом случае последствия Второй мировой войны для СССР также служили оправдательным аргументом. Один из посетивших ГДР советских визитеров прямо заявил, что «немецкие рабочие должны знать, с какими трудностями столкнулись мы … нам пришлось залечивать тяжелые раны, возрождать буквально из пепла и руин тысячи заводов, городов и сел. Если бы не война, советский народ ушел бы далеко вперед» [Цит. по: Нагорная, 2021, с. 141—142]. Но особенно очевидным для рядовых советских посетителей на обывательско-повседневном уровне было преимущество восточногерманской сферы услуг — торговли, гостинично-ресторанного дела [ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 417, л. 62—63; Гинзбург, 1956, с. 18—19], которое намного сложнее было объяснить отсылками к последствиям войны.

Вместе с поиском взаимных различий, которые, несомненно, проявлялись в образе жизни, культуре поведения, менталитете, необходимо было найти точки сближения. В текстах советских травелогов о посещении ГДР особо подчеркивалось наличие здесь социальных гарантий, привычных для СССР — бесплатного предоставления жилья, социальной помощи матерям с детьми, возможности отдыхать в здравницах системы профсоюзов [Зелинский, 1959, с. 24—25], что опять же подавалось на контрасте с «диким капитализмом» Западной Германии. Подчеркивалось, что именно социалистический строй создает условия для получения этих благ трудящимися в обеих странах. В темпоральной перспективе настоящего бывшие враги превращались в друзей, тогда как бывшие союзники по антигитлеровской коалиции объявлялись врагами. Особенно сильна была антиамериканская риторика, достигшая своего апогея в первой половине 1980-х годов.

Во время различных мероприятий, посвященных советско-немецкой дружбе, не могла не подниматься тема современного состояния и перспектив отношений двух стран. При этом на первое место выходила антивоенная и мобилизационная риторика. Так, во время интернациональной встречи молодежи социалистических стран за мир и разоружение, состоявшейся в Потсдаме в мае 1983 года, присутствовавшие советские делегаты заявляли: «Ударным трудом юноши и девушки крепят позиции социализма, всех

CC BY

миролюбивых сил в мире... И мы верим, что упорный совместный труд молодежи всей планеты принесет такой же благодатный урожай на ниве мира и разоружения» [Планете Земля …, 1983]. В том же году была опубликована автобиографическая книга П. А. Абрасимова, который в 1962—1971 и 1975—1983 годах являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в ГДР. В ней он в лучших традициях позднесоветского пропагандистского дискурса, цитируя многочисленные программные документы и постановления ЦК КПСС, заявлял, что «построенный в боях социализм — вот тот памятник, который воздвигнут народами СССР и ГДР, твердой поступью идущих в едином строю к *единой цели*» [Абрасимов, 1983, с. 351]. Эту цель он тут же схоластически обозначил как «торжество коммунизма», хотя и в Советском Союзе, и тем более в Восточной Германии на тот момент уже была совершенно очевидна утопичность данного курса.

5. Советско-немецкие фестивали дружбы: апофеоз интеграционных усилий

Очень показательными для раскрытия темы данного исследования являются регулярно проводившиеся в 1970—1980-е годы фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР. Всего состоялось 7 таких фестивалей, которые поочередно организовывались на территории двух стран-партнеров: в Дрездене (1970), Ленинграде (1972), Галле (1975), Волгограде (1977), Карл-Маркс-Штадте (1980), Киеве (1983) и Гере (1987). Количество приглашенной на фестиваль делегации участников из другой страны обычно составляло до 600—700 чел. — именно столько мог перевезти специально назначаемый для таких целей «поезд дружбы». В организационном плане фестивали проводились под эгидой ЦК ВЛКСМ и высшего руководства Союза свободной немецкой молодежи (*Freie Deutsche Jugend*), лидеры этих организаций возглавляли фестивальные делегации.

Программа во многом напоминала проводившиеся с 1947 года Всемирные фестивали молодежи и студентов. В частности, это проявлялось в массовых и зрелищных парадно-театрализованных церемониях открытия и закрытия фестивалей, чаще всего проводимых на спортивных стадионах. Также, чтобы сделать эти мероприятия более интересными для молодежи, в них активно включались разного рода культурно-развлекательные элементы: массовые праздники, концерты популярных исполнителей и выступления молодежных самодеятельных коллективов, дискотеки, просмотры кинофильмов, речные прогулки на теплоходах и т. п. [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 617, л. 17—18].

Но все же основное ядро программы фестивалей составляли протокольно-политические мероприятия: митинги, шествия, официальные приемы,

CC BY

семинары и дискуссии на политические темы. Зачастую они посвящались событиям глобальной повестки периода Холодной войны — выражению солидарности с вьетнамским народом, борющимся с американскими империалистами, или акциям под девизами «Молодежь двух стран против гонки вооружений!», «Нет нейтронной бомбе!» и т. д. Интересно, что, во всяком случае с советской стороны, для участия в семинарах и дискуссиях на актуальные темы в составе фестивальной делегации специально выделялась «политическая группа», состоявшая из наиболее подготовленных в идейно-политическом плане комсомольцев [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 1288, л. 1—2].

Мемориальным мероприятиям также уделялось большое внимание. Например, во время проведения фестиваля в Дрездене (1970) основная масса делегатов дважды выезжала в Берлин, чтобы принять участие в памятных акциях у мемориала в Трептов-парке [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 30, д. 640, л. 5—6, 22]. Примечательно, что даже во время фестивалей, проходивших на территории СССР, широко использовался распространенный в немецкой культуре ритуал торжественного факельного шествия (*Fackelzug*). Например, во время фестиваля в Ленинграде (1972) совместное факельное шествие молодежи двух стран и митинг-реквием были проведены на Пискаревском мемориальном кладбище в память о подвиге защитников города-героя и жертвах блокады. Каждый из участников мероприятия и с советской, и с немецкой стороны получил памятный подарок — издание «Блокадного дневника» Тани Савичевой [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 617, л. 47—53; Ежелев, 1972].

Ритуальную часть дополняли и другие практики производства символического единства и «конструирования дружбы»: встречи и проводы на вокзалах, высадка аллей и скверов дружбы. Имели место также ритуалы принятия совместной клятвы, например, содержащей такие призывы: «Клянемся всегда быть в рядах молодых борцов против империализма, за мир, свободу и светлое будущее народов» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 925, л. 187].

В архивных документах, а тем более в газетных публикациях об этих фестивалях нам не удалось найти информацию о каких-либо инцидентах во время их проведения. Однако определенная эмоционально-психологическая напряженность, связанная со «сложным прошлым», подтверждается отдельными эго-документами. Например, одна из жительниц Волгограда в своих воспоминаниях о проходившем в этом городе-герое фестивале дружбы подчеркивала следующее: «Надо сказать, что к немцам у нас было двойственное чувство. С одной стороны мы понимали, что это молодёжь из *дружественной* нам страны, что после войны уже прошло более 30 лет, время идёт вперёд, но в тоже время, в нас подспудно сидело, что их деды, а может и отцы убивали наш народ, а кто-то и воевал в Сталинграде» [Юга-

CC BY

нова, 2016]. Она же вспоминала, что, по слухам, один из немецких делегатов, глядя на Волгу, сказал: «Не такая уж она и широкая, эта Волга. Как, наши солдаты, в 42 году не могли перебраться на ту сторону?» [Там же].

Помимо мероприятий с общеполитической и мемориальной направленностью, в программы подобных фестивалей активно включались также экскурсии на производства, встречи по профессиям, встречи рационализаторов и изобретателей, конкурсы профессионального мастерства, заключались договоры о международном социалистическом соревновании между коллективами СССР и ГДР, см., например: [Ефимов, 1972; Пономарев, 1977]. Один из дней фестиваля выделялся для поведения интернационального субботника, когда молодые граждане двух стран совместно работали на месте сооружения какого-либо важного объекта (например, в Волгограде — музея-панорамы «Сталинградская битва») [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 640, л. 66—67]. Это имело не только мобилизующее значение, стимулируя к более творческому и производительному труду, но и в известной степени способствовало обмену производственным опытом.

В целом фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР имели огромный информационный и общественный резонанс. Благодаря насыщенной программе они становились запоминающимся событием для участников, хотя некоторые из них и жаловались на «усталость и перегрузки» из-за плотности программы, а также осторожно критиковали официозный характер отдельных мероприятий [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 1288, л. 18].

6. Заключение = Conclusions

В целом на основе анализа значительного количества источников можно согласиться с выводом исследователя С. Е. Вершинина о том, что вся послевоенная риторика о братстве и равноправии СССР и ГДР при более внимательном рассмотрении демонстрирует постулирование морально-идеологического и социально-экономического превосходства советской стороны над восточногерманской, однако это условное превосходство далеко не всегда было очевидно на повседневно-бытовом уровне [Вершинин, 2003, с. 341—344, 350—352]. Политическое руководство СССР и ГДР декларировало ориентацию на установление максимально дружеских, равноправных, «братских» отношений, однако с учетом исторических и геополитических реалий они должны были базироваться исключительно на советской трактовке событий Второй мировой войны в сочетании с признанием лидерской роли Советского Союза в определении перспектив совместного будущего. Но если в мемориальном плане для ГДР существовали четко заданные рамки и установки (признание освободительной роли СССР, безоговорочное осуждение нацизма, признание советского пантеона героев и пандемониума

CC BY

антигероев и проч.), которым решено было следовать, как минимум, на официальном уровне, то относительно перспектив наблюдалась максимальная неопределенность. Граждане двух стран, особенно молодежь, к 1970—1980-м годам так и не получили четкого, реалистичного представления о будущем проекта социалистической интеграции. Фактически, как уже отмечалось в одной из статей автора, вместе с исчезновением веры в реалистичность коммунизма, характерным для позднего СССР, изменились и консолидирующие основания международных дружественных связей. Вместо дружбы с созидательно-позитивным подтекстом (наши друзья те, кто вместе с нами строит коммунизм) основой для консолидации всё чаще начинает выступать борьба с достаточно абстрактными негативными явлениями (империализм, капитализм, неонацизм, неоколониализм) и олицетворяющими их странами (прежде всего США и Западной Германией), подробнее см.: [Попов, 2018, с. 1019]. Все это в сочетании с абсолютной схоластичностью и утопичностью декларируемого курса на достижение коммунизма приводило к кризису позитивной мотивации, идейному скепсису, формально-показным формам мобилизации и консолидации, что и стало одной из причин краха социалистического блока в конце 1980-х годов.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрасимов П. А.* 300 метров от Бранденбургских ворот. Взгляд сквозь годы / П. А. Абрасимов. — Москва : Политиздат, 1983. — 352 с.

2. ГАВО — *Государственный* архив Волгоградской области. Ф. Р-6527 (Волгоградский государственный музей Обороны). Оп. 1. Д. 104. Л. 95.

3. ГАРК — *Государственный* архив Республики Крым. Ф. Р-3776 (Крымский областной совет профессиональных союзов). Оп. 1. Д. 417. Л. 62—63.

4. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-9520 (Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС). Оп. 1. Д. 592. Л. 154.

5. *Гинзбург Л.* Берлин — Лейпциг — Веймар / Л. Гинзбург // Новое время. — 1956. — № 14. — С. 17—20.

6. *Запись* интервью с Е. П., мужчина, 1946 г.р. Личный архив автора.

7. *Запись* интервью с Т. П., женщина, 1938 г.р. Личный архив автора.

8. *Зелинский Л.* По городам Саксонии / Л. Зелинский // Новое время. — 1959. — № 43. — С. 24—26.

9. *Миляева Т.* Общий язык / Т. Миляева // Магнитогорский металл : газета. — 1984. — 8 марта. — С. 2.

10. *Ежелев А.* Памяти жертв фашизма / А. Ежелев // Известия : газета. — 1972. — 28 июня. — С. 6.

11. *Ефимов А.* Добро пожаловать, друзья / А. Ефимов // Ленинградская правда : газета. — 1972. — 24 июня. — С. 2.

12. *Планете* Земля — мирное небо! // Комсомольская правда : газета. — 1983. — 22 мая. — С. 4.

13. *Пономарев М.* С открытым сердцем / М. Пономарев // Волгоградская правда : газета. — 1977. — 24 июня. — С. 3.

14. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ). Оп. 30. Д. 640. Л. 5—6, 22, 66—67 ; Д. 925. Л. 187 ; Д. 1288. Л. 1—2 ; 18 ; Оп. 34. Д. 617. Л. 17—18 ; Л. 47—53 ; Ф. М-5 (Бюро международного молодежного туризма «Спутник»). Оп. 1. Д. 585-А. Л. 45.

15. *С горячим* сердцем [интервью с Президентом ОГСД Эрихом Мюккенбергом] // Правда : газета. — 1983. — 26 января. — С. 3.

16. *Хонеккер Э.* Всемирно-историческая победа во имя мира и счастливого будущего человечества / Э. Хонеккер // Правда : газета. — 1985. — 7 мая. — С. 1.

17. *Юганова Т.* На IV фестивале дружбы молодёжи СССР–ГДР (2016) / Т. Юганова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ok.ru/group/58992758685752/topic/68250191402296 (дата обращения 16.02.2022).

18. ADRM — *Archiv des* Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Band 25. Книга отзывов почетных посетителей Музея истории капитуляции фашистской Германии в войне 1941—1945 гг. (1985—1987 гг.).

19. AGMSH — *Archiv der* Gedenkstätte/Museum Seelower Höhen. Band 3. Gästebuch Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen (1980—1984).

Литература

1. *Вершинин С. Е.* Образ ГДР в советском массовом сознании / С. Е. Вершинин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. — Екатеринбург : Ифин, 2003. — С. 336—353.

2. *Киракозова Н.* Работники торговли к 30-летию ГДР / Н. Киракозова // Советская торговля. — 1979. — № 8. — С. 46—49.

3. *Морре Й.* История сотрудничества на примере Германо-российского музея Берлин-Карлсхорст / Й. Морре // Преодоление прошлого в Германии и России : опыт и уроки на будущее. Мат. Междун. науч. конф. — Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шаньского, 2017. — С. 148—154.

4. *Нагорная О. С.* Память о Второй мировой войне в коммуникативных пространствах социалистического лагеря / О. С. Нагорная // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве / Под ред. А. В. Урядовой. — Санкт-Петербург : Реноме, 2021. — С. 136—148. — ISBN 978-5-7422-7049-2.

5. *Попов А. Д.* Туристские связи Крыма и разделенной Германии в 1950—1980-е гг. : организация, масштабы, специфика [Электронный ресурс] / А. Д. Попов // Таврійські студії. — 2011. — № 1. — С. 138–144. — Режим доступа : https://kukiit.ru/docs/ts/no1/19.pdf (дата обращения 18.02.2022).

6. *Попов А. Д.* Туристские связи СССР–ГДР : «технологии дружбы» и «идеологический конвейер»? / А. Д. Попов // Гілея (науковий вісник) : Збірник наукових праць. — 2013. — Выпуск 68. — С. 123—130.

7. *Попов А. Д.* Последнее советское мегасобытие : XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве / А. Д. Попов // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 1017—1031. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415.

8. *Смена* лозунга // Родина. — 2005. — № 4. — С. 87.

9. *Тихомиров А. А.* «Лучший друг немецкого народа» : культ Сталина в Восточной Германии (1945—1961 гг.) / А. А. Тихомиров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 310 с. — ISBN 978-5-8243-1861-6.

10. *Флакке М.* Германская Демократическая республика. Из мрака к звездам : государство в духе антифашизма / М. Флакке, У. Шмигельт // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3. — С. 66—75.

11. *Behrends J. C.* Die erfundene Freundschaft. Propaganda fur die Sowjetunion in Polen und in der DDR / J. C. Behrends. — Cologne : Böhlau Verlag, 2006. — 438 s. — ISBN 978-3-412-23005-0.

12. *Kuhn K.* «Wer mit der Sowjetunion verbunden ist, gehört zu den Siegern der Geschichte…» : Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft im Spannungsfeld von Moskau und Ostberlin. Dissertation… / K. Kuhn. — Mannheim : [b. i.], 2002. — 403 s.

13. *Satjukow S.* Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994 / S. Satjukow. — Goettingen : Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 2008. — 405 s. — ISBN 9783525363805.

Material resources

Abrasimov, P. A. (1983). *300 meters from the Brandenburg Gate. A look through the years.* Moscow: Politizdat. 352 p. (In Russ.).

Archiv des Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Band 25. The book of reviews of honorary visitors of the Museum of the History of the Capitulation of Nazi Germany in the war of 1941—1945 (1985—1987). (In Germ.).

Archiv der Gedenkstätte/Museum Seelower Höhen. Band 3. Gästebuch Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen (1980—1984). (In Germ.).

Efimov, A. (1972). Welcome, friends. *Leningradskaya pravda: gazeta. June 24.* 2. (In Russ.).

Ginzburg, L. (1956). Berlin — Leipzig — Weimar. *Novoe vremya, 14:* 17—20. (In Russ.).

Honecker, E. (1985). The world-historical victory in the name of peace and a happy future of mankind. *Pravda: Gazeta. May 7.* 1. (In Russ.).

Milyaeva, T. (1984). Common language. *Magnitogorsk metal: gazeta. March 8.* 2. (In Russ.).

Planet Earth is a peaceful sky! (1983). *Komsomolskaya Pravda: gazeta. May 22.* 4. (In Russ.).

Ponomarev, M. (1977). With an open heart. *Volgogradskaya pravda: gazeta. June 24.* 3. (In Russ.).

Recording of an interview with T. P., a woman, born in 1938. Personal archive of the author. (In Russ.).

Recording of an interview with E. P., a man, born in 1946. Personal archive of the author. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. F. M-1 (Central Committee of the Komsomol). Op. 30. D. 640. L. 5—6, 22, 66—67; D. 925. L. 187; D. 1288. L. 1—2; 18; Op. 34. D. 617. L. 17—18; L. 47—53; F. M-5 (Sputnik International Youth Tourism Bureau). Op. 1. D. 585-A. L. 45. (In Russ.).

State Archive of the Volgograd region. F. R-6527 (Volgograd State Museum of Defense). Op. 1. D. 104. L. 95. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Crimea. F. R-3776 (Crimean Regional Council of Trade Unions). Op. 1. d. 417. L. 62—63. (In Russ.).

The State Archive of the Russian Federation. F. R-9520 (Central Council for Tourism and Excursions of the VTSPS). Op. 1. d. 592. L. 154. (In Russ.).

With a warm heart [interview with OGSD President Erich Mueckenberg]. (1983). *Pravda: newspaper. January 26.* 3. (In Russ.).

Yezhelev, A. (1972). In memory of the victims of fascism. *Izvestia: gazeta. June 28.* 6. (In Russ.).

Yuganova, T. *At the IV Festival of Youth Friendship of the USSR–GDR (2016).* Available at: https://ok.ru/group/58992758685752/topic/68250191402296 (accessed 16.02.2022). (In Russ.).

Zelinsky, L. (1959). On the cities of Saxony. *Novoe vremya, 43:* 24—26. (In Russ.).

CC BY

References

Behrends, J. C. (2006). *Die erfundene Freundschaft. Propaganda fur die Sowjetunion in Polen und in der DDR.* Cologne: Böhlau Verlag. 438 s. ISBN 978-3-412-23005-0. (In Germ.).

Changing the slogan. (2005). *Rodina, 4:* 87. (In Russ.).

Flakke, M., Schmigelt, W. (2005). German Democratic Republic. From darkness to the stars: the state in the spirit of anti-fascism. *The inviolable reserve, 2—3:* 66—75. (In Russ.).

Kirakozova, N. (1979). Trade workers to the 30th anniversary of the GDR. *Soviet trade, 8:* 46—49. (In Russ.).

Kuhn, K. (2002). *«Wer mit der Sowjetunion verbunden ist, gehört zu den Siegern der Geschichte…»: Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft im Spannungsfeld von Moskau und Ostberlin. Dissertation…* Mannheim: [b. i.]. 403 s. (In Germ.).

Morre, Y. (2017). The history of cooperation on the example of the German-Russian Museum Berlin-Karlshorst. In: *Overcoming the past in Germany and Russia: experience and lessons for the future. Mat. International Scientific Conference.* Lipetsk: LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shan. 148—154. (In Russ.).

Nagornaya, O. S. (2021). Memory of the Second World War in the communicative spaces of the socialist camp. In: *Transformation of historical memory in the regional space.* St. Petersburg: Renome. 136—148. ISBN 978-5-7422-7049-2. (In Russ.).

Popov, A. D. (2011). Tourist relations of the Crimea and divided Germany in the 1950s—1980s: organization, scale, specifics. *Tavriysk studii, 1:* 138—144. Available at: https://kukiit.ru/docs/ts/no1/19.pdf (accessed 18.02.2022). (In Russ.).

Popov, A. D. (2013). Tourist relations of the USSR–GDR: "friendship technologies" and "ideological conveyor"? *Gilea (naukoviy visnik): Zbirnik naukovikh prats, 68:* 123—130. (In Russ.).

Popov, A. D. (2018). The last Soviet mega-event: the XII World Festival of Youth and Students in Moscow in 1985. *The Modern History of Russia, 8 (4):* 1017—1031. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415. (In Russ.).

Satjukow, S. (2008). *Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994.* Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag. 405 s. ISBN 9783525363805. (In Germ.).

Tikhomirov, A. A. (2014). *"The best friend of the German people": the cult of Stalin in East Germany (1945—1961).* Moscow: Political Encyclopedia. 310 p. ISBN 978-5-8243-1861-6. (In Russ.).

Vershinin, S. E. (2003). The image of the GDR in the Soviet mass consciousness. In: *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.* Yekaterinburg: Ifin. 336—353. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Праздников А. Г. Взаимоотношения лордов и джентри в Англии второй половины XV века в контексте концепции «бастардного феодализма» : просопографический анализ / А. Г. Праздников // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 488—504. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-488-504.

Prazdnikov, A. G. (2022). Relationship between Lords and Gentry in England in Second Half of 15th Century in Context of 'Bastard Feudalism' Concept: a Prosopographic Analysis. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 488-504. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-488-504. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-488-504

Взаимоотношения лордов и джентри в Англии второй половины XV века в контексте концепции «бастардного феодализма»: просопографический анализ

Праздников Андрей Геннадьевич
orcid.org/0000-0002-8175-6971
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и философии
andrei-selek@mail.ru

Вятский государственный
агротехнологический университет
(Киров, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
№ 22-28-00190

Relationship between Lords and Gentry in England in Second Half of 15th Century in Context of 'Bastard Feudalism' Concept: a Prosopographic Analysis

Andrei G. Prazdnikov
orcid.org/0000-0002-8175-6971
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy
andrei-selek@mail.ru

Vyatka State
Agrotechnological University
(Kirov, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00190

© Праздников А. Г., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

«Бастардный феодализм» — система патронажно-клиентальных связей, существовавшая в Англии позднего Средневековья, противопоставляемая вассально-сеньориальным отношениям классического феодализма. Данное понятие используется в историографии, начиная с XIX века, однако до сих пор является дискуссионным. Актуальным является вопрос о степени распространения отношений «бастардного феодализма» в обществе. На основе источников была сформирована просопографическая база данных активных участников Войн Роз (1455—1487), значительную часть которых составляли светские лорды и представители среднего и низшего дворянства (джентри): рыцари, сквайры и джентльмены. Свиты лордов имели пестрый социальный состав, но, как правило, включали именно дворян. Анализ базы данных показал, что не менее 16 % представителей джентри находились на службе или входили в окружение лордов, поддерживавших Ланкастеров или Йорков. Большинство джентри не состояли в свиты лордов, но находились в зависимости от них и привлекались на военную службу в случаях обострения социально-политического конфликта.

Ключевые слова:
Войны Роз; бастардный феодализм; просопография; лорды; джентри.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

“Bastard feudalism” is a system of patronage-client relations that existed in England in the late Middle Ages, opposed to the vassal-seigneurial relations of classical feudalism. This concept has been used in historiography since the 19th century, but is still debatable. The relevance of the study is due to the question of the degree of “bastard feudalism” relations distribution in society. Based on the sources, a prosopographic database of active participants in the Wars of the Roses (1455–1487) was formed, a significant part of which were secular lords and representatives of the middle and lower nobility (gentry): knights, squires and gentlemen. The retinues of the lords had a motley social composition, but, as a rule, included precisely the nobles. Analysis of the database showed that at least 16 % of the representatives of the gentry were in the service or were part of the entourage of the lords who supported the Lancasters or Yorks. Most of the gentry did not belong to the retinue of the lords, but were dependent on them and were recruited into military service in cases of aggravation of the socio-political conflict.

Key words:
Wars of the Roses; bastard feudalism; prosopography; lords; gentry.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(420)“1457/1485”

Взаимоотношения лордов и джентри в Англии второй половины XV века в контексте концепции «бастардного феодализма»: просопографический анализ

© Праздников А. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Существовавшую в позднесредневековой Англии систему личных связей между лордом и его людьми нередко обозначают условным термином «бастардный феодализм» (bastard feudalism). Это понятие было введено в научный оборот Ч. Пламмером и поддержано в конце XIX — первой половине XX веков многими британскими историками [Hicks, 1991a, p. 3—6]. Данное явление было серьезно исследовано (начиная с 1940-х годов) К. Б. МакФарлейном, говорившим о XIV—XV веках как о времени, когда произошла замена традиционных для классического феодализма поземельных вассально-ленных отношений патронажно-клиентальными связями на основе контракта [Dunham, 1955, p. 122—139; McFarlane, 1981, p. 23; Private…, 1994]. В то же время К. Б. МакФарлейн считал главной причиной Войн Роз не «объективный» «бастардный феодализм», а «субъективную» слабость Генриха VI. Это был конфликт между теми, кто извлек из этого выгоду, и теми, кто не смог этого сделать.

Однако примерно в 1960-е годы началось формирование и иной точки зрения. Наиболее последовательно идею связи Войн Роз и «басстардного феодализма» высказал Робин Стори, по мнению которого «Войны Роз были результатом усиления частной вражды» [Storey, 1966, p. 27], ставшего возможным после изменения социально-политической структуры общества («бастардный феодализм») и по причине неспособности правительственных механизмов регулировать его процессы. То есть войны были порождены состоянием общества. Фактически эта позиция представляется возрождением взглядов историков викторианской эпохи.

Среди современных историков наибольший вклад в изучение рассматриваемого явления внес Майкл Хикс. Он определяет «бастардный феодализм» как «отношения с нижестоящими в социальном плане людьми, которые обеспечивали английскую аристократию необходимыми ей человеческими ресурсами» [Hicks, 2013, p. 1]. Отношения «бастардного феодализма» связывали магнатов с различными группами и категориями сторонников: члены домохозяйства, которое делилось на верхнее (ближайшее окружение лорда,

CC BY

в том числе среднее и мелкое дворянство — джентри — рыцари, сквайры, джентльмены) и нижнее (слуги); арендаторы; чиновники (центральная и поместная администрация, домашние слуги и советники); экстраординарные слуги, которые имели собственные свиты (например, «младшие» лорды); носители ливрей; различные слуги и доброжелатели. По мнению М. Хикса, «бастардный феодализм» нужно рассматривать в контексте эпохи, а его последствия нельзя оценивать по уровню развития общества более позднего времени. Современники, в отличие от историков, не считали «бастардный феодализм» «негативным» явлением, а пытались бороться с конкретными фактами злоупотреблений магнатов и их слуг. Так называемое «ливрейное законодательство» было направлено не на полное уничтожение свит лордов, а на упорядочение процесса их формирования и использования. Поэтому «бастардный феодализм» нельзя рассматривать как причину Войн Роз, а лишь как средство преследования личных интересов. Не случайно даже английские короли активно использовали данную систему связей.

В последнее время выводы М. Хикса были углублены и конкретизированы в работе его ученика Гордона МакКилви [McKelvie, 2020]. Изучив более 300 дел из архивов Суда Королевской Скамьи, касающихся нарушений «ливрейного законодательства» в период 1390—1522 годов, он нарисовал еще более обширную социальную панораму, в которой отношения «бастардного феодализма» не только затрагивают недворянские группы английского общества, такие как дворянство, крестьянство и бюргерство, но и охватывают их широкой сетью связей. Теперь необходимо окончательно отказаться от представлений о «бастардном феодализме» как надстроечном, верхушечном явлении, затрагивавшем лишь привилегированные слои.

Автор данной статьи обращался к общей характеристике «бастардного феодализма» в Англии второй половины XV века [Праздников, 2020а, с. 72—78]. В данной статье будет предпринят детальный анализ взаимоотношений лордов и джентри, являвшихся активными участниками Войн Роз (1455—1487).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для подобного исследования наиболее приемлемым представляется просопографический метод. В просопографических трудах (иначе называемых коллективно- или мультибиографическими) акцент делается на «группах людей, а не отдельных личностях, которые контролируют, формируют или иным образом влияют на дела своих обществ» [Beech, 1992, p. 186].

Данный метод в исторических исследованиях используется с конца XIX века, прежде всего в Германии. Со второй половины XX века, и особенно с 1960—1970-х годов, количество просопографических исследова-

CC BY

ний во всех странах значительно возросло, что, во-первых, было связано с его эвристическими возможностями, позволяющими пролить свет на малоизученные стороны существования средневекового социума, и, во-вторых, с компьютеризацией, сделавшей обращение к данному методу более доступным технически.

Фактически первым собственно просопографическим исследованием по истории Англии XV века является «История парламента. Биографии членов Палаты общин, 1439—1509 годы» Д. Веджвуда и Э. Холт. Правда, выводы исследования оказались скорее количественными, чем качественными, что обусловлено главной целью издания, которая заключалась в сборе первичной информации.

Вообще в британской историографии отсутствуют специальные просопографические исследования, посвященные периоду Войн Роз, хотя некоторые предпосылки для них были созданы. Они представляют собой отдельные базы биографической информации. Так, Р. Стори систематизировал информацию о лицах, занимавших различные государственные должности [Storey, 1957, p. 593—615; Storey, 1958, p. 89—92]. В некоторых исследованиях можно обнаружить сведения о слугах герцога Йорка [Johnson, 1988], герцогов Бакингемов [Rawcliffe, 1978] и графа Оксфорда [Ross, 2011].

Нам удалось выявить в источниках лишь 1123 имени тех, кто непосредственно участвовал в конфликте, однако эти люди составляли социальное ядро противоборствующих «партий». Во-первых, в их числе те, кто сражался в 16 битвах и сражениях. Источники фиксировали лишь имена командиров либо тех, кто каким-то образом проявил себя в сражении. Вторую группу участников представляли люди, объявленные государственными изменниками и лишенные личных и / или имущественных прав парламентом, после того как их «партия» терпела поражение. В позднесредневековой Англии институт государственной измены превратился в средство сведения счетов с личными врагами. Пусть незначительная, эта группа активных участников является достаточно показательной и предоставляет важную информацию для определения социального влияния Войн Роз. Ее нельзя рассматривать как общий срез вовлеченных в борьбу социальных слоев, однако она достаточно репрезентативна для характеристики именно тех сословных и иных групп, которые находились в эпицентре происходящих событий и процессов. Анализ данной совокупности предоставляет количественные показатели степени активности и вовлеченности различных слоев в конфликт. И эти показатели, как и определение общей численности сил враждующих сторон, проливают свет на социальный масштаб войн [Праздников, 2020б].

Самой многочисленной из них группой были представители джентри (рыцари, сквайры и джентльмены), составлявшие 57,35 %. Однако в поли-

CC BY

тическом плане большинство из них зависело от лордов, представлявших собой 11,31 % активных участников войн. Менее значительными группами были йомены (5,61 %), представители духовенства (3,29 %), слуги (1,96 %), горожане (1,16 %). Остальные участники принадлежали к различным маргинальным группам, или их статус неизвестен.

Для того чтобы проследить тенденции в развитии выделенной нами социальной общности (или, скорее, общностей), была выявлена и сгруппирована информация о различных характеристиках, как правило, находящихся в центре просопографического изучения. Прежде всего, это время жизни, социальный статус и происхождение человека; его семейное положение, родственные и матримониальные связи; личные и вассально-сеньориальные отношения; карьера, то есть должности, занимаемые в местном и центральном административном аппарате управления, а также при королевском дворе; участие в событиях Войн Роз, то есть основания отнесения лица к изучаемой группе. Установление этих биографических сведений позволяет оценить принадлежность персон к той или иной «партии», выявить возможные причины участия в тех или иных событиях, степень активности, связь фактов национальной и семейной истории. Сквозной анализ полученной информации дает фундамент для обоснованных типологизаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Окружение лордов

Не только лорды, но и джентри могли иметь собственные ливрейные свиты. Королевская комиссия весной 1468 года выявила в Дербишире пять случаев незаконной раздачи ливрей: графом Шрусбери — сквайру, джентльмену и 12 йоменам; бароном Греем Коднором — трем рыцарям, джентльмену и 7 йоменам; Уолтером Блаунтом бароном Маунтджоем — трем сквайрам, двум джентльменам и трем йоменам; сэром Джоном Гризли — четверым дворянам; сквайром Джоном Кокэйном — пятерым йоменам [Hicks, 1991, p. 18]. Джон Говард, еще не будучи бароном в 1467 году, имел домохозяйство, состоящее из 106 человек [Hicks, 2013, p. 45].

Домохозяйства лордов представляли собой королевский двор в миниатюре. В 1436 году ближайшее окружение Хамфри Стаффорда графа Бакингема состояло из 56 человек, в 1450 году он, уже будучи графом, делал выплаты 107 слугам, а в 1457 году их стало еще на 22 больше [Rawcliffe, 1978, p. 69]. Высшие должности при дворе лорда занимали чемберлен, руководивший домохозяйством, стюард, который управлял поместьями сеньора, и казначей.

Особую роль играл совет лорда, как и двор, организованный по образцу королевского учреждения. В число советников могли входить как чиновники лорда, так и его вассалы и даже представители меньшей знати.

CC BY

Слуги по контракту, получающие ежегодную выплату, не были многочисленны в связи с тем, что являлись «дорогим удовольствием» даже для высшего нобилитета. Лишь 14 % членов Палаты общин в 1386—1421 годах были зависимы от магнатов [Hicks, 2002, p. 151]. Но многие люди были преданы своим лордам не в силу юридического договора, а имея «наследственную предрасположенность» [Ibid.] — их семьи служили им из поколения в поколение. Более того, как показано в статье Джеймса Росса, вплоть до эпохи Тюдоров сохранялся не только «бастардный», но даже «классический» феодализм, связанный с пожалованием лордами рыцарских феодов, принесением вассальной клятвы верности, выплатами по случаю посвящения в рыцари старшего сына сеньора и выдачи замуж его старшей дочери — институтами, восходящими к эпохе «Великой хартии вольностей» или даже более раннему времени [Ross, 2018].

С другой стороны, принадлежность к окружению влиятельного лорда не всегда служила достаточно сильным основанием для активного участия дворян в политической борьбе. Например, сохранился список из 21 лица, получавшего ежегодные пожалования от графа Солсбери, относящийся к периоду с 1456 по 1459 годы [Pollard, 1975—1976, p. 52—69]. Из них в изучаемую нами группу вошли лишь семь человек.

3.2. Отношения «бастардного феодализма» в среде активных участников Войн Роз

В среде изучаемой группы активных участников Войн Роз отношения, относимые к «бастардному феодализму», прослеживаются в незначительной степени. В общем они охватывают около 16 % среднего и мелкого дворянства (102 из 644 человек). Их персональный состав представлен ниже.

Окружение Ричарда герцога Йорка:

Генри Бромфлит барон Вески — сенешаль Уэйкфилда и Соуэрби в 1441—1442 годах, советник герцога [Johnson, 1988, p. 229].

Джон барон Клинтон — пожалован 20 марками ежегодного дохода от герцога [Ibid., p. 230].

Сэр Джон Клэй — казначей герцога с 1455 года [Wedgwood et al., 1936, p. 187].

Сэр Уильям Олдхолл — чемберлен герцога с 1445 года [ODNB].

Сэр Джеймс Пикеринг из Йоркшира — советник Ричарда герцога Йорка в 1459 году [Wedgwood et al., 1936, p. 682].

Сэр Томас Вогэн — советник Ричарда герцога Йорка [Griffiths, 1981, p. 847].

Джон Майлвотер — получатель доходов герцога Ричарда Йорка [Hicks, 2013, p. 56—57].

Роджер Ри — слуга герцога Йорка с 1451 года или ранее [Wedgwood et al., 1936, p. 711].

Джордж Дарелл — слуга герцога с 1453 года [Private…, 1994, p. 160—161].

Сэр Ричард Крофт — правитель Ладлоу в 1454 году и воспитатель детей герцога, Эдуарда и Эдмунда [Ross, 1974, p. 436].

Сэр Генри Рэдфорд из Линкольншира — человек герцога Йорка [Griffiths, 1981, p. 728].

Сквайр Гай Уолстон — хранитель и констебль родового замка герцога, Фотэрингея [CPR, 1461—1467, p. 389].

Сквайр Роджер Эйтон из Шрусбери [Griffiths, 1981, p. 848].

Сэр Дэви Холл — советник герцога Йорка [Hookham, 1872, p. 354—355].

Джон Остин — до 1459 бэйлиф владения Кронборн в Дорсетшире [CPR, 1452—1461, p. 590].

Джон Баркер — получатель доходов во владениях герцога в Бакингемшире и Оксфордшире в 1437 году [Johnson, 1988, p. 228].

Хамфри Буршье — в 1459—1460 годах сенешаль Стамфорда [Ibid., p. 229].

Джон Буршье — с 1459 года стюард Клэра и констебль замка Клэр [CPR, 1452—1461, p. 536].

Джентльмен Томас Бругг — пожалован 10 марками ежегодного дохода от герцога [Johnson, 1988, p. 229].

Сквайр Уолтер Деверьё — стюард герцога в Уэльсе, сенешаль Рэднора и Уска [Johnson, 1988, p. 230].

Сквайр Уолтер Хоптон — до 1459 года стюард герцога в Монтгомери, Чирбьюри, Элкестере, Тертрифе, Кидвайне и Ньютоне [Ibid., p. 233].

Йомен Генри ап Гриффит — мастер-лесник Инэна [Ibid., p. 233].

Уолтер Мимм — аудитор герцога во владении Денби [Ibid., p. 235].

Сквайр Джон Расселл — сенешаль герцога во владениях в уилтшире до 1459 [CPR, 1452—1461, p. 574].

Окружение Ричарда герцога Глостера:

Генри Перси 4-й граф Нортамберленд заключил договор о службе герцогу Глостеру в 1474 году [Private…, 1994, p. 177—178].

Элизабет леди Скроуп Мэшэм от имени ее 16-летнего сына Томаса лорда Скроупа Мэшэма заключила договор о его службе Ричарду герцогу Глостеру в 1476 году [Ibid., p. 177].

Сквайр Уильям Бург заключил договор о службе герцогу Глостеру в 1471 году [Ibid., p. 176].

Окружение Джорджа герцога Кларенса:

Сэр Джордж Браун. 25 апреля 1470 года относился к числу тех, кто должен был быть арестован вместе с Кларенсом и Уориком [CPR, 1467—

CC BY

1477, p. 218]. Вероятно, он перешел с Кларенсом на сторону Эдуарда IV, так как сражался при Тьюксбери.

Сэр Филип Кортни из Девоншира — советник герцога Кларенса в 1470—1478 годах [Wedgwood et al., 1936, p. 230; Thomson, 1972, p. 239].

Сэр Уолтер Кортни, брат предыдущего, — сторонник герцога Кларенса в 1470 году [Wedgwood et al., 1936, p. 231; Thomson, 1972, p. 243].

Сэр Уильям Кортни, брат предыдущих, — сторонник герцога Кларенса в 1470 году [Wedgwood et al., 1936, p. 232; Thomson, 1972, p. 237].

Сэр Николас Лонгфорд из Дербишира — вероятно, сторонник герцога Кларенса в 1474 году [Wedgwood et al., 1936, p. 554].

Сэр Джон Стэнли из Стаффордшира, возможно, приверженец Джорджа герцога Кларенса в 1469—1471 годах [Ibid., p. 799].

Сэр Роджер Токотс — советник герцога Кларенса с 1475 года или ранее [Ibid., p. 858—859].

Сэр Джон Гризли из Дербишира [Ibid., p. 396].

Окружение Хамфри Стаффорда, герцога Бакингема:

Сэр Томас Вогэн — получатель доходов (receiver) от владений герцога в Бреконе, Хэе и Хантингдоне (с 1451 года, с 1461 года занимал эту должность от имени короля) [Rawcliffe, 1978, p. 206].

Сквайр Роджер Дрэйкот — получатель доходов (receiver) от владений герцога в Стаффордшире в 1450—1461 годах [Ibid., p. 215].

Сэр Томас ФицГенри — член совета герцога [Ibid., p. 223].

Сэр Джон Ханфорд заключил договор о службе герцогу Бакингему в 1441 году [Private…, 1994, p. 179].

Эдмунд Маунтфорд — офицер герцога [Carpenter, 1992, p. 700]. В 1485—1494 годах — чемберлен Джаспера Тюдора герцога Бэдфорда [Wedgwood et al., 1936, p. 602].

Сквайр Джон Ливинторп, связан с Хамфри Стаффордом герцогом Бакингемом в 1452—1456 годах [Ibid., p. 538].

Окружение Генри Стаффорда герцога Бакингема:

Сэр Николас Лэтимер — чемберлен и советник герцога [Rawcliffe, 1978, p. 195, 227].

Эдмунд Маунтфорд — стюард и советник герцога [Ibid., p. 195, 227].

Уильям Невет — советник герцога, его родственник (муж тетки) и ленник [Ibid., p. 227; CPR, 1476—1485, p. 257].

Окружение Генри Бофора герцога Сомерсета:

Сквайр Джон Броукмен из Эссекса — вассал герцога Сомерсета с 1457 года [Wedgwood et al., 1936, p. 113—114].

Джон Батлер — оруженосец, погибший в битве при Хексэме [Gregory…, 1876, p. 225; Brief…, 1880, p. 179; Short…, 1880, p. 79; Worcester, 1864, p. 782].

CC BY

Окружение Моубрэев герцогов Норфолка:

Сэр Гилберт Дебенхэм — стюард герцога в 1440-е годы [Ross, 1974, p. 440].

Уильям Брэндон в 1467 году [Wedgwood et al., 1936, p. 102].

Окружение Томаса Грея маркиза Дорсета:

Сэр Томас Ловелл принял участие в восстании 1483 года как его последователь [ODNB].

Окружение Невиллей графов Солсбери и Уорика:

Ральф барон Грейсток заключил договор о службе графу Солсбери в 1447 году [Private…, 1994, p. 157—158].

Александр Ходи — стюард графа Солсбери в 1432—1455 годах [Wedgwood et al., 1936, p. 460].

Сквайр Томас Меринг — человек Ричарда Невилля графа Солсбери [Griffiths, 1981, p. 847].

Сэр Роберт Огль (барон Огль с 1461) — видимо, человек Невиллей [Burley et al., 2007, p. 29].

Джон Хертхилл из Уорикшира — стюард графа Уорика до 1470 года [Carpenter, 1992, p. 458, 506, 510, 657, 697].

Сэр Томас Колт — слуга Невиллей с 1449 года, вероятно, юрист; представлял их интересы в Королевском Совете с 1461 года [Lander, 1976, p. 314; Hicks, 1998, p. 48—49, 220].

Сэр Джон Буршье — советник Ричарда Невилля графа Уорика в 1461—1468 годах [Carpenter, 1992, p. 697].

Сэр Ричард Клэпхэм — человек графа Уорика [Hicks, 1998, p. 51, 62, 146].

Сэр Джеффри Гэйт — советник графа Уорика в 1470 году [Ibid., p. 286].

Сэр Уолтер Роттесли — советник графа Уорика в 1470 году [Ibid.].

Сэр Джон Хаддлестон из Камберленда — его сын Ричард был женат на незаконнорожденной дочери графа Уорика, Маргарет [Hicks, 1998, p. 234; Booth, 1997, p. 76—77, 169—170].

Сэр Томас Маунтфорд из Йоркшира [Griffiths, 1991, p. 328].

Сэр Роберт Стрэнгвэйс [Hicks, 1998, p. 286].

Сэр Кристофер Коньерс [Ibid., p. 22].

Сэр Джон Коньерс, стюард замка Миддлхэм [Ibid., p. 163, 275, 286].

Сэр Джон Мидилтон [Pollard, 1975—1976, p. 59, 61].

Сэр Томас Уитхэм [Hicks, 1998, p. 252; CPR, 1461—1467, p. 270].

Сэр Уильям Парр в Уэстморленде до 1470 года [Hicks, 1998, p. 234; Booth, 1997, p. 77, 101].

Сквайр Фульк Стаффорд из Вустершира — слуга графа Уорика [Wedgwood et al., 1936, p. 791].

CC BY

Сэр Уильям Моттон из Лестершира — вероятно, член совета Ричарда Невилля графа Уорика в 1461 году [Ibid., p. 616].

Окружение Перси графов Нортамберленда:

Сэр Генри Биллинхэм из Уэстморленда и Джон Кейтролл — на службе у Перси [Griffiths, 1991, p. 328, 332].

Сэр Уильям Люси из Нортхэмптоншира был связан с графом Нортамберлендом, вероятно, через свою первую жену Элизабет, урожденную Перси [Ibid., p. 332].

Рыцари Роберт Пламптон, Кристофер Уард, Томас Мэллэри, Уильям Стэплтон сопровождали графа Нортамберленда во время его встречи с кортежем Генриха VII в апреле 1486 года [Lelandi, 1770, p. 186—187].

Окружение Джеймса Батлера графа Уилтшира:

Сквайр Джон Туше, в будущем лорд Одли, заключил договор о службе графу в 1457 году [Private…, 1994, p. 163—164].

Окружение Ральфа Невилля графа Уэстморленда:

Сквайр Ричард Клерво ежегодно получал от него выплаты с 1448 года [Pollard, 1975—1976, p. 56].

С ним связан джентльмен из Линкольншира Ричард Фулнетби [Mackman, 1999, p. 163—164].

Окружение Джона де Вера графа Оксфорда:

Сэр Уильям Кэрью — под началом графа в битве при Стоуке, на службе у него в дальнейшем [Ross, 2011, p. 230].

Сэр Томас Монтгомери — человек графа Оксфорда с 1486 года (получал ежегодную ренту от его отца в 1462 году) [Ibid., p. 234].

Сквайр Джон Пик: возможно, человек Ричарда де Вера 13-го графа Оксфорда с 1486 года [Ibid., p. 235].

Окружение Джона виконта Бомона:

Сэр Томас Эверинхэм пользовался его покровительством (1454/1459) [Wedgwood et al., 1936, p. 308], возможно, находился с ним в родстве [Griffiths, 1981, p. 341].

Окружение Джона барона Клиффорда:

Роберт Боллинг в 1461 году находился «под властью» лорда Клиффорда [Rotuli Parliamentorum, 1832, p. 20].

Окружение Уильяма барона Гастингса:

Наиболее подробные сведения о контрактах на службу сохранились относительно лиц, заключавших их с влиятельным лордом-чемберленом Эдуарда IV. Все они были собраны, опубликованы и проанализированы Уильямом Данхэмом. Поименный перечень, который включает 88 человек [Dunham, 1955, p. 117—120], был проанализирован и сопоставлен с имеющейся базой данных активных участников Войн Роз. Ниже приведены име-

CC BY

на тех людей барона Гастингса, которые оказались в обоих списках (после каждого имени, если известно, указан год заключения контракта): Генри барон Грей Коднор (1461); сэр Брайан Стэплтон из Йоркшира (1479); сэр Николас Лонгфорд из Дербишира; сэр Джон Гризли из Дербишира (1477); сквайр Томас Гризли, сын предыдущего (1479); сквайры Уильям Моттон из Лестершира (1475); Джон Харкорт из Оксфордшира (1474); Ральф Лонгфорд из Дербишира (1481); Ральф Ширли из Лестершира (1481); Джеймс Блаунт из Стаффордшира (1474); Джервас Клифтон из Ноттингемшира (1478); Томас Грин (1483); Роджер Дрэйкот; Генри Уиллоугби (1477); джентльмен Хамфри Стэнли из Стаффордшира; возможно, сэр Джон Стэнли из Стаффордшира, Джон Бэбингтон из Дербишира, Хью Першол (1479) и Морис Беркли.

Окружение Джорджа Невилля барона Лэтимера:

Уильям Кэтсби — стюард его земель в Нортгэмтоншире [Wedgwood et al., 1936, p. 164—165].

Окружение Томаса барона Стэнли: сэр Роберт Танстолл; сэр Хью Першол; сэр Джон Сэвэдж из Чешира, зять барона Стэнли; сэр Хамфри Стэнли [The Ballad…], а также сэр Джон Рисли [Гриффитс и др., 1997, с. 173] — еще ранее он служил бэйлифом графа Оксфорда в его владении Лэвинхэм [Hicks, 1991a, p. 304; Horrox, 1991б, p. 280].

Окружение Ричарда Бошама епископа Солсберийского:

Сквайр Джон Ротон — его вассал в 1470 году [Wedgwood et al., 1936, p. 975—976].

3.3. Состав окружения лордов в свете установленной информации

Закономерно возникает вопрос: почему в эпоху, которая по общему признанию историков являлась временем расцвета «бастардного феодализма», нам удалось установить столь незначительное количество личных связей в рассматриваемой группе? Этому можно дать несколько объяснений.

Прежде всего, отсутствие информации может быть связано со скудостью источников. Многие медиевисты считали главным подтверждением существования «бастардного феодализма» письменные договоры о службе. Однако Майкл Хикс полагает, что письменные договоры не заключались с людьми из ближайшего окружения и личными слугами, документально фиксировались лишь «экстраординарные» случаи [Hicks, 1991a, p. 240]. Поэтому их незначительное количество не может служить доказательством слабого распространения связей на основе личной зависимости. В нашем случае удалось обнаружить лишь 26 таких договоров.

Во-вторых, в периоды военных кампаний (а именно они находятся в центре нашего внимания) большую часть армий лордов составляли не люди из их ближайшего окружения, а арендаторы, то есть те, кто жил на

CC BY

территории их поместий на условиях, отличных от рыцарской службы [Hicks, 2013, p. 240]. Это объясняет и значительное количество лиц, чей социальный статус не удалось установить (18 % от общего числа активных участников Войн Роз). Если допустить, что это были простые арендаторы (мелкие дворяне и лица статусом ниже), то отсутствие сведений о них в серийных источниках вполне объяснимо: они не были вовлечены в активные социально-политические отношения даже на местах, но в периоды обострения политической борьбы не могли отказать лорду на его призыв в армию в силу личной преданности, из-за проживания на его земле или материальной выгоды, так как военная служба лицам, не обязанным ее нести на основании договора, оплачивалась.

4. Заключение = Conclusions

Положение дворянина в обществе во многом определялось принадлежностью к окружению (свите, ливрее) лорда. Начиная с появления в XIX веке понятия «бастардный феодализм» получила обоснование теория, согласно которой в период позднего Средневековья в среде господствующих сословий на смену классической системе отношений, основанных на передаче земли, пришли клиентально-патронажные связи на базе контрактов о службе за вознаграждение. В рассматриваемой нами группе подобные контракты имеются лишь у 4 % дворян, однако не менее 16 % находились на службе или входили в окружение лордов, поддерживавших Ланкастеров или Йорков. Отчасти незначительность этих данных связана с плохой сохранностью источников. Однако более важной причиной был характер службы в военное время.

Контракты заключались лордами пожизненно с наиболее важными представителями дворянства для поддержания политического и социального влияния вне зависимости от обстановки в королевстве. Но в периоды обострения борьбы лордам требовалось значительно увеличивать ряды своих сторонников. Проще всего это было сделать за счет арендаторов-дворян, пусть не столь влиятельных, как лица, служащие на контрактной основе, но зато более многочисленных. Именно к этой категории стоит отнести большую часть дворян, не игравших активной роли в политической жизни графств, но сражавшихся в Войнах Роз, и 18 % всех активных участников конфликта, чей социальный статус не удалось реконструировать. А понятие «бастардного феодализма» в этом случае подвергается серьезному пересмотру и расширению.

Источники

1. *A Short* English Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. by J. Gairdner. — London : J. B. Nichols and sons, 1880. — Pp. 1—80.

2. *Brief* Latin Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. by J. Gairdner. — London : J. B. Nichols and sons, 1880. — Pp. 164—185.

3. CPR — *Calendar* of the Patent Rolls. Henry VI. — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1971. — Vol. 6 (1452—1461). — 1057 p.

4. CPR — *Calendar* of the Patent Rolls. Edward IV (1461—1467). — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1971. — 731 p.

5. CPR — *Calendar* of the Patent Rolls. Edward IV, Edward V, Richard III (1476—1485). — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1901. — 727 p.

6. *Gregory*'s Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / ed. by J. Gairdner. — London : Nicholas and sons, 1876. — Pp. 57—239.

7. *Lelandi* Joannis Antiqurii de Rebvs Britannicis Collecyanea / Ed. T. Hearnii. — London : Impenses GVL. et JO. Richardson, 1770. — Vol. 3. — 400 p.

8. ODNB — *Oxford* Dictionary of National Biography [Electronic resource]. — Access mode : http://www.oxforddnb.com (accessed 21.05.2022).

9. *Rotuli* Parliamentorum / ed. by J. Strachey et al. — London : [b. i.], 1832. — Vol. 6 (1472—1503). — 555 p.

10. *The Ballad* of Bosworth Field [Electronic resource]. — Access mode : http://www.r3.org/richard-iii/the-battle-of-bosworth/the-ballad-of-bosworth-field/ (accessed 24.05.2022).

11. *Worcester W.* Annales rerum anglicanum / W. Worcester // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth / ed. by J. Stevenson. — London : [b. i.], 1864. — Vol. 2. — Part 2. — Pp. 743—793.

Литература

1. *Гриффитс Р. А.* Становление династии Тюдоров / Р. А. Гриффитс, Р. С. Томас. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. — 320 с.

2. *Праздников А. Г.* Просопографическая база данных участников сражений Войн Роз / А. Г. Праздников // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. — 2020. — Том 1. — № 3. — С. 37—47.

3. *Праздников А. Г.* К вопросу о «бастардном феодализме» / А. Г. Праздников // Средние века. — 2020. — Т. 81. — № 1. — С. 72—78. — DOI: 10.7868/S0131187820010080.

4. *Beech G.* Prosopography / G. Beech // Medieval studies : an introduction / ed. J. M. Powell. — Syracuse : Syracuse University Press, 1992. — Pp. 185—226.

5. *Booth P. W. N.* Landed Society in Cumberland and Westmorland, c. 1440—1485 / P. W. N. Booth // The Politics of the Wars of the Roses. — Leicester : [b. i.], 1997. — 288 p.

6. *Burley P.* The Battles of St Albans / P. Burley, M. Elliott, H. Watson. — Pen & Sword, 2007. — 182 p.

7. *Carpenter C.* Locality and Polity : A Study of Warwickshire Landed Society, 1401—1499 / C. Carpenter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 295 p.

8. *Dunham W.* Lord Hastings' Indentured Retainers 1461—1483 / W. Dunham. — New Haven : Yale University Press, 1955. — 175 p.

9. *Griffiths R. A.* King and Country : England and Wales in the Fifteenth Century / R. A. Griffiths. — London : Hambledon Press, 1991. — 408 p.

10. *Griffiths R. A.* The Reign of King Henry VI / R. A. Griffiths. — Berkeley : Ernest Benn, 1981. — 968 p.

11. *Hicks M.* Bastard Feudalism / M. Hicks. — London, New-York : Routledge, 2013. — XII, 243 p.

12. *Hicks M.* English Political Culture in the Fifteenth Century / M. Hicks. — London, New York : Routledge, 2002. — 261 p.

13. *Hicks M.* Richard III and His Rivals : Magnates and Their Motives in the War of the Roses / M. Hicks. — London and Rio Grande : Hambledon Press, 1991. — 447 p.

14. *Hicks M.* Warwick the Kingmaker / M. Hicks. — Oxford : Blackwell, 1998. — xv, 346 p.

15. *Hicks M.* The 1468 Statute of Livery / M. Hicks // Historical Research. — 1991. — Vol. 64. — Issue 153. — Pp. 15—28.

16. *Hookham M. A.* The life and times of Margaret of Anjou, queen of England and France / M. A. Hookham. — London : Tinsley brothers, 1872. — Vol. 1. — 436 p.

17. *Horrox R.* Richard III : A Study of Service / R. Horrox. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 364 p.

18. *Johnson P. A.* Duke Richard of York 1411—1460 / P. A. Johnson. — Oxford : Clarendon Press, 1988. — 270 p.

19. *Lander J. R.* Crown and Nobility. 1450—1509 / J. R. Lander. — London : McGill-Queen's University Press, 1976. — 340 p.

20. *Mackman J. S.* The Lincolnshire Gentry and the Wars of the Roses / J. S. Mackman. — University of York, 1999. — 333 p.

21. *McFarlane K. B.* «Bastard Feudalism» / K. B. McFarlane // England in the Fifteenth Century / ed. by G. l. Harriss. — London : Hambledon Press, 1981. — Pp. 23—44.

22. *McKelvie G.* Bastard Feudalism, English Society and the Law : The Statutes of Livery, 1390—1520 / G. McKelvie. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2020. — 236 p.

23. *Pollard A. J.* The Northern Retainers of Richard Nevill, Earl of Salisbury / A. J. Pollard // Northern History. — Vol. 11 (1975—1976). — Pp. 52—69.

24. *Private* Indentures for Life Service in Peace and War 1278—1476 / ed. M. Jones and S. Walker. — Camden Fifth Series. — 1994. — Vol. 3. — Pp. 190.

25. *Rawcliffe C.* The Staffords, earls of Stafford and dukes of Buckingham, 1394—1521 / C. Rawcliffe. — Cambridge, London, New York, Melbourne : Cambridge University Press, 1978. — 280 p.

26. *Ross C. D.* Edward IV / C. D. Ross. — Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1974. — XVI, 479 p.

27. *Ross J.* John de Vere, Thirteenth Earl of Oxford, 1442—1513 : 'The Foremost Man of the Kingdom' / J. Ross. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2011. — 294 p.

28. *Ross J.* The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages / J. Ross // English Historical Review. — 2018. — Vol. 133. — № 564. — Pp. 1027—1059. — DOI: 10.1093/ehr/cey275.

29. *Rowney I.* The Hastings Affinity in Staffordshire and the Honour of Tutbury / I. Rowney // Historical Research. — 1984. — Vol. 57. — Issue 135. — Pp. 35—45.

30. *Storey R. L.* English officers of state, 1399—1485 / R. L. Storey // Bulletin of the Institute of Historical Research. — 1958. — XXXI. — Pp. 89—92.

31. *Storey R. L.* The wardens of the marches of England towards Scotland 1377—1489 / R. L. Storey // English Historical Review. — 1957. — Vol. 72. — № 285. — Pp. 593—615.

32. *Storey R. L.* The End of the House of Lancaster / R. L. Storey. — Manchester : Stein and Day, 1966. — 278 p.

33. *Thomson J. A. F.* The Courtenay Family in the Yorkist Period / J. A. F. Thomson // Historical Research. — 1972. — Vol. 45. — Issue 112. — Pp. 230—246.

34. *Wedgwood J.* History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439—1509 / J. Wedgwood, A. Holt. — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1936. — 666 p.

Material resources

Calendar of the Patent Rolls. Henry VI, 6 (1452—1461). (1971). London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 1057 p.

Calendar of the Patent Rolls. Edward IV (1461—1467). (1971). London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 731 p.

Calendar of the Patent Rolls. Edward IV, Edward V, Richard III (1476—1485). (1901). London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 727 p.

Gairdner, J. (ed.). (1876). Gregory's Chronicle. In: *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century.* London: Nicholas and sons. 57—239.

Gairdner, J. (ed.). (1880). A Short English Chronicle. In: *Three Fifteenth century Chronicles.* London: J. B. Nichols and sons. 1—80.

Gairdner, J. (ed.). (1880). Brief Latin Chronicle. In: *Three Fifteenth century Chronicles.* London: J. B. Nichols and sons. 164—185.

Hearnii, T. (1770). *Lelandi Joannis Antiqurii de Rebvs Britannicis Collecyanea, 3.* London: Impenses GVL. et JO. Richardson. 400 p. (In Latin.).

Oxford Dictionary of National Biography. Available at: http://www.oxforddnb.com (accessed 21.05.2022).

Strachey, J. (1832). *Rotuli Parliamentorum, 6 (1472—1503).* London: [b. i.]. 555 p. (In Ital.).

The Ballad of Bosworth Field. Available at: http://www.r3.org/richard-iii/the-battle-of-bosworth/the-ballad-of-bosworth-field/ (accessed 24.05.2022).

Worcester, W., Stevenson, J. (ed.). (1864). Annales rerum anglicanum. In: *The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth, 2 (2).* London: [b. i.]. 743—793.

References

Beech, G. (1992). Prosopography. In: *Medieval studies: an introduction.* Syracuse: Syracuse University Press. 185—226.

Booth, P. W. N. (1997). Landed Society in Cumberland and Westmorland, c. 1440—1485. In: *The Politics of the Wars of the Roses.* Leicester: [b. i.]. 288 p.

Burley, P., Elliott, M., Watson, H. (2007). *The Battles of St Albans.* Pen & Sword. 182 p.

Carpenter, C. (1992). *Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society, 1401—1499.* Cambridge: Cambridge University Press. 295 p.

Dunham, W. (1955). *Lord Hastings' Indentured Retainers 1461—1483.* New Haven: Yale University Press. 175 p.

Feasts, A. G. (2020). Prosopographic database of participants in the battles of the Wars of the Roses. *Bulletin of the North-Eastern State University. History, 1 (3):* 37—47. (In Russ.).

Griffiths, R. A. (1981). *The Reign of King Henry VI.* Berkeley: Ernest Benn. 968 p.

Griffiths, R. A. (1991). *King and Country: England and Wales in the Fifteenth Century.* London: Hambledon Press. 408 p.

Griffiths, R. A., Thomas, R. S. (1997). *The formation of the Tudor dynasty.* Rostov-on-Don: Phoenix. 320 p. (In Russ.).

Hicks, M. (2013). *Bastard Feudalism.* London, New-York: Routledge. XII, 243 p.

Hicks, M. (2002). *English Political Culture in the Fifteenth Century.* London, New York: Routledge. 261 p.

Hicks, M. (1991). *Richard III and His Rivals: Magnates and Their Motives in the War of the Roses.* London and Rio Grande: Hambledon Press. 447 p.

Hicks, M. (1998). *Warwick the Kingmaker.* Oxford: Blackwell. xv, 346 p.
Hicks, M. (1991). The 1468 Statute of Livery. *Historical Research, 64 (153):* 15—28.
Holidays, A. G. (2020). To the question of "bastard feudalism". *Middle Ages, 81 (1):* 72—78. DOI: 10.7868/S0131878020010080. (In Russ.).
Hookham, M. A. (1872). *The life and times of Margaret of Anjou, queen of England and France, 1.* London: Tinsley brothers. 436 p.
Horrox, R. (1991). *Richard III: A Study of Service.* Cambridge: Cambridge University Press. 364 p.
Johnson, P. A. (1988). *Duke Richard of York 1411—1460.* Oxford: Clarendon Press. 270 p.
Jones, M., Walker, S. (eds.). (1994). Private Indentures for Life Service in Peace and War 1278—1476. *Camden Fifth Series, 3:* 190.
Lander, J. R. (1976). *Crown and Nobility. 1450—1509.* London: McGill-Queen's University Press. 340 p.
Mackman, J. S. (1999). *The Lincolnshire Gentry and the Wars of the Roses.* University of York. 333 p.
McFarlane, K. B. (1981). «Bastard Feudalism». In: *England in the Fifteenth Century.* London: Hambledon Press. 23—44.
McKelvie, G. (2020). *Bastard Feudalism, English Society and the Law: The Statutes of Livery, 1390—1520.* Woodbridge: Boydell & Brewer. 236 p.
Pollard, A. J. The Northern Retainers of Richard Nevill, Earl of Salisbury. *Northern History, 11 (1975—1976):* 52—69.
Rawcliffe, C. (1978). *The Staffords, earls of Stafford and dukes of Buckingham, 1394—1521.* Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press. 280 p.
Ross, C. D. (1974). *Edward IV.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press. XVI, 479 p.
Ross, J. (2011). *John de Vere, Thirteenth Earl of Oxford, 1442—1513: 'The Foremost Man of the Kingdom'.* Woodbridge: Boydell & Brewer. 294 p.
Ross, J. (2018). The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages. *English Historical Review, 133 (564):* 1027—1059. DOI: 10.1093/ehr/cey275.
Rowney, I. The Hastings Affinity in Staffordshire and the Honour of Tutbury / I. Rowney // Historical Research. — 1984. — Vol. 57. — Issue 135. — Pp. 35—45.
Storey, R. L. English officers of state, 1399—1485 / R. L. Storey // Bulletin of the Institute of Historical Research. — 1958. — XXXI. — Pp. 89—92.
Storey, R. L. (1957). The wardens of the marches of England towards Scotland 1377—1489. *English Historical Review, 72 (285):* 593—615.
Storey, R. L. (1966). *The End of the House of Lancaster.* Manchester: Stein and Day. 278 p.
Thomson, J. A. F. (1972). The Courtenay Family in the Yorkist Period. *Historical Research, 45 (112):* 230—246.
Wedgwood, J., Holt, A. (1936). *History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439—1509.* London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 666 p.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022,
одобрена после рецензирования 27.07.2022,
подготовлена к публикации 26.08.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Филимонов А. В. Провинциальное чиновничество Дальнего Востока и формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX веков / А. В. Филимонов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 505—530. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-505-530.

Filimonov, A. V. (2022). Provincial Officials of Far East and Formation of Regional Public Organizations in Last Quarter of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 11(6):* 505-530. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-505-530. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-505-530

Провинциальное чиновничество Дальнего Востока и формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX веков

Филимонов Александр Викторович
orcid.org/0000-0003-0839-4625
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
aleks.filimonoff@yandex.ru

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»
(Омск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 19-39-60013

Provincial Officials of Far East and Formation of Regional Public Organizations in Last Quarter of 19th — Early 20th Centuries

Alexander V. Filimonov
orcid.org/0000-0003-0839-4625
PhD in History
Researcher
aleks.filimonoff@yandex.ru

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 19-39-60013

© Филимонов А. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность чиновников по созданию общественных организаций и объектов социокультурной инфраструктуры Приморской области в последней четверти XIX — начале XX веков. На основе анализа архивных делопроизводственных материалов, отчетов общественных организаций и источников личного происхождения выявляется состав участников, мотивы, направления деятельности, формы и содержание вклада приморских служащих. Делается вывод о широком распространении социокультурной деятельности среди чиновников, включая представителей областной и окружной администрации, а также чиновников Главного управления Приамурского генерал-губернаторства. Автором установлены основные мотивы участия представителей администрации в образовании новых обществ и социокультурных объектов: должностная обязанность, подражание моде, личный интерес, социальная значимость. Выделены ключевые направления социокультурной деятельности: благотворительность, призрение и наука, а также отдельные инициативы в сферах просвещения, творчества и искусства, досуга. Определены основные формы вклада: участие, помощь в разработке и утверждении уставных документов, финансовые и материальные пожертвования, личное руководство, поиск единомышленников. Отмечается важность деятельности по созданию обществ и социокультурных объектов для выстраивания диалога администрации с населением и укрепления связи чиновников с регионом.

Ключевые слова:
чиновник; Приморская область; Дальний Восток; Российская империя; общественные организации; социокультурная инфраструктура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activity of officials in the creation of public organizations and objects of socio-cultural infrastructure of the Primorsky region in the last quarter of the 19th — early 20th centuries is considered. Based on the analysis of archival office materials, reports of public organizations and sources of personal origin, the composition of participants, motives, areas of activity, forms and content of the contribution of Primorye employees are revealed. It is concluded that socio-cultural activities are widespread among officials, including representatives of the regional and district administrations, as well as officials of the Main Directorate of the Amur Governorate General. The author established the main motives for the participation of representatives of the administration in the formation of new societies and socio-cultural objects: official duty, imitation of fashion, personal interest, social significance. The key areas of socio-cultural activities are identified — charity, care and science, as well as individual initiatives in the areas of education, creativity and art, leisure. The main forms of contribution are determined: participation, assistance in the development and approval of statutory documents, financial and material donations, personal guidance, search for like-minded people. The importance of activities to create societies and socio-cultural objects for building a dialogue between the administration and the population and strengthening the connection of officials with the region is noted.

Key words:
official; Primorsky region; Far East; Russian empire; public organizations; sociocultural infrastructure.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(571.6)“1875/1910”

Провинциальное чиновничество Дальнего Востока и формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX веков

© Филимонов А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Одной из актуальных проблем современного развития страны является формирование кадрового состава государственных служащих. Качественный подбор чиновников напрямую влияет на эффективность реализации государственных законов, программ. При этом чиновник должен выступать в качестве самостоятельного субъекта, посредника в отношениях «государство — общество», выстраивать диалог с населением, в том числе принимая на себя роль инициатора совместных мероприятий. Данные проблемы представляются более значительными на местном уровне ввиду серьезных внутри- и межрегиональных отличий в Российской Федерации. В связи с этим необходимо обратиться к историческому опыту адаптации управленческих, культурных, социальных практик в Российской империи.

Особое положение дальневосточного региона в составе российского государства отмечалось как современниками, так и исследователями. Значительная часть территории (Приамурье и Приморье) была присоединена к России в середине XIX века, и процесс ее включения в общеимперское пространство проходил существенно позднее, чем в соседней Сибири. Специфика региона находила отражение практически во всех сферах: от административного устройства, сельского хозяйства и ведения торговли до этносоциального состава и культурных обычаев местного населения.

Одним из проявлений своеобразия Дальнего Востока было формирование специфичной группы местного чиновничества. Обширность территории, отдаленность региона, затратность жизни, слабость инфраструктуры и культурных связей с центром страны оказывали существенное влияние на социокультурный облик администрации. Несмотря на то, что окраинная служба была связана с рядом законодательно закрепленных преимуществ (повышенное содержание, ускоренное производство в следующий чин, оплачиваемый отпуск, пятилетние прибавки к жалованию, «амурская пенсия»), в регионе постоянно наблюдался недостаток административного штата. По числу гражданских чиновников на население во второй половине XIX века Дальний Восток отставал от общероссийского уровня в три раза [Поповичева, 2004, с. 263—264]. Система управления практически

CC BY

полностью состояла из приезжих чиновников, карьера которых обычно была краткосрочной: менее трети прибывших в край оставались в штате после семи лет службы [Ремнев, 2004, с. 311].

В ходе продолжительного пребывания в регионе формировались характерные субъективные черты «амурского» чиновника: самостоятельность в принятии решений, особое неформальное отношение к начальству и подчиненным и др. [Поповичева, 2004, с. 266]. Одной из таких черт было активное участие в развитии местной общественной жизни. Представители администрации на Дальнем Востоке составляли значительный процент образованного населения (в конце XIX века почти половина чиновников региона имели высшее образование, что существенно превышало общероссийский уровень), а слабое развитие культурной сферы в сочетании с оторванностью от привычной жизни в европейской части страны вынуждало служащих брать на себя инициативу в соответствующих вопросах [Там же, с. 263].

Активизация социокультурной деятельности чиновников совпала на Дальнем Востоке с общим развитием данной сферы в конце XIX — начале XX веков. Так, за период 1872—1922 годов в регионе было создано 150 научных и культурно-просветительских организаций, а число действовавших благотворительных обществ к 1917 году составляло более 40 [Баубекова, 2016, с. 24; Лазарева, 2002, с. 215]. В этом отношении особо выделялась Приморская область. В конце XIX — начале XX века она стала центром переселенческого движения, археологических и антропологических исследований, дипломатических и торговых отношений, социальных проблем, требовавших организации системы помощи различным категориям населения. Влияние данных факторов выражалось в особом разнообразии социокультурных процессов в рамках региона, что обосновывает исследовательский интерес к данной территории.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В последние десятилетия в отечественной науке возрос интерес к исследованию истории Дальнего Востока. В числе перспективных для изучения выделяются вопросы, связанные с развитием социокультурной сферы и взаимоотношений представителей власти и местной общественности.

Обширную группу составляют исследования процесса развития общественных организаций на Дальнем Востоке. Особое значение имеют работы, в которых, помимо раскрытия внутренней структуры и динамики отдельных обществ, предпринимаются попытки выявления региональной специфики социокультурной деятельности. В этом отношении наиболее подробно исследованными представляются такие направления деятельности организаций, как наука, просвещение, благотворительность и общественное призрение.

CC BY

В работах О. А. Масло подробно рассмотрен ход создания научных организаций Дальнего Востока, их исследовательская и издательская деятельность. В качестве характерных для обществ данного региона черт автор выделяет один из самых демократичных по сословному и профессиональному признаку состав участников [Масло, 2011, с. 4]. Исследование С. А. Баубековой при сходной проблематике охватывает более широкую группу обществ — научные и культурно-просветительские. Подчеркивается вклад организаций в развитие книжной культуры региона, в частности, создание и поддержка библиотек [Баубекова, 2016]. С. И. Лазаревой был проведен анализ деятельности дальневосточных обществ благотворительности и призрения как части всероссийской структуры Ведомства учреждений императрицы Марии. В создании местных отделений автор видит проявление социальных инициатив групп населения и отдельных граждан в ответ на социально-экономические проблемы региона [Лазарева, 2002].

Помимо общественных организаций, в рамках исследования социокультурной сферы внимание исследователей привлекает история различных объектов инфраструктуры: библиотек, музеев, типографий, театров, художественных галерей, приютов и т. д. Основные подходы к изучению города как целостного социокультурного объекта, включающего перечисленные выше элементы, представлены в работах В. Г. Потапова [Потапов, 2007].

Отдельное направление исследований связано с выявлением специфики дальневосточного чиновничества. Представители администрации рассматриваются как одна из крупнейших групп в составе дальневосточной интеллигенции. Подчеркивается связь процесса формирования интеллигенции с созданием Приамурского генерал-губернаторства, правительственной колонизационной политикой и развитием культурной инфраструктуры в регионе [Новиков, 2000]. Отмечается трансформация группы местного чиновничества под влиянием реформ и общего изменения российского общества во второй половине XIX — начале XX веков. В качестве основных признаков модернизации государственного аппарата выделяются особый бюрократический стиль и язык, ведомственная корпоративность, интеллектуализация чиновничества. В рамках данного процесса также формировался особый окраинный тип российского чиновника — носителя имперских ценностей, управленческое поведение которого деформировалось под влиянием местной социокультурной среды [Ремнев, 2004, с. 20]. Приведенные положения получили развитие в конкретных исследованиях Дальнего Востока. На основе анализа сословной принадлежности, уровня образования, материального обеспечения, корпоративного мировоззрения и жизненного мира, карьерной траектории выделяется несколько основных групп дальневосточных чиновников [Поповичева, 2004, с. 265—266].

CC BY

Взаимоотношения власти и общественных организаций рассматриваются современными исследователями через призму борьбы и сотрудничества. Государственная политика в отношении общественных организаций представляла компромисс между жестким контролем и разрешением свободной деятельности [Котляр, 2007]. Специфика налаживания государственно-общественного диалога на Дальнем Востоке представлена работами по различным направлениям социокультурной деятельности, в частности, по организации системы социальной помощи. По свидетельству О. А. Петровой, государство претендовало на первенство в данном процессе, не предложив при этом единой программы действий для многочисленных местных субъектов общественного призрения. Социальное партнерство государственных органов и администрации с общественностью находилось в процессе зарождения [Петрова, 2011, с. 198].

Цель данного исследования — выявление особенностей участия представителей приморской администрации в создании общественных организаций и объектов социокультурной инфраструктуры, включая состав участников, их мотивы, направления деятельности, формы и содержание вклада. Выбор Приморской области объясняется наличием широкого спектра организаций в исследуемый период, а также возможностью охвата нескольких подгрупп чиновничества в соответствии с различными типами городов — областным, окружными и городом Хабаровском, сочетавшим в себе черты окружного города и центра генерал-губернаторства.

Методологической основой исследования является социокультурный подход, в рамках которого общество понимается как единство культуры и социальности, создаваемых и преобразуемых человеческой деятельностью. Использование регионально-управленческого подхода, в свою очередь, позволяет исследовать процесс адаптации российской бюрократии в региональных условиях, создание собственной управленческой среды.

Основную часть источниковой базы исследования составляют материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Значительный пласт делопроизводственных документов (переписка Приморского областного правления с окружной администрацией, Главным управлением Приамурского генерал-губернаторства, министерствами, местными и всероссийскими общественными организациями) позволяет подробно проследить различные аспекты процесса создания общественных организаций и объектов социокультурной инфраструктуры. Опубликованные отчетные документы общественных объединений содержат информацию о составе учредителей, их участии в обсуждении ключевых организационных вопросов. Для общей характеристики общественно-куль-

CC BY

турной и управленческой сфер в регионе привлекаются источники личного происхождения некоторых дальневосточных служащих.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социально-профессиональный состав чиновников Приморской области

Рассматривая чиновничество как единую социально-профессиональную группу, важно определить, какие его представители и подгруппы внесли наибольший вклад в создание общественных организаций и объектов социокультурной инфраструктуры. Это необходимо для определения степени распространения социокультурной деятельности среди чиновников в целом.

Лидерами в социокультурной сфере чаще всего выступали главы области. Данное положение объяснялось несколькими факторами. С одной стороны, они обладали определенными правовыми возможностями для влияния на процесс создания новых организаций. Учредители должны были представлять проект устава губернатору, во власти которого было оказать ему поддержку или подвергнуть критике при передаче в канцелярию приамурского генерал-губернатора или в соответствующее ведомство для утверждения [Котляр, 2007, с. 334—335; Очерки…, 2000, с. 151]. Особое значение такая поддержка приобретала при необходимости утвердить устав, отличный от рекомендованного правительством для определенного типа организаций. К губернатору как к главному представителю власти в крае обращались всероссийские общества как при необходимости открытия своих местных отделов, так и в целом при реализации научных, благотворительных и иных инициатив. С другой стороны, в связи с тем, что социокультурная сфера на Дальнем Востоке во многом формировалась чиновниками, главы администрации нередко брали на себя роль лидеров общественной жизни.

Практически все военные губернаторы Приморской области последней четверти XIX — начала XX веков принимали участие в создании новых организаций или объектов социокультурной инфраструктуры. Так, первая в крае филантропическая организация — Владивостокское благотворительное общество — была создана в 1876 году в период управления и при активном участии Г. Ф. Эрдмана и его супруги Э. Ю. Эрдман [Филатов]. Лидерство глав области сохранилось в период расцвета социокультурной сферы на Дальнем Востоке в последнее десятилетие XIX века. При военном губернаторе П. Ф. Унтербергере была возобновлена и расширена деятельность отделений РО КК; также он внес свои предложения в устав Владивостокского общества любителей гимнастики, ходатайствовал о создании отделения Русского технического общества во Владивостоке [РГИА

CC BY

ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1225, л. 5; ф. 1, оп. 2, д. 1178, л. 18; ф. 1, оп. 2, д. 1186, л. 1, 29]. После непродолжительного периода управления областью Д. И. Субботича, его преемник Н. М. Чичагов продолжил данную тенденцию. В течение 1899—1903 годов он активно участвовал в процессе создания Общества вспомоществования недостаточным студентам Восточного института и Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области, предпринял попытку открытия во Владивостоке филиала Общества востоковедения и лечебницы при местном отделении РО КК, а также оказывал поддержку учредителям Николаевского отделения Общества спасения на водах и Южно-Уссурийского благотворительного общества [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1830, л. 1; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 62, 67; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1479, л. 38; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1513, л. 6]. Военные и революционные события замедлили общественно-культурное развитие Приморской области, однако уже во второй половине 1900-х годов новый военный губернатор В. Е. Флуг организовал во Владивостоке богадельню для престарелых ветеранов войны, а в Николаевске — медицинскую колонию для прокажённых [Обухов]. Возглавлявший область в 1911 — начале 1914 года генерал-майор М. М. Манакин стал членом-учредителем Приморского общества сельского хозяйства во Владивостоке, а также его первым председателем [РГИА ДВ, ф. 55, оп. 1, д. 7, л. 2а, 21].

Существенную роль в создании новых организаций и объектов социокультурной инфраструктуры играли служащие Приморского областного правления и администрации приамурского генерал-губернатора. Особо выделялись лица, занимавшие должность вице-губернатора. В связи с частым отсутствием главы области (разъезды по области, служебные поездки в Петербург, отпуск) исполнявшие их обязанности чиновники должны были хорошо разбираться во всех управленческих вопросах и уметь самостоятельно принимать решения (в том числе в отношении ходатайств об открытии общественных объединений). В 1886—1910 годах должность вице-губернатора бессменно занимал Я. П. Омельянович-Павленко. В течение данного периода ему неоднократно приходилось вести переписку с учредителями организаций — Общества вспомоществования ученикам Владивостокской гимназии, отделения Общества спасения на водах в Николаевске и др. После введения в действие Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 года он председательствовал в Приморском областном по делам об обществах и союзах присутствии по делу об утверждении устава Владивостокского общества «Эсперо» (23 февраля 1910 года) [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 2048, л. 9].

Помимо вице-губернатора, участие в социокультурной деятельности принимали и другие служащие областного правления. В связи с боль-

CC BY

шим объемом служебных обязанностей и ограниченными финансовыми возможностями обычно их вклад ограничивался одним или несколькими организациями или социокультурными объектами: Общественная библиотека Николаевска (Г. И. Андреев), Народный дом во Владивостоке (Ф. Л. Вильчинский), Южно-Уссурийское благотворительное общество (Н. А. Говорков), Приморское общество сельского хозяйства (Н. И. Гауффе, Л. Г. Синеков-Андриевский и А. В. Суханов) [Исторический очерк…, 1899, с. 114; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 2428, л. 5 об.; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 17; РГИА ДВ, ф. 55, оп. 1, д. 7, л. 2—2аоб.].

В особую подгруппу следует выделить глав окружной администрации и полиции. Подобно военным губернаторам, они нередко вынуждены были брать на себя роль лидеров местной общественной жизни. Это отчасти позволяло компенсировать замедленное развитие социокультурной сферы в окружных городах. Благодаря инициативам начальника Южно-Уссурийского округа И. С. Вологдина, хабаровского полицмейстера А. Ф. Гара, начальника Южно-Уссурийского округа и исправника Южно-Уссурийского полицейского управления П. А. Занадворова, начальника Удского округа Р. С. Сахарова, николаевского городского полицмейстера С. П. Хабарова, хабаровского и владивостокского полицмейстера А. М. Чернова, а также их подчиненных — чиновника Южно-Уссурийского полицейского управления А. И. Гамова-Тайшина, сотрудника полиции Софийского, Удского, Южно-Уссурийского округов А. В. Суханова и др. — были созданы Никольск-Уссурийское Общество народных чтений, Николаевское благотворительное общество, отделы Российского общества спасения на водах в Николаевске и Хабаровске, библиотека при Южно-Уссурийском полицейском управлении и библиотека-читальня Южно-Уссурийского благотворительного общества, дом призрения для калек и нищих в Хабаровске [130 лет…; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1607, л. 12; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1521, л. 2; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1890, л. 28; РГИА ДВ, ф. 5, оп. 1, д. 526, л. 272].

Еще одной специфической подгруппой в составе приморской администрации были служащие, должностные обязанности которых были связаны с сельским хозяйством и переселением. Для них была особенно характерна тесная взаимосвязь служебных обязанностей с направлением внеслужебных занятий. Одним из первых представителей данной подгруппы являлся начальник Южно-Уссурийского переселенческого управления Ф. Ф. Буссе, участвовавший в середине 1880-х годов в создании Общества изучения Амурского края (далее — ОИАК) и Общества народных чтений во Владивостоке [Очерки…, 2000, с. 183; Баубекова, 2016, с. 149]. Один из преемников Буссе на должности заведующего переселением Н. Л. Гон-

CC BY

датти в конце 1890-х годов вошел в число учредителей Владивостокского отделения Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1497, л. 24 об.]. Другие чиновники Переселенческого управления (помощники заведующего переселением, заведующие подрайонами, сельскохозяйственными складами, чиновники особых поручений), а также сотрудники ведомств МЗиГИ (ГУЗиЗ) и МВД (управляющие государственными имуществами Приамурского генерал-губернаторства и Приморской области, непременный член приморского областного по крестьянским делам присутствия, крестьянский начальник) объединили усилия для создания в 1911 году Приморского общества сельского хозяйства [РГИА ДВ, ф. 55, оп. 1, д. 7, л. 2—3].

3.2. Основные мотивы участия представителей чиновничества в социокультурной деятельности

Выявление мотивов, характерных для отдельных служащих и чиновничества как социально-профессиональной группы, является одной их наиболее сложных исследовательских задач.

Для некоторых представителей администрации (прежде всего глав области и округов) участие в социокультурной деятельности являлось практически обязательным. Чиновники нередко получали просьбы о содействии открытию местных отделений общероссийских организаций (РО КК, Российского общества спасания на водах и др.) от их председателей или вышестоящих бюрократических инстанций. Так, 15 января 1890 года к военному губернатору П. Ф. Унтербергеру обратился председатель РО КК с просьбой взять на себя работу по возобновлению деятельности отделения во Владивостоке [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 4383, л. 6—6 об.]. 18 марта 1895 года Унтербергер получил письмо министра юстиции с предложением содействовать открытию местного отделения благотворительного общества судебного ведомства [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 4430, л. 14]. Циркуляром МВД от 3 марта 1899 года военному губернатору Приморской области Н. М. Чичагову предлагалось способствовать открытию городских попечительств о бедных [Петрова, 2011, с. 146].

Представители дальневосточной администрации, состав которой в основном формировался из чиновников Европейской России, нередко были подвержены влиянию моды, привозили с собой «предметы культуры и искусства, определенные эстетические вкусы и культурные запросы» и пытались воспроизвести привычную столичную культуру на новом месте службы [Новиков, 2000]. Данный мотив играл важную роль в открытии многих местных обществ, в частности, благотворительных, просветительных и досуговых. Таким образом, чиновники могли соответствовать веяниям времени, подражать членам императорского дома или влиятельным сановникам. Подобное

CC BY

впечатление сложилось у писателя М. Г. Гребенщикова во время поездки по Дальнему Востоку в середине 1880-х годов: он отмечал, что ОИАК, музыкальный и драматический кружки во Владивостоке производили впечатление детей, играющих «в больших» [Гребенщиков, 1887, с. 92]. Отчасти этот мотив также был связан со стремлением преодолеть вакуум культурной жизни на Дальнем Востоке. Один из местных служащих конца XIX века писал: «Особенно тяжело отзывались условия здешней жизни на приехавших из Европейской России людях интеллигентского класса» [Любимов, 1914, с. 451]. «Тоска по далекой родине, гнетущее чувство одиночества и неудовлетворенность духовных потребностей…» вынуждали брать на себя создание соответствующих организаций и объектов инфраструктуры [Там же].

Важную роль во включении чиновника в социокультурную деятельность играла его личная мотивация, стремление к саморазвитию. Создание организаций и объектов инфраструктуры позволяло выйти за границы служебных обязанностей и раскрыть свой потенциал как благотворителя, исследователя края, просветителя и т. д. В этом отношении следует особо отметить заведующего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае Ф. Ф. Буссе. Обладая достаточно широкими должностными полномочиями для реализации важных инициатив по социальной поддержке переселенцев, чиновник в то же время испытывал необходимость в развитии своего исследовательского таланта. Соответствующая возможность представилась с созданием в 1884 году ОИАК. При обсуждении проекта общества Буссе выступил сторонником широкого организованного научного исследования края. После открытия ОИАК он лично занимался археологическими раскопками, несмотря на большой объем служебных обязанностей, и этим подавал пример другим членам общества.

Для внеслужебной деятельности многих чиновников был характерен мотив социальной значимости. Участие в создании новых общественных организаций и объектов социокультурной инфраструктуры воспринималось как важный вклад в развитие местного общества и края в целом. Подобная позиция нередко декларировалась в официальных документах, делопроизводственной переписке, устных заявлениях. Так, военный губернатор Н. М. Чичагов в телеграмме председательнице временного комитета Южно-Уссурийского благотворительного общества поддержал инициативу создания организации, отметив ее важность для города и округа [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 2]. Во время торжественного открытия Приамурского отдела Общества Востоковедения 27 марта 1912 года его первый председатель Н. Л. Гондатти в речи указал на значение организации в деле изучения края и сопредельных стран, предлагал привлечь в состав лиц, «так или иначе знающих край и интересующихся им» и организовать

CC BY

деятельность на принципе открытости и доступности «широкой публике» [Масло, 2011, с. 158; Хисамутдинов].

Доказательством искренней заинтересованности чиновников можно считать продолжение активного участия в делах обществ и социокультурных объектов после их создания. Так, чиновники Г. И. Андреев и П. А. Занадворов, способствовавшие открытию первых библиотек в области, впоследствии активно занимались пополнением книжного фонда. Важную роль в создании Приморского общества сельского хозяйства во Владивостоке в 1911 году сыграл старший советник Приморского областного правления А. В. Суханов. После открытия он был избран первым председателем организации и регулярно принимал участие в ее деятельности, в том числе после отставки в 1916 году [Троицкая].

В целом мотивы участия чиновников в социокультурной деятельности не были взаимоисключающими: служебная обязанность могла сочетаться с личным интересом, а мода на определенные общественные инициативы не означала отсутствие стремления к развитию края.

3.3. Направления социокультурной деятельности служащих Приморской области

Исследуя вклад чиновников Приморской области в создание общественных организаций и соответствующей инфраструктуры, необходимо соотнести его с основными направлениями социокультурной деятельности, характерными для конца XIX — начала XX веков. По свидетельству Н. Л. Гондатти, «…специализация — один из признаков развития и прогресса; специализация не есть дробление сил, а лишь их разложение к более лёгкому достижению общей цели. И то, что здесь, в центре Дальнего Востока, образуются отдельные общества, близкие к преследуемым целям, является показателем того, что край наш настолько развился, что наше общество в состоянии выделять лиц, специально подготовленных, разделить тяготу общей работы по отдельным отраслям знания» [Цит. по: Масло, 2011, с. 56].

Благотворительность и призрение были одними из наиболее стабильно поддерживаемых администрацией направлений, начиная с военного губернатора Г. Ф. Эрдмана и его жены Э. Ю. Эрдман, участвовавших в создании Владивостокского благотворительного общества в 1876 году. Для глав областей и губерний филантропическая деятельность во многом являлась общественным и отчасти государственным долгом. Они принадлежали к числу немногих служащих, способных не только организовать и добиться официального разрешения для подобных обществ, но и финансово поддерживать их деятельность благодаря значительному размеру жалования (содержание высших чиновников Дальнего Востока составляло от 5 до 30 тыс. руб. в год) [Поповичева, 2004, с. 264].

CC BY

Важным импульсом для развития системы мер социальной поддержки населения стало правительственное решение 1 июня 1882 года об организации переселения крестьян на Дальний Восток. Вскоре после начала морских перевозок переселенцев судами Добровольного флота начальник Южно-Уссурийского округа П. А. Занадворов выступил инициатором открытия Общества оказания помощи переселенцам. О деятельности чиновника в рамках организации писала газета «Владивосток»: «К нему охотно шли нуждающиеся, зная, что от него получат ссуду. Мы неоднократно печатали его отчеты, из которых видно, что пожертвованные суммы не лежали без пользы в кассе общества, а вращались между нуждающимися. Это была действительная помощь, которую не забудет бедняк-переселенец» [Цит. по: Лынша].

Переселенческое направление благотворительности и призрения было позднее продолжено Н. М. Чичаговым и Н. Л. Гондатти. В 1899 году приморский военный губернатор Чичагов выступил инициатором создания Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1830, л. 1]. После открытия общества он был избран почетным членом и первым председателем его совета. Гондатти в период заведования переселением в Уссурийском крае и временного исполнения должности вице-губернатора Приморской области принял участие в создании Владивостокского отделения Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области. В 1901 году он возглавил вновь открытое отделение, таким образом совместив служебные обязанности с общественной ролью [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1497, л. 24 об.]. Позднее под его руководством при обществе был организован приют для вдовцов и вдов.

Участие Н. М. Чичагова и Н. Л. Гондатти в сфере благотворительности и призрения не ограничивалось помощью переселенцам. Военный губернатор Чичагов сыграл одну из ведущих ролей в создании Общества вспомоществования недостаточным студентам Восточного института. 18 мая 1900 года он пригласил учредителей общества на собрание, участвовал в разработке устава и был избран председателем 11 голосами [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1460, л. 4—4 об.]. Благодаря личному ходатайству Чичагова исполняющий должность (и. д.) приамурского генерал-губернатора А. С. Беневский разрешил открытие общества до официального утверждения устава [Там же, л. 1]. Гондатти также являлся одним из учредителей и членов этой организации.

В 1900 году свою деятельность начало Южно-Уссурийское благотворительное общество. Глава области Н. М. Чичагов 27 сентября 1900 года отправил телеграмму председательнице комитета К. Вологдиной, в которой просил включить его в состав членов, сообщал о своем пожертвовании в 100 руб. и предлагал выбрать временный комитет и приступить к деятель-

CC BY

ности [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 2]. Важно отметить, что, помимо губернатора, в состав учредителей организации вошли также другие представители приморской администрации: начальник Южно-Уссурийского округа И. С. Вологдин, чиновник Южно-Уссурийского полицейского управления А. И. Гамов-Тайшин и уездный казначей Никольск-Уссурийского казначейства И. П. Губанов. Эта же группа чиновников в 1903 году участвовала в утверждении правил библиотеки-читальни общества [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 70; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1521, л. 30]. Смещение направления деятельности общества в сторону образования и просвещения объяснялось его членами тем, что государство более активно занялось развитием медицинской инфраструктуры в округе [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1521, л. 1].

Особое место в сфере благотворительности и призрения занимало РО КК. 3 мая 1867 года Александр II утвердил устав «Российского общества попечения о раненых и больных воинах», которое в 1879 году получило новое название — «Российское общество Красного Креста». Начав с оказания помощи пострадавшим в период военных конфликтов, организация постепенно расширяла свою деятельность внутри страны. К концу XIX века была создана сеть местных отделений общества, распространившаяся в числе прочего на Дальний Восток. 16 мая 1881 года в селе Никольском открылось местное управление РО КК, одним из учредителей которого выступил пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнин [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 838, л. 10].

Новый импульс развитию деятельности РО КК в Приморской области придал военный губернатор П. Ф. Унтербергер. 15 января 1890 года РО КК обратилось к нему с просьбой помочь в восстановлении дальневосточных отделений, приостановивших к тому времени деятельность из-за недостаточного числа членов. Губернатору было предложено организовать во Владивостоке центральный орган общества для всего региона [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 4383, л. 6—6 об.]. После проведенного 4 декабря 1891 года под руководством Унтербергера обсуждения соответствующих вопросов с местными членами общества и другими заинтересованными лицами отделения РО КК в области постепенно возобновили свою работу.

Заметную роль дальневосточные чиновники сыграли в развитии системы общественного призрения. В первой половине 1890-х годов хабаровским полицмейстером А. М. Черновым были составлены проекты городского приюта для престарелых и инвалидов [130 лет…]. В конце 1890-х годов благодаря содействию преемника Чернова на должности полицмейстера А. Ф. Гара в Хабаровске открылся дом призрения для городских калек и нищих, содержащихся при полицейском управлении на пожертвования граждан [Там же]. Свой вклад в развитие системы органов призрения

CC BY

на Дальнем Востоке внес старший чиновник Приморского областного правления А. В. Суханов. Как отмечала владивостокская газета «Голос Родины», «его исключительной энергии обязан своим возникновением Инвалидный дом на Седанке» (название реки и железнодорожной станции рядом с Владивостоком. — *А. Ф.*) [Троицкая].

Сравнимое с благотворительностью и призрением значение для приморской администрации имела научная деятельность. С момента присоединения к Российской империи Приамурский край нуждался в организованном всестороннем научном исследовании. В связи с этой необходимостью в 1884 году возникает Общество изучения Амурского края. Примечательно, что изначально при обсуждении на квартире владивостокского прокурора И. А. Бушуева с участием флотского механика А. М. Устинова, чиновника В. П. Маргаритова, редактора газеты «Владивосток» Н. В. Соллогуб и нескольких офицеров речь шла о создании музея во Владивостоке [Отчет Общества…, 1894, с. 1—4]. Во многом благодаря позиции заведующего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае Ф. Ф. Буссе было решено перейти к созданию общественной организации с более широкими научными целями. Как представитель дальневосточной администрации, прослуживший к тому времени в регионе более 20 лет, он хорошо понимал необходимость проведения научного изучения территории. После открытия ОИАК Буссе был избран его первым председателем и принимал активное участие во многих инициативах, включая учреждение музея при обществе и организацию ряда археологических экспедиций [Масло, 2011, с. 93]. Общество также получило поддержку приморского военного губернатора А. Ф. Фельдгаузена. В начале апреля 1884 года он разрешил ОИАК начать деятельность на основании проекта устава до его официального утверждения, а позднее был избран его почетным членом [Отчет Общества…, 1894, с. 4; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1273, л. 75—76].

Особое место среди окружных центров Приморской области занимал Хабаровск, являвшийся резиденцией приамурского генерал-губернатора. Подобное положение вело к формированию значительного по региональным меркам штата чиновников, многие из которых принимали активное участие в общественной жизни края. В 1894 году по инициативе генерал-губернатора С. М. Духовского в Хабаровске был открыт Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (далее — ПО ИРГО). Организационная работа легла на его первого помощника Н. И. Гродекова, недавно переведенного на Дальний Восток. При непосредственном участии Гродекова разрабатывалось положение о целях и задачах новой организации, он также возглавил временный распорядительный комитет, а позднее — совет отдела [Гродеков…].

CC BY

После назначения на должность приамурского генерал-губернатора, Н. И. Гродеков сохранил заинтересованность в организации широкого научного изучения региона. 10 июля 1901 года он обратился к приморскому военному губернатору Н. М. Чичагову с предложением помочь в создании владивостокского и хабаровского филиалов Общества востоковедения [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1513, л. 1]. Генерал-губернатор просил передать вопрос на обсуждение ОИАК и лиц, заинтересованных в научном и экономическом сближении России с государствами Дальнего Востока. Чичагов направил предложение в ОИАК, а 10 декабря 1901 года обратился к директору Восточного института Д. М. Позднееву, прося взять на себя инициативу в организации владивостокского отделения [Там же, л. 6]. Идея не получила поддержки: директор неоднократно безуспешно пытался привлечь представителей местных торговых фирм, получая однообразный ответ о том, что в связи с недостатком свободного времени их участие ограничится внесением членских взносов [Там же, л. 14]. В начале 1910-х годов дело по созданию отдела Общества востоковедения в Хабаровске было возобновлено приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти. Соответствующая мысль была высказана им 30 сентября 1911 года на собрании заинтересованных лиц, а 30 января 1912 года министр торговли и промышленности С. И. Тимашев утвердил положение отдела [Масло, 2011, с. 157—158]. В состав учредителей, помимо генерал-губернатора, вошли и другие представители дальневосточной администрации, известные исследователи края: В. К. Арсеньев, Н. В. Слюнин, Л. Г. Ульяницкий [Там же, с. 158].

Особое место в структуре научных организаций занимали сельскохозяйственные общества. Ведя теоретические исследования, они также имели практическую направленность в виде организации опытных полей и проведения агрономических мероприятий для сельских хозяев. Инициатива создания в 1911 году Приморского сельскохозяйственного общества принадлежала старшему советнику Приморского областного правления А. В. Суханову. Он был избран членом правления и в январе 1912 года получил от общества предложение представлять его интересы во Владивостокском выставочном комитете к Хабаровской выставке [РГИА ДВ, ф. 55, оп. 1, д. 36, л. 64—64 об.]. Помимо Суханова, в состав учредителей общества вошли преимущественно чиновники, служебная деятельность которых была связана с аграрной сферой: представители местных учреждений Главного управления земледелия и государственных имуществ М. С. Веденский, П. И. Делле, служащие Переселенческого управления А. Е. Зеленин, Д. И. Золотов, А. Г. Коровин, Ю. О. Наркевич, А. М. Орбелиани, В. И. Рубинский, М. Н. Савинский, Ф. М. Силаев, крестьянский начальник Д. А. Холодцов и др. (всего не менее 15 человек).

CC BY

Параллельно с открытием научных организаций шло создание социокультурных объектов научно-просветительского характера. Советник приморского областного правления Г. И. Андреев учредил в Николаевске в 1878 году общественную библиотеку преимущественно для служащих и стал ее первым председателем. Под его руководством посредством добровольной подписки в течение достаточно короткого времени фонд библиотеки пополнился более чем 1,4 тыс. книг [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 2428, л. 6]. В 1882 году по инициативе начальника Южно-Уссурийского округа П. А. Занадворова была открыта библиотека при Южно-Уссурийском полицейском управлении в селе Никольском. Ее основой стали сочинения русских писателей, приобретенные чиновником на сумму в 300 руб. Деньги были пожертвованы в 1873 году великим князем Алексеем Александровичем Романовым с адресным пожеланием учредить в крае библиотеку «с сочинениями по всем отраслям человеческих знаний» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1521, л. 2]. Важно отметить, что пользоваться книгами могли не только сотрудники полицейского управления, но также жители Никольского и близлежащих селений. Занадворов прилагал все усилия для пополнения библиотеки, выписывая книги за свой счет и собирая их у других людей — в результате под его руководством фонд был доведен до 2 тыс. экземпляров [Там же]. Чиновник также получал книги на иностранных языках из Императорской Академии наук в обмен на чучела, шкуры местных зверей и птиц [Лынша].

Проводя подготовку к открытию ПО ИРГО, первый помощник приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродеков руководствовался мыслью о важности формирования соответствующей инфраструктуры для эффективной деятельности организации. Чиновник взял на себя инициативу по созданию при отделе музея и библиотеки. Гродеков лично контролировал ход строительства здания музея, способствовал открытию его первых экспозиций, передал учреждению многие личные коллекции, в частности, собрание почтовых марок и чучела птиц с Филиппинских островов [Масло, 2011, с. 167; Гродеков…].

Первым директором Николаевской публичной библиотеки в составе ПО ИРГО стал делопроизводитель канцелярии приамурского генерал-губернатора В. В. Перфильев. За время работы на этом поприще (1894—1900 годы) чиновник разработал основные документы о деятельности библиотеки («Положение...», «Правила пользования...», «Инструкцию к заведыванию...» и др.), ввел научную расстановку и учет фонда [Лящук, 2014, с. 247]. Важно отметить, что он работал в библиотеке на общественных началах, без вознаграждения. Перфильев смог добиться расширения площади библиотеки: по его инициативе были открыты читальный зал и зал

CC BY

для научных занятий. Чиновник также основал фонд «книжных редкостей и исторических памятников» [Там же, с. 248].

В отличие от благотворительности, призрения, науки, вклад представителей приморской администрации в сфере просвещения был значительно скромнее. Деятельность соответствующих общественных организаций достаточно жестко контролировалась местной администрацией по цензурным соображениям. Тем не менее некоторые служащие принимали участие в подобных объединениях. Так, в создании Общества народных чтений во Владивостоке в 1886 году участвовал переселенческий чиновник Ф. Ф. Буссе, а в Никольске-Уссурийском в начале 1900-х годов — начальник Южно-Уссурийского округа И. С. Вологдин и чиновник Южно-Уссурийского полицейского управления А. И. Гамов-Тайшин [Баубекова, 2016, с. 148—149; РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1682, л. 1]. В рамках владивостокского Общества народных чтений возникла идея открытия народного дома с культурно-просветительными целями. В его финансировании и строительстве участвовали заведующий переселением в Южно-Уссурийском крае Н. Л. Гондатти и делопроизводитель Приморского областного правления Ф. Л. Вильчинский [РГИА ДВ, ф. 202, оп. 1, д. 1, л. 134—135; Исторический очерк…, 1899, с. 114].

В рамках внеслужебной деятельности дальневосточных чиновников конца XIX века постепенно получили развитие инициативы, связанные с искусством, творчеством. Одним из членов-учредителей Общества любителей фотографического искусства, открывшего свои действия в Хабаровске 15 марта 1894 года, был чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе П. П. Шимкевич [Валиев]. Ведущие позиции в организациях подобного характера также нередко занимали жены высших чиновников региона. Супруга приамурского генерал-губернатора В. Ф. Духовская участвовала в создании кружка любителей музыкально-драматического искусства в Хабаровске. После его открытия 30 сентября 1893 года она была избрана его первым председателем, занималась устройством концертов [Мизь, 1997, с. 22]. В 1897 году жена военного губернатора Приморской области О. И. Субботич выступила с инициативой создания Хабаровского общества любителей рисования и живописи и стала его первой председательницей [Жуков].

Социокультурная деятельность представителей приморской администрации не ограничивалась рассмотренными выше направлениями. В конце 1893 года военный губернатор П. Ф. Унтербергер ходатайствовал об утверждении устава Владивостокского общества любителей гимнастики перед приамурским генерал-губернатором [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1178, л. 18]. Сменивший Унтербергера Д. И. Субботич и вице-губерна-

CC BY

тор Я. П. Омельянович-Павленко в 1898 году вели переписку по поводу открытия Общества покровительства животным во Владивостоке, в числе прочего обеспечили содействие полиции в вопросах охраны животных [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1319, л. 28—28 об.].

3.4. Вклад приморской администрации в создание общественных организаций и социокультурной инфраструктуры

Определение состава участников, мотивов их участия и основных направлений деятельности позволяет перейти к выявлению вклада представителей приморской администрации в создание новых организаций и социокультурных объектов. Особое внимание необходимо уделить формам данного вклада и отражению в нем специфики социально-профессиональной группы чиновничества.

Наиболее распространенным среди служащих было простое участие в качестве одного из учредителей общественной организации или объекта социокультурной инфраструктуры. Данная форма вклада была наименее специфичной для чиновничества как группы и не требовала серьезных затрат времени и средств. Тем не менее подпись под уставом чиновника, имевшего вес в местном обществе, могла сыграть положительную роль в развитии объединения. Так, несмотря на то что инициатором создания Общества вспомоществования ученикам Владивостокской гимназии был директор этого учебного заведения Н. Г. Вознесенский, во многом именно благодаря вхождению в состав приморского вице-губернатора Я. П. Омельяновича-Павленко организация смогла широко развернуть свою деятельность [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1328, л. 13 об.—14].

В сравнении с простым участием финансовые или материальные пожертвования служащих в пользу создававшейся организации или инфраструктурного объекта встречались значительно реже. В отличие от ежегодных взносов в уже действовавших обществах, эти расходы не имели обязательного, регулярного характера и могли достигать значительных размеров. Данное обстоятельство ограничивало круг возможных участников, поскольку рядовое чиновничество Дальнего Востока не обладало большими денежными возможностями. Пожертвования могли использоваться для разных целей, например, для формирования фондов и коллекций библиотек и музеев. Способствуя открытию музея при ПО ИРГО в 1894 году, помощник приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродеков передал ему ряд своих коллекций, а также завещал значительную сумму денег и личную библиотеку [Масло, 2011, с. 167; Гродеков…]. Первый директор Николаевской публичной библиотеки в составе ПО ИРГО делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора В. В. Перфильев приобретал новые издания за собственные деньги [Лящук, 2014, с. 247—248].

CC BY

Сбор средств для открытия общества или инфраструктурного объекта был характерен также для сферы благотворительности и призрения. Как мы уже указывали ранее, военный губернатор Н. М. Чичагов в сентябре 1900 года отправил телеграмму председательнице благотворительного общества К. Вологдиной: «Всегда желал учреждения в Никольске благотворительного общества — прошу вас записать меня членом, высылаю 100 рублей. Примите мою сердечную признательность за почин по этому доброму и важному делу» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1480, л. 2]. Собранные средства нередко использовались для строительства объектов социокультурной инфраструктуры. В конце 1890-х годов несколько чиновников внесли пожертвования на постройку народного дома во Владивостоке, включая делопроизводителя Приморского областного правления Ф. Л. Вильчинского (25 руб.) [Исторический очерк…, 1899, с. 114].

Еще одной разновидностью вклада был поиск и привлечение к участию единомышленников. В большей степени это было характерно для высших должностных лиц в области, имевших широкий круг знакомств и значительное влияние в местном обществе. 19 октября 1891 года приамурское окружное правление РО КК предложило военному губернатору П. Ф. Унтербергеру «принять меры к более широкому распространению в Крае знакомства с задачами Красного Креста» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 1225, л. 5]. Пользуясь должностным положением, Унтербергер направил соответствующее распоряжение окружным начальникам и полицмейстерам, а также некоторым военным чинам. Военный губернатор также объявил о том, что ввиду важного положения Владивостока он посчитал необходимым «восстановить местный орган общества Красного Креста и те виды его деятельности, развитие которых весьма желательно для оказания пособия пострадавшим от общественных бедствий» [Там же, л. 14]. Для этого он просил членов общества и сочувствующих прийти на собрание 4 декабря в здание областного правления для обсуждения организационных вопросов, включая выбор должностных лиц [Там же]. На соответствующем документе были поставлены подписи ряда местных лиц, включая чиновников и членов отделения РО КК во Владивостоке, что свидетельствовало об успешности инициативы [Там же, л. 21—32].

В 1901 году заведующий переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае Н. Л. Гондатти выступил одним из учредителей Владивостокского отделения Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области и был назначен его первым председателем. Одним из наиболее важных в период его управления был вопрос о строительстве при организации приюта вдовцов и вдов. Был возбужден вопрос об отводе для здания 900 кв. саженей земли в Никольске-Уссурийском. Вопрос получил

CC BY

благоприятное разрешение благодаря тому, что Гондатти заручился согласием местной городской думы [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1497, л. 40 об—41].

Одной из наиболее существенных форм вклада было участие в составлении устава. Любое решение, принятое в процессе разработки проекта, могло повлиять на общее направление работы общественного объединения. При обсуждении вопроса о создании музея во Владивостоке заведующий переселением Ф. Ф. Буссе выступил за создание полноценной научной организации: «… только общество может путем письменных сношений с разными людьми, уже работавшими для намеченной цели, путем сообщения интересных сведений о крае, путем группировки коллекций… поддержать интерес к учреждению и вызвать содействие новых соучастников в общей работе» [Цит. по: Масло, 2011, с. 32]. Данная идея была поддержана, и чиновник был избран в состав комиссии из пяти человек, подготовившей к декабрю 1883 года проект устава ОИАК [Масло, 2011, с. 32—33].

В период совмещения служебных обязанностей и председательства во Владивостокском отделении Общества оказания помощи и покровительства переселенцам Приморской области Н. Л. Гондатти взял на себя разработку устава приюта вдовцов и вдов при организации [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1497, л. 40 об—41].

Личное участие губернатора в процессе разработки и утверждения устава могло помочь избежать его отклонения приамурским генерал-губернатором или соответствующим министерством. Так, утвержденная редакция устава Владивостокского общества любителей гимнастики содержала правки главы области П. Ф. Унтербергера [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1178, л. 18]. Устав Общества вспомоществования недостаточным студентам Восточного института был разработан в 1900 году при участии военного губернатора Н. М. Чичагова. В июне 1901 года Чичагов получил от МВД предложение внести в устав ряд изменений, о чем уведомил председателя правления общества. Председателю удалось убедить губернатора в необходимости сохранить изначальную редакцию устава. Чичагов сообщил об этом решении в МВД, и устав был утвержден 7 декабря 1901 года [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1460, л. 9—10, 20].

4. Заключение = Consclusions

Подводя итоги, необходимо отметить, что социокультурная деятельность была широко распространена среди дальневосточных чиновников и в конце XIX — начале XX веков приобрела регулярный характер. В создании новых организаций и социокультурных объектов принимали участие губернаторы, вице-губернаторы, чиновники областного правления, главы

CC BY

окружной администрации и полиции, некоторые особые подгруппы служащих (в частности, сотрудники учреждений, занимавшихся переселением и сельским хозяйством). Наиболее активными представителями дальневосточного чиновничества выступали главы администрации (П. Ф. Унтербергер, Н. М. Чичагов) и энтузиасты, посвятившие жизнь определенной сфере внеслужебной деятельности (Ф. Ф. Буссе). Мотивы социокультурной деятельности чиновников были достаточно широкими — от обязанности, подражания и следования моде до личного интереса и стремления к развитию края. Данные мотивы не были взаимоисключающими и в различной степени проявлялись в инициативах представителей приморской администрации.

Исследование социокультурной деятельности чиновников Приморской области свидетельствует о широком спектре их интересов. Наиболее существенный вклад в исследуемый период был сделан в развитие направлений благотворительности, призрения и науки. Помимо этого, отдельные представители администрации также способствовали реализации инициатив в сферах просвещения, творчества и искусства, досуга. Основными формами вклада являлись простое участие, финансовая и материальная поддержка, помощь в разработке и утверждении устава, поиск единомышленников. В целом процесс создания общественных организаций и социокультурных объектов способствовал налаживанию взаимодействия между администрацией и местным обществом, а также укреплял связь чиновников с регионом.

Источники и принятые сокращения

1. *Гребенщиков М. Г.* Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку / М. Г. Гребенщиков. — Санкт-Петербург : Типография Я. И. Либермана, 1887. — 271 с.

2. *Исторический* очерк и отчёт Общества народных чтений за 1898—1899 год. — Владивосток, 1899. — 116 с.

3. *Любимов Л. Н.* Из жизни инженера путей сообщения / Л. Н. Любимов. — Санкт-Петербург : Типография П. Усова, 1914. — 163 с.

4. *Отчет* Общества изучения Амурского края (с 1884 по 1894 г.). — Владивосток : Типография Сибирского флотского экипажа, 1894. — 25 с.

5. РГИА ДВ — *Российский* государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1 (Приморское областное правление). Оп. 1. Д. 838. Л. 10 ; Д. 1225. Лл. 5, 14, 21—32 ; Д. 1273. Лл. 75—76 ; Д. 2428. Лл. 5 об—6 ; Д. 4383. Лл. 6—6 об. ; Д. 4430. Л. 14 ; Оп. 2. Д. 1178. Л. 18 ; Д. 1186. Лл. 1, 29 ; Д. 1319. Лл. 28—28 об. ; Д. 1328. Лл. 13об—14 ; Д. 1460. Лл. 1, 4—4 об, 9—10, 20 ; Д. 1479. Л. 38 ; Д. 1480. Лл. 2, 17, 62, 67, 70 ; Д. 1497. Лл. 24 об, 40 об—41 ; Д. 1513. Лл. 1, 6, 14 ; Д. 1521. Лл. 1, 2, 30 ; Д. 1607. Л. 12 ; Д. 1682. Л. 1 ; Д. 1830. Л. 1 ; Д. 1890. Л. 28 ; Д. 2048. Л. 9 ; Ф. 5 (Приморский областной статистический комитет). Оп. 1. Д. 526. Л. 272 ; Ф. 55 (Приморское общество сельского хозяйства). Оп. 1. Д. 7. Лл. 2—3, 21 ; Д. 36. Л. 64—64 об. ; Ф. 202 (Правление Владивостокского общества народных чтений). Оп. 1. Д. 1. Л. 134—135.

Литература

1. *130* лет со дня образования полицейского управления Хабаровска // ADSL. Kirov.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2010/05/23/130_let_so_dnya_obrazovaniya_policeyskogo_upravleniya_habarovska/ (дата обращения 09.07.2022).

2. *Баубекова С. А.* Научные и культурно-просветительские общества Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX в. : Исторический опыт деятельности : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. А. Баубекова. — Владивосток, 2016. — 266 с.

3. *Валиев М. Т.* Шимкевич Петр Поликарпович / М. Т. Валиев // Школа Карла Мая. — Режим доступа : http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3448 (дата обращения 09.07.2022).

4. *Гродеков* Николай Иванович [Электронный ресурс] // Дальневосточная государственная научная библиотека. — Режим доступа : https://fessl.ru/resources/elektronnye-resursy/local-lore/507-grodekov (дата обращения 09.07.2022).

5. *Жуков А.* Первые художники Хабаровска [Электронный ресурс] / А. Жуков // Словесница искусств. — Режим доступа : https://www.slovoart.ru/node/1236 (дата обращения 09.07.2022).

6. *Котляр Н. В.* Самодержавие и общественные организации на Дальнем Востоке : история борьбы и сотрудничества / Н. В. Котляр // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. : Историко-археологические исследования. — Владивосток : Дальнаука, 2007. — Т. 5. — Ч. 2. — С. 333—343. — ISBN 978-5-8044-0847-4.

7. *Лазарева С. И.* Благотворительность в городах Дальнего Востока как форма самоуправления (конец XIX — начало XX вв.) / С. И. Лазарева // Ойкумена. — 2010. — № 2. — С. 49—56.

8. *Лынша О. Б.* Занадворов Полиект Алексеевич [Электронный ресурс] / О. Б. Лынша // Переселенческий пункт. — Режим доступа : http://relocation.pgpb.ru/history/zanadvorov.html (дата обращения 09.07.2022).

9. *Ляшук А. В.* Василий Власьевич Перфильев : семья и служба / А. В. Ляшук // На перекрестке континентов : материалы XXXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский : Камчатская краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2014. — С. 247—252. — ISBN 978-5-88736-034-8.

10. *Масло О. А.* Общества научной мысли. О деятельности научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX вв. / О. А. Масло. — Хабаровск : Дальневосточная академия государственной службы, 2011. — 301 с.

11. *Мизь Н. Г.* Губернаторские жены в истории Дальнего Востока / Н. Г. Мизь // Губернаторское управление в России : История, современность, будущность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Владивосток : ППККГС, 1997. — С. 21—25. — ISBN 978-5-9614-2268-9 / 9785961422689.

12. *Новиков Д. Г.* Особенности формирования интеллигенции Дальнего Востока во второй половине XIX — первые годы XX веков [Электронный ресурс] / Д. Г. Новиков // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского : сборник докладов. — Благовещенск, 2000. — Режим доступа : https://textarchive.ru/c-2700792-pall.html (дата обращения 09.07.2022).

13. *Обухов Г.* Триллер длиною в жизнь [Электронный ресурс] / Г. Обухов // Дальневосточные ведомости. — 2019. — 19 декабря. — Режим доступа : http://dv-vedomosti.com/2019/12/19/%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%

B5%D1%80-%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%8E-%D0%B2-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C/ (дата обращения 09.07.2022).

14. *Очерки* истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Конец XVIII — середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В. Н. Волкова. — Новосибирск : [б. и.], 2000. — Т. 1. — 316 с. — ISBN 5-7692-0270-10 (т. 1).

15. *Петрова О. А.* Государственная политика по оказанию социальной помощи и поддержки населению Дальнего Востока России в условиях заселения и хозяйственного освоения региона : 1860—1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. А. Петрова. — Улан-Удэ, 2011. — 24 с.

16. *Поповичева Ю. Н.* Дальневосточное чиновничество как социокультурная группа / Ю. Н. Поповичева // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века) : Материалы международной научной конференции. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2004. — С. 263—267. — ISBN 5-8331-0065-8.

17. *Потапов В. Г.* К проблеме изучения социокультурной инфраструктуры провинциального города второй половины XIX — начала XX века (по материалам Западной Сибири) / В. Г. Потапов // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века : сборник материалов региональной научной конференции. — Новосибирск : РИПЭЛ, 2007. — С. 168—173.

18. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков : монография / А. В. Ремнев. — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2004. — 552 с. — ISBN 5-7779-0429-7.

19. *Сергеев О. И.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. / О. И. Сергеев, С. И. Лазарева, Г. Я. Тригуб. — Владивосток : Дальнаука, 2002. — 291 с. — ISBN 5-8044-0289-7.

20. *Троицкая Н. А.* Александр Васильевич Суханов [Электронный ресурс] / Н. А. Троицкая // Переселенческий пункт. — Режим доступа : http://relocation.pgpb.ru/history/suhanov.html (дата обращения 09.07.2022).

21. *Филатов Ю. Г.* Первое благотворительное общество [Электронный ресурс] / Ю. Г. Филатов // Энциклопедия Приморья. — Режим доступа : http://alltopprim.ru/archives/532 (дата обращения 09.07.2022).

22. *Хисамутдинов А. А.* Энтузиасты из Приамурского отдела Императорского общества востоковедения [Электронный ресурс] / А. А. Хисамутдинов // Приморский край России. — Режим доступа : http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/ocherk4.htm (дата обращения 09.07.2022).

Material resources

Grebenshchikov, M. G. (1887). *Travel notes and memoirs on the Far East.* St. Petersburg: Printing House of Ya. I. Lieberman. 271 p. (In Russ.).

Historical essay and report of the Society of Folk Readings for 1898—1899. (1899). Vladivostok. 116 p. (In Russ.).

Lyubimov, L. N. (1914). *From the life of a railway engineer.* St. Petersburg: Printing House P. Usova. 163 p. (In Russ.).

Report of the Society for the Study of the Amur Region (from 1884 to 1894). (1894). Vladivostok: Printing House of the Siberian Naval Crew. 25 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive of the Far East. F. 1 (Primorsky Regional Board); F. 5 (Primorsky Regional Statistical Committee); F. 55 (Primorsky Society of Agriculture); F. 202 (Board of the Vladivostok Society of Folk Readings). (In Russ.).

References

130 years since the formation of the Khabarovsk police Department. In: *ADSL.Kirov.ru.* Available at: http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2010/05/23/130_let_so_dnya_obrazovaniya_policeyskogo_upravleniya_habarovska / (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Baubekova, S. A. (2016). *Scientific and cultural and educational societies of the Russian Far East at the end of the XIX — beginning of the XX century.: Historical experience of activity.* PhD Diss. Vladivostok. 266 p. (In Russ.).

Filatov, Yu. G. The First Charitable Society. In: *Encyclopedia of Primorye.* Available at: http://alltopprim.ru/archives/532 (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Grodekov Nikolay Ivanovich. In: *Far Eastern State Scientific Library.* Available at: https://fes-sl.ru/resources/elektronnye-resursy/local-lore/507-grodekov (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Khisamutdinov, A. A. Enthusiasts from the Amur Department of the Imperial Society of Oriental Studies. In: *Primorsky Krai of Russia.* Available at: http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/ocherk4.htm (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Kotlyar, N. V. (2007). Autocracy and public organizations in the Far East: the history of struggle and cooperation. In: *Russian pioneers in the Far East in the XVII—XIX centuries: Historical and archaeological research, 5 (2).* Vladivostok: Dalnauka. 333—343. ISBN 978-5-8044-0847-4. (In Russ.).

Lazareva, S. I. (2010). Charity in the cities of the Far East as a form of self-government (late XIX — early XX centuries). *Oikumena, 2:* 49—56. (In Russ.).

Lyashuk, A. V. (2014). Vasily Vlasyevich Perfiliev: family and service. In: *At the crossroads of continents: materials of XXXI Krasheninnikov readings.* Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka Regional Scientific Library named after S. P. Krasheninnikov. 247—252. ISBN 978-5-88736-034-8. (In Russ.).

Lynsha, O. B. Zanadvorov Polyekt Alekseevich. In: *Resettlement point.* Available at: http://relocation.pgpb.ru/history/zanadvorov.html (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Miz, N. G. (1997). Gubernatorial wives in the history of the Far East. In: *Gubernatorial administration in Russia: History, modernity, future. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference.* Vladivostok: PPKKGS. 21—25. ISBN 978-5-9614-2268-9 / 9785961422689. (In Russ.).

Novikov, D. G. (2000). Features of the formation of the intelligentsia of the Far East in the second half of the XIX — first years of the XX centuries. In: *Readings in memory of Professor Evgeny Petrovich Sychevsky: collection of reports.* Blagoveshchensk. Available at: https://textarchive.ru/c-2700792-pall.html (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Obukhov, G. (2019). Thriller of a lifetime. In: *Far Eastern Vedomosti. December 19.* Available at: http://dvvedomosti.com/2019/12/19/%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%80-%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%8E-%D0%B2-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C / (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Oil, O. A. (2011). *Of the Society of Scientific Thought. On the activities of scientific societies in the Russian Far East in the late XIX — early XX centuries.* Khabarovsk: Far Eastern Academy of Public Service. 301 p. (In Russ.).

Petrova, O. A. (2011). *State policy on providing social assistance and support to the population of the Russian Far East in the conditions of settlement and economic development of the region: 1860—1917.* PhD Diss. Ulan-Ude. 24 p. (In Russ.).

Popovicheva, Yu. N. (2004). Far Eastern officialdom as a socio-cultural group. In: *Migration processes in the Far East (from ancient times to the beginning of the XX century): Materials of the international scientific conference.* Blagoveshchensk: BSPU Publishing House. 263—267. ISBN 5-8331-0065-8. (In Russ.).

Potapov, V. G. (2007). On the problem of studying the socio—cultural infrastructure of a provincial city in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of Western Siberia). In: *The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia of the XVII — early XX century: a collection of materials of a regional scientific conference.* Novosibirsk: RIPEL. 168—173. (In Russ.).

Remnev, A. V. (2004). *Russia of the Far East. Imperial geography of power of the XIX — early XX centuries: monograph.* Omsk: Omsk State University Publishing House. 552 p. ISBN 5-7779-0429-7. (In Russ.).

Sergeev, O. I., Lazareva, S. I., Trigub, G. Ya. (2002). *Local self—government in the Russian Far East in the second half of the XIX — early XX century.* Vladivostok: Dalnauka. 291 p. ISBN 5-8044-0289-7. (In Russ.).

Troitskaya, N. A. Alexander Vasilyevich Sukhanov. In: *Resettlement point.* Available at: http://relocation.pgpb.ru/history/suhanov.html (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Valiev, M. T. *Shimkevich Pyotr Polikarpovich. School of Karl May.* Available at: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3448 (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Volkov, V. N. (ed.). (2000). *Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East. The end of the XVIII — mid-90s of the XIX century, 1.* Novosibirsk: [b. i.]. 316 p. ISBN 5-7692-0270-10 (vol. 1). (In Russ.).

Zhukov, A. The first artists of Khabarovsk. In: *Slovesnitsa of Arts.* Available at: https://www.slovoart.ru/node/1236 (accessed 09.07.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2022,
одобрена после рецензирования 23.07.2022,
подготовлена к публикации 28.08.2022.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература
	10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
	10.01.08 Теория литературы. Текстология
	10.01.09 Фольклористика
	10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык
	10.02.03 Славянские языки
	10.02.04 Германские языки
	10.02.19 Теория языка
	10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история
	07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
	07.00.07 Этнография, этнология и антропология
	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела
Текст
3.3. Тематическое название раздела
Текст

4. Заключение = Conclusions
Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения
(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).
ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:
1. АА — *Архив* авторов.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:
2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:
4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.
ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).
ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:
6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Contents

Linguistics

Ivanov, A. V. For Never Was a Mazier Mystery Than That of Phoneme and Its History 9

Kinderknekht, A. S., Kolada, V. V. Term Mediation in Modern Scientific Research on Translation 30

Lappo, M. A., Pozsgai, I. Representation of National and Cultural Identity in Hungarian Translation of E. Vodolazkin's Novel "Laurus" 50

Lebedeva, O. A., Smirnova, E. E. Evaluative Potential of Lexemes — Representatives of the Concept TRUE in Russian 70

Mikheeva, N. F., Popova, E. A., Ignashina, Z. N. Intervariant Linguistic Phenomena in Semantic Field "Baking" in National Variants of Spanish 89

Nikitin, O. V. S. I. Ozhegov: "I'm Writing to You on a Typewriter..." (Linguistic Sketches of 1950—1960s) 106

Riabtseva, N. K. Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective 123

Semenova, N. V., Polezhaeva, Zh. Yu. "Who is Bright is Holy": Situation of Light Designation in Akathists to Russian Saints 140

Tsybenova, Ch. S., Zhalsanova, V. G. Russian Language in Everyday Discourse of Mongols (Data from an Expert Survey) 158

Media communications and journalism

Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. Combination 'New Sincerity' in Lexicographic Aspect 183

Li Xiaoge. Abbreviated Chinese Words of Coronavirus Era with a Structural-Semantic Component 'in a Cloud Format' 202

Manukyan, Ya. A., Trofimova, N. A. COVID-19 Pandemic in German Humor 218

Rebrina, L. N. Internet Memes of 2019—2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity 235

Literary studies. Folklore

Borisov, Yu. P. Reconstruction of Olonkho "Tyobyo Tyoryuyokh hero" of Olonkhosut I. M. Zhendrinsky 269

Danilova, N. K. 'Imagination of North' in Author's Landscape of V. L. Seroshevsky 288

Egorova, K. B. “Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania, or Supplement to histories of Lithuanian, Russian, Polish-Prussian” : Translation and Publication of Work of August Kotzebue in Russian Empire.....302

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Translation Principles of Vadim Shershenevich and Their Implementation in Translations of Playwrights of William Shakespeare: “King John” and “Cymbeline”.....315

Urtmintseva, M. G., Skachkova, V. N. Voice-Over Text in Documentary Film Discourse.....334

History

Buslaev, G. N., Reinhardt, R. O. Relations between USSR and FRG in 1955—1982: Energy Aspect.....351

Evdokimov, Ia. S., Naukhatsky, V. V. Transformation of Model of Relations between Authorities and Media of Rostov Region in 1985—1991.....372

Kaziev, E. V. Socio-Political Situation of Alania on Eve of Mongol Conquest.....391

Kolegov, S. S. Events of Prut Campaign according to Reports of English Diplomat Charles Whitworth to Secretary of State S. John.....412

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N. Development of Education in Siberia in First Quarter of 18th Century.....429

Mamyachenkov, V. N., Anisimov, A. L., Molokova, E. L. State of Agriculture in Middle Urals in “Stagnant” Decade (1971—1980): Development or Stagnation?.....454

Popov, A. D. “Building of Friendship” in Relations of Soviet Union and East Germany (1949—1989).....471

Prazdnikov, A. G. Relationship between Lords and Gentry in England in Second Half of 15th Century in Context of ‘Bastard Feudalism’ Concept: a Prosopographic Analysis.....488

Filimonov, A. V. Provincial Officials of Far East and Formation of Regional Public Organizations in Last Quarter of 19th — Early 20th Centuries.....505

TO AUTHORS.....531

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 29.08.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,37. Тираж 500 экз. Заказ 15/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена